СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЭДГАРА ПО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16.
1896.

Дозволено цензурою. Спб. [illegible] г.

Редакторъ
Н. М. [illegible]

РАЗСКАЗЫ.

Переводъ М. А. Энгельгардта.

Золотой жукъ.

Смотрите! смотрите! этотъ малый взбѣсился, его укусилъ тарантулъ.
All in the Wrong.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я подружился съ Вильямомъ Легранъ. Онъ принадлежалъ къ старинной протестантской фамиліи и былъ когда-то богатъ, но рядъ неудачныхъ предпріятій довелъ его до раззоренія. Непріятности и униженія, послѣдовавшія за этимъ несчастіемъ, заставили его покинуть родной городъ, Нью-Орлеанъ, и переселиться на островъ Сюлливана, близь Чарльстона въ Южной Каролинѣ.

Это весьма замѣчательный островъ. Онъ состоитъ почти сплошь изъ морского песка. Длина его три, наибольшая ширина—четверть мили. Онъ отдѣленъ отъ материка едва замѣтнымъ рукавомъ, пробирающимся сквозь густыя заросли тины и камыша: пріютъ болотныхъ курочекъ. Растительность, какъ можно себѣ представить, скудная, низенькая; сколько-нибудь крупныхъ деревьевъ незамѣтно. Только на западной оконечности острова, вокругъ форта Моультри и жалкихъ избенокъ, занимаемыхъ въ лѣтнее время чарльстонскими жителями, спасающимися отъ городской пыли и духоты,—раскинулись рощицы колючихъ пальметто; но, за исключеніемъ этого мѣстечка и полосы плотнаго бѣлаго песка вдоль берега, весь островъ одѣтъ густыми зарослями душистой мирты, столь цѣнимой англійскими садовниками. Мѣстами этотъ кустарникъ достигаетъ пятнадцати-двадцати футовъ въ высоту, образуя почти непроницаемую чащу и наполняя воздухъ благоуханіемъ.

Въ самой глуши этихъ зарослей, недалеко отъ восточной оконечности острова, Легранъ выстроилъ себѣ хижину, гдѣ и проживалъ въ то время, когда я совершенно случайно познакомился съ нимъ. Знакомство вскорѣ превратилось въ дружбу, такъ какъ многія черты въ характерѣ отшельника внушали сочувствіе и уваженіе. Я убѣдился, что онъ получилъ хорошее образованіе, обладаетъ недюжиннымъ умомъ, но зараженъ мизантропіей и подверженъ

страннымъ перемежающимся припадкамъ энтузіазма и меланхоліи. Онъ захватилъ съ собою много книгъ, но почти не занимался чтеніемъ. Любимымъ его времяпровожденіемъ была охота, рыбная ловля, прогулки по морскому берегу и среди зарослей, собираніе раковинъ и насѣкомыхъ. Его энтомологической коллекціи позавидовалъ бы Сваммердамъ. Въ этихъ экскурсіяхъ сопровождалъ его старикъ негръ, Юпитеръ, служившій въ семьѣ еще до раззоренія. Ни угрозы, ни обѣщанія не могли заставить Юпитера отказаться отъ того, что онъ считалъ своимъ правомъ ухаживать за «молодымъ масса Виллемъ». Весьма возможно, что родственники Леграна, опасавшіеся за его разсудокъ, поддерживали упрямство стараго негра, въ видахъ надзора и ухода за отшельникомъ.

Зимы на широтѣ Сюлливанъ-Айленда рѣдко бываютъ суровыя, и въ концѣ года почти не приходится топить печи. Однако, въ половинѣ Октября 18** выдался замѣчательно холодный день. Передъ самымъ закатомъ я пробрался сквозь чащу вѣчно зеленыхъ кустарниковъ къ хижинѣ моего пріятеля, котораго не навѣщалъ уже нѣсколько недѣль. Я жилъ тогда въ Чарльстонѣ, въ девяти миляхъ отъ острова, а сообщеніе между этими двумя пунктами было въ тѣ времена далеко не такъ удобно какъ нынѣ. Добравшись до хижины, я постучалъ, по своему обыкновенію, но не получивъ отвѣта, отыскалъ ключъ (я зналъ, гдѣ онъ хранится), отворилъ дверь и вошелъ. Яркій огонь пылалъ въ печи. Это была новость, — и очень пріятная. Я снялъ пальто, подвинулъ стулъ поближе къ весело трещавшимъ дровамъ и терпѣливо ждалъ хозяевъ.

Вскорѣ послѣ заката они явились и привѣтствовали меня очень сердечно. Юпитеръ, оскаливъ ротъ до ушей, принялся ощипывать болотныхъ курочекъ и стряпать ужинъ. Легранъ оказался на этотъ разъ въ припадкѣ—какъ бы точнѣе выразиться?—энтузіазма. Онъ нашелъ неизвѣстную еще двустворчатую раковину и поймалъ, съ помощью Юпитера, совершенно новаго scarabaeus, котораго обѣщалъ показать мнѣ завтра утромъ.

— Почему же не сегодня?—спросилъ я, потирая руки передъ огнемъ и мысленно посылая къ чорту весь родъ scarabaeus'овъ.

— Да, если бъ я зналъ, что вы будете!—отвѣчалъ Легранъ,— но вы такъ давно не навѣщали меня; могъ-ли я угадать, что вы придете именно сегодня. Возвращаясь домой, я встрѣтилъ поручика Г. изъ форта, и имѣлъ глупость отдать ему жука, такъ что вамъ не удастся видѣть его до завтра. Оставайтесь ночевать; Джэпъ сбѣгаетъ за нимъ на разсвѣтѣ. Нѣтъ ничего прекраснѣе въ цѣломъ мірѣ.

— Прекраснѣе разсвѣта?

— Что?.. вздоръ!.. жука, а не разсвѣта. Онъ яркаго золотого

цвѣта—величиной съ крупный орѣхъ—съ двумя черными, какъ уголь, пятнышками на верхнемъ концѣ тѣла, и третьимъ, подлиннѣе, на нижнемъ. Его antennae и голова...

— Олова совсѣмъ нѣтъ, масса Вилль,—перебилъ Юпитеръ,—жукъ золотой, весь золотой, вверху и внизу, никогда не видалъ такого тяжелаго жука.

— Допустимъ, что ты правъ, Джэпъ,—возразилъ Легранъ, какъ мнѣ показалось, болѣе серьезнымъ тономъ, чѣмъ требовали обстоятельства,—но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что дичь должна быть подожжена? Дѣйствительно,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—его цвѣтъ почти оправдываетъ идею Джэпа. Врядъ-ли вы когда-нибудь видали подкрылья съ такимъ яркимъ металлическимъ блескомъ... да вотъ, завтра сами посмотрите. Пока, я хочу дать вамъ понятіе о его формѣ.—Съ этими словами онъ усѣлся за столикъ, на которомъ стояла чернильница съ перомъ, но бумаги не было. Онъ пошарилъ въ столѣ, и тамъ ничего не оказалось.

— Все равно,—сказалъ онъ, наконецъ,—и эта годится,—и вытащивъ изъ кармана клочекъ грязной бумаги, набросалъ перомъ рисунокъ. Пока онъ возился съ нимъ, я по прежнему грѣлся у огня, такъ какъ все еще чувствовалъ ознобъ. Кончивъ рисунокъ, онъ передалъ его мнѣ, не вставая съ мѣста. Въ эту минуту послышался лай и кто-то сталъ царапаться въ дверь. Юпитеръ отворилъ и огромный нью-фаундлендъ ворвался въ комнату, кинулся мнѣ на плечи и осыпалъ меня своими собачьими ласками: я подружился съ нимъ еще въ прежнія посѣщенія. Когда онъ угомонился, я взглянулъ на бумажку и, правду сказать, былъ очень удивленъ рисункомъ моего друга.

— Да,—сказалъ я, поглядѣвъ на него,—признаюсь, дѣйствительно странный scarabaeus, совершенно новый для меня, никогда не видалъ ничего подобнаго, кромѣ развѣ черепа. На черепъ онъ очень похожъ.

— На черепъ?—повторилъ Легранъ,—а... да... пожалуй, на рисункѣ онъ нѣсколько напоминаетъ черепъ. Два черныя пятнышка на верхнемъ концѣ похожи на глаза, а длинное на нижнемъ напоминаетъ ротъ, общая же форма овальная.

— Можетъ быть, можетъ быть,—отвѣчалъ я,—но, Легранъ, боюсь, что вы не мастеръ рисовать. Дождусь жука, тогда самъ увижу.

— Ну, не знаю,—сказалъ онъ, слегка уколотый,—я, кажется, рисую сносно,—по крайней мѣрѣ, долженъ рисовать сносно. Учителя у меня были хорошіе, да и самъ я, кажется, не былъ олухомъ.

— Въ такомъ случаѣ, дружище, вы просто подшутили надо

мною,—возразилъ я,—это очень недурной черепъ, даже превосходный черепъ, имѣя въ виду обычное представленіе объ этомъ анатомическомъ препаратѣ, и если вашъ scarabaeus похожъ на него, то это дѣйствительно самый странный scarabaeus въ свѣтѣ. Право, онъ можетъ подать поводъ къ какому-нибудь суевѣрію. Вы, конечно, назовете его scarabaeus caput hominis или какъ-нибудь въ этомъ родѣ: такія названія часто встрѣчаются въ естественной исторіи. Но вы упоминали объ antennae... я ихъ не вижу.

— Antennae!—сказалъ Легранъ, повидимому, очень горячо относившійся къ этому предмету,—неужели вы ихъ не видите? Я нарисовалъ ихъ такъ же отчетливо, какъ онѣ видны у самого жука; надѣюсь, этого довольно.

— Ну, ну,—отвѣчалъ я,—можетъ быть, вы и нарисовали, только я ихъ не вижу.—Съ этими словами я протянулъ Леграну бумажку, не желая портить его настроеніе. Но меня удивляла вся эта исторія, и сбивало съ толку его раздраженіе, такъ какъ на рисункѣ положительно не было никакихъ antennae, и въ цѣломъ онъ дѣйствительно напоминалъ черепъ, какъ его рисуютъ обыкновенно.

Онъ принялъ бумагу съ нетерпѣливымъ жестомъ и хотѣлъ скомкать ее и бросить въ огонь, но, случайно взглянувъ на рисунокъ, остановился, видимо чѣмъ-то пораженный. Лицо его побагровѣло,—потомъ сильно поблѣднѣло. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ внимательно разсматривалъ рисунокъ. Затѣмъ всталъ, взялъ со стола свѣчу и усѣлся на сундукѣ въ самомъ отдаленномъ углу комнаты. Тутъ онъ снова углубился въ разсматриваніе бумаги, вертя ее во всѣ стороны. Однако, ничего не сказалъ, и хотя его поведеніе очень удивляло меня,—я не хотѣлъ усиливать его раздраженіе разспросами. Наконецъ, онъ досталъ изъ кармана бумажникъ, тщательно уложилъ въ него рисунокъ, и спряталъ въ конторку, замкнувъ ее на ключъ. Повидимому, онъ успокоился, но прежнее настроеніе уже не возвращалось къ нему. Впрочемъ, онъ казался скорѣе задумчивымъ, чѣмъ угрюмымъ. Задумчивость эта росла съ часу на часъ и всѣ мои попытки разсѣять ее оставались тщетными. Я хотѣлъ было переночевать въ хижинѣ, какъ часто дѣлалъ раньше, но, видя хозяина въ такомъ настроеніи, предпочелъ уйти. Онъ не удерживалъ меня, хотя на прощанье пожалъ мнѣ руку сердечнѣе, чѣмъ когда-либо.

Спустя мѣсяцъ (въ теченіе котораго я ничего не слыхалъ о Легранѣ), ко мнѣ въ Чарльстонъ явился его слуга Юпитеръ. Я никогда еще не видалъ добродушнаго стараго негра въ такихъ растрепанныхъ чувствахъ и не на шутку испугался,—не случилось-ли бѣды съ моимъ пріятелемъ.

— Что скажешь, Джэпъ?—спросилъ я,—какъ дѣла? Какъ поживаетъ твой господинъ?

— Сказать правда, масса, подживаетъ не хорошо, не такъ здоровъ.

— Не здоровъ! Очень грустно слышать. На что же онъ жалуется?

— Зачѣмъ жалобится? совсѣмъ не жалобится! онъ очень боленъ.

— Очень боленъ, Юпитеръ? Что же ты сразу не сказалъ? Что жъ онъ лежитъ?

— Что лежитъ? ничего не лежитъ! моей душѣ очень грузно про бѣдный масса Вилль.

— Что ты мелешь, Юпитеръ? понять не могу. Ты сказалъ, что твой баринъ заболѣлъ. Развѣ онъ не говорилъ тебѣ, что его мучитъ?

— Нѣтъ, масса, въ этомъ дѣлѣ голова съ ума пойдетъ... масса Вилль не говоритъ ни однимъ словомъ... тогда зачѣмъ ходить, плечи внизъ, голова вверхъ и бѣлый какъ гусь? И все время писать фигурки...

— Что писать, Джэпъ?

— Писать фигурки на грифельной доскѣ... такихъ смѣшныхъ фигурокъ я никогда не видалъ. Я говорю, онъ подмѣшанъ. Надо глядѣть за нимъ строго. Тотъ разъ убѣжалъ на зарѣ... гулялъ цѣлый день не дома... Я сдѣлалъ дубину... хотѣлъ отдуть... но онъ пришелъ такой несчастный и мнѣ глупому становилось жалко...

— Какъ?.. что?.. да! нѣтъ, не обращайся съ нимъ жестоко... не бей его, Юпитеръ, онъ не вынесетъ этого. Но что же вызвало эту болѣзнь или эту перемѣну въ поведеніи?—Случилось что-нибудь непріятное послѣ того какъ я былъ у васъ?

— Нѣтъ, масса, послѣ тогда не было непріятнаго, а раньше тогда было... въ томъ самомъ дню.

— Какъ? Что ты хочешь сказать?

— Да, масса, я говорю, это жукъ.

— Что?

— Жукъ непремѣнно кусалъ ему голову.

— Да почему же ты такъ думаешь, Джэпъ?

— Когти огромные и морда. Такой проклятый жукъ—кусаетъ, хватаетъ что ни дай. Масса Вилль хвать его за ногу и бросилъ,—я и говорю, тогда жукъ его кусалъ. Я не хваталъ ногу, а взялъ бумажку, и жука въ бумажку, и совалъ ему въ морду бумажку—вотъ какъ.

— Такъ ты думаешь, что жукъ укусилъ твоего господина и отъ этого онъ заболѣлъ?

— Зачѣмъ думать, нечего думать,—я знаю. Зачѣмъ ему видѣть во снѣ жука—коли жукъ не кусалъ его?

— Да почемъ же ты знаешь, что онъ видитъ во снѣ жука?

— Почемъ знаю? вотъ: онъ говоритъ во снѣ про жука,—вотъ почемъ знаю."

— Ну, можетъ быть, ты и правъ, Джэпъ; но какому счастливому обстоятельству обязанъ я честью твоего посѣщенія?

— Что такое, масса?

— Ты съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ г. Леграна?

— Нѣтъ, масса, у меня только грамотка,—съ этими словами Юпитеръ подалъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія:

«Дорогой мой—что это васъ не видно? Неужели вы обидѣлись на какую-нибудь brusquerie съ моей стороны; нѣтъ, это невѣроятно.

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ, меня одолѣваютъ заботы. Мнѣ нужно разсказать вамъ объ одной вещи; но какъ разсказать,—я и самъ не знаю; не знаю даже, слѣдуетъ-ли разсказывать.

«Въ послѣднее время мнѣ нездоровилось, и старикашка Юпитеръ доѣхалъ меня своими заботами. Повѣрите-ли? на-дняхъ онъ вырѣзалъ здоровенную дубину и хотѣлъ отколотить меня за то, что я ушелъ утромъ, не разбудивши его, и прошлялся весь день, solus, среди холмовъ. Кажется, только мой болѣзненный видъ избавилъ меня отъ трепки.

«Со времени нашей послѣдней встрѣчи я ничего не прибавилъ къ своей коллекціи.

«Если возможно, пріѣзжайте съ Юпитеромъ. Пріѣзжайте. Мнѣ бы хотѣлось видѣть васъ сегодня, по важному дѣлу. Увѣряю васъ, по въ высшей степени важному дѣлу. Весь вашъ

Вильямъ Легранъ».

Что-то особенное въ тонѣ этой записки серьезно обезпокоило меня. Она совсѣмъ не походила на письма Леграна. Что за фантазія пришла ему въ голову? Какая новая химера обуяла его впечатлительный мозгъ? Какое «въ высшей степени важное дѣло» можетъ случиться у него? Разсказъ Юпитера не сулилъ ничего добраго. Я опасался, что постоянныя неудачи въ концѣ концовъ серьезно повредили разсудокъ моего друга. Въ виду этого, я, не медля ни минуты, отправился съ негромъ.

У берега насъ ожидала лодка, на днѣ которой я увидѣлъ косу и два заступа.

— Это зачѣмъ же, Джэпъ?—спросилъ я.

— Ему коса и лопатки, масса.

— Вижу, да зачѣмъ онѣ ему?

— Ему коса и лопатки масса Вилль приказалъ купить въ городѣ и я платилъ за нихъ дьявольскую кучу денегъ.

— Да объясни же мнѣ, ради всего таинственнаго, на что твоему «массѣ Вилль» коса и лопаты?

— Это я не знаю, и дьяволъ меня возьми, если онъ самъ знаетъ. Но это все жукъ виноватъ.

Видя, что отъ Юпитера, мысли котораго сосредоточились на жукѣ, ничего путнаго не добьешься, я усѣлся въ лодку и поднялъ парусъ. Свѣжій сильный вѣтеръ живо доставилъ насъ въ заливчикъ къ сѣверу отъ форта Моультри; отсюда мы прошли пѣшкомъ къ хижинѣ. Было около трехъ часовъ пополудни, когда мы до нея добрались. Легранъ ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ. Онъ схватилъ и потрясъ мою руку съ нервнымъ empressement, которое усилило мои подозрѣнія. Лицо его поразило меня своей призрачной блѣдностью; глубокіе глаза свѣтились неестественнымъ блескомъ. Освѣдомившись о его здоровьѣ и не зная, что сказать еще, я спросилъ, получилъ-ли онъ scarabaeus'а отъ поручика Г.

— О, да—отвѣчалъ онъ, сильно покраснѣвъ,—получилъ на другое утро. Я ни за что не разстанусь съ этимъ scarabaeus'омъ. Вѣдь Юпитеръ-то правъ!

— Какъ такъ?—спросилъ я, предчувствуя бѣду.

— Помните, онъ говорилъ, что жукъ изъ чистаго золота.— Эти слова Легранъ произнесъ тономъ глубокаго убѣжденія, смутившимъ меня до нельзя.

— Этотъ жукъ составитъ мое счастье,—продолжалъ онъ съ торжествующей улыбкой,—возвратитъ мнѣ мои наслѣдственныя имѣнія. Какъ же мнѣ не восхищаться имъ. Фортуна послала его мнѣ и я долженъ только съумѣть пустить его въ ходъ, чтобы найти золото, которое онъ указываетъ. Юпитеръ, принеси мнѣ жука!

— Что? жука, масса? Нѣтъ, я не тронусь отъ мѣста для жука—несите сами!—Легранъ всталъ съ важнымъ и серьезнымъ видомъ, досталъ жука изъ коробки и показалъ мнѣ. Scarabaeus былъ дѣйствительно очень красивъ, и въ то время еще неизвѣстенъ натуралистамъ—находка безспорно интересная съ научной точки зрѣнія. На верхнемъ концѣ спинки у него было два черныхъ пятнышка, на нижнемъ одно подлиннѣе. Твердыя блестящія надкрылья горѣли, какъ золото. Насѣкомое оказалось замѣчательно тяжелымъ, такъ что, принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, я не удивился мнѣнію Юпитера; но рѣшительно не понималъ, какъ могъ Легранъ согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ.

— Я послалъ за вами,—сказалъ онъ торжественнымъ тономъ, когда я осмотрѣлъ жука,—я послалъ за вами, чтобы просить у васъ совѣта и помощи въ осуществленіи указаній судьбы и жука...

— Дорогой Легранъ,—воскликнулъ я, перебивая его,—вы нездоровы, вамъ слѣдуетъ быть осторожнымъ. Лягте-ка лучше, а я

останусь съ вами нѣсколько дней, пока вы не поправитесь. У васъ лихорадка и...

— Пощупайте мой пульсъ,—сказалъ онъ.

Я пощупалъ и, правду сказать, не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ лихорадки.

— Но вы можете быть больны и безъ лихорадки. Послушайтесь меня хоть разъ. Во-первыхъ, ложитесь въ постель. Во-вторыхъ...

— Вы ошибаетесь,—перебилъ онъ,—я здоровъ, какъ только можно быть здоровымъ при моемъ возбужденіи. Если вы дѣйствительно расположены ко мнѣ, помогите мнѣ избавиться отъ этого возбужденія.

— Какъ же я могу вамъ помочь?

— Очень просто. Я предпринимаю съ Юпитеромъ небольшую экскурсію на материкъ, въ этой экскурсіи намъ понадобится помощь третьяго лица, на которое мы могли бы положиться. Вы единственный человѣкъ, которому я могу довѣрять. Удастся-ли намъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, мое возбужденіе пройдетъ.

— Я радъ вамъ помочь всѣмъ, чѣмъ могу,—отвѣчалъ я,—но скажите: этотъ проклятый жукъ имѣетъ связь съ вашей экскурсіей?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, Легранъ, я не могу принять участія въ этомъ нелѣпомъ предпріятіи.

— Жаль, очень жаль, придется намъ взяться за него одним.

— Одним! Нѣтъ, онъ рѣшительно сумасшедшій!.. постойте!.. на долго вы думаете отправиться?

— По всей вѣроятности, на всю ночь. Мы отправляемся сейчасъ, а вернемся на разсвѣтѣ.

— Дайте мнѣ слово, что когда ваша причуда будетъ исполнена и исторія съ жукомъ (Господи!) уладится къ вашему удовольствію, вы вернетесь домой и будете слушаться меня, какъ слушались бы своего врача.

— Извольте, даю слово; а теперь въ путь, намъ нельзя терять времени.

Сь тяжелымъ сердцемъ послѣдовалъ я за своимъ другомъ. Мы отправились въ четыре часа,—Легранъ, Юпитеръ, собака и я. Юпитеръ потащилъ косу и заступы; онъ во что бы то ни стало хотѣлъ нести всѣ эти орудія самъ, повидимому, не столько вслѣдствіе избытка усердія или любезности, сколько потому, что боялся довѣрить ихъ своему господину.

Онъ былъ золъ, какъ собака, и единственныя слова, вырывав-

шіяся изъ его устъ во все время пути, были: «Проклятый жукъ!» Я несъ пару потайныхъ фонарей, а Легранъ scarabaeus'а. Онъ привязалъ его на веревочку и размахивалъ ею съ видомъ заклинателя. При видѣ этого слишкомъ яснаго доказательства безумія моего друга я едва могъ удержаться отъ слезъ. Но я все-таки счелъ за лучшее потакать его причудамъ, пока не представится случай принять болѣе энергическія мѣры съ надеждой на успѣхъ. Мнѣ не удалось, однако, добиться толку насчетъ цѣли нашего путешествія. Убѣдивъ меня отправиться съ нимъ вмѣстѣ, онъ, повидимому, не желалъ разговаривать о менѣе важныхъ предметахъ и на всѣ мои вопросы отвѣчалъ только:—Увидимъ!

Мы переправились черезъ проливъ на челнѣ и, поднявшись на высокій берегъ материка, направились въ сѣверо-западномъ направленіи. Въ этой дикой унылой мѣстности, кажется, еще не ступала нога человѣческая. Легранъ шелъ безъ колебаній, останавливаясь время отъ времени и провѣряя путь по замѣткамъ, которыя онъ сдѣлалъ, повидимому, въ одну изъ прежнихъ прогулокъ.

Такъ шли мы часа два и къ закату солнца очутились въ мѣстности еще болѣе угрюмой. Это былъ родъ плоскогорія близь вершины почти неприступнаго холма, густо заросшаго лѣсомъ и усѣяннаго огромными скалами, которыя, повидимому, свободно лежали на землѣ, такъ что многія скатились бы внизъ, если бы ихъ не задерживали деревья. Глубокія ущелья, пересѣкавшія эту мѣстность по всѣмъ направленіямъ, придавали ей еще болѣе мрачный, торжественный видъ.

Площадка, по которой мы шли, густо заросла цѣпкими кустарниками, сквозь которые невозможно было продраться безъ помощи косы. Юпитеръ, по приказанію своего барина, принялся расчищать намъ тропинку къ подножію огромнаго тюльпаннаго дерева, которое возвышалось среди группы дубовъ, далеко превосходя ихъ и всѣ остальныя деревья, попадавшіяся въ этой мѣстности, красотою листьевъ и очертаній, громадностью раскидистыхъ вѣтвей и общимъ величавымъ видомъ. Когда мы добрались до этого дерева, Легранъ спросилъ Юпитера, можетъ-ли онъ влѣзть на него. Старикъ, повидимому, былъ нѣсколько удивленъ этимъ вопросомъ, и не сразу отвѣтилъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ высокому стволу, медленно обошелъ вокругъ него и внимательно осмотрѣлъ дерево. Затѣмъ, кончивъ осмотръ, сказалъ:

— Да, масса, Юпитеру влѣзть на всякое дерево, какое только видѣлъ въ жизни.

— Ну, такъ влѣзай же на него поскорѣе, а то стемнѣетъ и мы не успѣемъ кончить работу.

— Высоко лѣзть, масса?—спросилъ Юпитеръ.

— Сначала до первыхъ вѣтвей, а тамъ я скажу, куда... постой! захвати съ собой жука.

— Жука, масса Вилль? Золотой жукъ? — воскликнулъ негръ, отшатнувшись,—зачѣмъ жуку лазить на дерево?—не хочу!

— Послушай, Джэпъ, если ты, здоровый рослый негръ, боишься этой безобидной мертвой твари, то можешь держать ее на веревочкѣ,—но во всякомъ случаѣ ты возьмешь его съ собой, или я принужденъ буду проломить тебѣ голову этимъ заступомъ.

— Зачѣмъ такъ дѣлать, масса? — возразилъ Джэпъ, сдаваясь, — всегда обижать стараго негра. Я боится жука! что за важность жукъ!—Тутъ онъ осторожно взялъ конецъ веревочки и, стараясь держать жука какъ можно дальше отъ себя, полѣзъ на дерево.

Тюльпанное дерево, Liriodendron tulipiferum, великолѣпнѣйшее изъ американскихъ деревьевъ, въ молодости имѣетъ совершенно гладкую кору и часто не даетъ боковыхъ сучьевъ до значительной высоты; но съ возрастомъ кора становится шероховатой и неровной, такъ какъ на стволѣ появляется множество коротенькихъ сучковъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, влѣзть на дерево было не такъ трудно, какъ казалось. Охвативъ высокій цилиндръ какъ можно плотнѣе руками и колѣнями, цѣпляясь за всякій выступъ руками и упираясь босыми ногами въ выступы коры, Юпитеръ полѣзъ на дерево и, раза два-три счастливо избѣжавъ паденія, взобрался, наконецъ, на первый большой сукъ и усѣлся на немъ, считая, повидимому, свою задачу оконченной. Дѣйствительно опасность теперь миновала, хотя сукъ находился на высотѣ шестидесяти или семидесяти футовъ.

— Куда теперь полѣзать, масса Вилль?—спросилъ онъ.

— Взбирайся вверхъ по самой большой вѣткѣ,—вонъ той, видишь?—крикнулъ Легранъ.—Негръ тотчасъ повиновался и, повидимому, безъ особенныхъ затрудненій сталъ взбираться все выше и выше, пока его коренастая фигура не исчезла въ густой листвѣ. Наконецъ, послышался его голосъ:

— Что теперь дѣлать?

— Далеко-ли ты забрался?

— Далеко,—далеко—отвѣчалъ негръ,—видѣть небо наверху.

— Оставь небо въ покоѣ, и слушай меня. Сосчитай, сколько суставовъ на вѣткѣ отъ ствола до того мѣста, гдѣ ты сидишь.

— Одна, двѣ, три, четыре, пять—нѣтъ пять—на пятый я сѣлъ, масса.

— Поднимись еще на одинъ суставъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній Юпитеръ закричалъ, что добрался до седьмого сустава.

— Теперь, Юпитеръ,—крикнулъ Легранъ съ очевиднымъ волненіемъ,—поднимайся по седьмому суставу и, если увидишь на немъ что-нибудь особенное, скажи мнѣ.

Къ этому времени у меня не оставалась никакихъ сомнѣній насчетъ болѣзненнаго состоянія моего друга. Мнѣ казалось очевиднымъ, что онъ находится въ припадкѣ умопомѣшательства, и съ безпокойствомъ думалъ, какъ бы увести его домой. Пока я соображалъ, какъ за это взяться, голосъ Юпитера послышался снова.

— Страшно лазить на этотъ сукъ—совсѣмъ мертвый, сломится.

— Ты говоришь мертвый, Юпитеръ?—крикнулъ Легранъ прерывающимся голосомъ.

— Да, масса, какъ дверной гвоздь—совсѣмъ не живой.

— Господи, что же мнѣ дѣлать?—воскликнулъ Легранъ съ отчаяніемъ.

— Что дѣлать?—подхватилъ я, радуясь случаю вмѣшаться,—идти домой и лечь спать. Пойдемте!—уже поздно и притомъ вы обѣщали.

— Юпитеръ,—крикнулъ Легранъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на мои слова,—слышишь-ли ты меня?

— Да, масса Вилль, мнѣ очень ясно слышать.

— Попробуй дерево ножомъ,—очень оно гнилое?

— Не очень гнилое, масса,—отвѣчалъ негръ спустя нѣсколько мгновеній,—бываетъ больше гнилое. Вѣрно мнѣ бы влѣзать самому.

— Самому? что ты хочешь сказать?

— Я говорю про жука. Очень тяжелый жукъ. Надо его бросить—тогда сукъ не ломается отъ одного негра.

— Ахъ, ты, чортова каналья!—закричалъ Легранъ съ видимымъ облегченіемъ.—Только попробуй у меня бросить жука—и я сверну тебѣ шею. Слушай, Юпитеръ,—слышишь ты меня?

— Да, масса, зачѣмъ такъ ругать бѣднаго негра.

— Ладно, слушай хорошенько: если ты влѣзешь на этотъ сукъ и не выпустишь жука, я подарю тебѣ серебряный долларъ.

— Влѣзъ, масса Вилль,—крикнулъ негръ,—вотъ я на самый конецъ.

— На самый конецъ!—неистово завопилъ Легранъ,—ты на самомъ концѣ сука?

— Сейчасъ бываетъ конецъ, масса,—о-о-о-о-ой! Іисусе Христе! что тутъ на деревѣ!

— Что, что такое?—радостно воскликнулъ Легранъ.

— Ничего, масса, только одинъ черепъ — кто-то оставилъ свою голову на суку—а вороны поклевали мясо до крошечки.

— Черепъ, говоришь?—отлично!—какъ онъ прикрѣпленъ къ стволу?—чѣмъ?

— Сейчасъ, масса, надо посмотрѣть. Вотъ какъ странно—ей Богу—гвоздь въ черепѣ, большой гвоздь.

— Ладно, Юпитеръ,—дѣлай теперь, что я буду тебѣ говорить,—слышишь?

— Да, масса.

— Слушай же,—отыщи лѣвый глазъ черепа.

— А! Э! да! какъ же, тутъ совсѣмъ нѣтъ лѣваго глаза.

— Проклятый олухъ! Знаешь ты свою лѣвую руку?

— Да! знаю! хорошо знаю!—вотъ лѣвая—вотъ, на суку.

— Ну, да, ты лѣвша; и твой лѣвый глазъ тамъ же, гдѣ лѣвая рука. Теперь, надѣюсь, ты отыщешь лѣвый глазъ черепа, или то мѣсто, гдѣ долженъ быть лѣвый глазъ. Нашелъ?

Наступила продолжительная пауза. Наконецъ, негръ спросилъ:

— Лѣвый глазъ на черепѣ, гдѣ лѣвая рука на черепѣ, да?—главная причина, что на черепѣ нѣтъ руки,—ни кусочка!.. Нашелъ лѣвый глазъ—вотъ лѣвый глазъ—что съ нимъ дѣлать?

— Пропусти въ него жука, насколько позволитъ шнурокъ,—только смотри, не урони.

— Готово, масса Вилль—очень просто—смотрите жука внизу.

Въ теченіе этого разговора Юпитеръ оставался невидимымъ; но жукъ, котораго онъ пропустилъ въ орбиту черепа, вскорѣ показался на концѣ шнурка, сверкая точно шарикъ червоннаго золота въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, озарявшихъ слабымъ свѣтомъ возвышенность, на которой мы стояли. Scarabaeus висѣлъ какъ разъ надъ нами, и если бы Юпитеръ выпустилъ его, упалъ бы къ нашимъ ногамъ. Легранъ немедленно взялъ косу, и расчистилъ пространство въ три или четыре ярда въ поперечникѣ, подъ жукомъ, — затѣмъ велѣлъ Юпитеру выпустить шнурокъ и слѣзть съ дерева.

Воткнувъ колышекъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упалъ жукъ, мой другъ досталъ изъ кармана землемѣрную ленту. Прикрѣпивъ одинъ конецъ къ дереву въ ближайшемъ къ колышку пунктѣ, онъ началъ развертывать ее по направленію отъ дерева черезъ колышекъ, и отмѣрилъ такимъ образомъ пятьдесятъ футовъ—Юпитеръ расчищалъ ему дорогу косой. Тутъ онъ вколотилъ другой колышекъ и велѣлъ Юпитеру расчистить вокругъ него небольшое пространство, около четырехъ футовъ въ діаметрѣ. Затѣмъ, взявъ заступъ и давъ по заступу мнѣ и Юпитеру, попросилъ насъ рыть какъ можно усерднѣе.

Правду сказать, я охотно отказался бы отъ этого удовольствія, такъ какъ ночь наступала, а я и безъ того былъ утомленъ нашимъ

путешествіемъ; но мнѣ не хотѣлось разстроивать моего бѣднаго друга. Если бы я могъ разсчитывать на помощь со стороны Юпитера, то увелъ бы безумца домой; но я слишкомъ хорошо зналъ стараго негра, чтобы разсчитывать на его поддержку. Я былъ увѣренъ, что Легранъ помѣшался на какой-нибудь изъ безчисленныхъ исторій о кладахъ, и что эта химера засѣла въ немъ подъ вліяніемъ находки scarabaeus'а или упорныхъ заявленій Юпитера, будто этотъ жукъ «изъ чистаго золота».

Мозгъ, расположенный къ помѣшательству, легко поддается такимъ внушеніямъ — особливо если они гармонируютъ съ его предвзятыми идеями, -а я хорошо помнилъ слова бѣдняги о жукѣ, который «составитъ его счастье». Вообще, я былъ жестоко разстроенъ, но въ концѣ концовъ рѣшилъ покориться неизбѣжному, взяться за лопату, и такимъ образомъ на дѣлѣ доказать безумцу несостоятельность его химеръ.

Мы зажгли фонари, и принялись за работу съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго приложенія. Озаренные дрожащимъ свѣтомъ фонарей, мы, безъ сомнѣнія, представляли очень живописную группу и я невольно подумалъ, какое странное и дикое впечатлѣніе произвела бы наша работа на случайнаго путника, если бы онъ завернулъ въ этотъ уголокъ.

Мы рыли очень усердно въ теченіе двухъ часовъ, лишь изрѣдка обмѣниваясь словами. Больше всего намъ мѣшала собака, повидимому, очень интересовавшаяся нашей работой. Наконецъ, она подняла такой отчаянный вой, что мы стали не на шутку опасаться, какъ бы она не возбудила тревоги въ окрестностяхъ. То есть, опасался Легранъ,—я былъ бы радъ появленію постороннихъ, которые помогли бы мнѣ отвести его домой. Впрочемъ, этотъ вой былъ вскорѣ прекращенъ Юпитеромъ, который съ рѣшительнымъ видомъ завязалъ морду собаки собственной подтяжкой, а затѣмъ, значительно ухмыляясь, снова взялся за заступъ.

Наконецъ, мы вырыли очень глубокую яму, а никакихъ слѣдовъ сокровища не было видно. Наступила пауза, и я начиналъ надѣяться, что комедія кончена. Однако, Легранъ, хотя очевидно смущенный, отеръ потный лобъ и снова взялся за заступъ. Мы вырыли яму на пространствѣ всего расчищеннаго круга въ четыре фута діаметромъ, на глубину болѣе двухъ футовъ. Нечего не оказывалось. Наконецъ, искатель кладовъ, о которомъ я глубоко сожалѣлъ, выскочилъ изъ ямы, видимо крайне разстроенный и принялся медленно, неохотно надѣвать пальто, которое снялъ передъ началомъ работы. Я молчалъ. Юпитеръ, по знаку своего господина, сталъ собирать инструменты. Затѣмъ, развязавъ морду собакѣ, мы въ глубокомъ молчаніи направились домой.

Мы отошли шаговъ на двѣнадцать, какъ вдругъ Легранъ, съ громкимъ ругательствомъ, кинулся на Юпитера и схватилъ его за воротъ. Изумленный негръ выпучилъ глаза, разинулъ ротъ, уронилъ инструменты и упалъ на колѣни.

— Бездѣльникъ!—прошипѣлъ Легранъ сквозь зубы,—проклятый черный негодяй!—говори!—отвѣчай сію же минуту безъ увертокъ!—гдѣ у тебя лѣвый глазъ?

— О, бѣда моя, масса Виллъ! Вотъ лѣвый глазъ, вотъ онъ!—ревѣлъ испуганный негръ, накрывъ рукой свой правый глазъ и (прижавъ ее плотно, какъ будто боялся, что господинъ немедленно вырветъ его.

— Я такъ и думалъ!—я зналъ это! ура!—воскликнулъ Легранъ, отпустивъ негра и пустившись въ плясъ, къ великому изумленію своего слуги, который въ оцѣпенѣніи смотрѣлъ то на меня, то на своего господина.

— Идемъ! мы должны вернуться!—сказалъ послѣдній,—не все еще потеряно!—съ этими словами онъ направился обратно къ тюльпанному дереву.

— Юпитеръ,—сказалъ онъ,—когда мы подошли къ его подножію,—поди сюда! какъ былъ прибитъ черепъ: лицомъ наружу или къ стволу?

— Наружу, масса,—воронамъ ловко было клевать глаза.

— Такъ въ этотъ или въ этотъ глазъ ты опустилъ жука?—продолжалъ Легранъ, дотрогиваясь поочередно до обоихъ глазъ негра.

— Этотъ, масса—лѣвый—я вѣрно говорю,—отвѣчалъ Юпитеръ, по прежнему указывая на правый глазъ.

— Хорошо,—въ такомъ случаѣ нужно начать съизнова.

Тутъ мой другъ, помѣшательство котораго все болѣе уяснялось для меня, переставилъ колышекъ, воткнутый въ томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ жукъ, на три дюйма къ западу. Затѣмъ, протянувъ ленту отъ ближайшей точки ствола къ колышку, отмѣрилъ въ томъ же направленіи пятьдесятъ футовъ и остановился въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ стараго мѣста.

Около этого пункта расчистили кругъ нѣсколько больше перваго, и снова взялись за лопаты. Я усталъ страшно, но, не знаю почему, не чувствовалъ такого отвращенія къ работѣ, какъ прежде. Я даже заинтересовался ею,—мало того,—испытывалъ волненіе не на шутку. Можетъ быть, въ экстравагантныхъ выходкахъ Леграна проскальзывали признаки здраваго разсудка, обдуманности, дѣйствовавшіе на меня. Я рылъ усердно, и время отъ времени ловилъ себя на томъ, что и самъ я поглядываю на яму съ чувствомъ, весьма похожимъ на ожиданіе сокровища, мысль о кото-

ромъ свела съ ума моего злополучнаго друга. Въ то самое время, когда эти безумныя мысли съ особенною силой овладѣли мной, собака снова принялась лаять. Въ первый разъ ея лай былъ, очевидно, результатомъ каприза или рѣзвости, но теперь въ немъ слышались болѣе серьезныя и злобныя ноты. Юпитеръ попытался было снова связать ей морду, но собака оказала отчаянное сопротивленіе и, бросившись въ яму, принялась рыть землю лапами. Вскорѣ она откопала груду человѣческихъ костей,—два полныхъ скелета, среди которыхъ валялось нѣсколько металлическихъ пуговицъ и остатки истлѣвшей шерстяной ткани. Два—три удара заступомъ отрыли лезвіе большого испанскаго ножа, потомъ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

При видѣ ихъ Юпитеръ не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія, но лицо Леграна омрачилось. Какъ бы то ни было, онъ просилъ насъ продолжать работу, и не успѣлъ окончить свои слова, какъ я споткнулся и упалъ, зацѣпивъ ногою за желѣзное кольцо, полузарытое въ землѣ.

Теперь мы съ жаромъ принялись за работу, и никогда еще я не испытывалъ такого возбужденія. Вскорѣ мы вырыли продолговатый деревянный сундукъ, удивительно хорошо сохранившійся и твердый какъ камень,—очевидно, дерево было пропитано какимъ-нибудь веществомъ—можетъ быть, двухлористою ртутью. Сундукъ имѣлъ три съ половиной фута въ длину, три фута въ ширину, и два съ половиной высоты. Онъ былъ окованъ желѣзными полосами, перекрещивавшимися въ видѣ сѣти. Съ каждой стороны было по три желѣзныхъ кольца, всего шесть, такъ что шесть человѣкъ могли бы взяться за него. Наши соединенныя усилія могли только чуть-чуть передвинуть этотъ ящикъ. Мы тотчасъ убѣдились, что не справимся съ такой тяжестью. Къ счастію, онъ былъ запертъ только двумя задвижками. Мы отодвинули ихъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ. Несчетное сокровище открылось передъ нами. Когда мы направили на сундукъ наши фонари, груда золота и драгоцѣнныхъ камней засверкала почти нестерпимымъ блескомъ.

Не берусь передать мои чувства при видѣ этого зрѣлища. Изумленіе, конечно, господствовало надъ всѣми остальными. Легранъ, казалось, изнемогалъ отъ волненія и почти ничего не говорилъ. Лицо Юпитера сначала покрылось смертельною блѣдностью, насколько это возможно для негра. Онъ былъ точно громомъ пораженъ. Потомъ онъ бросился на колѣни передъ ящикомъ и засунулъ руки по локоть въ груду золота, точно наслаждаясь этимъ ощущеніемъ. Наконецъ, перевелъ духъ и воскликнулъ, обращаясь къ самому себѣ:

— И все это золотой жукъ! милый золотой жукъ! бѣдный зо-

лотой жучекъ! а я на него такъ бранился! Не стыдно тебѣ, негръ?— отвѣчай!

Наконецъ, я напомнилъ господину и слугѣ, что не мѣшаетъ подумать о возвращеніи. Необходимо было перенести сокровище домой до разсвѣта. Мы не знали какъ быть и долго обсуждали этотъ вопросъ: такъ смутны были наши мысли. Въ концѣ концовъ мы вынули изъ сундука почти двѣ трети сокровищъ, послѣ чего могли нести его. Вынутое богатство мы спрятали въ кустарникъ и оставили собаку сторожить, съ строжайшимъ наказомъ со стороны Юпитера не трогаться съ мѣста и не разѣвать пасти до нашего возвращенія. Затѣмъ мы поспѣшили домой съ сундукомъ и добрались до хижины благополучно, но страшно усталые, къ часу ночи. Человѣческая природа требовала отдыха. Мы отдыхали до двухъ часовъ, поужинали, а затѣмъ отправились къ мѣсту находки, захвативъ съ собою три мѣшка, случайно оказавшіеся въ хижинѣ. Около четырехъ часовъ мы были на мѣстѣ, раздѣлили на три части оставшееся сокровище и, бросивъ яму не зарытой, снова направились къ хижинѣ, гдѣ и сложили нашъ грузъ, въ ту минуту, когда первыя полосы свѣта озарили Востокъ.

Мы были разбиты въ конецъ, но возбужденное состояніе не позволяло намъ отдохнуть. Проспавъ часа три—четыре тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ, мы разомъ, точно согласившись, вскочили и принялись считать сокровище.

Сундукъ былъ полонъ до краевъ, такъ что мы провели весь день и часть слѣдующей ночи за разборкой его содержимаго. Оно было навалено грудой, безъ всякаго порядка.

Разсортировавъ его, мы убѣдились, что богатство еще больше, чѣмъ казалось съ перваго взгляда. Тутъ было болѣе четырехсотъ пятидесяти тысячъ долларовъ звонкой монетой, вычисляя стоимость золота по текущему курсу. Серебра вовсе не было,—исключительно золотые, старинной чеканки и разныхъ странъ: французскіе, испанскіе, нѣмецкіе, нѣсколько англійскихъ гиней и какихъ-то монетъ, о которыхъ мы и понятія не имѣли. Попадались тяжелыя, большія монеты, настолько стертыя, что нельзя было разобрать надпись. Американскихъ не было вовсе. Стоимость драгоцѣнныхъ камней мы затруднялись опредѣлить. Были тутъ алмазы—нѣкоторые замѣчательной красоты и рѣдкой воды — всего сто десять штукъ, въ томъ числѣ ни одного мелкаго; восемнадцать рубиновъ удивительнаго блеска; триста десять прекрасныхъ изумрудовъ; двадцать одинъ сапфиръ, и одинъ опалъ. Всѣ эти камни были вынуты изъ оправъ и свалены въ сундукъ вмѣстѣ съ золотыми. Сами оправы были скомканы и сплющены молоткомъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы ихъ не могли узнать. Кромѣ

всего этого въ сундукѣ оказалось множество золотыхъ украшеній: около двухсотъ массивныхъ колецъ и серегъ;—великолѣпныя цѣпи — тридцать штукъ, если не ошибаюсь; — восемьдесятъ три большихъ тяжелыхъ распятія;—огромная золотая пуншевая чаша, украшенная рѣзьбой въ видѣ виноградныхъ листьевъ и вакхическихъ фигуръ;—пять золотыхъ кадильницъ, очень цѣнныхъ;—двѣ рукоятки шпагъ изящной работы, и много мелкихъ вещицъ, которыхъ я и не упомню. Вѣсъ этихъ драгоцѣнностей превосходилъ триста пятьдесятъ фунтовъ торговой мѣры, не считая ста девяносто семи великолѣпныхъ золотыхъ часовъ, въ числѣ которыхъ были стоившіе не менѣе пятисотъ долларовъ. Многіе изъ нихъ были очень старинной работы, съ попорченнымъ механизмомъ, негодные для употребленія, но съ богатыми инкрустаціями и въ дорогихъ футлярахъ. Стоимость всего содержимаго ящика представляла, по нашему разсчету, полтора милліона долларовъ, но впослѣдствіи, по продажѣ драгоцѣнностей и золотыхъ вещей (мы сохранили лишь немногія для собственнаго употребленія) оказалось, что наша оцѣнка была слишкомъ низка.

Когда, наконецъ, мы кончили разборку драгоцѣнностей и первоначальное возбужденіе нѣсколько улеглось, Легранъ, замѣтивъ, что я сгораю нетерпѣніемъ разъяснить эту необычайную загадку, приступилъ къ подробному разсказу.

— Вы помните,—сказалъ онъ,—тотъ вечеръ, когда я передалъ вамъ грубый набросокъ Scarabaeus'а. Вы помните также, какъ я разсердился на васъ за то, что вы увѣряли, будто мой рисунокъ напоминаетъ черепъ. Сначала я думалъ, что вы шутите; но, вспомнивъ о пятнышкахъ на спинкѣ насѣкомаго, согласился, что ваше сравненіе не лишено основанія. Но все же насмѣшка надъ моимъ рисункомъ раздражила меня—такъ какъ я считаюсь хорошимъ рисовальщикомъ —и, когда вы возвратили мнѣ этотъ клочекъ пергамента, я хотѣлъ смять его и бросить въ печку.

— Клочекъ бумаги, хотите вы сказать?—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, я самъ думалъ сначала, что это бумага, но, начавъ рисовать, тотчасъ убѣдился, что это клочекъ очень тонкаго пергамента. Онъ былъ очень грязенъ, если припомните. Такъ вотъ, когда я хотѣлъ скомкать его, мой взглядъ упалъ на рисунокъ, который вы разсматривали и можете себѣ представить мое изумленіе, когда я дѣйствительно увидѣлъ черепъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, казалось мнѣ, нарисовалъ жука. Въ первую минуту я не могъ ничего понять. Я зналъ, что мой рисунокъ рѣзко отличался отъ этого, хотя въ общихъ очертаніяхъ было извѣстное сходство. Наконецъ я взялъ свѣчу, усѣлся въ углу и сталъ тщательно изслѣдовать пергаментъ. Повернувъ его, я нашелъ свой рисунокъ на другой сторонѣ. Мое первое

впечатлѣніе было удивленіе, вызванное замѣчательнымъ сходствомъ очертаній и страннымъ совпаденіемъ: въ самомъ дѣлѣ, рисунокъ черепа находился какъ разъ подъ моимъ рисункомъ и такъ походилъ на него. Какъ я уже сказалъ, это странное совпаденіе совершенно ошеломило меня въ первую минуту. Таково обычное дѣйствіе подобныхъ совпаденій. Умъ старается установить связь— отношенія причины и слѣдствія — и, не находя ее, сбивается съ толку. Но, собравшись съ мыслями, я мало по малу пришелъ къ убѣжденію, которое поразило меня еще сильнѣе. Я началъ отчетливо, ясно припоминать, что никакого рисунка на пергаментѣ не было, когда я рисовалъ моего scarabaeus. Я былъ совершенно убѣжденъ въ этомъ, помня, что я переворачивалъ клочекъ на обѣ стороны, отыскивая мѣстечко почище. Будь на немъ рисунокъ черепа, я не могъ бы не замѣтить его. Тутъ въ самомъ дѣлѣ оказывалась тайна, которой я не могъ объяснить; но даже въ эту первую минуту удивленія, въ тайникахъ моей души уже закопошилось представленіе объ истинѣ, такъ блистательно оправдавшееся въ прошлую ночь. Я всталъ и, спрятавъ пергаментъ, рѣшилъ отложить всякую попытку объясненія до тѣхъ поръ, пока останусь одинъ.

«Когда вы ушли, а Юпитеръ улегся спать, я принялся за болѣе методическое разслѣдованіе. Прежде всего, я припомнилъ, какимъ образомъ попалъ ко мнѣ пергаментъ. Мы нашли scarabaeus'а на берегу материка, на разстояніи мили отъ острова, недалеко отъ верхней линіи прилива. Когда я схватилъ его, онъ укусилъ меня такъ сильно, что я выпустилъ его. Юпитеръ, съ своей обычной осторожностью, прежде чѣмъ схватить жука, оглянулся, нѣтъ-ли по близости листа или чего-нибудь подобнаго. Въ эту-то минуту его взглядъ—и мой также—упалъ на листокъ пергамента, который тогда показался мнѣ листкомъ бумаги. Онъ лежалъ полузарытый въ пескѣ, высунувшись однимъ уголкомъ наружу. Подлѣ него я замѣтилъ обломки длинной лодки. Должно быть они гнили здѣсь давно, потому что утратили почти всякое сходство съ лодкой.

«Итакъ, Юпитеръ схватилъ пергаментъ, завернулъ въ него жука и подалъ мнѣ. Вскорѣ послѣ этого мы отправились домой и по дорогѣ встрѣтили поручика Г. Я показалъ ему насѣкомое и онъ попросилъ его у меня на время. Я согласился, онъ положилъ жука въ карманъ, а пергаментъ остался у меня въ рукахъ. Можетъ быть, онъ боялся, что я передумаю, и оттого поспѣшилъ спрятать жука— вы знаете его пристрастіе къ естественной исторіи. Въ тоже время, совершенно машинально, я сунулъ пергаментъ въ карманъ.

«Вы помните, что, усѣвшись за столъ съ цѣлью нарисовать жука, я не нашелъ подъ рукой бумаги. Я заглянулъ въ столъ — и тамъ ея не оказалось. Я пошарилъ въ карманахъ—не найду-ли

какой-нибудь записки—и мнѣ подъ руку попался пергаментъ. Я описываю такъ подробно, какимъ образомъ онъ попалъ въ мою руку, потому что всѣ эти обстоятельства произвели на меня глубокое впечатлѣніе.

«Безъ сомнѣнія, вы сочтете меня фантазеромъ, но я уже установилъ извѣстнаго рода связь между явленіями. Я соединилъ два звена цѣпи. На берегу валялась лодка; а подлѣ нея пергаментъ—не бумага, замѣтьте—съ изображеніемъ черепа. Вы, конечно, спросите: «гдѣ же тутъ связь»? Я отвѣчу, что черепъ или мертвая голова—давнишняя эмблема пирата. При нападеніяхъ они всегда поднимали флагъ съ изображеніемъ мертвой головы.

«Я сказалъ, что клочекъ оказался пергаментомъ, а не бумагой. Пергаментъ долго сохраняется—почти вѣчно. Для пустяковъ рѣдко употребляютъ пергаментъ, тѣмъ болѣе, что на немъ не такъ удобно рисовать или писать, какъ на бумагѣ. Это соображеніе наводило на мысль о какой-нибудь тайнѣ—объ особомъ смыслѣ, связанномъ съ мертвой головой. Я не могъ не обратить вниманія и на форму пергамента. Хотя одинъ изъ его уголковъ былъ оборванъ, но первоначальная форма, очевидно, была продолговатая. Словомъ, это былъ именно такой листокъ, какіе употребляются для важныхъ записокъ, которыя надо сохранить.

— Но,—перебилъ я,—вы сказали, что черепа не было на листкѣ, когда вы рисовали жука. Какая же можетъ быть связь между лодкой и черепомъ,—если этотъ послѣдній, по вашимъ же словамъ, былъ нарисованъ (Богъ знаетъ кѣмъ) послѣ того какъ вы нарисовали scarabaeus'а.

— А, на этомъ-то и вертится вся тайна; хотя именно въ этомъ отношеніи разгадка не представляла для меня особенныхъ затрудненій. Мои разсужденія были строго логичны и могли привести лишь къ одному результату. Я разсуждалъ такъ: когда я рисовалъ scarabaeus'а, на пергаментѣ не было черепа. Кончивъ рисунокъ, я передалъ его вамъ, и смотрѣлъ на васъ все время, пока вы не возвратили мнѣ листокъ. Стало быть, вы не могли нарисовать черепъ, а кромѣ васъ рисовать было не кому. Стало быть, онъ не былъ нарисованъ. И, однако, онъ былъ на пергаментѣ.

«Добравшись до этого пункта въ своихъ разсужденіяхъ, я сталъ припоминать и припомнилъ совершенно ясно все, что случилось въ теченіе этого періода. Погода была холодная (о, рѣдкая и счастливая случайность!) и въ печкѣ горѣлъ огонь. Я разогрѣлся отъ ходьбы, и сѣлъ за столомъ. Вы же придвинули стулъ къ самой печкѣ. Какъ только я передалъ вамъ пергаментъ, Вольфъ, ньюфаундлендъ, ворвался въ хижину и бросился къ вамъ на плечи. Лѣвой рукой вы погладили и отстранили его, а правую, съ

пергаментомъ, машинально опустили между колѣнъ къ самому огню. Я уже думалъ, что она вспыхнетъ и хотѣлъ предупредить васъ, но въ эту самую минуту вы подняли ее и стали разсматривать. Обсудивъ всѣ эти обстоятельства, я ни минуты не сомнѣвался, что причиной, вызвавшей на пергаментѣ рисунокъ черепа, была теплота. Вы знаете, что существуютъ химическія соединенія—существуютъ съ незапамятныхъ временъ—съ помощью которыхъ можно писать на бумагѣ или пергаментѣ, причемъ буквы остаются невидимыми, пока не будутъ подвергнуты дѣйствію теплоты. Иногда употребляютъ саффлёръ, растворенный въ aqua regia и разведенный четырьмя объемами воды; получаются зеленыя буквы. Кобальтовый королекъ, растворенный въ азотной кислотѣ, даетъ красныя буквы. Эти цвѣта исчезаютъ вскорѣ по охлажденіи бумаги, но появляются снова, если нагрѣть ее.

Я внимательно разсмотрѣлъ рисунокъ головы. Ея внѣшнія очертанія, то есть ближайшія къ краямъ пергамента, выдѣлялись рѣзче чѣмъ остальная часть рисунка. Очевидно, дѣйствіе теплоты было неравномѣрно. Я тотчасъ развелъ огонь и сталъ нагрѣвать пергаментъ. Сначала только выступили яснѣе очертанія черепа; но потомъ въ уголку листка, діагонально противуположному тому, гдѣ находился рисунокъ черепа, показалась фигура, которую я принялъ сначала за изображеніе козы. Но при ближайшемъ изслѣдованіи я убѣдился, что оно походитъ скорѣе на козленка.

— Ха, ха,—перебилъ я,—я не въ правѣ смѣяться надъ вами,—полтора милліона чистоганомъ вещь достаточно серьезная—но вы не отыщете третьяго звена цѣпи — вамъ не удастся установить связь между пиратомъ и козою — какое дѣло пиратамъ до козъ; тутъ скорѣй что-то сельско-хозяйственное замѣшано.

— Но вѣдь я сказалъ, что фигура не была изображеніемъ козы.

— Ну, козленка,—не все-ли равно?

— Почти, но не совсѣмъ,—возразилъ Легранъ.—Приходилось ли вамъ слышать о нѣкоемъ капитанѣ Киддѣ? При первомъ взглядѣ на рисунокъ я догадался, что это должна быть символическая или гіероглифическая подпись *). Я говорю подпись, — судя по тому мѣсту, гдѣ она находилась. Мертвая голова въ противуположномъ—по діагонали — углу имѣла видъ штемпеля или печати. Но меня сбивало съ толку отсутствіе самаго главнаго —сути—текста.

— Вы ожидали найти записку между печатью и подписью?

— Что-нибудь въ этомъ родѣ. Дѣло въ томъ, что меня неотвязно преслѣдовала мысль о богатствѣ, связанномъ съ этимъ

---

*) Основанная на созвучіи фамиліи Kidd съ словомъ Kid (козленокъ). Пр. перев.

листкомъ. Почему,—я и самъ не знаю. Можетъ быть, это было скорѣе желаніе, чѣмъ вѣра; но, представьте себѣ, — слова Юпитера насчетъ золотого жука произвели замѣчательное дѣйствіе на мое воображеніе. Потомъ весь этотъ рядъ случайностей и совпаденій — все это было очень необычайно. Надо же было всѣмъ этимъ событіямъ случиться въ тотъ единственный день въ теченіе цѣлаго года, когда погода была холодная; и подумать только, что не будь печка затоплена или появись собака минутой позднѣе, я никогда не узналъ бы о существованіи черепа и не сдѣлался бы обладателемъ сокровища.

— Да, но продолжайте—я весь нетерпѣніе!

— Хорошо; такъ вы, безъ сомнѣнія, слышали разсказы—тысячи росказней о сокровищѣ, зарытомъ гдѣ-то на берегу Атлантическаго океана Киддомъ и его сообщниками. Эти слухи могли имѣть основаніе. И если они существовали такъ долго и такъ упорно, то только потому—казалось мнѣ—что сокровище до сихъ поръ остается не вырытымъ. Если бы Киддъ спряталъ свою добычу на время, а потомъ снова отрылъ,—врядъ-ли бы слухи сохранились въ неизмѣнной формѣ до нашего времени. Замѣтьте, что всѣ эти исторіи толкуютъ о кладоискателяхъ, а не о нахожденіи клада. Если пиратъ отрылъ свое богатство, объ этомъ бы вскорѣ забыли. Мнѣ казалось, что какая-нибудь случайность, напримѣръ, потеря записки, въ которой было обозначено мѣсто клада—лишила его возможности овладѣть имъ,—что это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ его товарищамъ, которые иначе и не узнали бы о его тайнѣ— и что они своими безплодными попытками отыскать сокровище подали поводъ ко всѣмъ этимъ исторіямъ. Приходилось-ли вамъ слышать о находкѣ клада на этомъ берегу?

— Никогда.

— А между тѣмъ извѣстно было, что добыча Кидда должна быть громадной. Итакъ, я пришелъ къ убѣжденію, что она еще скрывается въ землѣ, и вамъ, конечно, не покажется страннымъ, что у меня мелькнула надежда, не содержится-ли въ пергаментѣ, такъ странно попавшемъ въ мои руки, описаніе мѣстности, гдѣ зарытъ кладъ.

— Но какъ же вы поступали дальше?

— Я снова сталъ нагрѣвать листокъ, усиливъ огонь; но буквы не появлялись. Тогда я подумалъ, не зависитъ-ли это отъ слоя грязи; осторожно обмылъ пергаментъ, положилъ его на сковородку рисункомъ внизъ и сталъ нагрѣвать на легкомъ огнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ сковородка сильно нагрѣлась; тогда я повернулъ листокъ и къ невыразимой своей радости замѣтилъ на немъ какія-то фигурки, расположенныя строчками. Я снова положилъ листокъ

на сковородку, и погрѣлъ ее еще съ минуту. Послѣ этого выступила вся надпись, которую вы можете видѣть.

Тутъ Легранъ снова нагрѣлъ пергаментъ и передалъ его мнѣ. Я увидѣлъ между мертвой головой и козленкомъ слѣдующія фигурки, нарисованныя красными чернилами:

53‡‡†305))6*;4826)4‡)4‡);806*;48†8П60))85;
1‡(;:‡*8†83(88)5*†;46(;88*96*?;8)*‡(;485);5*†
2:*‡(:4956*2(5*—4)8П8*;4069285);)6†8)4‡‡;1(‡
9;48081;8:8‡1;48†85;4)485†528806*81(‡9;48;(88;4
(‡?34;48)4‡;161;:188;‡?;

— Но,—сказалъ я, возвращая ему листокъ,—для меня это китайская грамота. Я тутъ ничего не разберу, хоть бы мнѣ предложили всѣ алмазы Голконды за разъясненіе этой тарабарщины.

— А между тѣмъ,—возразилъ Легранъ,—разгадать этотъ шифръ вовсе не такъ трудно, какъ это вамъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Очевидно, это шифръ; но зная, что такое представлялъ изъ себя Киддъ, я не считалъ его способнымъ на составленіе очень сложной криптограммы. Я тотчасъ рѣшилъ, что этотъ шифръ долженъ быть очень простымъ — хотя ограниченный умъ моряка воображалъ, что его невозможно разобрать, не зная ключа.

— И вы разобрали?

— Безъ труда; такіе-ли шифры мнѣ случалось разбирать! Обстоятельства и собственная склонность привели къ тому, что я заинтересовался этого рода загадками; и не знаю, можетъ-ли человѣческое остроуміе изобрѣсти такой шифръ, котораго человѣческое же остроуміе не въ силахъ было бы разгадать, взявшись за дѣло надлежащимъ образомъ. Разъ опредѣливъ буквы, я никогда не затруднялся разгадать ихъ смыслъ.

«Въ настоящемъ случаѣ—да и во всѣхъ шифрахъ — прежде всего являлся вопросъ о языкѣ; такъ какъ принципы рѣшенія, особенно въ простыхъ шифрахъ, опредѣляются духомъ языка. Въ большинствѣ случаевъ приходится перепробовать (руководясь теоріей вѣроятностей) всѣ языки, извѣстные разгадчику, пока не найдешь надлежащаго. Но здѣсь затрудненіе устранялось подписью. Игра словами «Kid» и «Kidd» возможна только въ англійскомъ языкѣ. Не будь этого, я началъ бы съ испанскаго или французскаго, такъ какъ пираты испанскаго моря пользовались преимущественно этими языками.

«Вы замѣчаете, что здѣсь нѣтъ раздѣленія между словами? Будь они отдѣлены другъ отъ друга, задача значительно упрости-

лась бы. Въ такомъ случаѣ я началъ бы съ анализа самыхъ короткихъ словъ, и если бы попалось состоящее изъ одной буквы (въ родѣ *я* или *и*) я считалъ бы свою задачу рѣшенной. Но дѣленій не было, и мнѣ оставалось только опредѣлить, какія буквы чаще, какія рѣже встрѣчаются въ этомъ шифрѣ. Пересчитавъ отдѣльные значки, я составилъ слѣдующую табличку:

Знакъ	8	встрѣчается	33	раза.
»	;	»	26	»
»	4	»	19	»
»	‡)	»	16	»
»	*	»	13	»
»	5	»	12	»
»	6	»	11	»
»	†1	»	8	»
»	0	»	6	»
»	92	»	5	»
»	:3	»	4	»
»	?	»	3	»
»	¶	»	2	»
»	—.	»	1	»

«Въ англійскомъ языкѣ чаще всего встрѣчается буква *e*. Остальныя идутъ въ такомъ порядкѣ: *a o i d h n r s t u y c f g l m w b k p q x z*. *E* господствуетъ до такой степени, что въ мало-мальски длинной фразѣ это почти всегда самая частая буква.

«Итакъ, вотъ ужь у насъ и есть основаніе для поисковъ не совсѣмъ на удачу. Ясно, какое употребленіе можно сдѣлать изъ этой таблицы, но въ этомъ шифрѣ мы должны примѣнять ее очень постепенно. Господствующій знакъ 8, будемъ считать его за букву *e*. Чтобы провѣрить это предположеніе, посмотримъ, часто-ли встрѣчается двойной знакъ—88, потому что буква *e* въ англійскомъ языкѣ удвоятся очень часто, напр., въ словахъ «meet», «fleed», «speed», «seen», «been», «agree» etc. Здѣсь она удвоятся пять разъ, хотя криптограмма короткая.

«Итакъ, пусть *8* означаетъ *e*. Теперь изъ всѣхъ словъ въ англійскомъ языкѣ самое употребительное членъ «the» Разсмотрѣвъ шифръ, мы находимъ не менѣе семи разъ сочетаніе знаковъ ;48. Мы можемъ, слѣдовательно, предположить, что ; означаетъ букву *t*, 4—букву *h*, а 8—букву *e*,—тѣмъ болѣе, что она находится на концѣ. Вотъ уже важный шагъ впередъ.

«Но, опредѣливъ хоть одно слово, мы имѣемъ возможность опредѣлить очень важный пунктъ: различныя окончанія и начала другихъ словъ. Возьмемъ, напримѣръ, второе отъ конца сочетаніе

знаковъ ;48. Дальше слѣдуетъ ; —очевидно начальная буква слова, а изъ слѣдующихъ пяти значковъ мы знаемъ четыре. Замѣнимъ же эти шесть значковъ буквами, оставивъ свободное мѣсто для неизвѣстной —

t eeth

«Буквы *th* нужно отдѣлить, потому что такого окончанія нѣтъ ни у одного слова, начинающагося съ t; въ этомъ легко убѣдиться, поставивъ всѣ буквы алфавита по очереди на мѣсто недостающей. Отдѣливъ *th*, мы получаемъ:

t ee,

и опять таки, перепробовавъ, если нужно всѣ буквы алфавита, убѣждаемся, что оно можетъ быть только словомъ

tree (дерево).

«Такимъ образомъ мы узнали еще букву, *r*, обозначаемую посредствомъ (, и получили слова *the tree*.

«Посмотримъ, что слѣдуетъ дальше за этими словами. На очень близкомъ разстояніи отъ нихъ встрѣчаемъ опять; 48. Воспользуемся имъ, чтобы опредѣлить окончаніе. Мы имѣемъ слѣдующій рядъ

the tree; 4(‡ 3 ? 4 the

замѣнивъ извѣстные уже намъ значки буквами, получаемъ

the tree thr ‡ ? 3 h the

«Замѣнивъ неизвѣстные намъ знаки точками, читаемъ

the tree thr...h the,

тутъ слово *through* (чрезъ) очевидно само собою. Но это открытіе даетъ намъ еще три буквы *o*, *u* и *g*, обозначаемыя посредствомъ

‡ ? и 3.

«Отыскивая въ шифрѣ сочетанія извѣстныхъ намъ буквъ, находимъ недалеко отъ начала группу 83(88 или egree, которая, очевидно, можетъ быть только окончаніемъ слова «degree» (градусъ) и даетъ намъ еще букву *d*, обозначаемую †.

«Минуя четыре точки послѣ слова *degree*, встрѣчаемъ ; 46(;88).

«Замѣнивъ извѣстные намъ значки буквами, а неизвѣстные точкой, получаемъ

th rtee

очевидно, часть слова *thirteen* (тринадцать). Узнаемъ еще двѣ буквы *i* и *n*, означаемыя посредствомъ 6 и *.

«Обращаясь къ началу криптограммы, находимъ группу

53 ‡‡ †

«Подставляемъ буквы и читаемъ good, откуда слѣдуетъ, что первая буква есть *A*, оба слова: «A good».

«Теперь расположимъ нашъ ключъ въ видѣ таблички, во избѣжаніе путаницы. Вотъ она:

5	означаетъ	a	6	означаетъ	i
†	»	d	*	»	n
8	»	e	‡	»	o
3	»	g	(	»	r
4	»	h	;	»	t

«Такимъ образомъ мы опредѣлили десять самыхъ важныхъ буквъ, и мнѣ нѣтъ надобности объяснять вамъ дальше подробности истолкованія. Теперь вы убѣдились, что оно не особенно затруднительно и поняли, въ чемъ его суть. Но замѣтьте: этотъ шифръ относится къ самымъ простымъ. Теперь мнѣ остается только замѣнить всѣ значки буквами, т. е. дать вамъ полный переводъ шифра. Вотъ онъ:

«*A good glass in the bishop's hostel in the devil's seat forty-on degrees and thirtheen minutes northeast and by north main branch seventh limb east side shoot from the left eye of the death's head a bee line from the tree through the shot fifty feet out*».

(«Хорошее стекло въ домѣ епископа на чортовомъ стулѣ сорокъ одинъ градусъ и тринадцать минутъ нордъ-нордъ-остъ главный сукъ седьмой суставъ восточная сторона стрѣлять изъ лѣваго глаза мертвой головы прямя линія отъ дерева черезъ выстрѣлъ пятьдесятъ футовъ за выстрѣлъ»).

— Но,—сказалъ я,—загадка, повидимому, остается не разрѣшимой. Что это за тарабарщина насчетъ «дома епископа», «мертвой головы» и «чортова стула».

— Признаюсь,—отвѣчалъ Легранъ,—на первый взглядъ она дѣйствительно довольно затруднительна. Я прежде всего постарался раздѣлить текстъ на отдѣльныя фразы.

— То-есть разставить знаки препинанія?

— Ну, да, нѣчто въ этомъ родѣ.

— Но какъ же этого добиться?

— Я рѣшилъ, что авторъ нарочно не ставилъ знаковъ препинанія, чтобы затруднить разгадку шифра. Задавшись такой цѣлью, человѣкъ не особенно остроумный непремѣнно долженъ былъ пересолить. Тамъ, гдѣ кончается фраза и требуется точка, онъ наоборотъ поставилъ бы слова тѣснѣе, чѣмъ въ остальномъ текстѣ. Разсмотрѣвъ хорошенько этотъ листокъ, вы найдете пять такихъ мѣстъ. Основываясь на этомъ, я раздѣлилъ текстъ слѣдующимъ образомъ:

«Хорошее стекло въ домѣ епископа на чортовомъ стулѣ — сорокъ одинъ градусъ и тринадцать минутъ — нордъ-нордъ-остъ —

главный сукъ седьмой суставъ восточная сторона — стрѣлять изъ лѣваго глаза мертвой головы — прямая линія отъ дерева черезъ выстрѣлъ пятьдесятъ футовъ за выстрѣлъ».

— И все-таки,— замѣтилъ я,— даже при такомъ раздѣленіи смыслъ остается для меня теменъ.

— И для меня оставался темнымъ,—возразилъ Легранъ,—въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока я разузнавалъ, нѣтъ-ли гдѣ по сосѣдству съ Сюлливанъ —Айлендомъ какого-нибудь зданія, называемаго «домъ епископа».

«Не добившись толку, я намѣревался расширить сферу моихъ поисковъ и приняться за нихъ болѣе систематично, когда однажды утромъ, мнѣ пришло въ голову, что слова «Bishop's Hostel» могутъ относиться къ старинной фамиліи Бессопъ, владѣвшей когда-то, въ незапамятныя времена, усадьбой въ пяти миляхъ отъ острова. Я отправился туда и принялся разспрашивать старыхъ негровъ. Наконецъ, одна древняя старушка сообщила мнѣ, что она знаетъ мѣсто подъ названіемъ «замокъ Епископа», и можетъ меня провести туда, но что это вовсе не замокъ и не таверна, а высокая скала.

«Я обѣщалъ заплатить ей за труды и, помявшись, она согласилась провести меня на это мѣсто. Мы нашли его безъ особенныхъ затрудненій; затѣмъ, отпустивъ ее, я принялся за изслѣдованіе мѣстности. «Замокъ» представлялъ группу скалъ и утесовъ, — одинъ изъ нихъ особенно выдѣлялся своей высотой и формой, напоминавшей искусственное сооруженіе. Я взобрался на его вершину, и долго стоялъ на ней въ недоумѣніи, не зная, что теперь предпринять. Пока я размышлялъ, взглядъ мой упалъ на узкій выступъ съ восточной стороны скалы, приблизительно на одинъ ярдъ ниже того мѣста, гдѣ я стоялъ. Онъ выдавался дюймовъ на восемнадцать, а въ ширину имѣлъ не болѣе фута; надъ нимъ находилось углубленіе въ стѣнѣ утеса, такъ что въ общемъ онъ напоминалъ старинные стулья съ изогнутыми спинками. Я ни минуты не сомнѣвался, что это и есть «чортовъ стулъ», о которомъ упоминается въ рукописи. Такимъ образомъ я овладѣлъ наконецъ тайной.

«Хорошее стекло» могло означать только зрительную трубку; такъ какъ слово «стекло» рѣдко употребляется моряками въ другомъ смыслѣ. Очевидно, нужно было смотрѣть въ зрительную трубку съ опредѣленнаго и неизмѣннаго пункта. Слова «сорокъ одинъ градусъ четырнадцать минутъ» и «нордъ нордъ-остъ» указывали направленіе трубки. Взволнованный этими открытіями, я поспѣшилъ домой, взялъ зрительную трубку и вернулся къ скалѣ.

— Взобравшись на выступъ, я убѣдился, что на немъ можно

усѣсться только въ одномъ, опредѣленномъ положеніи. Это подтверждало мои предположенія. Я взялся за зрительную трубку. Слова «сорокъ одинъ градусъ четырнадцать минутъ» могли относиться только къ высотѣ надъ видимымъ горизонтомъ, такъ какъ горизонтальное направленіе указывалось въ словахъ «нордъ-нордъостъ». Опредѣливъ это послѣднее направленіе съ помощью карманнаго компаса, я уставилъ трубку приблизительно подъ угломъ въ сорокъ одинъ градусъ и сталъ осторожно приподнимать и опускать ее, пока вниманіе мое не остановилось на кругломъ просвѣтѣ въ листвѣ огромнаго дерева, далеко превосходившаго ростомъ своимъ сосѣдей. Въ центрѣ просвѣта я замѣтилъ бѣлую точку, но съ начала не могъ разобрать, что это такое. Наконецъ, уставивъ какъ слѣдуетъ трубку, я разсмотрѣлъ человѣческій черепъ.

«Теперь загадка была окончательно рѣшена, потому что слова «главный сукъ, седьмой суставъ, восточная сторона» могли относиться только къ положенію черепа на деревѣ, а выраженіе «стрѣлять изъ лѣваго глаза мертвой головы» — допускало тоже лишь одно объясненіе: нужно опустить пулю въ лѣвую орбиту черепа, провести прямую линію отъ ближайшей точки дерева черезъ «выстрѣлъ» то есть черезъ то мѣсто, гдѣ упадетъ пуля, и отмѣрять пятьдесятъ футовъ въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ опредѣлялось мѣсто, въ которомъ, *быть можетъ*, зарыто сокровище.

— Все это,—сказалъ я,—до очевидности ясно, и хотя остроумно, но просто и понятно. Что же вы затѣмъ предприняли?

— Замѣтивъ хорошенько дерево, я вернулся домой. Лишь только я оставилъ «чортовъ стулъ», просвѣтъ въ листвѣ дерева исчезъ и я не могъ его найти больше, какъ ни высматривалъ. Все остроуміе плана, по моему, въ томъ и заключается, что этотъ просвѣтъ— какъ я убѣдился, повторивъ нѣсколько разъ опытъ—можно видѣть лишь съ одного единственнаго пункта, съ узкаго выступа скалы.

«Въ этой экскурсіи меня сопровождалъ Юпитеръ, который, безъ сомнѣнія, замѣтилъ мое странное поведеніе за послѣднее время и рѣшительно не отставалъ отъ меня. Но на слѣдующій день, поднявшись очень рано, я ускользнулъ отъ него и отправился разыскивать дерево. Послѣ продолжительныхъ поисковъ мнѣ удалось это.

«Когда я вернулся домой вечеромъ, Юпитеръ хотѣлъ поколотить меня. Остальное вы знаете.

— Въ первый разъ вы ошиблись мѣстомъ по милости Юпитера, который опустилъ жука не въ лѣвый, а въ правый глазъ черепа?

— Именно. Разница составляетъ всего два съ половиной дюйма

у «выстрѣла», т. е. у перваго колышка; и если бы сокровище находилось близко отъ «выстрѣла», эта ошибка не имѣла бы значенія; но «выстрѣлъ» и ближайшая къ нему точка дерева указывали только направленіе линіи; и какъ бы ни была незначительна разница вначалѣ, она возростала по мѣрѣ удлиненія линіи, а на разстояніи пятидесяти футовъ сдѣлалась очень существенной. Не будь я такъ глубоко убѣжденъ, что сокровище должно находиться гдѣ-нибудь по близости, всѣ наши труды пропали бы даромъ.

— Но ваше велерѣчіе и загадочныя эволюціи съ жукомъ— что это за чудачество? Я былъ увѣренъ, что вы помѣшались. И почему вамъ вздумалось опускать въ черепъ жука, а не пулю, напримѣръ?

— Видите-ли, сказать правду, я былъ раздосадованъ вашими очевидными сомнѣніями насчетъ моего разсудка и рѣшилъ отплатить вамъ маленькой мистификаціей. Вотъ почему я продѣлывалъ всѣ эти штуки съ жукомъ, и воспользовался имъ вмѣсто пули. Ваше замѣчаніе о его тяжести внушило мнѣ эту послѣднюю мысль.

— Да... понимаю. Теперь остается еще одинъ пунктъ. Откуда взялись скелеты, что мы отрыли?

— Ну, объ этомъ я также мало знаю, какъ и вы. Кажется, тутъ возможно только одно объясненіе,—хотя оно предполагаетъ такую жестокость, что и подумать страшно. Ясно, что Киддъ— если только это сокровище Кидда, въ чемъ я не сомнѣваюсь,—не могъ зарыть этотъ кладъ одинъ, безъ помощниковъ. Но когда работа была кончена, онъ счелъ за лучшее отдѣлаться отъ участниковъ тайны. Быть можетъ, два удара ломомъ—сверху, пока его помощники возились въ ямѣ,—прикончили все дѣло; а можетъ быть и дюжина ударовъ—почемъ я знаю?

Необыкновенное приключеніе Ганса Пфалля.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Роттердама, этотъ городъ находится въ сильнѣйшемъ философическомъ возбужденіи. Тамъ произошли явленія до такой степени неожиданныя—настолько новыя—до того несогласныя съ установившимися мнѣніями,—что, безъ сомнѣнія, въ непродолжительномъ времени вся Европа придетъ въ волненіе, естествоиспытатели всполошатся и въ средѣ астрономовъ и натуралистовъ начнется ералашъ.

Повидимому, дѣло происходило такъ: — числа — мѣсяца (я не могу сообщить точной даты) огромная толпа собралась неизвѣстно зачѣмъ на Биржевой площади благоустроеннаго города

Роттердама. День выдался теплый—совсѣмъ не по сезону—безъ малѣйшаго вѣтерка—и благодушное настроеніе толпы ничуть не портилось оттого, что по временамъ ее спрыскивалъ легкій дождичекъ изъ густыхъ сѣрыхъ тучъ, въ изобиліи разсѣянныхъ подъ голубымъ небосклономъ. Тѣмъ не менѣе, около полудня въ толпѣ обнаружилось легкое, но необычайное волненіе: десять тысячъ языковъ забормотали разомъ; спустя мгновеніе десять тысячъ лицъ обратились къ небу, десять тысячъ трубокъ словно по командѣ вылетѣли изъ десяти тысячъ ртовъ, и продолжительный, громкій, дикій крикъ, который можно сравнить только съ ревомъ Ніагары, раскатился по улицамъ и окрестностямъ Роттердама.

Причина этой суматохи вскорѣ выяснилась. Изъ-за рѣзко очерченной массы одного изъ упомянутыхъ выше облаковъ медленно выдвинулась и обрисовалась на ясной лазури какая-то странная, пестрая, но, повидимому, плотная штука такой курьезной формы, такой причудливой конструкціи, что толпа крѣпкоголовыхъ бюргеровъ, стоявшая внизу, разинувъ рты, могла только дивиться, не понимая въ чемъ дѣло. Что бы это было? Ради всѣхъ чертей въ Роттердамѣ, что бы это могло означать? Никто не зналъ, никто не понималъ, никто—даже самъ бургомистръ мингеръ Супербусъ фонъ Ундердукъ—не обладалъ ключемъ къ этой тайнѣ; и такъ какъ ничего болѣе разумнаго нельзя было придумать, то въ концѣ концовъ каждый изъ бюргеровъ вложилъ трубку обратно въ ротъ, и не спуская глазъ съ явленія, выпустилъ клубъ дыма, пріостановился, переступилъ съ ноги на ногу, значительно хмыкнулъ,—затѣмъ снова переступилъ съ ноги на ногу, хмыкнулъ, пріостановился и выпустилъ клубъ дыма.

Тѣмъ временемъ объектъ этого усиленнаго любопытства и причина этихъ многочисленныхъ затяжекъ спускался ниже и ниже надъ благополучнымъ городомъ. Спустя нѣсколько минутъ его можно было разсмотрѣть въ подробностяхъ. Повидимому, это былъ... нѣтъ, это дѣйствительно былъ воздушный шаръ; но, безъ сомнѣнія, такого шара еще не видывали въ Роттердамѣ. Кто же, позвольте васъ спросить, слыхалъ когда-нибудь о воздушномъ шарѣ, склеенномъ изъ старыхъ газетъ? Въ Голландіи—никто, могу васъ увѣрить, и тѣмъ не менѣе, въ настоящую минуту подъ самымъ носомъ сборища, или, точнѣе сказать, на нѣкоторой высотѣ надъ носами колыхалась именно эта самая вещь, устроенная, по сообщенію вполнѣ надежнаго авторитета, изъ упомянутаго матеріала, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не употреблявшагося для подобныхъ цѣлей.—Жестокое оскорбленіе наносилось здравому смыслу роттердамскихъ бюргеровъ. Форма шара оказалась еще обиднѣе. Онъ имѣлъ видъ огромнаго дурацкаго колпака, опроки-

нутаго верхушкой внизъ. Это сходство ничуть не уменьшилось, когда, при болѣе внимательномъ осмотрѣ, толпа замѣтила огромную кисть, подвѣшенную къ верхушкѣ, а вокругъ верхняго края или основанія конуса рядъ маленькихъ инструментовъ, въ родѣ бубенчиковъ, вызванивавшихъ мотивъ Бетти Мартина. Мало того, къ этой фантастической машинѣ была привѣшена вмѣсто лодочки огромная темная касторовая шляпа съ широчайшими полями, обвитая вокругъ тульи черной лентой съ серебряной пряжкой.

Замѣчательное дѣло: многіе изъ роттердамскихъ гражданъ готовы были побожиться, что имъ уже не разъ случалось видѣть эту самую шляпу, да и все сборище смотрѣло на нее какъ на старую знакомую, а фрау Греттель Пфалль, испустивъ радостное восклицаніе, объявила, что это собственная шляпа ея дорогого мужа. Необходимо замѣтить, что Пфалль съ тремя товарищами исчезъ изъ Роттердама лѣтъ пять тому назадъ самымъ неожиданнымъ и необычайнымъ манеромъ и съ тѣхъ поръ не было о немъ ни слуха, ни духа. Позднѣе, въ глухомъ закоулкѣ на восточной окраинѣ города откопали кучку костей, повидимому, человѣческихъ, въ грудѣ какого-то страннаго хлама, и нѣкоторые изъ гражданъ вообразили, что здѣсь совершилось кровавое злодѣйство, жертвой котораго пали Гансъ Пфалль и его товарищи. Но вернемся къ происшествію.

Воздушный шаръ (такъ какъ это былъ несомнѣнно воздушный шаръ) находился теперь на высотѣ сотни футовъ и публика могла свободно разсмотрѣть пассажира. Правду сказать, это былъ очень странный субъектъ. Его ростъ не превышалъ двухъ футовъ. Но и при такомъ маленькомъ ростѣ онъ легко могъ потерять equi librium и кувырнуться за бортъ своей оригинальной лодочки, если бы не обручъ, помѣщенный на высотѣ его груди и прикрѣпленный къ шару веревками. Толщина человѣчка вовсе не соотвѣтствовала росту и придавала всей его фигурѣ совершенно нелѣпый шарообразный видъ. Ногъ его, разумѣется, не было видно. Руки отличались громадными размѣрами, сѣдые волосы были собраны на затылкѣ въ видѣ queue. У него былъ непомѣрно длинный, крючковатый, багровый носъ; большіе, блестящіе, быстрые глаза; изборожденныя морщинами и тѣмъ не менѣе полныя, жирныя, двойныя щеки; но ни малѣйшаго подобія ушей нельзя было усмотрѣть на его головѣ. Курьезный старичекъ носилъ просторный сатиновый сюртукъ небесно-голубаго цвѣта и такого же цвѣта панталоны въ обтяжку съ серебряными пряжками на колѣняхъ. Сверхъ того на немъ былъ жилетъ изъ какой-то ярко-желтой матеріи, мягкая бѣлая шляпа, молодецки надвинутая на бекрень, и кроваво-красный шелковый платокъ на шеѣ, франтовски спускавшійся на грудь огромнымъ фантастическимъ бантомъ.

Спустившись, какъ уже сказано, на высоту около сотни футовъ надъ поверхностью земли, старичекъ внезапно засуетился, повидимому, не желая приближаться еще болѣе къ terra firma. Съ большимъ усиліемъ онъ выбросилъ изъ полотнянаго мѣшка немного песку и шаръ на мгновеніе остановился въ воздухѣ. Затѣмъ старичекъ торопливо вытащилъ изъ боковаго кармана большую записную книжку въ сафьянномъ переплетѣ, и подозрительно взвѣсилъ въ рукѣ, глядя на нее съ величайшимъ изумленіемъ, очевидно пораженный ея вѣсомъ. Наконецъ онъ открылъ книжку, и доставъ изъ нея большой пакетъ, запечатанный сюргучемъ и тщательно обвязанный красною тесемкой, бросилъ его какъ разъ къ ногамъ бургомистра Супербуса фонъ Ундердука. Его превосходительство нагнулся поднять пакетъ. Но аэронавтъ, по прежнему, въ сильнѣйшей ажитаціи, и очевидно считая свои дѣла въ Роттердамѣ поконченными, сталъ въ эту самую минуту готовиться къ отъѣзду. Для этого потребовалось облегчить лодочку и вотъ, полдюжины мѣшковъ, которые онъ выбросилъ, не потрудившись опорожнить, одинъ за другимъ шлепнулись на спину бургомистра, столько же разъ опрокинувъ этого сановника въ глазахъ всего Роттердама. Не слѣдуетъ думать, однако, что великій Ундердукъ оставилъ безнаказанной эту наглую выходку старикашки. Напротивъ, разсказываютъ, будто онъ при каждомъ изъ полудюжины паденій выпускалъ не менѣе полудюжины сильныхъ и яростныхъ клубовъ изъ своей трубки, за которую все время держался и намѣренъ держаться (съ Божіею помощью) до послѣдняго дня своей жизни.

Тѣмъ временемъ воздушный шаръ взвился, точно жаворонокъ, на громадную высоту и вскорѣ скрылся за облакомъ, совершенно похожимъ на то, изъ-за котораго онъ такъ курьезно появился. Такъ онъ скрылся на вѣки отъ изумленныхъ взоровъ добрыхъ гражданъ Роттердама. Вниманіе всѣхъ устремилось теперь къ письму, паденіе котораго и послѣдовавшія затѣмъ происшествія оказались столь оскорбительными для персоны и персональнаго достоинства его превосходительства фонъ Ундердука. Тѣмъ не менѣе, этотъ сановникъ во время своихъ коловратныхъ движеній не упускалъ изъ вида письма, которое, какъ оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи, попало въ надлежащія руки, будучи адресовано ему и профессору Рубадубу, какъ президенту и вице-президенту Роттердамскаго астрономическаго общества. Итакъ, названные сановники распечатали письмо тутъ же на мѣстѣ и нашли въ немъ слѣдующее необычайное и весьма серьезное сообщеніе:

«Ихъ превосходительствамъ фонъ Ундердуку и Рубадубу, президенту и вице-президенту Астрономической коллегіи въ городѣ Роттердамѣ.

Быть можетъ, ваши превосходительства соблаговолятъ припомнить скромнаго ремесленника, по имени Ганса Пфалля, а по профессіи починяльщика кузнечныхъ мѣховъ, который вмѣстѣ съ тремя другими обывателями исчезъ изъ города Роттердама около пяти лѣтъ тому назадъ, при обстоятельствахъ, можно сказать, чрезвычайныхъ. Какъ бы то ни было, съ позволенія вашихъ превосходительствъ, я, авторъ настоящаго сообщенія, и есть тотъ самый Гансъ Пфалль. Большинству моихъ согражданъ извѣстно, что въ теченіе сорока лѣтъ я занималъ небольшую кирпичную постройку въ концѣ аллеи, именуемой «Кислая Капуста»,—гдѣ проживалъ и въ моментъ моего исчезновенія. Предки мои съ незапамятныхъ временъ обитали тамъ же, подвизаясь на томъ же почетномъ и весьма прибыльномъ поприщѣ починки кузнечныхъ мѣховъ. Ибо, говоря откровенно, до послѣднихъ лѣтъ, когда у всего народа головы пошли кругомъ по милости политики, ни одинъ честный роттердамскій обыватель не могъ бы пожелать или заслужить лучшей профессіи. Я пользовался широкимъ кредитомъ, въ работѣ никогда не ощущалось недостатка, словомъ, и денегъ и заказовъ было вдоволь. Но, какъ я уже сказалъ, мы живо почувствовали послѣдствія свободы, длинныхъ рѣчей, радикализма и тому подобныхъ штукъ. Люди, которые раньше были наилучшими заказчиками въ мірѣ, теперь забыли и думать о насъ грѣшныхъ. Они принялись читать о революціяхъ, слѣдить за успѣхами человѣческаго ума и приспособляться къ духу времени. Если требовалось растопить горнъ, его растапливали газетами; и я не сомнѣваюсь, что по мѣрѣ того, какъ правительство становилось слабѣе, желѣзо и кожа соотвѣтственно выигрывали въ прочности, такъ какъ въ самое короткое время во всемъ Роттердамѣ не осталось и пары мѣховъ, которымъ когда-либо потребовалась бы помощь иглы или молотка. Словомъ, положеніе вещей становилось невыносимымъ. Вскорѣ я обнищалъ, какъ мышь, будучи къ тому же обремененъ семействомъ, такъ что въ концѣ концовъ мнѣ стало просто не въ терпежъ и я цѣлые часы проводилъ, обдумывая, какимъ бы способомъ лишить себя жизни, но кредиторы не оставляли мнѣ времени для размышленій. Мой домъ былъ буквально въ осадѣ съ утра до вечера. Трое заимодавцевъ въ особенности допекали меня, подстерегая по цѣлымъ часамъ у дверей и угрожая судомъ. Я поклялся жестоко отомстить этимъ троимъ, если только когда-нибудь они попадутся мнѣ въ лапы, и думаю, что только предвкушеніе этой мести и помѣшало мнѣ немедленно привести въ исполненіе планъ самоубійства и раздробить себѣ черепъ изъ мушкетона. Какъ бы то ни было, я счелъ за лучшее затаить свою злобу и умасливать ихъ ласковыми словами и обѣщаніями, пока благопріятный оборотъ судьбы не доставитъ мнѣ случая для мести.

Однажды, ускользнувъ отъ нихъ и чувствуя себя въ болѣе чѣмъ когда-либо угнетенномъ настроеніи, я безцѣльно бродилъ по самымъ глухимъ улицамъ, пока не завернулъ случайно въ лавочку букиниста. Увидѣвъ стулъ, приготовленный для посѣтителей, я угрюмо опустился на него и машинально развернулъ первую попавшуюся книгу. Это оказался небольшой полемическій трактатъ по теоретической астрономіи, сочиненіе берлинскаго профессора Энке или какого-то француза съ подобной же фамиліей. Я немножко мараковалъ въ этомъ предметѣ и вскорѣ совершенно углубился въ чтеніе—и перечелъ книгу дважды, прежде чѣмъ сообразилъ, гдѣ я и что я. Тѣмъ временемъ стемнѣло, такъ что я отправился домой. Но книжка (въ связи съ новымъ открытіемъ по части пневматики, тайну котораго сообщилъ мнѣ недавно одинъ мой родственникъ изъ Нанта) произвела неизгладимое впечатлѣніе на мой умъ и, блуждая по темнымъ улицамъ, я размышлялъ о дикихъ и не всегда понятныхъ разсужденіяхъ автора. Нѣкоторыя мѣста въ особенности поразили мое воображеніе. Чѣмъ дольше я думалъ надъ ними, тѣмъ болѣе они занимали меня. Мое вообще недостаточное образованіе и въ частности незнакомство съ естественными науками, отнюдь не внушая мнѣ недовѣрія къ моей способности понять прочтенное, или къ тѣмъ смутнымъ знаніямъ, которыя явились результатомъ чтенія,—только пуще разжигали мою фантазію. Я былъ настолько безуменъ или настолько разсудителенъ, что спрашивалъ себя: точно-ли призрачны странныя идеи, возникающія въ причудливыхъ умахъ, или онѣ сплошь и рядомъ обладаютъ силой, реальностью и другими свойствами инстинкта или вдохновенія.

Я поздно пришелъ домой и тотчасъ улегся спать. Но голова моя была слишкомъ взбудоражена и я цѣлую ночь провелъ въ размышленіяхъ. Поднявшись рано утромъ, я поспѣшилъ въ книжную лавочку и купилъ нѣсколько трактатовъ по механикѣ и практической астрономіи, затративъ на нихъ всю имѣвшуюся у меня небольшую сумму. Затѣмъ, благополучно вернувшись домой съ этимъ пріобрѣтеніемъ, я сталъ посвящать чтенію каждую свободную минуту и вскорѣ пріобрѣлъ познанія, достаточныя для того, чтобы привести въ исполненіе планъ, внушенный мнѣ или дьяволомъ или моимъ добрымъ геніемъ. Въ тоже время я всѣми силами старался умаслить трехъ кредиторовъ, допекавшихъ меня такъ жестоко. Въ концѣ концовъ я успѣлъ въ этомъ, уплативъ половину долга изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи кое-какихъ домашнихъ вещей, и обѣщавъ доплатить остальную половину, когда приведу въ исполненіе одинъ проектецъ, въ осуществленіи котораго они (люди совершенно невѣжественные) обѣщались мнѣ помочь.

Устроившись такимъ образомъ, я постарался сбыть, при помощи жены и съ соблюденіемъ строжайшей тайны, свое остальное имущество, и набралъ порядочную сумму денегъ, занимая по мелочамъ, гдѣ придется, подъ разными предлогами, и (со стыдомъ долженъ сознаться) безъ всякихъ видовъ на уплату въ будущемъ. На эти деньги я помаленьку накупилъ: очень тонкаго кэмбриковаго муслина кусками по двѣнадцати ярдовъ каждый, веревокъ, каучуковаго лака, широкую и глубокую плетеную корзину, сдѣланную по заказу, и разныхъ другихъ матеріаловъ, необходимыхъ для сооруженія и оснастки воздушнаго шара огромныхъ размѣровъ. Изготовленіе шара я поручилъ женѣ, давъ ей надлежащія указанія, съ просьбой окончить работу какъ можно скорѣе; а самъ тѣмъ временемъ сплелъ сѣтку, снабдивъ ее обручами и всѣми необходимыми веревками,—и пріобрѣлъ множество инструментовъ и матеріаловъ для опытовъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Далѣе я перевезъ однажды ночью въ глухой закоулокъ на восточной окраинѣ Роттердама пять бочекъ, обитыхъ желѣзными обручами, вмѣстимостью въ пятьдесятъ галлоновъ каждая, и шестую побольше; полдюжины жестяныхъ трубъ въ десять футовъ длиной и три дюйма шириной; запасъ особеннаго металлическаго вещества или полуметалла, названіе котораго не могу сообщить, и двѣнадцать бутылей самой обыкновенной кислоты. Газъ, получаемый съ помощью этихъ матеріаловъ, еще никѣмъ, кромѣ меня, не былъ добываемъ—или, по крайней мѣрѣ, никогда не примѣнялся для подобной цѣли. Здѣсь я могу только сообщить, что онъ представляетъ составную часть азота, такъ долго считавшагося неразложимымъ, и что плотность его въ 37,4 меньше плотности водорода. Онъ не имѣетъ вкуса, но обладаетъ запахомъ; очищенный горитъ зеленоватымъ пламенемъ, и безусловно смертеленъ для всякаго живого существа. Я могъ бы описать его во всѣхъ подробностяхъ, но, какъ уже намекнулъ выше, право на это открытіе принадлежитъ одному нантскому гражданину, который подѣлился со мною своей тайной на извѣстныхъ условіяхъ. Онъ же сообщилъ мнѣ, ничего не зная о моихъ намѣреніяхъ, способъ изготовленія воздушныхъ шаровъ изъ шкурки одного животнаго, сквозь которую газъ почти не проникаетъ. Я, однако, нахожу этотъ способъ слишкомъ дорогимъ, и думаю, въ концѣ концовъ, что кэмбриковый муслинъ, покрытый слоемъ каучука, ничуть не хуже. Упоминаю объ этомъ, такъ какъ считаю весьма возможнымъ, что мой нантскій родственникъ попытается устроить воздушный шаръ съ помощью новаго газа и матеріала, о которомъ говорено выше,—и отнюдь не желаю отнимать у него честь такого замѣчательнаго открытія.

На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были помѣститься бочки поменьше во время наполненія шара, я выкопалъ небольшія ямы, такъ что въ общемъ онѣ образовали кругъ въ двадцать пять футовъ въ діаметрѣ. Въ центрѣ этого круга была вырыта яма поглубже, надъ которой я намѣревался поставить большую бочку. Затѣмъ я положилъ въ каждую изъ пяти маленькихъ ямъ по ящику съ порохомъ, по пятидесяти фунтовъ въ каждомъ, а въ большую боченокъ съ ста пятьюдесятью фунтами пушечнаго пороха. Соединивъ ихъ,—боченокъ и ящики,—подземными приводами и приспособивъ къ одному изъ ящиковъ фитиль въ четыре фута длиною, я прикрылъ его бочкой, такъ что конецъ фитиля высовывался изъ подъ нея только на дюймъ; засыпалъ остальныя ямы и установилъ надъ ними бочки въ надлежащемъ положеніи.

Кромѣ перечисленныхъ выше приспособленій, я припряталъ въ dерôt аппаратъ г. Гримма для сгущенія атмосфернаго воздуха. Впрочемъ, эта машина потребовала значительныхъ измѣненій, дабы удовлетворить моимъ цѣлямъ. Но путемъ упорнаго труда и неослабной настойчивости мнѣ удалось преодолѣть всѣ затрудненія. Вскорѣ мой шаръ былъ готовъ. Онъ вмѣщалъ болѣе сорока тысячъ кубическихъ футовъ газа и легко могъ поднять меня, мои запасы и сто семьдесятъ пять фунтовъ балласта. Онъ былъ покрытъ тройнымъ слоемъ лака, и я убѣдился, что кэмбриковый муслинъ ничуть не уступаетъ шелку, такъ же проченъ, но гораздо дешевле.

Когда все было готово, я взялъ съ своей жены клятвенное обѣщаніе хранить въ тайнѣ всѣ мои дѣйствія, съ того дня, когда я въ первый разъ посѣтилъ лавку букиниста; и обѣщавъ вернуться какъ только позволятъ обстоятельства, отдалъ ей оставшіяся у меня деньги и простился съ нею. Мнѣ нечего было безпокоиться на ея счетъ. Моя жена, что называется—бой-баба и съумѣетъ прожить на свѣтѣ безъ моей помощи. Говоря откровенно, сдается мнѣ, что она всегда считала меня лѣнтяемъ, дармоѣдомъ, способнымъ только строить воздушные замки,—и была очень рада отдѣлаться отъ меня. Итакъ, простившись съ ней въ одну темную ночь, я захватилъ съ собой, въ качествѣ aides-de-camp,[1] трехъ кредиторовъ, доставившихъ мнѣ столько непріятностей, и мы потащили шаръ, лодочку и прочія принадлежности окольнымъ путемъ къ мѣсту отправки, гдѣ уже были заготовлены всѣ остальные матеріалы. Все оказалось въ порядкѣ и я немедленно приступилъ къ дѣлу.

Было первое апрѣля. Какъ уже сказано, ночь была темная, на небѣ ни звѣздочки; моросилъ мелкій дождикъ, по милости котораго мы чувствовали себя очень скверно. Но меня пуще всего безпо-

1) адьютантовъ.

коилъ шаръ, который, хотя и былъ покрытъ лакомъ, однако, сильно отяжелѣлъ отъ влажности; да и порохъ могъ подмокнуть. Итакъ, я попросилъ моихъ трехъ кредиторовъ приняться за работу какъ можно ретивѣе: толочь ледъ около большой бочки и размѣшивать кислоту въ остальныхъ. Однако, они смертельно надоѣдали мнѣ вопросами,—къ чему всѣ эти приспособленія, и страшно злились на тяжелую работу. Какой прокъ выйдетъ изъ того (говорили они), что имъ придется промокнуть до костей, принимая участіе въ такомъ ужасномъ колдовствѣ. Я начиналъ чувствовать себя очень неловко, и работалъ изо всѣхъ силъ, такъ какъ серьезно думаю, что эти идіоты вообразили, будто я вступилъ въ сдѣлку съ дьяволомъ. Я опасался, что они совсѣмъ уйдутъ отъ меня. Какъ бы то ни было, я старался уговорить ихъ, обѣщая расплатиться полностью лишь только мы окончимъ это дѣло. Безъ сомнѣнія, они по своему объяснили эти слова, вообразивъ, что я во всякомъ случаѣ долженъ получить изрядную сумму чистоганомъ; а до моей души имъ, конечно, не было дѣла, лишь бы я уплатилъ долгъ да прибавилъ малую толику за услуги.

Черезъ четыре съ половиной часа шаръ былъ наполненъ въ достаточной степени. Я привязалъ корзину, и положилъ въ нее мои запасы: зрительную трубку, барометръ съ нѣкоторыми важными усовершнсѣтвованіями, термометръ, электрометръ, компасъ, магнитную стрелку, секундные часы, колокольчикъ, рупоръ и проч. и проч. и проч., также стеклянный шаръ, изъ котораго выкачанъ воздухъ, тщательно закупоренный пробкой; аппаратъ для сгущенія воздуха, жженой извести, кусокъ воска, обильный запасъ воды и съѣстныхъ припасовъ, главнымъ образомъ пеммикана, который содержитъ много питательныхъ матеріаловъ при сравнительно небольшомъ объемѣ. Я захватилъ также корзинку съ парой голубей и кошку.

Разсвѣтъ былъ недалеко и я рѣшилъ, что время отправляться. Уронивъ, какъ будто нечаянно, сигару, я изловчился, поднимая ее, зажечь кончикъ фитиля, высовывавшійся, какъ было описано выше, изъ подъ нижняго края бочки. Этотъ маневръ остался совершенно незамѣченнымъ моими кредиторами. Затѣмъ я вскочилъ въ корзину, однимъ махомъ перерѣзалъ веревку, прикрѣплявшую шаръ къ землѣ и съ удовольствіемъ убѣдился, что поднимаюсь кверху съ головокружительной быстротой, унося съ собою сто семьдесятъ пять фунтовъ балласта (а могъ бы унести и вдвое больше). Въ моментъ поднятія барометръ показывалъ тридцать дюймовъ, а термометръ 19°.

Но едва я поднялся на высоту пятидесяти ярдовъ, какъ въ догонку мнѣ взвился, съ ужаснѣйшимъ ревомъ и свистомъ, такой

страшный вихрь огня, песку, горящихъ обломковъ, расплавленнаго металла, истерзанныхъ членовъ, что сердце мое замерло и я повалился на дно корзины, дрожа отъ страха. Мнѣ стало ясно, что я переусердствовалъ, и что главныя послѣдствія толчка еще впереди. И точно, не прошло секунды, какъ вся моя кровь прихлынула къ вискамъ и тотчасъ затѣмъ раздался взрывъ, котораго я никогда не забуду. Казалось, самый сводъ небесный рушится. Впослѣдствіи, размышляя надъ этимъ приключеніемъ, я понялъ, что причиной такой непомѣрной силы взрыва было положеніе моего шара какъ разъ надъ миной, на линіи ея сильнѣйшаго дѣйствія. Но въ эту минуту я думалъ только о спасеніи своей жизни. Сначала шаръ съежился, потомъ страшно раздулся, потомъ закружился съ ужасающей быстротой и, наконецъ, вертясь и раскачиваясь, точно пьяный, выбросилъ меня изъ корзины, такъ что я повисъ, на страшной высотѣ, внизъ головой и наружу лицомъ, на тонкой бичевкѣ фута въ три длиною, случайно высунувшейся въ отверстіе близь дна корзины и какимъ-то чудомъ обмотавшейся вокругъ моей лѣвой ноги. Невозможно, рѣшительно невозможно изобразить ужасъ моего положенія. Я задыхался—дрожь, точно въ лихорадкѣ, пробирала каждый нервъ, каждый мускулъ моего тѣла—я чувствовалъ, что глаза мои выкатываются изъ орбитъ—отвратительная тошнота подступала къ горлу,—наконецъ, я лишился чувствъ.

Долго-ли я оставался въ такомъ положеніи, рѣшительно не знаю. Должно быть не мало времени, потому что, когда я отчасти пришелъ въ сознаніе, утро уже наступило, шаръ несся на чудовищной высотѣ надъ безбрежнымъ океаномъ, и ни признака земли не виднѣлось въ предѣлахъ обширнаго горизонта. Я однако вовсе не испытывалъ такой агоніи, какъ можно бы было ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, было что-то безумное въ спокойствіи, съ которымъ я принялся обсуждать свое положеніе. Я поочереди поднесъ къ глазамъ руки и удивился, отчего это вены на нихъ налились кровью и ногти такъ страшно почернѣли. Потомъ тщательно изслѣдовалъ голову, нѣсколько разъ тряхнулъ ею, ощупалъ очень подробно и наконецъ убѣдился, къ своему удовольствію, что она отнюдь не больше воздушнаго шара, какъ мнѣ было вообразилось. Затѣмъ ощупалъ карманы брюкъ, и не найдя въ нихъ записной книжки и футлярчика отъ зубочистки, долго старался объяснить себѣ, куда они дѣвались, но не успѣвъ въ этомъ, почувствовалъ невыразимое огорченіе. Тутъ поразило меня ощущеніе крайней неловкости въ лодыжкѣ лѣвой ноги и у меня явилось смутное сознаніе моего положенія. Но странное дѣло,—я не удивился и не ужаснулся. Напротивъ, я чувствовалъ какое-то удовольствіе при

мысли о томъ, какъ ловко выпутаюсь изъ этой дилеммы; и ни секунды не сомнѣвался въ своемъ спасеніи. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я былъ погруженъ въ размышленія. Совершенно отчетливо помню, какъ я поджималъ губы, приставлялъ кончикъ пальца къ носу и продѣлывалъ другіе жесты и гримасы, свойственные людямъ, которые, спокойно сидя въ своемъ креслѣ, размышляютъ надъ запутанными и важными вопросами. Наконецъ, собравшись съ мыслями, я очень спокойно и осторожно засунулъ руки за спину и отдѣлилъ отъ ремня, стягивавшаго мои панталоны, большую желѣзную пряжку. На ней было три зубца, нѣсколько заржавѣвшіе и потому съ трудомъ передвигавшіеся вокругъ своей оси. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось повернуть ихъ подъ прямымъ угломъ къ пряжкѣ и я съ удовольствіемъ убѣдился, что они держатся въ этомъ положеніи очень прочно. Затѣмъ, взявъ въ зубы этотъ инструментъ, я попытался развязать галстухъ. Не сразу удалось мнѣ это, но въ концѣ концовъ—удалось. Къ одному концу галстуха я прикрѣпилъ пряжку, а другой обвязалъ вокругъ руки. Затѣмъ, страшнымъ усиліемъ мускуловъ качнулся впередъ и забросилъ пряжку въ корзину, гдѣ, какъ я и ожидалъ, она застряла въ петляхъ.

Теперь мое тѣло было наклонено къ краю корзины подъ угломъ градусовъ въ сорокъ пять. Но это вовсе не значитъ, что оно только на сорокъ пять градусовъ уклонялось отъ вертикальной линіи. Напротивъ, я лежалъ почти на уровнѣ горизонта, такъ какъ, перемѣнивъ положеніе, этимъ самимъ заставилъ корзину принять косвенное направленіе. Итакъ, мое положеніе было по прежнему крайне опасно. Но если бы, вылетѣвъ изъ корзины, я повисъ лицомъ къ шару, а не наружу, если бы веревка, на которой я висѣлъ, перекинулась черезъ край корзины, а не высунулась въ отверстіе близь дна, мнѣ не удалось бы даже то немногое, что удалось теперь, и мои открытія остались бы утраченными для потомства. Итакъ, я имѣлъ полное основаніе быть благодарнымъ судьбѣ. Впрочемъ, въ эту минуту я все еще былъ слишкомъ ошеломленъ, чтобы чувствовать что-нибудь опредѣленное, и добрыя четверть часа провисѣлъ совершенно спокойно, въ идіотски-радостномъ настроеніи. Вскорѣ, однако, это настроеніе исчезло, смѣнившись ужасомъ и отчаяніемъ, сознаніемъ безпомощности и гибели. Дѣло въ томъ, что кровь, застоявшаяся такъ долго въ венахъ головы и глотки и доведшая мой мозгъ почти до delirium, мало по малу отхлынула, и прояснившееся сознаніе, раскрывъ передо мною весь ужасъ положенія, только лишило меня самообладанія и мужества. Къ счастью, этотъ припадокъ слабости не былъ продолжителенъ. На помощь мнѣ явилось

отчаяніе: съ бѣшенными криками, судорожно извиваясь и раскачиваясь, я сталъ метаться какъ безумный, пока, наконецъ, уцѣпившись точно клещами за край корзины, перекинулся черезъ него и весь дрожа покатился на дно.

Не сразу я опомнился настолько, что могъ приняться за осмотръ. Къ моему крайнему облегченію шаръ оказался неповрежденнымъ. Всѣ мои запасы уцѣлѣли; я не потерялъ ни провизіи, ни балласта. Впрочемъ, я уложилъ ихъ такъ тщательно, что этого и не могло случиться. Я посмотрѣлъ на часы: было шесть. Я все еще быстро поднимался; барометръ показывалъ высоту въ три и три четверти мили. Какъ разъ подо мною на океанѣ виднѣлся маленькій черный предметъ,—продолговатый, величиной съ косточку домино, да и всѣмъ видомъ напоминавшій ее. Направивъ на него зрительную трубку, я убѣдился, что это девяносто-четырехъ пушечный англійскій корабль, тяжело нагруженный и медленно двигавшійся по направленію WSW. Кромѣ него, я видѣлъ только море, небо и солнце, давно уже поднявшееся надъ горизонтомъ.

Пора мнѣ объяснить вашимъ превосходительствамъ цѣль моего путешествія. Ваши превосходительства соблаговолятъ припомнить, что разстроенныя обстоятельства въ концѣ концовъ заставили меня думать о самоубійствѣ. Это не значитъ, однако, что жизнь сама по себѣ опротивѣла мнѣ,—нѣтъ, мнѣ только стало не въ терпежъ мое бѣдственное положеніе. Въ этомъ настроеніи, желая жить и въ то же время утомленный жизнью, я случайно прочелъ книжку, которая, въ связи съ открытіемъ моего нантскаго родственника, доставила обильную пищу моему воображенію. Я нашелъ, наконецъ, выходъ. Я рѣшилъ исчезнуть съ лица земли, оставшись тѣмъ не менѣе въ живыхъ, — покинуть этотъ міръ, продолжая существовать,—однимъ словомъ, я рѣшилъ, во что бы то ни стало пробраться на луну. Теперь, чтобы не показаться сумасшедшимъ, постараюсь изложить, какъ умѣю, соображенія, въ силу которыхъ я считалъ это предпріятіе—безспорно трудное и исполненное опасностей—не безусловно неисполнимымъ для смѣлаго духомъ человѣка.

Прежде всего, конечно, является вопросъ о разстояніи луны отъ земли. Извѣстно, что среднее разстояніе между центрами обѣихъ планетъ равно 599.643 экваторіальнымъ радіусамъ земного шара, что составляетъ всего 237.000 миль. Я говорю о среднемъ разстояніи; но такъ какъ орбита луны представляетъ эллипсисъ, эксцентриситетъ котораго достигаетъ въ длину не менѣе 0.05484 большой полуоси самаго эллипсиса, а земля расположена въ фокусѣ послѣдняго —то если бы мнѣ удалось встрѣ-

тить луну въ перигеѣ, вышеуказанное разстояніе сохранилось бы весьма значительно. Но, даже оставивъ въ сторонѣ эту возможность, я могу вычесть изъ этого разстоянія радіусъ земли, т. е. 4.000, и радіусъ луны, т. е. 1.080, а всего 5.080 миль, такъ что средняя длина пути при обыкновенныхъ условіяхъ составитъ 231.920 миль. Разстояніе вовсе не чрезвычайное. Путешествія на землѣ сплошь и рядомъ совершаются съ средней скоростью 60 миль въ часъ, и, безъ сомнѣнія, есть полная возможность увеличить эту скорость. Но, даже оставаясь при ней, потребуется не болѣе 161 дня, чтобы достигнуть луны. Были, однако, различныя соображенія, заставлявшія меня думать, что средняя скорость моего путешествія далеко превзойдетъ шестьдесятъ миль въ часъ, и такъ какъ эти соображенія произвели глубокое впечатлѣніе на мой умъ, то я изложу ихъ подробнѣе.

Прежде всего остановлюсь на слѣдующемъ, весьма важномъ пунктѣ. Показанія барометра при воздушныхъ путешествіяхъ говорятъ намъ, что на высотѣ 1.000 футовъ надъ поверхностью земли мы оставляемъ за собой около одной тридцатой части всей массы атмосфернаго воздуха; на высотѣ 10.600 футовъ—около трети, а на высотѣ 18.000 футовъ, т. е. почти на высотѣ Котопакси, подъ нами остается половина,—по крайней мѣрѣ, половина вѣсомой массы воздуха, облекающаго нашу планету. Вычислено также, что на высотѣ, не превосходящей одну сотую земнаго діаметра—т. е. не болѣе восьми миль—атмосфера разрѣжена до такой степени, что деликатнѣйшіе приборы не могутъ обнаружить ея присутствія, и животная жизнь становится безусловно невозможной. Но я не упустилъ изъ вида, что всѣ эти разсчеты основаны на экспериментальномъ изученіи свойствъ воздуха и законовъ его расширенія и сжатія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ землей, причемъ считается доказаннымъ, что животный организмъ не можетъ измѣниться на какомъ бы то ни было разстояніи отъ земной поверхности. Между тѣмъ, заключенія, основанныя на такихъ данныхъ, безъ сомнѣнія, проблематичны. Наибольшая высота, на которую когда-либо поднимался человѣкъ, достигнута въ воздушномъ путешествіи гг. Гэй-Люссака и Біо, поднявшихся на 25.000 футовъ. Высота очень умѣренная, даже въ сравненіи съ восемью милями. Стало быть, разсуждалъ я, тутъ остается еще много мѣста для сомнѣній и полный просторъ для спекуляціи.

Далѣе, количество вѣсомой атмосферы, которую шаръ оставляетъ за собою при подъемѣ, отнюдь не находится въ прямомъ отношеніи къ высотѣ, а (какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ) въ постоянно убывающемъ ratio. Отсюда ясно, что на какую бы высоту мы ни поднялись, мы никогда не достигнемъ

такого предѣла, выше котораго вовсе не существуетъ атмосферы. Она должна существовать,—разсуждалъ я,—хотя, быть можетъ, въ состояніи безконечнаго разрѣженія.

Съ другой стороны, мнѣ было извѣстно, что есть много основаній допускать существованіе дѣйствительнаго и опредѣленнаго предѣла атмосферы, выше котораго безусловно нѣтъ воздуха. Но одно обстоятельство, упущенное изъ вида защитниками этого предѣла, заставляло меня сомнѣваться въ справедливости ихъ мнѣнія и во всякомъ случаѣ считать необходимой серьезную провѣрку этого пункта. Если сравнить длину послѣдовательныхъ періодовъ появленія кометы Энке въ ея перигеліи, принимая въ разсчетъ возмущающее дѣйствіе планетъ, то окажется, что эти періоды постепенно уменьшаются, т. е. главная ось орбиты становится все короче и короче. Такъ и должно быть, если допустить существованіе чрезвычайно разрѣженной эѳирной среды, сквозь которую пролегаетъ орбита кометы. Ибо сопротивленіе подобной среды, замедляя движеніе кометы, очевидно, должно было увеличить ея центростремительную силу, уменьшивъ центробѣжную. Иными словами, дѣйствіе солнечнаго притяженія постоянно усиливается и комета съ каждымъ періодомъ обращенія приближается къ солнцу. Инаго объясненія этому измѣненію орбиты нельзя придумать. Кромѣ того, замѣчено, что поперечникъ кометы быстро уменьшается съ приближеніемъ ея къ солнцу и столь же быстро принимаетъ прежнюю величину при возвращеніи кометы въ афелій. Это кажущееся уменьшеніе объема кометы можно объяснить, вмѣстѣ съ г. Вальцемъ, сгущеніемъ вышеупомянутой эѳирной среды, плотность которой увеличивается по мѣрѣ приближенія къ солнцу. Явленіе, извѣстное подъ именемъ зодіакальнаго свѣта, также заслуживаетъ полнаго вниманія. Оно часто наблюдается подъ тропиками и не имѣетъ ничего общаго съ метеорическимъ свѣтомъ. Это—свѣтлыя полосы, простирающіяся отъ горизонта наискось вверхъ, по направленію солнечнаго экватора. На мой взглядъ, они несомнѣнно имѣютъ связь съ разрѣженной атмосферой, простирающейся отъ солнца до орбиты Венеры, по меньшей мѣрѣ, а по моему гораздо дальше *). Въ самомъ дѣлѣ, я не могу допустить, чтобы эта среда ограничивалась орбитой кометы или пространствомъ, непосредственно прилегающимъ къ солнцу. Напротивъ, гораздо легче предположить, что она наполняетъ всю сферу нашей планетной системы, сгущаясь у планетъ и образуя

*) Этотъ зодіакальный свѣтъ, по всей вѣроятности, то самое, что древніе называли trabes. Emicont trabes quos docos vocant.—Плинія, кн. 2, стр. 26.

то, что мы называемъ атмосферными оболочками, которыя измѣнились также подъ вліяніемъ геологическихъ факторовъ, т. е. смѣшались съ испареніями, выдѣлявшимися изъ той или другой планеты.

Остановившись на такой точкѣ зрѣнія, я не сталъ колебаться. Предполагая, что вездѣ на своемъ пути я найду атмосферу, въ существенныхъ чертахъ сходную съ земной, я надѣялся, что съумѣю сгустить ее въ достаточномъ для моихъ потребностей количествѣ, съ помощью остроумнаго аппарата г. Гримма. Такимъ образомъ, главное препятствіе устранялось. Я затратилъ не мало труда и изрядную сумму денегъ на покупку и усовершенствованіе аппарата, и не сомнѣвался, что онъ успѣшно выполнитъ свое назначеніе, лишь бы путешествіе не затянулось. Это соображеніе заставляетъ меня вернуться къ вопросу о возможной быстротѣ моего путешествія.

Извѣстно, что воздушные шары въ первые моменты восхожденія поднимаются сравнительно медленно. Быстрота подъема всецѣло зависитъ отъ разницы въ тяжести атмосфернаго воздуха и газа, наполняющаго шаръ. Принимая въ разсчетъ это обстоятельство, кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы скорость восхожденія могла увеличиваться въ верхнихъ слояхъ атмосферы, плотность которыхъ быстро уменьшается. Съ другой стороны, я не знаю ни одного отчета о воздушномъ путешествіи, въ которомъ бы сообщалось объ уменьшеніи скорости по мѣрѣ подъема; а между тѣмъ она несомнѣнно должна бы была уменьшаться уже вслѣдствіе прохожденія газа сквозь оболочку шара плохой конструкціи, покрытую обыкновеннымъ лакомъ,—не говоря о другихъ причинахъ. Одна эта потеря газа должна бы была уравновѣсить ускореніе, являющееся результатомъ удаленія шара отъ центра земли. Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, я полагалъ, что если только найду на моемъ пути среду, о которой говорено выше, и если эта среда въ существенныхъ чертахъ представляетъ то самое, что мы называемъ атмосфернымъ воздухомъ, то степень ея разрѣженія не будетъ имѣть особеннаго значенія—то есть не отразится на быстротѣ моего восхожденія—такъ какъ по мѣрѣ разрѣженія среды, будетъ соотвѣтственно разрѣжаться газъ внутри шара (для предотвращенія разрыва оболочки я могу выпускать его, по мѣрѣ надобности, посредствомъ клапана). Въ то же время, оставаясь тѣмъ, что онъ есть, газъ всегда останется относительно легче, чѣмъ какая бы то ни было смѣсь азота съ кислородомъ. Такимъ образомъ я имѣлъ основаніе надѣяться—даже, собственно говоря, разсчитывать почти навѣрняка—что ни въ какой моментъ моего восхожденія мнѣ не придется достигнуть пункта, въ кото-

ромъ вѣсъ моего огромнаго шара, заключеннаго въ немъ газа, корзины и ея содержимаго превзойдутъ вѣсъ вытѣсненной ими атмосферы. А только это послѣднее обстоятельство могло бы остановить мое восхожденіе. Но если даже я достигну такого пункта, то могу сбросить около 300 фунтовъ балласта и другихъ матеріаловъ. Тѣмъ временемъ сила тяготѣнія будетъ постоянно уменьшаться пропорціонально квадратамъ разстоянія, а скорость поднятія увеличиваться въ чудовищной прогрессіи, такъ что въ концѣ концовъ я попаду въ сферу, гдѣ земное притяженіе уступитъ мѣсто притяженію луны.

Еще одно обстоятельство нѣсколько смущало меня. Замѣчено, что при подъемѣ воздушнаго шара на значительную высоту воздухоплаватель испытываетъ, независимо отъ затрудненнаго дыханія, рядъ болѣзненныхъ ощущеній, сопровождающихся кровотеченіемъ изъ носа и другими тревожными признаками, которые усиливаются по мѣрѣ подъема *). Это обстоятельство наводило на размышленія вовсе не пріятнаго свойства. Что, если эти болѣзненныя явленія будутъ усиливаться до тѣхъ поръ, пока не кончатся смертью. Однако, я рѣшилъ, что этого врядъ-ли можно ожидать. Причина этихъ явленій заключается въ постепенномъ уменьшеніи обычнаго атмосфернаго давленія на поверхность тѣла и въ соотвѣтственномъ расширеніи поверхностныхъ кровяныхъ сосудовъ, —а не въ положительномъ разстройствѣ органической системы, какъ при затрудненномъ дыханіи, происходящемъ вслѣдствіе того, что разрѣженный воздухъ химически недостаточенъ для обновленія крови въ желудочкѣ сердца. Оставивъ въ сторонѣ это недостаточное обновленіе крови, я не вижу, почему бы жизнь не могла продолжаться даже въ vacuum; такъ какъ расширеніе и сжатіе груди, называемое въ обычномъ языкѣ дыханіемъ, есть чисто мускульное дѣйствіе и вовсе не причина, а слѣдствіе дыханія. Словомъ, я разсудилъ, что, когда тѣло привыкнетъ къ уменьшенному атмосферному давленію, болѣзненныя ощущенія постепенно уменьшатся, а пока что, перетерплю ихъ какъ-нибудь, благодаря моему желѣзному сложенію.

Съ позволенія вашихъ превосходительствъ, я подробно изложилъ нѣкоторыя—хотя далеко не всѣ—соображенія, легшія въ основу моего проекта путешествія на луну. Теперь возвращусь къ

---

*) Послѣ опубликованія отчета Ганса Пфалля, я узналъ, что извѣстный аэронавтъ мистеръ Гринъ и другіе позднѣйшіе воздухоплаватели опровергаютъ мнѣніе Гумбольдта объ этомъ предметѣ и говорятъ объ уменьшеніи болѣзненныхъ явленій,—вполнѣ согласно съ изложенной здѣсь теоріей.

описанію результатовъ моей попытки,—съ виду столь безразсудной и во всякомъ случаѣ единственной въ лѣтописяхъ человѣчества.

Достигнувъ высоты въ три и три четверти мили, я выбросилъ изъ корзины нѣсколько перьевъ и убѣдился, что шаръ мой продолжаетъ подниматься съ достаточной быстротой; и слѣдовательно нѣтъ надобности выбрасывать балластъ. Я былъ очень доволенъ этимъ обстоятельствомъ, такъ какъ хотѣлъ сохранить какъ можно больше тяжестей, не зная навѣрняка степени притяженія луны и плотности лунной атмосферы. Пока, я не испытывалъ никакихъ болѣзненныхъ ощущеній, дышалъ вполнѣ свободно и не чувствовалъ ни малѣйшей головной боли. Кошка расположилась на моемъ пальто и поглядывала на голубей съ безпечнымъ видомъ. Голуби, которыхъ я привязалъ за ноги, чтобы не улетѣли, спокойно клевали зерна риса, насыпанныя на дно корзины. Въ двадцать минутъ седьмого барометръ указывалъ высоту въ 26.400 футовъ, т. е. пять съ лишнимъ миль. Видъ, открывавшійся передо мною, казался безграничнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно вычислить, съ помощью сферической тригонометріи, какую обширную часть земной поверхности я могъ охватить взглядомъ. Выпуклая поверхность сегмента шара относится ко всей его поверхности, какъ обращенный синусъ сегмента къ діаметру шара. Въ данномъ случаѣ обращенный синусъ—то есть, иными словами, толщина сегмента, находившагося подо мною—почти равнялся моему разстоянію отъ земли или высотѣ моего пункта наблюденія. Слѣдовательно, часть земной поверхности, которую я могъ обозрѣть, выражается «отношеніемъ пяти миль къ восьми тысячамъ». Иными словами я видѣлъ одну тысяча шестисотую часть всей земной поверхности. Море казалось гладкимъ, какъ зеркало, хотя въ зрительную трубку я могъ убѣдиться, что волненіе очень сильно. Корабль давно исчезъ въ восточномъ направленіи. Теперь я испытывалъ по временамъ жестокую головную боль, въ особенности около ушей, хотя дышалъ довольно свободно. Кошка и голуби, повидимому, чувствовали себя какъ нельзя лучше.

Было безъ двадцати минутъ семь, когда мой шаръ попалъ въ слой густыхъ облаковъ, которыя причинили мнѣ не мало досады, попортивъ сгущающій аппаратъ и промочивъ меня до костей. Это была, безъ сомнѣнія, весьма замѣчательная rencontre; я никакъ не ожидалъ встрѣтить подобныя облака на такой огромной высотѣ. Какъ бы то ни было, я счелъ за лучшее выбросить два пятифунтовыхъ мѣшка съ балластомъ, оставивъ про запасъ сто шестьдесятъ пять фунтовъ. Послѣ этого я живо выбрался изъ облаковъ и убѣдился, что быстрота поднятія значительно увеличилась. Спустя нѣсколько секундъ послѣ того, какъ я оставилъ подъ собой обла-

ко, молнія прорѣзала его съ одного конца до другого, и все оно вспыхнуло, точно масса раскаленнаго угля. Напомню, что это происходило днемъ. Воображеніе не въ силахъ представить себѣ великолѣпіе подобнаго явленія, случись оно ночью. Оно было бы точной картиной ада. Даже теперь волосы поднялись дыбомъ на моей головѣ, когда я смотрѣлъ въ эти сіяющія бездны, и мое воображеніе блуждало среди этихъ огненныхъ корридоровъ, причудливыхъ сводовъ, развалинъ, пропастей, озаренныхъ багровымъ не здѣшнимъ свѣтомъ. Я счастливо избѣжалъ опасности. Если бы шаръ промедлилъ еще немного внутри облака—иными словами, если бы сырость не заставила меня выбросить два мѣшка съ балластомъ—послѣдствіемъ могла бы быть, и была бы, по всей вѣроятности, моя гибель. Такія случайности, быть можетъ, опаснѣе всего для воздушнаго шара, хотя ихъ обыкновенно не принимаютъ въ разсчетъ. Впрочемъ, я поднялся уже на такую высоту, что могъ считать себя безопаснымъ отъ дальнѣйшихъ приключеній въ томъ же родѣ.

Я быстро поднимался, и къ семи часамъ барометръ показывалъ высоту не менѣе девяти съ половиной миль. Мнѣ было очень трудно дышать, голова страшно болѣла, уже нѣсколько времени я чувствовалъ какую-то влажность на моихъ щекахъ, и вскорѣ убѣдился, что изъ ушей у меня течетъ кровь. Глаза тоже болѣли; когда я ощупалъ ихъ руками, мнѣ показалось, что они сильно выкатились изъ орбитъ; всѣ предметы въ корзинѣ и самый шаръ приняли уродливыя очертанія. Болѣзненные симптомы оказались сильнѣе, чѣмъ я ожидалъ, и не на шутку встревожили меня. Разстроенный, самъ не сознавая, что дѣлаю,—я совершилъ крайне неблагоразумный поступокъ: выбросилъ изъ корзины три пятифунтовыхъ мѣшка съ балластомъ. Шаръ быстро поднялся, и перенесъ меня сразу въ такой разрѣженный stratum атмосферы, что результатъ едва не оказался роковымъ для меня и моего предпріятія. Я внезапно почувствовалъ припадокъ удушья, продолжавшійся не менѣе пяти минутъ; даже когда онъ кончился, я не могъ передохнуть какъ слѣдуетъ. Кровь струилась у меня изъ носа, изъ ушей, даже изъ глазъ. Голуби отчаянно рвались, стараясь вылетѣть изъ корзины; кошка жалобно мяукала и, высунувъ языкъ, металась, точно хватила отравы. Я слишкомъ поздно замѣтилъ свою ошибку и пришелъ въ отчаяніе. Я ожидалъ неминучей и близкой смерти. Физическія страданія почти лишили меня способности предпринять что-либо для спасенія жизни. Мозгъ почти отказывался думать, головная боль усиливалась съ каждой минутой. Чувствуя близость обморока, я хотѣлъ было дернуть веревку, соединенную съ клапаномъ, чтобы спуститься на землю, —какъ вдругъ вспомнилъ о

штукѣ, сыгранной съ кредиторами и о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ, ожидающихъ меня въ случаѣ возвращенія. Это воспоминаніе остановило меня. Я лежалъ на днѣ корзины, стараясь собраться съ мыслями. Это удалось мнѣ настолько, что я рѣшилъ пустить себѣ кровь. За неимѣніемъ ланцета, я произвелъ эту операцію какъ умѣлъ, открывъ вену на лѣвой рукѣ съ помощью перочиннаго ножа. Какъ только показалась кровь, я почувствовалъ значительное облегченіе, а когда выпустилъ съ полъ-чашки, худшіе изъ болѣзненныхъ симптомовъ совершенно исчезли. Я все-таки не рѣшился встать; и, обвязавъ руку, пролежалъ съ четверть часа на днѣ. Наконецъ, я поднялся, не испытывая никакихъ болѣзненныхъ ощущеній, преслѣдовавшихъ меня въ теченіе послѣдняго часа. Только дыханіе по прежнему было затруднено, и я видѣлъ, что вскорѣ придется прибѣгнуть къ конденсору. Случайно взглянувъ на кошку, которая снова улеглась на пальто, я убѣдился, къ своему крайнему изумленію, что во время моего припадка, она разрѣшилась тремя котятами. Этого прибавленія пассажировъ я отнюдь не ожидалъ; но былъ имъ очень доволенъ. Оно давало мнѣ возможность провѣрить гипотезу, которая болѣе чѣмъ что-либо другое повліяла на мое рѣшеніе. Я объяснялъ болѣзненныя явленія, испытываемыя воздухоплавателемъ на извѣстной высотѣ, привычкой къ опредѣленному давленію атмосферы близь земной поверхности. Если котята будутъ страдать въ такой же степени какъ мать, то моя теорія, очевидно, ошибочна, если же нѣтъ, она вполнѣ подтвердится.

Къ восьми часамъ я достигъ высоты въ семнадцать миль надъ поверхностью земли. Очевидно, быстрота подъема возростала, и если бы даже я не выбросилъ балласта, ускореніе было бы замѣтно, хотя, конечно, въ слабѣйшей степени. Жестокая боль въ головѣ и ушахъ по временамъ возвращалась ко мнѣ; иногда струилась изъ носа кровь; но въ общемъ страданія были гораздо слабѣе, чѣмъ я ожидалъ. Только дышать становилось все труднѣе и труднѣе, и каждый вздохъ сопровождался спазмами въ груди. Я распаковалъ сгущающій аппаратъ и принялся налаживать его.

Видъ на землю открывался великолѣпный. Къ западу, къ сѣверу, къ югу, насколько могъ хватить глазъ, разстилалась безконечная простыня океана, пріобрѣтавшая съ каждой минутой все болѣе и болѣе интенсивный голубой оттѣнокъ. Вдали, на востокѣ, рисовались берега Великобританскихъ острововъ, весь атлантическій берегъ Франціи и Испаніи, и часть сѣверной окраины Африканскаго материка. Подробностей, разумѣется, не было видно и самые пышные города точно стерлись съ лица земли.

Больше всего удивила меня кажущая вогнутость земной по-

верхности. Я, напротивъ, ожидалъ, что увижу ее выпуклой; но, подумавъ немного, сообразилъ, что этого не могло быть. Перпендикуляръ, опущенный изъ пункта моего наблюденія къ земной поверхности, представлялъ одинъ изъ катетовъ прямоугольнаго треугольника, основаніе котораго простиралось къ горизонту, а гипотенуза отъ горизонта къ моему шару. Но высота, на которой я находился, была ничтожная сравнительно съ пространствомъ, которое я могъ обозрѣть. Иными словами, основаніе и гипотенуза упомянутаго треугольника были такъ велики сравнительно съ высотою, что могли считаться почти параллельными линіями. Вслѣдствіе этого горизонтъ аэронавта является всегда на одномъ уровнѣ съ корзиной. Но точка, находящаяся подъ нимъ, кажется и дѣйствительно находится на огромномъ разстояніи внизу,—слѣдовательно, ниже горизонта. Отсюда впечатлѣніе вогнутости,—впечатлѣніе, которое останется до тѣхъ поръ, пока высота не достигнетъ такого отношенія къ діаметру видимаго пространства, при которомъ кажущійся параллелизмъ основанія и гипотенузы исчезнетъ.

Такъ какъ голуби обнаруживали все время признаки жестокаго страданія, то я рѣшился выпустить ихъ. Сначала я отвязалъ одного—прекраснаго сѣраго крапчатаго голубя—и посадилъ его на обручъ сѣтки. Онъ сильно безпокоился, жалобно поглядывалъ кругомъ, хлопалъ крыльями, ворковалъ, но не рѣшался вылетѣть изъ корзины. Наконецъ я взялъ его и отбросилъ ярдовъ на шесть отъ шара. Онъ, однако, не полетѣлъ внизъ, какъ я ожидалъ, но изо всѣхъ силъ пустился обратно къ шару, издавая рѣзкіе, пронзительные крики. Наконецъ ему удалось вернуться на старое мѣсто, но, едва усѣвшись на обручъ, онъ опустилъ головку на грудь и упалъ мертвый въ корзину. Другой былъ счастливѣе. Чтобы предупредить его возвращеніе, я изо всѣхъ силъ швырнулъ его внизъ, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что онъ продолжаетъ спускаться, быстро, легко и свободно махая крыльями. Вскорѣ онъ исчезъ изъ вида, и я не сомнѣваюсь—благополучно добрался до земли. Кошечка, повидимому, оправившаяся отъ своего припадка, съ аппетитомъ уписала мертваго голубя, и улеглась спать. Котята были живехоньки и пока не обнаруживали ни малѣйшихъ признаковъ заболѣванія.

Въ четверть девятаго, испытывая почти невыносимыя страданія вслѣдствіе затрудненнаго дыханія, я сталъ прилаживать къ корзинѣ аппаратъ, находившійся въ связи съ конденсоромъ. Онъ, однако, требуетъ болѣе подробнаго описанія. Ваши превосходительства благоволятъ замѣтить, что цѣль моя была защитить себя и корзину барьеромъ отъ разрѣженной атмосферы, въ которой я

теперь находился, съ тѣмъ, чтобы ввести внутрь этого барьера достаточное для дыханія количество воздуха съ помощью конденсора. Съ этою цѣлью я заготовилъ плотный, совершенно непроницаемый, но достаточно гибкій каучуковый мѣшокъ. Въ этотъ мѣшокъ помѣстилась вся моя корзина, т. е. онъ охватывалъ ея дно и края до верхняго обруча, къ которому была прикрѣплена сѣтка. Оставалось только стянуть края наверху, просунувъ ихъ надъ обручемъ, т. е. между обручемъ и сѣткой. Но если отдѣлить сѣтку отъ обруча, чтобы пропустить мѣшокъ, — на чемъ будетъ держаться корзинка? Я разрѣшилъ это затрудненіе слѣдующимъ образомъ: сѣтка не была привязана къ обручу, а прикрѣплена посредствомъ петель. Теперь я снялъ нѣсколько петель, предоставивъ корзинѣ держаться на остальныхъ, просунулъ край мѣшка надъ обручемъ и снова пристегнулъ петли, не къ обручу, разумѣется, потому что онъ находился подъ мѣшкомъ, а къ пуговицамъ на мѣшкѣ, помѣщеннымъ фута на три ниже края. Затѣмъ отстегнулъ еще нѣсколько петель, просунулъ еще часть мѣшка, и снова пристегнулъ петли къ пуговицамъ. Такимъ образомъ я мало по малу пропустилъ весь верхній край мѣшка между обручемъ и сѣтью. Понятно, что обручъ опустился въ корзину, которая со всѣмъ своимъ содержимымъ держалась теперь только на пуговицахъ. На первый взглядъ это грозило опасностью,—но только на первый взглядъ пуговицы были не только очень прочны сами по себѣ, но и насажены такимъ тѣснымъ рядомъ, что на каждую приходилась лишь незначительная часть всей тяжести. Если бы корзина со всѣмъ своимъ содержимымъ была втрое тяжелѣе, я бы ничуть не безпокоился. Я снова приподнялъ обручъ и прикрѣпилъ его почти на прежней высотѣ съ помощью трехъ заранѣе приготовленныхъ перекладинъ. Это я сдѣлалъ для того, чтобы мѣшокъ оставался растянутымъ наверху, и нижняя часть сѣтки не измѣняла своего положенія. Теперь оставалось только затянуть мѣшокъ, что я исполнилъ безъ труда, собравъ складки верхняго края и стянувъ ихъ туго на туго при помощи неподвижнаго tourniquet. Въ боковыхъ стѣнкахъ мѣшка были сдѣланы три круглыя окошка съ толстыми стеклами, сквозь которыя я могъ осматриваться въ горизонтальномъ направленіи. Такое же окошко находилось внизу и соотвѣтствовало небольшому отверстію въ днѣ корзины. Сквозь него я могъ смотрѣть внизъ, но вверху нельзя было продѣлать окно, такъ какъ верхній край мѣшка, стянутый внутрь, лежалъ складками. Впрочемъ, въ верхнемъ окошкѣ и надобности не было, такъ какъ все равно я не могъ увидѣть надъ собой ничего, кромѣ шара.

Подъ однимъ изъ боковыхъ окошекъ, приблизительно на раз-

стояніи фута, было продѣлано отверстіе дюйма въ три діаметромъ; а въ отверстіе вдѣлано мѣдное кольцо, съ винтовыми нарѣзками на внутренней поверхности. Въ это кольцо ввинчивалась труба конденсора, помѣщавшагося, само собою разумѣется, внутри каучуковой камеры. Посредствомъ трубы разрѣженная внѣшняя атмосфера втягивалась въ конденсоръ съ помощью vacuum'а, находившагося въ машинѣ, сгущалась и проходила въ камеру. Повторивъ эту операцію нѣсколько разъ, можно было наполнить камеру воздухомъ, вполнѣ пригоднымъ для дыханія. Но въ такомъ тѣсномъ пространствѣ воздухъ, разумѣется, долженъ былъ скоро портиться вслѣдствіе частаго соприкосновенія съ легкими, и становиться негоднымъ для дыханія. Тогда онъ выпускался наружу посредствомъ небольшого клапана на днѣ мѣшка: тяжелый внутренній воздухъ быстро опускался внизъ, разсѣяваясь въ легкой наружной атмосферѣ. Въ виду возможности создать полный vacuum въ камерѣ при выпусканіи воздуха, очистка послѣдняго никогда не производилась разомъ. Клапанъ открывался секунды на двѣ—на три, а тамъ замыкался, пока конденсоръ не замѣщалъ вытѣсненной атмосферы новымъ запасомъ воздуха. Ради опыта я положилъ кошку и котятъ въ корзиночку, которую подвѣсилъ снаружи къ пуговицѣ, находившейся подлѣ клапана. Открывая клапанъ, я могъ кормить кошекъ по мѣрѣ надобности. Я устроилъ это прежде чѣмъ затянулъ камеру, съ помощью одного изъ упомянутыхъ выше шестовъ, поддерживавшихъ обручъ. Какъ только камера наполнилась, шесты и обручъ оказались излишними, такъ какъ расширеніе внутренней атмосферы и безъ нихъ растягивало каучуковый мѣшокъ.

Когда я приладилъ всѣ эти приспособленія и наполнилъ камеру, было уже безъ десяти минутъ девять. Все это время я выносилъ жестокія страданія вслѣдствіе недостатка воздуха; и горько упрекалъ себя за небрежность или, скорѣе, безразсудную смѣлость, побудившую меня отложить до послѣдней минуты такое важное дѣло. Но когда, наконецъ, все было готово, я тотчасъ почувствовалъ благотворныя послѣдствія своего изобрѣтенія. Я снова дышалъ легко и свободно,—да и почему мнѣ было не дышать? Къ моему удовольствію и удивленію жестокія страданія, терзавшія меня до сихъ поръ, почти совершенно исчезли. Осталось только ощущеніе какой-то полноты или растяженія въ рукахъ, лодыжкахъ и глоткѣ. Очевидно, страданія, вслѣдствіе недостаточнаго давленія атмосферы, давно прекратились, а болѣзненныя ощущенія въ теченіе послѣднихъ двухъ часовъ происходили единственно вслѣдствіе затрудненнаго дыханія.

Въ сорокъ минутъ девятаго,—то есть не задолго до того какъ я затянулъ отверстіе мѣшка—ртуть опустилась до нижняго уровня

въ барометрѣ. Я находился на высотѣ 132.000 футовъ, то есть двадцати пяти миль и, слѣдовательно, могъ обозрѣвать не менѣе одной триста двадцатой всей земной поверхности. Въ девять часовъ я снова потерялъ изъ вида землю на востокѣ, замѣтивъ при этомъ, что шаръ быстро направлялся въ направленіи NNW. Океанъ, разстилавшійся подо мною, все еще казался вогнутымъ; впрочемъ, облака часто скрывали его отъ меня.

Въ половинѣ девятаго я выбросилъ изъ корзины пригоршню перьевъ. Они не полетѣли, какъ я ожидалъ, но упали какъ пуля, en masse, съ невѣроятною быстротою, и въ нѣсколько секундъ исчезли изъ вида. Сначала я не могъ объяснить себѣ это странное явленіе; мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы быстрота подъема такъ чудовищно увеличилась. Но вскорѣ я сообразилъ, что разрѣженная атмосфера не могла поддерживать перьевъ, что они дѣйствительно упали съ огромной быстротой, и поразившее меня явленіе было результатомъ соединенной быстроты паденія перьевъ и подъема шара.

Часамъ къ десяти у меня не было никакого особеннаго предмета для наблюденій. Все шло исправно; быстрота подъема, какъ мнѣ казалось, постоянно возростала, хотя я не имѣлъ возможности опредѣлить степень этого возростанія. Я не испытывалъ никакихъ болѣзненныхъ ощущеній, а настроеніе духа было лучше чѣмъ въ какой-либо моментъ со времени моего отъѣзда изъ Роттердама. Я короталъ время, осматривая инструменты и возобновляя воздухъ въ камерѣ. Я рѣшилъ повторять это черезъ каждыя сорокъ минутъ, скорѣе для предотвращенія всякой возможности заболѣванія, чѣмъ въ видахъ дѣйствительной необходимости. Въ тоже время, я невольно уносился мыслями впередъ. Воображеніе, ничѣмъ не связанное, блуждало въ дикихъ, фантастическихъ областяхъ луны. То мерещились мнѣ дремучіе вѣковые лѣса, крутые утесы, шумные водопады, исчезавшіе въ бездонныхъ пропастяхъ. То переносился я въ пустыню, залитую лучами полуденнаго солнца, куда вѣтерокъ не залеталъ отъ вѣка, гдѣ воздухъ точно окаменѣлъ, и всюду, куда хватитъ глазъ, разстилались луга, поросшіе макомъ и гибкими лиліями, безмолвными и неподвижными въ вѣчномъ оцѣпенѣніи. То вдругъ являлось передо мною озеро, мрачное, безформенное, сливавшееся вдали съ грядами облаковъ. Но не однѣ эти картины рисовались моему воображенію. Ужасы, одинъ другого страшнѣе и причудливѣе, мерещились мнѣ, и одна мысль о возможности ихъ потрясала меня до глубины души. Но я всячески старался не думать о такихъ вещахъ, справедливо находя, что дѣйствительныя и осязаемыя опасности моего предпріятія должны поглотить все мое вниманіе.

Въ 5 часовъ пополудни, возобновляя атмосферу въ камерѣ, я заглянулъ въ корзину съ кошками. Мать, повидимому, жестоко страдала, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе затрудненнаго дыханія; но котята положительно изумили меня. Я думалъ, что они тоже будутъ страдать, хотя въ меньшей степени чѣмъ кошка; что и подтвердило бы мою теорію насчетъ привычки къ извѣстному давленію. Оказалось, однако,—чего я вовсе не ожидалъ,—что они пользуются наилучшимъ здоровьемъ, дышатъ совершенно легко и свободно и не обнаруживаютъ ни малѣйшихъ признаковъ какого-либо разстройства. Я могу объяснить это явленіе, только расширивъ мою теорію и предположивъ, что крайне разрѣженная атмосфера не представляетъ (какъ я думалъ) химической невозможности для жизни, что существо, родившееся въ такой средѣ, будетъ дышать въ ней безъ всякаго затрудненія, а попавши въ болѣе плотныя strata по сосѣдству съ землей, испытаетъ тѣ же мученія, которымъ я подвергался такъ недавно. Крайне сожалѣю, что вслѣдствіе несчастной случайности я потерялъ эту семейку, и не могъ продолжать опыта. Просунувъ руку съ чашкой воды для старой кошки въ отверстіе мѣшка, я какъ-то зацѣпилъ рукавомъ за шнурокъ, на которомъ висѣла корзинка и сдернулъ его съ пуговицы. Если бы корзинка съ кошками какимъ-нибудь чудомъ испарилась въ воздухѣ,—она не могла бы исчезнуть изъ моихъ глазъ скорѣе, чѣмъ теперь. Положительно, десятой доли секунды не прошло, какъ она уже скрылась со всѣми своими пассажирами. Я пожелалъ имъ счастливаго пути, но, разумѣется, не питалъ никакой надежды, что кошка или котята останутся въ живыхъ, дабы разсказать о своемъ приключеніи.

Въ шесть часовъ, значительная полоса земли на востокѣ одѣлась густою тѣнью, которая быстро подвигалась, такъ что въ семь безъ пяти минутъ вся видимая поверхность земли погрузилась въ ночную тьму. Но долго еще лучи заходящаго солнца освѣщали мой шаръ; и это обстоятельство, которое, конечно, можно было предвидѣть заранѣе, доставляло мнѣ большое удовольствіе. Очевидно было, что и утромъ я увижу восходящее свѣтило гораздо раньше, чѣмъ добрые граждане Роттердама, несмотря на ихъ болѣе восточное положеніе, и такимъ образомъ буду пользоваться все болѣе и болѣе продолжительнымъ днемъ, соотвѣтственно высотѣ подъема. Я рѣшилъ вести дневникъ моего путешествія, отмѣчая дни черезъ каждые двадцать четыре часа и не принимая въ разсчетъ промежутковъ темноты.

Въ десять часовъ меня стало клонить ко сну, и я хотѣлъ было улечься, — но тутъ явилось затрудненіе, которое я совершенно упустилъ изъ вида, хотя долженъ былъ предвидѣть заранѣе. Если

я засну, кто будетъ возобновлять атмосферу въ камерѣ? Дышать въ ней можно было самое большее въ теченіе часа, пропусти я хоть четверть часа свыше этого срока, послѣдствія могли быть самыя гибельныя. Загвоздка эта крайне смутила меня, и врядъ-ли повѣрятъ, что, преодолѣвъ столько опасностей, я готовъ былъ спасовать передъ новымъ затрудненіемъ, потерялъ всякую надежду на исполненіе моего проекта и подумывалъ о спускѣ. Впрочемъ, то было лишь минутное колебаніе. Я разсудилъ, что человѣкъ вѣрный рабъ привычки, и многія детали рутиннаго существованія только кажутся ему существенно важными, а на самомъ дѣлѣ сдѣлались такими единственно вслѣдствіе привычки. Конечно, я не могъ обойтись безъ сна, но что мѣшало мнѣ привыкнуть просыпаться регулярно черезъ часъ въ теченіе всей ночи? Для полнаго обновленія атмосферы достаточно пяти минутъ. Единственное, что меня затрудняло,—это способъ будить себя въ надлежащее время. Правду сказать, я долго ломалъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Я слыхалъ, что студенты прибѣгаютъ къ такому способу: взявъ въ руку мѣдную пулю, держатъ ее надъ мѣднымъ тазикомъ; звонъ упавшей пули будитъ студента, если ему случится задремать надъ книгой. Но для меня подобный способъ вовсе не годился, такъ какъ я не собирался бодрствовать все время, а хотѣлъ только просыпаться черезъ извѣстные промежутки времени. Наконецъ, я придумалъ приспособленіе, которое, при всей своей простотѣ, показалось мнѣ въ первую минуту открытіемъ не менѣе блестящимъ, чѣмъ изобрѣтеніе телескопа, паровой машины или даже искусства книгопечатанія.

Необходимо замѣтить, что на той высотѣ, которой я достигъ въ настоящее время, шаръ продолжалъ свое движеніе вверхъ безъ толчковъ и уклоненій, совершенно равномѣрно, такъ что корзина не испытывала ни малѣйшаго сотрясенія. Это обстоятельство было какъ нельзя болѣе кстати для моего приспособленія. Мой запасъ воды помѣщался въ боченкахъ, по пяти галлоновъ каждый, уставленныхъ вдоль стѣнки корзины. Я отвязалъ одинъ боченокъ и, доставъ двѣ веревки, натянулъ ихъ поперекъ корзины, вверху, на разстояніи фута одну отъ другой, такъ что онѣ образовали нѣчто въ родѣ полки. На эту полку я помѣстилъ боченокъ, положивъ его плашмя. Подъ боченкомъ, на разстояніи восьми дюймовъ отъ веревокъ и въ четырехъ футахъ отъ дна корзины, прикрѣпилъ другую полку изъ тонкой дощечки. На дощечкѣ поставилъ небольшой глиняный кувшинчикъ. Затѣмъ провертѣлъ дыру въ стѣнкѣ боченка надъ кувшиномъ и заткнулъ ее втулкой изъ мягкаго дерева. Вдвигая и выдвигая втулку, я наконецъ установилъ ее такъ, чтобы вода, просачиваясь сквозь от-

верстіе, наполняла кувшинчикъ до краевъ въ теченіе шестидесяти минутъ. Разсчитать это было нетрудно, замѣтивъ, какая часть кувшина наполняется въ данный промежутокъ времени. Остальное ясно само собою. Я устроилъ себѣ постель на днѣ корзины такъ, чтобы голова приходилась подъ носкомъ кувшина. Ясно, что по истеченіи часа вода, наполнивъ кувшинъ, должна была выливаться изъ носка, который приходился нѣсколько ниже краевъ. Ясно также, что, орошая мою физіономію съ высоты четырехъ футовъ, вода должна была разбудить меня, хоть бы я заснулъ мертвецкимъ сномъ.

Было уже одиннадцать часовъ, когда я покончилъ съ устройствомъ будильника. Затѣмъ я немедленно улегся спать, положившись на мое изобрѣтеніе. Мнѣ не пришлось разочароваться. Пунктуально, черезъ каждыя шестьдесятъ минутъ, я вставалъ, разбуженный моимъ вѣрнымъ хронометромъ, выливалъ изъ кувшина воду обратно въ боченокъ и, возобновивъ атмосферу съ помощью конденсора, снова ложился спать. Эти регулярныя пробужденія безпокоили меня даже меньше чѣмъ я ожидалъ. Когда я всталъ утромъ, было уже семь часовъ и солнце поднялось на нѣсколько градусовъ надъ линіей горизонта.

3 апрѣля.—Я убѣдился, что мой шаръ находится на громадной высотѣ, такъ какъ выпуклость земли сдѣлалась ясно замѣтной. Подо мной, на океанѣ, можно было различить какія-то темныя пятна, — безъ сомнѣнія, острова. Небо казалось агатово-чернаго цвѣта, звѣзды ярко блистали; онѣ не исчезали съ перваго дня моего путешествія. Далеко, по направленію къ сѣверу, я замѣтилъ тонкую, бѣлую, ярко блестѣвшую линію или полоску на краю горизонта, въ которой не колеблясь призналъ южную окраину полярныхъ льдовъ. Мое любопытство было сильно возбуждено, такъ какъ я разсчитывалъ подняться дальше къ сѣверу и можетъ быть пролетѣть надъ самымъ полюсомъ. Я сожалѣлъ, что громадная высота, на которой я находился, не позволитъ мнѣ осмотрѣть его какъ слѣдуетъ. Но все-таки я могъ многое замѣтить.

Ничего особеннаго не случилось въ теченіе дня. Всѣ мои аппараты функціонировали исправно и шаръ поднимался безъ всякихъ сотрясеній. Сильный холодъ заставилъ меня поплотнѣе закутаться въ пальто. Когда земля одѣлась ночною тьмой, я улегся спать, хотя еще много часовъ спустя, вокругъ моего шара стоялъ бѣлый день. Водяные часы пунктуально исполняли свою обязанность, и я спокойно проспалъ до утра, пробуждаясь, чтобы возобновить атмосферу.

4 апрѣля.—Всталъ здоровымъ и бодрымъ, и былъ пораженъ странной перемѣной въ наружномъ видѣ океана. Онъ утратилъ темно-голубую окраску и казался сѣровато-бѣлаго, ослѣпительно

блестящаго цвѣта. Выпуклость океана выступила такъ рельефно, что масса воды, находившейся подо мною, точно низвергалась въ пучины по краямъ горизонта, и я невольно прислушивался, стараясь различить грохотъ водопада. Островов не было видно, потому что они исчезли за горизонтомъ въ юго-восточномъ направленіи, или громадная высота, на которой я находился, не позволяла ихъ видѣть. Послѣднее предположеніе казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Полоса льда на сѣверѣ выступала все яснѣе и яснѣе. Холодъ не увеличивался. Ничего особеннаго не случилось и я провелъ день за чтеніемъ книгъ, которыя захватилъ съ собою.

5 апрѣля.—Отмѣчаю любопытный феноменъ восхода солнца, причемъ, однако, вся видимая поверхность земли осталась въ темнотѣ. Мало по малу, однако, она освѣтилась и полоса льдовъ снова показалась на сѣверѣ. Теперь она выступала очень ясно и казалась гораздо темнѣе, чѣмъ воды океана. Я, очевидно, приближался, къ ней,—и очень быстро. Мнѣ казалось, что я различаю полосу земли на востокѣ и на западѣ, но я не былъ въ этомъ увѣренъ. Температура умѣренная. Въ теченіе дня не случилось ничего особеннаго. Рано улегся спать.

6 апрѣля.—Былъ удивленъ, увидѣвъ полосу льда на очень близкомъ разстояніи, и безконечное ледяное поле, простиравшееся къ сѣверу. Если шаръ сохранитъ тоже направленіе, то я скоро буду надъ Ледовитымъ океаномъ и, безъ сомнѣнія, увижу полюсъ. Въ теченіе дня я постоянно приближался къ льдамъ. Къ ночи предѣлы моего горизонта неожиданно и значительно расширились, безъ сомнѣнія, потому, что земля имѣетъ форму сплюснутаго сфероида, и я находился теперь надъ плоскими областями въ предѣлахъ полярнаго круга. Когда наступила ночь, я улегся спать въ безпокойствѣ, опасаясь, что предметъ моего любопытства ускользнетъ отъ моихъ наблюденій по милости ночной темноты.

7 апрѣля.—Всталъ рано утромъ и къ своей великой радости увидѣлъ Сѣверный Полюсъ. Невозможно было сомнѣваться, что онъ находится какъ разъ подо мною, но, увы! Я былъ на такой высотѣ, что ничего не могъ разобрать ясно. Въ самомъ дѣлѣ, если составить прогрессію моего восхожденія на основаніи чиселъ, указывавшихъ высоту шара въ различные моменты между шестью утра 2-го апрѣля, и девятью безъ двадцати минутъ вечера того же дня (когда барометръ пересталъ дѣйствовать), то теперь, въ четыре утра седьмого апрѣля, шаръ долженъ былъ находиться на высотѣ не менѣе 7.254 миль надъ поверхностью моря. (Съ перваго взгляда эта цифра можетъ показаться чрезмѣрной, но, по всей вѣроятности, она уступала дѣйствительной). Во всякомъ случаѣ я видѣлъ всю площадь, соотвѣтствовавшую большому діаметру земли; все сѣверное полу-

шаріе лежало подо мною подобно картѣ въ ортографической проекціи, и линія моего горизонта ограничивалась экваторомъ. Итакъ, ваши превосходительства безъ труда поймутъ, что находившіяся подо мною неизвѣданныя области въ предѣлахъ Полярнаго круга являлись на такомъ громадномъ разстояніи и въ такомъ уменьшенномъ видѣ, что разсмотрѣть ихъ въ подробности было невозможно. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось видѣть кое-что замѣчательное. Къ сѣверу отъ вышеупомянутой линіи, которую можно считать крайнимъ предѣломъ человѣческихъ открытій въ этихъ областяхъ, разстилалось сплошное или почти сплошное ледяное поле. Поверхность его, сначала плоская, мало по малу понижалась, принимая замѣтно вогнутую форму, и заканчиваясь у самаго полюса круглой, рѣзко ограниченной впадиной. Послѣдняя казалась гораздо темнѣе остального полушарія,—мѣстами чернаго какъ уголь цвѣта. Діаметръ впадины соотвѣтствовалъ углу зрѣнія въ шестьдесятъ пять секундъ. Больше ничего нельзя было разобрать. Къ двѣнадцати часамъ впадина зна́чительно уменьшилась, а въ семь пополудни я потерялъ ее изъ вида: шаръ миновалъ западную окраину льдовъ и несся по направленію къ экватору.

8 апрѣля.—Видимый діаметръ земли значительно уменьшился, окраска существенно измѣнилась. Вся доступная наблюденію площадь казалась блѣдно-желтаго цвѣта различныхъ оттѣнковъ, а мѣстами блестѣла такъ, что больно было смотрѣть. Кромѣ того, мнѣ сильно мѣшала земная атмосфера, насыщенная испареніями, сквозь которыя я лишь изрѣдка могъ видѣть самую землю. Въ теченіе послѣднихъ сорока восьми часовъ эта помѣха давала себя чувствовать въ болѣе или менѣе сильной степени, а при настоящей высотѣ шара массы облаковъ еще тѣснѣе сблизились въ полѣ зрѣнія, и наблюденіе становилось все труднѣе и труднѣе. Тѣмъ не менѣе я убѣдился, что шаръ находится надъ областью великихъ озеръ въ Сѣверной Америкѣ, направляясь къ югу, къ тропикамъ. Это обстоятельство очень обрадовало меня, такъ какъ сулило успѣхъ моему предпріятію. Въ самомъ дѣлѣ, направленіе, котораго я держался до сихъ поръ, крайне тревожило меня, такъ какъ, продолжая летѣть въ томъ же направленіи, я бы вовсе не попалъ на луну, орбита которой наклонена къ эклиптикѣ подъ небольшимъ угломъ въ 5° 8′ 48″. Странно, что я такъ поздно уразумѣлъ свою ошибку: мнѣ слѣдовало отправиться изъ какого-нибудь пункта въ плоскости луннаго эллипса.

9 апрѣля.—Діаметръ земли значительно уменьшился, окраска приняла болѣе интенсивный желтый оттѣнокъ. Шаръ направляется къ югу и въ 9 утра достигъ сѣверной окраины Мексиканскаго залива.

10 апрѣля.—Около пяти часовъ утра меня разбудилъ громкій, трескучій и страшный звукъ, котораго я рѣшительно не могъ себѣ объяснить. Онъ длился всего нѣсколько мгновеній и не походилъ ни на одинъ изъ слышанныхъ мною доселѣ звуковъ. Нечего и говорить, что я страшно перепугался; въ первую минуту мнѣ показалось, что шаръ лопается. Я осмотрѣлъ всѣ свои аппараты, они оказались въ порядкѣ. Большую часть дня провелъ въ размышленіяхъ объ этомъ странномъ приключеніи, но не могъ придумать сколько-нибудь путнаго объясненія. Улегся спать въ крайнемъ безпокойствѣ и волненіи.

11 апрѣля.—Діаметръ земли поразительно уменьшился. Въ первый разъ замѣтилъ значительное увеличеніе діаметра луны. Теперь требовалось не мало труда и времени, чтобы сгущать воздухъ въ достаточномъ для дыханія количествѣ.

12 апрѣля.—Замѣчательное измѣненіе произошло въ направленіи шара, и хотя я предвидѣлъ его заранѣе, но все-таки обрадовался несказанно. Достигнувъ двадцатой параллели южнаго полушарія, шаръ внезапно повернулъ подъ острымъ угломъ на востокъ, и весь день сохранялъ это направленіе, двигаясь въ плоскости луннаго эллипса. Достойно замѣчанія, что слѣдствіемъ этой перемѣны направленія было довольно замѣтное колебаніе корзины, ощущавшееся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

13 апрѣля.—Снова былъ встревоженъ громкимъ трескучимъ звукомъ, отъ котораго кровь застыла у меня въ жилахъ. Долго думалъ объ этомъ явленіи, но ничего не могъ придумать. Значительное уменьшеніе діаметра земли: теперь его угловая величина была гораздо менѣе двадцати пяти градусовъ. Луна находилась въ зенитѣ, такъ что я не могъ ее видѣть. Шаръ по прежнему двигался въ ея плоскости, перемѣстившись нѣсколько на востокъ.

14 апрѣля.—Поразительно быстрое уменьшеніе діаметра земли. Шаръ, повидимому, поднялся надъ линіей абсидъ по направленію къ перигею, т. е., иными словами, стремился прямо къ лунѣ, въ пунктѣ ея орбиты, ближайшемъ къ земному шару. Это обстоятельство произвело на меня сильное впечатлѣніе. Сама луна находилась надъ моей головой, т. е. была недоступна наблюденію. Возобновленіе атмосферы въ камерѣ требовало усиленнаго и продолжительнаго труда.

15 апрѣля.—На землѣ нельзя разобрать даже очертаній материковъ и морей. Около полудня я въ третій разъ услышалъ загадочный трескъ, такъ изумившій меня раньше. Теперь онъ длился нѣсколько секундъ, постепенно усиливаясь. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, я ожидалъ какой-нибудь страшной катастрофы;—когда корзину сильно встряхнуло, и мимо моего шара пронеслась съ ревомъ,

свистомъ, грохотомъ огромная огненная масса. Оправившись отъ ужаса и изумленія, я сообразилъ, что это долженъ быть вулканическій обломокъ, выброшенный съ планеты, къ которой я такъ быстро приближался, и по всей вѣроятности принадлежащій къ разряду странныхъ камней, которые попадаютъ иногда на нашу землю и называются метеорическими камнями.

16 апрѣля.—Сегодня, заглянувъ въ боковыя окна моей камеры, я увидѣлъ, къ своему великому удовольствію, край луннаго диска, выдававшійся со всѣхъ сторонъ надъ шаромъ. Я былъ крайне взволнованъ, чувствуя, что скоро наступитъ конецъ моему опасному путешествію. Дѣйствительно, возобновленіе атмосферы требовало такихъ усилій, что отнимало у меня все время. Спать почти не приходилось. Я чувствовалъ страшное утомленіе и совсѣмъ развинтился. Человѣческая природа не въ силахъ выдерживать долго такія страданія. Во время коротенькой ночи мимо меня пронесся метеоръ. Частое повтореніе этихъ явленій не на шутку стало пугать меня.

17 апрѣля. — Сегодня — достопамятный день моего путешествія. Если припомните, 14 апрѣля угловая ширина земли достигала всего двадцати пяти градусовъ. Четырнадцатаго она значительно уменьшилась, пятнадцатаго еще больше, а шестнадцатаго, укладываясь спать, я отмѣтилъ уголъ въ семь градусовъ пятнадцать минутъ. Каково же было мое изумленіе, когда, пробудившись послѣ непродолжительнаго и безпокойнаго сна утромъ семнадцатаго апрѣля, я увидѣлъ, что поверхность, находившаяся подо мною, вопреки всякимъ ожиданіямъ, увеличилась, и достигала не менѣе тридцати девяти градусовъ въ угловомъ діаметрѣ! Меня точно обухомъ хватило. Безграничный, судорожный ужасъ—котораго не передашь никакими словами—охватилъ, ошеломилъ, раздавилъ меня. Колѣни мои дрожали, зубы стучали, волосы поднялись дыбомъ.—«Значитъ, шаръ таки лопнулъ!» — мелькнуло въ моемъ умѣ.—«Шаръ лопнулъ!—я падаю!—падаю съ невѣроятной, неслыханной быстротой! Судя по тому громадному пространству, которое я уже пролетѣлъ, не пройдетъ и десяти минутъ, какъ я треснусь о землю и разлечусь въ дребезги».—Наконецъ, ко мнѣ вернулась способность размышленія; я опомнился, подумалъ, сталъ сомнѣваться. Это рѣшительно невозможная вещь. Не могъ я такъ быстро опуститься. Къ тому же, хотя я, очевидно, приближался къ поверхности, разстилавшейся подо мною, но вовсе не такъ быстро, какъ мнѣ показалось въ первую минуту. Эти размышленія нѣсколько успокоили меня и я, наконецъ, понялъ въ чемъ дѣло. Если бы испугъ и удивленіе не отбили у меня всякую способность наблюдать и соображать,—я бы съ перваго взгляда замѣтилъ, что поверх-

ность, находившаяся подо мною, ничуть не похожа на поверхность моей матери-земли. Послѣдняя находилась теперь вверху, надъ моей головой, а внизу, подъ моими ногами, была луна — луна во всемъ ея великолѣпіи.

Мое изумленіе при такомъ необычайномъ поворотѣ дѣлъ непонятно мнѣ самому. Это bouleversement не только было совершенно естественно и необходимо, но я заранѣе зналъ, что оно совершится, когда шаръ достигнетъ того пункта, гдѣ земное притяженіе уступитъ мѣсто притяженію луны, —или, точнѣе, тяготѣніе шара къ землѣ будетъ слабѣе его тяготѣнія къ лунѣ. Правда, я только что проснулся, и не успѣлъ еще придти въ себя, когда замѣтилъ поразительное явленіе, которое хотя и могъ предвидѣть, но въ настоящую минуту вовсе не ожидалъ. Безъ сомнѣнія, поворотъ шара произошелъ спокойно и постепенно, и если бы я даже проснулся во-время, то врядъ-ли могъ замѣтить его по какому-нибудь измѣненію внутри камеры.

Нужно-ли говорить, что, опомнившись послѣ перваго изумленія и ужаса, и ясно сообразивъ, въ чемъ дѣло, я съ жадностью принялся разсматривать поверхность луны. Она разстилалась подо мною, точно на картѣ, и хотя находилась еще на очень далекомъ разстояніи, но всѣ очертанія выступали вполнѣ ясно. Полное отсутствіе океановъ, морей, даже озеръ и рѣкъ, словомъ, какого бы то ни было водяного бассейна, сразу бросилось мнѣ въ глаза, какъ самая поразительная черта лунной орографіи. При всемъ томъ, какъ то ни странно, я могъ различить обширныя низменности, положительно наносного характера, хотя большая часть поверхности была усѣяна безчисленными вулканами конической формы, которые казались скорѣе насыпными, чѣмъ естественными возвышеніями. Самый высокій не превышалъ трехъ или трехъ съ четвертью миль. Впрочемъ, карта вулканической области Флегрейскихъ полей дастъ вашимъ превосходительствамъ лучшее понятіе объ этомъ ландшафтѣ, чѣмъ какое-либо описаніе. Большая часть вулкановъ находилась въ дѣйствующемъ состояніи и я могъ судить о бѣшенствѣ и силѣ изверженій по залпамъ метеорныхъ камней, которые все чаще и чаще пролетали мимо шара.

18 апрѣля.—Масса луны значительно увеличилась и быстрота моего спуска стала не на шутку тревожить меня. Я уже говорилъ, что мысль о существованіи лунной атмосферы, плотность которой соотвѣтствуетъ массѣ планеты, играла важную роль въ моихъ соображеніяхъ о путешествіи на луну,—несмотря на противуположныя теоріи и общее убѣжденіе въ отсутствіи какой-либо атмосферы на нашемъ спутникѣ. Но, независимо отъ вышеупомянутыхъ соображеній насчетъ кометы Энке и зодіакальнаго свѣта, мое мнѣ-

ніе находило сильную поддержку въ нѣкоторыхъ наблюденіяхъ г. Шрётера. Онъ наблюдалъ луну на третій день послѣ новолунія, вскорѣ по закатѣ солнца, когда темная часть диска была еще невидима, и продолжалъ наблюденія до тѣхъ поръ, пока она освѣтилась. Оба рога казались удлиненными въ видѣ тонкихъ блѣдныхъ кончиковъ, слабо освѣщенныхъ лучами заходящаго солнца. Вскорѣ по наступленіи темноты весь темный край освѣтился. Я объясняю это удлиненіе роговъ преломленіемъ солнечныхъ лучей въ лунной атмосферѣ. Высоту этой атмосферы (которая можетъ преломлять достаточное количество лучей, чтобы произвести въ темной части диска освѣщеніе, вдвое болѣе сильное, чѣмъ свѣтъ, отражаемый отъ земли, когда луна отстоитъ на 32° отъ точки новолунія) я принималъ въ 1356 парижскихъ футовъ; слѣдовательно, максимальную высоту преломленія солнечнаго луча—въ 5.376 футовъ. Подтвержденіе моихъ взглядовъ я нашелъ въ восемьдесятъ второмъ томѣ Philosophical Transactions, гдѣ говорится объ оккультаціи спутниковъ Юпитера, при чемъ, третій спутникъ сдѣлался неяснымъ за 1″ или 2″ до исчезновенія, а четвертый исчезъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ диска *).

Отъ степени сопротивленія или, вѣрнѣе сказать, отъ поддержки, которую эта предполагаемая атмосфера могла оказать моему шару, всецѣло зависѣлъ благополучный исходъ путешествія. Если же я ошибся, то могу ожидать только финала своихъ приключеній: мнѣ предстояло разлетѣться въ атомы, треснувшись о скалистую поверхность спутника. Судя по всему, я имѣлъ полное основаніе опасаться подобнаго финала. Разстояніе до луны было сравнительно ничтожное, а работа при возобновленіи атмосферы въ камерѣ ничуть не уменьшилась, и я не замѣчалъ никакихъ признаковъ возростанія плотности атмосферы.

19 апрѣля.—Сегодня утромъ, около девяти часовъ, когда поверхность луны страшно приблизилась и мои опасенія дошли до

---

*) Гевеліусъ пишетъ, что, наблюдая луну на одинаковой высотѣ, на одномъ и томъ же разстояніи отъ земли, въ одинъ и тотъ же превосходный телескопъ, при совершенно ясномъ небѣ, когда даже звѣзды шестой и седьмой величины были видимы,—онъ, однако, не всегда находилъ ее одинаково ясной. Условія наблюденія показываютъ, что причину этого явленія нельзя искать въ нашей атмосферѣ, въ свойствахъ инструмента, въ глазу наблюдателя, что она коренится въ чемъ-то, (атмосферѣ?) присущемъ самой лунѣ.

Кассини часто замѣчалъ, что при оккультаціи Сатурна, Юпитера, неподвижныхъ звѣздъ, ихъ круглая форма измѣняется въ овальную, въ моментъ сближенія съ луннымъ дискомъ, хотя при многихъ оккультаціяхъ этого измѣненія формы не наблюдается. Отсюда можно заключить, что, по крайней мѣрѣ, по временамъ, лучи планетъ и звѣздъ встрѣчаютъ лунную атмосферу и преломляются въ ней.

крайнихъ предѣловъ, насосъ конденсора, къ великой моей радости, обнаружилъ, наконецъ, очевидные признаки измѣненія атмосферы.

Къ десяти часамъ плотность ея значительно возросла. Къ одиннадцати аппаратъ требовалъ уже ничтожныхъ усилій, а въ двѣнадцать, я рѣшился, послѣ нѣкотораго колебанія, ослабить tourniquet и убѣдившись, что никакихъ вредныхъ результатовъ отсюда не воспослѣдовало, развязалъ гуттаперчевый мѣшокъ и отогнулъ его края. Какъ и слѣдовало ожидать, непосредственнымъ результатомъ этого черезчуръ поспѣшнаго и рискованнаго опыта была жестокая головная боль и удушье. Но такъ какъ они не угрожали опасностью моей жизни, то я рѣшился претерпѣть ихъ, въ надеждѣ на облегченіе, когда спущусь въ болѣе плотные strata. Спускъ, однако, происходилъ съ невѣроятной быстротою, и хотя мои разсчеты на лунную атмосферу, плотность которой соотвѣтствуетъ массѣ спутника, повидимому, оправдывались, но я очевидно ошибся, думая, что она способна поддержать корзину со всѣмъ ея грузомъ. А между тѣмъ этого должно было ожидать, такъ какъ сила тяготѣнія и слѣдовательно вѣсъ предметовъ тоже соотвѣтствуютъ массѣ планеты. Но головокружительная быстрота моего спуска ясно доказывала, что этого не было на самомъ дѣлѣ. Почему? ...единственное объясненіе я вижу въ тѣхъ геологическихъ возмущеніяхъ, на которыя намекалъ выше. Во всякомъ случаѣ я находился теперь очень близко отъ поверхности и стремился къ ней съ страшною быстротой. Итакъ, не теряя ни минуты, я выбросилъ за бортъ балластъ, боченки съ водой, затѣмъ сгущающій аппаратъ, каучуковую камеру, наконецъ, все, что только было въ корзинѣ. Ничто не помогало. Я по прежнему падалъ съ ужасающей быстротой и находился самое большее въ полумилѣ отъ поверхности. Оставалось послѣднее средство: выбросивъ сюртукъ и сапоги, я отрѣзалъ самую корзину, повисъ на веревкахъ и успѣвъ только замѣтить, что вся площадь, находившаяся подо мной, насколько хватитъ глазъ, усѣяна крошечными домиками, — очутился въ центрѣ страннаго фантастическаго города, среди толпы уродцевъ, которые, не говоря ни слова, не издавая ни звука, словно сборище идіотовъ, потѣшно скалили зубы и, подбоченившись, разглядывали меня и мой шаръ. Я съ презрѣніемъ отвернулся отъ нихъ и взглянувъ вверхъ, на землю, такъ недавно, и, можетъ быть, навсегда, покинутую мною,—увидѣлъ ее въ видѣ большого тусклаго, мѣднаго щита, около двухъ градусовъ въ діаметрѣ, покоившагося высоко надъ моей головой, причемъ одинъ край его, въ формѣ серпа, горѣлъ ослѣпительнымъ золотымъ блескомъ. Никакихъ признаковъ воды или суши нельзя было разглядѣть; — ничего, кромѣ тусклыхъ, измѣнчивыхъ пятенъ.

Такъ, съ позволенія вашихъ превосходительствъ, послѣ жестокихъ страданій, неслыханныхъ опасностей, невѣроятныхъ приключеній, въ девятнадцатый день со времени моего отъѣзда изъ Роттердама,—я благополучно закончилъ свое путешествіе,—безъ сомнѣнія, самое необычайное и самое достопамятное изъ всѣхъ путешествій, когда-либо совершенныхъ, предпринятыхъ или задуманныхъ гражданами земли. Но разсказъ о моихъ приключеніяхъ еще далеко не законченъ. Ваши превосходительства сами понимаютъ, что, проведя около пяти лѣтъ на планетѣ, интересной не только по своимъ особенностямъ, но и въ виду своей тѣсной связи съ міромъ, обитаемымъ людьми, я могъ бы сообщить Астрономическому Обществу немало вещей, гораздо болѣе интересныхъ, чѣмъ описаніе моего путешествія, какъ бы оно ни было замѣчательно само по себѣ. И я дѣйствительно могу сообщить многое, и сдѣлалъ бы это съ величайшимъ удовольствіемъ. Я могъ бы разсказать вамъ о климатѣ луны, объ удивительныхъ перемѣнахъ температуры, о невыносимомъ, тропическомъ знoѣ, который смѣняется почти полярнымъ холодомъ, о постоянномъ перемѣщеніи влаги, вслѣдствіе испаренія, точно in vacuo, изъ пунктовъ, находящихся подъ солнцемъ, въ пункты, наиболѣе удаленные отъ него; объ измѣнчивомъ поясѣ текущихъ водъ; о здѣшнемъ населеніи, его обычаяхъ, нравахъ, политическихъ учрежденіяхъ; объ особенной организаціи здѣшнихъ обитателей, объ ихъ уродливости, отсутствіи ушей, придатковъ совершенно излишнихъ въ этой атмосферѣ, объ оригинальномъ способѣ объясненія, замѣняющемъ здѣсь даръ слова, котораго лишены жители луны,—о таинственной связи между каждымъ индивидуумомъ на лунѣ и соотвѣтственнымъ индивидуумомъ на землѣ (подобная же связь существуетъ между орбитами планеты и спутника)—благодаря которой жизнь и участь обитателей одного міра тѣснѣйшимъ образомъ переплетаются съ жизнью и судьбами обитателей другого, а главное—главное, ваши превосходительства,—объ ужасныхъ и отвратительныхъ явленіяхъ на той сторонѣ луны, которая, вслѣдствіе удивительнаго совпаденія періодовъ вращенія спутника вокругъ собственной оси и обращенія его вокругъ земли,—недоступна и, къ счастію, никогда не сдѣлается доступной земнымъ телескопамъ. Все это—и много, много другого—я охотно изложилъ бы въ подробномъ сообщеніи. Но—скажу прямо—я требую награды за это. Я жажду вернуться къ родному очагу, къ семьѣ, и въ награду за дальнѣйшія сообщенія — принимая въ разсчетъ, какой свѣтъ я могу пролить на многія отрасли физическаго и метафизическаго знанія — желалъ бы выхлопотать себѣ, черезъ посредство вашего почтеннаго общества, прощеніе за убійство трехъ кредиторовъ при отъѣздѣ изъ Роттердама. Такова цѣль настоя-

щаго письма. Податель его, одинъ изъ жителей луны, которому я втолковалъ все, что нужно, къ услугамъ вашихъ превосходительствъ,—онъ сообщитъ мнѣ о прощенiи, буде его можно выхлопотать.

Примите и проч. вашихъ превосходительствъ покорнѣйшiй слуга
Гансъ Пфалль».

Окончивъ чтенiе этого необычайнаго посланiя, профессоръ Рубадубъ, говорятъ, даже трубку выронилъ отъ изумленiя, а мингеръ Супербусъ фонъ Ундердукъ снялъ очки, вытеръ ихъ, положилъ въ карманъ и отъ удивленiя забылъ о своемъ достоинствѣ до того, что три раза повернулся волчкомъ. Разумѣется, прощенiе будетъ выхлопотано,—объ этомъ и толковать нечего. Такъ, по крайней мѣрѣ, поклялся въ самыхъ энергическихъ выраженiяхъ профессоръ Рубадубъ. Тоже подумалъ и блистательный фонъ Ундердукъ, когда, опомнившись отъ изумленiя, взялъ подъ руку своего ученаго собрата и направился домой обсудить на досугѣ, какъ лучше взяться за дѣло. Однако, у дверей бургомистрова дома, профессоръ рѣшился замѣтить, что такъ какъ посланецъ съ луны уѣхалъ обратно—безъ сомнѣнiя, испуганный суровой и дикой наружностью роттердамскихъ гражданъ—то и прощенiе окажется ни къ чему, ибо врядъ-ли кто-нибудь, кромѣ обитателя луны, отважится на такое путешествiе. Бургомистръ призналъ справедливость этого замѣчанiя, чѣмъ и кончилось все дѣло. Но не кончились толки и сплетни. Письмо было напечатано и вызвало много разговоровъ и споровъ. Нашлись умники, не побоявшiеся выставить самихъ себя въ смѣшномъ видѣ, утверждая, будто все это происшествiе чистая выдумка. Но у этихъ господъ выдумкой называется все, что выше ихъ пониманiя. Я, съ своей стороны, рѣшительно не понимаю, на чемъ они основываютъ свое обвиненiе. Вотъ ихъ аргументы:

Во-первыхъ.—Въ городѣ Роттердамѣ есть такiе-то (имя рекъ) шутники, которые имѣютъ зубъ противъ такихъ-то (имя рекъ) бургомистровъ и астрономовъ.

Во-вторыхъ.—Уродливый карликъ-фокусникъ, съ начисто отрѣзанными за какую-то продѣлку ушами, недавно исчезъ куда-то изъ сосѣдняго города Брюгге и не возвращался въ теченiе нѣсколькихъ дней.

Въ третьихъ.—Газеты, изъ которыхъ былъ склеенъ шаръ,—голландскiя газеты; стало быть, не на лунѣ отпечатаны. Онѣ были очень грязны, и типографщикъ Глюкъ готовъ поклясться на Библiи, что никто иной, какъ онъ самъ печаталъ ихъ въ Роттердамѣ.

Въ четвертыхъ.—Пьяницу Ганса Пфалля съ тремя бездѣльниками, будто бы его кредиторами, видѣли два или три дня тому

назадъ въ кабакѣ, въ предмѣстьи Роттердама; они были при деньгахъ и только что вернулись изъ поѣздки за море.

Наконецъ,—что, согласно общепринятому (по крайней мѣрѣ, оно должно быть общепринятымъ) мнѣнію, астрономическая коллегія въ городѣ Роттердамѣ, подобно всѣмъ другимъ коллегіямъ во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта—оставляя въ сторонѣ коллегіи и астрономовъ вообще—ничуть не лучше, не выше, не умнѣе, чѣмъ слѣдуетъ быть коллегіи.

Примѣчаніе.—Строго говоря, нашъ бѣглый очеркъ представляетъ очень мало общаго съ знаменитой «Moon-Story» мистера Локка, но такъ какъ оба разсказа имѣютъ характеръ выдумки (хотя одинъ написанъ въ шутливомъ, другой въ совершенно серьезномъ тонѣ), оба трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ; мало того,—въ обоихъ правдоподобіе достигается съ помощью научныхъ подробностей,—то авторъ «Ганса Пфалля» считаетъ необходимымъ замѣтить, въ видахъ самозащиты, что его jeu d'esprit была напечатана къ «Южномъ Литературномъ Вѣстникѣ» за три недѣли до появленія разсказа мистера Локка въ «Нью-Іоркскомъ Солнцѣ». Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя Нью-Іоркскія газеты, усмотрѣвъ между обоими разсказами сходство, котораго, быть можетъ, не существуетъ на дѣлѣ, рѣшили, что они принадлежатъ перу одного и того же автора.

Такъ какъ читателей, обманутыхъ «Басней о Лунѣ», гораздо больше, чѣмъ сознавшихся въ своемъ легковѣріи, то мы считаемъ не лишнимъ остановиться на этомъ разсказѣ, т. е. указать тѣ его особенности, которыя должны бы были устранить возможность подобнаго легковѣрія, такъ какъ обнаруживаютъ истинный характеръ этого произведенія. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ богатствѣ фантазіи остроумнаго автора, произведеніе его сильно хромаетъ въ отношеніи убѣдительности вслѣдствіе недостаточнаго вниманія къ фактамъ. Если публика могла хоть на минуту повѣрить ему, то это лишь доказываетъ ея глубокое невѣжество по части астрономіи.

Разстояніе луны отъ земли, круглымъ числомъ, 240,000 миль. Чтобы узнать, насколько сократится это разстояніе, благодаря телескопу, нужно раздѣлить его на цифру, выражающую степень увеличительной силы послѣдняго. Телескопъ, фигурирующій въ разсказѣ мистера Локка, увеличиваетъ въ 42,000 разъ. Раздѣливъ на это число 240,000 (разстояніе луны), получаемъ пять и пять седьмыхъ мили. На такомъ разстояніи невозможно различить никакихъ животныхъ, а тѣмъ болѣе мелочей, о которыхъ упоминается въ разсказѣ. У мистера Локка сэръ Джонъ Гершель усматриваетъ на лунѣ цвѣты (Papaver Rhoeas и др.), даже различаетъ форму и

цвѣтъ глазъ маленькихъ птичекъ. А незадолго передъ тѣмъ самъ авторъ говоритъ, что въ его телескопъ нельзя разсмотрѣть предметы менѣе восемнадцати дюймовъ въ діаметрѣ. Но и это преувеличеніе: для такихъ предметовъ требуется гораздо болѣе сильный объективъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что чудовищный телескопъ мистера Локка приготовленъ въ мастерской гг. Гартлей и Грантъ въ Домбартонѣ; но гг. Гартлей и Грантъ прекратили свою дѣятельность за нѣсколько лѣтъ до появленія этой сказки.

На страницѣ 13 отдѣльнаго изданія, упоминая о «волосяномъ покровѣ» на глазахъ буйвола, авторъ говоритъ:—«Проницательный умъ доктора Гершеля усмотрѣлъ въ этомъ покровѣ приспособленіе, устроенное самимъ провидѣніемъ для защиты глазъ животнаго отъ рѣзкихъ перемѣнъ свѣта и темноты, которымъ періодически подвергаются всѣ обитатели луны, живущіе на сторонѣ, обращенной къ намъ». Подобное замѣчаніе отнюдь не свидѣтельствуетъ о «проницательности» доктора. Обитатели, о которыхъ идетъ рѣчь, никогда не бываютъ въ темнотѣ; слѣдовательно, не подвергаются рѣзкимъ свѣтовымъ перемѣнамъ. Въ отсутствіи солнца, они получаютъ отъ земли освѣщеніе, равное по интенсивности свѣту четырнадцати лунъ.

Топографія луны у мистера Локка, даже тамъ, гдѣ онъ старается согласовать ее съ картой луны Блента, расходится нетолько съ этой и всѣми остальными картами, но и сама съ собой. Относительно странъ свѣта царитъ жестокая путаница; авторъ, повидимому, не знаетъ, что на лунной картѣ онѣ расположены въ обратномъ порядкѣ сравнительно съ землей: востокъ приходится налѣво, etc.

Мистеръ Локкъ, быть можетъ, приведенный въ заблужденіе названіями Mare Nubium, Mare Tranquillitatis, Mare Facunditatis, etc., которыми прежніе астрономы окрестили темныя пятна (луны), очень обстоятельно описываетъ океаны и другіе обширные водные бассейны на лунѣ; между тѣмъ, отсутствіе подобныхъ бассейновъ—доказанный фактъ. Граница между свѣтомъ и тѣнью на убывающемъ или растущемъ серпѣ, пересѣкая темныя пятна, образуетъ ломаную зубчатую линію; будь эти пятна морями, она, очевидно, была бы ровною.

Описаніе крыльевъ человѣка-летучей мыши, на стр. 21, буквальная копія описанія крыльевъ летающихъ островитянъ Петера Вилькинса. Уже одно это обстоятельство могло бы возбудить сомнѣніе.

На стр. 23 читаемъ:—«Какое чудовищное вліяніе долженъ былъ оказать нашъ земной шаръ, въ четырнадцать разъ превосходящій объемомъ своего спутника,—на природу послѣдняго,

когда, зарождаясь въ нѣдрахъ времени, оба были игралищемъ химическихъ силъ». Это очень хорошо сказано, конечно; но ни одинъ астрономъ не сдѣлалъ бы подобнаго замѣчанія, особенно въ научномъ журналѣ, такъ какъ земля не въ четырнадцать, а въ сорокъ девять разъ превосходитъ объемомъ луну. Тоже можно сказать о заключительныхъ страницахъ, гдѣ ученый корреспондентъ распространяется о Сатурнѣ, по поводу нѣкоторыхъ недавнихъ открытій, и даетъ подробное ученическое описаніе этой планеты—для «Эдинбургскаго Научнаго Журнала»!

Отмѣтимъ одно обстоятельство, которое въ особенности выдаетъ автора. Допустимъ, что изобрѣтенъ телескопъ, съ помощью котораго можно разглядѣть животныхъ на лунѣ,—что прежде всего бросится въ глаза наблюдателю, находящемуся на землѣ? Безъ сомнѣнія, не форма, не ростъ, не другія особенности, а странное положеніе тамошнихъ жителей. Они явятся передъ нимъ вверхъ ногами, какъ мухи на потолкѣ. Не вымышленный наблюдатель не удержался бы отъ восклицанія при видѣ этого страннаго положенія (хотя бы предвидѣлъ его заранѣе); наблюдатель вымышленный не только не отмѣтилъ этого обстоятельства, но говоритъ о формѣ тѣла, хотя могъ видѣть только діаметръ головы!

Замѣтимъ, въ заключеніе, что величина и въ особенности силы человѣка—летучей мыши (напримѣръ, способность летать въ такой разрѣженной атмосферѣ, если, впрочемъ, на лунѣ есть какая-нибудь атмосфера), противорѣчитъ всякой вѣроятности. Врядъ-ли нужно прибавлять, что всѣ соображенія, приписываемыя Брьюстеру и Гершелю въ началѣ статьи, «насчетъ передачи искусственнаго свѣта къ предмету, находящемуся въ фокусѣ поля зрѣнія» и проч. и проч., относятся къ разряду писаній, именуемыхъ въ просторѣчіи ерундой.

Существуетъ предѣлъ для оптическаго изученія звѣздъ,—предѣлъ, о которомъ достаточно упомянуть, чтобы понять его значеніе. Если бы все зависѣло отъ силы стеколъ, человѣческая изобрѣтательность несомнѣнно справилась бы въ концѣ концовъ съ задачей и мы имѣли бы чечевицы какихъ угодно размѣровъ. Къ несчастію, по мѣрѣ возрастанія увеличительной силы стеколъ, уменьшается, вслѣдствіе разсѣянія лучей, сила свѣта, испускаемаго объектомъ. Этой бѣдѣ мы не въ силахъ помочь, такъ какъ видимъ объектъ только благодаря исходящему отъ него свѣту,—его собственному или отраженному. «Искусственный» свѣтъ, о которомъ толкуетъ мистеръ Л., могъ бы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы былъ направленъ не на «объектъ, находящійся въ фокусѣ поля зрѣнія», а на дѣйствительный изучаемый

объектъ, т. е. на луну. Не трудно вычислить, что, если свѣтъ, исходящій отъ небеснаго тѣла, достигнетъ такой степени разсѣянія, при которой окажется не сильнѣе естественнаго свѣта всей массы звѣздъ въ ясную, безлунную ночь, то это тѣло станетъ недоступнымъ для изученія.

Телескопъ лорда Росса, недавно построенный въ Англіи, имѣетъ зеркало съ отражающею поверхностью въ 4071 квадратный дюймъ; телескопъ Гершеля только въ 1811 дюймовъ. Труба телескопа лорда Росса имѣетъ 6 футовъ въ діаметрѣ, толщина ея на краяхъ $5^1/_2$, въ центрѣ 5 дюймовъ. Фокусное разстояніе 50 футовъ. Вѣсъ 3 тонны.

Недавно мнѣ случилось прочесть курьезную и довольно остроумную книжку, на заглавной страницѣ которой значится: «L'Homme dans la lune ou le Voyage Chimerique fait au Monde de la Lune, nouvellement decouvert par Dominique Gonzales, Aduanturier Espagnol, autremèt dit le Courier Volant. Mis en notre langue par J. B. D. A. Paris, chez François Piot, pres la Fontaine de Saint Benoist. Et chez J. Goignard, au premier pilier de la grand' salle du Palais, proche les Consultations, MDCXLVIII» pp. 176.

Авторъ говоритъ, что перевелъ книжку съ англійскаго оригинала нѣкоего мистера д'Ависсона (Давидсонъ?), хотя выражается объ этомъ крайне двусмысленно. «J'en ai eu»,—говоритъ онъ,—«l'original de Monsieur D'Avisson, medecin des mieux versez qui soient aujourd'huy dans la cônoissance de Belles Lettres, et sur tout de la Philosophie Naturelle. Je lui ai cette obligation entre les autres de m'auoir non seulement mis en main ce Livre en anglois, mais encore le Manuscrit du Sieur Thomas D'Anan, gentilhomme Eccossois, recommandable pour sa vertu, sur la version du quel j'advoue que j'ay tiré le plan de la mienne».

Послѣ разныхъ приключеній во вкусѣ Жиль Блаза, разсказъ о которыхъ занимаетъ первыя тридцать страницъ, авторъ попадаетъ на островъ Св. Елены, гдѣ возмутившійся экипажъ оставляетъ его съ служителемъ-негромъ. Въ видахъ успѣшнѣйшаго добыванія пищи они разошлись и поселились въ разныхъ концахъ острова. Потомъ имъ вздумалось устроить сообщеніе другъ съ другомъ посредствомъ птицъ, дрессированныхъ на манеръ почтовыхъ голубей. Мало по малу птицы выучились переносить небольшія тяжести, вѣсъ которыхъ постепенно увеличивался. Наконецъ, автору пришло въ голову воспользоваться соединенными силами цѣлой стаи птицъ и подняться самому. Для этого онъ устроилъ машину, которая подробно описана и изображена въ книжкѣ. На рисункѣ мы видимъ синьора Гонзалеса въ кружевныхъ брыжжахъ и огромномъ парикѣ, верхомъ на какой-то штукѣ въ родѣ метлы, уноси-

маго стаей дикихъ лебедей (ganzas), привязанныхъ къ машинѣ за хвосты.

Главное приключеніе синьора обусловлено очень важнымъ фактомъ, о которомъ читатель узнаетъ только въ концѣ книги. Дѣло въ томъ, что ganzas, которыхъ онъ приручилъ, оказываются уроженцами не острова св. Елены, а луны. Съ незапамятныхъ временъ они ежегодно прилетаютъ на землю; но въ надлежащее время возвращаются домой. Такимъ образомъ, авторъ, разсчитывавшій на непродолжительное путешествіе, отправляется прямо вверхъ и въ самое короткое время достигаетъ луны. Тутъ онъ находитъ, въ числѣ прочихъ курьезовъ, весьма счастливое населеніе. Обитатели луны не знаютъ законовъ, умираютъ безъ страданій; ростомъ они отъ десяти до тридцати футовъ; живутъ по пяти тысячъ лѣтъ. У нихъ есть императоръ, по имени Ирдонозуръ; они могутъ подпрыгивать на высоту 60 футовъ, и выйдя такимъ образомъ изъ сферы притяженія, летать въ воздухѣ съ помощью крыльевъ.

Не могу не привести здѣсь образчикъ философствованій автора.

«Теперь я разскажу вамъ,—говоритъ синьоръ Гонзалесъ,—о природѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я находился. Облака скопились подъ моими ногами, т. е. между мною и землей. Что касается звѣздъ, то онѣ все время казались одинаковыми, такъ какъ здѣсь вовсе не было ночи; онѣ не блестѣли, а слабо мерцали точно на разсвѣтѣ. Немногія изъ нихъ были видимы и казались въ десятеро больше (приблизительно), чѣмъ когда смотришь на нихъ съ земли. Луна, которой недоставало двухъ дней до полнолунія, казалась громадной величины.

«Не должно забывать, что я видѣлъ звѣзды только съ той стороны земли, которая обращена къ лунѣ, и что чѣмъ ближе онѣ находились къ ней, тѣмъ казались больше. Замѣчу также, что и въ тихую погоду и въ бурю, я всегда находился непосредственно между землей и луной. Я убѣдился въ этомъ по двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, лебеди поднимались все время по прямой линіи; во-вторыхъ, всякій разъ, когда они останавливались отдохнуть, мы нечувствительно двигались вокругъ земного шара. Я раздѣляю мнѣніе Коперника, согласно которому земля постоянно вертится съ востока на западъ не вокругъ полюсовъ Равноденствія, называемыхъ въ просторѣчіи полюсами міра, а вокругъ полюсовъ Зодіака. Объ этомъ вопросѣ я намѣренъ поговорить болѣе подробно впослѣдствіи, когда освѣжу въ своей памяти свѣдѣнія изъ астрологіи, которую изучалъ я въ молодости въ Саламанкѣ, но съ тѣхъ поръ успѣлъ забыть».

Несмотря на грубыя ошибки, книжка заслуживаетъ вниманія, какъ простодушный образчикъ ходячихъ астрономическихъ понятій того времени. Между прочимъ, авторъ думаетъ, что «притягательная сила» земли дѣйствуетъ лишь на незначительное разстояніе отъ ея поверхности, и согласно съ этимъ «нечувствительно передвигается вокругъ земного шара» и т. п.

Есть и другія «путешествія на луну», по достоинству не лучше этой книжки. Книжка Бержерака совершенно ничтожна. Въ третьемъ томѣ «American Quarterly Review» помѣщенъ обстоятельный критическій разборъ одного изъ такихъ «Путешествій»,—разборъ, который свидѣтельствуетъ столько же о нелѣпости книжки, сколько о глубокомъ невѣжествѣ критика. Я не помню заглавія книжки; но способъ путешествія еще глупѣе ganzas нашего пріятеля синьора Гонзалеса. Путешественникъ случайно находитъ въ землѣ особенный металлъ, притяженіе котораго къ лунѣ сильнѣе, чѣмъ къ землѣ, устраиваетъ изъ него ящикъ и улетаетъ на луну. «Бѣгство Томаса О'Рурка»—не лишенная остроумія jeu d'esprit; книжка эта переведена на нѣмецкій языкъ. Герой разсказа, Томасъ,—смотритель за дичью одного ирландскаго пэра, эксцентричныя выходки котораго послужили поводомъ къ разсказу,—улетаетъ на спинѣ орла.

Цѣль упомянутыхъ брошюръ всегда сатирическая; тема—сравненіе нашихъ обычаевъ съ обычаями жителей луны. Ни въ одной изъ нихъ не сдѣлано попытки придать правдоподобный характеръ самому путешествію съ помощью научныхъ деталей. Авторы, повидимому, совершенно незнакомы съ астрономіей. Оригинальность «Ганса Пфалля» заключается въ попыткѣ достигнуть правдоподобія, въ приложеніи научныхъ принциповъ, насколько это допускаетъ фантастическій характеръ предмета.

Небывалый аэростатъ.

[Поразительная новость! — Перелетъ черезъ Атлантическій Океанъ въ три дня! Полное торжество летательной машины мистера Монка Масона! — Прибытіе на островъ Сюлливана, близъ Чарльстона, Ю. К., мистера Масона, мистера Роберта Голланда, мистера Генсона, мистера Гаррисона Энсворта и четырехъ другихъ лицъ, на управляемомъ воздушномъ шарѣ «Викторія», послѣ семидесяти пяти часового перелета отъ континента до континента! Подробности путешествія!

Нижеслѣдующая jeu d'esprit съ вышеприведеннымъ заголовкомъ, напечатаннымъ большими буквами и испещреннымъ во-

склицательными знаками, появилась въ одномъ изъ номеровъ ежедневной газеты «Нью-Iоркское Солнце», и съ успѣхомъ исполнила свое назначенiе, доставивъ довольно неудобоваримую пищу любителямъ новостей, въ промежуткѣ между двумя Чарльстонскими поѣздами. Успѣхъ «единственной газеты, доставляющей свѣжiя новости» былъ чрезвычайный. Впрочемъ, если «Викторiя» вовсе не совершала путешествiя, (какъ утверждаютъ нѣкоторые), то нѣтъ никакой причины думать, что она не могла его совершить].

Великая проблема, наконецъ, рѣшена! Отнынѣ воздухъ подчиненъ наукѣ такъ же, какъ земля и океанъ: онъ становится удобнымъ и общедоступнымъ путемъ сообщенiя. Перелетъ на воздушномъ шарѣ черезъ Атлантическiй океанъ совершился! — и притомъ безъ всякихъ затрудненiй, безъ всякой видимой опасности — при полномъ контролѣ надъ машиной — въ неимовѣрно короткiй промежутокъ времени: семьдесятъ пять часовъ. Благодаря энергiи нашего Чарльстонскаго корреспондента, мы первые сообщаемъ публикѣ подробный отчетъ объ этомъ замѣчательномъ путешествiи, которое началось въ Субботу, шестаго, въ 11 ч. утра, а кончилось во Вторникъ, девятаго, въ 2 час. по полудни. Участниками экспедицiи были: сэръ Эверардъ Бринггёрстъ; мистеръ Осбёрнъ, племянникъ лорда Бентинка; извѣстные аэронавты мистеръ Монкъ Масонъ и мистеръ Робертъ Голлендъ, мистеръ Гаррисонъ, Энсвортъ, авторъ «Джэка Шеппарда» и другихъ произведенiй; мистеръ Генсонъ, изобрѣтатель неудачной летательной машины, и двое матросовъ изъ Вульвича, всего восемь человѣкъ. Сообщаемыя ниже подробности заслуживаютъ безусловнаго довѣрiя, такъ какъ заимствованы почти дословно изъ дневниковъ мистера Монка Масона и мистера Энсворта, любезности которыхъ нашъ корреспондентъ обязанъ также устными разъясненiями касательно шара, его постройки, и другихъ интересныхъ вещей. Мы позволили себѣ только исправить слогъ оригинала, набросаннаго нашимъ корреспондентомъ, мистеромъ Форсайтомъ, второпяхъ, на скорую руку.

Шаръ.

Двѣ безуспѣшныхъ попытки послѣдняго времени — мистера Генсона и сэра Джорджа Кэли — значительно ослабили въ публикѣ интересъ къ вопросу о воздухоплаванiи. Проектъ мистера Генсона (на первыхъ порахъ возбудившiй надежды даже среди представителей науки) основанъ на принципѣ наклонной плоскости, причемъ первоначальный толчекъ съ какого-нибудь возвышеннаго пункта

сообщается машинѣ внѣшнимъ двигателемъ, а дальнѣйшее движеніе поддерживается и направляется съ помощью вращенія крыльевъ, напоминающихъ формой и величиной крылья вѣтряной мельницы. Но опыты съ моделью показали, что крылья не только не двигаютъ машину, а еще тормозятъ ея движеніе. Вся движущая сила зависитъ отъ внѣшняго impetus при спускѣ съ наклонной плоскости; когда крылья бездѣйствуютъ, этотъ impetus переноситъ машину на большее разстояніе, чѣмъ при движеніи крыльевъ; ясно, что онѣ совершенно безполезны; и что безъ внѣшняго толчка, который является и движущей и поддерживающей силой, весь механизмъ долженъ очутиться на землѣ. Это обстоятельство навело сэра Джоржа Кэли на мысль, примѣнить двигатель къ машинѣ, которая сама по себѣ обладаетъ способностью держаться въ воздухѣ,— короче сказать, къ воздушному шару. Мысль, конечно, не новая; вся оригинальность изобрѣтенія сэра Джоржа заключается въ способѣ ея практическаго осуществленія. Онъ представилъ модель своего аппарата въ Политехническій Институтъ. Движущій механизмъ тоже устроенъ въ формѣ прерывающихся поверхностей или крыльевъ. Но и въ этомъ случаѣ крылья оказались совершенно безполезными, такъ какъ не сообщали шару движенія и не увеличивали быстроты поднятія. Словомъ, проектъ оказался неудачнымъ.

Эта неудача послужила толчкомъ къ изобрѣтенію мистера Монка Масона (путешествіе котораго на аэростатѣ «Нассау» изъ Дувра въ Вейльбургъ произвело такую сенсацію въ 1837 г.). Справедливо приписывая неудачи мистера Генсона и сэра Джоржа прерывающейся поверхности при системѣ крыльевъ, онъ положилъ въ основу своего двигателя принципъ Архимедова винта.

Какъ и у сэра Джоржа Кэли, аэростатъ мистера Масона имѣлъ форму эллипсоида въ 14 футовъ 6 дюймовъ длиной и 6 футовъ 8 дюймовъ высотой. Онъ вмѣщалъ около трехсотъ двадцати кубическихъ футовъ газа и обладалъ подъемною силой въ двадцать одинъ фунтъ (при употребленіи чистаго водорода), тотчасъ послѣ наполненія, пока газъ еще не успѣлъ испортиться или пройти сквозь оболочку. Вѣсъ шара со всѣми приспособленіями семнадцать фунтовъ. Къ шару подвѣшена рама изъ легкаго дерева, прикрѣпленная обычнымъ способомъ, посредствомъ сѣтки. Къ рамѣ, въ свою очередь, прикрѣплена плетеная корзина или лодочка.

Ось винта состоитъ изъ полой мѣдной трубки въ восемнадцать дюймовъ длиною, сквозь которую пропущенъ, въ видѣ полу-спирали подъ угломъ въ пятнадцать градусовъ, рядъ лучей изъ стальной проволоки, по два фута длиною, выдающихся на одинъ футъ съ каждой стороны. Наружные концы ихъ связаны двумя лентами изъ кованой проволоки; все вмѣстѣ образуетъ остовъ винта, об-

тянутый шелковой клеенкой, разрѣзанной на куски, сшитые такъ, чтобы представлять, по возможности, ровную поверхность. На концахъ оси винтъ поддерживается стойками въ видѣ полыхъ мѣдныхъ трубъ, спускающихся отъ обруча. Въ нижнихъ концахъ этихъ трубъ продѣланы отверстія, въ которыхъ вращаются спицы винта. Ближайшій къ корзинѣ конецъ оси соединенъ посредствомъ стальной рукоятки съ шестерней заводнаго механизма, находящагося въ корзинѣ. Заводной механизмъ заставляетъ винтъ вертѣться очень быстро и сообщать всему аппарату поступательное движеніе. Съ помощью руля не трудно придать шару какое угодно направленіе. Заводной механизмъ обладаетъ весьма значительной силой сравнительно съ своимъ объемомъ, такъ какъ поднимаетъ сорокъ пять фунтовъ на валъ въ четыре дюйма въ діаметрѣ при первомъ оборотѣ, причемъ сила выростаетъ по мѣрѣ вращенія. Вѣсъ его восемь фунтовъ шесть унцій. Руль представляетъ легкую тростниковую раму, обтянутую шелковой матеріей, длина его три фута, наибольшая ширина футъ, вѣсъ двѣ унціи. Его можно поставить плашмя, поворачивать вверхъ и внизъ, вправо и влѣво, и такимъ образомъ пользоваться сопротивленіемъ воздуха, придавая шару какое угодно направленіе.

При первомъ же испытаніи этой модели (которую мы не могли описать болѣе подробно за недостаткомъ времени), она двигалась съ быстротою пяти миль въ часъ; но, странное дѣло, далеко не возбудила такого интереса въ публикѣ, какъ сложная машина м-ра Генсона. До такой степени свѣтъ склоненъ относиться съ пренебреженіемъ ко всему, что носитъ печать простоты. Всѣ воображали, что великая проблема воздухоплаванія можетъ быть разрѣшена только съ помощью какой-нибудь необычайно сложной машины, на основаніи глубочайшихъ принциповъ динамики.

Довольный успѣхомъ своего изобрѣтенія, мистеръ Масонъ рѣшился соорудить воздушный шаръ болѣе значительныхъ размѣровъ, пригодный для продолжительнаго путешествія. Первоначальное намѣреніе его было перелетѣть Ламаншъ такъ же, какъ на шарѣ Нассау. Для осуществленія своей цѣли онъ искалъ и нашелъ поддержку у сэра Эверарда Бринггёрста и мистера Осбёрна, двухъ джентльменовъ, извѣстныхъ своими научными позананіями, а въ особенности интересомъ къ успѣхамъ аэронавтики. По желанію мистера Осбёрна проектъ путешествія хранился въ строжайшемъ секретѣ, въ тайну его были посвящены только лица, участвовавшія въ сооруженіи аппарата, который изготовлялся—подъ наблюденіемъ мистера Масона, мистера Голленда, сэра Эверарда Бринггёрста и мистера Осбёрна — въ имѣніи этого послѣдняго джентльмена близь Пенстретталя въ Уэльсѣ. Мистеръ Генсонъ и его прія-

тель мистеръ Энсвортъ были приняты въ число участниковъ экспедиціи въ субботу, когда дѣлались окончательныя приготовленія къ путешествію. Мы не знаемъ, почему въ составъ экспедиціи вошли два матроса, о которыхъ упоминалось выше: впрочемъ, дня черезъ два, мы сообщимъ нашимъ читателямъ мельчайшія подробности касательно этого замѣчательнаго предпріятія.

Шелковая оболочка шара покрыта слоемъ жидкаго каучука. Она вмѣщаетъ болѣе 40.000 кубическихъ футовъ газа, но вмѣсто дорогого и неудобнаго водорода примѣненъ свѣтильный газъ, такъ что подъемная сила шара, тотчасъ послѣ наполненія, не превосходитъ 2.500 фунтовъ. Свѣтильный газъ не только дешевле, но легче добывается и не требуетъ такихъ сложныхъ манипуляцій, какъ водородъ.

Примѣненіемъ его къ аэронавтикѣ мы обязаны мистеру Чарльзу Грину. До тѣхъ поръ наполненіе шара было дорого стоющей и ненадежной операціей. Случалось, два-три дня проходили въ безплодныхъ попыткахъ наполнить шаръ водородомъ, который ускользалъ изъ оболочки благодаря своей легкости и сродству съ окружающей атмосферой. Шаръ, достаточно прочной конструкціи, чтобы сохранить свѣтильный газъ неизмѣненнымъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, не сохранялъ такого же количества водорода въ теченіе шести недѣль.

Общій вѣсъ пассажировъ равнялся 1.200 фунтамъ; стало быть (при подъемной силѣ аппарата въ 2.500 фунтовъ), оставалось въ запасѣ 1.300 фунтовъ, которые и были возмѣщены балластомъ въ мѣшкахъ различной величины съ обозначеніемъ вѣса на каждомъ мѣшкѣ; веревками, барометрами, зрительными трубками, запасомъ провизіи на двѣ недѣли, боченками съ водой, бѣльемъ, и другими необходимыми предметами, включая кофейникъ съ приспособленіями для варки кофе посредствомъ гашеной извести, чтобы не разводить огня, если это окажется неудобнымъ. Всѣ эти предметы, за исключеніемъ балласта и нѣкоторыхъ мелкихъ вещицъ, были развѣшаны на обручѣ надъ головами пассажировъ. Корзина гораздо меньше и легче (относительно), чѣмъ въ модели. Она сплетена изъ гибкихъ прутьевъ и отличается необыкновенной прочностью, несмотря на свой хрупкій видъ. Глубина ея около четырехъ футовъ. Руль относительно больше, чѣмъ въ модели; винтъ значительно меньше. Аэростатъ снабженъ якоремъ и гайдъ-ропомъ. Послѣдній имѣетъ очень важное значеніе, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ для читателей, незнакомыхъ съ техникой воздухоплаванія.

Оставивъ землю, аэростатъ подвергается самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, которыя, измѣняя его вѣсъ, увеличиваютъ или

ослабляютъ подъемную силу. Напримѣръ, роса, осѣвшая на оболочку, можетъ увеличить вѣсъ на нѣсколько сотъ фунтовъ; въ такомъ случаѣ приходится выбрасывать балластъ, чтобы предупредить спускъ. Взойдетъ солнце, высушитъ росу, да кромѣ того вызоветъ расширеніе газа внутри оболочки: шаръ быстро поднимается. Чтобы остановить восхожденіе, приходится (вѣрнѣе сказать, приходилось до изобрѣтенія гайдъ-ропа мистеромъ Гриномъ) выпустить газъ посредствомъ клапана; но соотвѣтственно потерѣ газа уменьшается подъемная сила. Въ результатѣ шаръ наилучшей конструкціи истощитъ свои рессурсы въ сравнительно короткое время, и опустится на землю. Это обстоятельство было главной помѣхой для сколько-нибудь продолжительныхъ путешествій.

Съ помощью гайдъ-ропа это затрудненіе устраняется крайне просто. Онъ состоитъ просто на просто изъ длиннаго каната, конецъ котораго волочится по землѣ, предупреждая сколько-нибудь значительныя измѣненія въ высотѣ шара. Если, напримѣръ, роса осѣла на оболочку и шаръ начинаетъ спускаться, то облегченіе достигается не выбрасываніемъ балласта, а удлиненіемъ конца гайдъ-ропа, волочащагося по землѣ. Если, наоборотъ, требуется увеличить вѣсъ шара и замедлить восхожденіе, гайдъ-ропъ подбираютъ въ корзину. Такимъ образомъ, шаръ держится почти на одной и той же высотѣ, а запасъ балласта и газа не истощается. Пролетая надъ обширнымъ водянымъ бассейномъ, пользуются небольшими мѣдными или деревянными боченками, наполненными какой-нибудь жидкостью, менѣе тяжелой, чѣмъ вода. Боченки плывутъ за шаромъ, играя такую же роль, какъ волочащійся конецъ гайдъ-ропа на сушѣ. Далѣе, съ помощью гайдъ-ропа, опредѣляется направленіе шара. Канатъ тащится по землѣ или по водѣ, тогда какъ шаръ движется свободно, слѣдовательно, всегда опережаетъ конецъ гайдъ-ропа. Сравнивая при помощи компаса положеніе этихъ двухъ пунктовъ, аэронавтъ опредѣляетъ курсъ полета. Такимъ же порядкомъ, уголъ, образуемый канатомъ съ вертикальною осью шара, опредѣляетъ быстроту движенія. Когда уголъ равенъ нулю, т. е., когда гайдъ-ропъ виситъ перпендикулярно къ поверхности земли, шаръ стоитъ на мѣстѣ; чѣмъ больше уголъ, т. е. чѣмъ дальше отъ шара конецъ гайдъ-ропа, тѣмъ быстрѣе движеніе, и наоборотъ.

Намѣреваясь перелетѣть каналъ и спуститься какъ можно ближе къ Парижу, путешественники запаслись паспортами, въ которыхъ указывалась цѣль и характеръ экспедиціи, какъ при путешествіи на шарѣ Нассау. Неожиданныя событія сдѣлали излишними эти паспорта.

Наполненіе шара началось въ субботу, шестого, на разсвѣтѣ, во дворѣ усадьбы мистера Осбёрна, на разстояніи мили отъ Пен-

стретталя, въ Сѣверномъ Уэльсѣ. Въ семь минутъ двѣнадцатаго все было готово, и шаръ тихонько направился къ югу. Въ теченіе перваго получаса руль и винтъ оставались безъ дѣйствія. Ниже мы печатаемъ дневникъ, списанный мистеромъ Форсайтомъ съ рукописи гг. Монка Масона и Энсворта. Главный текстъ писанъ рукою мистера Масона, а «post scriptum» каждаго дня принадлежитъ мистеру Энсворту, который готовитъ къ печати болѣе подробное и, безъ сомнѣнія, крайне увлекательное описаніе путешествія.

Дневникъ.

Суббота, 6 апрѣля.—Покончивъ со всѣми приготовленіями, мы приступили къ наполненію шара на разсвѣтѣ, но по милости густого тумана, отягчавшаго шелковую оболочку, справились съ этой операціей только къ одиннадцати часамъ. Затѣмъ обрѣзали канатъ, и легкій вѣтерокъ понесъ насъ къ Британскому Каналу. Подъемная сила оказалась больше, чѣмъ мы ожидали, а когда шаръ поднялся значительно выше утесовъ, быстрота восхожденія еще усилилась отъ дѣйствія солнечныхъ лучей.

Я, однако, не хотѣлъ терять газъ въ самомъ началѣ путешествія и рѣшилъ остановить восхожденіе. Мы подняли гайдъ-ропъ, но, даже когда онъ совершенно отдѣлился отъ земли, шаръ продолжалъ быстро подниматься. Видъ у него былъ великолѣпный. Спустя десять минутъ послѣ отъѣзда, барометръ показывалъ высоту въ 15.000 футовъ. Погода стояла чудная; разстилавшаяся подъ нами мѣстность—одна изъ самыхъ романтическихъ въ Англіи—поражала своей живописностью. Безчисленныя ущелья, подернутыя дымкой тумана, казались озерами; безпорядочныя груды утесовъ и скалъ на юго-востокѣ напоминали гигантскіе города восточныхъ сказокъ. Мы очень быстро приближались къ горамъ на югѣ, впрочемъ, шаръ находился на такой высотѣ, что могъ перелетѣть ихъ вполнѣ свободно. Черезъ нѣсколько минутъ мы неслись надъ ними. Мистеръ Энсвортъ и оба матроса были крайне удивлены ихъ кажущейся незначительностью.

Дѣло въ томъ, что при наблюденіи земной поверхности изъ корзины воздушнаго шара, ея неровности сглаживаются почти до одинаковаго уровня, вслѣдствіе громадной высоты пункта наблюденія. Въ половинѣ двѣнадцатаго, продолжая двигаться въ южномъ направленіи, мы увидѣли Британскій каналъ, а спустя пятнадцать минутъ линія прибоя находилась какъ разъ подъ нами. Миновавъ ее, мы рѣшили выпустить немного газа, такъ какъ хотѣли выбросить гайдъ-ропъ съ буйками. Минутъ черезъ двадцать первый буекъ находился въ водѣ, за нимъ второй; послѣ этого

шаръ оставался на одинаковомъ уровнѣ. Теперь мы рѣшились испробовать дѣйствіе винта и руля: намъ хотѣлось измѣнить направленіе шара, повернувъ его болѣе на востокъ, къ Парижу. Съ помощью руля мы исполнили этотъ маневръ почти мгновенно. Теперь аэростатъ направился почти подъ прямымъ угломъ къ вѣтру. Мы пустили въ ходъ движущій механизмъ и съ радостью убѣдились, что онъ дѣйствуетъ вполнѣ успѣшно. Мы девять разъ прокричали ура и бросили въ море бутылку съ запиской, содержавшей краткое изложеніе принципа изобрѣтенія. Но наше торжество тутъ же и кончилось благодаря непредвидѣнной случайности, которая порядкомъ обезкуражила насъ. Стальное колесо, соединявшее заводной механизмъ съ двигателемъ, неожиданно соскочило съ своей оси (вслѣдствіе неосторожнаго движенія одного изъ матросовъ). Пока мы возились, прилаживая его на старое мѣсто, сильное теченіе воздуха подхватило шаръ и понесло его къ Атлантическому океану. Мы летѣли съ быстротою пятидесяти или шестидесяти миль въ часъ, и миновали Капъ-Клиръ, прежде чѣмъ успѣли исправить механизмъ. Тутъ мистеръ Энсвортъ сдѣлалъ смѣлое, но, на мой взглядъ, отнюдь не безразсудное и не химерическое предложеніе, тотчасъ же поддержанное мистеромъ Голлендомъ,—именно: воспользоваться увлекавшимъ насъ воздушнымъ теченіемъ, и попытаться достигнуть Сѣверной Америки. Послѣ непродолжительнаго размышленія я присоединился къ этому смѣлому предложенію, которое (странно сказать) встрѣтило возраженіе только со стороны матросовъ. Но мнѣніе большинства пересилило, и мы отправились на западъ. Находя, что буйки только замедляютъ движеніе шара, мы выбросили пятьдесятъ фунтовъ балласта и подняли гайдъ-ропъ (посредствомъ ворота). Результатъ этого маневра сказался немедленно, и такъ какъ къ тому же вѣтеръ усилился, то мы понеслись съ несказанной быстротою,—гайдъ-ропъ летѣлъ за шаромъ, какъ вымпелъ за кораблемъ. Нужно-ли говорить, что въ самое короткое время мы потеряли изъ вида берегъ. Корабли то и дѣло попадались намъ на встрѣчу; большинство лежало въ дрейфѣ. Наше появленіе возбуждало сенсацію; многія суда встрѣчали насъ салютами изъ сигнальной пушки; матросы привѣтствовали аэростатъ громкими криками (которые мы слышали удивительно отчетливо), маханьемъ шляпъ и платковъ. Такъ прошелъ день, безъ всякихъ особенныхъ приключеній, а съ наступленіемъ ночи мы попытались опредѣлить длину пройденнаго пути. По приблизительному разсчету мы сдѣлали не менѣе пятисотъ миль; вѣроятно, гораздо больше. Машина все время дѣйствовала, и, безъ сомнѣнія, не мало способствовала нашему движенію. Съ наступленіемъ ночи вѣтеръ превратился въ настоящій

ураганъ; океанъ, разстилавшійся подъ нами, былъ ясно видимъ вслѣдствіе фосфоресценціи. Всю ночь вѣтеръ дулъ съ востока, предвѣщая успѣхъ нашему предпріятію. Холодъ и сырость давали себя чувствовать, но корзина была помѣстительна; мы улеглись на днѣ и устроились довольно сносно съ помощью одѣялъ и пальто.

P. S. (Мистера Энсворта). Никогда въ жизни я не испытывалъ такого возбужденія, какъ въ послѣдніе девять часовъ. Не знаю чувства болѣе возвышающаго, чѣмъ странное ощущеніе опасности и новизны при такомъ предпріятіи, какъ наше. Дай Богъ, чтобы оно удалось! Я желаю успѣха не ради собственной незначительной особы, а ради великаго торжества человѣческихъ знаній. Предпріятіе до такой степени просто и исполнимо, что я удивляюсь,—какъ никто не попыталъ счастья раньше насъ! Одинъ такой ураганъ, если онъ продлится четыре-пять дней (а они сплошь и рядомъ бываютъ еще продолжительнѣе), легко перенесетъ шаръ отъ континента до континента. При такомъ ураганѣ широкій атлантическій океанъ становится простымъ озеромъ. Больше всего поражаетъ меня глубокая тишина на морѣ, при такомъ сильномъ волненіи. Воды не подаютъ голоса небесамъ. Безбрежный, пылающій океанъ кипитъ и бьется, колоссальные валы—точно нѣмые гиганты, схватившіеся въ судорожной борьбѣ. Въ такую ночь человѣкъ живетъ! я не промѣнялъ бы ея на цѣлое столѣтіе обыденнаго существованія.

Воскресенье, 7-го. (Рукопись мистера Масона). Къ десяти часамъ утра ураганъ превратился въ сравнительно слабый вѣтеръ, узловъ въ восемь или девять (для корабля на морѣ), и понесъ нашъ аэростатъ съ быстротою тридцати или болѣе миль въ часъ. Въ то же время онъ значительно уклонился къ сѣверу, такъ что намъ пришлось поддерживать западное направленіе съ помощью винта и руля, которые дѣйствовали какъ нельзя лучше. На мой взглядъ изобрѣтеніе оказалось вполнѣ успѣшнымъ, и задача управленія шаромъ (только не прямо противъ вѣтра) можетъ считаться рѣшенной. Мы бы не могли справиться со вчерашнимъ ураганомъ, но могли бы уклониться отъ него, поднявшись на достаточную высоту. Движеніе противъ умѣреннаго вѣтра, безъ сомнѣнія, вполнѣ возможно.

Въ полдень мы поднимались на высоту 25.000 футовъ, выбросивъ часть балласта. Сдѣлали это въ надеждѣ отыскать болѣе благопріятное воздушное теченіе, однако, самымъ подходящимъ оказалось то, въ которомъ мы находимся теперь. Газа у насъ довольно, чтобы перелетѣть эту лужу, хотя бы путешествіе продлилось три недѣли. Я ничуть не безпокоюсь за успѣхъ предпріятія. Опасности и затрудненія страшно преувеличены. Я могу выбрать благопріят-

ное теченіе воздуха, а если всѣ теченія противъ меня,—двигаться впередъ съ помощью аппарата. Ничего особеннаго не случилось. Ночь обѣщаетъ быть прекрасной.

P. S. (Мистера Энсворта). Могу отмѣтить лишь немногое. Меня очень удивило, что, поднявшись на высоту, равную высотѣ Котопакси, я не испытывалъ ни особенно сильнаго холода, ни головной боли, ни удушья. Мистеръ Масонъ, мистеръ Голлендъ, сэръ Эверардъ тоже не испытывали никакихъ болѣзненныхъ ощущеній. Мистеръ Осбёрнъ жаловался на стѣсненіе въ груди, но оно скоро прошло. Мы двигались очень быстро въ теченіе всего дня и навѣрное пролетѣли уже больше половины пути. Намъ попались навстрѣчу штукъ двадцать или тридцать кораблей разной величины, и, пожалуй, нашъ аэростатъ возбудилъ на нихъ немалое изумленіе.—Какъ видно, перелетѣть океанъ вовсе не особенная трудность. Omne ignotum pro magnifico. Mem.—На высотѣ 25.000 футовъ небо кажется почти чернымъ, звѣзды видны очень ясно; а океанъ представляется не выпуклымъ (какъ можно бы было ожидать), а вогнутымъ *).

Понедѣльникъ, 8. (Ркп. мистера Масона). Сегодня утромъ намъ снова пришлось возиться съ колесомъ, которое надо будетъ совершенно передѣлать, во избѣжаніе опасныхъ случайностей. Въ теченіе всего дня сильный вѣтеръ съ сѣверо-востока; судьба, повидимому, благопріятствуетъ намъ. На разсвѣтѣ были немножко встревожены страннымъ трескомъ и сотрясеніемъ шара. Эти явленія происходятъ вслѣдствіе расширенія газа подъ вліяніемъ, согрѣвшейся атмосферы, причемъ разрываются частицы льда, осѣвшія ночью на сѣтку. Бросили нѣсколько бутылокъ на встрѣчные корабли. Одну изъ нихъ подобрали на какомъ-то большомъ

*) Мистеръ Энсвортъ не пытался, объяснить это явленіе, которое однако, вполнѣ объяснимо. Перпендикуляръ, опущенный съ высоты двадцати пяти тысячъ футовъ на поверхность земли (или моря). образуетъ одинъ изъ катетовъ прямоугольнаго треугольника, основаніе котораго простирается къ горизонту, а гипотенуза отъ горизонта къ шару. Но 25.000 футовъ ничтожная высота, сравнительно съ величиной площади горизонта. Иными словами: основаніе и гипотенуза означеннаго треугольника такъ длинны въ сравненіи съ высотой, что могутъ считаться почти параллельными. Такимъ образомъ линія горизонта воздухоплавателя явится на одномъ уровнѣ съ корзиной. Но точка поверхности, находящаяся подъ нимъ, кажется, и дѣйствительно находится на огромномъ разстояніи внизу,—слѣдовательно, гораздо ниже горизонта. Отсюда впечатлѣніе вогнутой поверхности, — впечатлѣніе, которое останется до тѣхъ поръ, пока шаръ не достигнетъ высоты настолько громадной, что, кажущійся параллелизмъ основанія и гипотенузы исчезнетъ, — и выпуклость земли станетъ замѣтной.

суднѣ,—кажется, Нью-Іоркскомъ пакетботѣ. Старались разсмотрѣть его названіе, кажется, «Аталанта» или что-то въ этомъ родѣ. Теперь 12 часовъ ночи и мы по прежнему быстро несемся на западъ. Фосфорическій блескъ моря усилился.

P. S. (мистера Энсворта). Теперь 2 часа утра, и, какъ мнѣ кажется, очень тихо; впрочемъ, трудно судить объ этомъ, такъ какъ мы движемся вмѣстѣ съ воздухомъ. Я не спалъ съ самаго отъѣзда, и изнемогаю отъ усталости; надо немножко вздремнуть. Мы должно быть уже недалеко отъ Америки.

Вторникъ, 9. (Ркп. мистера Энсворта). 1 часъ пополудни. Передъ нами берегъ Южной Каролины. Великая проблема рѣшена. Мы перелетѣли Атлантическій океанъ,—перелетѣли безъ всякихъ затрудненій на воздушномъ шарѣ. Слава Богу! Послѣ этого,—есть-ли что невозможное?

Здѣсь кончается дневникъ. Кромѣ того, мистеръ Энсвортъ устно сообщилъ мистеру Форсайту нѣкоторыя подробности относительно спуска. Было почти полное безвѣтріе, когда показался берегъ. Оба матроса и мистеръ Осбёрнъ тотчасъ узнали его. Рѣшено было спуститься подлѣ форта Моультри, гдѣ у мистера Осбёрна имѣлись знакомые. Шаръ остановился надъ взморьемъ (былъ отливъ, и гладкій плотный песокъ представлялъ очень удобное мѣсто для спуска), бросили якорь вполнѣ успѣшно. Жители острова и форта, разумѣется, сбѣжались къ шару, но не хотѣли вѣрить, что онъ дѣйствительно перелетѣлъ черезъ Атлантическій Океанъ. Якорь былъ брошенъ ровно въ 2 часа пополудни; значитъ, все путешествіе продолжалось менѣе 75 часовъ. Ничего особеннаго не случилось во время пути; никакихъ серьезныхъ опасностей не пришлось испытать. Шаръ опорожнили и убрали безъ всякихъ затрудненій; и когда оригиналъ этого разсказа былъ отправленъ изъ Чарльстона, путешественники еще оставались въ фортѣ Моультри. Дальнѣйшія намѣренія ихъ еще неизвѣстны, но мы не замедлимъ сообщить читателямъ дополнительныя свѣдѣнія къ вышеизложенному описанію.

Это путешествіе безспорно самое поразительное, самое интересное, самое важное изъ всѣхъ предпріятій, исполненныхъ или даже задуманныхъ людьми до настоящаго времени. Излишне и говорить, какія грандіозныя послѣдствія обѣщаетъ оно въ будущемъ.

Фонъ Кемпеленъ и его открытіе.

Врядъ-ли нужно объяснять, что мои бѣглыя замѣтки объ открытіи фонъ Кемпелена отнюдь не имѣютъ въ виду научной оцѣнки вопроса. Это было бы совершенно излишнимъ послѣ обстоятельнаго мемуара Араго, не говоря о рефератѣ въ «Silliman's Journal» и только что опубликованномъ сообщеніи лейтенанта Мори. Я намѣренъ, во-первыхъ, сказать нѣсколько словъ о самомъ фонъ-Кемпеленѣ (съ коимъ имѣлъ честь лично познакомиться нѣсколько лѣтъ тому назадъ), такъ какъ все, что касается его личности, представляетъ въ настоящую минуту интересъ, а во-вторыхъ, потолковать съ чисто теоретической точки зрѣнія о результатахъ его открытія.

Но прежде чѣмъ приступлю къ своимъ замѣткамъ, считаю нелишнимъ опровергнуть одно заблужденіе, утвердившееся въ публикѣ (какъ водится, благодаря газетамъ),—а именно: будто поразительное открытіе фонъ Кемпелена явилось совершенно неожиданнымъ.

Замѣтка на стр. 53 и 82 «Дневника сэра Гемфри Дэви» (Коттль и Мунро, Лондонъ, pp. 150) ясно свидѣтельствуетъ, что этотъ знаменитый химикъ не только формулировалъ основную идею вопроса, но и значительно подвинулъ впередъ его разработку экспериментальнымъ путемъ съ помощью того же анализа, который нынѣ такъ блистательно доведенъ до конца фонъ Кемпеленомъ. Послѣдній, хотя и не упоминаетъ о «Дневникѣ», безъ сомнѣнія (говорю это безъ малѣйшихъ колебаній и въ случаѣ надобности берусь доказать) обязанъ книгѣ Дэви первымъ толчкомъ къ своей работѣ. Не могу не привести здѣсь двѣ выдержки изъ «Дневника», несмотря на ихъ спеціальный характеръ. (Такъ какъ алгебраическія формулы кажутся намъ неинтересными, а «Дневникъ» можно найти въ книжномъ магазинѣ Атенеумъ, то мы позволили себѣ сократить рукопись мистера Поэ, выпустивъ цитаты. Прим. изд.)

Замѣтка въ журналѣ «Вѣстникъ и Наблюдатель», перепечатанная всѣми газетами и приписывающая честь открытія какому-то мистеру Киссаму изъ Брауншвейга въ Мэнѣ, кажется мнѣ подозрительной во многихъ отношеніяхъ, хотя, конечно, самъ по себѣ подобный фактъ не представляетъ ничего невозможнаго или невѣроятнаго. Я не буду вдаваться въ подробности. Мое мнѣніе объ этой замѣткѣ основано главнымъ образомъ на манерѣ изложенія. Замѣтка выглядитъ не заслуживающей довѣрія. Разсказывая факты, люди рѣдко отмѣчаютъ дни и числа съ такой щепетильной

точностью, какъ мистеръ Киссамъ. Къ тому же, если мистеръ Киссамъ дѣйствительно сдѣлалъ свое открытіе около восьми лѣтъ тому назадъ,—почему онъ тогда же не воспользовался громадными выгодами, которыя оно могло доставить ему лично, если ужь не человѣчеству. Выгоды эти очевидны для всякаго простеца. Я никогда не повѣрю, чтобы человѣкъ, не лишенный здраваго смысла, сдѣлавъ подобное открытіе, оказался въ своихъ дальнѣйшихъ поступкахъ такимъ младенцемъ — такимъ простофилей — какимъ, по его собственнымъ словамъ, оказался мистеръ Киссамъ. Кстати: кто такое мистеръ Киссамъ? Не сфабрикована-ли вся замѣтка въ «Вѣстникѣ и Наблюдателѣ» нарочно для того, чтобы «надѣлать шума?» Правду сказать, статья отъ начала до конца производитъ впечатлѣніе «не любо не слушай». На мой взглядъ она не заслуживаетъ довѣрія, и если бы я не зналъ, какъ легко поддаются мистификаціи ученые мужи въ вопросахъ, выходящихъ изъ круга ихъ обычныхъ занятій, то, признаюсь, былъ бы крайне удивленъ, видя, что такой замѣчательный химикъ, какъ профессоръ Дрэперъ, обсуждаетъ совершенно серьезно претензіи мистера Киссама.

Вернемся, однако, къ «Дневнику» сэра Гемфри Дэви. Онъ не предназначался для публики, даже по смерти автора. Въ этомъ легко убѣдится всякій опытный литераторъ при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ стилемъ «Дневника». Напр., на стр. 13 читаемъ по поводу изслѣдованій надъ закисью азота. «Дыханіе продолжается; спустя полминуты уменьшеніе, потомъ прекращаются, остается только въ родѣ легкаго сжатія всѣхъ мускуловъ». Что дыханіе не уменьшается, ясно изъ дальнѣйшаго текста и выраженія «прекращаются» (во множественномъ числѣ). Всю фразу слѣдуетъ читать: «дыханіе продолжается, спустя полминуты уменьшеніе (болѣзненныхъ ощущеній), потомъ (они) исчезаютъ, остается только (ощущеніе) въ родѣ легкаго сжатія всѣхъ мускуловъ». Сотни подобныхъ мѣстъ доказываютъ, что рукопись, изданная такъ неосмотрительно, была простой записной книжкой, предназначавшейся авторомъ только для собственнаго употребленія. Всякій, кто вникнетъ въ ея содержаніе, согласится со мною. Дѣло въ томъ, что сэръ Гемфри Дэви ни за что въ мірѣ не согласился бы компрометировать себя въ научныхъ вопросахъ. Онъ не только ненавидѣлъ всякое шарлатанство, но боялся даже показаться поверхностнымъ. Будучи совершенно убѣжденъ, что находится на вѣрномъ пути къ открытію, онъ все-таки не рѣшался печатать о немъ, пока не могъ подтвердить своихъ заключеній вполнѣ точными опытами. Безъ сомнѣнія, его послѣднія минуты были бы отравлены, если бъ онъ могъ предвидѣть, что «Днев-

никъ», полный грубыхъ, необработанныхъ гипотезъ и предназначенный къ сожженію, попадетъ въ печать. Я говорю: «предназначенный къ сожженію», такъ какъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что записная книжка относилась къ числу бумагъ, которыя Дэви завѣщалъ «предать огню». Къ добру или худу ускользнула она отъ пламени, еще вопросъ. Конечно, книжка послужила толчкомъ къ открытію фонъ Кемпелена—въ этомъ я совершенно увѣренъ—но, повторяю, еще вопросъ, окажется-ли это капитальное открытіе (капитальное, во всякомъ случаѣ) къ пользѣ или ко вреду человѣчества. Самъ фонъ Кемпеленъ и его друзья, разумѣется, извлекутъ изъ него громадныя выгоды. Они съумѣютъ во время «реализировать» его, накупить домовъ, земель и всякаго другого добра, представляющаго внутреннюю цѣнность.

Коротенькое сообщеніе фонъ Кемпелена, появившееся въ «Домашней газетѣ» и перепечатанное во многихъ другихъ, повидимому, искажено переводчикомъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ нѣмецкимъ языкомъ. Подлинникъ, по его словамъ, напечатанъ въ послѣднемъ номерѣ Прессбургской «Schnellpost». Слово «viele», очевидно, невѣрно понято (это часто бываетъ), а слово «горести», вѣроятно, соотвѣтствуетъ нѣмецкому «leiden», что собственно значитъ «страданія» и понимаемое въ этомъ смыслѣ совершенно измѣняетъ характеръ всего сообщенія). Конечно, это только мои догадки.

Во всякомъ случаѣ фонъ Кемпеленъ отнюдь не «мизантропъ», по крайней мѣрѣ, по внѣшнему виду. Знакомство наше было случайное, и я не поручусь, что успѣлъ узнать его вполнѣ, но какъ бы то ни было, водиться и бесѣдовать съ человѣкомъ такой колоссальной извѣстности, какая досталась или достанется на его долю, что-нибудь да значитъ.

«Литературный міръ» (быть можетъ, введенный въ заблужденіе сообщеніемъ «Домашней Газеты») называетъ его уроженцемъ Пресбурга, но я знаю навѣрное—такъ какъ слышалъ объ этомъ изъ его собственныхъ устъ,—что онъ родился въ Утикѣ, въ Штатѣ Нью-Іоркъ, хотя и отецъ и мать его, кажется, родомъ изъ Пресбурга. Они въ какомъ-то родствѣ или свойствѣ съ Мельцелемъ, извѣстнымъ изобрѣтателемъ шахматнаго игрока-автомата. (Если не ошибаемся, фамилія этого изобрѣтателя Кемпеленъ, или фонъ Кемпеленъ, или что-то въ этомъ родѣ. Прим. изд.). Самъ Кемпеленъ коренастый, плотный мужчина, съ большими, масляными, голубыми глазами, рыжими волосами и бородой, большимъ, но пріятнымъ ртомъ, прекрасными зубами и, помнится, римскимъ, носомъ. Онъ слегка прихрамываетъ; обращеніе его просто, манеры носятъ печать bonhomie. Вообще, наружностью, словами и поступ-

ками онъ вовсе не похожъ на «мизантропа». Мы прожили съ недѣлю въ Графской гостинницѣ, въ Родъ-Айлендѣ, и мнѣ не разъ случалось разговаривать съ нимъ, такъ что въ общемъ мы проговорили за все время часа три-четыре. Онъ уѣхалъ раньше меня, намѣреваясь отправиться въ Нью-Іоркъ, а оттуда въ Бременъ; въ этомъ послѣднемъ городѣ было впервые опубликовано его великое открытіе; или, точнѣе, здѣсь впервые его заподозрили въ открытіи. Вотъ все, что я лично знаю о безсмертномъ отнынѣ фонъ Кемпеленѣ; я полагалъ, что и эти немногія данныя не лишены интереса для публики.

Врядъ-ли нужно говорить, что большая часть розсказней объ этомъ дѣлѣ—чистѣйшія выдумки, и заслуживаютъ такого же довѣрія, какъ сказки о лампѣ Аладина; хотя въ данномъ случаѣ, какъ и при открытіяхъ въ Калифорніи, истина можетъ оказаться страннѣе всякой выдумки. Впрочемъ, слѣдующій разсказъ настолько достовѣренъ, что мы можемъ принять его цѣликомъ.

Проживая въ Бременѣ, фонъ Кемпеленъ часто нуждался въ деньгахъ и съ великимъ трудомъ доставалъ самыя ничтожныя суммы. Когда началось извѣстное, возбудившее такую сенсацію, дѣло о фальшивыхъ монетчикахъ Гутсмутъ и К°, фонъ Кемпеленъ былъ заподозрѣнъ въ соучастіи, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ купилъ большое имѣніе въ Гаспеpичъ Ленѣ и не пожелалъ объяснить, откуда у него взялись деньги. Его даже арестовали, но, за отсутствіемъ уликъ, выпустили на свободу. Однако, полиція слѣдила за нимъ и вскорѣ убѣдилась, что онъ часто уходитъ изъ дома, всегда въ одномъ и томъ направленіи, причемъ неизмѣнно ускользаетъ отъ сыщиковъ въ лабиринтѣ узкихъ, кривыхъ переулковъ, извѣстномъ подъ именемъ «Dondergat». Наконецъ таки удалось выслѣдить его на чердакѣ семиэтажнаго дома, и не только выслѣдить, но и накрыть въ разгарѣ его преступныхъ занятій. Онъ такъ смутился при видѣ полицейскихъ, что послѣдніе ни на минуту не усомнились въ его виновности. Надѣвъ ему ручные кандалы, они обыскали комнату, или, лучше сказать, комнаты, такъ какъ, повидимому, онъ занималъ всю мансарду.

Къ чердаку, на которомъ они его застали, примыкалъ чуланчикъ, а въ немъ помѣщался какой-то химическій аппаратъ, значеніе котораго осталось неяснымъ. Въ уголку чулана находилась маленькая печка, въ которой пылалъ огонь, а на печкѣ нѣчто въ родѣ двойного тигля: два тигля, соединенные трубкой. Одинъ изъ нихъ былъ почти до краевъ наполненъ расплавленнымъ свинцомъ, не достигавшимъ, однако, до трубки. Въ другомъ клокотала и кипѣла ключемъ какая-то жидкость. По словамъ полицейскихъ, фонъ Кемпеленъ, увидѣвъ, что его накрыли, схватилъ тигли обѣими

руками (на немъ были асбестовыя перчатки) и вывернулъ ихъ на полъ. Тутъ ему надѣли кандалы, и прежде чѣмъ приступить къ обыску помѣщенія, обыскали его самого; однако, ничего особеннаго не нашли, кромѣ бумажнаго пакетика съ порошкомъ, который оказался впослѣдствіи смѣсью сурьмы съ какимъ-то неизвѣстнымъ веществомъ въ почти, но не вполнѣ равной пропорціи. Всѣ попытки анализировать это неизвѣстное вещество остались тщетными, но, безъ сомнѣнія, оно будетъ анализировано со временемъ.

Изъ чулана полицейскіе прошли вмѣстѣ съ своимъ плѣнникомъ въ комнату въ родѣ пріемной, гдѣ ничего особеннаго не оказалось, и затѣмъ въ спальню химика. Обшарили комоды и сундуки, но отыскали только незначущія бумаги и нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ хорошей чеканки. Наконецъ, заглянувъ подъ кровать, увидѣли обыкновенный большой чемоданъ изъ необдѣланной кожи, безъ всякихъ признаковъ петель, застежекъ, замка, причемъ верхняя половина его лежала поперекъ нижней. Попробовали вытащить его, но даже напрягая всѣ силы (полицейскихъ было трое; все народъ здоровый) «не смогли сдвинуть хоть на дюймъ». Тогда одинъ изъ нихъ забрался подъ кровать и, заглянувъ въ чемоданъ, сказалъ:

— Мудрено ему двигаться,—онъ до краевъ набитъ мѣдными обломками.

Затѣмъ, онъ уперся ногами въ стѣну, а плечами въ чемоданъ, и съ помощью товарищей, выпихнулъ послѣдній изъ подъ кровати. Предполагаемая мѣдь оказалась въ видѣ кусочковъ различной величины, отъ горошины до доллара, болѣе или менѣе плоскихъ, но неправильной формы,—«въ такомъ родѣ, какъ если бы налить на землю расплавленнаго свинца и оставить, пока не остынетъ». Никому изъ полицейскихъ въ голову не приходило, что это, можетъ быть, какой-нибудь другой металлъ, а не мѣдь. Никто не подумалъ, что это можетъ быть золото, да и могла-ли явиться у нихъ такая дикая мысль? Каково же было ихъ изумленіе, когда на другой день по всему Бремену разнеслась вѣсть, что «куча мѣди», которую они такъ пренебрежительно стащили въ полицію, не давъ себѣ труда утаить хоть крупицу,—оказалась золотомъ—настоящимъ золотомъ—мало того, золотомъ, какого еще не случалось употреблять при чеканкѣ,—абсолютно чистымъ, дѣвственнымъ, безъ малѣйшихъ слѣдовъ какой-либо примѣси!

Я не стану распространяться о сообщеніи самого фонъ Кемпелена,—такъ какъ оно извѣстно читающей публикѣ. Что ему удалось осуществить старинную химеру искателей философскаго камня,—въ томъ врядъ-ли можетъ сомнѣваться мало-мальски здра-

вомыслящій человѣкъ. Разумѣется, мнѣнія Араго имѣютъ огромный вѣсъ; но и этотъ ученый можетъ ошибаться; и все, что онъ говоритъ о висмутѣ въ своемъ сообщеніи, нужно принимать cum grano salis. Ясно одно: до сихъ поръ всѣ анализы оказались безуспѣшными, и, по всей вѣроятности, дѣло останется въ теченіе многихъ лѣтъ in statu quo, пока фонъ Кемпеленъ не укажетъ намъ ключъ къ своей тайнѣ. Пока установленъ лишь слѣдующій фактъ: золото можно приготовлять безъ особенныхъ затрудненій изъ свинца и какихъ-то неизвѣстныхъ веществъ, примѣшанныхъ къ нему въ неизвѣстной пропорціи.

Конечно, въ настоящее время трудно высказаться о непосредственныхъ и окончательныхъ результатахъ этого открытія, которое всякій мыслящій человѣкъ не замедлитъ поставить въ связь съ увеличившимся интересомъ къ золоту вслѣдствіе недавнихъ открытій въ Калифорніи. Это послѣднее соображеніе, въ свою очередь, наводитъ на мысль о крайней несвоевременности открытія фонъ Кемпелена. Если многіе воздержались отъ переселенія въ Калифорнію, опасаясь, что золото упадетъ въ цѣнѣ послѣ открытія такихъ неисчерпаемыхъ минъ, то какой же переполохъ поднимется теперь среди людей, переселяющихся или уже переселившихся въ Калифорнію? Можно себѣ представить, какъ они отнесутся къ извѣстію объ удивительномъ открытіи фонъ Кемпелена? Открытію, смыслъ котораго въ сущности тотъ, что при всѣхъ достоинствахъ золота (каковы бы они ни были) въ смыслѣ матеріала для мануфактурныхъ издѣлій, стоимость его упала или, по крайней мѣрѣ, упадетъ въ скоромъ времени (невозможно предположить, что фонъ Кемпеленъ долго будетъ хранить тайну своего открытія) ниже стоимости свинца, и гораздо ниже стоимости серебра. Трудно судить о послѣдствіяхъ этого открытія, но одно можно сказать, не рискуя ошибиться: появись извѣстіе о немъ полугодомъ раньше, оно отразилось бы весьма существенно на населеніи Калифорніи.

Въ Европѣ самымъ важнымъ результатомъ его является пока возвышеніе стоимости свинца на двѣсти процентовъ и серебра на двадцать пять процентовъ.

Месмерическія откровенія.

Какъ бы кто ни относился къ теоріямъ месмеризма,—поразительные факты, давшіе поводъ къ этимъ теоріямъ, нынѣ почти никѣмъ не отвергаются. Ихъ отрицаютъ развѣ присяжные отрицатели, сомнѣвающіеся изъ любви къ искусству: народъ безполезный

и неосновательный. Въ настоящее время совершенно не стоитъ доказывать, что человѣкъ, единственно усиліемъ воли, можетъ повергнуть своего ближняго въ ненормальное состояніе, крайне сходное со смертью (по крайней мѣрѣ, оно больше, чѣмъ какое-либо извѣстное намъ состояніе организма, напоминаетъ смерть); что въ этомъ состояніи паціентъ только съ большими усиліями и въ самой слабой степени пользуется органами внѣшнихъ чувствъ, за то воспринимаетъ, невѣдомыми путями, вещи, недоступныя для физическаго организма; что вмѣстѣ съ тѣмъ его интеллектуальныя способности изощряются и усиливаются въ изумительной степени; что между нимъ и лицомъ, повергшимъ его въ такое состояніе, устанавливается тѣсное общеніе, и наконецъ, что при частомъ повтореніи подобныхъ опытовъ способность впадать въ такое состояніе усиливается и перечисленныя явленія выступаютъ все болѣе и болѣе отчетливо.

Какъ я уже замѣтилъ, установленные выше пункты, въ которыхъ намѣчены всѣ основные законы месмеризма, не нуждаются въ доказательствѣ. Считаю совершенно излишнимъ распространяться на эту тему. У меня другая цѣль. Я намѣренъ, игнорируя зубоскальство профановъ, зараженныхъ предразсудками, передать безъ всякихъ комментаріевъ сущность весьма замѣчательной бесѣды между мною и однимъ сомнамбуломъ.

Я часто усыплялъ этого господина (мистера Ванкирка), такъ что способность къ месмерическому воспріятію чрезвычайно изощрилась у него. Онъ страдалъ застарѣлой чахоткой; я его пользовалъ, стараясь смягчить по возможности рѣзкіе симптомы болѣзни. Однажды, въ пятницу, меня позвали къ нему ночью.

Больной испытывалъ жестокую боль въ области сердца и тяжело дышалъ, обнаруживая всѣ признаки астмы. Обыкновенно въ такихъ припадкахъ ему ставились горчичники къ нервнымъ центрамъ, но въ этотъ разъ ничто не помогало.

Когда я вошелъ въ комнату, онъ привѣтствовалъ меня веселой улыбкой и, не смотря на жестокія страданія, казался совершенно спокойнымъ.

— Я послалъ за вами,—сказалъ онъ,—не ради облегченія физическихъ страданій, а въ надеждѣ, что вы поможете мнѣ разобраться въ нѣкоторыхъ душевныхъ явленіяхъ, которыя очень тревожатъ и удивляютъ меня. Вы сами знаете, какъ скептически я относился къ вопросу о безсмертіи души. Тѣмъ не менѣе, всегда выходило такъ, какъ будто въ этой самой душѣ, которую я отрицалъ, шевелится смутное чувство своего существованія. Но чувство это никогда не превращалось въ убѣжденіе. Оно рѣшительно не поддавалось моему разуму. Попытки логическаго изслѣдованія

только усиливали мой скептицизмъ. Мнѣ посовѣтовали изучать Кузена. Я изучилъ его систему въ подлинникѣ, а также въ ея европейскихъ и американскихъ отголоскахъ. Попался мнѣ, между прочимъ, «Чарльзъ Эльвудъ» мистера Броунсона. Я прочелъ его съ глубокимъ вниманіемъ. Книга безспорно логичная; къ сожалѣнію, именно основные аргументы невѣрующаго героя не просто логичны. Чувствуется, что ему не удалось убѣдить самого себя. Конецъ совершенно расходится съ началомъ. Словомъ, я вскорѣ замѣтилъ, что человѣкъ, убѣжденный въ своемъ безсмертіи, никогда не приходитъ къ этому убѣжденію путемъ голыхъ абстракцій, къ которымъ такъ склонны нѣмецкіе, французскіе и англійскіе моралисты. Абстракціи могутъ забавлять и развлекать, но не овладѣютъ душой. По крайней мѣрѣ, здѣсь, на землѣ, философія никогда не заставитъ насъ принимать свойства вещей за самыя вещи. Воля, быть можетъ, согласится, но душа, интеллектъ—никогда.

Итакъ, повторяю, я только смутно чувствовалъ, но не вѣрилъ сознательно. Въ послѣднее время, однако, это чувство становилось все глубже и глубже, и, наконецъ, до такой степени стало походить на разумное убѣжденіе, что я затрудняюсь указать разницу между тѣмъ и другимъ. Я приписываю это месмерическому вліянію. Мнѣ кажется возможнымъ лишь одно объясненіе: въ месмерическомъ состояніи мой разумъ создаетъ цѣпь умозаключеній, которая совершенно убѣждаетъ меня,—но когда я пробуждаюсь, въ моемъ сознаніи остается лишь ея результатъ. Въ сомнамбулическомъ снѣ доказательства и выводъ—причина и дѣйствіе—являются вмѣстѣ. Въ нормальномъ состояніи причина исчезаетъ,—остается только дѣйствіе, и то, быть можетъ, лишь отчасти.

Эти соображенія навели меня на мысль,—нельзя-ли добиться толку, предложивъ мнѣ рядъ вопросовъ, когда я буду въ месмерическомъ состояніи. Вамъ часто случалось наблюдать, какое глубокое самосознаніе обнаруживается въ сомнамбулическомъ снѣ, какъ отчетливо представляетъ паціентъ условія самаго месмерическаго состоянія, быть можетъ, это обстоятельство послужитъ вамъ руководящей нитью для вопросовъ.

Я, разумѣется, согласился произвести опытъ. Нѣсколько пассовъ погрузили мистера Ванкирка въ месмерическое состояніе. Дыханіе его тотчасъ стало легче, физическія страданія, повидимому, прекратились. Затѣмъ послѣдовалъ діалогъ, приведенный ниже: В. означаетъ паціента, П.—меня.

П. — Заснули вы?

В. — Да... нѣтъ; слѣдовало бы заснуть крѣпче.

П. (сдѣлавъ нѣсколько пассовъ). — Теперь заснули?

В. — Да.

П. — Что вы думаете объ исходѣ вашей болѣзни?

В. (послѣ продолжительной паузы говоритъ съ очевиднымъ усиліемъ). — Я долженъ умереть.

П. — Огорчаетъ васъ мысль о смерти?

В. (живо). — Нѣтъ, нѣтъ!

П. — Васъ радуетъ этотъ исходъ?

В. — Будь я въ нормальномъ состояніи, я желалъ бы умереть, но теперь мнѣ все равно. Месмерическій сонъ почти то же что смерть.

П. — Я бы желалъ, чтобъ вы объяснились, мистеръ Ванкиркъ.

В. — Я бы и самъ желалъ, но для этого требуется усиліе, къ которому я не чувствую себя способнымъ. Почему вы не предлагаете мнѣ надлежащихъ вопросовъ?

П. — Что же я долженъ спрашивать?

В. — Вы должны начать съ начала.

П. — Съ начала? Но въ чемъ же это начало?

В. — Вы сами знаете, что начало въ Богѣ (слова эти были сказаны тихо, нерѣшительнымъ тономъ, съ выраженіемъ глубочайшаго благоговѣнія).

П. — Итакъ, что такое Богъ?

В. (послѣ нѣкотораго колебанія). — Не могу отвѣтить на этотъ вопросъ.

П. — Богъ есть Духъ?

В. — Пока я не спалъ, я зналъ, что вы подразумѣваете подъ словомъ «духъ», теперь для меня это пустой звукъ; такой же, какъ истина, красота,—все это только качества.

П. — Богъ нематеріаленъ?

В. — Нѣтъ никакой нематеріальности,—это опять-таки пустое слово. То, что не матерія, вовсе не существуетъ,—иначе свойства были бы вещами.

П. — Значитъ, Богъ матеріаленъ?

В. — Нѣтъ. (Этотъ отвѣтъ крайне удивилъ меня).

П. — Что же Онъ такое, наконецъ?

В. (послѣ продолжительной паузы, вполголоса). — Я знаю... но это очень трудно объяснить. (Опять долгая пауза). Онъ не духъ, потому что существуетъ. Не матерія, въ томъ смыслѣ какъ вы ее понимаете. Но есть градаціи матеріи, о которыхъ человѣкъ ничего не знаетъ; болѣе грубая вмѣщаетъ въ себѣ болѣе тонкую, болѣе тонкая проникаетъ болѣе грубую. Напримѣръ, атмосфера вмѣщаетъ электрическое начало; электрическое начало проникаетъ атмосферу. Тонкость или разрѣженность этихъ градацій матеріи выростаетъ, пока мы не достигнемъ матеріи безчастичной, т. е. не состоящей изъ частичекъ, недѣлимой единой; ея законы совершенно иные. Эта послѣдняя или безчастичная ма-

терія не только проникаетъ всѣ вещи, но и вмѣщаетъ ихъ въ себѣ; она есть все въ самомъ себѣ. Эта матерія Богъ. То, что люди обозначаютъ словомъ «мысль», есть эта самая матерія въ движеніи.

П. — По мнѣнію метафизиковъ, всякое дѣйствіе сводится къ движенію и мысли, причемъ послѣдняя даетъ начало первой.

В. — Да; и мнѣ ясна теперь путаница въ господствующихъ идеяхъ. Движеніе есть дѣйствіе души, а не мысли. Безчастичная матерія или Богъ въ покоящемся состояніи есть (насколько мы можемъ себѣ представить ее) то, что люди называютъ душою. Способность самопроизвольнаго движенія (эквивалентная человѣческой волѣ) въ безчастичной матеріи возникаетъ въ силу ея единства и всеобъемлющаго характера; какимъ образомъ?—я не знаю,—и—теперь мнѣ ясно это—никогда не узнаю. Но безчастичная матерія, приведенная въ движеніе закономъ или свойствомъ, присущимъ ей самой,—есть мышленіе.

П. — Не можете-ли вы дать мнѣ болѣе точное понятіе о безчастичной матеріи?

В.—Формы матеріи, знакомыя человѣку, представляютъ рядъ градацій по своей доступности для внѣшнихъ чувствъ. Сопоставимъ, напримѣръ, металлъ, кусокъ дерева, каплю воды, атмосферу, газъ, теплоту, электричество, свѣтоносный эѳиръ. Всѣ эти вещества мы называемъ матеріей, и всякую матерію подводимъ подъ одно общее опредѣленіе; но при всемъ томъ нѣтъ двухъ идей настолько различныхъ, какъ, напр., идея металла и свѣтоноснаго эѳира. Стараясь представить себѣ этотъ послѣдній, мы испытываемъ почти непреодолимое стремленіе отождествить его съ духомъ или съ ничто. Единственное соображеніе, которое удерживаетъ насъ отъ этого,—представленіе объ атомической структурѣ эѳира, но и здѣсь мы должны опираться на наше понятіе объ атомѣ, какъ о чемъ-то безконечно маломъ, твердомъ, осязаемомъ, вѣсомомъ. Откиньте идею атомической структуры,—вы ужъ не будете представлять себѣ эѳиръ какъ бытіе, или, по крайней мѣрѣ, какъ матерію. За недостаткомъ лучшаго термина, мы можемъ называть его духомъ. Теперь сдѣлайте шагъ далѣе отъ свѣтоноснаго эѳира,—представьте себѣ матерію, которая отличается отъ эѳира по своей плотности такъ же, какъ эѳиръ отъ металла,—вы придете (вопреки всѣмъ школьнымъ догматамъ) къ понятію о единой массѣ,—о безчастичной матеріи. Дѣло въ томъ, что хотя мы можемъ допустить безконечно малую величину самихъ атомовъ, но безконечно малое разстояніе между ними—абсурдъ. Должна существовать степень разрѣженія, при которой—если число атомовъ достаточно велико—промежутки между ними исчезаютъ и масса пріобрѣтаетъ абсолютную связность. Но разъ устранено

понятіе объ атомической структурѣ,—матерія неизбѣжно сливается съ тѣмъ, что мы называемъ духомъ. Тѣмъ не менѣе она остается матеріей въ полномъ смыслѣ этого слова. Дѣло въ томъ, что мы не можемъ представить себѣ духа, разъ не представляемъ матеріи. Когда намъ кажется, что мы составили себѣ понятіе о духѣ, мы только обманываемъ свой интеллектъ представленіемъ безконечно разрѣженной матеріи.

П.—Мнѣ кажется, идея абсолютной связности приводитъ къ неразрѣшимому противорѣчію. Я имѣю въ виду слабое сопротивленіе, встрѣчаемое небесными тѣлами въ ихъ движеніи; сопротивленіе, которое хотя и существуетъ въ нѣкоторой степени, но такъ ничтожно, что ускользнуло даже отъ проницательности Ньютона. Мы знаемъ, что сопротивленіе тѣлъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ плотности. Абсолютная связность есть абсолютная плотность. Если нѣтъ никакихъ промежутковъ, то частицамъ тѣла некуда раздаться. Абсолютно плотный эѳиръ оказалъ бы бо́льшее сопротивленіе движенію небеснаго тѣла, чѣмъ эѳиръ изъ алмаза или стали.

В.—Ваше возраженіе ничего не стоитъ опровергнуть, несмотря на его кажущуюся неопровержимость. Въ отношеніи движенія небеснаго тѣла рѣшительно безразлично, оно-ли проходитъ сквозь эѳиръ или эѳиръ сквозь него. Нѣтъ болѣе грубой астрономической ошибки, какъ попытка установить связь между замедленіемъ движенія кометъ и сопротивленіемъ эѳира. Какъ бы ни былъ эѳиръ разрѣженъ, онъ остановилъ бы всякое движеніе небесныхъ тѣлъ въ гораздо болѣе короткій періодъ времени, чѣмъ предполагаютъ астрономы, пытавшіеся обойти затрудненіе, котораго не могли разрѣшить.

П.—Однако, подобное отождествленіе Бога съ матеріей не умаляетъ-ли Его достоинства? (Я долженъ былъ повторить этотъ вопросъ дважды, прежде чѣмъ В. понялъ его).

В.—Почему же матерія заслуживаетъ меньшаго почтенія чѣмъ духъ? Не забывайте, что я говорю именно о такой матеріи, которая во всѣхъ отношеніяхъ сливается съ «душой» или «духомъ» вашихъ школъ, оставаясь въ то же время тождественной съ матеріей этихъ школъ. Богъ, со всѣмъ могуществомъ, присущимъ духу, есть только совершенная матерія.

П.—Итакъ, вы утверждаете, что движеніе безчастичной матеріи есть мысль?

В.—Въ общемъ это движеніе есть міровая мысль міровой души. Эта мысль творитъ. Всѣ сотворенныя вещи только мысли Бога.

П.—Вы говорите «въ общемъ».

В.—Да. Міровая мысль есть Богъ. Для новыхъ индивидуальностей необходима матерія.

П.—Вотъ теперь вы сами говорите о «душѣ» и «матеріи», какъ метафизикъ.

В.—Да; чтобы избѣжать путаницы. Подъ словомъ «душа» я подразумѣваю безчастичную матерію; подъ словомъ «матерія»,—всѣ остальныя формы послѣдней.

П.—Вы сказали, что «для новыхъ индивидуальностей необходима матерія».

В.—Да; такъ какъ не воплощенная душа остается Богомъ. Для сотворенія индивидуальныхъ мыслящихъ существъ необходимо воплощеніе частицъ Божественной души. Такъ человѣкъ является индивидуумомъ. Отрѣшившись отъ своей тѣлесной оболочки, онъ становится Богомъ. Движеніе воплощенныхъ частей безчастичной матеріи есть мысль человѣческая, какъ движеніе цѣлаго—мысль Бога.

П.—Вы сказали, что человѣкъ, отрѣшившійся отъ тѣлесной оболочки, становится Богомъ?

В. (послѣ продолжительнаго колебанія).—Я не могъ сказать этого; это—безсмыслица.

П. (глядя въ записную книжку).—Однако же вы сказали: «отрѣшившись отъ своей тѣлесной оболочки онъ становится Богомъ».

В.—Да, это было бы вѣрно, если бы онъ могъ отрѣшиться отъ тѣла, всецѣло утратить индивидуальность. Но этого не можетъ быть—по крайней мѣрѣ, никогда не будетъ—иначе придется допустить, что дѣйствіе Бога можетъ исчезнуть, быть отмѣнено или взято назадъ, т. е. оказаться не нужнымъ и безплоднымъ. Всякое твореніе, въ томъ числѣ и человѣкъ,—мысль Бога. Мысль по природѣ своей неотмѣнима.

П.—Я не понимаю. Вы говорите, что человѣкъ не можетъ разстаться съ тѣломъ?

В.—Я говорю, что онъ никогда не будетъ безтѣлеснымъ.

П.—Объяснитесь.

В.—Тѣло является въ двухъ видахъ: зачаточное и совершенное, ихъ можно сравнить съ гусеницей и бабочкой. То, что мы называемъ «смертью», только болѣзненное превращеніе. Наше настоящее воплощеніе—не завершенное, подготовительное, временное. Будущее—окончательное, совершенное, безсмертное.

П.—Но превращенія гусеницы мы знаемъ, онѣ доступны непосредственному наблюденію.

В.—Нашему, да,—но не самой гусеницы. Матерія, изъ которой состоитъ наше зачаточное тѣло, доступна органамъ этого тѣла; или, чтобы выразиться яснѣе, наши зачаточные органы приспо-

соблены къ матеріи, изъ которой состоитъ зачаточное тѣло, но не къ той, которая образуетъ тѣло законченное. Такимъ образомъ законченное тѣло ускользаетъ отъ нашихъ зачаточныхъ чувствъ, и мы замѣчаемъ только оболочку, спадающую при смерти съ внутренней формы, а не самоё внутреннюю форму. Но тотъ, кто вступилъ въ законченную жизнь, познаетъ и оболочку и внутреннюю форму.

П.—Вы часто говорили, что месмерическое состояніе очень близко напоминаетъ смерть. Какъ это понимать?

В.—Говоря, что месмерическое состояніе напоминаетъ смерть, я подразумѣваю его сходство съ законченной жизнью. Дѣло въ томъ, что когда я нахожусь въ сомнамбулическомъ снѣ, органы моей зачаточной жизни перестаютъ дѣйствовать и я воспринимаю внѣшнія впечатлѣнія прямо, безъ органовъ, при посредствѣ среды, которой буду пользоваться въ окончательной, неорганизованной жизни.

П.—Неорганизованной?

В.—Да; при посредствѣ органовъ индивидуумъ сообщается только съ извѣстными классами и формами матеріи; остальные классы и формы остаются для него недоступными. Органы человѣка приспособлены къ условіямъ его зачаточной жизни,—и только; но въ окончательномъ существованіи, не связанномъ съ какой-либо организаціей, ему становится доступнымъ все—исключая воли Бога—то есть движенія безчастичной матеріи. Вы получите довольно ясное понятіе объ окончательномъ тѣлѣ, если я скажу, что оно представляетъ изъ себя сплошной мозгъ. Оно не таково; но это уподобленіе поможетъ вамъ составить представленіе о томъ, что оно есть въ дѣйствительности. Свѣтящееся тѣло возбуждаетъ вибраціи въ свѣтоносномъ эѳирѣ. Эти послѣднія возбуждаютъ подобныя же вибраціи въ ретинѣ; эти въ свою очередь въ оптическомъ нервѣ. Оптическій нервъ сообщаетъ ихъ мозгу, мозгъ—безчастичной матеріи, которая проникаетъ его. Вибраціи послѣдней—мысль. Вотъ путь, посредствомъ котораго душа въ зачаточной жизни сообщается съ внѣшнимъ міромъ; и этотъ внѣшній міръ съуженъ для зачаточной жизни специфическимъ характеромъ ея органовъ. Но въ окончательной жизни безъ органовъ внѣшній міръ сообщается со всѣмъ тѣломъ (которое, какъ я уже замѣтилъ, состоитъ изъ вещества, сходнаго съ мозгомъ) безъ всякихъ другихъ посредниковъ, кромѣ эѳира, несравненно болѣе тонкаго, чѣмъ свѣтоносный эѳиръ. И въ соотвѣтствіи съ вибраціями этого эѳира все тѣло вибрируетъ, приводя въ движеніе проникающую его безчастичную матерію. Отсутствію специфическихъ органовъ должны мы приписать почти неограниченную

воспріимчивость окончательной жизни. Напротивъ, зачаточное существо стѣснено своими органами, какъ птица клѣткой.

П.—Вы говорите о зачаточныхъ «существахъ». Развѣ есть какія-нибудь зачаточныя мыслящія существа, кромѣ человѣка?

В.—Скопленія разрѣженной матеріи въ видѣ безчисленныхъ туманностей, планетъ, солнцъ и другихъ небесныхъ тѣлъ,—не планетъ, не туманностей и не солнцъ—созданы какъ pabulum для специфическихъ органовъ безчисленнаго множества зачаточныхъ существъ. Всѣ эти тѣла явились только потому, что существованіе зачаточной жизни, которая предшествуетъ окончательной, необходимо. Всѣ они населены различными породами зачаточныхъ мыслящихъ существъ, органы которыхъ измѣняются въ связи съ измѣненіемъ условій обитанія. По смерти, т. е. послѣ превращенія, эти существа переходятъ къ окончательной жизни—безсмертію,—познаютъ всѣ тайны міра, *кромѣ одной*; ничѣмъ не стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ и проходятъ вездѣ простою силой желанія. Они пребываютъ не на звѣздахъ,—признаваемыхъ нами за единственно реальныя тѣла, для которыхъ, по нашему наивному представленію, создано пространство, а въ самомъ *пространствѣ*,—въ безконечности, дѣйствительная, субстанціальная громадность которой поглощаетъ призраки-звѣзды,—превращая ихъ въ вещи, несуществующія для воспріятія ангеловъ.

П.—Вы говорите, звѣзды созданы «только потому, что существованіе зачаточной жизни необходимо». Къ чему же оно?

В.—Въ неорганической жизни, какъ и въ неорганической матеріи вообще нѣтъ ничего, что могло бы нарушить дѣйствіе простого *единственнаго* закона—Божественной воли. Дабы могло явиться это нарушеніе, создана органическая жизнь и матерія (сложная, грубая, подчиненная запутаннымъ законамъ).

П.—Но къ чему же понадобилось это нарушеніе?

В.—Результатъ ненарушеннаго закона—совершенство, правда—отрицательное счастье. Результатъ закона нарушеннаго—несовершенство, заблужденіе—положительное страданіе. Благодаря многочисленности, сложности и грубости законовъ органической жизни и матеріи нарушеніе закона въ извѣстной степени достигается. Вслѣдствіе этого страданіе, невозможное въ неорганической жизни, становится возможнымъ въ жизни органической.

П.—Но зачѣмъ же было создавать возможность страданій?

В.—Всѣ вещи являются хорошими или дурными въ силу сравненія. Не трудно доказать, что удовольствіе существуетъ только какъ контрастъ страданія. *Положительное* удовольствіе фикція. Чтобы быть счастливымъ въ какомъ-нибудь отношеніи, мы должны испытать соотвѣтственное страданіе. Кто никогда не страдалъ,

тотъ никогда не познаетъ блаженства. Но такъ какъ въ неорганической жизни не можетъ быть страданія, то оно должно явиться въ органической. Страданія первичной жизни на землѣ единственная основа блаженства окончательной жизни на Небѣ.

П.—Все-таки для меня остается непонятной одна ваша фраза: «дѣйствительная субстанціальная громадность безконечности».

В.—Это потому, вѣроятно, что у васъ нѣтъ отчетливаго представленія о томъ, что вы обозначаете терминомъ «субстанція». Это не качество, а чувство: воспріятіе мыслящими существами матеріи, приспособленной къ ихъ организаціи. Есть много вещей на землѣ, которыя не существуютъ для жителей Венеры,—и много вещей, доступныхъ зрѣнію и осязанію жителя Венеры, которыя превратились бы въ ничто для насъ. Но для существъ неорганическихъ—для ангеловъ—вся безчастичная матерія является субстанціей—то есть все, что мы называемъ «пространствомъ», представляетъ самую реальную изъ реальностей—тогда какъ звѣзды, благодаря именно тому, что составляетъ ихъ реальность для насъ, —ускользаютъ отъ ангельскихъ чувствъ.

Между тѣмъ, какъ спящій слабымъ голосомъ произносилъ эти слова, я замѣтилъ на его лицѣ странное выраженіе, которое нѣсколько встревожило меня. Я тотчасъ разбудилъ его. Едва онъ очнулся,—радостная улыбка озарила его черты,—онъ упалъ на подушку и испустилъ духъ. Минуту спустя тѣло его окоченѣло, какъ камень. Кожа была холодна, какъ ледъ. Обыкновенно, такое окочененіе наступаетъ не скоро послѣ того, какъ Азраилъ наложилъ на больного свою руку. Неужели онъ говорилъ со мною, уже переселившись въ царство тѣней?

Что случилось съ г. Вальдемаромъ.

Я ничуть не удивляюсь, что необычайное происшествіе съ мистеромъ Вальдемаромъ надѣлало столько шума. Было бы чудомъ, если бъ этого не случилось—особливо при данныхъ обстоятельствахъ. Не смотря на желаніе всѣхъ заинтересованныхъ лицъ скрыть это дѣло отъ публики, по крайней мѣрѣ на время, до болѣе обстоятельнаго изслѣдованія,—не смотря на всѣ наши старанія въ этомъ смыслѣ, искаженные или преувеличенные слухи о немъ распространились и послужили источникомъ разныхъ нелѣпостей, а въ тоже время естественно возбудили недовѣріе.

Это обстоятельство заставляетъ меня сообщить факты, насколько они извѣстны мнѣ самому. Вотъ они вкратцѣ:

Въ послѣдніе три года я много занимался месмеризмомъ, а мѣсяцевъ девять тому назадъ мнѣ совершенно внезапно пришло въ

голову, что въ массѣ опытовъ, производившихся до сихъ поръ, есть поразительное и непонятное упущеніе: до сихъ поръ никто не былъ месмеризованъ in articulo mortis. Интересно было бы узнать, во-первыхъ, доступенъ-ли такой паціентъ месмерическому вліянію; во-вторыхъ, если доступенъ, то усиливается-ли оно или ослабляется при данныхъ условіяхъ; въ третьихъ, до какой степени и какъ долго разрушительная дѣятельность смерти можетъ быть задержана месмерическимъ состояніемъ? Можно бы было выяснить и различные другіе вопросы, но вышеперечисленные особенно интересовали меня; главнымъ образомъ послѣдній, въ виду его важнаго значенія.

Раздумывая, гдѣ бы найти подходящаго паціента, я вспомнилъ о своемъ пріятелѣ, мистерѣ Вальдемарѣ, извѣстномъ составителѣ «Bibliotheca Forensica» и переводчикѣ (подъ псевдонимомъ Иссахара Маркса) «Валленштейна» и «Гаргантуа». М-ръ Вальдемаръ, проживавшій съ 1839 г. главнымъ образомъ въ Гарлемѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ, замѣчателенъ (точнѣе, былъ замѣчателенъ) своей крайней худобой,—ноги у него не толще чѣмъ у Джона Рандольфа. Другая замѣчательная особенность его наружности—совершенно сѣдые, бѣлые усы, представлявшіе рѣзкій контрастъ съ черными какъ смоль волосами, такъ что многіе воображали, что онъ носитъ парикъ.

Крайняя нервность дѣлала его весьма подходящимъ субъектомъ для месмерическихъ опытовъ. Раза два или три я усыплялъ его безъ всякихъ затрудненій, но совершенно разочаровался въ результатахъ. Воля его никогда не подчинялась вполнѣ моему контролю; а въ отношеніи ясновидѣнія опыты оказались совершенно неудачными. Я приписывалъ эти неудачи его разстроенному здоровью. За нѣсколько мѣсяцевъ до нашего знакомства врачи опредѣлили у него чахотку. Впрочемъ, онъ совершенно спокойно говорилъ о близкой кончинѣ, какъ о неизбѣжномъ событіи, котораго нельзя отклонить и о которомъ не стоитъ горевать.

Когда вышеупомянутая идея пришла мнѣ въ голову, я естественно вспомнилъ о Вальдемарѣ. Я слишкомъ хорошо зналъ его философскіе взгляды, чтобы опасаться какихъ либо предразсудковъ съ его стороны; а родственниковъ у него не было, по крайней мѣрѣ, въ Америкѣ. Итакъ, я рѣшился поговорить съ нимъ вполнѣ откровенно. Къ удивленію, онъ отнесся къ моему плану съ большимъ сочувствіемъ и интересомъ. Я говорю, къ удивленію, такъ какъ хотя онъ всегда охотно соглашался на мои эксперименты, но никогда не обнаруживалъ интереса къ нимъ. Болѣзнь его была такого рода, что позволяла точно опредѣлить день кончины. Итакъ, мы рѣшили, что онъ пришлетъ за мною за сутки до того мо-

мента, когда, по опредѣленію врачей, должна будетъ послѣдовать смерть.

Спустя около семи мѣсяцевъ, я получилъ отъ самого мистера Вальдемара слѣдующую записку:

«Дорогой П.

«Теперь вы можете явиться. Д. и Ф. говорятъ, что я умру самое позднее завтра, къ полночи; и я думаю, что они довольно точно опредѣлили моментъ моей смерти.

Вальдемаръ».

Я получилъ эту записку черезъ полчаса послѣ того, какъ она была написана, а четверть часа спустя уже находился въ комнатѣ умирающаго. Я не видалъ его дней десять и былъ пораженъ страшной перемѣной, происшедшей въ такой короткій промежутокъ времени. Лицо его было свинцоваго цвѣта; глаза утратили всякій блескъ; худоба дошла до того, что скуловыя кости высовывались сквозь кожу. Мокрота душила его. Пульсъ былъ почти не замѣтенъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сохранилъ въ замѣчательной степени какъ умственныя способности, такъ и физическую силу. Онъ говорилъ ясно, принималъ лекарство безъ посторонней помощи, и, въ моментъ моего прихода, отмѣчалъ что-то въ записной книжкѣ. Онъ полулежалъ на кровати, опираясь на груду подушекъ. Докторъ Д. и докторъ Ф., находились при больномъ.

Пожавъ Вальдемару руку, я отозвалъ этихъ господъ къ сторонкѣ и подробно разспросилъ ихъ о состояніи больного. Лѣвое легкое уже восемнадцать мѣсяцевъ находилось въ состояніи полнаго окостенѣнія и совсѣмъ перестало функціонировать; верхняя часть праваго тоже почти или вполнѣ окостенѣла, а нижняя представляла сплошную массу гніющихъ туберкулъ. Въ одномъ мѣстѣ она приросла къ ребрамъ; можно было констатировать также значительныя прободенія. Эти измѣненія въ правомъ легкомъ произошли сравнительно недавно. Окостенѣніе подвигалось впередъ съ замѣчательною быстротою; мѣсяцъ тому назадъ ни малѣйшихъ признаковъ его не было замѣтно; а сростаніе съ ребрами произошло въ теченіе послѣднихъ трехъ дней. Независимо отъ чахотки паціентъ обнаруживалъ признаки аневризма аорты, но точный діагнозъ въ этомъ отношеніи нельзя было поставить вслѣдствіе процесса окостенѣнія. По мнѣнію обоихъ врачей, мистеръ Вальдемаръ долженъ быть умереть завтра (въ воскресенье) въ полночь. Теперь же у насъ была суббота, семь часовъ вечера.

Оставляя больного, чтобы поговорить со мной, врачи простились съ нимъ, такъ какъ не разсчитывали вернуться. Я, однако, убѣдилъ ихъ зайти завтра въ десять часовъ вечера.

Когда они ушли, я заговорилъ съ мистеромъ Вальдемаромъ о

его близкой кончинѣ и о предполагаемомъ опытѣ. Онъ по прежнему соглашался на опытъ, даже принималъ его близко къ сердцу и уговаривалъ меня начать немедленно. При немъ находились сидѣлка и служитель, но я затруднялся начинать подобный опытъ, не имѣя подъ рукою болѣе надежныхъ свидѣтелей. Итакъ, я рѣшилъ подождать, и приступилъ къ опыту только на другой день, въ восемь часовъ вечера, когда къ больному зашелъ одинъ мой знакомый студентъ-медикъ, мистеръ Л—ль. Я хотѣлъ было дождаться врачей, но настоятельныя просьбы мистера Вальдемара и собственное убѣжденіе, что времени терять нечего, заставили меня рѣшиться.

Мистеръ Л—ль былъ такъ любезенъ, что согласился вести протоколъ опыта, — его замѣтки я и публикую теперь, мѣстами дословно, мѣстами въ сокращенномъ изложеніи.

Было безъ пяти минутъ восемь, когда я взялъ паціента за руку и попросилъ его заявить мистеру Л—лю, какъ можно яснѣе, желаетъ-ли онъ (мистеръ Вальдемаръ) подвергнуться месмерическому опыту въ своемъ теперешнемъ состояніи?

Онъ отвѣчалъ слабымъ, но совершенно явственнымъ голосомъ: «Да, я желаю подвергнуться месмеризаціи — и тотчасъ прибавилъ,—боюсь, что вы запоздаете съ опытомъ».

Между тѣмъ я началъ пассы, тѣ именно, которые въ прежнихъ моихъ опытахъ всегда дѣйствовали на него. Боковое движеніе руки вдоль его лба подѣйствовало сразу, но только въ первый моментъ: никакихъ дальнѣйшихъ результатовъ не получилось, хотя я напрягалъ всѣ свои силы. Въ десять часовъ явились доктора Д. и Ф. Я объяснилъ имъ въ немногихъ словахъ свой планъ, и такъ какъ они ничего не имѣли противъ, говоря, что больной уже кончается,— продолжалъ пассы, перемѣнивъ боковое движеніе руки на вертикальное, сверху внизъ, и уставившись въ правый глазъ больного.

Пульсъ его былъ теперь совсѣмъ незамѣтенъ, дыханіе хриплое, съ промежутками въ полминуты.

Это состояніе оставалось почти неизмѣннымъ въ теченіе четверти часа. Затѣмъ глубокій вздохъ вырвался изъ груди умирающаго, хрипы прекратились, но дыханіе еще было замѣтно, съ такими же промежутками. Конечности паціента похолодѣли какъ ледъ.

Было безъ пяти минутъ одиннадцать, когда я замѣтилъ несомнѣнные признаки месмерическаго вліянія. Стеклянный взглядъ смѣнился особеннымъ выраженіемъ внутренняго созерцанія, которое я замѣчалъ только у сомнамбуловъ и насчетъ котораго невозможно ошибиться. Нѣсколько быстрыхъ боковыхъ пассовъ вызвали дрожаніе вѣкъ, какъ у засыпающаго,—спустя минуту глаза совсѣмъ закрылись. Я, однако, не удовлетворился тѣмъ, но продолжалъ свои манипуляціи, напрягая всѣ силы, пока не закоченѣли

члены больного, которымъ я придалъ положеніе, казавшееся мнѣ самымъ удобнымъ. Ноги были вытянуты во всю длину, руки уложены вдоль тѣла, на нѣкоторомъ разстояніи отъ него; голова немного приподнята.

Когда я кончилъ, была уже полночь. Я попросилъ врачей освидѣтельствовать Вальдемара. Они объявили, что больной находится въ замѣчательно глубокомъ месмерическомъ трансѣ. Любопытство ихъ было возбуждено. Докторъ Д. рѣшилъ остаться при больномъ на всю ночь, докторъ Ф. ушелъ, но обѣщалъ зайти рано утромъ.

Мы оставили Вальдемара въ покоѣ до трехъ часовъ утра, когда я подошелъ къ нему, и убѣдился, что состояніе больного ничуть не измѣнилось съ ухода доктора Ф. Онъ лежалъ въ той же позѣ; пульсъ былъ незамѣтенъ; дыханіе очень слабое, его можно было замѣтить только прикладывая зеркало къ губамъ, члены окоченѣвшіе, холодные, какъ мраморъ. Но смерть, очевидно, еще не наступила.

Подойдя къ больному, я попытался заставить его правую руку двигаться по разнымъ направленіямъ вслѣдъ за моей рукой. Я и раньше пробовалъ этотъ опытъ, но всегда безуспѣшно, а теперь и подавно не разсчитывалъ на успѣхъ. Но къ крайнему моему удивленію рука больного исполняла вслѣдъ за моей цѣлый рядъ движеній, правда, медленно, но послушно. Тогда я рѣшился заговорить съ паціентомъ.

— Мистеръ Вальдемаръ,—спросилъ я,—вы спите? Онъ не отвѣчалъ, но я замѣтилъ, что губы его задрожали, и повторилъ вопросъ нѣсколько разъ. Послѣ третьяго раза легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу, вѣки приподнялись такъ, что можно было разглядѣть бѣлую линію глазного яблока, губы тихонько зашевелились и произнесли чуть слышнымъ шепотомъ:

— Да, теперь заснулъ. Не будите меня! оставьте умереть въ этомъ состояніи.

Я пощупалъ конечности, онѣ, какъ и раньше, казались окоченѣвшими. Правая рука по прежнему слѣдовала за движеніями моей руки. Я снова спросилъ:

— Вы все еще чувствуете боль въ груди, мистеръ Вальдемаръ?

На этотъ разъ отвѣтъ послѣдовалъ немедленно, но еще болѣе слабымъ голосомъ:

— Никакой боли,—я умираю.

Я не хотѣлъ больше тревожить его, и оставилъ въ покоѣ до прихода доктора Ф., который явился на разсвѣтѣ, и былъ очень удивленъ, заставъ паціента еще въ живыхъ. Пощупавъ ему пульсъ и приложивъ къ губамъ зеркало, онъ попросилъ меня предложить больному какой-нибудь вопросъ. Я послушался и спросилъ:

— Мистеръ Вальдемаръ, вы все еще спите?

Какъ и раньше, прошло нѣсколько минутъ пока умирающій отвѣтилъ. Казалось, онъ собирался съ силами. Только, когда я повторилъ вопросъ въ четвертый разъ, послѣдовалъ почти неслышный отвѣтъ:

— Все еще сплю—умираю.

Врачи находили нужнымъ — вѣрнѣе желали — оставить Вальдемара въ этомъ состояніи, повидимому, спокойномъ, до самой смерти, которая должна была наступить черезъ нѣсколько минутъ. Я, однако, рѣшился поговорить съ нимъ еще, и повторилъ прежній вопросъ.

Пока я говорилъ, состояніе больного рѣзко измѣнилось. Вѣки медленно приподнялись, глаза закатились, кожа приняла мертвенный видъ, побѣлѣвъ какъ бумага; характерныя чахоточныя пятна, рѣзко выдѣлявшіяся на щекахъ, внезапно погасли. Я употребляю это выраженіе, потому что они исчезли мгновенно,—какъ гаснетъ свѣчка, если на нее дунуть. Въ тоже время верхняя губа приподнялась надъ зубами, нижняя отвисла и ротъ широко открылся, обнаруживъ распухшій, почернѣвшій языкъ. Кажется, намъ не привыкать было къ покойникамъ, тѣмъ не менѣе, при видѣ этого отвратительнаго и ужаснаго зрѣлища всѣ бросились прочь отъ кровати.

Теперь я достигъ такого пункта въ моемъ разсказѣ, который, чувствую, возбудитъ недовѣріе читателя. Но мнѣ остается только спокойно продолжать:

Тѣло мистера Вальдемара не обнаруживало ни малѣйшихъ признаковъ жизни; и мы уже хотѣли поручить его попеченіямъ сидѣлки и служителя, какъ вдругъ замѣтили, что языкъ покойника дрожитъ. Это продолжалось съ минуту. Затѣмъ изъ разинутыхъ, неподвижныхъ челюстей раздался голосъ... но всякая попытка описать его была бы безуміемъ. Есть два-три эпитета, которые подходятъ сюда отчасти: голосъ былъ хриплый, глухой, разбитый, — но въ цѣломъ этотъ ужасный звукъ не поддается описанію по той простой причинѣ, что ухо человѣческое еще никогда не слыхало подобныхъ звуковъ. Были, однако, въ немъ двѣ особенности, которыя я считалъ и считаю наиболѣе характерными, такъ какъ онѣ могутъ дать нѣкоторое понятіе о его нездѣшнемъ характерѣ. Во-первыхъ, онъ достигалъ нашихъ—по крайней мѣрѣ, моихъ—ушей точно издали или изъ какой-нибудь глубокой подземной пещеры. Во-вторыхъ (не знаю, понятно-ли будетъ это сравненіе), онъ дѣйствовалъ на мой слухъ, какъ прикосновеніе какого-нибудь студенистаго липкаго тѣла на кожу.

Я употребляю выраженіе «звукъ» и «голосъ». Я хочу сказать этимъ, что звукъ былъ ясно—даже удивительно отчетливо — членораздѣльный. Мистеръ Вальдемаръ говорилъ,—очевидно, отвѣ-

чая на вопросъ, который я только-что предложилъ ему. Если припомнитъ читатель, я спрашивалъ, спитъ-ли онъ еще, онъ же отвѣтилъ:

— Да... нѣтъ... я спалъ... а теперь... теперь... я умеръ.

Никто изъ присутствующихъ даже не пытался преодолѣть чувство невыразимаго, пронизывающаго ужаса, овладѣвшее нами при этихъ словахъ. Мистеръ Л—ль (студентъ) лишился чувствъ. Служитель и сидѣлка бросились вонъ изъ комнаты.

Свои ощущенія я и передавать не пытаюсь. Битый часъ мы возились—молча, безъ единаго слова—стараясь привести въ чувства мистера Л—ля. Когда онъ опомнился, мы снова обратились къ мистеру Вальдемару.

Тѣло оставалось въ совершенно такомъ видѣ, какъ я его описывалъ, съ той разницей, что зеркало не обнаруживало признаковъ дыханія. Попытка пустить кровь изъ руки осталась безуспѣшной. Отмѣчу также, что она не повиновалась болѣе моей волѣ. Я тщетно старался заставить ее слѣдовать за движеніями моей руки. Единственнымъ признакомъ месмерическаго вліянія было дрожаніе языка, замѣчавшееся всякій разъ, когда я обращался къ мистеру Вальдемару съ вопросомъ. Повидимому, онъ пытался, но не былъ въ силахъ отвѣтить. Вопросы, предлагаемые другими лицами, повидимому, не производили на него никакого впечатлѣнія, хотя я пытался поставить каждаго изъ присутствующихъ въ месмерическое отношеніе съ нимъ. Теперь, кажется, я сообщилъ все, что можно было сказать въ эту минуту о состояніи Вальдемара. Мы достали новую прислугу (такъ какъ старая ни за что не хотѣла вернуться) и въ десять часовъ я ушелъ вмѣстѣ съ врачами и мистеромъ Л—лемъ.

Послѣ обѣда мы вернулись къ паціенту. Онъ оставался все въ томъ же положеніи. Мы стали обсуждать, стоитъ-ли будить его, но скоро согласились, что это совершенно лишнее. Ясно было, что смерть (или то, что обыкновенно называютъ смертью) остановлена месмерическимъ процессомъ. Разбудивъ мистера Вальдемара, мы только вызвали бы мгновенное, или, по крайней мѣрѣ, быстрое разрушеніе его тѣла.

Съ этого дня до прошлой недѣли — въ теченіе семи мѣсяцевъ,—мы ежедневно навѣщали мистера Вальдемара, иногда въ сопровожденіи другихъ врачей или просто знакомыхъ. Все это время состояніе паціента оставалось точно такимъ, какъ я описалъ его. Прислуга постоянно находилась при немъ.

Въ пятницу на прошлой недѣлѣ мы рѣшились, наконецъ, разбудить его,—по крайней мѣрѣ, сдѣлать попытку въ этомъ направленіи. Вотъ эта-то злополучная (быть можетъ) попытка подала

поводъ къ такимъ преувеличеннымъ толкамъ, къ такому, смѣю выразиться, стихійному возбужденію толпы.

Для пробужденія мистера Вальдемара я прибѣгнулъ къ обыкновеннымъ пассамъ. Сначала они оставались недѣйствительными. Первымъ признакомъ оживленія было опусканіе радужной оболочки. Замѣчу, что это пониженіе зрачка сопровождалось обильнымъ выдѣленіемъ отвратительнаго зловоннаго гноя (изъ подъ вѣкъ).

Мнѣ посовѣтовали испытать силу месмерическаго вліянія надъ рукой паціента, какъ я дѣлалъ раньше. Однако, попытка не удалась. Тогда докторъ Ф. попросилъ меня предложить паціенту вопросъ. Я послушался и спросилъ:

— Мистеръ Вальдемаръ, какъ вы себя чувствуете? не нужно-ли вамъ чего?

На мгновеніе чахоточныя пятна снова выступили на щекахъ, языкъ дрогнулъ и высунулся изо рта (хотя челюсти и губы оставались по прежнему неподвижными) и тотъ же ужасный голосъ прохрипѣлъ:

— Ради Бога!.., скорѣе!... скорѣе!... усыпите меня... или... скорѣе!.. разбудите!.. скорѣе!.. говорю вамъ, что я умеръ!

Потрясенный, я не зналъ, что дѣлать. Въ первую минуту хотѣлъ снова усыпить его, но, потерпѣвъ неудачу, принялся снова будить. Это удалось — по крайней мѣрѣ, я сейчасъ увидѣлъ, что успѣхъ будетъ полный, и увѣренъ, что всѣ присутствующіе съ минуты на минуту ожидали пробужденія.

Но могла-ли хоть одна живая душа предвидѣть то, что случилось?

Пока я торопливо производилъ пассы, а восклицанія «умеръ! умеръ!» буквально срывались съ языка страдальца,—все его тѣло, на моихъ глазахъ, въ какую-нибудь минуту съежилось — расползлось, — буквально истлѣло подъ моими руками. На постели, передъ глазами всѣхъ присутствующихъ, оказалась отвратительная, полужидкая, гнойная масса.

Рукопись, найденная въ бутылкѣ.

Qui n'a plus qu'un moment à vivre
N'a plus rien à dissimuler.
Quinault—Atys.

О моей родинѣ и семьѣ не стоитъ распространяться. Людская несправедливость и круговоротъ времени принудили меня разстаться съ первой и прекратить сношенія со второй. Наслѣдственное состояніе дало мнѣ возможность получить исключительное образо-

ваніе, а созерцательный складъ ума помогъ систематизировать знанія, пріобрѣтенныя прилежнымъ изученіемъ. Больше всего я увлекался произведеніями германскихъ философовъ; не потому, что восхищался ихъ краснорѣчивымъ безуміемъ, нѣтъ, мнѣ доставляло большое удовольствіе подмѣчать и разоблачать ихъ слабыя стороны, въ чемъ помогала мнѣ привычка къ строгому критическому мышленію. Мой геній часто упрекали въ сухости; недостатокъ воображенія ставили мнѣ въ упрекъ; и я всегда славился Пирроновскимъ складомъ ума. Дѣйствительно, крайнее пристрастіе къ точнымъ наукамъ заставляло меня впадать въ ошибку, весьма обычную въ этомъ возрастѣ: я подразумѣваю склонность подводить подъ принципы точныхъ наукъ всевозможныя явленія, даже рѣшительно неподводимыя. Вообще, я менѣе чѣмъ кто-либо способенъ былъ промѣнять строгія данныя истины на ignes fatui суевѣрія. Я распространяюсь объ этомъ, потому что разсказъ мой покажется иному скорѣе грезой разстроеннаго воображенія, чѣмъ отчетомъ о дѣйствительномъ происшествіи съ человѣкомъ, для котораго грезы воображенія всегда были мертвой буквой или ничѣмъ.

Проведя нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ, я отправился въ 18... году изъ порта Батавія, на богатомъ, и населенномъ островѣ Явѣ, къ Зундскому Архипелагу. Я ѣхалъ въ качествѣ пассажира, побуждаемый какою-то болѣзненной непосѣдливостью, которая давно уже преслѣдовала меня.

Нашъ корабль былъ прекрасное судно въ четыреста тоннъ, съ мѣдными скрѣпами, выстроенный въ Бомбеѣ изъ Малабарскаго тэковаго дерева. Онъ везъ грузъ хлопка и масла съ Лакедивскихъ островковъ,—сверхъ того, запасъ кокосоваго охлопья, кокосовыхъ орѣховъ и нѣсколько ящиковъ опіума. Вслѣдствіе небрежной нагрузки, корабль былъ очень валокъ.

Мы тихонько ползли подъ вѣтромъ вдоль береговъ Явы, и въ теченіе многихъ, многихъ дней ничто не нарушало монотонности путешествія, кромѣ мелкихъ суденышекъ, попадавшихся на встрѣчу. Однажды вечеромъ, стоя у гакаборта, я замѣтилъ на NW странное, одинокое облако. Оно бросилось мнѣ въ глаза своимъ страннымъ цвѣтомъ; къ тому же, это было первое облако, замѣченное нами послѣ отплытія изъ Батавіи. Я внимательно наблюдалъ за нимъ до солнечнаго заката, когда оно охватило значительную часть горизонта, съ запада на востокъ, въ видѣ узкой гряды, напоминавшей низкій морской берегъ. Вскорѣ вниманіе мое было привлечено необычайно краснымъ цвѣтомъ луны. Море также измѣнилось и стало удивительно прозрачнымъ. Я совершенно ясно различалъ дно, хотя лотъ показывалъ глубину въ пятнадцать фатомовъ. Воздухъ былъ невыносимо душенъ и поднимался спиральными стру-

ями, какъ отъ раскаленнаго желѣза. Съ наступленіемъ ночи вѣтеръ упалъ, и наступило глубокое, абсолютное затишье. Пламя свѣчи, стоявшей на кормѣ, даже не шевелилось, волосокъ, зажатый между большимъ и указательнымъ пальцами, висѣлъ неподвижно. Какъ бы то ни было, капитанъ сказалъ, что не замѣчаетъ никакихъ признаковъ опасности, и, такъ какъ теченіе относило насъ къ берегу, велѣлъ убрать паруса и спустить якорь. Онъ не счелъ нужнымъ поставить вахтенныхъ, и матросы, большею частью малайцы, безпечно растянулись на палубѣ, а я спустился въ каюту не безъ дурныхъ предчувствій. Дѣйствительно, все пророчило штормъ. Я сообщилъ о своихъ опасеніяхъ капитану, но онъ не обратилъ вниманія на мои слова, даже не удостоилъ меня отвѣтомъ. Безпокойство не позволило мнѣ уснуть и около полуночи я снова пошелъ на палубу, но не успѣлъ поставить ногу на верхнюю ступеньку лѣстницы, какъ раздался громкій, жужжащій гулъ, подобный шуму мельничнаго колеса и корабль заходилъ ходенемъ. Еще мгновеніе— и чудовищный валъ швырнулъ насъ на бокъ, окативъ всю палубу, отъ кормы до носа.

Бѣшеная сила урагана спасла корабль отъ потопленія. Онъ на половину погрузился въ воду, но, потерявъ всѣ мачты, которыя снесло за бортъ, тяжело вынырнулъ, зашатался подъ напоромъ вѣтра и, наконецъ, выпрямился.

Какимъ чудомъ я избѣжалъ гибели, рѣшительно не понимаю. Я былъ совершенно оглушенъ, а когда очнулся, оказался стиснутымъ между ахтеръ-штевнемъ и рулемъ. Съ трудомъ поднявшись на ноги, я дико оглядѣлся, и въ первую минуту мнѣ показалось, что мы попали въ сферу прибоя: такъ бѣшено крутились громадные валы. Немного погодя я услышалъ голосъ стараго шведа, который сѣлъ на корабль въ моментъ отплытія изъ Батавіи. Я отозвался, крикнувъ изо всѣхъ силъ, и онъ кое-какъ пробрался ко мнѣ. Вскорѣ мы убѣдились, что, кромѣ насъ двоихъ, никто не пережилъ катастрофы. Всѣхъ, находившихся на палубѣ, смыло волной; капитанъ и его помощники, безъ сомнѣнія, тоже погибли, такъ какъ каюты были полны воды. Вдвоемъ мы не могли справиться съ судномъ, тѣмъ болѣе, что были парализованы ожиданіемъ гибели. Канатъ, безъ сомнѣнія, лопнулъ, какъ нитка при первомъ натискѣ урагана, иначе корабль разбился бы моментально. Мы неслись въ море съ ужасающей быстротою; волны то и дѣло заливали палубу. Кормовая часть сильно пострадала, да и все судно расшаталось, но, къ великой нашей радости, помпы оказались неповрежденными. Ураганъ ослабѣлъ, утративъ бѣшеную силу перваго натиска, и мы не особенно опасались вѣтра, но съ ужасомъ ожидали его полнаго прекращенія, такъ какъ были увѣрены, что расшатавшееся судно

не вынесетъ мертвой зыби. Повидимому, однако, этимъ опасеніямъ не суждено было скоро оправдаться. Пять дней и пять ночей, въ теченіе которыхъ мы поддерживали свое существованіе нѣсколькими горстями тростниковаго сахара, который намъ съ великимъ трудомъ удалось добыть на бакѣ, пять дней и пять ночей судно неслось съ невѣроятною быстротою, подгоняемое вѣтромъ, который хотя и утратилъ свою первоначальную силу, но все-таки былъ сильнѣе всякаго урагана, какой мнѣ когда-либо случалось испытать. Въ первые четыре дня онъ дулъ почти все время на югъ или юго-западъ, и очевидно гналъ насъ вдоль береговъ Новой Голландіи. На пятый день холодъ усилился до крайности, хотя вѣтеръ перемѣнился. Солнце казалось тусклымъ, мѣдно-желтымъ пятномъ и поднялось надъ горизонтомъ всего на нѣсколько градусовъ, почти не давая свѣта. Облаковъ не было замѣтно, тѣмъ не менѣе вѣтеръ дулъ съ порывистымъ бѣшенствомъ. Около полудня (по нашему приблизительному разсчету) вниманіе наше снова привлечено было солнцемъ. Собственно говоря, оно вовсе не свѣтило, а имѣло видъ тусклой красноватой массы безъ всякаго блеска, точно всѣ лучи его были поляризованы. Передъ самымъ закатомъ его центральная часть разомъ исчезла, точно погашенная какой-то сверхъестественной силой. Только матовый, серебряный обручъ опустился въ бездонный океанъ.

Мы тщетно дожидались наступленія шестаго дня,—онъ не наступилъ ни для меня, ни для шведа. Мы оставались въ непроглядной тьмѣ, такъ что не могли различить ничего за двадцать шаговъ отъ корабля. Вѣчная ночь окружала насъ, не смягчаемая даже фосфорическимъ блескомъ моря, къ которому мы привыкли подъ тропиками. Мы замѣтили также, что хотя буря свирѣпствовала съ неослабѣвающей яростью, волны уже не пѣнились и потеряли характеръ прибоя. Насъ поглотила зловѣщая ночь, непроглядная тьма, удушливая, черная пустыня! Мало по малу суевѣрный ужасъ закрался въ душу старика шведа, да и я погрузился въ безмолвное уныніе. Мы предоставили корабль на волю судьбы, сознавая, что наши усилія все равно ни къ чему не приведутъ, и пріютившись у остатка бизань-мачты, угрюмо всматривались въ океанъ. Мы не могли слѣдить за временемъ или опредѣлить, гдѣ находимся. Очевидно, насъ занесло далѣе къ югу, чѣмъ удавалось проникнуть кому-либо изъ прежнихъ мореплавателей. Мы удивлялись только, что не встрѣчаемъ ледяной преграды. Между тѣмъ каждая минута грозила намъ гибелью, колоссальные валы поднимались со всѣхъ сторонъ. Я въ жизнь свою не видалъ такого волненія. Истинное чудо, что мы уцѣлѣли до сихъ поръ. Мой спутникъ приписывалъ это незначительности груза и старался ободрить меня, напоминая о прочности нашего корабля, но я чувствовалъ полную безнадежность какой-

либо надежды, и угрюмо готовился къ смерти, ожидая ея съ минуты на минуту, такъ какъ чѣмъ дальше подвигался корабль, тѣмъ яростнѣе бушевала зловѣщая, черная пучина. То мы задыхались отъ недостатка воздуха, поднявшись выше птичьяго полета, то съ головокружительной быстротой слетали въ водяную бездну, гдѣ воздухъ отзывался болотной сыростью и ни единый звукъ не нарушалъ дремоты кракеновъ.

Мы находились на днѣ такой бездны, когда громкое восклицаніе моего товарища раздалось среди ночной темноты: — Смотри! Смотри! — крикнулъ онъ мнѣ въ ухо, — Боже Всемогущій! Смотри! Смотри! — Тутъ я замѣтилъ странный, тусклый, красноватый свѣтъ, озарившій чуть брезжущимъ блескомъ нашу палубу. Слѣдя за нимъ глазами, я поднялъ голову и увидалъ зрѣлище, оледенившее кровь въ моихъ жилахъ. На страшной высотѣ, прямо надъ нами, на гребнѣ колоссальнаго вала, возвышался гигантскій, тысячи въ четыре тоннъ, корабль. Хотя высота волны разъ во сто превосходила его высоту, онъ все-таки казался больше любого линейнаго корабля. Его громадный корпусъ былъ густого чернаго цвѣта, безъ всякой рѣзьбы или украшеній. Въ открытые люки высовывался рядъ мѣдныхъ пушекъ, блестящія дула которыхъ отражали свѣтъ безчисленныхъ фонарей, развѣшанныхъ по снастямъ. Но всего болѣе поразило насъ ужасомъ и удивленіемъ то обстоятельство, что онъ шелъ на всѣхъ парусахъ въ этомъ водоворотѣ бѣшеныхъ валовъ, подъ напоромъ неукротимаго урагана. Въ тотъ моментъ, когда мы замѣтили его, онъ медленно поднимался изъ мрачной зловѣщей бездны. Съ минуту онъ простоялъ на гребнѣ, точно любуясь собственнымъ великолѣпіемъ, потомъ задрожалъ, пошатнулся и — рухнулъ внизъ.

Въ эту минуту какое-то удивительное спокойствіе овладѣло моей душой. Я отползъ какъ можно дальше на корму и безстрашно ожидалъ паденія, которое должно было потопить насъ. Нашъ корабль уже пересталъ бороться и погрузился носомъ въ море. Низринувшаяся громада ударилась въ эту часть, уже находившуюся подъ водой, причемъ корму, разумѣется, вскинуло кверху, а меня швырнуло на снасти чужого корабля.

Вѣроятно, меня не замѣтили въ суматохѣ. Я безъ труда пробрался къ главному люку, который оказался не запертымъ, и спрятался въ трюмъ. Почему я сдѣлалъ это, — самъ не знаю. Неизъяснимое чувство страха при видѣ этихъ странныхъ мореплавателей, вѣроятно, было тому причиной. Я не рѣшался довѣриться такимъ страннымъ, сомнительнымъ, необычайнымъ людямъ.

Не успѣлъ я спрятаться, какъ послышались чьи-то шаги. Какой-то человѣкъ прошелъ мимо моего убѣжища невѣрной и слабой

походкой. Я не могъ разглядѣть его лица, но общій видъ его указывалъ на преклонный возрастъ или недугъ. Колѣни его дрожали, и все тѣло сгорбилось подъ бременемъ лѣтъ. Онъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ слабымъ прерывающимся голосомъ, на непонятномъ мнѣ языкѣ, копаясь въ углу въ грудѣ какихъ-то странныхъ инструментовъ и старыхъ морскихъ картъ. Манеры его представляли удивительную смѣсь раздражительности второго дѣтства и торжественнаго достоинства. Наконецъ, онъ ушелъ на палубу и я не видалъ его болѣе.

* *
*

Чувство, которому нѣтъ названія, овладѣло моей душой,—ощущеніе, которое не поддается анализу, не находитъ аналогіи въ опытѣ прошлыхъ лѣтъ и врядъ-ли найдетъ разгадку въ будущемъ. Это послѣднее обстоятельство особенно непріятно человѣку съ моимъ складомъ ума. Я никогда — самъ знаю, что никогда — не найду удовлетворительнаго объясненія моимъ теперешнимъ идеямъ. Но удивительно-ли, что эти идеи не поддаются опредѣленію, разъ онѣ возникли изъ такихъ новыхъ источниковъ. Новое чувство, новая составная часть прибавились къ моей душѣ.

* *
*

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ на палубу этого корабля и лучи моей судьбы, кажется, сосредоточились въ одномъ фокусѣ. Непонятные люди! Погруженные въ размышленія, сущность которыхъ я не могу угадать, они не замѣчаютъ моего присутствія. Прятаться мнѣ нѣтъ смысла, потому что они не хотятъ меня видѣть. Сейчасъ я прошелъ мимо помощника, а незадолго передъ тѣмъ явился въ каюту капитана и взялъ тамъ письменныя принадлежности, чтобы составить эти записки. Время отъ времени я буду продолжать ихъ. Неизвѣстно, конечно, удастся-ли мнѣ передать ихъ міру, но я, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю попытку. Въ послѣднюю минуту я положу рукопись въ бутылку, и брошу ее въ море.

* *
*

Еще происшествіе, доставившее мнѣ новую пищу для размышленій. Неужели такія явленія дѣло слѣпой судьбы? Я вышелъ на палубу и, не привлекая ничьего вниманія, бросился на груду старыхъ парусовъ. Размышляя о своей необычайной судьбѣ, я машинально водилъ дегтярной кистью по краямъ аккуратно сложеннаго лиселя, лежавшаго подлѣ меня на боченкѣ. Лисель упалъ на палубу, развернулся, и я увидѣлъ, что изъ моихъ случайныхъ мазковъ составилось слово открытіе.

Я познакомился съ устройствомъ корабля. Это хорошо вооруженное, но повидимому не военное судно. Его оснастка, корпусъ, вся экипировка говорятъ противъ этого предположенія. Вообще, я вижу ясно, чѣмъ оно не можетъ быть, но что оно есть, невозможно понять. Не знаю почему, но при видѣ его странной формы, оригинальной оснастки, огромныхъ размѣровъ и богатаго запаса парусовъ, простого, безъ всякихъ украшеній, носа и устарѣлой конструкціи кормы, мнѣ мерещится что-то знакомое, что-то напоминающее о старинныхъ хроникахъ и давно минувшихъ вѣкахъ.

* * *

Разсматривалъ бревна корабля. Онъ выстроенъ изъ незнакомаго мнѣ матеріала. Дерево какое-то особенное, на первый взглядъ совсѣмъ не подходящее для постройки судна. Меня поражаетъ его пористость—независимо отъ ветхости и червоточины, обычной въ этихъ моряхъ. Быть можетъ, слова мои покажутся слишкомъ курьезными, но это дерево напоминаетъ испанскій дубъ, растянутый какими-то сверхъестественными средствами.

Перечитывая эти строки, я припомнилъ замѣчаніе одного стараго, опытнаго голландскаго моряка.

— Это вѣрно,—говаривалъ онъ, когда кто-нибудь выражалъ сомнѣніе въ его правдивости,—такъ же вѣрно, какъ то, что есть море, гдѣ корабль ростетъ, точно человѣческое тѣло.

* * *

Часъ тому назадъ я смѣшался съ толпой матросовъ. Они не обратили на меня ни малѣйшаго вниманія и, повидимому, вовсе не замѣчали моего присутствія, хотя я стоялъ посреди толпы. Какъ и тотъ человѣкъ, котораго я увидѣлъ въ первый разъ, всѣ они обнаруживали признаки глубокой старости. Ихъ колѣни тряслись, плечи сгорбились, кожа висѣла складками, разбитые старческіе голоса шамкали едва слышно, глаза слезились, сѣдые волосы развѣвались по вѣтру. Вокругъ нихъ по всей палубѣ были разбросаны математическіе инструменты самой странной, устарѣлой конструкціи.

* * *

Упомянувъ выше о лиселѣ, я замѣтилъ, что онъ былъ свернутъ. Съ тѣхъ поръ корабль продолжаетъ свой страшный бѣгъ къ югу, при кормовомъ вѣтрѣ, распустивъ всѣ паруса отъ клотовъ до унтеръ-лиселей, среди адскаго волненія, какого не снилось ни единому смертному. Я спустился въ каюту, такъ какъ не могъ

стоять на палубѣ, хотя экипажъ судна, повидимому, не испытываетъ никакихъ затрудненій. Мнѣ кажется чудомъ изъ чудесъ, что нашъ громадный корабль не былъ поглощенъ волнами. Видно намъ суждено было оставаться на порогѣ вѣчности, но не переходить за него. Среди чудовищныхъ волнъ, въ тысячу разъ превосходившихъ самое страшное волненіе, какое мнѣ когда-либо случалось видѣть, мы скользили какъ чайка, и грозные валы вздымались, точно демоны, изъ пучины водъ, угрожая разрушеніемъ, но не смѣя исполнить свою угрозу. Въ объясненіе этого я могу указать лишь одну естественную причину. Надо полагать, что корабль нашъ движется подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго теченія.

* *
*

Я видѣлъ капитана лицомъ къ лицу, въ его собственной каютѣ, но, какъ я и ожидалъ, онъ не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Случайный наблюдатель не замѣтилъ бы въ немъ ничего особеннаго, чуждаго человѣческой природѣ, тѣмъ не менѣе я смотрѣлъ на него съ смѣшаннымъ чувствомъ удивленія, почтенія и страха. Онъ приблизительно одного со мною роста: то есть около пяти футовъ и восьми дюймовъ. Сложенъ хорошо, пропорціонально, не слишкомъ дюжъ, не слишкомъ хилъ. Но странное выраженіе лица—поразительная, рѣзкая, бьющая въ глаза печать страшной, глубокой старости—возбуждаетъ во мнѣ чувство неизъяснимое... Лобъ его не слишкомъ изборожденъ морщинами, но кажется, будто надъ нимъ отяготѣли миріады лѣтъ. Его сѣдые волосы—лѣтопись прошлаго, сѣрые глаза—сивиллины книги будущаго. Каюта завалена странными фоліантами съ желѣзными застежками, попорченными инструментами, старинными, давно забытыми картами. Онъ сидѣлъ, подперевъ голову руками и съ безпокойствомъ перечитывалъ какую-то бумагу, повидимому, оффиціальную: я замѣтилъ на ней королевскую печать. Онъ что-то ворчалъ себѣ подъ носъ, какъ первый морякъ, котораго я видѣлъ, что-то неразборчивое, брюзгливое, на незнакомомъ мнѣ языкѣ; и хотя я сидѣлъ съ нимъ бокъ о бокъ, его голосъ слышался мнѣ точно издали.

* *
*

Корабль и все, что на немъ находится запечатлѣны духомъ старости. Люди бродятъ по палубѣ, точно тѣни минувшихъ вѣковъ; въ ихъ глазахъ отражается нетерпѣніе и безпокойство, и когда они попадаются мнѣ на встрѣчу, озаренные фантастическимъ свѣтомъ фонарей, мной овладѣваетъ чувство, котораго я никогда не испытывалъ, хотя всю жизнь занимался древностями, хотя блуждалъ

въ тѣни развалинъ Бальбека, Тадмора, Персеполиса, пока душа моя сама не превратилась въ развалину.

* * *

Глядя вокругъ себя, я стыжусь своихъ прежнихъ опасеній. Если я дрожалъ отъ страха, когда ураганъ сорвалъ насъ съ якоря, то что же долженъ бы былъ чувствовать теперь, среди этого адскаго разгула волнъ и вѣтра, о которомъ не дадутъ никакого понятія слова «смерчь» и «торнадо». Вокругъ насъ непроглядная черная ночь, хаосъ темныхъ, безъ пѣны, валовъ, и только на разстояніи мили по обѣ стороны корабля неясно обрисовываются въ зловѣщей тьмѣ громады льдовъ,—точно стѣны вселенной.

* * *

Какъ я и думалъ, корабль увлеченъ теченіемъ, если только можно примѣнить это названіе къ потоку, который мчится съ ревомъ и визгомъ, сокрушая встрѣчные льды, по направленію къ югу, съ головокружительной быстротой водопада.

* * *

Невозможно передать мой ужасъ, однако, стремленіе проникнуть тайны этихъ зловѣщихъ областей вытѣсняетъ даже отчаяніе и примиряетъ меня съ самой ужасной смертью. Очевидно, мы лицомъ къ лицу съ великимъ открытіемъ, съ тайной, разоблаченіе которой будетъ гибелью. Быть можетъ, этотъ потокъ влечетъ насъ къ южному полюсу. Надо сознаться, что въ пользу этого предположенія, при всей его кажущейся нелѣпости, говоритъ многое.

* * *

Экипажъ безпокойно расхаживаетъ по палубѣ; но я читаю на лицахъ скорѣе выраженіе надежды, чѣмъ апатіи и отчаянія.

Вѣтеръ, какъ и прежде, въ корму, и такъ какъ всѣ паруса распущены, то по временамъ корабль буквально взлетаетъ надъ водою! О, ужасъ изъ ужасовъ! ледъ разступается направо и налѣво, мы бѣшено мчимся громадными концентрическими кругами вдоль окраины чудовищнаго амфитеатра, стѣны котораго теряются во тьмѣ. Круги быстро съужаются—мы захвачены водоворотомъ—и среди рева, свиста, визга океана и бури корабль сотрясается и—о, Боже!—идетъ ко дну!

Примѣчаніе. «Рукопись, найденная въ бутылкѣ», напечатана въ 1831 г., и только много лѣтъ спустя я познакомился съ картами Меркаторъ, на которыхъ океанъ впадаетъ четырьмя потоками въ полярную (сѣверную) пучину, гдѣ исчезаетъ въ нѣдрахъ земли. Самый полюсъ изображенъ въ видѣ черной скалы, поднимающейся на громадную высоту.

Спускъ въ Мальштремъ.

Пути Господни въ природѣ и въ Промыслѣ не наши пути, и формы, которыя мы создаемъ, не соизмѣримы съ безпредѣльностью, глубиной и неизгладимостью Его твореній, болѣе глубокихъ, чѣмъ колодезь Демокрита.

Джозефъ Гленвилль.

Мы добрались до вершины главнаго утеса. Прошло нѣсколько минутъ, пока старикъ отдышался и заговорилъ:

— Еще недавно,—сказалъ онъ, наконецъ,—я могъ бы васъ провести по этой дорогѣ не хуже младшаго изъ моихъ сыновей, но года три назадъ случилось со мной происшествіе, какого никогда не приходилось испытать ни единому смертному, а если и приходилось,то онъ не пережилъ его. Шесть часовъ смертельнаго ужаса, пережитые мною, сломили мое тѣло и мой духъ. Вы думаете, что я очень старъ,—это ошибка. Довольно было одного дня, чтобы превратить черные,какъ смоль, волосы въ сѣдые, ослабить члены и разстроить нервы такъ, что я задыхаюсь теперь при малѣйшемъ усиліи и пугаюсь тѣни. Повѣрите-ли, у меня кружится голова, когда я смотрю съ этого пригорка.

«Пригорокъ», на которомъ онъ расположился, беззаботно растянувшись на самомъ краю, свѣсивъ голову и верхнюю часть туловища внизъ и упираясь локтемъ въ скользкій край,—этотъ «пригорокъ» возвышался тысячи на полторы футовъ надъ сосѣдними утесами, въ видѣ крутой, отвѣсной и черной скалы. Я ни за какія деньги не согласился бы подойти ближе шести шаговъ къ его окраинѣ. Опасное положеніе товарища внушало мнѣ такой страхъ, что я растянулся на землѣ, уцѣпился за кустарникъ, и не рѣшался даже взглянуть на небо,—мнѣ все казалось, что вѣтеръ сорветъ скалу. Нескоро я оправился и овладѣлъ собой настолько, что рѣшился сѣсть и полюбоваться на окружающій ландшафтъ.

— Напрасно вы боитесь,—сказалъ проводникъ,—я нарочно привелъ васъ сюда, чтобы вы могли видѣть то мѣсто, гдѣ случилась исторія, о которой я сейчасъ упоминалъ—и которую разскажу вамъ подробно.

— Мы находимся теперь,—продолжалъ онъ съ точностью, характеризовавшей его разговоръ,—на Норвежскомъ берегу, подъ шестьдесятъ восьмымъ градусомъ широты, въ провинціи Нордландъ, въ пустынномъ округѣ Лофоденъ. Скала, на которой мы сидимъ,—Гольсеггенъ. Теперь приподнимитесь немножко—дер-

житесь за траву, если кружится голова,—вотъ такъ—и взгляните на море вонъ туда, за грядой тумановъ.

Я взглянулъ и увидѣлъ безбрежное пространство океана, чернаго какъ чернила, такъ что мнѣ вспомнилось описаніе Mare tenebrarum у нубійскаго географа. Воображеніе человѣческое не въ силахъ представить себѣ болѣе безотрадную панораму. Вправо и влѣво, насколько могъ хватить глазъ, простирались груды мрачныхъ, темныхъ утесовъ, казавшихся еще угрюмѣе среди бѣшеныхъ валовъ прибоя, съ визгомъ и ревомъ катившихъ свои сѣдые гребни. Какъ разъ противъ мыса, на вершинѣ котораго мы находились, на разстояніи пяти-шести миль, виднѣлся, почти исчезая въ волнахъ, маленькій островъ, двумя милями ближе—другой, еще меньше, голый, скалистый, усѣянный грудами черныхъ каменьевъ.

Океанъ на пространствѣ между берегомъ и самымъ отдаленнымъ островомъ имѣлъ какой-то странный видъ. Несмотря на сильнѣйшій вѣтеръ съ моря, волны кипѣли, вставали, двигались по всѣмъ направленіямъ, по вѣтру и противъ вѣтра. Пѣна была замѣтна только въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ утесами.

— Тотъ островъ, что подальше,—сказалъ старикъ,—норвежцы называютъ Вургомъ. Поближе—Моское. На милю къ сѣверу—Амбааренъ. Вонъ тѣ утесы—Иелезенъ, Готгольмъ, Кейдгельмъ, Суарвенъ и Букгольмъ. Подальше—между Моское и Вургомъ—Оттергольмъ, Флименъ, Зандфлезенъ и Стокгольмъ. Таковы названія этихъ рифовъ, хотя зачѣмъ имъ даны названія,—ни вы, ни я не поймемъ. Слышите вы что-нибудь? Замѣчаете перемѣну въ морѣ?

Мы находились уже минутъ десять на Гельсеггенѣ, а взбирались на него со стороны Лофодена, такъ что не могли видѣть моря, пока не добрались до верхушки. При послѣднихъ словахъ старика я услышалъ громкій, постепенно усиливавшійся звукъ, напоминавшій ревъ стада бизоновъ на американской преріи; въ то же время поверхность моря измѣнилась, буруны превратились въ огромный потокъ, стремившійся въ восточномъ направленіи. Быстрота этого теченія возростала на моихъ глазахъ. Черезъ пять минутъ вся масса воды до самаго Вурга, мчалась съ чудовищной быстротой, но главный потокъ направлялся между Моское и берегомъ. Онъ разбивался на тысячи рукавовъ, которые сталкивались, кипѣли, крутились въ безчисленныхъ водоворотахъ,—и все это съ визгомъ, ревомъ, воемъ, свистомъ неслось на востокъ съ неудержимой быстротой водопада.

Черезъ нѣсколько минутъ сцена снова измѣнилась. Поверхность сдѣлалась глаже, водовороты одинъ за другимъ стали исче-

зать; на мѣсто ихъ появились чудовищныя полосы пѣны, которой раньше вовсе не было. Онѣ расходились все дальше и дальше, сталкиваясь и принимая мѣстами спиральное направленіе, предвѣщавшее, повидимому, новый и болѣе обширный водоворотъ. Внезапно,—почти мгновенно, онъ явился въ видѣ круга болѣе мили въ діаметрѣ. Полоса сверкающей пѣны окаймляла устье этой чудовищной воронки, но внутренность ея, насколько могъ измѣрить глазъ, имѣла видъ гладкой, блестящей, черной, какъ уголь, водяной стѣны, наклоненной къ горизонту подъ угломъ градусовъ въ сорокъ пять и вертѣвшейся съ головокружительной быстротою, сотрясаясь, дрожа и оглашая окрестность ужаснымъ не то ревомъ, не то визгомъ, какого не посылаетъ къ небесамъ и Ніагара въ своей агоніи.

Гора дрожала до самаго основанія, скала колыхалась. Я бросился ничкомъ и уцѣпился за тощую траву.

— Это,—сказалъ я, наконецъ,—это можетъ быть только большой водоворотъ Мальштрема.

— Да, такъ его называютъ иногда,—отвѣчалъ старикъ.—Мы, норвежцы, называемъ его Моское-штромъ, отъ острова Моское.

Описанія этого водоворота, которыя мнѣ случалось читать, вовсе не подготовили меня къ такому зрѣлищу. Очеркъ Іоны Рамуса, быть можетъ, самый обстоятельный изъ всѣхъ, не даетъ ни малѣйшаго понятія о великолѣпіи и ужасѣ сцены, ни о подавляющемъ чувствѣ небывалаго, охватывающемъ зрителя. Не знаю, когда и съ какого пункта этотъ писатель наблюдалъ Мальштремъ, но ужъ во всякомъ случаѣ не съ Гельсеггена и не во время шторма. Впрочемъ, я позаимствую у него нѣкоторыя подробности, хотя, повторяю, онѣ не дадутъ никакого понятія о дѣйствительномъ характерѣ зрѣлища.

— Между Лофоденомъ и Моское,—говоритъ Рамусъ,—глубина моря отъ тридцати пяти до сорока фатомовъ, но по ту сторону острова, по направленію къ Веру (Вургъ) она такъ незначительна, что корабль, даже въ самую тихую погоду, рискуетъ разбиться о подводный камень. Во время прилива теченіе стремится къ берегу, между Моское и Лофоденомъ съ поразительной быстротой, при отливѣ же несется обратно съ такимъ неистовымъ бѣшенствомъ, что самый грозный и бурный водопадъ не сравнится съ этимъ потокомъ: грохотъ его слышно за нѣсколько лигъ, мѣстами образуются водовороты или воронки такой громадной величины, что корабль, попавшій въ подобную пучину, идетъ ко дну и разбивается въ дребезги о камни. Осколки его выбрасываются во время затишья. Но эти промежутки затишья бываютъ только между приливомъ и отливомъ при тихой погодѣ и длятся не болѣе четверти

часа. Когда потокъ достигаетъ наибольшей быстроты и бѣщенство его усиливается штормомъ, опасно приближаться къ нему на норвежскую милю. Случалось, что лодки и корабли уносило въ пучину, хотя они находились еще далеко отъ нея. Случается также, что китъ подплыветъ слишкомъ близко къ этому мѣсту и потокъ уноситъ его. Невозможно описать, какъ онъ бьется и реветъ въ безполезной борьбѣ съ бѣшеной стихіей. Однажды медвѣдь, вздумавшій переплыть отъ Лофодена къ Моское, былъ затянутъ водоворотомъ, причемъ ревѣлъ такъ страшно, что слышно было на берегу. Огромныя сосны и ели, увлеченныя потокомъ, вылетаютъ обратно изодранныя и расщепленныя до такой степени, что кажутся обросшими щетиной. Это показываетъ, что дно состоитъ изъ камней и утесовъ. Направленіе потока измѣняется подъ вліяніемъ прилива и отлива, черезъ каждые шесть часовъ. Въ 1645 году, утромъ, въ Воскресенье, на масляницѣ, онъ свирѣпствовалъ съ такой силой, что каменные дома на берегу разваливались.

Я не понимаю, какимъ образомъ возможно опредѣлить глубину водоворота. «Сорокъ фатомовъ»—безъ сомнѣнія, относится къ той части потока, которая непосредственно примыкаетъ къ Моское или Лофодену. Въ центрѣ Моское-штрема, глубина, безъ сомнѣнія, несравненно больше, чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно заглянуть въ устье воронки съ вершины Гельсеггена. Глядя съ утеса на эту адскую пучину, я не могъ не улыбнуться простодушію честнаго Іоны Рамуса, который разсказываетъ о потопленіи китовъ и медвѣдей, какъ о чемъ-то невѣроятномъ. Мнѣ ясно было, что огромнѣйшій линейный корабль, попавъ въ сферу дѣйствія этого теченія, будетъ унесенъ, какъ пухъ ураганомъ, и исчезнетъ мгновенно.

Несостоятельность попытокъ объяснить это явленіе—нѣкоторыя изъ нихъ казались мнѣ довольно убѣдительными при чтеніи—слишкомъ очевидна. Вообще принято думать, что единственная причина Мальштрема, какъ и трехъ меньшихъ водоворотовъ между Фарерскими островами—«встрѣча волнъ, поднимающихся или падающихъ во время прилива или отлива, съ грядою скалъ и рифовъ, которая стѣсняетъ ихъ такъ, что они обрушиваются въ видѣ водопада. Такимъ образомъ, чѣмъ выше приливъ, тѣмъ глубже паденіе; а естественнымъ результатомъ этого является водоворотъ, всасывающая сила котораго достаточно извѣстна по опытамъ въ меньшихъ размѣрахъ».

Такъ сказано въ Encyclopaedia Britannica. По мнѣнію Кирхера и нѣкоторыхъ другихъ, въ центрѣ Мальштрема находится пропасть, которая проникаетъ далеко вглубь земли и выходитъ на поверхность въ какомъ-нибудь отдаленномъ пунктѣ,—въ Ботническомъ заливѣ, напримѣръ. Признаюсь, это вздорное мнѣніе казалось мнѣ

наиболѣе вѣроятнымъ теперь, когда я разсматривалъ водоворотъ съ вершины утеса. Я сообщилъ о немъ проводнику, но, къ моему удивленію, онъ объявилъ, что совершенно несогласенъ съ нимъ, хотя это мнѣніе общепринятое въ Норвегіи. Что касается вышеприведеннаго объясненія, то онъ откровенно заявилъ, что не понимаетъ его. Въ этомъ отношеніи мы сошлись; дѣйствительно, объясненіе,быть можетъ, очень логично на бумагѣ, но совершенно непонятно и даже нелѣпо, когда видишь пучину во-очію.

— Теперь вы можете хорошо разсмотрѣть водоворотъ,—сказалъ старикъ,—и если у васъ хватитъ духа пробраться вокругъ утеса въ мѣстечко, защищенное отъ вѣтра, гдѣ шумъ и грохотъ не будутъ заглушать моихъ словъ, я разскажу вамъ исторію, изъ которой вы увидите, что я довольно таки близко познакомился съ Моское-штремомъ.

Я послѣдовалъ по приглашенію, и онъ началъ:

— Я и двое моихъ братьевъ занимались рыбной ловлей среди островонъ за Моское, по близости отъ Вурга. У насъ была маленькая шхуна въ семьдесятъ тоннъ. Во время сильныхъ волненій всегда можно наловить рыбы, лишь бы хватило смѣлости; но изъ всѣхъ Лофоденскихъ рыбаковъ, только мы трое рѣшались пускаться къ этимъ островамъ. Главное мѣсто ловли находится значительно южнѣе; тамъ всегда можно найти рыбу; туда и отправляются наши рыбаки. Но самыя лучшія мѣстечки между утесами, близъ Вурга, тутъ и уловъ богаче, и рыба самыхъ разнообразныхъ породъ. Намъ случалось въ одинъ день наловить больше, чѣмъ иной, болѣе трусливый, налавливалъ въ недѣлю. Въ сущности, мы пускались въ спекуляцію: презрѣніе къ смерти замѣняло трудъ, смѣлость отвѣчала за капиталъ.

Мы оставляли шхуну въ бухточкѣ миль за пять отсюда, а при хорошей погодѣ пользовались непродолжительнымъ затишьемъ между приливомъ и отливомъ, проплывали по главному протоку Моское-штрема и бросали якорь подлѣ Оттергольна или Зандфлезена, гдѣ водоворотъ свирѣпствовалъ не такъ сильно. Тутъ мы дожидались слѣдующаго затишья, а когда оно наступало, отправлялись домой. Эти поѣздки мы предпринимали при сильномъ боковомъ вѣтрѣ, когда были увѣрены, что онъ не прекратится до нашего отъѣзда—и очень рѣдко ошибались въ разсчетѣ. Только два раза въ теченіе шести лѣтъ, намъ случилось простоять на якорѣ всю ночь по милости мертваго штиля, явленія очень рѣдкаго въ этой мѣстности; а однажды буря задержала насъ на цѣлую недѣлю, такъ что мы чуть не околѣли съ голода. На этотъ разъ мы были бы унесены въ море (водоворотъ крутилъ насъ до того, что мы запутали якорь и тащили его по грунту), если бы не попали въ одно изъ

безчисленныхъ перемѣнныхъ теченій, направляющихся сегодня въ одну сторону, завтра въ другую, которое занесло насъ въ затишье, къ Флимену, гдѣ намъ удалось лечь на якорь.

Я не могу изобразить и тысячной доли тѣхъ затрудненій, которыя намъ приходилось испытывать. Мѣсто это неудобное для плаванья даже въ тихую погоду. Однако, намъ всегда удавалось благополучно справляться съ самимъ Моское-штремомъ, хотя, признаюсь, у меня не разъ душа уходила въ пятки, когда намъ случалось запоздать или слишкомъ поторопиться. Вѣтеръ не всегда былъ такъ силенъ, какъ мы разсчитывали, такъ что мы съ трудомъ ускользали отъ потока. У моего старшаго брата былъ сынъ восемнадцати лѣтъ, у меня—двое молодцовъ. Въ такихъ случаяхъ они много помогали намъ, работая веслами, да и въ рыбной ловлѣ оказывали немалую поддержку!—но мы не всегда рѣшались брать ихъ съ собой: не хватало духа подвергать ребятъ такой опасности, такъ какъ опасность въ концѣ концовъ была чрезвычайная.

Черезъ нѣсколько дней исполнится три года со времени происшествія, о которомъ я намѣренъ вамъ разсказать. Оно случилось 10 іюля 18... года,—день, памятный для здѣшняго населенія. Такого страшнаго урагана, какой пришлось намъ испытать въ этотъ день, не было на памяти человѣческой. А между тѣмъ все утро, и позднѣе, почти до сумерекъ, погода стояла чудесная, дулъ свѣжій, легкій вѣтеръ съ юго-запада, солнце ярко свѣтило и самые опытные изъ нашихъ моряковъ въ мысляхъ не имѣли того, что случилось къ вечеру.

Мы трое—я и мои братья—отправились къ островамъ около 2 часовъ пополудни и скоро нагрузили рыбой нашу шхуну. Мы всѣ замѣтили, что рыба ловилась какъ никогда. Было ровно семь по моимъ часамъ, когда мы отплыли домой, разсчитывая миновать самую опасную часть потока во время затишья, которое должно было наступить въ восемь часовъ.

Мы отплыли подъ свѣжимъ вѣтромъ справа кормы и сначала шли очень быстро, не предвидя никакой опасности, да и не было никакихъ признаковъ опасности. Но у Гельсеггена вѣтеръ внезапно перемѣнился. Явленіе было совершенно необычайное—ничего подобнаго не случалось съ нами раньше—такъ что я почувствовалъ какое-то смутное безпокойство. Мы попытались плыть дальше, но это оказалось невозможнымъ по милости буруновъ. Тогда я предложилъ было вернуться и лечь на якорь, но тутъ, взглянувъ на небо, мы увидѣли странное мѣднокрасное облако, которое уже заволокло весь горизонтъ и росло съ поразительною быстротою. Вѣтеръ внезапно улегся и мы застряли на мѣстѣ, двигаясь то туда, то сюда, во всѣ стороны. Впрочемъ, мы

не успѣли даже сообразить, въ чемъ дѣло. Не прошло минуты, какъ налетѣлъ ураганъ, не прошло двухъ минутъ, какъ небо одѣлось сплошными тучами—и воцарилась такая кромѣшная тьма, что мы не могли видѣть другъ друга.

Было бы безуміемъ пытаться описывать этотъ ураганъ. Старѣйшій изъ норвежскихъ моряковъ никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Мы кинулись убирать паруса, но при первомъ же порывѣ вихря мачты снесло за бортъ, точно срѣзало. Главная мачта увлекла за собой моего меньшого брата, который привязалъ себя къ ней для безопасности.

Наша шхуна походила на перышко, брошенное въ пучину. У ней была совершенно ровная палуба съ маленькимъ люкомъ на носу; этотъ люкъ мы всегда закрывали, отправляясь въ море. Безъ этой предосторожности мы, безъ сомнѣнія, пошли бы теперь ко дну, такъ какъ по временамъ совершенно окунались въ воду. Какъ уцѣлѣлъ мой братъ, я не знаю, и никогда не могъ узнать. Что касается меня, то, выпустивъ фокъ-зейль, я кинулся ничкомъ на палубу, уперся ногами въ узкій шкафутъ, а руками уцѣпился за рымъ-болтъ у подножія передней мачты. Я сдѣлалъ это—лучшее, что я могъ сдѣлать—совершенно инстинктивно, такъ какъ былъ слишкомъ ошеломленъ, чтобы разсуждать и соображать.

Какъ я уже сказалъ, по временамъ мы совершенно погружались въ воду; въ такихъ случаяхъ я старался не дышать и изо всѣхъ силъ держался за рымъ-болтъ. Когда становилось не въ мочь, поднимался на колѣни и высовывалъ голову надъ водой. Но вотъ наше суденышко встряхнулось, какъ встряхивается собака, выйдя изъ воды, и поднялось надъ моремъ. Я немножко опомнился и сталъ собираться съ мыслями, когда кто-то схватилъ меня за руку. То былъ мой старшій братъ. Сердце мое затрепетало отъ радости, такъ какъ я былъ увѣренъ, что его снесло за бортъ—но въ ту же минуту эта радость смѣнилась ужасомъ, онъ нагнулся къ моему уху и крикнулъ только одно слово:—«Моское-штремъ»!

Какъ передать, что я почувствовалъ въ эту минуту? Я затрясся точно въ лихорадкѣ. Я зналъ, что значитъ это слово, зналъ, что онъ хочетъ мнѣ сказать. Вѣтеръ мчалъ наше судно въ водоворотъ Мальштрема, и ничто не могло спасти насъ!

— Пересѣкая главный потокъ, мы всегда держались какъ можно дальше отъ водоворота, даже при тихой погодѣ, да и то дожидались затишья. Теперь же насъ несло въ самый водоворотъ, да еще при такомъ ураганѣ!—Конечно,—подумалъ я,—мы попадемъ туда какъ разъ во время затишья,—значитъ, есть еще надежда...—Но въ ту же минуту я выругалъ самъ себя за эту безумную мысль. Разумѣется, нѣтъ никакой надежды; я очень хорошо

понималъ, что гибель неизбѣжна, хотя бы мы были на девятьсотъ-пушечномъ кораблѣ.

«Между тѣмъ первый натискъ штурма ослабѣлъ, или, быть можетъ, мы привыкли къ ней; во всякомъ случаѣ поверхность моря, до тѣхъ поръ гладкая и ровная, вздулась чудовищными валами. На небѣ тоже произошла странная перемѣна. Всюду кругомъ оно оставалось черным какъ варъ, только надъ головой прояснѣло въ видѣ круглой площадки чистѣйшей лазури, съ которой свѣтила яркая полная луна. Теперь мы могли ясно различать всѣ окружающіе предметы, но Боже! что за картина освѣтилась передъ нами!

«Я пробовалъ заговорить съ братомъ, но грохотъ, причины котораго я не понималъ, до того усилился, что онъ не слышалъ моихъ словъ, хотя я кричалъ во все горло надъ самымъ его ухомъ. Но вотъ онъ покачалъ головой, побѣлѣвъ, какъ полотно, и поднялъ палецъ, точно хотѣлъ сказать:—слушай!

«Сначала я не понималъ, въ чемъ дѣло, но вскорѣ у меня мелькнула ужасная мысль. Я вытащилъ изъ кармана часы, посмотрѣлъ на циферблатъ при свѣтѣ луны и, швырнувъ ихъ въ море, залился слезами. Они показывали семь. Мы упредили моментъ затишья; водоворотъ былъ въ полномъ разгарѣ!

«Если судно хорошей постройки, тщательно удиферентовано, не слишкомъ нагружено и идетъ полнымъ вѣтромъ, волны точно подкатываются подъ него — зрѣлище, которое всегда удивляетъ не моряка. До сихъ поръ мы легко скользили по волнамъ, но вотъ гигантскій валъ подхватилъ насъ подъ корму и сталъ поднимать—выше—выше—точно на небо. Я бы не повѣрилъ, что волна можетъ подняться на такую высоту. Затѣмъ мы помчались внизъ быстро—быстро—такъ что я почувствовалъ дурноту и головокруженіе, точно падалъ съ высокой горы. Но пока мы были наверху, я успѣлъ бросить взглядъ кругомъ — и этого взгляда было совершенно достаточно. Я тотчасъ опредѣлилъ наше положеніе. Водоворотъ Моское-штремъ находился за четверть мили отъ насъ, но онъ такъ же мало походилъ на обычный, знакомый мнѣ Моское-штремъ, какъ пучина, которую вы видите передъ собой, на мельничный ручей. Если бы я не зналъ, гдѣ мы находимся и чего должны ожидать, я бы совсѣмъ не узналъ мѣстности. Во всякомъ случаѣ я невольно закрылъ глаза отъ ужаса. Рѣсницы сомкнулись сами собою, точно въ судорогѣ.

«Минуты черезъ двѣ волненіе разомъ прекратилось и мы попали въ поясъ пѣны. Судно круто повернулось налѣво и помчалось въ этомъ направленіи съ быстротой молніи. Въ ту же минуту оглушительный ревъ превратился въ пронзительный свистъ—

точно нѣсколько тысячъ пароходовъ вздумали разомъ выпустить паръ. Теперь наше судно мчалось въ поясѣ пѣны, которая всегда окаймляетъ устье водоворота, и я ждалъ, что мы, вотъ-вотъ ринемся въ бездну. Мы различали ее очень неясно, такъ какъ судно неслось съ чудовищною быстротой. Казалось, оно совсѣмъ не погружается въ воду, а скользитъ на поверхности пѣны подобно мыльному пузырю. Правой стороной оно было обращено къ водовороту, а лѣвой къ океану, который мы только что оставили. Онъ стоялъ стѣной, заслоняя отъ насъ горизонтъ.

«Какъ это ни страшно, но теперь, когда мы находились на краю бездны, я былъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ раньше, когда мы приближались къ ней. Утративъ всякую надежду, я не испытывалъ ужаса, который такъ придавилъ меня въ началѣ. Вѣроятно, отчаяніе придало мнѣ силы.

«Вы примите мои слова за похвальбу, но, увѣряю васъ, въ эту минуту я думалъ, какъ великолѣпна подобная смерть и какъ нелѣпо безпокоиться о своей ничтожной особѣ при видѣ такого удивительнаго проявленія могущества Божія. Кажется даже, я покраснѣлъ отъ стыда,—подумавъ это. Немного погодя я не на шутку заинтересовался самимъ водоворотомъ. Мнѣ положительно хотѣлось изслѣдовать его пучины, хотя бы цѣною жизни; и я жалѣлъ только, что нельзя будетъ разсказать старымъ товарищамъ о тайнахъ, которыя мнѣ доведется увидѣть. Безъ сомнѣнія, это странныя мысли для человѣка, находящагося въ такомъ положеніи. Я часто думалъ съ тѣхъ поръ, что быстрое вращеніе судна привело меня въ такое возбужденное состояніе.

«Было и другое обстоятельство, подѣйствовавшее на меня успокоительно, именно то, что мы находились подъ защитой отъ вѣтра. Какъ вы сами видите, полоса пѣны находится значительно ниже уровня океана, который возвышался налѣво отъ насъ, въ видѣ громадной, черной стѣны. Если вы никогда не бывали на морѣ, при сильномъ волненіи, то не можете и представить себѣ, до чего угнетающе дѣйствуютъ вѣтеръ и пѣна. Они ослѣпляютъ, оглушаютъ, душатъ васъ, отнимаютъ у васъ всякую способность къ разсужденію и дѣйствію. Но теперь мы были избавлены отъ этой докуки, какъ приговоренные къ смерти преступники, которымъ разрѣшаютъ пользоваться маленькими удобствами, не дозволявшимися, пока участь подсудимыхъ еще не была рѣшена.

«Невозможно сказать, сколько круговъ мы сдѣлали въ поясѣ пѣны. Мы вертѣлись въ немъ около часа, постепенно приближаясь къ окраинѣ. Все время я держался за рымъ-болтъ. Мой братъ ухватился за пустой боченокъ отъ воды, привязанный на кормѣ, единственный предметъ, оставшійся на палубѣ, когда ураганъ нале-

тѣлъ на насъ. Когда мы приблизились къ краю воронки, братъ оставилъ боченокъ, подползъ ко мнѣ и тоже ухватился за рымъ-болтъ, стараясь въ припадкѣ ужаса, оттолкнуть мои руки, такъ какъ для обоихъ насъ онъ былъ слишкомъ малъ. Не могу выразить, какъ я былъ огорченъ этимъ поступкомъ, хотя и видѣлъ, что братъ себя не помнитъ, что онъ просто помѣшался отъ ужаса. Я не сталъ съ нимъ бороться. Я зналъ, что, въ сущности говоря, рѣшительно все равно, будемъ-ли мы держаться или нѣтъ. Итакъ, я предоставилъ ему рымъ-болтъ, а самъ перебрался на корму. Это было не особенно трудно, такъ какъ шхуна неслась ровно и держалась прямо на килѣ, покачиваясь только изъ стороны въ сторону. Не успѣлъ я ухватиться за боченокъ, какъ судно разомъ накренилось на лѣвый бортъ и ринулось въ пучину. Я прошепталъ молитву и приготовился къ смерти.

«Чувствуя сильное головокруженіе, я инстинктивно прижался къ боченку и закрылъ глаза. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ я не рѣшался открыть ихъ, ожидая смерти съ минуты на минуту, и удивляясь, что еще не задыхаюсь въ агоніи, въ водѣ. Но минута проходила за минутой. Я все еще оставался въ живыхъ. Ощущеніе паденія исчезло; повидимому, судно неслось также, какъ раньше, въ поясѣ пѣны. Я собрался съ духомъ и открылъ глаза.

«Никогда не забуду охватившихъ меня чувствъ ужаса, благоговѣнія и изумленія. Лодка точно волшебствомъ висѣла на внутренней поверхности воронки громадныхъ размѣровъ, чудовищной глубины, съ совершенно гладкими стѣнами. Можно бы было подумать, что онѣ выстроены изъ чернаго дерева, если бъ онѣ не вертѣлись съ сумасшедшей быстротой, отсвѣчивая страннымъ фантастическимъ блескомъ въ лучахъ полной луны, изливавшей потоки золотого свѣта далеко вглубь бездны.

«Въ первую минуту я былъ слишкомъ ошеломленъ, чтобы различать подробности. Я схватилъ только общее впечатлѣніе величія и ужаса. Но, оправившись немного, я сталъ всматриваться внизъ. Положеніе шхуны на наклонной плоскости водоворота давало мнѣ возможность заглянуть глубоко въ пучину. Судно держалось совершенно прямо на килѣ, иными словами, его палуба находилась въ плоскости параллельной плоскости воды, но такъ какъ та послѣдняя была наклонена подъ угломъ, градусовъ въ сорокъ пять съ лишнимъ, то казалось, будто мы лежимъ на бимсѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ было такъ же легко вставать и ходить, какъ если бы мы стояли совершенно прямо: я объясняю это быстрымъ вращеніемъ шхуны.

«Лунный свѣтъ, казалось, стремился пробраться какъ можно глубже въ пучину, но я не могъ ничего разглядѣть въ ней, по ми-

лости густого тумана, надъ которымъ перекинулась радуга, въ видѣ узкаго, шаткаго мостика, въ родѣ того, который, по словамъ мусульманъ, служитъ единственной тропинкой между Временемъ и Вѣчностью. Этотъ туманъ или пѣна происходилъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе столкновенія гигантскихъ стѣнъ водоворота на днѣ. Но вопль, поднимавшійся къ небесамъ изъ этого тумана, не передаваемъ словами.

«Ринувшись изъ пояса пѣны въ пропасть, мы разомъ опустились довольно глубоко внизъ, но затѣмъ характеръ движенія измѣнился. Мы описывали круги, двигаясь съ изумительной быстротой, чудовищными скачками или прыжками, но опускаясь сравнительно медленно.

«Вглядѣвшись попристальнѣе, я замѣтилъ, что не мы одни были увлечены водоворотомъ. Надъ нами и подъ нами виднѣлись обломки кораблей, бревна, стволы деревьевъ, и менѣе крупные предметы: бочки, изломанные ящики, домашнія вещи, доски. Я уже говорилъ, что чувство ужаса смѣнилось во мнѣ почти неестественнымъ любопытствомъ. Оно возростало по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ ужасной развязкѣ. Я съ удивительнымъ интересомъ разсматривалъ предметы, вертѣвшіеся вмѣстѣ съ нами. Очевидно, я находился въ горячечномъ состояніи, такъ какъ мнѣ доставляло удовольствіе вычислять относительную скорость движенія различныхъ предметовъ. Напримѣръ, я поймалъ себя на такомъ разсчетѣ: «Эта ель, безъ сомнѣнія, первая исчезнетъ въ пучинѣ», и былъ непріятно пораженъ, когда разсчетъ не оправдался: обломокъ голландскаго корабля обогналъ ель и скрылся въ безднѣ. Тоже повторилось нѣсколько разъ и этотъ фактъ—эти постоянныя ошибки въ разсчетѣ — натолкнули меня на мысль, отъ которой члены мои снова задрожали и сердце заколотилось въ груди.

«Но это было волненіе надежды, а не ужаса. Надежда возникла частью изъ воспоминаній, частью изъ теперешнихъ наблюденій. Я вспомнилъ о безчисленныхъ обломкахъ, поглощенныхъ Моское-штремомъ и выброшенныхъ на берега Лофодена. Большая часть ихъ избита, изломана, расщеплена, исковеркана жесточайшимъ образомъ, но я отчетливо помнилъ, что нѣкоторые были совершенно цѣлы и невредимы. Мнѣ казалось возможнымъ лишь одно объясненіе: исковерканы только тѣ предметы, которые были поглощены вполнѣ. Тѣ же, которые попали въ водоворотъ слишкомъ поздно, или, почему бы то ни было, опускались такъ медленно, что не успѣли попасть на дно воронки до начала обратнаго движенія, могли быть выброшены безъ поврежденій. Я замѣтилъ также три важныхъ факта. Во-первыхъ, чѣмъ больше были предметы, тѣмъ быстрѣе они спускались. Во-вторыхъ, изъ тѣлъ,

одинаковыхъ по объему, сферическія спускались быстрѣе, цилиндрическія медленнѣе всѣхъ остальныхъ. Позднѣе я не разъ бесѣдовалъ объ этомъ съ нашимъ школьнымъ учителемъ, отъ котораго и заимствовалъ выраженія «сферическія» и «цилиндрическія». Онъ говорилъ, что замѣченная мною разница—естественный результатъ формы тѣлъ и объяснилъ—только я забылъ это объясненіе—почему цилиндръ, захваченный водоворотомъ, оказываетъ большее сопротивленіе его всасывающей силѣ, чѣмъ такое же тѣло другой формы *).

«Одно замѣчательное обстоятельство подтверждало мои наблюденія и даже навело меня на мысль воспользоваться ими для своего избавленія. Именно, чуть не при каждомъ кругѣ мы обгоняли то боченокъ, то рею или мачту, и многіе изъ этихъ предметовъ, бывшіе на одномъ уровнѣ съ нами въ тотъ моментъ, когда я рѣшился открыть глаза, оказывались теперь гораздо выше насъ и, повидимому, почти не подвинулись внизъ.

«Я живо сообразилъ, что дѣлать. Я рѣшился привязать себя къ боченку, за который держался, и броситься вмѣстѣ съ нимъ въ пучину. Желая спасти брата, я попытался привлечь его вниманіе знаками, указывалъ на встрѣчныя бочки и всячески старался объяснить ему свой планъ. Кажется, онъ понялъ его, наконецъ, но не знаю, почему съ отчаяніемъ покачалъ головой и не захотѣлъ бросить рымъ-болтъ. Видя, что тутъ ничего не подѣлаешь, и что времени терять нельзя, я, какъ ни горько мнѣ было, предоставилъ его судьбѣ и, привязавъ себя къ боченку веревками, прикрѣплявшими его къ кормѣ, кинулся въ море.

«Результатъ былъ именно такой, какого я ждалъ. Такъ какъ я самъ разсказываю вамъ объ этомъ происшествіи, такъ какъ вы видите, что я дѣйствительно ускользнулъ отъ гибели, знаете какимъ образомъ ускользнулъ и можете сами представить себѣ остальное, то я могу сократить разсказъ. Спустя около часа послѣ того, какъ я ринулся въ пучину, шхуна, опустившаяся за это время глубоко внизъ, завертѣлась съ неимовѣрной быстротой и, увлекая за собой моего милаго брата, исчезла въ хаосѣ пѣны. Когда боченокъ, къ которому я былъ привязанъ, спустился приблизительно на половину разстоянія между дномъ воронки и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я бросился за бортъ, общій видъ пучины рѣзко измѣнился. Крутизна стѣнъ громадной воронки разомъ уменьшилась, быстрота вращенія ослабѣвала съ каждой минутой, пѣна и радуга исчезли, дно пучины начало подниматься. Небо было ясно, вѣтеръ упалъ, полная луна сіяла во всемъ своемъ великолѣпіи, когда я очутился

*) См. Архимедъ „De Incidentibus in fluido“, lib. 2.

на поверхности океана, въ виду береговъ Лофодена, нѣсколько выше того мѣста, гдѣ былъ водоворотъ Моское-штрема. Наступило затишье, но волненіе еще не улеглось. Меня помчало по главному рукаву и черезъ нѣсколько минутъ выбросило на берегъ въ той части моря, куда наши рыбаки собираются на ловлю. Тутъ меня подобрали въ лодку — истощеннаго усталостью и безъ языка отъ пережитаго мною ужаса (онъ сказался теперь, когда опасность миновала). Рыбаки, подобравшіе меня, были мои старые знакомые и товарищи, тѣмъ не менѣе они не узнали меня, точно я былъ выходецъ изъ страны духовъ. Мои волосы, черные какъ вороново крыло, стали сѣдыми; да и вся наружность измѣнилась. Я разсказалъ имъ о моемъ приключеніи — они не повѣрили. Теперь я разсказываю его вамъ, но не надѣюсь, что вы окажетесь болѣе довѣрчивымъ, чѣмъ простые лофоденскіе рыбаки».

Черная кошка.

Я не жду довѣрія къ дикому и тѣмъ не менѣе будничному разсказу, за который принимаюсь, да и не хлопочу о довѣріи. Было бы безуміемъ ожидать его, когда мои собственныя чувства отказываются вѣрить очевидности. Между тѣмъ я не сумасшедшій, и ужь, конечно, не въ бреду. Но завтра я умру, а сегодня хочу облегчить душу. Моя цѣль повѣдать міру кратко, ясно и безъ всякихъ комментаріевъ рядъ самыхъ обыденныхъ событій. Въ результатѣ они запугали, измучили, раздавили меня. Но я не намѣренъ объяснять ихъ. Для меня это былъ сплошной ужасъ, для многихъ они покажутся пустячками. Быть можетъ, найдется умъ, который увидитъ обыденную основу въ моихъ фантасмогоріяхъ — умъ болѣе ясный, болѣе логическій, менѣе склонный къ ослѣпленію, чѣмъ мой. Быть можетъ, онъ усмотритъ въ событіяхъ, которыя я излагаю съ суевѣрнымъ ужасомъ, самую обыкновенную цѣпь весьма естественныхъ причинъ и дѣйствій.

Съ дѣтства я отличался кроткимъ и мягкимъ характеромъ. Товарищи подшучивали надъ моей чувствительностью. Пуще всего я обожалъ животныхъ, и мои родители позволяли мнѣ держать дома всевозможныхъ звѣрьковъ. Я возился съ ними по цѣлымъ днямъ; кормить и ласкать ихъ было моимъ величайшимъ наслажденіемъ. Эта страсть къ животнымъ усиливалась съ годами, и въ зрѣломъ возрастѣ оставалась для меня главнымъ источникомъ удовольствій. Всякій, кому случалось питать привязанность къ вѣрной и умной собакѣ, знаетъ, глубоко отзывчивый и благодарный характеръ животныхъ. Безкорыстная и самоотверженная любовь звѣря прони-

каетъ въ сердце того, кто испыталъ шаткую дружбу и призрачную вѣрность человѣка.

Я женился въ молодыхъ лѣтахъ и былъ очень доволенъ, когда оказалось, что жена раздѣляетъ мои наклонности. Замѣтивъ мою любовь къ домашнимъ животнымъ, она не упускала случая увеличить нашъ домашній звѣринецъ. У насъ были птицы, золотыя рыбки, прекрасная собака, кролики, обезьянка и кошка.

Эта послѣдняя была великолѣпное, замѣчательно крупное животное, совершенно черное и удивительно понятливое. Моя жена, нимало не склонная къ суевѣрію, часто вспоминала о старинномъ повѣрьѣ, которое считаетъ всѣхъ черныхъ кошекъ вѣдьмами. Разумѣется, она говорила это не серьезно, и если я вспоминаю объ этой мелочи, то потому лишь, что она случайно пришла мнѣ на память.

Плутонъ—такъ звали кошку—былъ мой любимецъ. Я самъ кормилъ его и онъ бѣгалъ за мной по всему дому. Мнѣ приходилось даже принимать мѣры, чтобы онъ не ускользнулъ за мной на улицу.

Дружба наша продолжалась нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ мой темпераментъ и характеръ радикально измѣнились къ худшему подъ вліяніемъ невоздержности (со стыдомъ признаюсь въ этомъ). Я съ каждымъ днемъ становился угрюмѣе, раздражительнѣе, равнодушнѣе къ чужимъ страданіямъ. Я позволялъ себѣ рѣзкости въ обращеніи съ женою, доходилъ даже до насилія. Разумѣется, животныя тоже испытывали на себѣ перемѣну въ моемъ характерѣ. Я не только пересталъ ухаживать за ними, но и колотилъ ихъ. Впрочемъ, къ Плутону я еще сохранилъ настолько привязанности, что не обижалъ его, какъ обижалъ кроликовъ, обезьянку, даже собаку, если они случайно подвертывались мнѣ подъ руку или подходили приласкаться. Но болѣзнь моя,—какая болѣзнь сравнится съ алкоголизмомъ!—усиливалась, и въ концѣ концовъ даже Плутону, который тѣмъ временемъ состарѣлся и впалъ въ дѣтство, пришлось испытать на себѣ послѣдствія моей раздражительности.

Однажды ночью, когда я вернулся домой сильно на-веселѣ, мнѣ показалось, будто кошка избѣгаетъ меня. Я схватилъ ее, испуганный Плутонъ слегка укусилъ меня за руку. Адское бѣшенство овладѣло мною. Я не узнавалъ самого себя. Казалось, мой прежній духъ разомъ оставилъ тѣло; каждая жилка содрогалась отъ болѣе чѣмъ діавольской, порожденной спиртомъ, злобы. Я досталъ изъ кармана перочинный ножъ, открылъ его, схватилъ бѣдное животное за горло и медленно, аккуратно вырѣзалъ ему глазъ! Я дрожу, обливаюсь потомъ, сгораю отъ стыда, разсказывая объ этой гнусной жестокости.

Когда разсудокъ вернулся ко мнѣ утромъ, когда исчезъ угаръ вчерашней попойки, я почувствовалъ ужасъ и раскаяніе, но чувство это было слабо и поверхностно. Я снова предался разгулу и скоро утопилъ въ винѣ воспоминаніе о своемъ проступкѣ.

Между тѣмъ кошка понемногу оправлялась. Орбита вырѣзаннаго глаза, разумѣется, была ужасна, однако, животное, повидимому, не испытывало страданій. Оно по прежнему разгуливало по дому но, какъ и слѣдовало ожидать, съ ужасомъ убѣгало отъ меня. Во мнѣ еще оставалось настолько порядочности, что я огорчался этимъ явнымъ нерасположеніемъ существа, когда-то такъ привязаннаго ко мнѣ. Но вскорѣ это чувство уступило мѣсто раздраженію. Къ тому же, во мнѣ проснулся, на мою окончательную и безповоротную гибель, духъ Извращенности. Философія ничего не говоритъ объ этомъ духѣ. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ такъ же твердо, какъ въ своемъ собственномъ существованіи, что это одинъ изъ первичныхъ импульсовъ сердца человѣческаго, одна изъ основныхъ, первоначальныхъ способностей или чувствъ, опредѣляющихъ характеръ человѣка. Кому не случалось сотни разъ совершить дурной или глупый поступокъ только потому, что его не слѣдуетъ совершать? Развѣ намъ не присуща неудержимая склонность нарушать Законъ, только потому, что это законъ. Я говорю, что духъ самодурства проснулся на мою гибель. Да, это неизъяснимое стремленіе души дразнить самое себя—насиловать собственную природу, дѣлать зло ради зла заставило меня продолжить и завершить мой жестокій поступокъ надъ безобиднымъ животнымъ. Однажды утромъ, я хладнокровно накинулъ ему петлю на шею и повѣсилъ его на сучкѣ дерева, повѣсилъ, обливаясь слезами и терзаясь угрызеніями совѣсти, повѣсилъ, потому что зналъ, какъ оно любило меня, и чувствовалъ, что оно ничѣмъ не провинилось передо мною,—повѣсилъ, потому что зналъ, какой грѣхъ я совершаю... смертный грѣхъ, который подвергаетъ мою безсмертную душу величайшей опасности; быть можетъ, если только это мыслимо, дѣлаетъ для нея недоступнымъ безконечное милосердіе Всеблагаго и Грознаго Бога.

Въ ночь, послѣдовавшую за этимъ кровавымъ поступкомъ, меня разбудили крики: «горимъ!» Занавѣси моей кровати пылали. Весь домъ былъ въ огнѣ. Моя жена, прислуга и я самъ едва успѣли спастись. Разрушеніе было полное. Все мое состояніе пошло прахомъ и съ этихъ поръ я предался отчаянію.

Я отнюдь не пытаюсь установить причинную связь между разореніемъ и жестокостью. Но я излагаю цѣпь фактовъ, и не хочу опустить ни одного изъ звѣньевъ. На другой день послѣ пожара я посѣтилъ развалины. Почти всѣ стѣны повалились. Устояла только

одна, не особенно толстая, но приходившаяся посреди дома; къ ней примыкало изголовье моей кровати. Штукатурка на ней большею частью тоже уцѣлѣла, вѣроятно потому, что стѣна была только что выштукатурена. Подлѣ нея собралась толпа народа и многіе разсматривали стѣну съ очевиднымъ любопытствомъ. Восклицанія «странно!», «удивительно!» привлекли мое вниманіе. Я подошелъ ближе и увидѣлъ на бѣлой поверхности фигуру гигантской кошки, точно вырѣзанную въ видѣ барельефа. Изображеніе отличалось поразительной точностью. На шеѣ животнаго виднѣлась веревка.

Когда я увидѣлъ это привидѣніе (въ первую минуту я не могъ не принять его за привидѣніе) мой ужасъ и изумленіе не знали границъ. Наконецъ, размышленіе явилось мнѣ на помощь. Я вспомнилъ, что кошка была повѣшена въ саду подлѣ дома. При первой тревогѣ толпа наполнила садъ, кто-нибудь отрѣзалъ кошку отъ дерева и швырнулъ ко мнѣ въ окно. Это было сдѣлано, по всей вѣроятности, съ цѣлью разбудить меня. Упавшая стѣна притиснула жертву моей жестокости къ свѣжей штукатуркѣ, которая подъ вліяніемъ огня и аммiака костей воспроизвела снимокъ.

Хотя такимъ образомъ я успокоилъ свой умъ, если не совѣсть, —однако, это поразительное явленіе произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ меня преслѣдовалъ призракъ кошки, въ тоже время проснулось нѣчто въ родѣ раскаянія, хотя на самомъ дѣлѣ это поверхностное чувство вовсе не было настоящимъ раскаяніемъ. Я такъ сожалѣлъ о животномъ, что началъ разыскивать по притонамъ, которые посѣщалъ по прежнему, какую-нибудь новую кошку, похожую на Плутона.

Однажды вечеромъ, когда я сидѣлъ полупьяный въ гнуснѣйшемъ кабачишкѣ, взглядъ мой упалъ на какое-то черное тѣло, лежавшее на одной изъ бочекъ съ джиномъ или ромомъ, составлявшихъ главное убранство комнаты. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я пристально смотрѣлъ на верхушку бочки, удивляясь, какъ не замѣтилъ раньше этого тѣла. Наконецъ, я подошелъ къ нему и дотронулся до него рукою. Это была черная кошка, огромныхъ размѣровъ, не меньше Плутона, очень похожая на него во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ одной особенности. У Плутона на всемъ тѣлѣ не было ни единаго бѣлаго волоска, тогда какъ у этой на груди красовалось большое бѣлое пятно неопредѣленной формы.

Когда я дотронулся до нея, она тотчасъ встала, замурлыкала, потерлась о мою руку, и, повидимому, была очень довольна моимъ вниманіемъ. Ее-то мнѣ и нужно было. Я спросилъ хозяина, не продастъ-ли онъ мнѣ кошку, но оказалось, что онъ даже не зналъ о ея существованіи, никогда не слыхалъ о ней, никогда не видалъ ея.

Я продолжалъ ласкать кошку, и когда собрался домой, животное послѣдовало за мною. Дорогой я останавливался и гладилъ ее, такимъ образомъ мы добрались до дома. Тутъ она быстро освоилась и сдѣлалась любимицей моей жены.

Что до меня, то я вскорѣ не взлюбилъ ее. Я совсѣмъ не того ожидалъ, но—не знаю какъ и почему—ея очевидная привязанность ко мнѣ раздражала и бѣсила меня. Мало по малу это раздраженіе превратилось въ заклятую ненависть. Я старался избѣгать ея; чувство стыда и воспоминаніе о моемъ жестокомъ поступкѣ не позволяли мнѣ колотить или обижать эту тварь. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я ни разу не ударилъ ее, но постепенно—очень постепенно—дошелъ до того, что не могъ смотрѣть на нее безъ невыразимаго отвращенія и молча бѣжалъ отъ ея ненавистнаго присутствія, какъ отъ чумы.

Безъ сомнѣнія, на мою ненависть повліяло открытіе, сдѣланное мною на другое утро послѣ водворенія кошки въ нашемъ домѣ. У ней, какъ и у Плутона, не хватало одного глаза. Это обстоятельство только усиливало привязанность къ ней моей жены, обладавшей, какъ я уже говорилъ, мягкосердечіемъ, которое когда-то было моей отличительной чертой и источникомъ простыхъ и чистыхъ удовольствій.

Но чѣмъ больше я ненавидѣлъ кошку, тѣмъ сильнѣе она привязывалась ко мнѣ. Она ходила за мною по пятамъ съ непонятнымъ упорствомъ. Стоило мнѣ присѣсть, она уже оказывалась подъ стуломъ или вскакивала ко мнѣ на колѣни и осыпала меня своими ненавистными ласками. Когда я вставалъ, совалась мнѣ подъ ноги, или, уцѣпившись своими длинными и острыми когтями за мой сюртукъ, висѣла у меня на груди. Въ такія минуты мнѣ хотѣлось укокошить ее однимъ ударомъ, однако, я сдерживался, частью потому, что помнилъ о своемъ преступленіи, а главнымъ образомъ—сознаюсь въ этомъ, наконецъ—потому, что я боялся этого животнаго.

Боязнь эта не была опасеніемъ физическаго зла, а между тѣмъ я не знаю, какъ опредѣлить ее иначе. Я почти стыжусь сознаться,—да, даже въ этомъ казематѣ я почти стыжусь сознаться, что мой страхъ и ужасъ былъ вызванъ самымъ вздорнымъ обстоятельствомъ. Жена не разъ обращала мое вниманіе на странную форму упомянутаго выше бѣлаго пятна, единственнаго отличія новой кошки отъ Плутона. Сначала, если припомнитъ читатель, его очертанія были неясны, но мало по малу, почти незамѣтно, такъ что иногда я сомнѣвался, не мерещится-ли мнѣ это—мало по малу оно приняло совершенно опредѣленную форму. Это было изображеніе предмета, одно названіе котораго возбуждаетъ во мнѣ дрожь—изъ-за него-то

я такъ боялся и ненавидѣлъ кошку, что уничтожилъ бы ее, если бы смѣлъ,—изображеніе ужасной, отвратительной вещи—висѣлицы! О, угрюмое и страшное орудіе ужасовъ и преступленій, агоніи и смерти!

Ну, развѣ я не былъ несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ? Животное—собрата котораго я презрительно уничтожилъ — животное могло причинить мнѣ, созданному по образу Всевышняго Бога— такія невыносимыя страданія. Увы! я не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью! Днемъ эта тварь не отставала отъ меня ни на шагъ, ночью я то и дѣло просыпался въ невыразимомъ страхѣ: я чувствовалъ горячее дыханіе животнаго на моемъ лицѣ, мнѣ чудилось, что оно, воплощенный кошмаръ, котораго я не могъ стряхнуть, налегло всей своей тяжестью на мое сердце!

Подъ гнетомъ такой пытки исчезли послѣдніе остатки добрыхъ чувствъ. Только дурныя мысли остались со мною, злыя, черныя мысли. Моя раздражительность превратилась въ ненависть ко всему міру, ко всему человѣчеству. Но увы! отъ этихъ взрывовъ неудержимаго бѣшенства больше всего приходилось терпѣть моей безотвѣтной женѣ.

Однажды она отправилась со мною въ погребъ стараго ветхаго зданія, которое мы наняли послѣ раззоренія. Кошка послѣдовала за нами и чуть не сбила меня съ ногъ на лѣстницѣ. Обезумѣвъ отъ злости, я забылъ свой ребяческій страхъ и, взмахнувъ топоромъ, хотѣлъ нанести ей ударъ, который, безъ сомнѣнія, уложилъ бы ее на мѣстѣ, если бы жена не схватила меня за руку. Тогда, въ припадкѣ болѣе чѣмъ адскаго изступленія, я вырвалъ руку, размахнулся и раскроилъ женѣ голову. Она упала, даже не вскрикнувъ. Совершивъ это отвратительное убійство, я сталъ спокойно и съ полнымъ самообладаніемъ размышлять, куда бы дѣвать трупъ. Я не могъ унести его изъ дома ни днемъ, ни ночью, не рискуя привлечь вниманіе сосѣдей. Всевозможные проекты роились въ моей головѣ. То я рѣшался изрубить тѣло на мелкіе куски и сжечь ихъ. То собирался зарыть его въ погребѣ, бросить въ колодезь на дворѣ, уложить въ чемоданъ и приказать дворнику унести его изъ дома. Наконецъ, я остановился на одномъ планѣ, который показался мнѣ гораздо практичнѣе всѣхъ остальныхъ. Я рѣшилъ замуровать тѣло въ стѣнѣ погреба, какъ дѣлали средневѣковые монахи съ своими жертвами.

Погребъ вполнѣ годился для такой цѣли. Стѣны его были сложены безъ всякаго цемента и недавно покрыты штукатуркой, которая, благодаря сырости, еще не успѣла отвердѣть. Мало того, въ одномъ мѣстѣ находился выступъ: каминъ или печь, заложенная, замазанная подъ одно съ остальной стѣной. Я не сомнѣвался, что

мнѣ удастся разобрать кирпичи, засунуть туда тѣло, и возстановить стѣну такъ, что ни чей глазъ не замѣтитъ чего-нибудь подозрительнаго.

Я не ошибся въ разсчетѣ. Съ помощью лома я безъ труда разобралъ кирпичи и, прислонивъ тѣло къ внутренней стѣнѣ, уложилъ ихъ обратно и возстановилъ все въ прежнемъ видѣ. Затѣмъ я досталъ, со всяческими предосторожностями, известки, песку, кисть, приготовилъ штукатурку, совершенно такую, какъ старая, и тщательно замазалъ кирпичи. Теперь на стѣнѣ не оставалось и признаковъ моей работы. Подобравъ, какъ можно старательнѣе, мусоръ, оставшійся на полу, я съ торжествомъ осмотрѣлся и сказалъ самому себѣ: — На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, моя работа не пропала даромъ.

Моей ближайшей заботой было отыскать кошку, виновницу всѣхъ бѣдъ, такъ какъ я твердо рѣшился убить ее. Попадись она въ эту минуту, судьба ея была бы рѣшена, но лукавое животное, повидимому, испугалось моего гнѣва и сочло благоразумнымъ удалиться. Невозможно описать или вообразить, какое глубокое, райское облегченіе я почувствовалъ, убѣдившись, что ненавистная тварь исчезла. Она не явилась и ночью, и въ первый разъ со времени ея появленія къ нашемъ домѣ, я спалъ спокойно и крѣпко, да, спалъ, несмотря на тяжесть преступленія, обременявшаго мою душу!

Прошли вторыя и третьи сутки, а мой мучитель не возвращался. Наконецъ-то я снова могъ дышать свободно. Чудовище въ ужасѣ навсегда скрылось отъ меня! Я никогда не увижу его больше! Счастье мое было безгранично. Мысль о преступленіи почти не тревожила меня. Ко мнѣ обращались съ разспросами, но я легко отдѣлывался отъ нихъ. Назначено было слѣдствіе, но, разумѣется, ничего не открыло. Я считалъ себя въ полной безопасности.

На четвертый день ко мнѣ неожиданно явилась полиція съ обыскомъ. Я, впрочемъ, ничуть не испугался, зная, что отыскать мой тайникъ невозможно. Полицейскіе попросили меня сопровождать ихъ. Они обшарили каждый уголокъ, каждый чуланъ. Наконецъ, мы въ третій или четвертый разъ спустились въ погребъ. Ни одинъ мускулъ у меня не дрогнулъ. Сердце мое билось совершенно ровно, какъ у человѣка, спящаго сномъ невинности. Я скрестилъ руки на груди и спокойно ходилъ взадъ и впередъ по погребу. Полиція угомонилась и собиралась уйти. У меня духъ захватывало отъ радости; я не могъ выдержать. Я горѣлъ желаніемъ сказать хоть что-нибудь, подчеркнуть мое торжество, окончательно убѣдить ихъ въ моей невинности.

— Господа,—сказалъ я наконецъ, когда они уже поднимались по ступенькамъ, — я радъ, что ваши подозрѣнія разсѣялись. Позвольте пожелать вамъ всего хорошаго и немножко больше вѣжливости. Кстати, господа, это... этотъ домъ очень хорошей постройки—(въ безумномъ желаніи сказать что-нибудь поразвязнѣе я мололъ самъ не зная что).—Даже, можно сказать,—превосходной постройки. Эти стѣны — вы уходите, господа? — эти стѣны замѣчательно прочной кладки, — при этомъ, въ припадкѣ хвастливой дерзости, я постучалъ тростью по тѣмъ самымъ кирпичамъ, за которыми скрывалось тѣло моей жены.

Боже, укрой и защити меня отъ когтей дьявола! Не успѣлъ отголосокъ моихъ ударовъ замереть въ тишинѣ, какъ мнѣ отвѣчалъ изъ могилы голосъ!—крикъ! Сначала тихій и жалобный, какъ всхлипыванія ребенка, онъ быстро разростался въ протяжный, громкій, безконечный вопль—ужасный, нечеловѣческій вой—раздирающій душу крикъ не то ужаса, не то торжества, какой можетъ подняться только изъ ада, гдѣ вопли грѣшниковъ сливаются съ визгомъ демоновъ-мучителей.

Что говорить о моихъ чувствахъ. Полумертвый я прислонился къ стѣнѣ. Полицейскіе окаменѣли отъ ужаса. Минуту спустя двѣнадцать сильныхъ рукъ разбирали стѣну. Она обрушилась. Тѣло, уже сильно разложившееся и покрытое запекшейся кровью, стояло передъ нами. На головѣ его сидѣло, съ окровавленной пастью, сверкая единственнымъ, пылавшимъ, какъ уголь глазомъ, отвратительное животное, чье коварство довело меня до преступленія, чей предательскій голосъ выдалъ меня палачу. Я замуровалъ чудовище вмѣстѣ съ трупомъ.

Гибель Эшерова дома.

Son coeur est un luth suspendu,
Sitôt qu'on le touche il résonne
De Bérauger.

Цѣлый день—хмурый, темный, безмолвный осенній день—подъ низко нависшими свинцовыми тучами—я ѣхалъ верхомъ по замѣчательно пустынной мѣстности и, наконецъ, когда вечернія тѣни ложились на землю, очутился передъ унылой усадьбой Эшера. Не знаю почему, но при первомъ взглядѣ на усадьбу невыносимая тоска закралась мнѣ въ душу. Я говорю невыносимая, потому что она не смягчалась тѣмъ грустнымъ, но поэтическимъ чувствомъ, которое вызываютъ въ душѣ человѣческой даже безотрадныя и мрачныя картины природы. Я смотрѣлъ на запущенную усадьбу, на

одинокій домъ, на мрачныя стѣны, на пустыя орбиты выбитыхъ оконъ, на чахлую осоку, на бѣлые стволы дряхлыхъ деревьевъ, смотрѣлъ съ гнетущимъ чувствомъ, которое могу сравнить только съ пробужденіемъ курильщика опіума, съ горькимъ возвращеніемъ къ обыденной жизни, когда завѣса падаетъ съ глазъ и гнусная дѣйствительность обнажается во всемъ своемъ безобразіи.

То была леденящая, ноющая, сосущая боль сердца, безотрадная пустота въ мысляхъ, полное безсиліе воображенія настроить душу на болѣе возвышенный ладъ. Что же именно,—подумалъ я,—что именно такъ удручаетъ меня въ «Эшеровомъ домѣ»? Я не могъ разрѣшить этой тайны; не могъ разобраться въ туманѣ смутныхъ впечатлѣній. Пришлось удовольствоваться ничего не объясняющимъ заключеніемъ, что извѣстныя комбинаціи весьма естественныхъ предметовъ могутъ вліять на насъ такимъ образомъ, но анализировать это вліяніе—задача непосильная для нашего ума. Возможно,—думалъ я,—что простая перестановка, другое расположеніе подробностей сцены, деталей картины измѣнить или уничтожитъ это гнетущее впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ этой идеи, я подъѣхалъ къ краю обрыва надъ черньмъ, мрачнымъ прудомъ, неподвижная гладь котораго раскинулась подъ самой усадьбой, и содрогнулся еще сильнѣе, увидавъ въ перевернутомъ обращенномъ пейзажѣ сѣдую осоку, угрюмые стволы деревьевъ, пустыя орбиты оконъ.

Тѣмъ не менѣе, я намѣревался провести нѣсколько недѣль въ этомъ угрюмомъ жилищѣ. Владѣлецъ его, Родерикъ Эшеръ, былъ моимъ другомъ дѣтства; но много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. И вотъ, недавно, я получилъ отъ него письмо, очень дикое, настойчивое, требовавшее личнаго свиданія. Письмо свидѣтельствовало о сильномъ нервномъ возбужденіи. Эшеръ говорилъ о жестокихъ физическихъ страданіяхъ, объ угнетавшемъ его душевномъ разстройствѣ и хотѣлъ непремѣнно видѣть меня, своего лучшаго, даже единственнаго друга, общество котораго облегчитъ его мученія. Тонъ письма, его очевидная сердечность—заставили меня принять приглашеніе безъ всякихъ колебаній, хотя оно все-таки казалось мнѣ страннымъ.

Несмотря на нашу тѣсную дружбу въ дѣтскіе годы, я зналъ о моемъ другѣ очень немногое. Онъ всегда былъ крайне сдержанъ. Мнѣ было извѣстно, однако, что онъ принадлежалъ къ очень древней фамиліи, представители которой съ незапамятныхъ временъ отличались особенной чувствительностью характера, выражавшейся въ теченіе многихъ вѣковъ въ различныхъ произведеніяхъ искусства, всегда носившихъ отпечатокъ экзальтаціи, а позднѣе—въ щедрой, но отнюдь не навязчивой благотворительности и страст-

ной любви къ музыкѣ, скорѣе къ ея трудностямъ, чѣмъ къ признаннымъ и легко доступнымъ красотамъ. Мнѣ былъ извѣстенъ также замѣчательный фактъ: что эта фамилія, при всей своей древности, не породила ни одной боковой вѣтви, сколько-нибудь живучей; иными словами, что всѣ члены фамиліи, за весьма немногими и кратковременными уклоненіями, были связаны родствомъ по прямой линіи. Когда я раздумывалъ о замѣчательномъ соотвѣтствіи между характеромъ помѣстья и характеромъ его владѣльцевъ, и о возможномъ вліяніи перваго на второй въ теченіе многихъ столѣтій, мнѣ часто приходило въ голову, не это-ли отсутствіе боковой линіи, и неизмѣнная передача отъ отца къ сыну имени и помѣстья такъ соединила эти послѣднія, что первоначальное названіе усадьбы замѣнилось страннымъ и двусмысленнымъ прозвищемъ «Эшерова дома», подъ которымъ мѣстное населеніе подразумѣвало какъ самихъ владѣльцевъ, такъ и ихъ родовую собственность.

Я сказалъ, что моя, довольно ребяческая, попытка измѣнить настроеніе, заглянувъ въ прудъ—только усилила тяжесть перваго впечатлѣнія. Не сомнѣваюсь, что сознаніе своего суевѣрія—почему мнѣ не употребить этого термина?—усиливало его дѣйствіе. Таковъ—я давно убѣдился въ этомъ—парадоксальный законъ всѣхъ душевныхъ движеній, въ основѣ которыхъ лежитъ чувство ужаса.

Быть можетъ, только этимъ и объясняется странная фантазія, явившаяся у меня, когда я перевелъ взглядъ отъ отраженія въ прудѣ къ самой усадьбѣ,—фантазія просто смѣшная, такъ что и упоминать бы о ней не стоило, если бы она не показывала силу осаждавшихъ меня впечатлѣній. Мнѣ показалось, будто домъ и вся усадьба окутаны совершенно особенной, имъ только присущей атмосферой, совсѣмъ не похожей на окружающій, вольный воздухъ—атмосферой, исходящей отъ гнилыхъ деревьевъ, ветхой стѣны, молчаливаго пруда—тяжелой, сонной, удушливой, мистической и зараженной.

Стряхнувъ съ своей души впечатлѣніе, которое должно было быть бредомъ, я сталъ разсматривать домъ. Главная характеристическая черта его была глубокая древность. Вѣка положили на него неизгладимую печать. Лишаи покрывали его почти сплошь, свѣшиваясь тонкими косматыми прядями по краямъ крыши. Но больше всего бросались въ глаза признаки разрушенія. Ни одна часть дома не обвалилась, но тѣмъ болѣе поражало несоотвѣтствіе общей, сохранившейся во всѣхъ частяхъ, постройки съ обветшалымъ видомъ отдѣльныхъ камней. Такой видъ имѣетъ иногда старинная деревянная работа, изъѣденная годами въ какомъ-нибудь заброшенномъ помѣщеніи, куда не проникаетъ воздухъ извнѣ.

Впрочемъ, кромѣ этихъ признаковъ ветхости, не было замѣтно ничего, грозящаго разрушеніемъ. Развѣ, быть можетъ, внимательный наблюдатель замѣтилъ бы легкую, чуть видную трещину, которая, начинаясь подъ крышей на переднемъ фасадѣ зданія, направлялась зигзагами внизъ по стѣнѣ, исчезая въ мутныхъ водахъ пруда.

Замѣтивъ все это, я подъѣхалъ къ дому. Слуга принялъ мою лошадь и я вошелъ черезъ готическій подъѣздъ въ пріемную. Отсюда лакей неслышными шагами провелъ меня по темнымъ и извилистымъ корридорамъ въ кабинетъ своего господина. Многое изъ того, что встрѣчалось мнѣ по пути, усиливало смутное впечатлѣніе, о которомъ я говорилъ выше. Хотя окружающіе предметы—рѣзьба на потолкахъ, темныя обои на стѣнахъ, полы, окрашенные въ черную краску, фантастическіе воинскіе доспѣхи, звенѣвшіе когда я проходилъ мимо—были мнѣ знакомы съ дѣтства—хотя я сразу узналъ все это,—но странно: эти знакомые предметы возбуждали во мнѣ совершенно незнакомыя ощущенія. На одной изъ лѣстницъ я встрѣтилъ домашняго доктора Эшеровъ. Лицо его, какъ мнѣ показалось, выражало смѣсь низкой хитрости и смущенія. Онъ торопливо поздоровался со мной и прошелъ мимо. Наконецъ, лакей распахнулъ дверь и доложилъ о моемъ приходѣ.

Я находился въ высокой и просторной комнатѣ. Длинныя, узкія, стрѣльчатыя окна помѣщались на такой высотѣ отъ чернаго дубоваго пола, что были совершенно недоступны изнутри. Тусклый красноватый свѣтъ проникалъ сквозь рѣшетчатыя окна, такъ что крупные предметы обрисовывались довольно ясно; но глазъ тщетно старался проникнуть въ отдаленные уголки комнаты и сводчатаго, расписного потолка. Темныя драпировки висѣли по стѣнамъ. Мебель была старинная, неудобная и ветхая. Разбросанные по всюду книги и музыкальные инструменты не оживляли комнату. Атмосфера была напоена печалью. Угрюмая, глубокая, безотрадная хандра нависла надо всѣмъ, проникала все.

Когда я вошелъ, Эшеръ поднялся съ дивана, на которомъ лежалъ вытянувшись во всю длину, и привѣтствовалъ меня съ радостью, которая показалась мнѣ нѣсколько искусственной. Но взглянувъ на него, я убѣдился въ ея искренности. Мы сѣли; съ минуту я глядѣлъ на него съ смѣшаннымъ чувствомъ жалости и тревоги. Безъ сомнѣнія, никогда еще человѣкъ не измѣнялся такъ страшно въ такой короткій промежутокъ времени, какъ Родерикъ Эшеръ! Я едва могъ признать въ этомъ изможденномъ существѣ товарища моихъ дѣтскихъ игръ. А между тѣмъ наружность его была весьма замѣчательна. Мертвенный цвѣтъ кожи, огромные свѣтлые съ нестерпимымъ блескомъ глаза; тонкія, блѣдныя, но удивительно

красиво обрисованныя губы; изящный еврейскій носъ съ черезчуръ широкими, однако, ноздрями; красиво очерченный подбородокъ, очень мало выдающійся (признакъ слабости характера); мягкіе, тонкіе, какъ чесаный ленъ, волосы; необычайно широкій въ вискахъ лобъ,—такую наружность трудно забыть. Теперь характерныя черты его физіономіи и свойственное имъ выраженіе выступили еще рѣзче,—но именно это обстоятельство измѣняло его до неузнаваемости, такъ что я сомнѣвался, точно-ли это мой старый другъ. Больше всего поразили, даже напугали меня призрачная блѣдность его лица и волшебный блескъ его глазъ. Шелковистыя кудри, очевидно, давно уже не знавшія ножницъ, обрамляя его лицо почти воздушными прядями, тоже придавали ему какой-то нездѣшній видъ.

Въ манерахъ моего друга, мнѣ прежде всего бросилась въ глаза какая-то неровность, невыдержанность, результатъ, какъ я вскорѣ убѣдился, постоянной, но слабой и тщетной борьбы съ крайнимъ нервнымъ возбужденіемъ. Я ожидалъ чего-нибудь подобнаго, не только по письму, но и по воспоминаніямъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ его характера, проявлявшихся въ дѣтствѣ, да и по всему, что я зналъ о его физическомъ состояніи и темпераментѣ. Онъ то и дѣло переходилъ отъ оживленія къ унынію. Голосъ его также быстро измѣнялся: дрожь нерѣшительности (когда жизненныя силы, повидимому, совершенно исчезали) смѣнялась тономъ энергической увѣренности, отрывистымъ, рѣзкимъ, нетерпящимъ возраженій, грубоватымъ звукомъ, тѣмъ вѣскимъ, мѣрнымъ, горловымъ выговоромъ, какой бываетъ у горькаго пьяницы или записнаго курильщика опіума, въ моментъ сильнѣйшаго возбужденія.

Такъ говорилъ онъ о цѣли моего посѣщенія, о своемъ горячемъ желаніи видѣть меня, объ утѣшеніи, которое доставилъ ему мой пріѣздъ. Затѣмъ, какъ будто не совсѣмъ охотно, перешелъ къ своей болѣзни. Это былъ, по его словамъ, наслѣдственный, семейный недугъ, противъ котораго, кажется, нѣтъ лекарства... чисто нервное разстройство,—прибавилъ онъ поспѣшно,—которое, вѣроятно, пройдетъ само собою. Оно выражалось въ различныхъ ненормальныхъ ощущеніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ заинтересовали и поразили меня, хотя, быть можетъ, при этомъ дѣйствовали тонъ и слова разсказа. Онъ жестоко страдалъ отъ болѣзненной остроты чувствъ, принималъ только самую безвкусную пищу, носилъ только нѣкоторыя матеріи, не терпѣлъ запаха цвѣтовъ. Самый слабый свѣтъ раздражалъ его глаза, и только немногіе звуки, исключительно струнныхъ инструментовъ, не внушали ему ужаса.

Оказалось также, что онъ подверженъ безпричинному, неестественному страху.

— Я погибну,—говорилъ онъ,—я долженъ погибнуть отъ этого жалкаго безумія. Такъ, такъ, а не иначе, суждено мнѣ пропасть. Я страшусь будущихъ событій, не ихъ самихъ, а ихъ послѣдствій. Дрожу при мысли о самыхъ обыденныхъ происшествіяхъ, потому что они могутъ повліять на это невыносимое волненіе души. Боюсь не столько самой опасности, сколько ея неизбѣжнаго слѣдствія, ужаса. Чувствую, что это развинченное, это жалкое состояніе, рано или поздно кончится потерей разсудка и жизни, въ борьбѣ съ безобразнымъ призракомъ Страха.

Я подмѣтилъ также въ его неясныхъ и двусмысленныхъ намекахъ другую любопытную черту ненормальнаго душевнаго состоянія. Его преслѣдовали суевѣрныя представленія о жилищѣ, въ которомъ онъ прожилъ безвыѣздно столько лѣтъ, мысль о какомъ-то вліяніи, сущность котораго трудно было понять изъ его туманныхъ объясненій.

Судя по его словамъ, нѣкоторыя особенности его родовой усадьбы, мало по малу, въ теченіе долгихъ лѣтъ, пріобрѣли странную власть надъ его душою; вещи чисто физическія—сѣрыя стѣны и башенки, мутный прудъ, въ который онѣ глядѣлись, вліяли на моральную сторону его существованія.

Впрочемъ, онъ соглашался, хотя и не безъ колебаній, что та особенная тоска, о которой онъ говорилъ, можетъ быть, результатомъ гораздо болѣе естественной и осязаемой причины: тяжелой и продолжительной болѣзни и несомнѣнно близкой кончины нѣжно любимой сестры, его друга и товарища въ теченіе многихъ лѣтъ, единственнаго родного существа, которое у него оставалось въ этомъ мірѣ. Послѣ ея смерти,—замѣтилъ онъ съ горечью,—которая произвела на меня неизгладимое впечатлѣніе, я (хилый и болѣзненный, безъ надежды на потомство) останусь послѣднимъ въ древнемъ родѣ Эшеровъ. Когда онъ говорилъ это, леди Магдалина (такъ звали его сестру), медленно прошла въ глубинѣ комнаты и скрылась, не замѣтивъ моего присутствія. Я смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, къ которому примѣшивалось чувство страха, почему? Я самъ не могу объяснить. Что-то давило меня, пока я слѣдилъ за ней глазами. Когда она исчезла за дверью, я инстинктивно, украдкой взглянулъ на моего друга, но онъ закрылъ лицо руками и я замѣтилъ только ужасающую худобу его пальцевъ, сквозь которые сверкали слезы.

Болѣзнь леди Магдалины давно уже сбивала съ толку врачей. Постоянная апатія, истощеніе, частыя, хотя кратковременныя явленія каталептическаго характера,—таковы были главные признаки этого страннаго недуга. Впрочемъ, леди Магдалина упорно боролась съ нимъ, ни за что не хотѣла лечь въ постель; но вечеромъ, послѣ

моего пріѣзда, слегла (ея братъ съ невыразимымъ волненіемъ сообщилъ мнѣ объ этомъ ночью),—такъ что я, по всей вѣроятности, видѣлъ ее въ послѣдній разъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней ея имя не упоминалось ни Эшеромъ, ни мною. Я всячески старался развѣять тоску моего друга. Мы вмѣстѣ рисовали и читали, или я слушалъ, какъ во снѣ, его дикія импровизаціи на гитарѣ. Но чѣмъ теснѣе и ближе мы сходились, чѣмъ глубже я проникалъ въ его душу, тѣмъ очевиднѣе становилась для меня безнадежность всякихъ попытокъ развеселить этотъ скорбный духъ, бросавшій мрачную тѣнь на всѣ явленія моральнаго и физическаго міра.

Я вѣчно буду хранить въ своей памяти многіе возвышенные часы, проведенные мною наединѣ съ хозяиномъ Эшерова Дома. Но врядъ-ли мнѣ удастся дать точное представленіе о нашихъ занятіяхъ. Необузданный идеализмъ Эшера озарялъ все какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ. Его мрачныя импровизаціи врѣзались мнѣ въ душу. Помню, между прочимъ, болѣзненную, странную варіацію на дикій мотивъ послѣдняго вальса Вебера. Рисунки, создаваемые его изысканнымъ воображеніемъ, въ которыхъ съ каждымъ штрихомъ выступало что-то неопредѣленное, заставлявшее меня вздрагивать тѣмъ сильнѣе, что я не понималъ причины подобнаго впечатлѣнія,—эти рисунки (хотя я точно вижу ихъ передъ собою) рѣшительно не поддаются описанію. Они поражали и приковывали вниманіе своей крайней простотой, обнаженностью рисунка. Если когда-нибудь смертный рисовалъ идею, то этотъ смертный былъ Родерикъ Эшеръ. На меня, по крайней мѣрѣ, при обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился, чистыя абстракціи, которыя этотъ ипохондрикъ набрасывалъ на полотно, производили невыносимо зловѣщее впечатлѣніе, какого я никогда не испытывалъ, разсматривая яркія, но слишкомъ конкретныя фантазіи Фіезели.

Одну изъ фантастическихъ композицій моего друга, не такого абстрактнаго характера, какъ остальныя, я попытаюсь описать, хотя слова дадутъ о ней лишь слабое представленіе. Небольшая картинка изображала внутренность безконечно длиннаго прямоугольнаго свода или туннеля, съ низкими стѣнами, гладкими, бѣлыми, безъ всякихъ перерывовъ или выступовъ. Нѣкоторыя детали рисунка ясно показывали, что туннель находился на огромной глубинѣ подъ землею. Онъ не сообщался съ поверхностью посредствомъ какого либо выхода; не было замѣтно ни факела, ни другого источника искусственнаго свѣта, а между тѣмъ потокъ яркихъ лучей затоплялъ все зловѣщимъ, неестественнымъ свѣтомъ.

Я уже упоминалъ о болѣзненномъ состояніи слухового нерва, благодаря которому мой другъ не выносилъ никакой музыки, кромѣ

нѣкоторыхъ струнныхъ инструментовъ. Быть можетъ, эта необходимость съуживать себя тѣсными предѣлами гитары въ значительной мѣрѣ обусловливала фантастическій характеръ, его импровизацій. Но легкость его impromptus не объясняется этимъ обстоятельствомъ. Музыка и слова его дикихъ фантазій (онъ нерѣдко сопровождалъ свою игру риѳмованными импровизаціями) были, по всей вѣроятности, результатомъ самоуглубленія и сосредоточенности, которыя, какъ я уже говорилъ, замѣчаются въ извѣстные моменты чрезвычайнаго искусственнаго возбужденія. Я запомнилъ слова одной изъ его рапсодій. Быть можетъ, она поразила меня сильнѣе чѣмъ другія, вслѣдствіе объясненія, которое я далъ ея мистическому смыслу. Мнѣ показалось, будто Эшеръ вполнѣ ясно сознаетъ, что его возвышенный умъ колеблется на своемъ престолѣ. Передаю это стихотвореніе, если не вполнѣ, то почти буквально:

I.

Въ зеленой долинѣ, жилищѣ свѣтлыхъ ангеловъ, возвышался когда-то прекрасный, гордый, лучезарный замокъ. Тамъ стоялъ онъ во владѣніяхъ монарха Мысли! Никогда серафимъ не простиралъ своихъ крыльевъ надъ болѣе прекраснымъ зданіемъ.

II.

Пышные, златотканные флаги развѣвались на его кровлѣ (это было—все это было въ старые, давно минувшіе годы) вѣтерокъ, порхая по стѣнамъ, уносился, напоенный нѣжнымъ благоуханіемъ.

III.

Путникъ, проходя по счастливой долинѣ, видѣлъ въ ярко освѣщенныя окна, какъ духи плавно двигались подъ мѣрные звуки лютни вокругъ престола, на которомъ возсѣдалъ въ блескѣ своей славы порфирородный властитель царства.

IV.

Жемчугами и рубинами горѣли пышныя двери, изъ нихъ вылетали, кружась и сверкая, толпы Эхо, воспѣвавшія невыразимо чудными голосами мудрость своего повелителя.

V.

Но злыя привидѣнія въ одеждѣ скорби осадили дворецъ возвышеннаго монарха. (Ахъ, пожалѣемъ о немъ,—никогда не наступитъ для него утро!)—и вотъ его царство, его слава, его пышность—полузабытое сказаніе сѣдой старины.

VI.

И нынѣ путникъ, проходя по долинѣ, видитъ сквозь озаренныя багровымъ свѣтомъ окна, какъ безобразные призраки толкутся подъ звуки нестройной мелодіи, а изъ блѣдныхъ дверей, подобно зловѣщему потоку, вылетаютъ толпы отвратительныхъ чудовищъ, и хохочутъ, но никогда не улыбаются.

Я помню, что въ разговорѣ по поводу этой баллады Эшеръ высказалъ мнѣніе, которое я отмѣчаю не вслѣдствіе его новизны (многіе высказывали тоже самое *), а потому, что онъ защищалъ его съ большимъ упорствомъ. Сущность этого мнѣнія въ томъ, что растительные организмы обладаютъ чувствительностью. Но его воображеніе придало этой идеѣ еще болѣе смѣлый характеръ, перенеся ее до нѣкоторой степени въ царство неорганическое.

Не знаю, какими словами выразить степень или размахъ его убѣжденія. Оно имѣло связь (какъ я уже намекалъ) съ сѣрыми камнями дома его предковъ. Условія этой чувствительности онъ усматривалъ въ самомъ размѣщеніи камней—въ порядкѣ ихъ сочетанія, въ изобильныхъ мхахъ, разросшихся на ихъ поверхности, въ старыхъ деревьяхъ, стоявшихъ вокругъ,—а главное въ томъ, что они такъ долго оставались въ одномъ и томъ же положеніи, ничѣмъ не потревоженные, и удвоялись въ спокойныхъ водахъ пруда. Доказательствомъ этой чувствительности,—прибавилъ онъ,—можетъ служить особенная атмосфера (я невольно вздрогнулъ при этихъ словахъ), сгустившаяся вокругъ стѣнъ и пруда. О томъ же свидѣтельствуетъ безмолвное, но неотразимое и страшное вліяніе усадьбы на характеръ его предковъ и на него самого,—такъ какъ именно это вліяніе сдѣлало его такимъ, каковъ онъ теперь. Подобныя мнѣнія не нуждаются въ комментаріяхъ, и потому я удержусь отъ всякихъ комментарій.

Книги, составлявшія въ теченіе многихъ лѣтъ духовную пищу больного, были подстать его фантасмагоріямъ. Мы вмѣстѣ читали «Веръ-Веръ» и «Шартрезу» Грессе; «Бельфегора» Маккіавели; «Небо и Адъ» Сведенборга; «Подземное Путешествіе Николая Климма» Гольберга; Хиромантіи Роберта Флюда, Жана D'Indaginé, Делашамбра; «Путешествіе въ Голубую даль» Тика; «Городъ Солнца» Кампанеллы. Нашимъ любимымъ чтеніемъ было маленькое, въ восьмушку, изданіе «Directorium Inquisitorium» доминиканца Эймерика де-Жироннъ, и отрывки изъ Помпонія Мелы

---

*) Ватсонъ, д-ръ Персиваль, Спалланцани и въ особенности епископъ Ландаффъ См. „Chemycal essays“, vol. V.

объ африканскихъ сатирахъ, надъ которыми Эшеръ раздумывалъ по цѣлымъ часамъ.

Но съ наибольшимъ увлеченіемъ перечитывалъ онъ чрезвычайно рѣдкій и курьезный готическій in quarto--служебникъ одной забытой церкви—Vigiliae Mortuorum secundum Chorum Ecclesiae Maguntinae.

Я вспомнилъ о дикихъ обрядахъ, описанныхъ въ этой книгѣ, и объ ея вѣроятномъ вліяніи на ипохондрика, когда однажды вечеромъ онъ отрывисто сообщилъ мнѣ, что леди Магдалины нѣтъ болѣе въ живыхъ, и что онъ намѣренъ помѣстить ея тѣло на двѣ недѣли (до окончательнаго погребенія) въ одномъ изъ многочисленныхъ склеповъ зданія. Я не счелъ возможнымъ оспаривать это странное рѣшеніе въ виду его побудительной причины. По словамъ Эшера, его побуждали къ этому необычайный характеръ болѣзни; странныя и назойливыя заявленія доктора, и отдаленность фамильнаго кладбища. Признаюсь, когда я вспомнилъ зловѣщую фигуру, съ которой повстрѣчался на лѣстницѣ въ день пріѣзда,—мнѣ и въ голову не пришло оспаривать эту во всякомъ случаѣ безвредную предосторожность.

По просьбѣ Эшера я помогъ ему устроить это временное погребеніе. Уложивъ тѣло въ гробъ, мы вдвоемъ перенесли его въ мѣсто упокоенія. Склепъ, избранный для этой цѣли (онъ такъ долго не отворялся, что наши факелы чуть мерцали въ тяжелой атмосферѣ) былъ маленькій сырой погребъ, куда свѣтъ не проникалъ никакими путями, такъ какъ онъ помѣщался на значительной глубинѣ въ той части зданія, гдѣ находилась моя спальня. Безъ сомнѣнія, въ феодальныя времена онъ служилъ для какихъ-нибудь темныхъ цѣлей, а позднѣе въ немъ былъ устроенъ складъ пороха или другого быстро воспламеняющагося вещества, такъ какъ часть его пола и длинный корридоръ были тщательно обшиты мѣдью. Массивная желѣзная дверь тяжело поворачивалась на петляхъ, издавая странный пронзительный визгъ.

Сложивъ печальную ношу въ этомъ царствѣ ужаса, мы приподняли крышку гроба и взглянули въ лицо покойницы. Поразительное сходство брата и сестры бросилось мнѣ въ глаза. Быть можетъ, угадавъ мои мысли, Эшеръ пробормоталъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ я понялъ только, что они были близнецы и что между ними всегда существовала почти непонятная симпатія. Впрочемъ, мы скоро опустили крышку, такъ какъ не могли смотрѣть безъ ужаса въ лицо покойницы. Болѣзнь, сгубившая ее въ цвѣтѣ лѣтъ, оставила слѣды, характерные для всѣхъ вообще каталептическихъ болѣзней: слабый румянецъ на щекахъ и ту особенную томную улыбку, которая такъ пугаетъ на лицѣ покойника. Мы завинтили

гробъ, замкнули желѣзную дверь и съ стѣсненнымъ сердцемъ вернулись въ верхнюю часть дома, которая, впрочемъ, выглядѣла немногимъ веселѣе.

Прошло нѣсколько грустныхъ дней, въ теченіе которыхъ физическое и душевное состояніе моего друга сильно измѣнились. Его прежнее настроеніе исчезло. Обычныя занятія были оставлены и забыты. Онъ бродилъ изъ комнаты въ комнату, безцѣльными, торопливыми нетвердыми шагами. Его блѣдное лицо приняло, если возможно, еще болѣе зловѣщій оттѣнокъ, но блескъ его глазъ померкъ. Голосъ окончательно утратилъ рѣшительныя рѣзкія ноты; въ немъ слышалась дрожь ужаса. По временамъ мнѣ казалось, что его волнуетъ какая-то гнетущая тайна, открыть которую не хватаетъ смѣлости. Иногда же я приписывалъ всѣ эти странности необъяснимымъ причудамъ сумасшествія, замѣчая, что онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ неподвижно, уставившись въ пространство и точно прислушиваясь къ какому-то воображаемому звуку. Мудрено-ли, что это настроеніе пугало, даже заражало меня. Я чувствовалъ, что вліяніе его суевѣрныхъ фантазій сказывается и на мнѣ медленно, но неотразимо.

На седьмой или восьмой день послѣ погребенія леди Магдалины, когда я ложился спать поздно вечеромъ, эти ощущенія нахлынули на меня съ особенною силой.

Проходилъ часъ за часомъ, но сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Я старался стряхнуть съ себя это болѣзненное настроеніе. Старался убѣдить себя, что оно цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени зависитъ отъ мрачной обстановки: темныхъ, ветхихъ занавѣсей, которыя колебались и шелестѣли по стѣнамъ и вокругъ кровати. Но все было напрасно. Неодолимый страхъ глубже и глубже пробирался мнѣ въ душу и, наконецъ, демонъ безпричинной тревоги сдавилъ мнѣ сердце. Я съ усиліемъ стряхнулъ его, приподнялся на кровати и, вглядываясь въ ночную тьму, прислушался, самъ не знаю зачѣмъ, побуждаемый какимъ-то внутреннимъ голосомъ—къ тихимъ неяснымъ звукамъ, доносившимся невѣдомо откуда въ рѣдкіе промежутки затишья, когда ослабѣвала буря, завывавшая вокругъ усадьбы. Побѣжденный невыносимымъ, хотя и безотчетнымъ ужасомъ, я кое-какъ натянулъ платье (чувствуя, что въ эту ночь уже не придется спать) и попытался отогнать это жалкое малодушіе, расхаживая взадъ и впередъ по комнатамъ.

Сдѣлавъ два-три оборота, я остановился, услыхавъ легкіе шаги на лѣстницѣ. Я тотчасъ узналъ походку Эшера. Минуту спустя, онъ слегка постучалъ въ дверь и вошелъ съ лампой въ рукахъ. Его наружность, какъ всегда, напоминала трупъ,—но на этотъ разъ безумное веселье свѣтилось въ его глазахъ—очевидно, онъ былъ въ

припадкѣ истеріи. Его видъ поразилъ меня, но я предпочелъ бы какое угодно общество своему томительному одиночеству, такъ что даже обрадовался его приходу.

— А вы еще не видали этого?—сказалъ онъ отрывисто, послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—не видали? такъ вотъ посмотрите.—Съ этими словами я поставилъ лампу къ сторонкѣ и, подбѣжавъ къ окну, разомъ распахнулъ его.

Буря, ворвавшаяся въ комнату, едва не сбила насъ съ ногъ. Ночь была дѣйствительно великолѣпная въ своемъ мрачномъ величіи. Повидимому, центръ урагана приходился какъ разъ въ усадьбѣ: вѣтеръ то и дѣло мѣнялся, густыя тучи, нависшія надъ замкомъ (такъ низко, что казалось, будто онѣ касаются его башенокъ), мчались туда и сюда съ невѣроятной быстротой, сталкиваясь другъ съ другомъ, но не удаляясь на значительное разстояніе.

Несмотря на то, что тучи нависли сплошной черной массой, мы видѣли ихъ движеніе, хотя луны не было, и молнія не озаряла сцену своимъ блескомъ. Но съ нижней поверхности тучъ и ото всѣхъ окружающихъ предметовъ исходили свѣтящіяся газообразныя испаренія, окутывавшія постройку.

— Вы не должны, вы не будете смотрѣть на это,—сказалъ я Эшеру, отведя его отъ окна съ ласковымъ насиліемъ.—Явленія, которыя такъ смущаютъ васъ, довольно обыкновенныя электрическія явленія, или, быть можетъ, они порождены тяжелыми испареніями пруда. Закроемъ окно: холодный воздухъ вреденъ для васъ. У меня одинъ изъ вашихъ любимыхъ романовъ. Я буду читать, а вы послушаете; и такъ мы скоротаемъ эту ужасную ночь.

Книга, о которой я говорилъ, была «Mad Trist» сэра Ланчелота Каннинга, но назвать ее любимымъ романомъ Эшера можно было развѣ въ насмѣшку; ея неуклюжее и вялое многословіе совсѣмъ не подходило къ возвышенному идеализму моего друга. Какъ бы то ни было, никакой другой книги не случилось подъ рукою, и я принялся за чтеніе съ смутной надеждой, что возбужденіе ипохондрика найдетъ облегченіе въ самомъ избыткѣ безумія, о которомъ я буду читать (исторія умственныхъ разстройствъ представляетъ много подобныхъ аномалій). И точно, судя по напряженному вниманію, съ которымъ онъ прислушивался или дѣлалъ видъ, что прислушивается къ разсказу, я могъ поздравить себя съ полнымъ успѣхомъ.

Я дошелъ до извѣстнаго мѣста, когда Этельредъ, видя, что его не пускаютъ добромъ въ жилище отшельника, рѣшается войти силой. Если припомнитъ читатель, эта сцена описывается такъ:

«Этельредъ, который по натурѣ былъ смѣлъ, да къ тому же еще находился подъ вліяніемъ вина, не сталъ терять времени на разговоры съ отшельникомъ, но, чувствуя капли дождя и опасаясь,

что буря вотъ-вотъ разразится, поднялъ свою палицу и живо проломилъ въ двери отверстіе, а затѣмъ, схватившись рукой, одѣтой въ желѣзную перчатку, за доски, такъ рванулъ ихъ, что глухой трескъ ломающагося дерева отдался по всему лѣсу».

Окончивъ этотъ періодъ, я вздрогнулъ и остановился. Мнѣ почудилось (впрочемъ, я тотчасъ рѣшилъ, что это только обманъ разстроеннаго воображенія), будто изъ какой-то отдаленной части дома раздалось глухое, неясное эхо того самаго треска, который такъ обстоятельно описанъ у сэра Ланчелота. Безъ сомнѣнія, только это случайное совпаденіе остановило мое вниманіе, такъ какъ, самъ по себѣ, этотъ звукъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы замѣтить его среди рева и свиста бури. Я продолжалъ:

«Но, войдя въ дверь, славный витязь Этельредъ былъ изумленъ и взбѣшенъ, увидавъ, что лукавый отшельникъ исчезъ, а вмѣсто него оказался огромный, покрытый чешуею драконъ, съ огненнымъ языкомъ, сидѣвшій на стражѣ передъ золотымъ замкомъ съ серебряными дверями, на стѣнѣ котораго висѣлъ блестящій мѣдный щитъ съ надписью:

«Кто въ дверь сію войдетъ,—тотъ замокъ покоритъ»;
«Дракона кто убьетъ, получитъ славный щитъ».

«Тогда Этельредъ замахнулся палицей и ударилъ дракона по головѣ, такъ что тотъ упалъ и мгновенно испустилъ свой нечистый духъ, съ такимъ ужаснымъ, пронзительнымъ визгомъ, что витязь поскорѣе заткнулъ уши, чтобы не слышать этого адскаго звука».

Тутъ я снова остановился,—на этотъ разъ съ чувствомъ ужаса и изумленія—такъ какъ услыхалъ совершенно ясно (хотя и не могъ разобрать, въ какомъ именно направленіи) слабый, отдаленный, но рѣзкій, протяжный, визгливый звукъ,—совершенно подобный неестественному визгу, который чудился моему воображенію, когда я читалъ сцену смерти дракона.

Подавленный, при этомъ вторичномъ и необычайномъ совпаденіи, наплывомъ самыхъ разнородныхъ ощущеній, надъ которыми господствовали изумленіе и ужасъ, я тѣмъ не менѣе сохранилъ присутствіе духа настолько, что удержался отъ всякихъ замѣчаній, которыя могли бы усилить нервное возбужденіе моего друга. Я отнюдь не былъ увѣренъ, что онъ слышалъ эти звуки, хотя замѣтилъ въ немъ странную перемѣну. Сначала онъ сидѣлъ ко мнѣ лицомъ, но мало по малу повернулся къ двери, такъ что я не могъ разглядѣть его лица, хотя и замѣтилъ, что губы его дрожатъ и какъ будто шепчутъ что-то беззвучно. Голова его опустилась на грудь, однако, онъ не спалъ: я видѣлъ въ профиль, что глаза его широко раскрыты. Къ тому же онъ не сидѣлъ неподвижно, а ти-

хонько покачивался изъ стороны въ сторону. Окинувъ его бѣглымъ взглядомъ, я продолжалъ разсказъ сэра Ланчелота:

«Избѣжавъ свирѣпости дракона, витязь хотѣлъ овладѣть щитомъ и разрушить чары, отяготѣвшія надъ нимъ, для чего отбросилъ трупъ чудовища въ сторону и смѣло пошелъ по серебряной мостовой къ стѣнѣ, на которой висѣлъ щитъ; однако, послѣдній не дождался его приближенія, а упалъ и покатился къ ногамъ Этельреда съ громкимъ и страшнымъ звономъ».

Не успѣлъ я выговорить эти слова, какъ раздался отдаленный, но тѣмъ не менѣе ясный, звонкій, металлическій звукъ,—точно и впрямь въ эту самую минуту мѣдный щитъ грохнулся на серебряную мостовую. Потерявъ всякое самообладаніе, я вскочилъ, но Эшеръ сидѣлъ по прежнему, мѣрно раскачиваясь на стулѣ. Я бросился къ нему. Онъ точно закоченѣлъ, неподвижно уставившись въ пространство. Но когда я дотронулся до его плеча, сильная дрожь пробѣжала по его тѣлу, жалобная улыбка появилась на губахъ и онъ забормоталъ тихимъ, торопливымъ, дрожащимъ голосомъ, повидимому, не замѣчая моего присутствія. Я наклонился къ нему, и разобралъ, наконецъ, его безумную рѣчь.

— Не слышу?.. да, я слышу... я слышалъ. Долго... долго... долго... много минутъ, много часовъ, много дней слышалъ я это—но не смѣлъ,—о, горе мнѣ, несчастному!.. не смѣлъ... не смѣлъ сказать! Мы похоронили ее живою! Не говорилъ-ли я, что мои чувства изощрены? Теперь говорю вамъ, что я слышалъ ея первыя слабыя движенія въ гробу. Я слышалъ ихъ... много, много дней тому назадъ... но не смѣлъ... не смѣлъ сказать. А теперь... сейчасъ... Этельредъ... ха,ха!.. трескъ двери въ пріютѣ отшельника, предсмертный крикъ дракона, звонъ щита!.. скажите лучше,—трескъ гроба, визгъ желѣзной двери, и ея судорожная борьба въ мѣдной аркѣ коррридора. О, куда мнѣ бѣжать? Развѣ она не явится сейчасъ? Развѣ она не спѣшитъ сюда укорять меня за мою поспѣшность? Развѣ я не слышу ея шаговъ на лѣстницѣ? Не различаю тяжелыхъ и страшныхъ біеній ея сердца? Безумецъ!— Тутъ онъ вскочилъ въ бѣшенствѣ, и крикнулъ такимъ ужаснымъ голосомъ, какъ будто бы душа его улетала вмѣстѣ съ этимъ крикомъ:—Безумецъ! говорю вамъ, что она стоитъ теперь за дверями!

И какъ будто нечеловѣческая энергія этихъ словъ имѣла силу заклинанія,—высокая старинная дверь медленно распахнула свои тяжкія, черныя челюсти. Это могло быть дѣйствіемъ порыва вѣтра,—но въ дверяхъ стояла высокая, одѣтая саваномъ фигура леди Магдалины Эшеръ. Ея бѣлая одежда была залита кровью, изможденное тѣло обнаруживало признаки отчаянной борьбы. Съ

минуту она стояла, дрожа и шатаясь на порогѣ,—потомъ, съ глухимъ жалобнымъ крикомъ шагнула въ комнату, тяжко рухнула на грудь брата и въ судорожной, на этотъ разъ послѣдней, агоніи увлекла за собою на полъ бездыханное тѣло жертвы ужаса, предугаданнаго имъ заранѣе.

Я бѣжалъ изъ этой комнаты, изъ этого дома. Буря свирѣпствовала по прежнему, когда я спустился съ ветхаго крыльца. Внезапно передо мной мелькнулъ на тропинкѣ какой-то странный свѣтъ; я обернулся посмотрѣть, откуда онъ взялся, такъ какъ за мной находилось только темное зданіе усадьбы. Оказалось, что онъ исходилъ отъ полной, кроваво-красной луны, свѣтившей сквозь трещину, о которой я упоминалъ выше, простиравшуюся зигзагомъ отъ кровли до основанія зданія. На моихъ глазахъ трещина быстро расширилась; налетѣлъ сильный порывъ урагана; полный дискъ спутника внезапно явился цѣликомъ передъ моими глазами, мощныя стѣны зашатались и рухнули; раздался гулъ, точно отъ тысячи водопадовъ и глубокій, черный прудъ безмолвно и угрюмо сомкнулся надъ развалинами «Эшерова Дома».

Колодезь и маятникъ.

Impia tortorum longas hic turba furores
Sanguinis innocui, non satiata, aluit.
Sospite nunc patria, fracto nunc funeris antro,
Mors ubi dira fuit, vita salusque patent.

(Надпись къ воротамъ рынка, который предполагалось устроить на мѣстѣ Якобинскаго клуба въ Парижѣ).

Я изнемогъ— изнемогъ до полусмерти—отъ этой долгой агоніи, и когда, наконецъ, меня развязали и позволили мнѣ сѣсть, я былъ почти въ безпамятствѣ. Приговоръ, страшный смертный приговоръ,—вотъ послѣдняя фраза, долетѣвшая до моего слуха. Затѣмъ голоса инквизиторовъ слились въ сонное неясное жужжаніе. Оно вызывало въ душѣ моей идею вращенія,—быть можетъ, вслѣдствіе сходства съ шумомъ мельничнаго колеса. Но вскорѣ и оно замолкло—и больше я ничего не слышалъ. За то я видѣлъ,—и съ какой преувеличенной ясностью! Я различалъ губы судей. Онѣ казались мнѣ бѣлыми—бѣлѣе бумаги, на которой я пишу—и тонкими, тонкими до уродливости, вслѣдствіе выраженія твердости, непреклонной рѣшимости, угрюмаго презрѣнія къ человѣческимъ мукамъ. Я видѣлъ, что губы эти еще рѣшаютъ мою судьбу, искривляются, произнося мой смертный приговоръ. Я различилъ въ ихъ движеніи слоги моего имени, и содрогнулся, не уловивъ никакого

звука. Еще замѣтилъ я съ судорожнымъ ужасомъ легкое, почти неуловимое колебаніе черныхъ занавѣсей по стѣнамъ комнаты; а затѣмъ мой взглядъ упалъ на семь высокихъ свѣчей, стоявшихъ на столѣ. Сначала онѣ явились передо мною какъ символъ милосердія,—показались мнѣ свѣтлыми ангелами, готовыми спасти меня; но въ ту же минуту смертная истома охватила мою душу, каждая фибра моего тѣла затрепетала, точно прикоснувшись къ гальванической баттареѣ, ангелы превратились въ пустыхъ призраковъ съ огненными головами и я увидѣлъ, что отъ нихъ нечего ждать помощи. Но тутъ въ душѣ моей проскользнула, точно богатая музыкальная нота, мысль о сладкомъ покоѣ могилы. Она явилась украдкой, въ неясной формѣ, и я долго не могъ понять ея значенія, когда же, наконецъ, мой умъ освоился съ нею,—фигуры судей исчезли точно по волшебству, высокія свѣчи пропали, пламя ихъ угасло, настала кромѣшная тьма; всѣ чувства слились въ одномъ головокружительномъ ощущеніи, — какъ будто душа моя стремглавъ провалилась въ преисподнюю. Затѣмъ вселенная превратилась въ безмолвіе, тишину и ночь.

Я лишился чувствъ; однако, не вполнѣ утратилъ сознаніе. Не пытаюсь опредѣлить, ни даже описать, что именно уцѣлѣло отъ него; знаю только, что не все исчезло. Этого не бываетъ. Въ глубочайшемъ снѣ—нѣтъ! Въ горячкѣ—нѣтъ! Въ обморокѣ—нѣтъ! Въ смерти—нѣтъ! Даже въ могилѣ не все исчезаетъ. Иначе не было бы безсмертія. Пробуждаясь отъ глубочайшаго сна, мы разрываемъ воздушную ткань какой-нибудь грезы. Но секунду спустя (такъ тонка эта ткань) мы уже не помнимъ о ней. Возвращеніе къ жизни послѣ обморока проходитъ двѣ стадіи: во-первыхъ, чувство духовнаго существованія, во-вторыхъ, чувство существованія физическаго. Весьма вѣроятно, что если бы мы, достигнувъ второй стадіи, могли сохранить впечатлѣнія первой, — онѣ оказались бы краснорѣчивыми воспоминаніями о безтѣлесной жизни. Что же такое эта безтѣлесная жизнь? Какъ отличить ее отъ жизни замогильной? Но если намъ не дано по произволу вызывать въ памяти впечатлѣнія первой стадіи, то не могутъ-ли они являться непрошенныя, сами собою, черезъ значительные промежутки времени, такъ что мы удивляемся, откуда онѣ взялись? Тотъ, кому не случалось падать въ обморокъ,—не видитъ фантастическихъ замковъ и странно-знакомыхъ лицъ надъ тлѣющими углями камина; передъ нимъ не всплываютъ въ воздухѣ мрачныя видѣнія, недоступныя взору другихъ; онъ не вдыхаетъ аромата невѣдомыхъ цвѣтовъ; его умъ не поражался значеніемъ какой-нибудь музыкальной строфы, никогда раньше не привлекавшей его вниманія.

Среди постоянныхъ и часто повторяемыхъ попытокъ вспом-

нить, среди напряженныхъ усилій возстановить впечатлѣнія, относящіяся къ состоянію кажущагося небытія, въ которое погрузилась моя душа,—выдавались минуты, когда мнѣ чудилось, будто я успѣваю въ этомъ; короткіе, очень короткіе періоды, когда передо мной вставали воспоминанія, которыя прояснившійся разсудокъ могъ отнести только къ періоду кажущейся потери сознанія. Въ этихъ тѣняхъ воспоминаній мнѣ смутно рисовались какія-то высокія человѣческія фигуры, которыя подняли меня и понесли внизъ—внизъ—все внизъ и внизъ—такъ что въ концѣ концовъ жестокое головокруженіе овладѣло мною при одной мысли объ этомъ безконечномъ спускѣ. Припоминаю также смутный ужасъ на сердцѣ, порожденный ощущеніемъ неестественнаго спокойствія этого сердца. Далѣе возникаетъ ощущеніе всеобщей неподвижности; какъ будто мои носильщики (зловѣщая процессія!) перешли въ своемъ спускѣ границы безграничнаго и остановились утомленные своей скучной работой. Затѣмъ вспоминается ощущеніе затхлой сырости; а тамъ—полное б е з у м і е,—безуміе памяти, которая не въ силахъ сладить съ недоступными сознанію вещами.

Внезапно движеніе и звукъ ворвались въ мою душу: — безпорядочныя біенія сердца и звукъ этихъ біеній, отдавшіися въ моихъ ушахъ. Тамъ снова все исчезло. Тамъ опять ощущеніе движенія, звука, прикосновенія болѣзненно отозвалось во всемъ моемъ существѣ. Затѣмъ простое сознаніе существованія, безъ всякой мысли: это состояніе тянулось очень долго. Затѣмъ, внезапно, — м ы с л ь, судорожный страхъ, напряженное стремленіе уяснить свое положеніе. Затѣмъ страстное желаніе снова погрузиться въ безсознательное состояніе. Затѣмъ быстрое пробужденіе души и успѣшная попытка двигаться. И наконецъ, — отчетливое воспоминаніе о процессѣ, о судьяхъ, о мрачныхъ занавѣсяхъ, о приговорѣ, объ упадкѣ силъ, объ обморокѣ; и полное забвеніе обо всемъ, что за тѣмъ послѣдовало и что я смутно припомнилъ впослѣдствіи, послѣ долгихъ усилій.

До сихъ поръ я не открывалъ глазъ. Я чувствовалъ, что лежу на спинѣ, не связанный. Я протянулъ руку, она тяжело упала на что-то сырое и твердое. Я оставилъ ее въ этомъ положеніи, стараясь сообразить, гдѣ я и ч т о со мной. Я хотѣлъ, но не смѣлъ открыть глаза. Я не боялся увидѣть что-нибудь ужасное, нѣтъ, меня скорѣе пугала мысль, что не придется н и ч е г о увидѣть. Наконецъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, я быстро открылъ глаза. Мои худшія опасенія подтвердились. Черная, непроглядная тьма окружала меня. Я задыхался. Тьма давила и душила меня. Атмосфера была невыносимо спертая. Я все еще лежалъ спокойно и пытался со-

браться съ мыслями. Я вспоминалъ порядки инквизиціи, стараясь опредѣлить свое положеніе. Приговоръ былъ произнесенъ; съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ казалось, прошло немало времени. Однако, мнѣ ни разу не пришла въ голову мысль, что я уже умеръ. Подобное предположеніе возможно только въ романѣ, но совершенно несовмѣстимо съ дѣйствительнымъ существованіемъ. Но гдѣ же и въ какомъ положеніи я находился? Приговоренные къ смерти погибали обыкновенно на auto-da-fes, одна такая церемонія была устроена въ день моего суда. Не отвели-ли меня обратно въ темницу, въ ожиданіи слѣдующей церемоніи, которая состоится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ? Я тотчасъ сообразилъ, что этого не можетъ быть. Жертвы подвергались сожженію немедленно. Притомъ же, моя прежняя темница, какъ и всѣ толедскія тюрьмы, была вымощена камнемъ и не лишена доступа свѣта.

Ужасная мысль, отъ которой вся моя кровь потокомъ прихлынула къ сердцу, на мгновеніе снова лишила меня сознанія. Очнувшись, я разомъ вскочилъ на ноги, судорожно дрожа всѣмъ тѣломъ. Я вытягивалъ руки по всѣмъ направленіямъ, но не смѣлъ ступить шага, опасаясь наткнуться на стѣны могилы. Потъ градомъ катился изъ всѣхъ моихъ поръ, застывалъ холодными, тяжелыми каплями на моемъ лбу. Наконецъ, агонія сдѣлалась невыносимой и я осторожно двинулся впередъ, вытянувъ руки и расширяя глаза, въ надеждѣ уловить хоть слабый лучъ свѣта. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но все кругомъ была тьма и пустота. Я вздохнулъ свободнѣе. Казалось очевиднымъ, что мнѣ суждена еще не самая ужасная участь.

Пока я осторожно пробирался впередъ, въ памяти моей зароились тысячи розсказней объ ужасахъ Толедо. О здѣшнихъ тюрьмахъ ходили зловѣщіе слухи, которымъ я не вѣрилъ, считая ихъ выдумками—до того зловѣщіе и мрачные, что ихъ передавали только шепотомъ. Не осужденъ-ли я на голодную смерть въ этомъ царствѣ подземной тьмы? или меня ожидаетъ другая, быть можетъ, еще болѣе ужасная участь? Что мнѣ придется умереть, и не простою смертью,—въ томъ я не сомнѣвался, зная характеръ моихъ судей. Когда и какъ умереть,—вотъ что интересовало меня въ настоящую минуту.

Наконецъ мои вытянутыя руки наткнулись на какое-то препятствіе. Это была стѣна, повидимому, каменная,—гладкая, липкая и холодная. Я направился вдоль нея, ступая съ недовѣрчивой осторожностью, такъ какъ помнилъ нѣкоторые изъ слышанныхъ раньше разсказовъ. Однако, двигаясь такимъ образомъ, невозможно было опредѣлить размѣры тюрьмы: обойдя вокругъ стѣны, я не нашелъ бы на ея гладкой, ровной поверхности того мѣста,

откуда отправился. Я вспомнилъ о ножѣ, который былъ у меня въ карманѣ, когда меня привели въ камеру инквизиціи, но его не оказалось; мое прежнее платье было замѣнено грубой саржевой рубахой. Я было хотѣлъ воткнуть его въ какую-нибудь щель на стѣнѣ, чтобы отмѣтить пунктъ, отъ котораго отправлюсь. Затрудненіе, въ сущности, было пустое, но при моемъ разстройствѣ показалось мнѣ въ первую минуту непреодолимымъ. Я оторвалъ отъ рубахи длинную полоску и разложилъ ее на полу подъ прямымъ угломъ къ стѣнѣ. Пробираясь ощупью вокругъ тюрьмы, я долженъ былъ наткнуться на нее, сдѣлавъ полный кругъ. На это, по крайней мѣрѣ, я разсчитывалъ, но я не принялъ въ соображеніе длину пути и свою слабость. Полъ былъ мокрый и скользкій. Я кое-какъ плелся впередъ, но вскорѣ споткнулся и упалъ. Истомленный усталостью, я остался лежать и скоро заснулъ.

Проснувшись и вытянувъ руку, я нащупалъ подлѣ себя ломоть хлѣба и кружку воды. Слишкомъ истощенный, чтобы разсуждать объ этомъ обстоятельствѣ, я съ жадностью поѣлъ и напился. Затѣмъ продолжалъ свой обходъ вокругъ темницы и, наконецъ, съ большимъ трудомъ добрался до лоскута саржи. Въ моментъ паденія, я сдѣлалъ уже пятьдесятъ два шага, да послѣ того сорокъ восемь. Всего стало быть сто шаговъ; считая по два шага на ярдъ, я принималъ окружность моей темницы въ пятьдесятъ ярдовъ. Впрочемъ, на стѣнѣ мнѣ попалось много угловъ, такъ что я не могъ опредѣлить общую форму склепа (мнѣ все-таки казалось, что это склепъ).

Въ сущности я производилъ это изслѣдованіе безъ всякой опредѣленной цѣли, не говоря уже о надеждѣ, но смутное любопытство заставляло меня продолжать его. Оставивъ стѣну, я рѣшился пройти поперекъ темницы. Я ступалъ съ крайней осторожностью, такъ какъ полъ, хотя и твердый, былъ очень скользокъ, но въ концѣ концовъ, ободрился, и пошелъ смѣло, стараясь идти по прямой линіи. Пройдя шаговъ десять—двѣнадцать я зацѣпился за оборванный край рубахи, и шлепнулся ничкомъ.

Растерявшись отъ паденія, я не обратилъ вниманія на одно странное обстоятельство, которое поразило меня только нѣсколько секундъ спустя. Вотъ въ чемъ дѣло: мой подбородокъ упирался въ полъ, тогда какъ губы и верхняя часть лица, находившіяся приблизительно на одномъ уровнѣ съ подбородкомъ, не прикасались ни къ чему. Въ тоже время я чувствовалъ, что мой лобъ точно купается въ какихъ-то липкихъ испареніяхъ, и особенный запахъ гніющихъ грибовъ коснулся моихъ ноздрей. Я ощупалъ полъ и вздрогнулъ, убѣдившись, что лежу на краю круглаго колодца, размѣры котораго я, разумѣется, не могъ опредѣлить въ данную ми-

нуту. Ощупывая стѣнку колодца, я отломилъ небольшой осколокъ камня и бросилъ его въ пропасть. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ ударялся о стѣны, потомъ погрузился въ воду съ глухимъ бульканьемъ, которое отдалось въ темницѣ гулкимъ эхомъ. Въ ту же минуту я услыхалъ надъ головой звукъ, какъ будто вверху быстро отворилась и столь же быстро захлопнулась дверь; слабый лучъ свѣта прорѣзалъ окружающую тьму, и тотчасъ же погасъ.

Я понялъ, какая казнь готовилась мнѣ и порадовался удачному избавленію. Еще шагъ,—и мнѣ пришлось бы распроститься со свѣтомъ. А ожидавшая меня смерть относилась къ разряду тѣхъ именно казней, которыя я считалъ выдумкой и поклепомъ на инквизицію. Жертвы ея тираніи умирали двояко: или въ страшныхъ физическихъ мукахъ или истерзанные безпощадной нравственной пыткой. Мнѣ предстояла эта послѣдняя. Нервы мои были до того разстроены продолжительными страданіями, что я дрожалъ при звукѣ моего собственнаго голоса и сдѣлался во всѣхъ отношеніяхъ подходящимъ субъектомъ для ожидавшей меня пытки.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, я поползъ обратно къ стѣнѣ, рѣшившись лучше погибнуть, не сходя съ мѣста, чѣмъ рисковать провалиться въ колодезь. Мнѣ чудилось, что темница усѣяна ими. При другомъ настроеніи у меня хватило бы духа разомъ покончить съ своими мученіями, кинувшись въ одну изъ этихъ пропастей; но теперь я былъ трусливѣе послѣдняго труса. Да и не могъ я забыть, что эти адскія ловушки—судя по тому, что мнѣ случалось читать о нихъ—отнюдь не предназначались для внезапной смерти.

Волненіе долго не давало мнѣ уснуть, но въ концѣ концовъ я задремалъ. Проснувшись, я снова нашелъ подлѣ себя ломоть хлѣба и кружку воды. Жгучая жажда заставила меня залпомъ опорожнить кружку. Должно быть къ водѣ было что-нибудь подмѣшано, потому что лишь только я выпилъ ее, глаза мои стали смыкаться. Свинцовый сонъ оковалъ меня,—сонъ, подобный смерти. Сколько времени онъ длился, не знаю; но когда я снова открылъ глаза, окружающіе предметы были видимы. При странномъ фосфорическомъ свѣтѣ, происхожденіе котораго оставалось для меня загадочнымъ, я могъ разсмотрѣть свою темницу.

Я сильно ошибся въ разсчетѣ, опредѣляя ея размѣры. Окружность стѣны не превышала двадцати пяти ярдовъ. Убѣдившись въ своей ошибкѣ, я крайне смутился, и совершенно нелѣпо: ужь если что не имѣло значенія при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, такъ это размѣры тюрьмы. Но мой умъ упорно цѣплялся за пустяки, и я долго старался объяснить себѣ причину ошибки. Наконецъ она уяснилась. Отправившись вдоль стѣны, я отсчиталъ пятьдесятъ два шага, и упалъ; въ эту минуту я находился въ двухъ,

трехъ шагахъ отъ лоскута, т. е. сдѣлалъ почти полный кругъ. Тутъ я заснулъ, а проснувшись, пошелъ обратно, совершивъ такимъ образомъ двойной обходъ. Въ своемъ разстройствѣ я не замѣтилъ, что стѣна, находившаяся въ началѣ обхода по лѣвую руку отъ меня, въ концѣ очутилась по правую.

Я ошибся также въ отношеніи формы помѣщенія. Пробираясь вдоль стѣны, я нащупалъ много угловъ и заключилъ отсюда, что форма постройки совершенно неправильная. Таково дѣйствіе абсолютной темноты на человѣка, очнувшагося отъ обморока или сна! Углы оказались легкими неровностями и углубленіями въ разныхъ мѣстахъ стѣны. Общая форма тюрьмы была четырехугольная. То, что я принялъ за камень, оказалось желѣзомъ или другимъ металломъ, огромныя плиты котораго образовывали упомянутыя выше неровности своими краями или спайками. Вся поверхность этой металлической клѣтки была разрисована безобразными и отвратительными эмблемами,—измышленіемъ грубаго суевѣрія монаховъ. Фигуры чертей съ угрожающими лицами, скелеты и другія болѣе страшныя изображенія покрывали и безобразили всю стѣну. Я замѣтилъ, что очертанія этихъ чудовищъ были довольно ясны, но краски выцвѣли и поблекли, какъ это бываетъ въ сырой атмосферѣ. Я разсмотрѣлъ также каменный полъ. Посреди него зіялъ круглый колодезь, отъ котораго я ускользнулъ, но онъ былъ одинъ въ комнатѣ.

Все это я видѣлъ неясно и съ большимъ усиліемъ, такъ какъ мое положеніе совершенно измѣнилось во время сна. Теперь я лежалъ на спинѣ, вытянувшись во всю длину на низенькой деревянной скамейкѣ. Я былъ тщательно привязанъ къ ней длиннымъ ремнемъ, въ родѣ кушака. Онъ нѣсколько разъ обвивалъ мое туловище и члены, оставляя свободной только голову и лѣвую руку настолько, что я могъ съ большимъ усиліемъ доставать пищу, поставленную подлѣ меня на полу въ глиняной мискѣ. Я съ ужасомъ убѣдился, что кружки съ водой не было. Говорю: съ ужасомъ, потому что меня терзала невыносимая жажда. Должно быть мои палачи разсчитывали на нее, такъ какъ пищей служило мнѣ мясо, сильно заправленное пряностями.

Поднявъ глаза, я сталъ разсматривать потолокъ. Онъ находился на высотѣ тридцати или сорока футовъ и былъ устроенъ также какъ стѣны. Странная фигура на одной изъ его плитъ остановила мое вниманіе. Это было изображеніе Времени, какъ его обыкновенно рисуютъ, только вмѣсто косы была нарисована фигура, которая показалась мнѣ съ перваго взгляда изображеніемъ маятника, какіе бываютъ у старинныхъ часовъ. Что-то особенное въ этомъ рисункѣ заставляло меня вглядѣться внимательнѣе. Всма-

триваясь вверхъ (фигура находилась какъ разъ надо мною), я замѣтилъ, что маятникъ какъ будто движется. Минуту спустя, это подтвердилось. Онъ раскачивался очень медленно, короткими взмахами. Я слѣдилъ за нимъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ со страхомъ. Наконецъ, уставъ слѣдить за его однообразнымъ движеніемъ, я перевелъ взглядъ на другіе предметы.

Легкій шумъ привлекъ мое вниманіе и, взглянувъ на полъ, я увидѣлъ нѣсколько громадныхъ крысъ. Онѣ выходили изъ колодца, находившагося по правую руку отъ меня. На моихъ глазахъ онѣ выползали кучами, торопливо, съ алчными взорами, привлеченныя запахомъ пищи. Мнѣ стоило большаго труда отгонять ихъ.

Прошло полчаса, можетъ быть, часъ (я могъ только приблизительно опредѣлять время), прежде чѣмъ я снова взглянулъ вверхъ. То, что я увидѣлъ теперь, поразило меня ужасомъ и изумленіемъ. Размахи маятника увеличились почти на цѣлый ярдъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, возросла быстрота его движенія. Но пуще всего смутила меня мысль, что онъ замѣтно опустился. Я разсмотрѣлъ теперь, не нужно и говорить съ какимъ ужасомъ, что его нижняя часть представляла блестящій стальной полумѣсяцъ, длиною около фута отъ одного рога до другого; рога были направлены кверху, лезвіе казалось острымъ, какъ бритва. Какъ бритва же онъ былъ тяжелъ и массивенъ, значительно расширялся и утолщался кверху. Онъ висѣлъ на тяжеломъ мѣдномъ стержнѣ и со свистомъ раскачивался въ воздухѣ.

Теперь мнѣ стало ясно, какую казнь изобрѣла для меня затѣйливая жестокость монаховъ. Агенты инквизиціи замѣтили, что я избѣжалъ колодца,—колодца, ужасы котораго предназначались для такихъ дерзкихъ еретиковъ, какъ я,—колодца, прообраза ада и, по слухамъ, Ultima Thule ихъ казней. Чистая случайность избавила меня отъ паденія, но мнѣ извѣстно было, что неожиданность играла важную роль въ этихъ вычурныхъ пыткахъ. Разъ я избѣжалъ западни, въ адскій разсчетъ моихъ гонителей вовсе не входило бросить меня туда насильно; и мнѣ назначили (иного исхода не было) другую, болѣе гуманную казнь. Гуманную! Даже въ своей агоніи я улыбнулся, примѣнивъ этотъ терминъ при такихъ обстоятельствахъ.

Къ чему разсказывать о долгихъ, долгихъ часахъ нечеловѣческаго ужаса, въ теченіе которыхъ я считалъ свистящіе взмахи маятника? Дюймъ за дюймомъ, линія за линіей, онъ опускался медленнымъ, ровнымъ движеніемъ, замѣтнымъ только черезъ большіе промежутки времени, казавшіеся мнѣ вѣками—опускался все ниже, ниже! Прошли дни, можетъ быть, много дней, прежде чѣмъ онъ очу-

тился такъ близко отъ моего лица, что на меня повѣяло его жгучимъ дыханіемъ. Запахъ отточенной стали врывался въ мои ноздри. Я молилъ, я докучалъ небу мольбами ускорить его движеніе. Я обезумѣлъ, я отчаянно бился, стараясь приподняться на встрѣчу грозному мечу. Потомъ я внезапно успокоился и лежалъ смирно, улыбаясь этой сверкающей смерти, какъ ребенокъ игрушкѣ.

Снова я впалъ въ безпамятство, но на очень короткое время, такъ какъ маятникъ не опустился сколько-нибудь замѣтно, когда я пришелъ въ себя. Впрочемъ, обморокъ могъ быть и продолжительнымъ: вѣдь демоны, слѣдившіе за мной, навѣрное замѣтили его и могли остановить маятникъ, чтобы продлить свою адскую забаву. Во всякомъ случаѣ, очнувшись, я чувствовалъ себя крайне-невыразимо!—слабымъ и истомленнымъ, точно послѣ долгаго голода. Даже среди такихъ мукъ человѣческая природа алкала пищи. Съ болѣзненнымъ усиліемъ я вытянулъ руку, насколько позволялъ ремень, и досталъ жалкіе остатки пищи, пощаженные крысами. Когда я положилъ въ ротъ первый кусокъ, въ умѣ моемъ мелькнула смутная, но радостная мысль, лучъ надежды. Что было общаго между надеждой и мною? Я говорю, что мысль была смутная, полумысль, какія часто приходятъ въ голову человѣку, но никогда не принимаютъ опредѣленной формы. Я чувствовалъ, что это была мысль радости и надежды, но чувствовалъ также, что она погибла, едва зародившись. Напрасно я пытался оформить, вернуть ее. Продолжительныя страданія уничтожили во мнѣ почти всякую способность къ мышленію. Я превратился въ глупца, въ идіота.

Линія размаховъ маятника приходилась поперекъ моего тѣла. Я замѣтилъ, что полумѣсяцъ долженъ былъ перерѣзать мнѣ сердце. Вотъ онъ надрѣжетъ саржу моей рубахи, вернется и надрѣжетъ еще... еще... еще. Несмотря на ужасающую величину размаховъ (футовъ тридцать), несмотря на ихъ силу, достаточную, чтобы прорѣзать эти желѣзныя стѣны, онъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ будетъ рѣзать только мое платье. На этомъ мысль моя остановилась. Я не смѣлъ идти дальше. Я упорно цѣплялся за эту мысль, какъ будто остановившись на ней, могъ остановить и движеніе маятника на этомъ уровнѣ. Я старался представить себѣ звукъ полумѣсяца, когда онъ коснется одежды, то особенное ощущеніе, которое производитъ на нервы трескъ разрываемой матеріи. Я думалъ и раздумывалъ обо всемъ этомъ, пока мурашки побѣжали по тѣлу.

Внизъ — онъ упорно скользилъ внизъ! Я съ какимъ-то безумнымъ удовольствіемъ сравнивалъ быстроту его размаха съ медлительностью опусканія. Направо, налѣво —далеко, разомъ, съ визгомъ адскаго гнома; къ моему сердцу—украдкой, неслышными шагами

тигра! Я то смѣялся, то стоналъ, смотря по тому, какая мысль брала верхъ.

Внизъ—неизмѣнно, неустанно внизъ! Онъ раскачивался въ трехъ дюймахъ отъ моей груди! Я бился, какъ безумный, какъ бѣшеный, стараясь освободить лѣвую руку. Онъ была свободна только отъ локтя до кисти. Я могъ съ большимъ усиліемъ достать до миски и до рта,—не далѣе. Удайся мнѣ разорвать ремень надъ локтемъ,—я попытался бы схватить и остановить маятникъ. Я могъ бы съ такимъ же успѣхомъ попытаться остановить лавину!

Внизъ—непрестанно, неизбѣжно внизъ! Я задыхался и рвался,—я судорожно корчился при каждомъ взмахѣ. Глаза мои слѣдили за его полетомъ изъ стороны въ сторону съ упорствомъ безумнаго отчаянія, конвульсивно смыкаясь при каждомъ опусканіи, хотя смерть была бы облегченіемъ,—о, несказаннымъ облегченіемъ! И все-таки я дрожалъ всѣмъ тѣломъ при мысли, что еще немного—и острая блестящая сѣкира коснется моей груди. Эта надежда заставляла меня дрожать всѣми нервами, всѣми фибрами. Да, это была надежда,—та надежда, которая торжествуетъ надъ пыткой и шепчетъ приговоренному къ смерти слова утѣшенія даже въ тюрьмахъ инквизиціи.

Я видѣлъ, что черезъ десять—двѣнадцать взмаховъ сталь коснется моей одежды, и лишь только я убѣдился въ этомъ,—мной овладѣло холодное, сосредоточенное спокойствіе отчаянія. Въ первый разъ въ теченіе многихъ часовъ, быть можетъ, дней, я началъ думать. Мнѣ пришло въ голову, что тесьма или ремень, привязывавшій меня къ скамьѣ, состоялъ изъ одного куска. Я не былъ связанъ отдѣльными веревками. Первый взмахъ остраго какъ бритва полумѣсяца,—если только онъ задѣнетъ за ремень,—надрѣжетъ его настолько, что мнѣ легко будетъ освободиться отъ своихъ узъ съ помощью лѣвой руки. Но какъ опасна близость стали при такихъ обстоятельствахъ. Малѣйшее движеніе можетъ оказаться гибельнымъ! Да и можно-ли допустить, чтобы эти артисты мучительства не предусмотрѣли, не предупредили подобной случайности? Можно-ли надѣяться, что ремень опоясываетъ мое тѣло въ томъ мѣстѣ, гдѣ вопьется маятникъ? Дрожа отъ страха лишиться этой слабой и, повидимому, послѣдней надежды, я приподнялъ голову, стараясь взглянуть на свою грудь. Ремень плотно обвивалъ мои члены и туловище по всѣмъ направленіямъ, кромѣ того мѣста, которое приходилось на пути маятника.

Не успѣлъ я опустить голову, какъ въ умѣ моемъ мелькнула недодуманная половина,—иначе не умѣю выразиться,—мысли объ избавленіи, начало которой лишь смутно пронеслось въ моемъ мозгу, когда я подносилъ пищу къ запекшимся губамъ. Теперь

эта мысль явилась вся, цѣликомъ,—блѣдная, тусклая, едва уловимая, но вся, цѣликомъ. Не теряя ни минуты, я съ судорожной энергіей отчаянія принялся за ея осуществленіе.

Уже много часовъ ближайшая къ скамьѣ часть темницы буквально кишѣла крысами. Дикія, смѣлыя, алчныя, онѣ поглядывали на меня своими красными глазами, точно дожидались, когда прекратятся мои движенія и я стану ихъ добычей.—Къ какой пищѣ,—подумалъ я,—привыкли онѣ въ этомъ колодцѣ?

Какъ я ни отгонялъ ихъ,—онѣ сожрали почти все, что было въ мискѣ. Я безпрерывно махалъ рукою надъ миской, но это механическое, однообразное движеніе, превратившееся въ привычку, уже переставало отпугивать крысъ. Прожорливыя твари то и дѣло вонзали свои острые зубы въ мои пальцы. Я натеръ ремень, гдѣ только могъ достать до него—остатками мяса, пропитаннаго масломъ и пряностями, отнялъ руку отъ миски и легъ неподвижно, затаивъ дыханіе.

Въ первую минуту жадныя животныя были поражены и испуганы этой перемѣной,—прекращеніемъ движенія руки. Онѣ отхлынули прочь; многія скрылись въ колодцѣ. Но это длилось одно мгновеніе. Я не даромъ разсчитывалъ на ихъ прожорливость. Замѣтивъ, что я лежу не шевелясь, одна или двѣ посмѣлѣе вскарабкались на скамью и принялись обнюхивать ремни. Повидимому это было сигналомъ къ общему нападенію. Новыя полчища хлынули изъ колодца. Онѣ лѣзли на скамью и сотнями толпились на моемъ тѣлѣ. Мѣрные взмахи маятника ничуть не пугали ихъ. Ловко увертываясь отъ него, онѣ грызли намасленный ремень. Онѣ толпились, кишѣли на мнѣ, все прибывая и прибывая. Ихъ лапы щекотали мнѣ горло, ихъ холодныя губы дотрогивались до моихъ губъ. Я задыхался подъ тяжестью этихъ полчищъ; отвращеніе, которому нѣтъ названія, переворачивало всю мою внутренность, пробѣгало холодомъ по сердцу. Но еще минута—и все будетъ кончено. Я чувствовалъ, что узы мои ослабѣваютъ. Чувствовалъ, что онѣ порваны уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Съ нечеловѣческой рѣшимостью я все еще лежалъ не шевелясь.

Не даромъ я терпѣлъ, не напрасно надѣялся! Наконецъ-то я почувствовалъ себя **свободнымъ**. Ремень висѣлъ лоскутьями вокругъ моего тѣла. Но маятникъ уже касался моей груди. Онъ перерѣзалъ саржу. Перерѣзалъ полотно нижней рубахи. Еще взмахъ—еще—и жгучая боль пронизала мое тѣло. Но наступила минута освобожденія. При первомъ взмахѣ моей руки, мои избавители въ безпорядкѣ ринулись прочь. Осторожнымъ, тихимъ, гибкимъ, змѣинымъ движеніемъ, я выскользнулъ изъ моихъ узъ и изъ подъ сѣкиры. Въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, я былъ **свободенъ**.

Свободенъ!—и въ когтяхъ Инквизиціи! Не успѣлъ я соскочить съ своего деревяннаго эшафота на каменный полъ темницы, какъ движенія адской машины прекратились и какая-то невидимая сила подняла ее къ потолку. Это былъ урокъ, наполнившій мое сердце отчаяніемъ. Несомнѣнно за каждымъ моимъ движеніемъ слѣдили. Свободенъ!—я ускользнулъ отъ мучительной смерти, чтобы подвергнуться новой и болѣе ужасной пыткѣ. При этой мысли я тревожно обвелъ глазами желѣзныя стѣны моей клѣтки. Странная, неизъяснимая перемѣна, которой я не могъ опредѣлить съ перваго взгляда—произошла въ нихъ. Я стоялъ, точно въ бреду, дрожа и теряясь въ смутныхъ догадкахъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Въ это время, я впервые замѣтилъ, откуда исходилъ фосфорическій свѣтъ, озарявшій тюрьму. Онъ проникалъ черезъ скважину, въ полдюйма шириной, опоясывавшую всю комнату у основанія стѣны, которая такимъ образомъ казалась и дѣйствительно была совершенно отдѣлена отъ пола. Я попробовалъ заглянуть въ эту щель, но, разумѣется, безуспѣшно.

Когда я всталъ, мнѣ разомъ уяснилась тайна перемѣны въ комнатѣ. Я уже говорилъ, что очертанія фигуръ на стѣнахъ были довольно отчетливы, тогда какъ краски казались выцвѣтшими и поблекшими. Теперь они пріобрѣли поразительный и необычайно яркій блескъ, усиливавшійся съ каждой минутой и придававшій ихъ призрачнымъ адскимъ фигурамъ видъ, отъ котораго содрогнулись бы и болѣе крѣпкіе нервы, чѣмъ мои. Тысячи дьявольскихъ глазъ, свирѣпыхъ, зловѣщихъ, полныхъ жизни, которыхъ я не замѣчалъ раньше, смотрѣли на меня со всѣхъ сторонъ, сверкая мрачнымъ огнемъ, который я тщетно старался считать воображаемымъ.

Воображаемымъ!—Но мои ноздри уже втягивали испаренія раскаленнаго желѣза! Удушливый запахъ наполнялъ темницу! Съ каждой минутой все ярче и ярче разгорались глаза, любовавшіеся моей агоніей! Кровавыя фигуры на стѣнѣ обливались густымъ багрянцемъ. Я изнемогалъ! я задыхался! Теперь не оставалось сомнѣнія въ намѣреніяхъ моихъ мучителей,—о, безжалостные! безчеловѣчные демоны! Я кинулся отъ раскаленныхъ стѣнъ къ центру тюрьмы. Въ виду наступавшей на меня огненной смерти, мысль о колодцѣ повѣяла прохладой на мою душу. Я прильнулъ къ его смертоносному краю, и впился глазами въ его глубину. Блескъ раскаленнаго потолка озарялъ колодезь до самаго дна. Но въ первую минуту мой умъ отказывался понять значеніе того, что я видѣлъ. Наконецъ, оно проникло, ворвалось въ мою душу, отпечаталось огненными буквами въ моемъ колеблющемся разсудкѣ. О, какими словами описать это!.. о, ужасъ!.. о, ужасъ ужасовъ!.. Я

съ крикомъ бросился прочь отъ колодца и, закрывъ лицо руками, горько заплакалъ.

Жаръ быстро усиливался и я еще разъ открылъ глаза, дрожа какъ въ лихорадкѣ. Въ темницѣ вторично произошла перемѣна,— на этотъ разъ, очевидно, перемѣна формы. Какъ и раньше, я не могъ съ перваго взгляда опредѣлить или понять, что тутъ творится. Но мои недоумѣнія скоро разсѣялись. Я раздразнилъ мстительность инквизиторовъ, дважды ускользнувъ отъ гибели,—но теперь ужъ не приходилось шутить съ Царемъ Ужасовъ. Раньше комната имѣла форму квадрата. Теперь же два ея угла сдѣлались острыми; слѣдовательно, другіе два—тупыми. Эта страшная перемѣна совершилась быстро, съ глухимъ ноющимъ звукомъ. Въ одну минуту комната приняла форму ромба. Но перемѣна не остановилась на этомъ,—да я и не надѣялся и не желалъ остановки. Я готовъ былъ прижать къ своей груди эти раскаленныя стѣны, какъ одежду вѣчнаго покоя.—Смерть,—говорилъ я,—какая бы то ни была смерть, лишь бы не въ колодцѣ.—Безумецъ! какъ я не понялъ, что это раскаленное желѣзо должно было загнать меня въ колодезь? Могъ-ли я выдержать его жаръ? и если бы могъ, какъ бы я устоялъ противъ его напора? Косоугольникъ вытягивался съ быстротой, которая не давала мнѣ времени на размышленія. Его центръ и наибольшая ширина приходились какъ разъ надъ зіяющей бездной. Я отступилъ, но сдвигающіяся стѣны гнали меня впередъ и впередъ. Наконецъ, мое обожженное, скорченное тѣло уже не находило мѣста на полу. Я пересталъ бороться, и только агонія души моей прервалась громкимъ, долгимъ, послѣднимъ воплемъ отчаянія. Я чувствовалъ, что шатаюсь на краю колодца—я отвратилъ глаза...

Нестройный гулъ человѣческихъ голосовъ! Громкіе звуки трубъ! Грохотъ, точно отъ тысячи громовъ! Огненныя стѣны раздались! Чья-то рука схватила мою руку, когда я, изнемогая, падалъ въ бездну. То была рука генерала Ласаля. Французская армія вступила въ Толедо. Инквизиція была во власти своихъ враговъ.

Тысяча вторая сказка Шехеразады.

Правда чуднѣе выдумки.
Старинная поговорка.

Просматривая недавно, по поводу одного изслѣдованія, Теллыменоу Изитсоёрнотъ,—книгу, которая (какъ и Цохаръ Симсона Іохаида) врядъ-ли извѣстна въ Европѣ и, сколько я знаю, не упоминается ни однимъ американскимъ писателемъ, исключая, быть

можетъ, автора «Курьезовъ Американской Литературы»,—такъ, просматривая это весьма любопытное произведеніе, я сдѣлалъ замѣчательное открытіе: оказывается, что литературный міръ жестоко заблуждается насчетъ участи дочери визиря Шехеразады, что «Арабскія Ночи», въ которыхъ описана эта участь, невѣрно передаютъ, точнѣе сказать, не доводятъ до конца развязку исторіи.

Рекомендуя придирчивому читателю обратиться къ Изитсоёрнотъ и прочесть самому это интересное мѣсто, я позволю себѣ изложить здѣсь вкратцѣ сущность того, что мнѣ удалось открыть.

Читатель припомнитъ обычную версію разсказа: нѣкій монархъ, вполнѣ основательно заподозривъ свою супругу въ невѣрности, не только осудилъ ее на смерть, но и поклялся собственной бородой и пророкомъ каждый вечеръ брать въ жены прекраснѣйшую дѣвушку своего царства, а утромъ отдавать ее въ руки палача.

Уже много лѣтъ исполнялъ онъ свою клятву методически, буквально, съ благоговѣйной пунктуальностью, которая во всякомъ случаѣ рекомендуетъ его, какъ человѣка благочестиваго и разсудительнаго, когда однажды, подъ вечеръ, его обезпокоилъ (безъ сомнѣнія, за молитвой) великій визирь, дочери котораго пришла въ голову идея.

Имя дочери было Шехеразада, а идея состояла въ томъ, чтобы избавить страну отъ опустошительнаго налога на красоту или погибнуть, согласно установившемуся обычаю всѣхъ героинь.

Въ видахъ исполненія этого плана и не смотря на то, что годъ, кажется, не былъ высокосный (что, конечно, увеличиваетъ достоинство жертвы) она отправляетъ своего отца, великаго визиря, къ калифу съ предложеніемъ ея руки. Калифъ охотно принимаетъ эту руку (онъ давно уже мѣтилъ на нее, но откладывалъ дѣло со дня на день только потому, что побаивался визиря), но при этомъ даетъ понять, что визирь визиремъ, а онъ, калифъ, не намѣренъ ни на іоту отступить отъ своего обѣта, или поступиться своими привиллегіями. И если, тѣмъ не менѣе, прекрасная Шехеразада пожелала вступить въ бракъ, и дѣйствительно вступила, не смотря на благоразумный совѣтъ отца не дѣлать ничего подобнаго, если, говорю я, она захотѣла выйти замужъ и вышла, то, надо сознаться, ея прекрасные черные глаза совершенно ясно видѣли, что изъ этого можетъ выйти.

Кажется, впрочемъ, эта политичная дѣвица (безъ сомнѣнія, она читала Маккіавелли) измыслила очень остроумный планъ. Въ первую же ночь послѣ свадьбы, не знаю подъ какимъ предлогомъ, она выпросила для своей сестры позволеніе лечь подлѣ кровати, на которой помѣщалась царственная чета, на такомъ разстояніи, чтобы можно было разговаривать съ нею; а незадолго до разсвѣта разбу-

дила своего добраго монарха и супруга (онъ не разсердился, такъ какъ все равно рѣшилъ удавить ее утромъ), разбудила (хотя, благодаря спокойной совѣсти и превосходному пищеваренію, онъ спалъ крѣпко) и не давала ему уснуть чрезвычайно интересной исторіей (о крысѣ и черной кошкѣ, если не ошибаюсь), которую разсказывала (разумѣется, шопотомъ) своей сестрѣ. Случилось такъ, что, когда наступило утро, исторія еще не была кончена, и должна была остаться неоконченной по весьма естественной причинѣ: Шехеразадѣ пришло время отправляться къ палачу и быть удавленной, вещь не многимъ болѣе пріятная, чѣмъ повѣшеніе, и врядъ-ли болѣе изящная.

Съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что любопытство монарха одержало верхъ даже надъ его строгими религіозными принципами и заставило его отложить исполненіе обѣта до слѣдующаго утра, съ намѣреніемъ и въ надеждѣ узнать, что такое произошло между черной кошкой (я думаю, что дѣло шло о черной кошкѣ) и крысой.

Въ эту ночь леди Шехеразада не только покончила съ черной кошкой и крысой (крыса была голубая), но, сама того не замѣчая, увлеклась разсказомъ (если память не обманываетъ меня) о пунцовой лошади (съ зелеными крыльями), которая приводилась въ движеніе часовымъ механизмомъ и заводилась синимъ ключемъ. Эта исторія еще сильнѣе заинтересовала калифа, и такъ какъ она тоже не кончилась къ разсвѣту (несмотря на всѣ старанія царицы своевременно попасть въ петлю), то не оставалось ничего другого, какъ отложить церемонію еще на сутки. На слѣдующую ночь произошло тоже самое съ тѣмъ же результатомъ; и на слѣдующую, и на слѣдующую, такъ что въ концѣ концовъ добрый монархъ, не удосужившись исполнить свой обѣтъ въ теченіе тысячи и одной ночи, или забылъ о немъ за давностью, или освободился отъ него установленнымъ порядкомъ, или (что всего вѣроятнѣе) по просту сбросилъ его съ плечъ долой такъ же, какъ и голову своего духовника. Во всякомъ случаѣ Шехеразада, происходившая по прямой линіи отъ Евы и, можетъ быть, получившая въ наслѣдство всѣ семь корзинъ съ исторіями, которыя эта послѣдняя собрала на деревьяхъ Эдема,—Шехеразада, говорю я, восторжествовала и налогъ на красоту былъ отмѣненъ.

Эта развязка безспорно хороша и пріятна,—но, увы! подобно многимъ пріятнымъ вещамъ, она болѣе пріятна, чѣмъ истинна; и только благодаря Изитсоѣрнотъ я имѣю возможность исправить неточность. «Le mieux,—говоритъ французская поговорка,—est l'ennemi du bien»,—замѣтивъ, что Шехеразада получила въ наслѣдство семь корзинъ, я долженъ прибавить, что она отдала ихъ въ ростъ, такъ что онѣ превратились въ семьдесятъ семь.

— Сестрица,—сказала она при наступленіи тысяча второй ночи (здѣсь я передаю разсказъ «Изитсоёрнотъ» verbatim), сестрица,—сказала она,—теперь, когда маленькое недоразумѣніе на счетъ петли уладилось и ненавистный налогъ отмѣненъ, было бы очень не хорошо съ моей стороны утаить отъ тебя и калифа (съ сожалѣніемъ должна замѣтить, что онъ храпитъ—чего ни одинъ джентльменъ не позволилъ бы себѣ) заключеніе исторіи моряка Синбада. Онъ испыталъ много другихъ приключеній, гораздо болѣе интересныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ я вамъ разсказала; но правду сказать, мнѣ очень хотѣлось спать въ ту ночь, когда пришлось о нихъ разсказывать, такъ что я многое выпустила—да проститъ мнѣ Аллахъ это прегрѣшеніе. Во всякомъ случаѣ никогда не поздно исправить мое упущеніе,—сейчасъ я кольну разъ или два булавкой калифа и когда онъ проснется и прекратитъ свой ужасный храпъ, разскажу тебѣ (и ему, если онъ пожелаетъ) конецъ этой замѣчательной исторіи.

Сестра Шехеразады, какъ видно изъ «Изитсоёрнотъ», не выразила особенной благодарности; но калифъ послѣ нѣсколькихъ уколовъ, пересталъ храпѣть и сказалъ «Хмъ!», а потомъ «Уфъ!», а супруга его, понявъ эти слова (безъ сомнѣнія, арабскія) въ томъ смыслѣ, что онъ весь вниманіе и постарается не храпѣть, вернулась къ исторіи моряка Синбада.

«Наконецъ, на старости лѣтъ (это слова самого Синбада, передаваемыя Шехеразадой), мной снова овладѣла страсть къ посѣщенію невѣдомыхъ странъ. Однажды утромъ, не сказавъ никому изъ близкихъ о моемъ планѣ, я собралъ нѣсколько узловъ товара подороже и полегче, кликнулъ носильщика и отправился вмѣстѣ съ нимъ на морской берегъ съ цѣлью дождаться корабля, который увезетъ меня изъ нашего царства въ какую-нибудь страну, гдѣ мнѣ еще не случалось бывать.

«Сложивъ узлы на прибрежномъ пескѣ, мы усѣлись подъ деревомъ, всматриваясь въ океанъ, не увидимъ-ли корабля. Но въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не показывалось ни одного. Наконецъ, мнѣ почудился странный жужжащій или шипящій звукъ, и носильщикъ, прислушавшись, объявилъ, что и онъ тоже слышитъ. Звукъ становился все громче и громче: очевидно, приближался къ намъ. Вскорѣ мы замѣтили на краю горизонта черное пятно, которое росло, росло и превратилось въ чудовище, плывшее по морю, причемъ большая часть его туловища выдавалась надъ поверхностью. Оно приближалось къ намъ съ изумительною быстротой, выбрасывая огромные клубы дыма изъ своей груди и озаряя ту часть моря, по которой двигалось, длинной, далеко тянувшейся, полосой свѣта.

«Когда оно подплыло на близкое разстояніе, мы могли подробно разсмотрѣть его. Чудовище было втрое длиннѣе самаго вы-

сокаго дерева, и такой же ширины, какъ большая пріемная зала въ твоемъ дворцѣ, о, славнѣйшій и великодушнѣйшій изъ халифовъ! Его туловище, совсѣмъ не такое, какъ у обыкновенной рыбы, было твердое, какъ камень и черное-пречерное, за исключеніемъ узкой кроваво-красной полосы, охватывавшей его въ видѣ пояса. Брюхо только по временамъ показывалось изъ воды, когда чудовище раскачивалось на волнахъ: оно было покрыто металлическими чешуями цвѣта луны въ сырую погоду. На плоской бѣлой спинѣ торчали шесть шиповъ, длина которыхъ равнялась половинѣ длины тѣла.

«Мы не замѣтили никакихъ признаковъ рта у этого ужаснаго существа; за то у него было, по меньшей мѣрѣ, восемьдесятъ глазъ, которые высовывались изъ орбитъ, какъ у зеленой стрекозы и были расположены вокругъ всего тѣла, двумя рядами, одинъ надъ другимъ, подъ красной полосой, соотвѣтствовавшей, повидимому, бровямъ. Двое или трое изъ этихъ страшныхъ глазъ были гораздо больше всѣхъ остальныхъ и казались изъ чистаго золота.

«Хотя это животное приближалось къ намъ съ необычайной быстротой, но двигалось оно положительно какимъ-то волшебствомъ: у него не было ни плавниковъ, какъ у рыбы, ни ногъ, какъ у утки, ни крыльевъ, какъ у кораблика; наконецъ, оно не изгибалось, какъ угорь. Голова и хвостъ его были одинаковой формы, только по близости отъ послѣдняго находились двѣ дыры, очевидно, ноздри, изъ которыхъ вырывалось съ страшной силой и рѣзкимъ непріятнымъ свистомъ шумное дыханіе чудовища.

«Какъ ни великъ былъ нашъ ужасъ при видѣ этого безобразнаго существа; но удивленіе пересилило даже страхъ, когда мы замѣтили на спинѣ чудовища толпу животныхъ, очень похожихъ на людей по величинѣ и формѣ. Онѣ отличались отъ людей только однимъ признакомъ: на нихъ не было одежды (какъ на людяхъ), а какая-то уродливая оболочка (безъ сомнѣнія, естественная), которая хотя и напоминала отчасти платье, но такъ плотно приросла къ кожѣ, что придавала бѣднымъ тварямъ потѣшный, неуклюжій видъ и очевидно причиняла имъ жестокія мученія. На самыхъ макушкахъ у нихъ были надѣты какіе-то ящики, замѣнявшіе чалму, какъ мнѣ показалось съ перваго взгляда. Однако, вглядѣвшись пристальнѣе, я замѣтилъ, что они чрезвычайно тяжелы и плотны: очевидно, ихъ назначеніе было поддерживать голову прямо на плечахъ. У всѣхъ этихъ тварей были черные ошейники (безъ сомнѣнія, знаки рабства), въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ мы водимъ собакъ, только гораздо шире и туже, такъ что бѣдняжки не могли повернуть головы, не повернувшись въ то же время всѣмъ тѣломъ; и такимъ образомъ были осуждены вѣчно разсматривать свои носы.

«Подплывъ къ берегу, чудовище внезапно выпучило одинъ глазъ и выбросило изъ него снопъ огня, сопровождавшійся густыми клубами дыма и трескомъ, который я могу сравнить только съ раскатомъ грома. Когда дымъ разсѣялся, одно изъ вышеописанныхъ уродливыхъ человѣкообразныхъ животныхъ приблизилось къ головѣ громаднаго звѣря, и, приставивъ къ губамъ трубу, обратилось къ намъ съ громкими, рѣзкими, непріятными звуками, которые мы приняли бы за слова, если бы они не исходили изъ носа.

«Видя, что къ намъ обращаются и не зная, что отвѣтить, я обратился къ носильщику, который почти обезпамятѣлъ отъ страха,—и спросилъ, не знаетъ-ли онъ, что это за чудовище, чего ему нужно, и что за странныя твари копошатся на его спинѣ. Кое-какъ, задыхаясь отъ страха, онъ пролепеталъ, что слыхалъ какъ-то объ этомъ морскомъ животномъ, что это свирѣпый демонъ, у котораго внутренности изъ сѣры, а вмѣсто крови огонь; что онъ созданъ злыми духами на мученіе человѣчеству; что твари на его спинѣ—паразиты въ родѣ тѣхъ, которые заводятся иногда у собакъ и кошекъ, только крупнѣе и злѣе; и что у нихъ есть свое назначеніе, хотя очень скверное: они кусаютъ и жалятъ чудовище, доводя его до бѣшенства, причемъ оно начинаетъ бушевать и свирѣпствовать, исполняя такимъ образомъ мстительный и коварный планъ злыхъ духовъ.

«Это сообщеніе заставило меня навострить лыжи; я пустился опрометью въ холмы, носильщикъ тоже, но въ противуположную сторону, такъ что, по всей вѣроятности, ему удалось улизнуть вмѣстѣ съ моими товарами, которые онъ, безъ сомнѣнія, сохранилъ въ цѣлости, хотя я никогда не могъ провѣрить этотъ пунктъ, такъ какъ ни разу съ тѣхъ поръ не встрѣчался съ нимъ.

«Что касается меня, то я былъ настигнутъ толпою этихъ человѣкообразныхъ гадинъ (онѣ переплыли на берегъ въ лодкахъ), связанъ по рукамъ и по ногамъ и перевезенъ на чудовище, которое немедленно отплыло въ море.

«Я горько раскаявался въ безразсудной непосѣдливости, заставившей меня покинуть уютный домашній очагъ для гибельныхъ приключеній, въ родѣ настоящаго, но такъ какъ раскаяніе было безполезно, то я старался улучшить по возможности свою участь,—и для того заслужить расположеніе человѣкообразнаго животнаго съ трубою, которое, повидимому, командовало надъ своими собратьями. Мои старанія увѣнчались успѣхомъ: въ скоромъ времени эта тварь уже выказывала мнѣ различные знаки расположенія, и даже не полѣнилась обучить меня своему языку—если только можно назвать языкомъ эту зачаточную рѣчь—такъ что я могъ свободно объясняться съ нимъ и сообщить ему о своемъ страстномъ желаніи потолкаться по свѣту

— Washish squashish squeak, Sinbad, hey-diddle, diddle, grunt unt grumble, hiss, fiss, whiss,—сказалъ онъ мнѣ однажды послѣ обѣда—тысячу извиненій!.. я забылъ, что ваше величество не знакомы съ языкомъ этихъ человѣко-звѣрей (онъ представляетъ соединительное звѣно между ржаніемъ лошади и пѣніемъ пѣтуха). Съ вашего позволенія я переведу.

«Washish squashish» и такъ далѣе значитъ:—Вы славный малый, любезный Синбадъ; мы теперь совершаемъ то, что называется кругосвѣтнымъ плаваніемъ, и такъ какъ вамъ хочется видѣть свѣтъ, то я такъ и быть разрѣшаю вамъ свободно расхаживать по спинѣ животнаго.

Когда леди Шехеразада дошла до этого мѣста, калифъ, по словамъ «Изитсоёрнотъ», повернулся съ лѣваго бока на правый и сказалъ:

— Дѣйствительно, дорогая царица, очень странно, что вы пропустили эту часть приключеній Синбада. Знаете, я нахожу ихъ крайне интересными и странными.

Послѣ того какъ калифъ высказалъ свое мнѣніе, прекрасная Шехеразада такъ продолжала свою исторію:

— Синбадъ разсказывалъ такъ: Я поблагодарилъ человѣко-звѣря за его любезность и вскорѣ чувствовалъ себя какъ дома на спинѣ чудовища, которое мчалось по океану съ поразительной быстротой, хотя поверхность его въ этой части свѣта не плоская, а круглая, какъ у гранатоваго яблока, такъ что мы все время, такъ сказать, или поднимались на гору или опускались съ горы.

— Это очень странно,—перебилъ калифъ.

— Тѣмъ не менѣе истинная правда,—возразила Шехеразада.

— Я остаюсь при своихъ сомнѣніяхъ,—отвѣчалъ калифъ,—впрочемъ, будьте добры продолжать.

— Извольте,—сказала царица.—Животное,—продолжалъ Синбадъ,—мчалось съ горы на гору, пока мы не приплыли къ острову, который имѣлъ въ окружности нѣсколько сотъ миль и тѣмъ не менѣе былъ выстроенъ посреди моря колоніей крошечныхъ животныхъ въ родѣ червячковъ [1].

— Хмъ!—сказалъ калифъ.

— Оставивъ островъ,—продолжалъ Синбадъ (Шехеразада, разумѣется, не обратила вниманія на невѣжливое замѣчаніе своего супруга),—оставивъ островъ, мы приплыли къ другому, гдѣ лѣса оказались изъ твердаго камня, такъ что лучшіе топоры разлетались на куски, когда мы пробовали рубить эти деревья [2].

---

[1]) Коралловые полипы.

[2]) «Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ Техасѣ окаменѣ-

— Хмъ!—снова перебилъ калифъ, но Шехеразада, не обративъ на это вниманія, продолжала разсказъ Синбада.

— Оставивъ этотъ островъ, мы приплыли въ страну, гдѣ есть пещера въ нѣдрахъ земли, пещера въ тридцать или сорокъ миль въ окружности, усѣянная дворцами, которые превосходятъ великолѣпіемъ и громадностью лучшія зданія Дамаска и Багдада. Съ кровель этихъ дворцовъ свѣшиваются миріады драгоцѣнныхъ каменьевъ, подобныхъ алмазамъ, но превышающихъ ростъ человѣческій, а по улицамъ, среди башенъ, пирамидъ и храмовъ струятся громадныя рѣки съ черной, какъ уголь, водой, кишащія безглазыми рыбами [1]).

— Хмъ!—сказалъ калифъ.

— Затѣмъ мы приплыли въ такую часть моря, гдѣ находится высокая гора, по склонамъ которой струятся потоки расплавлен-

---

лый лѣсъ въ верховьи рѣки Пазиньо. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ деревьевъ, стоящихъ вертикально, но превратившихся въ камень. Нѣкоторыя деревья окаменѣли только отчасти и продолжаютъ рости. Этотъ поразительный фактъ достоинъ вниманія естествоиспытателей, которымъ придется измѣнить современную теорію окаменѣнія. Кеннеди.

Это сообщеніе, сначала встрѣченное недовѣріемъ, подтвердилось открытіемъ окаменѣлаго лѣса въ горахъ Black Hills.

Врядъ-ли найдется на землѣ зрѣлище болѣе живописное и болѣе замѣчательное въ геологическомъ отношеніи, чѣмъ окаменѣлый лѣсъ близъ Каира. Оставивъ за собой гробницы калифовъ тотчасъ за воротами города, путешественникъ направляется къ югу, подъ прямымъ угломъ къ дорогѣ черезъ пустыню въ Суецъ, по безплодной равнинѣ, усѣянной пескомъ, гравіемъ, морскими раковинами и влажной, какъ будто приливъ только что оставилъ ее. Пройдя миль десять по этой равнинѣ, онъ встрѣчаетъ гряду низкихъ песчаныхъ холмовъ. Тутъ передъ нимъ открывается удивительная и безотрадная картина. На много миль кругомъ почва завалена исковерканными, свалившимися деревьями и пнями, совершенно окаменѣлыми, издающими рѣзкій металлическій звукъ, если лошадь случайно задѣнетъ ихъ копытомъ. Деревья пріобрѣли темно-бурый оттѣнокъ, но вполнѣ сохранили форму; длина ихъ отъ одного до пятнадцати, толщина отъ полуфута до трехъ футовъ. Онѣ навалены такими грудами, что египетскій оселъ съ трудомъ пробирается между ними, и имѣютъ такой естественный видъ, что будь это въ Шотландіи или Ирландіи, мѣстность можно бы было принять за огромное высушенное болото, усѣянное вырытыми древесными стволами. Корни и обломки вѣтвей замѣчательно сохранились; на многихъ совершенно отчетливо видны слѣды червей. Самыя тонкія ткани и сосуды, нѣжныя части сердцевины сохранили свою структуру, мельчайшія детали которой ясно различаемы при сильномъ увеличеніи. Всѣ эти остатки пропитаны кремнемъ до того, что царапаютъ стекло и выдерживаютъ полировку. Asiatic Magazine.

[1]) Мамонтова Пещера въ Кентукки.

наго металла; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ двѣнадцати миль въ ширину и шестидесяти въ длину [1]); а изъ пропасти на верхушкѣ горы вылетаетъ такая масса пепла, что солнце скрывается отъ глазъ и вокругъ острова стоитъ кромѣшная тьма: даже на разстояніи полутораста миль отъ него мы не могли различать самыхъ яркихъ, бѣлыхъ предметовъ, хотя бы они находились въ двухъ шагахъ [2]).

— Хмъ!—сказалъ калифъ.

— Оставивъ этотъ берегъ, мы продолжали путь, пока не прибыли въ страну, гдѣ природа словно перевернулась вверхъ дномъ: мы нашли здѣсь озеро, на днѣ котораго, на глубинѣ болѣе ста футовъ зеленѣлъ пышный, роскошный лѣсъ [3]).

— Фу!—сказалъ калифъ.

— Проплывъ еще нѣсколько сотъ миль, мы попали въ область съ такой плотной атмосферой, что желѣзо и сталь плавали въ ней, какъ у насъ перья и пухъ [4]).

— Враки!—сказалъ калифъ.

— Продолжая путь въ томъ же направленіи, мы прибыли въ великолѣпнѣйшую страну въ мірѣ. Тутъ катилась пышная рѣка въ нѣсколько тысячъ миль длиною. Рѣка эта неизмѣримой глубины и прозрачнѣе стекла. Ширина ея отъ трехъ до шести миль, вдоль береговъ возвышаются утесы, увѣнчанные вѣчно зелеными деревьями и душистыми цвѣтами.—Эта страна роскошный садъ, но имя ей—царство ужаса, и всякій, кто вступитъ въ нее, погибъ неизбѣжно [5]).

---

[1]) Въ Исландіи, 1783.

[2]) Во время изверженія Этны въ 1766 году, облака дыма до того затмили небо, что въ Глаумбѣ, на разстояніи болѣе пятидесяти миль отъ горы, жители должны были отыскивать дорогу ощупью. Во время изверженія Везувія въ 1794 г., въ Казертѣ, въ четырехъ миляхъ отъ вулкана, можно было ходить только при свѣтѣ факеловъ. Перваго мая 1812 г., туча волканическаго пепла и песка, извергнутая вулканомъ на островѣ св. Винцента, застлала весь островъ Барбадосъ, такъ что въ полдень нельзя было въ двухъ шагахъ разсмотрѣть деревья и другіе предметы, даже различить бѣлый платокъ на разстояніи шести дюймовъ отъ глазъ. Murray, p. 215, Phil. edit.

[3]) «Въ 1790 г. въ Каракасѣ, во время землетрясенія опустился участокъ гранитной почвы, на мѣстѣ котораго образовалось озеро въ восемьсотъ ярдовъ въ діаметрѣ и отъ восьмидесяти до ста футовъ глубиной. Часть лѣса Арипао опустилась вмѣстѣ съ почвой и деревья оставались зелеными подъ водою въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ». Murray, p. 221.

[4]) «Самая твердая сталь превращается подъ вліяніемъ паяльной трубки въ неосязаемую пыль, которая плаваетъ въ воздухѣ».

[5]) Область Нигера. См. Simmond's „Colonial Magazine".

— Ухъ!—сказалъ калифъ.

— Мы поскорѣе оставили эту страну и черезъ нѣсколько дней прибыли въ другую, гдѣ съ изумленіемъ увидѣли сотни чудовищъ съ рогами, похожими на серпы. Эти отвратительныя животныя выкапываютъ въ землѣ огромныя ямы, въ формѣ воронокъ, обкладывая края ихъ скалами, которыя валятся при малѣйшемъ толчкѣ. Если какое-нибудь животное набѣжитъ на яму и задѣнетъ за камень, послѣдній увлекаетъ его внизъ; тутъ оно попадаетъ въ лапы чудовища, которое, высосавъ кровь своей жертвы, презрительно выбрасываетъ ея трупъ вонъ изъ «пещеры смерти» [1]).

— Охъ!—сказалъ калифъ.

— Продолжая нашъ путь, мы попали въ страну, гдѣ растенія не укореняются въ землѣ, а ростутъ въ воздухѣ [2]). Есть и такія, которыя развиваются на остаткахъ другихъ растеній [3]), или на животныхъ [4]). Иныя свѣтятся яркимъ пламенемъ [5]), иныя передвигаются съ мѣста на мѣсто [6]), и что еще удивительнѣе, мы нашли здѣсь цвѣты, которые живутъ, дышатъ, двигаютъ своими членами по произволу, мало того, имѣютъ отвратительную и чисто-человѣческую привычку ловить и обращать въ рабство другихъ тварей и запирать ихъ въ ужасныя тѣсныя темницы, гдѣ они должны исполнять извѣстную работу [7]).

---

[1]) Myrmeleon,—муравьиный левъ. Терминъ „чудовище" можетъ быть примѣненъ одинаково къ мелкимъ и крупнымъ существамъ, тогда какъ эпитетъ „огромный" имѣетъ лишь относительное значеніе. Пещера муравьинаго льва огромна, въ сравненіи съ ростомъ обыкновеннаго муравья. Песчинка для послѣдняго —„скала".

[2]) Epidendron Flos aeris, изъ семейства Orchideae прикрѣпленъ корнями къ дереву, но не высасываетъ его соковъ, а существуетъ исключительно на счетъ воздуха.

[3]) Паразиты, въ родѣ удивительной Rafflesia Arnoldi.

[4]) Скау устанавливаетъ классъ растеній, развивающихся на животныхъ — Plantae Epizoae. Сюда относятся нѣкоторые Fuci и Algae.

Мистеръ Ж. Б. Виллььямсъ, изъ Салема, Mass. представилъ въ „Національный Институтъ" насѣкомое изъ Новой Зеландіи, съ слѣдующимъ описаніемъ:—Этотъ мертвый червякъ „Hotte" найденъ въ корняхъ ростка Rata, который развивается изъ его головы. Это совершенно особенное и крайне любопытное насѣкомое, живетъ на деревьяхъ Rata и Perriri; забравшись на верхушку дерева, оно прогрызаетъ себѣ путь вдоль всего ствола до самыхъ корней; затѣмъ выползаетъ изъ корня и околѣваетъ, или засыпаетъ, причемъ изъ головы его выростаетъ дерево, а тѣло насѣкомаго сохраняется въ цѣлости и твердѣетъ. Туземцы приготовляютъ изъ него краску для татуировки.

[5]) Въ рудникахъ и естественныхъ гротахъ попадается одинъ видъ гриба, издающаго сильный фосфорическій свѣтъ.

[6]) Орхидея, скабіоза и валлисперія.

[7]) „Вѣнчикъ этого цвѣтка (Aristolochia Clematitis) трубчатый, но

— Пхе!—сказалъ калифъ.

— Оставивъ эту страну, мы вскорѣ попали въ другую, гдѣ пчелы и птицы обладаютъ такими геніальными математическими способностями, что ежедневно даютъ уроки геометріи мудрецамъ этого царства. Однажды, тамошній царь назначилъ премію за рѣшеніе двухъ крайне трудныхъ проблемъ, которыя и были рѣшены за одинъ присѣстъ: одна—пчелами, другая—птицами. Но король сохранилъ это рѣшеніе въ тайнѣ, и только послѣ многолѣтнихъ работъ и изслѣдованій, составившихъ тысячи толстыхъ фоліантовъ, математики-люди пришли, наконецъ, къ тому же рѣшенію, которое было сразу найдено птицами и пчелами [1].

— Чортъ!—сказалъ калифъ.

— Едва мы потеряли изъ вида это царство, какъ передъ нами показалась другая страна. Съ береговъ ея летѣла, направляясь надъ нашими головами, стая птицъ, шириною въ милю, а длиной въ двѣсти сорокъ миль, такъ что прошло не менѣе четырехъ часовъ, пока она пролетѣла надъ нами, дѣлая по милѣ въ минуту. Очевидно, тутъ были милліоны милліоновъ птицъ [2].

заканчивается вверху язычкомъ, а внизу расширяется въ видѣ шарика. Трубчатая часть одѣта внутри жесткими волосками, направленными внизъ. Шарообразное расширеніе содержитъ пестикъ, который состоитъ только изъ завязи и рыльца, и окруженъ тычинками. Но тычинки короче завязи, такъ что цвѣтень не можетъ попасть на рыльце, а цвѣтокъ стоитъ вертикально до опыленія. Такимъ образомъ, безъ посторонней, внѣшней помощи, пыльца должна падать на дно цвѣтка. Но помощь является въ лицѣ Tiputa Pennicornis, маленькаго насѣкомаго, которое, забравшись въ трубку за медомъ, спускается на дно, гдѣ возится до тѣхъ поръ, пока не покроется пыльцой. Не имѣя возможности выбраться изъ цвѣтка, по милости волосковъ, сходящихся острыми концами въ центрѣ трубки, подобно проволокамъ въ мышеловкѣ, оно мечется туда и сюда, ощупываетъ каждый уголокъ, попадаетъ на рыльце и оплодотворяетъ его пыльцею. Послѣ оплодотворенія цвѣтокъ опускается внизъ, волоски прижимаются къ стѣнкѣ трубки и насѣкомое вылетаетъ вонъ. Rev. P. Keith. „System of Physiological Botany“.

[1]) Пчелы, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онѣ существуютъ, строятъ свои ячейки съ такимъ числомъ сторонъ, въ такомъ количествѣ, и подъ такими углами, какъ это требуется (согласно глубочайшимъ математическимъ изслѣдованіямъ), въ постройкѣ, соединяющей наибольшій объемъ съ наибольшею плотностью.

Въ концѣ прошлаго столѣтія математики заинтересовались слѣдующей проблемой: „опредѣлить наилучшую форму, какая можетъ быть дана крыльямъ вѣтряной мельницы, сообразно ихъ измѣняющимся разстояніямъ отъ вращающихся шпилей и отъ центровъ вращенія“. Знаменитѣйшіе математики безуспѣшно корпѣли надъ этой сложной проблемой и когда, наконецъ, рѣшеніе было найдено, оказалось, что крылья птицъ уже доставили это рѣшеніе, съ тѣхъ поръ какъ первая птица пролетѣла въ воздухѣ.

[2]) Онъ видѣлъ стаю голубей, пролетѣвшую между Франкфуртомъ

— Дьяволъ!—сказалъ калифъ.

— Не успѣла пролетѣть эта стая, причинившая намъ много досады, какъ мы страшно перепугались при видѣ другой птицы, далеко превосходившей размѣрами даже руховъ, которые попадались мнѣ въ прежнихъ путешествіяхъ. Она была больше самыхъ большихъ куполовъ твоего сераля, о, великодушнѣйшій халифъ! Мы не могли разсмотрѣть голову этой страшной птицы; повидимому, она вся состояла изъ чудовищнаго, круглаго, толстаго брюха, съ виду мягкаго, гладкаго, блестящаго и разрисованнаго пестрыми полосами. Чудовище уносило въ своихъ когтяхъ цѣлый домъ, съ котораго сбросило крышу и въ которомъ мы замѣтили фигуры людей, безъ сомнѣнія, страшно перепуганныхъ ожидавшей ихъ ужасной участью.

Мы кричали изо всѣхъ силъ, стараясь напугать птицу и заставить ее выпустить свою добычу, но она только фыркнула отъ злости и бросила намъ на головы тяжелый мѣшокъ съ пескомъ.

— Чушь!—сказалъ калифъ.

— Тотчасъ послѣ этого приключенія попался намъ материкъ огромныхъ размѣровъ, чудовищной твердости, который тѣмъ не менѣе держался на спинѣ коровы небесно-голубого цвѣта съ четырьмя сотнями роговъ [1]).

— Этому я вѣрю, — сказалъ калифъ, — я уже читалъ объ этомъ въ какой-то книгѣ.

— Мы проплыли подъ этимъ материкомъ (пробравшись между ногами коровы) и спустя нѣсколько часовъ прибыли въ удивительную страну, которая оказалась родиной моего человѣко-звѣря, населенной такими же, какъ онъ, существами. Это значительно возвысило его въ моихъ глазахъ, такъ что я даже устыдился своего презрительно-фамильярнаго обращенія съ нимъ. Я убѣдился, что эти человѣко-звѣри могущественные волшебники: въ мозгу у нихъ водятся какіе-то червяки [2]), которые своими уколами и укушеніями побуждаютъ ихъ фантазію къ самымъ чудеснымъ выдумкамъ.

— Вздоръ!—сказалъ калифъ.

и территоріей Индіаны. Стая эта, шириною въ милю, летѣла въ теченіе четырехъ часовъ; предполагая, что она пролетала по милѣ въ минуту, получимъ длину стаи въ 240 миль; а принимая по три голубя на квадратный ярдъ, насчитаемъ 2.230.272.000 штукъ. „Travels in Canada and the United States“ by Lieut F. Hall.

[1]) „Земля покоится на голубой коровѣ съ четырьмя сотнями роговъ“. Sale's Koran.

[2]) Entozoa или внутренностные черви не разъ были находимы въ мускулахъ и мозговомъ веществѣ человѣка. См. Wyatt's Physiology, p. 143.

— Они приручили много удивительныхъ животныхъ; между прочимъ, огромную лошадь съ желѣзными костями, у которой вмѣсто крови кипящая вода. Она питается не овсомъ, а черными каменьями и, несмотря на эту скудную пищу, такъ сильна и быстра, что тащитъ за собой грузъ, болѣе тяжелый, чѣмъ величайшій храмъ въ этомъ городѣ, быстротѣ которой позавидуетъ птица [1]).

— Гиль!—сказалъ калифъ.

— Я видѣлъ также у этого народа курицу безъ перьевъ, ростомъ больше верблюда; вмѣсто мяса и костей у нея желѣзо и кирпичъ; вмѣсто крови кипятокъ, какъ и у лошади (съ которой она въ близкомъ родствѣ) и также какъ лошадь, она питается только деревомъ или черными каменьями. Эта курица приноситъ въ сутки по сотнѣ цыплятъ, которые послѣ рожденія остаются на нѣсколько недѣль въ желудкѣ матери [2]).

— Дичь!—сказалъ калифъ.

— Одинъ изъ представителей этого племени великихъ колдуновъ устроилъ изъ дерева, мѣди и кожи человѣка, который обыграетъ въ шахматы весь міръ, кромѣ великаго халифа Гарунъ Альрашида [3]). Другой волшебникъ создалъ (изъ такого же матеріала) существо, которое превзошло геніальностью даже своего изобрѣтателя; въ одну секунду оно производитъ такія сложные разсчеты, для которыхъ требуется работа пятидесяти тысячъ живыхъ людей въ теченіе года [4]). Но еще поразительнѣе изобрѣтеніе другого волшебника: могущественное существо, съ мозгомъ изъ кожи и какого-то чернаго вещества вродѣ дегтя, и со множествомъ пальцевъ, которыми оно работаетъ съ невѣроятной быстротой и ловкостью, такъ что безъ труда можетъ написать двадцать тысячъ списковъ Корана въ часъ, причемъ списки эти не отличаются другъ отъ друга на ширину тончайшаго волоска. Существо это обладаетъ чудовищной силой; во мгновеніе ока создаетъ и низвергаетъ могущественнѣйшія имперіи; но силы его служатъ и добру, и злу.

— Потѣха!—сказалъ калифъ.

— Среди этой націи кудесниковъ нашелся одинъ, у котораго въ жилахъ кровь саламандры: онъ можетъ сидѣть и какъ ни въ чемъ не бывало курить свою трубку въ раскаленной печи, пока

---

[1]) На Большой Западной желѣзной дорогѣ между Лондономъ и Эксетеромъ достигнута скорость въ 71 милю въ 1 часъ. Поѣздъ въ 90 тоннъ вѣсомъ доѣхалъ отъ Паддингтона до Дидкота (53 мили) въ 51 минуту.

[2]) Экколабейонъ.

[3]) Шахматный игрокъ—автоматъ Мельцеля.

[4]) Счетная машина Баббеджа.

его обѣдъ жарится тутъ же на полу [1]). Другой превращаетъ неблагородные металлы въ золото, безъ малѣйшаго труда, даже не глядя на нихъ [2]). У третьяго чувство осязанія такъ тонко, что онъ выдѣлываетъ невидимую проволоку [3]). Четвертый такъ быстро схватываетъ впечатлѣнія, что можетъ сосчитать движенія упругаго тѣла, которое раскачивается взадъ и впередъ, дѣлая девятсотъ милліоновъ колебаній въ секунду [4]).

— Глупости!—сказалъ калифъ.

— Еще одинъ волшебникъ можетъ, посредствомъ жидкости, которой никто никогда не видѣлъ, заставить своихъ пріятелей размахивать руками, дрыгать ногами, драться, даже плясать, по своему произволу [5]). Другой обладаетъ такимъ громкимъ и зычнымъ голосомъ, что его рѣчь раздается съ одного конца земли до другого [6]). У третьяго такія длинныя руки, что онъ можетъ, сидя въ Дамаскѣ, писать письмо въ Багдадѣ или какомъ угодно другомъ пунктѣ [7]). Четвертый заставляетъ молнію падать къ нему съ неба, и она является по его зову, и служитъ ему игрушкой. Пятый изъ двухъ громкихъ звуковъ создаетъ молчаніе. Шестой соединяетъ два яркихъ луча и получаетъ тьму [8]). Седьмой приготовляетъ ледъ въ раскаленной печи [9]). Восьмой приказалъ солнцу

---

[1]) Шаберъ, а послѣ него сотни другихъ.

[2]) Электротипъ.

[3]) Волластонъ приготовилъ для телескопа платиновую проволоку въ одну восемнадцатитысячную дюйма толщиною. Она видима только въ микроскопъ.

[4]) По вычисленіямъ Ньютона ретина подъ вліяніемъ фіолетоваго луча спектра дѣлаетъ 900.000.000 колебаній въ секунду.

[5]) Вольтовъ столбъ.

[6]) Электрическій телеграфъ передаетъ депешу мгновенно,—по крайней мѣрѣ, при земныхъ разстояніяхъ.

[7]) Печатающій электрическій телеграфъ

[8]) Обыкновенный физическій опытъ. Если два красные луча изъ двухъ свѣтящихся точекъ впустить въ темную комнату, такъ, чтобы они падали на бѣлую поверхность, различаясь по длинѣ на 0,00000285 дюйма, то яркость ихъ удваивается. Если разница въ длинѣ выражается цѣлымъ числомъ, помноженнымъ на эту дробь, получается то же самое. Множители $2\frac{1}{4}$, $3\frac{1}{4}$ и т. д. даютъ яркость, равную яркости только одного луча; наконецъ, множители $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$ и т. д. даютъ полную темноту. Для фіолетовыхъ лучей тѣ же эффекты достигаются при разницѣ длины въ 0,00000167 дюйма; для остальныхъ получаются такіе же результаты, причемъ разница регулярно возростаетъ отъ фіолетоваго къ красному.

Аналогичные опыты надъ звукомъ даютъ аналогичные результаты.

[9]) Помѣстите платиновый тигель надъ спиртовой лампой, накалите его до красна и влейте немного сѣрнистой кислоты. Хотя при обыкновенной температурѣ она улетучивается очень быстро, но въ накаленномъ тиглѣ принимаетъ сферическую форму и вовсе не ис-

нарисовать его портретъ и солнце послушалось [1]). Девятый взялъ солнце, луну и планеты, тщательно взвѣсилъ ихъ и опредѣлилъ, изъ какихъ веществъ они состоятъ. Вообще вся эта нація такъ сильна въ волшебствѣ, что даже дѣти, даже простыя собаки и кошки безъ всякаго труда видятъ предметы, вовсе не существующіе или исчезнувшіе за двадцать милліоновъ лѣтъ до появленія самой націи [2]).

— Ерунда!—сказалъ калифъ.

— Жены и дочери этихъ великихъ и мудрыхъ волшебниковъ, —продолжала Шехеразада, ничуть не смущаясь частыми и совершенно не джентльменскими перерывами со стороны мужа,—жены и дочери этихъ славныхъ заклинателей были бы совершенствомъ добродѣтели и утонченности, красоты и привлекательности, если бы не роковое заблужденіе, противъ котораго безсильны, при всемъ своемъ могуществѣ, ихъ мужья и братья. Заблужденія являются въ различныхъ формахъ; то, о которомъ я говорю—въ формѣ турнюра.

— Чего?—сказалъ калифъ.

— Турнюра,—отвѣчала Шехеразада.—Одинъ изъ злыхъ геніевъ, которые постоянно замышляютъ бѣды для человѣчества, внушилъ этимъ превосходнымъ дамамъ мысль, что женская красота всецѣло зависитъ отъ размѣровъ той части тѣла, которая помѣщается нѣсколько ниже спины. Чѣмъ сильнѣе выдается эта часть, тѣмъ совершеннѣе красота. Такъ какъ эта мысль овладѣла ими давно, а подушки въ той землѣ дешевы, то и вышло, что въ настоящее время тамъ нельзя отличить женщину отъ дромадера...

паряется,—будучи окружена оболочкой изъ собственнаго пара, такъ что не прикасается непосредственно къ раскаленной поверхности. Затѣмъ вводятъ въ тигель нѣсколько капель воды; кислота, придя въ соприкосновеніе съ раскаленными стѣнками тигля, испаряется мгновенно, поглощая скрытую теплоту воды, такъ что послѣдняя замерзаетъ. Если во время перевернуть тигль, она не успѣетъ расплавиться, и изъ раскаленнаго до красна тигля вылетаетъ кусокъ льда.

[1]) Дагерротипъ.

[2]) 61 звѣзда Лебедя находится на такомъ громадномъ разстояніи отъ земли, что лучи ея достигаютъ до насъ въ десять лѣтъ, хотя свѣтъ пробѣгаетъ въ секунду 167.000 миль. Для болѣе отдаленныхъ звѣздъ можно принять 20, даже 1000 лѣтъ. Такимъ образомъ, если бы онѣ угасли 20 или 1000 лѣтъ тому назадъ, мы все-таки видѣли бы ихъ теперь благодаря свѣту, отдѣлившемуся отъ ихъ поверхности 20 или 1000 лѣтъ тому назадъ. Что многія изъ нихъ дѣйствительно угасли, въ томъ нѣтъ ничего невозможнаго или даже невѣроятнаго. По вычисленіямъ старшаго Гершеля свѣтъ самой слабой туманности, видимой въ его большой телескопъ, достигаетъ до земли въ 3.000.000 лѣтъ. Свѣтъ нѣкоторыхъ туманностей, усматриваемыхъ въ телескопъ лорда Росса, требуетъ не менѣе 20.000.000 лѣтъ.

— Довольно!—сказалъ калифъ,—я не могу и не желаю выносить этой чепухи. У меня и такъ ужъ разболѣлась голова отъ твоего вранья. Да и утро ужъ наступаетъ. Сколько времени мы женаты?.. моя совѣсть опять возмущается. Дромадера... ты считаешь меня осломъ. Въ концѣ концовъ можешь идти въ петлю.

Эти слова,—говоритъ Изитсоёрнотъ,—удивили и огорчили Шехеразаду; но такъ какъ она знала, что калифъ человѣкъ крайне добросовѣстный и ни за что не откажется отъ своего слова, то и подчинилась его приказанію безъ всякихъ разговоровъ. Впрочемъ, она утѣшалась (въ то время какъ петля затягивала ей шею) мыслью, что исторія еще далеко не закончена, и что ея супругъ самъ себя наказалъ за грубость, благодаря которой ему не придется услышать о многихъ удивительныхъ приключеніяхъ.

Преждевременное погребеніе.

Есть темы, представляющія глубокій интересъ, но слишкомъ ужасныя, чтобы служить предметомъ вымысла. Романистъ долженъ избѣгать ихъ, если не хочетъ возбудить отвращеніе или оскорбить читателя. Мы можемъ затрогивать эти темы лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ освящаетъ суровое величіе истины. Мы читаемъ, съ дрожью «мучительнаго наслажденія», о переходѣ черезъ Березину, о лиссабонскомъ землетрясеніи, о лондонской чумѣ, о кровавой Варфоломѣевской ночи, о гибели ста двадцати трехъ плѣнныхъ въ Черной Ямѣ въ Калькуттѣ. Но въ этихъ разсказахъ насъ трогаетъ фактъ—быль—исторія. Будь это выдумки,—онѣ внушили бы намъ отвращеніе.

Я перечислилъ нѣкоторыя изъ самыхъ громкихъ, самыхъ трагическихъ катастрофъ, занесенныхъ въ лѣтописи человѣчества; но во всѣхъ этихъ случаяхъ размѣры бѣдствія усиливаютъ его мрачный характеръ. Врядъ-ли нужно напоминать читателю, что въ длинномъ и зловѣщемъ спискѣ человѣческихъ бѣдствій найдутся индивидуальные случаи, полные несравненно болѣе жестокихъ страданій, чѣмъ массовыя бѣдствія. И слава милосердому Богу,— что эти случаи нечеловѣческой муки выпадаютъ на долю единицъ, а не массъ!

Быть погребеннымъ заживо, безъ сомнѣнія, одна изъ ужаснѣйшихъ между ужасными пытками, какія когда-либо приходилось испытывать смертному. Ни одинъ мыслящій человѣкъ не станетъ отрицать, что это случается часто, и очень часто. Границы между жизнью и смертью нѣчто туманное и смутное. Кто скажетъ, гдѣ кончается одна и начинается другая? Мы знаемъ, что при нѣкото-

рыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ совершенно прекращаются всѣ видимыя жизненныя функціи, хотя на самомъ дѣлѣ это прекращеніе только временная пріостановка, минутная задержка въ непонятномъ механизмѣ человѣческаго тѣла. Проходитъ извѣстный періодъ времени, и какой-то невидимый таинственный принципъ снова пускаетъ въ ходъ волшебные рычаги и магическія колеса. Серебряная нить не порвана, золотой кубокъ не разбитъ навсегда. Но гдѣ же пребывала душа въ это время?

Независимо отъ неизбѣжнаго заключенія a priori, что одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ, что случаи временнаго прекращенія жизненныхъ функцій должны приводить иногда къ погребеніямъ заживо, независимо отъ этихъ теоретическихъ соображеній, прямое свидѣтельство медиковъ и опыта доказываетъ, что такія погребенія бывали не разъ. Я могъ бы, въ случаѣ надобности, привести не менѣе сотни вполнѣ достовѣрныхъ примѣровъ. Одно весьма замѣчательное происшествіе въ этомъ родѣ, обстоятельства котораго, быть можетъ, еще свѣжи въ памяти нѣкоторыхъ моихъ читателей, случилось не такъ давно въ Балтиморѣ, и произвело сильное и тягостное впечатлѣніе въ обширномъ кругу публики. Жена одного изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ—извѣстнаго адвоката и члена парламента—внезапно заболѣла какой-то странной болѣзнью, сбивавшей съ толку врачей. Послѣ тяжкихъ страданій она умерла или была сочтена умершей. Никому въ голову не пришло—да и не могло придти—что она жива. Всѣ признаки трупа были на лицо. Черты лица обострились и ввалились. Губы побѣлѣли. Глаза угасли. Пульсъ прекратился. Тѣло охладилось, и въ теченіе трехъ дней, пока лежало непогребеннымъ, успѣло окоченѣть, какъ камень. Въ виду быстраго наступленія того, что казалось разложеніемъ, похороны были ускорены.

Покойницу положили въ семейномъ склепѣ, который въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ ни разу не отпирался. По истеченіи этого срока его открыли для помѣщенія саркофага; но, увы! какой страшный ударъ ожидалъ мужа, который самъ отворилъ дверь. Когда онъ распахнулъ ея половинки, отворявшіяся наружу, кто-то въ бѣлой одеждѣ повалился къ нему на грудь. Это былъ скелетъ его жены, въ еще не истлѣвшемъ саванѣ.

Тщательное изслѣдованіе показало, что она очнулась дня черезъ два послѣ погребенія,—билась въ гробу, пока онъ не свалился съ катафалка, причемъ раскололся, такъ что она могла выйти. Масляная лампа, случайно забытая въ склепѣ, оказалась совершенно пустой: можетъ быть, впрочемъ, все масло улетучилось вслѣдствіе испаренія. На верхней ступенькѣ лѣстницы у входа въ

склепъ валялся осколокъ гроба: повидимому, она стучала имъ въ желѣзную дверь. Тутъ она упала въ обморокъ, а можетъ быть и умерла отъ страха; падая, зацѣпилась саваномъ за дверь, и въ этомъ положеніи осталась, и истлѣла.

Въ 1810 году случай погребенія заживо имѣлъ мѣсто во Франціи при обстоятельствахъ, которыя вполнѣ оправдываютъ поговорку: правда чуднѣе выдумки. Героиня происшествія—M-lle Викторина Лафуркадъ, молодая дѣвушка, знатной фамиліи, богатая и красавица. Въ числѣ ея поклонниковъ былъ нѣкто Жюльенъ Боссюетъ, бѣдный парижскій littérateur или журналистъ. Его таланты и достоинства завоевали ему благосклонность красавицы, но родовая гордость заставила ее отклонить предложеніе Боссюета и выйти за нѣкоего Ренелля, банкира и довольно извѣстнаго дипломата. Однако, послѣ свадьбы этотъ господинъ сталъ относиться къ ней очень небрежно, чуть-ли даже не колотилъ ее. Проживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, она умерла,—по крайней мѣрѣ, впала въ состояніе, ничѣмъ не отличающееся отъ смерти. Ее похоронили,—не въ склепѣ, а въ обыкновенной могилѣ, на кладбищѣ ея родной деревни. Терзаясь отчаяніемъ, до сихъ поръ вѣрный своей любви, Жюльенъ пріѣзжаетъ въ деревню изъ Парижа, съ романтическимъ намѣреніемъ вырыть изъ могилы тѣло и взять себѣ на память роскошные волосы красавицы. Ночью онъ является на кладбище, разрываетъ могилу, открываетъ гробъ и видитъ, что глаза покойницы открыты. Оказалось, что ее похоронили живою. Жизненныя силы не исчезли; ласки возлюбленнаго пробудили ее отъ летаргіи, которую приняли за смерть. Онъ отнесъ ее въ гостинницу, и съ помощью сильныхъ укрѣпляющихъ средствъ (онъ обладалъ большой начитанностью по части медицины) окончательно оживилъ ее. Она узнала своего избавителя и оставалась у него до выздоровленія. Ея женское сердце не было каменнымъ, этотъ послѣдній урокъ любви размягчилъ его. Она отдала его Боссюету и не возвращалась болѣе къ супругу, но, скрывъ отъ него свое воскресеніе, бѣжала съ возлюбленнымъ въ Америку. По истеченіи двадцати лѣтъ они вернулись во Францію, въ надеждѣ, что время измѣнило ее до неузнаваемости. Однако, они ошиблись въ разсчетѣ: при первой же встрѣчѣ г. Ренелль узналъ свою жену и потребовалъ ее къ себѣ. Она отказалась, а судъ рѣшилъ, что, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ и за давностью дѣла, права мужа по справедливости и по закону слѣдуетъ считать прекратившимися.

Лейпцигскій «Хирургическій Журналъ»—весьма цѣнный и важный научный сборникъ, который слѣдовало бы какому-нибудь американскому книгопродавцу издавать въ переводѣ на нашъ языкъ—сообщаетъ объ очень печальномъ случаѣ того же рода.

Одинъ артиллерійскій офицеръ, мужчина громаднаго роста и желѣзнаго здоровья, упалъ съ лошади и зашибъ голову такъ что лишился чувствъ. Черепъ былъ слегка поврежденъ, однако, рана оказалась неопасной. Трепанація удалась. Были приняты всѣ мѣры къ исцѣленію пострадавшаго. Тѣмъ не менѣе онъ все болѣе и болѣе впадалъ въ летаргію и, наконецъ, былъ сочтенъ за умершаго.

Погода стояла жаркая, и покойника схоронили съ почти неприличной торопливостью на одномъ общественномъ кладбищѣ. Похороны состоялись въ четвергъ. Въ воскресенье на кладбищѣ собралось много посѣтителей. Около полудня одинъ изъ нихъ возбудилъ общее волненіе, заявивъ, что, когда онъ сидѣлъ на могилѣ офицера, насыпь зашевелилась, какъ будто покойникъ бился въ гробу. Сначала никто не повѣрилъ этому заявленію, но непритворный ужасъ разсказчика, его настойчивость подѣйствовали на толпу. Тотчасъ достали заступы и моментально разрыли неглубокую и кое-какъ заброcанную могилу. Офицеръ былъ или казался мертвымъ, но онъ не лежалъ, а сидѣлъ въ гробу, крышку котораго успѣлъ приподнять въ своей отчаянной борьбѣ.

Его отнесли въ ближайшій госпиталь, гдѣ врачи объявили, что онъ еще живъ. Спустя нѣсколько часовъ, офицеръ очнулся, узналъ своихъ знакомыхъ, и кое-какъ разсказалъ о своей агоніи въ гробу.

Изъ его разсказа выяснилось, что онъ не менѣе часа пролежалъ въ гробу очнувшись,—прежде чѣмъ потерялъ сознаніе. Гробъ былъ засыпанъ очень небрежно, и воздухъ, по всей вѣроятности, проникалъ сквозь рыхлую землю. Онъ слышалъ шаги посѣтителей надъ своею головой и самъ старался привлечь ихъ вниманіе. Вѣроятно, этотъ шумъ на кладбищѣ и разбудилъ его отъ летаргіи, но, очнувшись, онъ тотчасъ же понялъ весь ужасъ своего положенія.

Этотъ паціентъ поправлялся довольно быстро и былъ уже близокъ къ полному выздоровленію, но погибъ жертвой медицинскаго шарлатанства. Его вздумали лечить электричествомъ и онъ испустилъ духъ въ пароксизмѣ, вызванномъ гальванической баттареей.

По поводу гальванической баттареи я вспомнилъ извѣстный и весьма замѣчательный случай, когда этотъ аппаратъ возвратилъ къ жизни молодого лондонскаго стряпчаго, пролежавшаго въ могилѣ двое сутокъ.

Этотъ господинъ, мистеръ Эдуардъ Степльтонъ, умеръ (повидимому) отъ тифозной горячки, сопровождавшейся необычайными симптомами, возбудившими любопытство врачей. Послѣ его кажущейся смерти они обратились къ роднымъ покойнаго съ просьбой разрѣшить изслѣдованіе post mortem, но получили отказъ. Какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они рѣшились вырыть трупъ изъ могилы и анатомировать его потихоньку. Сговорились

съ похитителями труповъ, которыхъ всегда много въ Лондонѣ; и на третью ночь послѣ погребенія, предполагаемый трупъ былъ вырытъ изъ глубокой, въ восемь футовъ, могилы и доставленъ въ препаровочную одного частнаго госпиталя.

Былъ уже сдѣланъ надрѣзъ въ области желудка, когда свѣжій, безъ всякихъ признаковъ разложенія, видъ тѣла навелъ на мысль примѣнить гальваническую баттарею. Рядъ опытовъ сопровождался обычными явленіями, не представлявшими ничего особеннаго; только разъ или два замѣчено было, что конвульсивныя движенія казались болѣе, чѣмъ обыкновенно, жизненными.

Время шло. Утро было близко, такъ что врачи рѣшили, наконецъ, приступить къ вскрытію. Однако, одинъ студентъ, желая провѣрить какую-то свою теорію, убѣждалъ сдѣлать еще опытъ, приложивъ баттарею къ одному изъ грудныхъ мускуловъ. Сдѣлали надрѣзъ, и лишь только приложили проволоку, мертвецъ быстрымъ движеніемъ поднялся со стола, соскочилъ на полъ, бросилъ вокругъ себя безпокойный взглядъ и заговорилъ. Словъ его нельзя было разобрать, но ясно было, что это слова, членораздѣльные звуки. Проговоривъ ихъ, онъ тяжело повалился на полъ.

Въ первую минуту всѣ оцѣпенѣли отъ страха, но скоро опомнились. Очевидно мистеръ Степльтонъ былъ живъ, хотя въ обморокѣ. Нашатырный спиртъ скоро привелъ его въ чувство, затѣмъ онъ быстро поправился и вернулся въ общество своихъ друзей, отъ которыхъ, однако, скрывали фактъ его оживленія, пока не исчезла всякая опасность рецидива. Можно себѣ представить ихъ удивленіе—ихъ несказанное изумленіе.

Но самая поразительная особенность этого случая заключается въ воспоминаніяхъ мистера Степльтона. По его словамъ, онъ ни минуты не терялъ сознанія вполнѣ; смутно и неясно, но онъ сознавалъ все, что съ нимъ случилось съ того момента, когда врачи произнесли у м е р ъ до той минуты, когда онъ упалъ безъ чувствъ въ госпиталѣ. «Я живъ»—вотъ слова, которыя онъ пытался произнести, очнувшись въ препаровочной.

Не трудно было бы увеличить число подобныхъ исторій, но я воздерживаюсь отъ этого, такъ какъ и безъ того можно считать доказаннымъ, что погребенія заживо случаются иногда. Если принять въ разсчетъ, какъ рѣдко по самой природѣ своей подобные случаи доходятъ до нашего свѣдѣнія, то придется допустить, что они могутъ ч а с т о случаться безъ нашего вѣдома. И въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли можно указать хоть одинъ случай раскопки кладбища, при которомъ не были бы найдены скелеты въ позахъ, наводящихъ на самыя ужасныя подозрѣнія.

Подозрѣнія ужасны, но еще ужаснѣе самая казнь! Можно смѣло

сказать, что ни одно положеніе не связано съ такимъ адскимъ тѣлеснымъ и душевнымъ состояніемъ, какъ погребеніе заживо. Невыносимая тяжесть въ груди, удушливыя испаренія сырой земли, тѣсный саванъ, жесткія объятія узкаго гроба, черная непроглядная тьма, безмолвіе точно въ морской пучинѣ, невидимое, но ощутимое, присутствіе побѣдителя червя, мысль о воздухѣ и травѣ наверху; воспоминаніе о друзьяхъ, которые могли бы спасти васъ, если бы узнали о вашемъ положеніи; увѣренность, что они никогда не узнаютъ; что ваша участь—участь подлиннаго трупа, — все это наполняетъ еще бьющееся сердце такимъ неслыханнымъ, невыносимымъ ужасомъ, какого не въ силахъ себѣ представить самое смѣлое воображеніе. Мы не знаемъ большей муки на землѣ, и не можемъ представить себѣ ужаснѣйшей казни въ глубочайшихъ безднахъ ада. Понятно, что разсказы на эту тему представляютъ глубокій интересъ, который, однако, въ силу благоговѣйнаго ужаса, возбуждаемаго самой темой, всецѣло зависитъ отъ нашего убѣжденія въ истинѣ разсказа. То, что я намѣренъ разсказать, заимствовано изъ моихъ собственныхъ воспоминаній, изъ моего личнаго опыта.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я былъ подверженъ припадкамъ странной болѣзни, которую врачи прозвали каталепсіей за неимѣніемъ болѣе опредѣленнаго названія. Хотя и отдаленныя и непосредственныя причины, равно какъ и діагнозъ этого недуга, еще остаются тайной, но ея главные и второстепенные признаки довольно хорошо изслѣдованы. Повидимому, они измѣняются только по степени. Иногда паціентъ впадаетъ въ летаргію только на день, или даже на меньшій срокъ. Онъ лежитъ безъ чувствъ, безъ движенія, но слабыя біенія сердца еще замѣтны; остаются нѣкоторые слѣды теплоты; легкій румянецъ окрашиваетъ середину щекъ; а приставивъ зеркало къ губамъ, можно замѣтить неровную, медленную, слабую дѣятельность легкихъ. Но бываетъ и такъ, что припадокъ длится недѣли, даже мѣсяцы, и въ такой формѣ, что самое строгое медицинское изслѣдованіе не откроетъ ни малѣйшихъ признаковъ различія между этимъ состояніемъ и тѣмъ, которое мы признаемъ безусловною смертью. Обыкновенно такой паціентъ избѣгаетъ преждевременнаго погребенія только потому, что друзья его знаютъ о прежнихъ припадкахъ, что вслѣдствіе этого у нихъ возникаетъ сомнѣніе, особливо если нѣтъ признаковъ разложенія. Къ счастію, болѣзнь эта овладѣваетъ человѣкомъ постепенно. Первыя проявленія, хотя и мало замѣтны, имѣютъ уже недвусмысленный характеръ. Мало по малу припадки становятся все рѣзче и рѣзче, и съ каждымъ разомъ тянутся дольше. Это обстоятельство—главная гарантія противъ погребенія. Несчастный,

у котораго первый припадокъ имѣлъ бы острый характеръ, наблюдаемый въ крайнихъ степеняхъ болѣзни, былъ бы почти неизбѣжно осужденъ лечь живымъ въ могилу.

Моя болѣзнь не отличалась сколько-нибудь значительно отъ описанныхъ въ медицинскихъ книгахъ. По временамъ я безъ всякой видимой причины впадалъ мало по малу въ состояніе полулетаргіи или полуобморока; и въ этомъ состояніи, не чувствуя никакой боли, лишенный способности двигаться или, вѣрнѣе сказать, лишенный способности думать, но съ смутнымъ летаргическимъ сознаніемъ своего существованія и присутствія лицъ, окружавшихъ мою постель, я оставался до тѣхъ поръ, пока кризисъ разомъ возстановлялъ мои силы. Иногда же болѣзнь поражала меня быстро и неотразимо. На меня находила слабость, столбнякъ, ознобъ, головокруженіе и я лишался чувствъ. Затѣмъ по цѣлымъ недѣлямъ вокругъ меня была пустота, тьма, безмолвіе и вселенная превращалась въ Ничто. Словомъ, наступало полное небытіе. Отъ этихъ припадковъ я оправлялся тѣмъ медленнѣе, чѣмъ быстрѣе они наступали. Какъ заря для безпріютнаго, одинокаго странника, блуждающаго по улицамъ въ долгую тоскливую зимнюю ночь, такъ же медленно, такъ же лѣниво, такъ же отрадно возвращался ко мнѣ свѣтъ сознанія.

Помимо этихъ припадковъ, мое здоровье, повидимому, не ухудшилось; я не замѣчалъ, чтобы они сопровождались какими-либо болѣзненными явленіями, если не считать особенности моего сна. Пробудившись, я никогда не могъ сразу овладѣть моими чувствами и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оставался въ самомъ растерянномъ и нелѣпомъ состояніи; душевныя способности вообще, а память въ особенности, совершенно отсутствовали.

Я не испытывалъ никакихъ физическихъ страданій, но безконечное моральное разстройство. Мое воображеніе бродило по склепамъ. Я толковалъ «о червяхъ, могилахъ и эпитафіяхъ». Я только и думалъ о смерти, и мысль о погребеніи заживо преслѣдовала меня неотступно. Ужасная опасность, которой я подвергался, не давала мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Днемъ она терзала меня жестоко, ночью — нестерпимо. Когда зловѣщая тьма окутывала землю, я дрожалъ подъ гнетомъ ужасной мысли, дрожалъ, какъ перья на погребальной колесницѣ. Когда природа уже не могла переносить бодрствованія, я все-таки не безъ борьбы поддавался сну, такъ пугала меня мысль проснуться въ могилѣ. И когда, наконецъ, сонъ овладѣвалъ мною, я переносился въ царство призраковъ, надъ которымъ простирала широкія траурныя крылья все та же мысль о могилѣ.

Изъ безчисленныхъ мрачныхъ видѣній, угнетавшихъ меня во

снѣ, приведу для примѣра только одно. Мнѣ казалось, будто я впалъ въ каталептическій сонъ, болѣе глубокій и продолжительный, чѣмъ обыкновенно. Вдругъ ледяная рука коснулась моего лба и нетерпѣливый невнятный голосъ шепнулъ мнѣ «вставай!»

Я сѣлъ на кровати. Тьма была кромѣшная. Я не могъ разсмотрѣть фигуру того, кто разбудилъ меня. Не могъ вспомнить, когда со мной случился припадокъ, и гдѣ я нахожусь. Между тѣмъ какъ я сидѣлъ неподвижно, стараясь собраться съ мыслями, та же холодная рука крѣпко схватила меня немного повыше кисти, нетерпѣливо тряхнула мою руку, и тотъ же дрожащій голосъ прошепталъ:

— Вставай! Вѣдь я же велѣлъ тебѣ вставать.

— А кто ты такой?—спросилъ я.

— У меня нѣтъ имени въ тѣхъ областяхъ, гдѣ я обитаю,—печально отвѣчалъ онъ,—я былъ смертный, теперь я духъ. Я былъ безжалостенъ, теперь я сострадателенъ. Ты чувствуешь, что я дрожу. Мои зубы стучатъ не отъ холода этой ночи, этой безконечной ночи. Но это отвратительное зрѣлище невыносимо. Какъ можешь ты спокойно спать? Крики этой агоніи не даютъ мнѣ покоя. Я не въ силахъ выносить это зрѣлище. Вставай! Пойдемъ, я открою передъ тобой могилы. Это-ли не зрѣлище скорби, смотри!

Я взглянулъ, и невидимая фигура, все еще державшая меня за руку, открыла передо мной могилы всего человѣчества. Изъ каждой исходилъ слабый фосфорическій свѣтъ гніющихъ тѣлъ, такъ что я могъ разсмотрѣть глубочайшіе склепы и увидѣлъ скорченные трупы въ ихъ печальномъ и торжественномъ снѣ, въ обществѣ могильнаго червя. Но увы! Спящихъ оказалось на много милліоновъ меньше, чѣмъ такихъ, которые вовсе не спали; отовсюду долетали звуки слабой борьбы, чуялось общее тоскливое безпокойство, изъ бездонныхъ колодцевъ доносился печальный шорохъ савановъ, да и тѣ, кто лежалъ спокойно, въ большей или меньшей степени измѣнили неловкія и искусственныя позы, въ которыхъ были погребены. И снова голосъ шепнулъ мнѣ:

— Это-ли, о, это-ли не зрѣлище скорби? — Но прежде чѣмъ я успѣлъ что-нибудь отвѣтить, фигура выпустила мою руку, фосфорическій свѣтъ угасъ, могилы разомъ захлопнулись и изъ нихъ вырвался отчаянный вопль множества голосовъ:—Это-ли, о, Господи, это-ли не зрѣлище скорби!

Эти ночные кошмары оказывали ужасное вліяніе и на часы моего бодрствованія. Мои нервы совершенно разстроились и я сдѣлался жертвой безпрерывнаго страха. Я боялся ѣздить верхомъ, гулять, боялся всякаго развлеченія, ради котораго нужно было выходить изъ дома. Я не рѣшался оставить общество лицъ, которымъ были извѣстны мои припадки, такъ какъ, случись подобный припадокъ

въ ихъ отсутствіи, меня бы могли похоронить заживо. Я сомнѣвался въ заботливости и вѣрности моихъ лучшихъ друзей. Я боялся, что въ случаѣ, если припадокъ затянется дольше чѣмъ обыкновенно, они, наконецъ, сочтутъ меня умершимъ. Я дошелъ до того, что спрашивалъ себя,—а что если они рады будутъ воспользоваться затянувшимся припадкомъ и отдѣлаться отъ меня, причинявшаго имъ столько хлопотъ? Напрасно они старались успокоить меня самыми торжественными обѣщаніями. Я заставилъ ихъ поклясться самыми страшными клятвами, что они не зароютъ меня, пока мое тѣло не разложится настолько, что дальнѣйшее замедленіе станетъ невозможнымъ, но даже послѣ этого мой смертельный страхъ не поддавался никакимъ резонамъ, никакимъ утѣшеніямъ. Я принялъ цѣлый рядъ мѣръ предосторожности. Между прочимъ, перестроилъ семейный склепъ такъ, чтобы его можно было отворить изнутри. Стоило только слегка подавить длинный рычагъ, далеко вдававшійся въ склепъ, чтобы желѣзныя двери распахнулись. Были также приспособленія для свободнаго доступа свѣта и воздуха и для запаса пищи и питья, помѣщавшихся подлѣ самаго гроба, куда должны были меня положить. Гробъ этотъ былъ мягко и тепло обитъ, и накрывался крышкой въ видѣ свода, съ пружинами, посредствомъ которыхъ крышка откидывалась при малѣйшемъ движеніи тѣла. Кромѣ того, подъ крышей склепа былъ повѣшенъ большой колоколъ, отъ котораго спускалась веревка, проходившая въ отверстіе гроба; ее должны были привязать къ моей рукѣ. Но увы! что значатъ всѣ наши предосторожности передъ судьбою? Даже эти ухищренія не могли спасти отъ пытки преждевременнаго погребенія несчастнаго, коему эта пытка была суждена!

Случилось однажды—какъ часто случалось и раньше—что я пробуждался отъ полнаго безчувствія къ первому слабому и неясному сознанію существованія. Медленно — черепашьими шагами—наступалъ слабый, сѣрый разсвѣтъ душевнаго дня. Ощущеніе неловкости и одеревенѣнія. Апатичное состояніе смутнаго страданія. Ни безпокойства, ни надежды, ни усилій. Затѣмъ, послѣ долгаго промежутка, звонъ въ ушахъ; затѣмъ, послѣ еще болѣе долгаго промежутка, ощущеніе мурашекъ въ конечностяхъ; затѣмъ безконечный, повидимому, періодъ пріятнаго спокойствія, когда пробудившіяся чувства выработывали мысль; затѣмъ, кратковременное возвращеніе къ небытію; затѣмъ, внезапное пробужденіе. Наконецъ, легкая дрожь въ одной вѣкѣ, и тотчасъ затѣмъ электрическій ударъ смертельнаго, безконечнаго ужаса, отъ котораго кровь хлынула потокомъ отъ висковъ къ сердцу. И только теперь первая положительная попытка мыслить. Только теперь первая попытка вспоминать. Только теперь успѣхъ—да и то неполный и

мимолетный. Наконецъ, память возвращается ко мнѣ настолько, что я начинаю сознавать свое положеніе. Я чувствую, что очнулся не отъ простого сна. Я припоминаю, что со мной случился припадокъ каталепсіи. И вотъ, наконецъ, мой трепещущій духъ захваченъ, точно бурнымъ натискомъ океана, сознаніемъ грозной опасности,—одной единственной адской мыслью.

Нѣсколько минутъ я пролежалъ не шевелясь. Почему же? Я не смѣлъ сдѣлать усиліе, которое открыло бы мнѣ мою участь, а между тѣмъ сердце подсказывало мнѣ, что она совершилась. Отчаяніе—подобнаго которому не можетъ вызвать никакое другое несчастье—одно отчаяніе заставило меня послѣ долгой нерѣшимости поднять отяжелѣвшія вѣки. Я открылъ глаза. Кругомъ была тьма—непроглядная тьма. Я зналъ, что припадокъ кончился. Зналъ, что кризисъ давно совершился. Зналъ, что теперь я вполнѣ владѣю способностью зрѣнія,—и все-таки кругомъ была тьма—черная тьма—полное, совершенное отсутствіе лучей, ночь, которая никогда не проходитъ.

Я попробовалъ крикнуть; мои губы и пересохшій языкъ судорожно зашевелились, но никакого звука не вылетѣло изъ легкихъ, которыя, точно подъ тяжестью цѣлой горы, корчились и трепетали вмѣстѣ съ сердцемъ при каждомъ мучительномъ и прерывистомъ вздохѣ.

Движеніе моихъ челюстей при этой попыткѣ крикнуть показало мнѣ, что онѣ подвязаны, какъ это обыкновенно дѣлаютъ у покойниковъ. Я чувствовалъ также, что лежу на чемъ-то жесткомъ, и что-то жесткое сжимаетъ мои бока. До сихъ поръ я не пытался пошевелить хоть однимъ членомъ,—но теперь разомъ поднялъ руки, которыя были вытянуты и сложены крестъ на крестъ. Онѣ стукнулись о дерево, находившееся дюймовъ на шесть надъ моею головой. Не оставалось болѣе сомнѣній, я лежалъ въ гробу.

Въ эту минуту безконечнаго ужаса скользнулъ ко мнѣ кроткій херувимъ надежды, я вспомнилъ о своихъ предосторожностяхъ. Я сталъ судорожно биться, старался поднять крышку,—она не двигалась. Я искалъ веревку отъ колокола,—ея не было. И вотъ ангелъ утѣшитель отлетѣлъ отъ меня, и еще горшее отчаяніе восторжествовало. Я не могъ не замѣтить отсутствія обивки, которую такъ тщательно приготовилъ, и въ то же время мое обаняніе внезапно было поражено сильнымъ специфическимъ запахомъ сырой земли. Заключеніе являлось неотразимо. Я находился не въ склепѣ. Припадокъ застигъ меня внѣ дома—среди чужихъ людей, когда или какъ, я не могъ припомнить; и меня зарыли какъ собаку,—заколотили въ простомъ гробу и схоронили глубоко, глубоко въ обыкновенной и безвѣстной могилѣ.

Когда это ужасное убѣжденіе пронизало мою душу, я снова попытался крикнуть; и на этотъ разъ попытка удалась. Долгій, дикій, безконечный крикъ или вой агоніи огласилъ тишину подземной ночи.

— Эй! эй! что такое! — раздался въ отвѣтъ чей-то грубый голосъ.

— Что за чертовщина!—крикнулъ другой.

— Вылѣзай отсюда!—подхватилъ третій.

— Что вы тамъ воете, точно влюбленная кошка?—сказалъ четвертый; затѣмъ меня безъ всякихъ церемоній схватили и принялись трясти какіе-то субъекты очень неотесаннаго вида. Они не разбудили меня—я и безъ того проснулся—но вернули мнѣ обладаніе памятью.

Это происшествіе случилось подлѣ Ричмонда въ Виргиніи. Въ сопровожденіи одного друга, я предпринялъ охотничью экскурсію по берегамъ Джэмсъ-Райверъ. Вечеромъ насъ захватила буря. Небольшая баржа, нагруженная садовой землей, стоявшая на якорѣ у берега, оказалась единственнымъ нашимъ убѣжищемъ. За неимѣніемъ лучшаго, мы воспользовались имъ и провели ночь на баржѣ. Я занялъ одну изъ двухъ каютъ,—а можно себѣ представить, что такое каюта баржи въ шестьдесятъ или семьдесятъ тоннъ. Въ той, которую занялъ я, постели вовсе не было. Наибольшая ширина ея равнялась восемнадцати дюймамъ; столько же она имѣла въ высоту, отъ пола до потолка. Мнѣ стоило не малаго труда залѣзть въ нее. Тѣмъ не менѣе, я заснулъ крѣпко; и все мое видѣніе—такъ какъ это не былъ сонъ или кошмаръ—явилось естественнымъ результатомъ моего положенія, обычнаго направленія моихъ мыслей и обстоятельства, о которомъ я уже упоминалъ: неспособности собраться съ мыслями, а особенно овладѣть памятью долгое время послѣ пробужденія. Люди, которые трясли меня, были хозяева баржи и работники, нанятые для выгрузки. Запахъ земли исходилъ отъ груза. Повязка подъ челюстями былъ шелковый платокъ, которымъ я обвязалъ голову за неимѣніемъ ночного колпака.

Во всякомъ случаѣ, пытка, которую я испытывалъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, была ничуть не меньше мукъ погребеннаго заживо. Она была ужасна,—невыразима; но нѣтъ худа безъ добра: самая чрезмѣрность страданія вызвала въ душѣ моей неизбѣжную реакцію. Мой духъ окрѣпъ, — успокоился. Я уѣхалъ за-границу. Предался физическимъ упражненіямъ. Дышалъ чистымъ воздухомъ полей. Сталъ думать о другихъ предметахъ, кромѣ смерти. Разстался съ медицинскими книгами. «Бухана» я сжегъ. Пересталъ читать «Ночныя мысли», всякую ерунду о кладбищахъ—бабьи сказки—въ родѣ той, которую сейчасъ раз-

сказалъ. Словомъ, я сталъ другимъ человѣкомъ и зажилъ жизнью человѣка. Со времени этой достопамятной ночи я навсегда разстался съ своими могильными страхами, а вмѣстѣ съ ними исчезли и каталептическіе припадки, быть можетъ, бывшіе скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ причиной этихъ страховъ.

Бываютъ минуты, когда даже въ глазахъ трезваго разсудка нашъ печальный міръ становится адомъ. Но воображеніе человѣческое не Коратидъ, чтобы безнаказанно спускаться въ такія бездны. Увы! мрачные могильные ужасы существуютъ не въ одномъ воображеніи; но подобно демонамъ, въ обществѣ которыхъ Афразіабъ спустился съ Оксуса, они должны спать,—иначе растерзаютъ насъ; а мы не должны тревожить ихъ сна,—иначе погибнемъ.

Маска красной смерти.

«Красная Смерть» давно уже опустошала страну. Не бывало еще моровой язвы, столь отвратительной и роковой. Кровь была ея знаменемъ и печатью, — ужасный багрянецъ крови. Острая боль, внезапное головокруженіе,—затѣмъ кровавый потъ изо всѣхъ поръ, и разложеніе тѣла. Багровыя пятна на тѣлѣ, а въ особенности на лицѣ, были печатью отверженія, которая лишала жертву всякой помощи и участія со стороны ея ближнихъ; болѣзнь наступала, развивалась и заканчивалась въ какіе-нибудь полчаса.

Но принцъ Просперо былъ счастливъ, отваженъ и изобрѣтателенъ. Когда язва на половину опустошила его владѣнія, онъ собралъ вокругъ себя тысячу бодрыхъ и безпечныхъ друзей, придворныхъ кавалеровъ и дамъ и вмѣстѣ съ ними затворился отъ міра въ одномъ изъ своихъ укрѣпленныхъ аббатствъ. Это было огромное и великолѣпное зданіе, выстроенное по эксцентрическому, но грандіозному плану самого принца. Высокая, крѣпкая стѣна съ желѣзными воротами окружала его. Вступивъ въ замокъ, придворные тотчасъ же взялись за паяльники и крѣпкіе молотки и наглухо запаяли всѣ засовы. Онѣ рѣшились уничтожить всякую возможность отчаяннаго вторженія извнѣ или безумной попытки къ выходу изъ замка. Аббатство было въ изобиліи снабжено провизіей. Благодаря этимъ предосторожностямъ, придворные могли смѣяться надъ заразой. Пусть внѣшній міръ самъ заботится о себѣ. Въ такое время было бы безуміемъ думать и горевать. Принцъ запасся всѣми средствами къ удовольствію. Не было недостатка въ шутахъ, импровизаторахъ, танцовщицахъ, музыкантахъ, красавицахъ, винѣ. Все это и безопасность соединились въ замкѣ. Снаружи свирѣпствовала Красная Смерть.

Въ концѣ пятаго или шестого мѣсяца этой замкнутой жизни, когда зараза свирѣпствовала съ небывалымъ бѣшенствомъ, принцъ Просперо устроилъ для своихъ друзей маскарадъ, обставленный съ неслыханнымъ великолѣпіемъ.

Роскошную сцену представлялъ этотъ маскарадъ. Но сначала позвольте мнѣ описать залы, въ которыхъ онъ происходилъ. Ихъ было семь,—царственная амфилада! Но во многихъ дворцахъ подобныя амфилады устроиваются въ одну линію, такъ что когда распахнутся двери, весь рядъ можно окинуть однимъ взглядомъ. Здѣсь было совершенно иное, какъ и слѣдовало ожидать отъ принца съ его пристрастіемъ къ необычайному. Комнаты были расположены такъ неправильно, что нельзя было окинуть взглядомъ болѣе одной заразъ. Черезъ каждые двадцать или тридцать ярдовъ былъ крутой поворотъ, и при каждомъ поворотѣ новое зрѣлище. Направо и налѣво, въ серединѣ каждой стѣны, высокое и узкое готическое окно выходило въ крытый корридоръ, окаймлявшій амфиладу по всей ея длинѣ. Цвѣтныя стекла этихъ оконъ гармонировали съ преобладающей окраской убранства каждой залы. Напримѣръ, зала на восточномъ концѣ зданія была обита голубымъ, и стекла были яркаго голубого цвѣта. Во второй залѣ, съ пурпуровыми коврами и драпировками, стекла были пурпуровыя. Въ третьей, зеленой, стекла были зеленыя. Четвертая, оранжевая, освѣщалась оранжевыми окнами, пятая—бѣлыми, шестая—фіолетовыми. Седьмая зала была убрана черными бархатными драпировками, одѣвавшими потолокъ, стѣны и ниспадавшими тяжелыми складками на такой же коверъ. Но здѣсь цвѣтъ стеколъ не соотвѣтствовалъ убранству. Онъ былъ ярко-красный,—цвѣта крови. Ни въ одной изъ семи залъ, нельзя было замѣтить люстры или канделябра среди множества золотыхъ украшеній, разсѣянныхъ повсюду, свѣшивавшихся съ потолковъ. Во всей амфиладѣ не было ни единой лампы или свѣчи; но въ окаймлявшемъ ее корридорѣ, противъ каждаго окна возвышался тяжелый треножникъ, на которомъ пылалъ огонь, ярко озарявшій залы сквозь цвѣтныя стекла. Это производило поразительный фантастическій эффектъ. Но въ западной черной комнатѣ, костеръ, струившій потоки свѣта сквозь кроваво-красныя окна, производилъ такое зловѣщее впечатлѣніе и придавалъ лицамъ присутствовавшихъ такое дикое выраженіе, что лишь немногіе рѣшались входить въ эту комнату.

Въ этой же залѣ стояли у западной стѣны гигантскіе часы изъ чернаго дерева. Маятникъ качался взадъ и впередъ съ глухимъ, тоскливымъ, однообразнымъ звукомъ, а когда минутная стрѣлка дѣлала полный кругъ, и часы начинали бить, изъ мѣдныхъ легкихъ машины вылеталъ чистый, громкій, глубокій звукъ, необыкно-

венно мелодичный, но такой странный и могучій, что музыканты въ оркестрѣ мгновенно останавливались, танцоры прекращали танецъ, смущеніе овладѣвало веселой компаніей и пока раздавался бой, самые безпечные блѣднѣли, а старѣйшіе и благоразумнѣйшіе проводили рукой по лбу, точно отгоняя смутную мысль или грезу. Но бой замолкалъ и веселье снова охватывало компанію. Музыканты переглядывались съ улыбкой надъ своей нелѣпой нервностью, шепотомъ обѣщали другъ другу, что слѣдующій бой не произведетъ на нихъ такого впечатлѣнія. И снова, по прошествіи шестидесяти минутъ (что составляетъ три тысячи шестьсотъ секундъ быстролетнаго времени) раздавался бой часовъ, и снова смущеніе, дрожь и задумчивость овладѣвали собраніемъ.

При всемъ томъ праздникъ былъ веселый и великолѣпный. Вкусы герцога отличались оригинальностью. Онъ былъ тонкимъ знатокомъ красокъ и эффектовъ. Но онъ презиралъ рутинные decora. Его проекты были смѣлы и дерзки, его концепціи отличались варварскимъ великолѣпіемъ. Иные сочли бы его сумасшедшимъ, но его приближенные чувствовали, что это не такъ. Необходимо было видѣть, слышать и знать его лично, чтобы быть увѣрену въ этомъ.

Онъ самъ распоряжался убранствомъ семи залъ для этого грандіознаго fete; по его же указаніямъ были сшиты костюмы. Понятно, что они отличались причудливостью. Много тутъ было блеска, пышности, оригинальнаго и фантастическаго,—что впослѣдствіи можно было видѣть въ «Эрнани». Были причудливыя фигуры, въ родѣ арабесокъ, съ нелѣпо вывороченными членами и придатками. Были безумныя фантастическія привидѣнія, подобныя грезамъ сумасшедшаго. Было много прекраснаго, много щегольскаго, много bizarre, было кое что страшное и не мало отвратительнаго. Толпы привидѣній сновали по заламъ, мелькали и корчились, мѣняя оттѣнокъ, смотря по залѣ, и дикая музыка оркестра казалась эхомъ ихъ шаговъ. Время отъ времени раздается бой часовъ въ бархатной залѣ и на мгновеніе все стихаетъ и воцаряется безмолвіе. Призраки застываютъ въ оцѣпенѣніи. Но замираютъ отголоски послѣдняго удара,—и легкій смѣхъ напутствуетъ ихъ; и снова гремитъ музыка, привидѣнія оживаютъ и рѣютъ туда и сюда, озаренные пламенемъ костровъ, льющихъ потоки свѣта сквозь разноцвѣтныя стекла. Но въ самую западную изъ семи залъ никто изъ ряженыхъ не смѣетъ войти, потому что ночь надвигается, и багровый свѣтъ льется сквозь кровавокрасныя окна на зловѣщія траурныя стѣны и глухой голосъ часовъ слишкомъ торжественно отдается въ ушахъ того, кто ступаетъ по черному ковру залы.

Зато въ остальныхъ залахъ кипѣла жизнь. Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда часы начали бить полночь. Опять, какъ и раньше, музыка смолкла, танцоры остановились, и воцарилась зловѣщая тишина. Теперь часы били двѣнадцать, и, можетъ быть, потому что бой продолжался дольше, чѣмъ прежде,—сильнѣе задумались наиболѣе серьезные изъ присутствовавшихъ. Быть можетъ, по той же причинѣ, прежде чѣмъ замеръ въ безмолвіи послѣдній отголосокъ послѣдняго удара, многіе въ толпѣ успѣли замѣтить присутствіе замаскированной фигуры, которая раньше не привлекала ничьего вниманія. Слухъ о появленіи новаго лица быстро распространился, сначала шепотомъ; потомъ послышался гулъ и ропотъ удивленія и негодованія,—наконецъ, страха, ужаса и отвращенія.

Въ такомъ фантастическомъ сборищѣ появленіе обыкновенной маски не могло бы возбудить сенсацію. Въ эту ночь маскарадная свобода была почти неограничена; но вновь появившаяся фигура переступала границы даже того снисходительнаго декорума, который признавалъ принцъ. Въ сердцѣ самыхъ безпечныхъ есть струны, до которыхъ нельзя дотрогиваться. Самыя отчаянныя головы, для которыхъ нѣтъ ничего святого, не рѣшатся шутить надъ извѣстными вещами. Повидимому, все общество почувствовало, что костюмъ и поведеніе незнакомца не остроумны и неумѣстны. Это была высокая тощая фигура, съ ногъ до головы одѣтая въ саванъ. Маска, скрывавшая лицо, до того походила на окоченѣвшее лицо трупа, что самое пристальное разглядываніе затруднилось бы обнаружить поддѣлку. Все бы это ничего; обезумѣвшее отъ разгула общество, быть можетъ, даже одобрило бы такую выходку. Но ряженый зашелъ дальше, олицетворивъ типъ «Красной Смерти». Одежда его была испачкана кровью, на широкомъ лбу и по всему лицу выступали ужасныя багровыя пятна.

Когда принцъ Просперо увидѣлъ привидѣніе, которое прогуливалось взадъ и впередъ среди танцующихъ медленнымъ и торжественнымъ шагомъ, точно желая лучше выдержать свою роль,—онъ содрогнулся отъ ужаса и отвращенія, но тотчасъ затѣмъ лицо его побагровѣло отъ гнѣва.

— Кто осмѣливается,—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ у окружающихъ,—кто осмѣливается оскорблять насъ такой богохульной насмѣшкой? Схватите его и сорвите маску, чтобы мы знали, кого повѣсить на восходѣ солнца на стѣнѣ замка.

Въ этотъ моментъ принцъ Просперо находился въ восточной или голубой залѣ. Слова громко и звучно отдались по всѣмъ семи заламъ, потому что принцъ былъ рослый и сильный мужчина, а музыка умолкла по мановенію его руки.

Принцъ Просперо стоялъ въ голубой залѣ, окруженный толпой поблѣднѣвшихъ придворныхъ. Слова его вызвали легкое движеніе, казалось, толпа хотѣла броситься на неизвѣстнаго, который въ эту минуту находился въ двухъ шагахъ отъ нея и спокойными, твердыми шагами приближался къ принцу. Но подъ вліяніемъ неизъяснимой робости, внушенной безумнымъ поведеніемъ ряженаго, никто не осмѣлился наложить на него руку; такъ что онъ безпрепятственно прошелъ мимо принца и тѣмъ же мѣрнымъ торжественнымъ шагомъ продолжалъ свой путь среди разступавшейся толпы изъ голубой залы въ пурпуровую, изъ пурпуровой въ зеленую, изъ зеленой въ оранжевую, потомъ въ бѣлую, наконецъ, въ фіолетовую. До сихъ поръ никто не рѣшился остановить его, но тутъ принцъ Просперо, обезумѣвъ отъ бѣшенства и стыдясь своей минутной трусости, бросился за нимъ черезъ всѣ шесть залъ, одинъ, потому что всѣ остальные были скованы смертельнымъ ужасомъ. Онъ потрясалъ обнаженной шпагой и находился уже въ трехъ или четырехъ шагахъ отъ незнакомца, когда тотъ, достигнувъ конца фіолетовой залы, внезапно обернулся и встрѣтилъ лицомъ къ лицу своего преслѣдователя. Раздался пронзительный крикъ, и шпага, блеснувъ въ воздухѣ, упала на траурный коверъ, на которомъ секунду спустя лежалъ бездыханный принцъ Просперо. Тогда, съ дикимъ мужествомъ отчаянія, толпа гулякъ ринулась въ черную залу, и схвативъ незнакомца, высокая фигура котораго стояла прямо и неподвижно въ тѣни огромныхъ часовъ, замерла отъ невыразимаго ужаса, не найдя подъ могильной одеждой и маской трупа никакой осязаемой формы.

Тогда-то для всѣхъ стало очевидно присутствіе «Красной Смерти». Она подкралась, какъ воръ, ночью; и гуляки падали одинъ за другимъ въ залитыхъ кровью палатахъ, гдѣ кипѣла ихъ оргія; и жизнь эбеновыхъ часовъ изсякла съ жизнью послѣдняго изъ веселыхъ собутыльниковъ; и тьма, разрушеніе и «Красная Смерть» воцарились здѣсь невозбранно и безгранично.

Бочка Амонтильядо.

Я терпѣливо сносилъ тысячи насмѣшекъ Фортунато, но когда онъ дошелъ до оскорбленія, я поклялся отомстить. Вы, которые такъ хорошо знаете мою натуру, не подумаете, конечно, что я обмолвился какой-нибудь угрозой. Въ концѣ концовъ я буду отомщенъ; это пунктъ окончательно рѣшенный, но самая окончательность моего рѣшенія исключала идею риска. Я долженъ не только наказать, но и наказать безнаказанно. Обида не отомщена,

когда казнь постигаетъ мстителя. Она не отомщена и въ томъ случаѣ, когда мститель остается неизвѣстенъ обидчику.

Понятно, что я ни словомъ, ни дѣломъ не подавалъ Фортунато повода усомниться въ моемъ расположеніи. Я по прежнему ласково улыбался ему и онъ не понималъ, что теперь я улыбаюсь при мысли о его гибели.

У него—у Фортунато—былъ одинъ слабый пунктъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ этотъ человѣкъ могъ внушить почтеніе и даже страхъ. Онъ считалъ себя знатокомъ винъ и гордился этимъ. Итальянцы рѣдко бываютъ настоящими знатоками въ чемъ бы то ни было. Въ большинствѣ случаевъ ихъ энтузіазмъ только способъ обойти британскаго или австрійскаго милліонера. Въ живописи и драгоцѣнностяхъ Фортунато, подобно большинству своихъ соотечественниковъ, былъ шарлатанъ, но къ старымъ винамъ относился серьезно. Въ этомъ отношеніи мы сходились; я самъ понималъ толкъ въ итальянскихъ винахъ и покупалъ ихъ цѣлыми партіями.

Уже смеркалось, когда однажды вечеромъ, въ самый разгаръ карнавала, я встрѣтился съ моимъ другомъ. Онъ привѣтствовалъ меня съ большимъ чувствомъ, такъ какъ былъ сильно навеселѣ. На немъ былъ костюмъ паяца: пестрая шутовская одежда въ обтяжку, и колпакъ въ видѣ конуса съ бубенчиками. Я такъ обрадовался нашей встрѣчѣ, что не зналъ, выпущу-ли когда-нибудь его руку.

— Дорогой мой Фортунато,—сказалъ я ему,—вотъ счастливая встрѣча! Какимъ вы молодцомъ сегодня! А я получилъ бочку вина, которое мнѣ продали за Амонтильядо,—только меня беретъ сомнѣніе.

— Что?—сказалъ онъ.—Амонтильядо? Бочку? Не можетъ быть. Да еще въ разгарѣ карнавала!

— Я самъ сомнѣваюсь,—отвѣчалъ я,—и очень жалѣю, что заплатилъ за Амонтильядо, не посовѣтовавшись съ вами! Я не могъ найти васъ и боялся упустить случай.

— Амонтильядо!

— Я самъ сомнѣваюсь.

— Амонтильядо!

— И хочу разрѣшить свое сомнѣніе.

— Амонтильядо!

— Вамъ некогда,—такъ я пойду къ Лючези. Если кто понимаетъ толкъ въ винахъ, такъ это онъ. Онъ скажетъ мнѣ...

— Лючези не отличитъ Амонтильядо отъ хереса.

— А между тѣмъ есть глупцы, которые увѣряютъ, будто онъ потягается съ вами.

— Идемъ.

— Куда?

— Въ ваши погреба.

— Нѣтъ, другъ мой; я не хочу злоупотреблять вашей добротой. Я вижу, что вамъ некогда. Лючези...

— Я свободенъ; идемъ!

— Нѣтъ, другъ мой; хоть бы у васъ и было свободное время,— я вижу, что вы чувствительны къ холоду. Въ погребахъ невыносимая сырость. Стѣны подернуты селитрой.

— Все равно, идемъ. Холодъ пустяки. Амонтильядо! Васъ просто надули, а Лючези не отличитъ хереса отъ Амонтильядо.

Говоря это, Фортунато взялъ меня подъ руку. Надѣвъ черную шелковую маску и застегнувъ наглухо свой roquelaure, я послѣдовалъ за нимъ въ мой палаццо.

Дома никого не оказалось; слуги ушли на праздникъ. Я предупредилъ ихъ, что не вернусь до утра и строго настрого запретилъ уходить изъ дома. Я зналъ, что, получивъ такія приказанія, они исчезнутъ всѣ до единаго, лишь только я сверну за уголъ.

Я вынулъ изъ подставки два факела и, вручивъ одинъ изъ нихъ Фортунато, повелъ его по длиннымъ амфиладамъ комнатъ къ сводчатой двери, ведшей въ погреба. Я спустился по длинной извилистой лѣстницѣ, упрашивая его ступать осторожнѣе. Наконецъ мы сошли внизъ и стояли на пропитанной сыростью почвѣ катакомбъ Монтрезоровъ.

Другъ мой не совсѣмъ твердо держался на ногахъ и бубенчики его колпака звенѣли на каждомъ шагу.

— Бочка?—сказалъ онъ.

— Она стоитъ дальше,—отвѣчалъ я,—а посмотрите-ка на эту бѣлую блестящую паутину.

Онъ повернулся ко мнѣ и уставился на меня тусклыми глазами, подернутыми пьяной слезой.

— Селитра?—спросилъ онъ наконецъ.

— Селитра,—отвѣчалъ я.—Давно-ли у васъ этотъ кашель?

— Кхе! кхе! кхе!... кхе! кхе! кхе!... кхе! кхе! кхе!... Кхе! кхе! кхе!... кхе! кхе! кхе!

Мой бѣдный другъ долго не могъ выговорить слова.

— Это пустяки,—сказалъ онъ наконецъ.

— Вернемся,—сказалъ я рѣшительно;—ваше здоровье драгоцѣнно. Вы богаты, пользуетесь общимъ уваженіемъ и любовью, вамъ всѣ завидуютъ; вы счастливы, какъ и я былъ счастливъ когда-то. Общество не должно лишиться такого человѣка. Обо мнѣ не стоитъ безпокоиться. Вернемся; вы заболѣете, и на мнѣ будетъ отвѣтственность. Къ тому же Лючези...

— Довольно,—перебилъ онъ,—кашель чистые пустяки; онъ не убьетъ меня. Не умру же я отъ кашля!

— И то правда,—отвѣчалъ я,—къ тому же я не даромъ васъ потревожилъ. Но все-таки не мѣшаетъ принять мѣры предосторожности. Глотокъ этого медока защититъ васъ отъ сырости.

Я отбилъ головку бутылки, стоявшей на землѣ въ длинномъ ряду своихъ собратій.

— Выпейте,—сказалъ я, подавая ему вино.

Онъ подмигнулъ мнѣ и поднесъ его къ губамъ. Потомъ перевелъ духъ и кивнулъ мнѣ фамильярно, звякнувъ бубенчиками.

— Пью за здоровье тѣхъ, кто покоится въ этомъ склепѣ,—сказалъ онъ.

— А я за ваше долголѣтіе.

Онъ снова взялъ меня подъ руку и мы пошли дальше.

— Обширное подземелье,—замѣтилъ онъ.

— Монтрезоры великій и многочисленный родъ, — возразилъ я.

— Я забылъ вашъ гербъ.

— Золотая человѣческая нога на лазурномъ полѣ; нога давитъ извивающуюся змѣю, которая вонзила зубы ей въ пятку.

— А девизъ?

— Nemo me impune lacessit.

— Хорошо!—сказалъ онъ.

Вино блистало въ его глазахъ и бубенчики звенѣли. Мое воображеніе тоже разыгрывалось подъ вліяніемъ Медока. Мы миновали груды костей, перемѣшанныхъ съ бочками и боченками и забрались въ самый отдаленный уголъ катакомбъ. Я снова остановился, и на этотъ разъ рѣшился взять Фортунато за руку повыше локтя.

— Смотрите,—сказалъ я,—сколько тутъ селитры. Она свѣшивается точно мохъ со стѣнъ подземелья. Теперь надъ нашими головами рѣка. Сырость сбирается каплями между костей. Вернемся, пока не поздно. Вашъ кашель...

— Пустяки,—возразилъ онъ,—идемъ. Но сначала, еще глотокъ Медока.

Я откупорилъ и подалъ ему бутылку Де-Гравъ.

Онъ осушилъ ее залпомъ. Глаза его сверкнули дикимъ огнемъ. Онъ засмѣялся и подбросилъ бутылку, съ жестомъ, значеніе котораго я не понялъ.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Онъ повторилъ свой странный жестъ.

— Не понимаете?—спросилъ онъ.

— Не понимаю,—отвѣчалъ я.

— Такъ вы не принадлежите къ братству?

— Какому?

— Вы не масонъ?

— Да, да,—сказалъ я,—да, да.

— Вы? не можетъ быть! Масонъ?

— Масонъ,—отвѣчалъ я.

— Знакъ,—сказалъ онъ?

— Вотъ онъ,—отвѣчалъ я, высовывая изъ складокъ моего roquelaure'а лопатку.

— Вы шутите!—воскликнулъ онъ, попятившись.—Но идемъ къ Амонтильядо.

— Будь по вашему,—сказалъ я, пряча лопатку, и снова предложилъ ему руку. Онъ грузно оперся на нее. Мы пошли дальше, розыскивая Амонтильядо. Прошли рядъ низенькихъ погребовъ, спустились внизъ, прошли еще рядъ и снова спустились въ глубокій склепъ, гдѣ воздухъ былъ такъ тяжелъ, что наши факелы чуть мерцали.

Склепъ сообщался съ другимъ менѣе обширныхъ размѣровъ. Въ этомъ послѣднемъ стѣны были завалены человѣческими костями до самого потолка, какъ въ большихъ парижскихъ катакомбахъ. Три стѣны были окаймлены такимъ валомъ, отъ четвертой кости отгребены въ кучу. Въ ней виднѣлась ниша въ три фута шириной, четыре глубиной и шесть или семь вышиной. Повидимому, она не была устроена нарочно для какой-нибудь цѣли, а просто образовала промежутокъ между двумя гигантскими столбами, поддерживавшими своды, и замыкалась гранитной стѣной, окружавшей катакомбы.

Фортунато, поднявъ тускло мерцавшій факелъ, тщетно старался освѣтить нишу.

— Войдите, — сказалъ я, — тамъ Амонтильядо. Что до Лючези...

— Лючези невѣжда,—перебилъ мой другъ, и нетвердыми шагами вступилъ въ нишу, а я слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Наткнувшись на гранитную стѣну, онъ остановился въ глупомъ недоумѣніи. Въ ту же минуту я приковалъ его къ граниту. Въ стѣну были вдѣланы двѣ желѣзныя скобы на разстояніи двухъ футовъ одна отъ другой. На одной висѣла цѣпь, на другой замокъ. Обвить цѣпью его талію и замкнуть цѣпь было для меня дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Онъ былъ слишкомъ ошеломленъ, чтобы сопротивляться. Вынувъ ключъ, я отступилъ отъ ниши.

— Проведите рукой по стѣнѣ,— сказалъ я,— неужели вы не чувствуете селитру. Право, здѣсь очень сыро. Еще разъ позвольте мнѣ умолять васъ вернуться. Не хотите? Въ такомъ случаѣ я рѣ-

шительно долженъ оставить васъ. Но сначала сдѣлаю для васъ все, что могу.

— Амонтильядо!—произнесъ мой другъ, еще не опомнившійся отъ удивленія.

— Вѣрно,—отвѣчалъ я,—Амонтильядо.

Сказавъ это, я подошелъ къ кучѣ костей, о которой упоминалъ раньше. Разбросавъ ихъ, я нашелъ груду камней и извести. Съ помощью этихъ матеріаловъ и моей лопатки я принялся задѣлывать входъ въ нишу.

Я не успѣлъ положить первый рядъ камней, какъ убѣдился, что хмѣль Фортунато въ значительной степени прошелъ. Первымъ признакомъ этого былъ тихій, жалобный стонъ, раздавшійся изъ глубины ниши. Это не былъ стонъ пьянаго. За нимъ послѣдовало продолжительное и упорное молчаніе. Я положилъ второй рядъ, и третій, и четвертый,—когда услышалъ бѣшеное бряцанье цѣпи. Шумъ продолжался нѣсколько минутъ и, чтобы лучше разслышать его, я прекратилъ работу и усѣлся на груду костей. Когда, наконецъ, звуки умолкли, я снова взялся за лопатку и вывелъ пятый, шестой, седьмой рядъ. Стѣна поднялась уже на высоту моей груди. Я снова прервалъ работу и, приблизивъ факелъ къ отверстію ниши, старался освѣтить фигуру внутри.

Залпъ громкихъ пронзительныхъ криковъ, внезапно вырвавшійся изъ глотки прикованнаго, точно отбросилъ меня отъ ниши. На мгновеніе я смутился,—я задрожалъ. Выхвативъ рапиру, я сунулъ ее въ нишу, но минутное размышленіе ободрило меня. Я пощупалъ рукою плотную стѣну катакомбъ и успокоился. Я снова подошелъ къ отверстію. Я отвѣчалъ на вопли воплями. Я повторялъ ихъ — вторилъ — вопилъ еще громче, еще сильнѣе. Я кричалъ,—и кричавшій умолкъ.

Была полночь, и моя работа приближалась къ концу. Я вывелъ восьмой, девятый и десятый рядъ; оставалось вложить и замазать только одинъ камень. Онъ былъ тяжелъ, и я старался всунуть его на мѣсто. Но тутъ изъ ниши раздался смѣхъ, отъ котораго волосы встали дыбомъ на моей головѣ. Затѣмъ послышался жалобный голосъ, который я не могъ признать за голосъ благороднаго Фортунато. Онъ говорилъ:

— Ха! ха! ха!... хи! хи! хи!... славная шутка!... великолѣпная выдумка!.. Мы посмѣемся надъ ней въ палаццо... хи! хи! хи!... за бутылкой вина!.. хи! хи! хи!

— Амонтильядо?—сказалъ я.

— Хи! хи! хи!.. хи! хи! хи!.. да, Амонтильядо. Но, кажется, уже поздно. Насъ, пожалуй, заждались въ палаццо синьора Фортунато и другіе? Пойдемте домой.

— Да,—сказалъ я,—пойдемте домой.

— Ради Бога, Монтрезоръ!

— Да,—сказалъ я,—ради Бога!

Но тщетно я ждалъ отвѣта на эти слова. Я терялъ терпѣніе. Я крикнулъ:

— Фортунато!

Отвѣта не было. Я еще разъ крикнулъ:

— Фортунато!

Отвѣта не было. Я просунулъ факелъ въ отверстіе и уронилъ его въ нишу. Въ отвѣтъ послышался только звонъ бубенчиковъ. У меня заныло сердце отъ сырости катакомбъ. Я поспѣшилъ окончить работу, вложилъ камень, замазалъ его. Эту новую стѣну я завалилъ костями, возстановивъ прежній валъ. Вотъ уже полстолѣтія ни одинъ смертный не прикасался къ нему. In pace requiescat!

Бѣсъ извращенности.

Изучая способности и импульсы, prima mobilia, человѣческой души, френологи упустили изъ вида одну склонность, которая, представляя несомнѣнно коренное, первичное, основное чувство, ускользнула также отъ вниманія ихъ предшественниковъ — философовъ. Наперекоръ очевидному свидѣтельству разсудка мы всѣ просмотрѣли ее. Просмотрѣли единственно вслѣдствіе недостатка вѣры: въ Откровеніе, или въ Каббалу. Мысль о ней никогда не являлась намъ просто потому, что она не требуется нашимъ представленіемъ о человѣкѣ. Мы не видѣли надобности въ такомъ импульсѣ, въ такой склонности. Не могли взять въ толкъ, на что она нужна, Не могли понять, то есть не могли бы понять, если бы сознаніе этого primum mobile явилось само собою,—не могли бы понять, какимъ образомъ она можетъ содѣйствовать цѣлямъ человѣчества, преходящимъ или вѣчнымъ. Нельзя отрицать, что френологія, и въ значительной степени метафизика, создавались a priori. Человѣкъ отвлеченнаго разума и логики, а не просто мыслящій и наблюдающій человѣкъ, принимался выдумывать планы,—назначать цѣли для Бога. Измѣривъ такимъ образомъ къ собственному удовольствію глубину намѣреній Іеговы, онъ строилъ на основаніи этихъ намѣреній безчисленныя системы духа. Въ отношеніи френологіи, напримѣръ, мы прежде всего и довольно естественно опредѣлили, что въ намѣренія Бога входило одарить человѣка способностью ѣсть. Согласно этому мы надѣлили человѣка шишкой аппетита, каковая шишка и представляетъ изъ себя

стрекало, посредствомъ котораго Божество заставляетъ человѣка питаться во что бы то ни стало. Далѣе, рѣшивъ, что волей Божіей человѣку предназначено продолжать свой родъ, мы открыли органъ влюбчивости; тамъ—органъ драчливости, идеальности, пытливости, творчества,—словомъ, разыскали органы для каждой склонности, каждаго моральнаго чувства, каждой способности чистаго интеллекта. Въ этой классификаціи principiarum человѣческой дѣятельности Шпурцгеймлисты, правильно-ли, нѣтъ-ли, цѣликомъ или отчасти, шли по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, выводя и устанавляя всѣ свои заключенія изъ предопредѣленной судьбы человѣка, на основаніи цѣлей Творца.

Было бы умнѣе и вѣрнѣе строить классификацію (если ужь намъ необходимо классифицировать) на основаніи того, что человѣкъ обыкновенно или случайно дѣлаетъ и всегда дѣлалъ, а не на основаніи того, что, по нашему мнѣнію, предписало дѣлать Божество. Если мы не можемъ понять Бога въ Его видимомъ твореніи, то намъ-ли уразумѣть непостижимую глубину Его мыслей, вызвавшихъ твореніе къ бытію. Если мы не можемъ понять Бога въ Его внѣшнихъ твореніяхъ, то намъ-ли понять Его въ Его внутреннихъ цѣляхъ или фазахъ творенія.

Индукція a posteriori заставила бы френологію допустить въ качествѣ прирожденнаго и первичнаго принципа человѣческой дѣятельности парадоксальную склонность, которую я назову, за неимѣніемъ болѣе характернаго термина, извращенностью. Въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю ее, она представляетъ mobile безъ мотива, не мотивированный мотивъ. Онъ подстрекаетъ насъ дѣйствовать безъ всякой опредѣленной цѣли; или, если этотъ способъ выраженія покажется противорѣчивымъ, я скажу, что, подчиняясь ея внушеніямъ, мы совершаемъ поступокъ на томъ основаніи, что его не слѣдуетъ совершать. Въ теоріи,—основаніе совершенно не основательное; на дѣлѣ—едва-ли не сильнѣйшее изъ всѣхъ. При извѣстномъ настроеніи, при извѣстныхъ условіяхъ, оно становится безусловно непреодолимымъ. Я увѣренъ также твердо, какъ въ своемъ собственномъ существованіи, что убѣжденіе въ безнравственности или ошибочности поступка сплошь и рядомъ является непобѣдимой силой, которая—и только она одна—заставляетъ насъ совершать этотъ поступокъ. Это всепобѣждающее стремленіе дѣлать зло ради зла не подлежитъ анализу, не разлагается на составные элементы. Это коренной, первичный, элементарный импульсъ. Мнѣ скажутъ, что эта наклонность совершать извѣстныя дѣйствія, потому что ихъ «не» слѣдуетъ совершать,—только видоизмѣненіе воинственности френологовъ. Но легко доказать несостоятельность этой идеи. Френологическая воинственность имѣетъ

въ своей основѣ необходимость самозащиты. Это наша гарантія противъ несправедливости. Ея принципъ касается нашего благополучія; и такимъ образомъ желаніе блага для себя возбуждается соотвѣтственно ея развитію. Отсюда слѣдуетъ, что желаніе блага для себя должно возникать одновременно со всякой наклонностью, которая будетъ только видоизмѣненіемъ воинственности. Но проявленія того, что я называю извращенностью, связаны отнюдь не съ стремленіемъ къ собственному благу, а съ совершенно противуположными чувствами.

Въ концѣ концовъ, лучшимъ опроверженіемъ софистическаго объясненія, о которомъ я сейчасъ говорилъ, будетъ обращеніе къ собственному сердцу. Никто, разобравшись на чистоту и повыспросивъ досканально свою собственную душу,—никто не станетъ отрицать, что склонность, о которой идетъ рѣчь,—безусловно коренная душевная черта. Она такъ же очевидна, какъ непонятна. Не найдется человѣка, который не испытывалъ бы когда-нибудь сильнѣйшаго желанія,—напримѣръ, подразнить слушателя въ разговорѣ. Онъ знаетъ, что его рѣчь не нравится; онъ хочетъ нравиться; его обычный способъ изложенія ясенъ, точенъ, сжатъ; у него вертятся на языкѣ самыя подходящія и мѣткія выраженія; онъ боится и не желаетъ вызвать досаду въ слушателѣ; но у него мелькаетъ мысль, что извѣстныя вставки и отступленія вызовутъ эту досаду. Эта мысль является толчкомъ, толчекъ превращается въ позывъ, позывъ въ стремленіе, стремленіе въ страстное, неудержимое желаніе, которое и осуществляется (презирая всѣ послѣдствія,—къ великому огорченію и досадѣ самого оратора).

Намъ необходимо поскорѣе окончить важное дѣло. Мы знаемъ, что отсрочка грозитъ бѣдой. Въ нашемъ существованіи готовится кризисъ,—онъ призываетъ насъ, какъ боевая труба; онъ требуетъ энергіи и дѣятельности. Мы жаждемъ, мы томимся нетерпѣніемъ начать работу, блестящіе результаты которой заранѣе воспламеняютъ намъ душу. Надо, необходимо начать ее сегодня,—и тѣмъ не менѣе мы отлагаемъ до завтра,—почему? Отвѣтъ одинъ: потому что насъ обуялъ капризъ,—употребляя слово, не выражающее опредѣленнаго принципа. Наступаетъ завтра,—а съ нимъ еще болѣе нетерпѣливое стремленіе исполнить нашъ долгъ, но по мѣрѣ того, какъ ростетъ нетерпѣніе,—ростетъ и неизъяснимое, жадное и положительно страшное по своей загадочности желаніе отложить. Время идетъ, а оно, это, желаніе собирается съ силами. Наступаетъ послѣдняя минута. Мы дрожимъ отъ жестокой внутренней борьбы рѣшенія съ нерѣшительностью—существеннаго съ тѣнью. Но если ужь борьба зашла такъ далеко, тѣнь одолѣетъ, какъ мы не бейся. Часы бьютъ отходную нашему благополучію. Вмѣстѣ съ тѣмъ они,

какъ пѣніе пѣтуха, изгоняютъ обуявшаго насъ бѣса. Онъ бѣжитъ—исчезаетъ —мы свободны. Прежняя энергія возрождается. Теперь мы готовы работать. Увы, слишкомъ поздно!

Мы стоимъ на краю пропасти. Мы смотримъ въ бездну—чувствуемъ головокруженіе и слабость. Наше первое побужденіе бѣжать отъ опасности. Безотчетно,—мы остаемся на мѣстѣ. Мало по малу головокруженіе, слабость, ужасъ исчезаютъ въ туманѣ неизъяснимаго чувства. Еще незамѣтнѣе, еще постепеннѣе туманъ принимаетъ форму: какъ паръ, вылетавшій изъ бутылки и превратившійся въ генія въ Арабскихъ Ночахъ. Но изъ нашего тумана, надъ краемъ пропасти, возникаетъ форма страшнѣе всякаго сказочнаго генія или демона,—хотя это только мысль, правда, зловѣщая, отъ которой сладкій трепетъ ужаса пронизываетъ насъ до мозга костей. Это мысль о томъ, что бы мы почувствовали, падая стремглавъ съ такой высоты; и это паденіе, это головокружительное уничтоженіе—именно потому, что оно связано съ самымъ зловѣщимъ, самымъ отвратительнымъ образомъ смерти и страданій, какой когда-либо рисовался нашему воображенію—именно потому оно начинаетъ неудержимо манить насъ; и такъ какъ нашъ разумъ отталкиваетъ насъ отъ пропасти, то—мы стремимся къ ней. Нѣтъ такой дьявольски нетерпѣливой страсти, какъ та, которая обурѣваетъ человѣка, когда онъ стоитъ надъ краемъ пропасти, и съ дрожью думаетъ:—что если кинуться туда? Потратить хоть минуту на размышленіе значитъ погибнуть неизбѣжно, такъ какъ размышленіе заставляетъ насъ бѣжать, — и потому, говорю я, мы не можемъ бѣжать. Если дружеская рука не удержитъ насъ, если не одолѣетъ первый порывъ откинуться отъ пропасти, — мы бросаемся въ нее и гибнемъ.

Разбирайте какъ угодно эти и подобныя дѣйствія,—вы увидите, что они проистекаютъ только изъ духа извращенности. Мы совершаемъ ихъ просто потому, что чувствуемъ, что не должны совершать. Иного объясненія невозможно придумать; и мы готовы бы были приписать эту извращенность прямому внушенію дьявола, если бы иногда она не приводила къ добру.

Я распростанялся обо всемъ этомъ для того, чтобы дать хоть сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на вашъ вопросъ,—объяснить вамъ, какъ я попалъ сюда—указать хоть слабое подобіе причины, которая довела меня до кандаловъ и тюрьмы. Если бы я не распространился такъ подробно, вы бы, пожалуй, вовсе не поняли меня, или, вмѣстѣ съ толпой, приняли за сумасшедшаго. Теперь же вы безъ труда поймете, что я одна изъ несмѣтныхъ жертвъ бѣса извращенности.

Врядъ-ли какой-нибудь поступокъ былъ совершенъ такъ обду-

манно. По недѣлямъ, по мѣсяцамъ я обсуждалъ способы убійства. Я отвергъ тысячи плановъ, потому что исполненіе ихъ не исключало возможности обнаруженія. Наконецъ, въ одной французской книгѣ я прочелъ о случаѣ съ m-me Пилау, которая чуть не умерла по милости отравленной свѣчи. Эта идея поразила мое воображеніе. Мнѣ была извѣстна привычка моей жертвы читать на ночь въ постели. Я зналъ также, что его спальня была тѣсная и плохо провѣтриваемая комната. Но я не стану удручать васъ непріятными подробностями. Не стану описывать, какъ ловко мнѣ удалось подмѣнить свѣчу на его ночномъ столикѣ. На утро онъ былъ найденъ мертвымъ, и коронеръ рѣшилъ: «умеръ попущеніемъ Божіимъ».

Я получилъ въ наслѣдство его состояніе и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ себѣ спокойно. Мысль о возможности обнаруженія ни разу не приходила мнѣ въ голову. Я уничтожилъ огарокъ роковой свѣчи. Я не оставилъ и тѣни ключа, съ помощью котораго можно бы было обвинить, или хоть заподозрить меня въ преступленіи. Вы не можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ я думалъ о своей полнѣйшей безопасности. Въ теченіе долгаго времени я часто наслаждался этимъ сознаніемъ. Оно доставляло мнѣ больше удовольствія, чѣмъ всѣ житейскія блага. Однако, въ концѣ концовъ, наступило время, когда это пріятное чувство путемъ едва замѣтныхъ градацій превратилось въ неотвязную и несносную мысль. Она была несносна, потому что неотвязна. Я ни на минуту не могъ избавиться отъ нея. Довольно обыкновенное явленіе, что васъ неотвязно преслѣдуетъ, раздаваясь въ вашихъ ушахъ, или точнѣе въ вашей памяти, какая-нибудь пошлая пѣсенка или ничтожный оперный мотивъ. Если даже пѣсня хороша, если опера не лишена достоинствъ—ваше состояніе ничуть не менѣе мучительно. Такъ и меня преслѣдовала мысль о моей безопасности и я не разъ ловилъ себя на томъ, что повторяю вполголоса:—я въ безопасности.

Однажды, бродя по улицамъ, я замѣтилъ, что повторяю довольно громко тѣ же слова. Изъ чистаго дурачества я передѣлалъ ихъ такимъ образомъ:—я въ безопасности... я въ безопасности... да, если только не буду такъ глупъ, что признаюсь въ своемъ преступленіи.

Не успѣлъ я договорить этой фразы, какъ холодъ оледенилъ мое сердце. Я уже былъ знакомъ, по собственному опыту, съ этими припадками извращенности (природу которыхъ затруднялся объяснить) и хорошо помнилъ, что мнѣ никогда не удавалось справиться съ ними. И эта мысль, возникшая случайно, путемъ самовнушенія,—мысль, что я могу сознаться въ своемъ преступленіи—

встала передо мной, какъ призракъ моей жертвы,—и гнала меня къ смерти.

Сначала я попытался стряхнуть съ своей души этотъ кошмаръ. Я ускорилъ шаги—быстрѣе, быстрѣе—наконецъ, пустился бѣжать. Я испытывалъ безумное желаніе закричать во весь голосъ. Всякая новая волна мысли леденила меня новымъ ужасомъ, потому что... увы!.. я слишкомъ, слишкомъ хорошо понималъ, что думать въ моемъ положеніи значило погибнуть. Я все ускорялъ свой бѣгъ. Я летѣлъ какъ сумасшедшій по люднымъ улицамъ. Поднялась тревога, за мной пустились въ догонку. Тогда-то я почувствовалъ, что судьба моя свершилась. Если бы я могъ вырвать себѣ языкъ, я вырвалъ бы его... но вотъ грубый голосъ раздался въ моихъ ушахъ... тяжелая рука схватила меня за плечо. Я обернулся, задыхаясь. На мгновеніе я почувствовалъ припадокъ удушья—въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась — но тутъ невидимый врагъ точно толкнулъ меня въ спину. Долго скрываемая тайна вырвалась изъ моей души.

Мнѣ передавали потомъ, будто я говорилъ ясно, отчетливо, но съ замѣтнымъ экстазомъ, страстно, торопливо, точно боялся, что кто-нибудь прерветъ потокъ признаній, осуждавшихъ меня на висѣлицу и въ адъ.

Высказавъ все, что было нужно для безусловнаго обвиненія, я упалъ безъ чувствъ.

Но къ чему разсказывать дальше? Сегодня я въ оковахъ и здѣсь. Завтра буду безъ оковъ!—но гдѣ?

Островъ Феи.

Nullus enim locus sine genio est *).
Servius.

«Музыка»—говоритъ Мармонтель въ своихъ «Contes moraux» которые, точно въ насмѣшку надъ ихъ духомъ, упорно превращаются у нашихъ переводчиковъ въ «Нравоучительные разсказы», — музыка единственный даръ, наслаждающійся, самимъ собою; всѣ остальные нуждаются въ публикѣ». Онъ смѣшиваетъ здѣсь удовольствіе, доставляемое сладкими звуками, съ способностью творить ихъ. Музыкальный талантъ, какъ и всякій другой, можетъ доставлять полное наслажденіе лишь въ томъ случаѣ, когда есть посторонніе люди, которые могутъ оцѣнить его; и также, какъ всякій другой талантъ, онъ производитъ эффекты, которыми можно наслаждаться въ уединеніи. Мысль, которую raconteur не съумѣлъ ясно выразить — или

*) «Нѣтъ мѣста безъ своего генія». Servius.

пожертвовалъ ясностью французской любви къ остроумію — безъ сомнѣнія, вполнѣ справедлива въ томъ смыслѣ, что высокая музыка можетъ быть вполнѣ оцѣнена лишь тогда, когда мы слушаемъ ее одни. Съ такимъ положеніемъ согласится всякій, кто цѣнитъ лиру ради нея самой и ея духовнаго значенія. Но есть и еще наслажденіе у грѣшнаго человѣчества, быть можетъ, одно единственное, которое еще больше чѣмъ музыка связано съ уединеніемъ. Я говорю о наслажденіи, которое доставляютъ картины природы. По истинѣ, только тотъ можетъ созерцать славу Господа на землѣ, кто созерцаетъ ее въ уединеніи. Для меня, по крайней мѣрѣ, присутствіе не только человѣческой, но и всякой другой жизни, — кромѣ зеленыхъ существъ, въ безмолвіи произростающихъ на землѣ — представляетъ пятно на ландшафтѣ, враждебное генію картины. Да, я люблю смотрѣть на темныя долины, на сѣрыя скалы, на тихія воды съ ихъ безмолвной улыбкой, на лѣса, вздыхающіе въ безпокойномъ снѣ; на гордыя вершины, что смотрятъ внизъ, подобно часовымъ на сторожевыхъ постахъ, — я вижу во всемъ этомъ колоссальные члены одного одушевленнаго и чувствующаго цѣлаго,—того цѣлаго, чья форма (форма сферы) наиболѣе совершенная и вмѣстительная изъ всѣхъ; чей путь лежитъ среди дружественныхъ планетъ; чья кроткая служанка — луна; чей властелинъ — солнце; чья жизнь — вѣчность; чья мысль — добро; чья отрада — знаніе; чьи судьбы теряются въ безконечности; чье представленіе о насъ подобно нашему представленію объ animalculae *), заражающихъ нашъ мозгъ, — почему мы и считаемъ его, это цѣлое, неодушевленнымъ и грубо матеріальнымъ, такимъ же, какимъ должны считать насъ animalculae.

Наши телескопы, наши математическія изслѣдованія, убѣждаютъ насъ вопреки заблужденіямъ невѣжественной теологіи, что пространство, а слѣдовательно и вмѣстимость, являются важнымъ соображеніемъ въ глазахъ Всемогущаго. Круги, по которымъ движутся свѣтила, наиболѣе приспособлены для движеній, безъ столкновенія, возможно большаго числа тѣлъ. Формы этихъ тѣлъ именно таковы, чтобы въ данномъ объемѣ заключать наибольшее количество матеріи, а поверхности ихъ расположены такимъ образомъ, что могутъ помѣстить на себѣ населеніе болѣе многочисленное, чѣмъ при всякомъ другомъ расположеніи. Безконечность пространства не можетъ служить аргументомъ противъ той мысли, что вмѣстимость входила въ разсчеты Божества; потому что безконечное пространство наполнено безконечной матеріей. И разъ мы видимъ, что надѣленіе матеріи жизнью представляетъ прин-

*) Микроскопическія животныя.

ципъ,—даже, насколько мы можемъ судить объ этомъ,—руководящій принципъ дѣятельности Бога,—было бы нелогично воображать, что этотъ принципъ ограничивается областью мелочныхъ явленій, гдѣ мы видимъ его ежедневно и не простирается на область грандіознаго. Мы видимъ кругъ въ кругу безъ конца и всѣ они вращаются вокругъ отдаленнаго центра, Божества; не можемъ-ли мы по аналогіи предположить жизнь въ жизни, меньшую въ большей, и всѣ въ Духѣ Господнемъ. Короче сказать, мы безумно заблуждаемся, предполагая въ своемъ тщеславіи, что человѣкъ и его судьбы, настоящія и будущія, больше значатъ во вселенной, чѣмъ огромная «глыба праха», которую онъ обработываетъ и презираетъ, не признавая за ней души только потому, что не замѣчаетъ ея проявленій*).

Эти и имъ подобныя соображенія всегда придавали моимъ размышленіямъ среди горъ и лѣсовъ, на берегахъ рѣкъ и океана, окраску, которую будничній міръ не преминетъ назвать фантастичной. Я много разъ странствовалъ среди такихъ картинъ, забирался далеко, часто въ одиночествѣ, и наслажденіе, которое я испытывалъ, бродя по глубокимъ туманнымъ долинамъ или любуясь отраженіемъ неба въ свѣтлыхъ водахъ озера, всегда усиливалось при мысли, что я брожу и любуюсь одинъ. Какой это болтливый французъ**) сказалъ, намекая на извѣстное произведеніе Циммермана: «La solitude est une belle chose, mais il faut quelqu'un pour vous dire que la solitude est une belle chose?»***). Замѣчаніе безспорно остроумное, но этой необходимости вовсе не существуетъ.

Въ одномъ изъ такихъ одинокихъ странствій среди горъ, нагроможденныхъ другъ на друга, и печальныхъ рѣкъ, и угрюмыхъ сонныхъ прудовъ, я случайно наткнулся на рѣчку съ островкомъ. Я забрелъ сюда въ іюнѣ, и бросился на траву подъ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ ароматическимъ кустарникомъ, чтобы въ дремотѣ любоваться пейзажемъ. Я чувствовалъ, что такъ именно нужно разсматривать его, потому что на немъ лежала печать грезы, чего-то призрачнаго.

Со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, гдѣ солнце склонялось къ закату, возвышались зеленѣющія стѣны лѣса. Рѣчка, круто заворачивавшая въ своемъ теченіи, тотчасъ же исчезала изъ виду;

---

*) Разсуждая о приливахъ и отливахъ въ трактатѣ «De Situ Orbis» Помпоній Мела говоритъ:—«міръ—огромное животное, или» и т. д.

**) Бальзакъ, слова котораго я точно не помню.

***) «Уединеніе хорошая вещь, только необходимо, чтобы былъ кто-нибудь, кто сказалъ бы вамъ, что уединеніе хорошая вещь».

казалось, она не находила выхода изъ своей темницы и поглощалась на востокѣ густой зеленой листвой; тогда какъ съ противуположной стороны (такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось мнѣ, когда я лежалъ и смотрѣлъ вверхъ) безмолвно и безпрерывно пышнымъ потокомъ струились въ долину золотыя и багряныя волны съ вечерняго неба.

Почти посреди тѣсной перспективы, открывавшейся моему дремлющему взору, покоился на лонѣ рѣки круглый, одѣтый роскошною зеленью, островокъ.

Берегъ до того сливался съ своимъ отраженіемъ,
Что оба, казалось, висѣли въ воздухѣ—

и свѣтлыя воды до того походили на зеркало, что невозможно было сказать, гдѣ кончается изумрудный дернъ и начинается хрустальное царство воды.

Я могъ охватить однимъ взглядомъ восточную и западную оконечности острова и замѣтилъ странную разницу въ ихъ внѣшнемъ видѣ. Западный край казался лучезарнымъ гаремомъ цвѣтущей красоты. Онъ сіялъ и рдѣлъ, озаренный косыми лучами заходящаго солнца и смѣялся своими пышными цвѣтами. Нѣжная, ароматная травка была усѣяна Царскими кудрями. Стройныя, прямыя, тонкія, граціозныя деревья, съ свѣтлой зеленью и пестрой, гладкой, блестящей корой напоминали о востокѣ своей формой и листвой. На всемъ лежала печать жизни и радости и хотя ни малѣйшее дыханіе вѣтерка не шевелило неподвижнаго воздуха, все казалось въ движеніи, благодаря безчисленнымъ мотылькамъ, которыхъ можно было принять за крылатые цвѣты *).

Другой, восточный конецъ острова былъ погруженъ въ черную тѣнь. Все здѣсь было проникнуто мрачной, хотя прекрасной и тихой, скорбью. Темныя деревья, въ траурной одеждѣ, казались скорбными, торжественными призраками, говорившими о безвременной смерти и надгробной печали. Трава имѣла мрачную окраску кипариса, ея листья уныло поникли, разбросанные тамъ и сямъ холмики, заросшіе рутой и розмариномъ, казались могилами. Тѣни деревьевъ тяжело ложились на воду и исчезали въ ней, окутывая мракомъ ея глубины. Мнѣ грезилось, что каждая тѣнь, по мѣрѣ того какъ солнце спускалось все ниже и ниже, угрюмо отдѣлялась отъ ствола, породившаго ее, и поглощалась потокомъ, а на мѣсто ея тотчасъ же выступала новая.

Эта мысль, зародившись въ моемъ воображеніи, возбуждала его все сильнѣе и сильнѣе, и я предался мечтамъ.—Если былъ когда-нибудь очарованный островъ,—думалъ я,—такъ вотъ онъ

*) „Florem putares nare per liquidum aethera".—P. Commire.

передо мною. Здѣсь, въ этомъ уголку, притаились немногія феи, уцѣлѣвшія отъ гибели, постигшей ихъ племя. Не ихъ-ли эти зеленыя могилы? Не разстаются-ли онѣ съ своей хрупкой жизнью такъ же, какъ люди съ своей? Или онѣ разрушаются постепенно, возвращая Богу свое существованіе капля за каплей, какъ эти деревья отдаютъ водѣ тѣнь за тѣнью, истощая мало по малу свое существованіе? Между существованіемъ феи и смертью, которая его поглощаетъ, не такая-ли же связь, какъ между разрушающимся деревомъ и водой, которая всасываетъ ея тѣни, становясь отъ нихъ все чернѣе и чернѣе?

Пока я мечталъ, съ полузакрытыми глазами, а солнце быстро спускалось, и крутящіяся струи вились вокругъ острова, нанося на его грудь снѣжно-бѣлые хлопья коры сикоморовъ, въ которыхъ живое воображеніе могло бы увидѣть все, что ему померещится; пока я мечталъ, мнѣ показалось, что одна изъ тѣхъ самыхъ фей, о которыхъ я думалъ, появилась на западной оконечности острова, медленно двигаясь изъ свѣта въ тьму. Она стояла на странномъ, хрупкомъ челнокѣ, двигая его тѣнью весла. Пока ее озаряли лучи угасающаго солнца, она казалась веселой, но грусть овладѣвала ею по мѣрѣ того, какъ она погружалась въ тьму. Она тихонько скользила по водѣ и, наконецъ, обогнула островъ и снова появилась на освѣщенной сторонѣ. Кругъ, который только что свершила фея,—думалъ я,—годовой циклъ ея скоротечной жизни. Она пережила зиму и лѣто. Она годомъ ближе къ смерти: я видѣлъ, какъ ея тѣнь отдѣлилась отъ нея, когда она вступила въ темноту, отдѣлилась и исчезла, поглощенная черными водами, которыя стали еще чернѣе.

Снова появился челнокъ и фея, но на этотъ разъ ея поза обнаруживала больше тревоги и безпокойства и меньше безпечной радости. Снова вступила она изъ свѣта въ тьму (которая сгущалась съ минуты на минуту) и снова ея тѣнь отдѣлилась и исчезла въ черномъ лонѣ водъ. И каждый разъ, когда фея огибала островъ (между тѣмъ какъ солнце стремилось на покой) и появлялась у освѣщеннаго берега, лицо ея становилось все печальнѣе, все блѣднѣе и призрачнѣе, и каждый разъ, когда она вступала въ тьму, ея тѣнь отдѣлялась и исчезала въ черныхъ водахъ. И, наконецъ, когда солнце исчезло, фея—призракъ прежней феи!—въ послѣдній разъ погрузилась въ черную тьму; и вышла-ли когда-нибудь изъ нея,—не знаю, потому что все одѣлось мракомъ и я не видалъ болѣе ея волшебнаго лица.

Овальный портретъ.

«Egli è vivo e parlerebbe se non osservasse la rigola del silentio» *).
(Надпись подъ итальянской картиной св. Бруно).

Лихорадка моя была сильна и упорна. Я перепробовалъ всѣ средства, какія только можно было достать въ дикой области Аппенинъ, и все безъ успѣха. Мой слуга и единственный помощникъ въ уединенномъ замкѣ былъ слишкомъ нервенъ и неловокъ, чтобы пустить мнѣ кровь, которой, правда, я и безъ того немало потерялъ въ схваткѣ съ бандитами. Не могъ я также отпустить его за помощью. Наконецъ, я вспомнилъ о небольшомъ запасѣ опіума, который хранился у меня вмѣстѣ съ табакомъ: въ Константинополѣ я привыкъ курить табакъ съ этимъ зельемъ. Педро подалъ мнѣ ящикъ. Я отыскалъ въ немъ опіумъ. Но тутъ возникло затрудненіе: я не зналъ, сколько его отдѣлить на пріемъ. При куреніи количество было безразлично. Обыкновенно я наполнялъ трубку на половину табакомъ, на половину опіумомъ, перемѣшивалъ и, случалось, выкуривалъ всю эту смѣсь, не испытывая никакого особеннаго дѣйствія. Случалось и такъ, что, выкуривъ двѣ трети, я замѣчалъ признаки умственнаго разстройства, которые заставляли меня бросать трубку. Во всякомъ случаѣ, дѣйствіе опіума проявлялось такъ постепенно, что не представляло серьезной опасности. Теперь представлялся совсѣмъ другой случай. Я никогда еще не принималъ опіума внутрь. Мнѣ случалось прибѣгать къ лаудануму и морфину, и относительно этихъ средствъ я бы не сталъ колебаться. Но съ употребленіемъ опіума я вовсе не былъ знакомъ. Педро зналъ объ этомъ не больше меня, такъ что приходилось дѣйствовать наудачу. Впрочемъ, я не долго колебался, рѣшившись принимать постепенно. На первый разъ,—думалъ я,—приму очень маленькую дозу. Если она не подѣйствуетъ, буду повторять до тѣхъ поръ, пока не уменьшится лихорадка или не явится благодѣтельный сонъ, который былъ крайне необходимъ для меня, но уже цѣлую недѣлю бѣжалъ отъ моихъ взволнованныхъ чувствъ. Безъ сомнѣнія, это самое волненіе—смутный бредъ, уже овладѣвшій мною—помѣшало мнѣ уразумѣть нелѣпость моего намѣренія устанавливать большія или малыя дозы, не имѣя никакого масштаба для сравненія. Мнѣ и, въ голову не приходило, что доза чистаго опіума, которую я считаю ничтожной, на самомъ дѣлѣ мо-

*) „Онъ живъ и заговорилъ бы, если не соблюдалъ обѣта молчанія“.

жетъ быть огромной. Напротивъ, я хорошо помню, что съ полной увѣренностью опредѣлилъ количество, необходимое для перваго пріема, сравнивая его съ цѣлымъ кускомъ опіума, находившимся въ моемъ распоряженіи. Порція, которую я проглотилъ, и проглотилъ безъ всякихъ опасеній, безъ сомнѣнія, представляла очень малую часть всего куска, находившагося въ моихъ рукахъ.

Замокъ, въ который мой слуга рѣшился вломиться силой,—лишь бы не оставить меня, раненаго, подъ открытымъ небомъ, былъ одной изъ тѣхъ угрюмыхъ и величавыхъ громадъ, которыя Богъ знаетъ сколько вѣковъ хмурятся среди Аппенинъ, не только въ фантазіи мистриссъ Ратклиффъ, но и въ дѣйствительности. Повидимому, онъ былъ покинутъ хозяевами очень недавно и только на время. Мы выбрали комнату поменьше и попроще въ отдаленной башенкѣ. Обстановка ея была богатая, но износившаяся и старинная. Стѣны были увѣшаны коврами, разнообразными воинскими доспѣхами и современными картинами въ богатыхъ золотыхъ рамахъ. Эти картины, висѣвшія не только на открытыхъ стѣнахъ, но и по всѣмъ закоулкамъ, созданнымъ причудливой архитектурой зданія, возбуждали во мнѣ глубокій интересъ, быть можетъ, обусловленный начинающимся бредомъ, такъ что я велѣлъ Педро задвинуть тяжелыя ставни (ночь уже наступила), зажечь свѣчи въ высокомъ канделябрѣ, стоявшемъ подлѣ кровати, и отдернуть черный бархатный пологъ съ бахромой, закрывавшій постель. Я разсчитывалъ, что если мнѣ не удастся уснуть, такъ буду, по крайней мѣрѣ, разсматривать картины и читать ихъ описанія въ маленькомъ томикѣ, который оказался на подушкѣ.

Долго, долго читалъ я—и пристально, благоговѣйно разсматривалъ картины. Часы летѣли быстрой и чудной вереницей,—наступила полночь. Положеніе канделябра казалось мнѣ неудобнымъ и, не желая будить уснувшаго слугу, я съ трудомъ вытянулъ руку и переставилъ его такъ, чтобы лучи сильнѣе освѣщали книгу.

Но эта перестановка произвела совершенно неожиданный эффектъ. Лучи многочисленныхъ свѣчей (ихъ дѣйствительно было много) упали въ нишу, которая, до тѣхъ поръ, была окутана глубокой тѣнью отъ одного изъ столбовъ кровати. Я увидѣлъ ярко освѣщенную картину, которой не замѣчалъ раньше. То былъ портретъ молодой дѣвушки, въ первомъ расцвѣтѣ пробудившейся женственности. Я бѣгло взглянулъ на картину и закрылъ глаза. Почему, я и самъ не понялъ въ первую минуту. Но пока мои рѣсницы еще оставались сомкнутыми, я сталъ обдумывать, почему я закрылъ ихъ. Это было инстинктивное движеніе съ цѣлью выиграть время для размышленія, удостовѣриться, что зрѣніе не обмануло меня, унять и обуздать фантазію болѣе надежнымъ и

трезвымъ наблюденіемъ. Спустя нѣсколько мгновеній, я снова устремилъ на картину пристальный взглядъ.

Теперь я не могъ сомнѣваться, что вижу ясно и не обманываюсь, потому что первая вспышка свѣчей, озарившая картину, повидимому, разсѣяла сонное оцѣпенѣніе, овладѣвшее моими чувствами, и разомъ вернула меня къ дѣйствительной жизни.

Какъ я уже сказалъ, то былъ портретъ молодой дѣвушки, голова и плечи, въ виньеточномъ стилѣ, говоря технически, напоминавшемъ стиль головокъ Селли. Руки, грудь и даже кончики золотистыхъ волосъ незамѣтно сливались съ неопредѣленной, но глубокой тѣнью, составлявшею фонъ картины. Овальная вызолоченная рамка была украшена и филигранной работой въ Мавританскомъ стилѣ. Живопись представляла верхъ совершенства. Но не образцовое исполненіе, не божественная красота лица потрясли меня такъ внезапно и такъ сильно. Менѣе всего могъ я допустить, чтобы моя фантазія, пробудившаяся отъ полудремоты, приняла эту голову за живое лицо. Я сразу увидѣлъ, что особенности рисунка, стиля, рамы должны были уничтожить подобную идею въ моментъ возникновенія, не допуская даже мимолетной иллюзіи. Упорно раздумывая объ этомъ, я провелъ, быть можетъ, около часа, полусидя, полулежа, и не сводя глазъ съ портрета. Наконецъ, насытившись тайной художественнаго эффекта, я откинулся на постель. Я убѣдился, что очарованіе картины заключалось въ безусловной жизненности выраженія, которое въ первую минуту поразило меня, а потомъ смутило, подавило и ужаснуло. Съ глубокимъ и почтительнымъ страхомъ я поставилъ канделябръ на прежнее мѣсто. Устранивъ, такимъ образомъ, причину моего волненія, я торопливо перелистовалъ томикъ съ описаніями картинъ. Отыскавъ номеръ, подъ которымъ значился овальный портретъ, я прочелъ слѣдующія странныя и загадочныя строки:

« Она была дѣвушка рѣдкой красоты и столь же весела, какъ прекрасна. Въ несчастный часъ она увидѣла, полюбила и сдѣлалась женой художника. Онъ, страстный, прилежный, суровый и уже нашедшій невѣсту въ своемъ искусствѣ и она,—дѣвушка рѣдкой красоты, столь же веселая, сколько прекрасная; вся—радость и смѣхъ; рѣзвая, какъ молодая лань, полная любви и ласки ко всему, ненавидѣвшая только свою соперницу—Искусство; пугавшаяся только палитры, кистей и другихъ досадныхъ инструментовъ, отнимавшихъ у нея возлюбленнаго. Ужаснымъ ударомъ было для новобрачной услышать, что художникъ, желаетъ снять портретъ даже съ своей молодой жены. Но она была кротка и послушна, и покорно сидѣла цѣлыя недѣли въ высокой темной башнѣ, гдѣ свѣтъ только сверху струился на блѣдное полотно. Онъ же,

художникъ, вложилъ всю свою душу въ это произведеніе, которое подвигалось впередъ съ часу на часъ и со дня на день. И былъ онъ страстный, дикій и своенравный человѣкъ, поглощенный своими мечтами; и не хотѣлъ онъ видѣть, что свѣтъ, такъ зловѣще озарявшій уединенную башню, губилъ здоровье и душу его молодой жены, что она таяла на глазахъ всѣхъ и только онъ одинъ не замѣчалъ этого. Но она улыбалась и не хотѣла жаловаться, такъ какъ видѣла, что художникъ (который пользовался высокой славой), находилъ лихорадочное и жгучее наслажденіе въ своей работѣ, и дни, и ночи трудился надъ портретомъ той, которая такъ любила его и все-таки томилась и чахла со дня на день. И правда, тѣ, кто видѣлъ портретъ, говорили вполголоса о чудесномъ сходствѣ и находили въ немъ доказательство не только таланта художника, но и его глубокой любви къ той, которую рисовалъ онъ съ такимъ изумительнымъ совершенствомъ. Но когда работа уже близилась къ концу, въ башню перестали пускать постороннихъ, потому что художникъ предавался работѣ съ безумнымъ увлеченіемъ и почти не отводилъ глазъ отъ полотна, не глядѣлъ даже на лицо жены. И не хотѣлъ онъ видѣть, что краски, которыя онъ набрасывалъ на полотно, сбѣгали съ лица той, которая сидѣла подлѣ него. И когда прошло много недѣль, и оставалось только довершить картину, тронувъ кистью ротъ и глаза, духъ молодой женщины снова вспыхнулъ, какъ пламя угасающей лампы. И вотъ, послѣдній мазокъ сдѣланъ, послѣдній штрихъ положенъ, и на мгновеніе художникъ остановился очарованный своимъ твореніемъ, но въ ту же минуту, еще не отрывая глазъ отъ портрета, затрепеталъ, поблѣднѣлъ, и ужаснулся, и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Да это сама жизнь;—быстро обернулся, чтобы взглянуть на свою возлюбленную—она была мертва!»

Свиданіе.

„Подожди меня тамъ! Я встрѣчусь съ тобой въ этой мрачной долинѣ".

(Эпитафія на смерть жены Генри Кинга, епископа Чичестерскаго.)

Злополучный и загадочный человѣкъ! ослѣпленный блескомъ собственнаго воображенія и сгорѣвшій въ огнѣ своей юности! Снова твой образъ возстаетъ въ моихъ мечтахъ! снова я вижу тебя—не такимъ,—о, не такимъ, какимъ витаешь ты нынѣ въ холодной долинѣ тѣней, а какимъ ты бы долженъ былъ быть, коротая жизнь въ роскошныхъ грезахъ, въ этомъ городѣ смутныхъ призраковъ, въ

твоей родной Венеціи,—счастливомъ Элизіумѣ моря,— чьи дворцы съ глубокой и скорбной думой смотрятся широкими окнами въ безмолвныя таинственныя воды. Да! повторяю,—какимъ ты бы долженъ былъ быть. Конечно, есть другіе міры, кромѣ нашего,—другія мысли, кромѣ мыслей толпы,—другія разсужденія, кромѣ разсужденій софиста. Кто же рѣшится призвать тебя къ отвѣту? кто осудитъ часы твоихъ грезъ и назоветъ безплодной тратой жизни занятія, въ которыхъ только прорывался избытокъ твоей неукротимой энергіи?

Это было въ Венеціи, подъ аркой Ponte dei Sospiri,—я въ третій или четвертый разъ встрѣтилъ здѣсь того, о комъ говорю. Смутно припоминаются мнѣ обстоятельства нашей встрѣчи. Но я помню,—ахъ! могу-ли я забыть?—глубокую полночь, Мостъ Вздоховъ, красоту женщины, и Геній Романа, носившійся надъ узкимъ каналомъ.

Была необыкновенно мрачная ночь. Большіе часы на Піаццѣ пробили пять часовъ итальянскаго вечера. Скверъ Кампанильи опустѣлъ и затихъ, почти всѣ огни въ старомъ Дворцѣ Дожей погасли. Я возвращался домой съ Піацетты по Большому каналу. Но когда моя гондола поровнялась съ устьемъ канала св. Марка,—дикій, истерическій, протяжный женскій вопль внезапно раздался среди ночной тишины. Пораженный этимъ крикомъ, я вскочилъ, а гондольеръ выронилъ свое единственное весло, и такъ какъ найти его было невозможно въ этой непроглядной тьмѣ, то мы оказались во власти теченія, которое въ этомъ мѣстѣ направляется изъ большого канала въ малый. Подобно огромному черному коршуну, мы тихонько скользили къ Мосту Вздоховъ, когда тысяча огней, загорѣвшихся въ окнахъ и на лѣстницахъ Дворца Дожей, внезапно превратили эту угрюмую ночь въ багровый, неестественный день.

Ребенокъ, выскользнувъ изъ рукъ матери, упалъ изъ верхняго окна высокаго зданія въ глубокій и мутный каналъ. Спокойныя воды безмолвно сомкнулись надъ своей жертвой, и хотя ни одной гондолы, кромѣ моей, не было по близости, много смѣлыхъ пловцовъ уже разыскивали на поверхности канала сокровище, которое—увы!—можно было найти только въ его пучинѣ. На черныхъ, мраморныхъ плитахъ у входа во дворецъ, стояла фигура, которую никто, однажды видѣвшій ее, не могъ бы забыть. То была маркиза Афродита—кумиръ Венеціи — воплощенное веселье — красавица среди красавицъ,—молодая жена стараго интригана Ментони и мать прекраснаго ребенка, ея перваго и единственнаго дитяти, который теперь въ глубинѣ мрачныхъ водъ съ тоской вспоминалъ о ласкахъ матери и тщетно пытался произнести ея имя.

Она стояла одна. Ея маленькія, босыя, серебристыя ножки бле-

стѣли на черномъ мраморѣ. Волосы, которые она еще не успѣла освободить на ночь отъ бальныхъ украшеній, обвивали ея классическую головку, осыпанную дождемъ бриллiантовъ,—и курчавились, какъ завитки молодыхъ гіацинтовъ. Бѣлоснѣжное покрывало изъ легкой, прозрачной матеріи, повидимому, составляло ея единственную одежду; но знойный, тяжелый, лѣтній воздухъ былъ спокоенъ, и ни единое движеніе ея тѣла, подобнаго статуѣ, не шевелило складокъ этого легкаго, какъ паръ, платья, падавшихъ вокругъ нея, какъ тяжелыя мраморныя одежды вокругъ Ніобы. Но—странное дѣло!—ея огромные, сіяющіе глаза не были обращены внизъ, къ могилѣ, поглотившей ея лучезарнѣйшую надежду,—они устремились въ совершенно другомъ направленіи. Я думаю, что тюрьма Старой Республики,—грандіознѣйшее зданіе Венеціи; но какъ могла эта женщина смотрѣть на нее такъ пристально, когда ея родное дитя задыхалось внизу, подъ ея ногами. Та темная мрачная ниша противъ оконъ ея комнаты—что могло быть въ ея тѣняхъ, въ ея архитектурѣ, въ ея обвитыхъ плющемъ массивныхъ карнизахъ,—чего маркиза ди-Ментони не видала уже тысячи разъ? Нелѣпость!—Кто не знаетъ, что въ такія минуты глаза, какъ разбитое зеркало, умножаютъ отраженія своей скорби и видятъ въ безчисленныхъ отдаленныхъ пунктахъ горе, которое здѣсь, подъ рукой.

На много ступеней выше маркизы, подъ аркой водопровода, виднѣлась сатироподобная фигура самого Ментони. Онъ бренчалъ на гитарѣ, когда случилось это происшествіе, и казался до смерти *ennuyé*, указывая въ промежуткахъ игры, гдѣ искать ребенка. Ошеломленный и испуганный я не могъ пошевелиться и, вѣроятно, показался взволнованной толпѣ зловѣщимъ привидѣніемъ, когда, блѣдный и неподвижный, плылъ на нее въ своей траурной гондолѣ.

Всѣ усилія оставались тщетными. Уже большинство самыхъ энергичныхъ пловцовъ прекратили поиски, покоряясь угрюмому року. Казалось, уже мало надежды остается для ребенка (во сколько же меньше для матери!), какъ вдругъ изъ темной ниши, о которой я упоминалъ, выступила въ полосу свѣта фигура, закутанная въ плащъ, на мгновеніе остановилась на краю высокаго спуска и ринулась въ каналъ. Минуту спустя онъ стоялъ на мраморныхъ плитахъ передъ маркизой, съ ребенкомъ—еще живымъ и не потерявшимъ сознанія—на рукахъ. Промокшій плащъ свалился къ его ногамъ и обнаружилъ передъ взорами изумленныхъ зрителей изящную фигуру очень молодого человѣка, чье имя гремѣло тогда въ Европѣ.

Ни слова не вымолвилъ спаситель. Но маркиза! Вотъ она схватитъ ребенка, прижметъ его къ сердцу, обовьетъ его маленькое тѣло, и покроетъ его безчисленными поцѣлуями. Увы! другія

руки приняли ребенка—другія руки подняли его и унесли, незамѣченнаго матерью, во дворецъ. А маркиза? Ея губы, ея прекрасныя губы дрожали: слезы стояли въ ея глазахъ, глазахъ, къ которымъ можно примѣнить слова Плинія о листьяхъ аканта:—«нѣжные и почти жидкіе». Да! слезы стояли въ ея глазахъ и вотъ—женщина очнулась и статуя ожила. Блѣдное мраморное лицо, выпуклость мраморной груди, даже чистый мраморъ ногъ залились волной неудержимаго румянца; и легкая дрожь поколебала ея нѣжныя формы, какъ тихій вѣтерокъ Неаполя пышную серебристую лилію въ травѣ.

Почему бы могла она покраснѣть? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта, развѣ потому, что въ ужасѣ и тревогѣ материнскаго сердца забыла надѣть туфли на свои крошечныя ножки, накинуть покрывало на свои венеціанскія плечи. Какой же еще причиной возможно объяснить этотъ румянецъ?—блескъ этихъ испуганныхъ глазъ?—необычайное волненіе трепещущей груди?—судорожное стискиваніе дрожащей руки?—руки, которая случайно опустилась на руку незнакомца, когда Ментони ушелъ во дворецъ? Какой же другой причиной можно объяснить тихій—необычайно тихій звукъ незначущихъ словъ, съ которыми она торопливо обратилась къ нему на прощанье.—Ты побѣдилъ,—сказала она (если только не обманулъ меня ропотъ водъ),—ты побѣдилъ, черезъ часъ послѣ восхода солнца мы встрѣтимся!

* *
*

Смятеніе прекратилось, огни во дворцѣ угасли, а незнакомецъ, котораго я узналъ теперь, еще стоялъ на ступеняхъ. Онъ дрожалъ отъ неизъяснимаго волненія, глаза его искали гондолу. Я предложилъ ему свою, онъ вѣжливо принялъ предложеніе. Доставши весло у шлюза, мы отправились къ его квартирѣ. Онъ быстро овладѣлъ собою и вспоминалъ о нашемъ прежнемъ мимолетномъ знакомствѣ въ очень сердечныхъ выраженіяхъ.

Есть вещи, относительно которыхъ я люблю быть точнымъ. Къ числу ихъ принадлежитъ личность незнакомца—буду называть его этимъ именемъ. Росту онъ былъ скорѣе ниже, чѣмъ выше средняго, хотя въ минуты страстнаго волненія его тѣло положительно расширялось и не подходило подъ мое опредѣленіе. Легкая, почти хрупкая фигура его обѣщала скорѣе энергію, какую онъ проявилъ у моста Вздоховъ, чѣмъ геркулесовскую силу, образчики которой, однако, онъ, какъ извѣстно было, не разъ проявлялъ безъ всякаго усилія въ болѣе опасныхъ случаяхъ. Божественный ротъ и подбородокъ, удивительные, дикіе, большіе, жидкіе глаза, оттѣнокъ которыхъ мѣнялся отъ чистаго каштановаго до блестящаго чернаго цвѣта, густые вьющіеся черные волосы, изъ подъ кото-

рыхъ сверкалъ ослѣпительно бѣлый лобъ необычайной ширины,—вотъ его наружность. Такого классически правильнаго лица я не видывалъ больше,—развѣ только на бюстахъ императора Коммода. Тѣмъ не менѣе наружность его была изъ тѣхъ, какія каждому случалось встрѣчать хоть разъ въ жизни и затѣмъ уже не видѣть болѣе. Она не отличалась какимъ-либо особеннымъ, преобладающимъ, бьющимъ въ глаза выраженіемъ, которое врѣзается въ память; увидѣвъ это лицо, вы тотчасъ забывали о немъ, но и забывъ не могли отдѣлаться отъ смутнаго неотвязнаго желанія возстановить его въ своей памяти. Нельзя сказать, чтобы игра страстей не отражалась въ каждую данную минуту въ зеркалѣ этого лица; но, подобно зеркалу, оно не сохраняло никакихъ слѣдовъ исчезнувшей страсти. Разставаясь со мной въ эту ночь, онъ просилъ меня, повидимому, очень настойчиво, зайти къ нему завтра утромъ пораньше. Исполняя эту просьбу, я вскорѣ послѣ восхода солнца уже стоялъ передъ его палаццо,—однимъ изъ тѣхъ угрюмыхъ, но фантастическихъ и пышныхъ зданій, что возвышаются надъ водами Большого канала по сосѣдству съ Ріальто. Меня провели по широкой, витой, мозаичной лѣстницѣ въ пріемную, изумительная роскошь которой положительно ослѣпила и ошеломила меня.

Я зналъ, что мой знакомый богатъ. О его состояніи ходили слухи, которые я считалъ смѣшнымъ преувеличеніемъ. Но, глядя на его помѣщеніе, я не могъ повѣрить, чтобы у кого-либо изъ подданныхъ въ Европѣ нашлось достаточно средствъ на царское великолѣпіе, которое сіяло и блистало кругомъ.

Хотя солнце уже взошло, но комната была ярко освѣщена. По этому обстоятельству, равно какъ и по утомленному виду моего друга, я заключаю, что въ эту ночь онъ не ложился въ постель. Въ архитектурѣ и обстановкѣ комнаты замѣтно было стремленіе ослѣпить и поразить. Владѣлецъ, очевидно, не заботился о вкусѣ въ техническомъ смыслѣ слова, ни о сохраненіи національнаго стиля. Взоры переходили съ предмета на предметъ, не задерживаясь ни на чемъ—ни на grotesques греческихъ живописцевъ, ни на скульптурахъ лучшихъ итальянскихъ временъ, ни на массивныхъ изваяніяхъ заброшеннаго Египта. Роскошныя драпировки слегка дрожали отъ звуковъ тихой невидимой музыки. Голова кружилась отъ смѣси разнообразныхъ ароматовъ, поднимавшихся изъ оригинальныхъ витыхъ курильницъ вмѣстѣ съ мерцающими дрожащими языками изумруднаго и фіолетоваго пламени. Лучи восходящаго солнца озаряли эту сцену сквозь окна, состоявшія изъ цѣльныхъ малиновыхъ стеколъ. Отражаясь безчисленными струями отъ драпировокъ, падавшихъ съ высоты карнизовъ, точно потоки расплавленнаго серебра, волны естественнаго свѣта сливались съ

искусственнымъ освѣщеніемъ и ложились дрожащими полосами на пышный, золотистый коверъ.

— Ха! ха! ха!.. Ха! ха! ха!—засмѣялся хозяинъ, знакомъ приглашая меня садиться и бросаясь на оттоманку.—Я вижу,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что я смущенъ этимъ страннымъ пріемомъ,—я вижу, что васъ поражаетъ мое помѣщеніе... мои статуи... мои картины... моя оригинальность въ архитектурѣ и обстановкѣ!.. что васъ рѣшительно опьяняетъ моя роскошь. Но простите, дорогой мой (тутъ онъ заговорилъ самымъ сердечнымъ тономъ), простите мнѣ этотъ безжалостный смѣхъ. Ваше изумленіе было такъ непомѣрно. Кромѣ того, бываютъ вещи до того смѣшныя, что человѣкъ долженъ смѣяться или умереть. Умереть смѣясь—вотъ славнѣйшая смерть. Сэръ Томасъ Моръ... прекрасный человѣкъ былъ сэръ Томасъ Моръ... сэръ Томасъ Моръ, если помните, умеръ смѣясь. И въ Absurdities Равизіуса Текстора приведенъ длинный списокъ лицъ, кончившихъ такой же славной смертью. Знаете,—продолжалъ онъ задумчиво,—въ Спартѣ (нынѣшняя Палеохори), въ Спартѣ, на западъ отъ цитадели, въ грудѣ едва видныхъ развалинъ, есть камень въ родѣ цоколя, на которомъ до сихъ поръ можно разобрать буквы ΛΑΣΜ. Безъ сомнѣнія, это остатокъ слова ΓΕΛΑΣΜΑ. Теперь извѣстно, что въ Спартѣ были тысячи храмовъ и жертвенниковъ самымъ разнообразнымъ божествамъ! Какъ странно, что храмъ Смѣха пережилъ всѣ остальные! Однако, въ настоящую минуту,—при этихъ словахъ его манеры и тонъ странно измѣнились,—я не имѣю права забавляться на вашъ счетъ. Европа не въ силахъ произвести что-либо прекраснѣе моего царственнаго кабинета. Остальныя комнаты совсѣмъ не таковы—тѣ просто верхъ моднаго безвкусія. Это получше моды,—не правда-ли? Но стоитъ показать эту обстановку, чтобы она произвела фуроръ—то есть среди тѣхъ, кто можетъ устроить такую же цѣной всего своего состоянія. За единственнымъ исключеніемъ, вы единственный человѣкъ, кромѣ меня и моего valet, посвященный въ тайны этого царскаго чертога, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ устроенъ.

Я поклонился въ знакъ признательности, такъ какъ подавляющее впечатлѣніе великолѣпія, ароматовъ, музыки и неожиданная эксцентричность пріема и манеръ хозяина помѣшали мнѣ выразить мое мнѣніе въ формѣ какого-нибудь комплимента.

— Вотъ,—продолжалъ онъ, вставая, опираясь на мою руку и обводя меня вокругъ комнаты,—вотъ картины отъ Грековъ до Чимабуэ и отъ Чимабуэ до нашихъ дней. Какъ видите, многія изъ нихъ выбраны, не справляясь съ мнѣніями эстетики. Вотъ нѣсколько chef-d'oeuvres невѣдомыхъ талантовъ, вотъ неокончен-

ные рисунки людей, прославленныхъ въ свое время, чьи имена проницательность академиковъ предоставила безмолвію и мнѣ. Что вы скажете,—прибавилъ онъ, внезапно обернувшись ко мнѣ,—что вы скажете объ этой Мадоннѣ?

— Это настоящій Гвидо,—отвѣчалъ я съ свойственнымъ мнѣ энтузіазмомъ, такъ какъ давно уже обратилъ вниманіе на чудную картину. — Настоящій Гвидо!—какъ могли вы достать ее? безспорно, она тоже въ живописи, что Венера въ скульптурѣ.

— А!—сказалъ онъ задумчиво,—Венера, прекрасная Венера? Венера Медицейская?—она,—въ уменьшенномъ видѣ и съ золотистыми волосами. Часть лѣвой руки (здѣсь голосъ его понизился до того, что сталъ едва внятнымъ) и вся правая реставрированы, и въ кокетливомъ жестѣ правой руки—квинтессенція жеманства. Аполлонъ тоже копія—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія — я, слѣпой глупецъ, не могу оцѣнить хваленаго вдохновенія Аполлона. Я предпочитаю—что дѣлать?—предпочитаю Антиноя. Кто это — Сократъ, кажется,—замѣтилъ, что скульпторъ находитъ свою статую въ глыбѣ мрамора. Въ такомъ случаѣ Микель Анджело только повторилъ чужія слова, сказавъ:

«Non ha l'ottimo artista alcun concetto
Che un marmo solo in se non circonscriva».

Замѣчено или слѣдуетъ замѣтить, что манеры истиннаго джентльмена всегда отличаются отъ манеръ вульгарныхъ людей, хотя не сразу можно опредѣлить, въ чемъ заключается это различіе. Находя, что это замѣчаніе вполнѣ прилагается къ внѣшности моего знакомца, я почувствовалъ въ это достопамятное утро, что оно еще болѣе подходитъ къ его моральному темпераменту и характеру. Я не могу опредѣлить духовную черту, такъ рѣзко отличавшую его отъ прочихъ людей, иначе, какъ назвавъ ее привычкой къ упорному и сосредоточенному мышленію, сопровождавшему даже его обыденныя дѣйствія, вторгавшемуся въ его шутки и переплетавшемуся съ порывами веселья—какъ тѣ змѣи, что расползаются изъ глазъ смѣющихся масокъ на карнизахъ Персеполиса.

Я не могъ не замѣтить, однако, въ его быстромъ разговорѣ, то шутливомъ, то торжественномъ, какой-то внутренней дрожи, нервнаго волненія въ рѣчахъ и поступкахъ, безпокойнаго возбужденія, которое оставалось для меня совершенно непонятнымъ и по временамъ даже исполняло меня тревогой. Нерѣдко, остановившись въ серединѣ фразы и, очевидно, позабывъ ея начало—онъ прислушивался съ глубокимъ вниманіемъ, точно ожидалъ какого-нибудь посѣтителя или внималъ звукамъ, существовавшимъ только въ его воображеніи.

Въ одну изъ такихъ минутъ разсѣянности или задумчивости я

развернулъ прекрасную трагедію поэта и ученаго Полиціана «Orfeo» (первая національная итальянская трагедія), лежавшую подлѣ меня на оттоманкѣ и попалъ на мѣсто, подчеркнутое карандашемъ. Это было заключеніе третьяго акта, заключеніе, хватающее за душу, котораго ни одинъ мужчина не прочтетъ безъ волненія, ни одна женщина безъ вздоха. Вся страница была испятнана слезами, а на противуположномъ чистомъ листкѣ я прочелъ слѣдующіе англійскіе стихи, написанные почеркомъ до того непохожимъ на характерный почеркъ моего знакомаго, что я съ трудомъ могъ признать его руку:

«Ты была для меня всѣмъ, моя любовь, о чемъ томилась душа моя. Зеленый островъ въ морѣ, любовь моя, источникъ и алтарь, облитый чудесными цвѣтами и плодами,—и всѣ тѣ цвѣты были мои.

«О, мечта слишкомъ яркая для глазъ. О, сверкающая надежда, возставшая на мгновеніе, чтобы исчезнуть! Голосъ будущаго зоветъ: «Впередъ!» но къ прошлому (мрачная бездна!) прикованъ духъ мой—неподвижный, безгласный, подавленный ужасомъ!

«Увы! для меня угасъ свѣтъ жизни. Никогда... никогда... никогда... (говоритъ величавое море прибрежнымъ пескамъ) не расцвѣтетъ пораженное молніей дерево, не воспаритъ раненый на смерть орелъ.

«Теперь мои дни превратились въ кошмаръ, а мои ночныя грезы—тамъ, гдѣ сверкаютъ твои черные глаза, тамъ, гдѣ ступаютъ твои ножки, въ воздушныхъ танцахъ, подъ небомъ Италіи.

«Увы! будь проклято время, когда ты ушла отъ любви къ титулованной старости и преступленію на недостойное ложе,—ушла отъ меня, изъ нашей туманной земли, гдѣ роняютъ слезы серебристыя ивы».

Что стихи были написаны по англійски—я не зналъ, что авторъ знакомъ съ этимъ языкомъ—меня ничуть не удивило. Онъ былъ извѣстенъ своими обширными познаніями, которыя всячески старался скрыть, такъ что удивляться было нечему; но меня поразила дата, отмѣченная на листкѣ. Стихи были написаны въ Лондонѣ, потомъ дата выскоблена,—однако, не такъ чисто, чтобы нельзя было разобрать. Я говорю, что это обстоятельство поразило меня, потому что я ясно помнилъ одинъ нашъ прежній разговоръ. Именно на мой вопросъ,—встрѣчался-ли онъ въ Лондонѣ съ маркизой Ментони (она провела въ этомъ городѣ нѣсколько лѣтъ до своего замужества) мой другъ отвѣтилъ, что ему никогда не случалось бывать въ столицѣ Великобританіи. Замѣчу кстати, что я не разъ слышалъ (хотя и не придавалъ вѣры такому невѣроятному утвержденію), будто человѣкъ, о которомъ я говорю, не только по рожденію, но и по воспитанію англичанинъ.

* *
*

— Тутъ есть одна картина,—сказалъ онъ, не замѣтивъ, что я развернулъ трагедію,—тутъ есть одна картина, которой вы еще не видали. Съ этими словами онъ отдернулъ занавѣску и я увидѣлъ портретъ во весь ростъ маркизы Афродиты.

Человѣческое искусство не могло бы съ большимъ совершенствомъ передать эту нечеловѣческую красоту. Та же воздушная фигура, что стояла передо мною въ прошлую ночь на ступеняхъ дворца Дожей,—снова стояла передо мною. Но въ выраженіи лица, озареннаго смѣхомъ, все-таки сквозила (непонятная аномалія!) чуть замѣтная скорбь, неразлучная съ совершенствомъ красоты. Ея правая рука лежала на груди, лѣвая указывала внизъ на какую-то странной формы урну. Маленькая прекрасная нога чуть касалась земли, а въ искрящейся атмосферѣ, оттѣнявшей ея красоту, свѣтилась едва замѣтная пара крыльевъ. Я взглянулъ на моего друга, и выразительныя слова Чепмана въ Bussy d'Ambois задрожали на моихъ губахъ:

«Вотъ онъ стоитъ подобно римской статуѣ! Онъ будетъ стоять, пока смерть не превратитъ его въ мраморъ!»

— Вотъ что,—сказалъ онъ, наконецъ, обернувшись къ столу изъ массивнаго серебра, украшеннаго финифтью, на которомъ стояли фантастическія чарки и двѣ большія этрусскія вазы, такой же странной формы, какъ изображенная на картинѣ, и наполненныя, какъ мнѣ показалось, іоганнисбергеромъ.—Вотъ что,—сказалъ онъ отрывисто,—давайте-ка выпьемъ. Еще рано,—но что за нужда,—выпьемъ. Дѣйствительно, еще рано,—продолжалъ онъ задумчивымъ тономъ, когда херувимъ съ тяжелымъ золотымъ молотомъ прозвонилъ часъ послѣ восхода солнца—дѣйствительно, еще рано, — но что за бѣда, выпьемъ! Совершимъ возліяніе солнцу, которое эти пышные лампы и свѣтильники такъ ревностно стараются затмить!—И чокаясь со мною, онъ выпилъ одинъ за другимъ нѣсколько бокаловъ.

— Грезить,—продолжалъ онъ, возвращаясь къ своей обычной манерѣ разговаривать,—грезить всегда было моимъ единственнымъ занятіемъ. Вотъ я и устроилъ для себя царство грезъ. Могъ-ли я устроить лучшее въ сердцѣ Венеціи? Вы видите вокругъ себя сборъ всевозможныхъ архитектурныхъ украшеній. Чистота іонійскаго стиля оскорбляется допотопными фигурами, и египетскіе сфинксы лежатъ на золотыхъ коврахъ. Но эффектъ слишкомъ тяжелъ для робкаго духомъ. Особенности мѣста, а тѣмъ болѣе эпохи—пугала, которыя отвращаютъ человѣчество отъ созерцанія великолѣпнаго. Для меня же нѣтъ лучшей обстановки. Какъ эти причудливыя курильницы, моя душа корчится въ огнѣ, и безуміе этой обстановки подготовляетъ меня къ дикимъ видѣніямъ въ странѣ

настоящихъ грезъ, куда я отхожу теперь.—Онъ остановился, опустилъ голову на грудь и, повидимому, прислушивался къ неслышному для меня звуку. Потомъ выпрямился, взглянулъ вверхъ и произнесъ слова епископа Чичестерскаго:

«Подожди меня тамъ! Я встрѣчусь съ тобой въ этой мрачной долинѣ!».

Затѣмъ, побѣжденный силой вина, упалъ на оттоманку.

Быстрые шаги послышались на лѣстницѣ и кто-то сильно постучалъ въ дверь. Я поспѣшилъ предупредить тревогу, когда пажъ Ментони ворвался въ комнату и произнесъ, задыхаясь отъ волненія:—Моя госпожа!—моя госпожа!—Отравилась!—Отравилась!—О, прекрасная,—о, прекрасная Афродита!

Пораженный я кинулся къ оттоманкѣ, чтобы разбудить спящаго. Но члены его оцѣпенѣли, губы посинѣли, огонь лучезарныхъ глазъ былъ потушенъ смертью. Я отшатнулся къ столу—рука моя упала на треснувшій и почернѣвшій кубокъ—и ужасная истина разомъ уяснилась моему сознанію.

Сердце обличитель.

Правда! я нервенъ, ужасно, ужасно нервенъ, но почему вы рѣшили, что я сумасшедшій? Болѣзнь обострила мои чувства, а не уничтожила, не притупила ихъ. Больше всего обострилось чувство слуха. Я слышалъ все, что происходитъ на небѣ и на землѣ. Я слышалъ многое, что происходитъ въ аду. Какой же я сумасшедшій? Слушайте и замѣчайте, какъ толково, какъ спокойно я разскажу вамъ всю эту исторію.

Не могу объяснить вамъ, какимъ образомъ эта мысль пришла мнѣ въ голову, но, разъ зародившись, она не давала мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Цѣли у меня не было никакой. Ненависти тоже. Я любилъ этого старика. Онъ не сдѣлалъ мнѣ ничего дурного. Онъ никогда не оскорблялъ меня. Золото его меня не прельщало. Я думаю, что всему причиной былъ его глазъ. Да, именно такъ! Одинъ изъ его глазъ былъ какъ у коршуна,—блѣдно голубой, съ перепонкой. Когда онъ смотрѣлъ на меня, я весь холодѣлъ, и постепенно, мало по малу, дошелъ до твердаго рѣшенія убить старика и такимъ образомъ навсегда избавиться отъ его глаза.

Такъ вотъ какъ оно было. Вы думаете, что я сумасшедшій. Сумасшедшіе сами не знаютъ, что дѣлаютъ. А посмотрѣли бы вы на меня. Посмотрѣли бы вы, какъ умно, какъ осторожно, какъ тонко я велъ дѣло. Никогда я не былъ такъ любезенъ съ старикомъ, какъ въ послѣднюю недѣлю передъ убійствомъ. И каждую полночь

я поворачивалъ ручку его двери и отворялъ ее—тихонько, тихонько! Потомъ, отворивъ дверь настолько, чтобы можно было просунуть голову, я просовывалъ туда сначала фонарь, закрытый наглухо, такъ что ни единый лучъ свѣта не выходилъ изъ него, а потомъ и голову. О, вы бы засмѣялись, если бы увидѣли, какъ ловко я продѣлывалъ это: тихонько, тихонько, чтобы не разбудить старика. Мнѣ требовалось не меньше часа, чтобы просунуть голову совсѣмъ, и разсмотрѣть, какъ онъ лежитъ въ постели. Что? развѣ сумасшедшій можетъ дѣйствовать такъ умно? Затѣмъ, просунувъ голову, я осторожно пріоткрывалъ фонарь,—о, крайне осторожно (потому что шарниръ скрипѣлъ)—ужасно осторожно,—и лишь настолько, чтобы одинъ тоненькій лучъ падалъ на этотъ коршуновъ глазъ. Я продѣлывалъ это семь ночей къ ряду, всякій разъ ровно въ полночь, но глазъ всегда оказывался закрытымъ и я не могъ сдѣлать мое дѣло, потому что не старикъ мучилъ меня, а его Злой Глазъ. И каждое утро я смѣло входилъ къ нему въ комнату, бойко разговаривалъ съ нимъ, ласково освѣдомлялся, какъ онъ провелъ ночь? Какъ видите, онъ былъ бы необычайно проницательнымъ старикомъ, если бы заподозрилъ, что я каждую ночь въ двѣнадцать часовъ смотрю на него.

На восьмую ночь я еще осторожнѣе отворялъ дверь. Минутная стрѣлка движется быстрѣе, чѣмъ двигалась рука моя. Никогда еще я не чувствовалъ въ такой степени своихъ способностей, своего остроумія. Я едва сдерживалъ чувство торжества. Подумать только: я потихоньку отворялъ его дверь, а онъ и не грезилъ о моихъ дѣйствіяхъ, о моихъ тайныхъ намѣреніяхъ. Я чуть не фыркнулъ при мысли объ этомъ, и, можетъ быть, онъ слышалъ меня, потому что внезапно пошевелился въ постели. Вы думаете, я отдернулъ голову,—какъ бы не такъ. Въ его комнатѣ было темно, какъ въ могилѣ (потому что ставни были закрыты наглухо, изъ опасенія воровъ) и я зналъ, что онъ не видитъ, какъ я отворяю дверь, и продолжалъ отворять ее—все шире, шире.

Я просунулъ голову и собирался открыть фонарь, какъ вдругъ петля слегка заскрипѣла и старикъ, подпрыгнувъ на кровати, крикнулъ:

— Кто тамъ?

Я стоялъ спокойно и ничего не отвѣчалъ. Цѣлый часъ я простоялъ, не шелохнувшись, и не слышалъ, чтобы онъ снова улегся въ постель. Онъ все сидѣлъ на ней, прислушиваясь, какъ и мнѣ случалось сидѣть по ночамъ.

Внезапно я услышалъ слабый стонъ и узналъ въ немъ стонъ смертельнаго ужаса. Ни боли, ни жалобы, о, нѣтъ!—то былъ тихій, глухой звукъ, поднимающійся изъ глубины души, подавленной

страхомъ. Я хорошо зналъ этотъ звукъ. Не разъ, въ полночь, когда весь міръ спалъ, онъ вырывался изъ моей груди, усугубляя своимъ зловѣщимъ эхо мой ужасъ. Говорю вамъ, я хорошо зналъ этотъ звукъ. Я зналъ, что чувствуетъ старикъ и пожалѣлъ его, хотя сердце мое смѣялось. Я зналъ, что онъ не смыкалъ глазъ съ той самой минуты, когда легкій шумъ у двери заставилъ его пошевелиться. Его страхъ все время усиливался. Онъ старался убѣдить себя, что бояться нечего,—и не могъ. Онъ говорилъ себѣ:— «это ничего, это вѣтеръ прошумѣлъ въ трубѣ; мышь пробѣжала по полу», или «это сверчекъ чирикнулъ, просто сверчекъ и больше ничего». Да, онъ пытался успокоить себя такими предположеніями, но тщетно. Тщетно, потому что смерть приближалась къ нему и встала передъ нимъ огромною черною тѣнью, и охватила свою жертву. И зловѣщее вліяніе этой невидимой тѣни заставляло его чувствовать, хотя онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ,—чувствовать присутствіе моей головы въ комнатѣ.

Простоявъ, такимъ образомъ, очень долго, и не дождавшись, чтобы онъ улегся, я рѣшился пріотворить, чуть-чуть, на волосокъ, пріотворить фонарь. Итакъ, я сталъ отодвигать дверцу... можете себѣ представить, какъ тихо, тихо... пока, наконецъ, тонкій, слабый лучъ, какъ нить паутины, вырвался изъ фонаря и упалъ на глазъ коршуна.

Онъ былъ открытъ, широко, широко открытъ, и бѣшенство овладѣло мною, когда я взглянулъ на него. Я видѣлъ его совершенно ясно—тусклый, голубой, съ отвратительной перепонкой, при видѣ которой дрожь пробирала меня до мозга костей—но лица и туловища я не могъ разсмотрѣть, такъ какъ точно по какому-то инстинкту направилъ лучъ какъ разъ на это проклятое мѣсто.

Говорилъ я вамъ, что вы принимаете за сумасшествіе необыкновенную остроту моихъ чувствъ? говорилъ?.. Ну, такъ вотъ въ эту самую минуту я услышалъ тихій, глухой, частый стукъ, точно тиканье часовъ, завернутыхъ въ вату. И этотъ звукъ былъ мнѣ хорошо знакомъ. Я зналъ, что это бьется сердце старика. Мое бѣшенство усилилось, какъ храбрость солдата разгорается отъ барабаннаго боя.

Но я все еще сдерживался и стоялъ смирно. Я едва дышалъ. Я держалъ фонарь неподвижно. Старался, елико возможно, удерживать лучъ на одномъ мѣстѣ. Между тѣмъ адскій стукъ сердца усиливался. Съ каждымъ мгновеніемъ оно билось быстрѣе и быстрѣе, громче и громче. Старикъ долженъ былъ испытывать невыносимый ужасъ! И все громче, громче съ каждой минутой,—замѣчаете? Я вамъ говорилъ, что я нервенъ... да, нервенъ. И этотъ

странный стукъ, въ глухую полночь, среди зловѣщей тишины, царившей въ этомъ старомъ домѣ, возбуждалъ во мнѣ непреодолимый ужасъ. Но все-таки я сдерживался и еще нѣсколько минутъ простоялъ смирно. А стукъ раздавался все громче и громче. Я думалъ, что сердце вотъ-вотъ лопнетъ. Тутъ же мной овладѣло безпокойство: что если сосѣди услышатъ этотъ стукъ? Часъ старика пробилъ! Съ дикимъ воемъ я открылъ фонарь и бросился въ комнату. Онъ вскрикнулъ... только разъ. Я въ одно мгновеніе сдернулъ его на полъ, навалилъ на него тяжелый матрасъ. Я весело смѣялся, видя, что дѣло зашло такъ далеко. Но еще нѣсколько минутъ сердце глухо билось. Это, впрочемъ, не безпокоило меня,— я зналъ, что за стѣной не услышатъ. Наконецъ, оно затихло. Старикъ былъ мертвъ. Я стащилъ матрасъ, осмотрѣлъ тѣло. Да, онъ былъ мертвъ, мертвъ, какъ колода. Я приложилъ руку къ его сердцу и продержалъ ее такъ нѣсколько минутъ. Ни признака жизни! Мертвъ какъ колода. Его глазъ не будетъ больше меня мучить.

Если вы все еще считаете меня сумасшедшимъ, то, конечно, разубѣдитесь въ этомъ, когда я вамъ разскажу, какъ искусно я спряталъ тѣло убитаго. Ночь близилась къ концу и я работалъ торопливо, но безъ шума.

Я вынулъ изъ пола три доски и запряталъ туда трупъ. Затѣмъ я уложилъ доски на прежнее мѣсто, — такъ тщательно, такъ искусно, что ни одинъ глазъ человѣческій—даже его глазъ—не увидалъ бы тутъ ничего подозрительнаго. Подмывать не приходилось,—крови не было,—ни пятнышка. Я былъ слишкомъ остороженъ для этого.

Когда я окончилъ свою работу, было четыре часа утра,—но темно, какъ въ полночь. Едва пробили часы, послышался стукъ въ наружную дверь. Я пошелъ отворить, совершенно спокойно,— теперь мнѣ нечего было бояться. Вошли трое людей и очень вѣжливо отрекомендовались полицейскими чиновниками. Одинъ изъ моихъ сосѣдей слышалъ ночью крикъ, возбудившій въ немъ подозрѣніе. Онъ сообщилъ въ полицію, и они (чиновники) были посланы произвести разслѣдованіе.

Я улыбнулся,—ибо чего мнѣ было бояться? Я очень любезно принялъ господъ полицейскихъ. Объяснилъ имъ, что крикнулъ я самъ, во снѣ. Сказалъ, что старикъ уѣхалъ изъ города. Водилъ ихъ по всему дому, просилъ искать хорошенько, наконецъ, привелъ въ его комнату. Показалъ его сокровища въ цѣлости и сохранности. Въ порывѣ любезности, я даже принесъ въ комнату стулья и предложилъ имъ отдохнуть здѣсь, а самъ съ безумной дерзостью, въ сознаніи своего торжества, поставилъ свой стулъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было спрятано тѣло моей жертвы.

Полицейскіе успокоились. Мое обращеніе разсѣяло ихъ подозрѣнія. Я чувствовалъ себя какъ нельзя лучше. Они присѣли и мы стали болтать о томъ, о семъ. Вскорѣ, однако, мнѣ сдѣлалось дурно и я радъ бы былъ, если бы они ушли. У меня разболѣлась голова, въ ушахъ звенѣло; но они все сидѣли и болтали. Звонъ въ ушахъ усиливался;—все усиливался и становился яснѣе; я повышалъ голосъ, стараясь заглушить этотъ звукъ,—но онъ становился все громче, все яснѣе,—и наконецъ, я убѣдился, что онъ раздается не въ моихъ ушахъ.

Безъ сомнѣнія, я страшно поблѣднѣлъ при этомъ открытіи; однако, продолжалъ болтать еще развязнѣе и громче. Но звукъ усиливался,—что мнѣ было дѣлать? То былъ тихій, глухой, частый звукъ—точно тиканье часовъ, завернутыхъ въ вату. Я задыхался,—однако, полицейскіе еще не слышали его. Я говорилъ быстрѣе—громче, но звукъ усиливался, не смотря ни на что. Я всталъ,—началъ спорить о какихъ-то пустякахъ, возвышая голосъ, жестикулируя,—звукъ усиливался, не смотря ни на что. Почему они не хотѣли уйти? Я забѣгалъ по комнатѣ, топая ногами, точно взбѣшенный выраженіями полицейскихъ,—звукъ усиливался, не смотря ни на что. О, Господи, что же я могъ подѣлать? Я бѣсновался,—оралъ,—бранился! я схватилъ стулъ и стучалъ имъ объ полъ,—но звукъ усиливался, раздавался громче—громче—громче! А эти господав се смѣялись и болтали. Неужели они не слышали? Всемогущій Боже!—разумѣется, слышали!—подозрѣвали!—знали! — и забавлялись моимъ ужасомъ. Я былъ и остаюсь при этомъ убѣжденіи. Но все, что угодно, было лучше этой пытки, легче этого издѣвательства! Я не могъ выносить ихъ лицемѣрнаго смѣха. Я чувствовалъ, что долженъ или закричать или умереть,—а звукъ раздавался!.. не умолкая!.. все громче! громче! громче! громче!

— Негодяи, — крикнулъ я, — полно притворяться! Я сознаюсь!.. поднимите доски!.. здѣсь, здѣсь!.. это бьется его проклятое сердце!

Помѣстье Арнгеймъ.

Отъ колыбели до могилы благополучіе не измѣняло моему другу Эллисону. Я употребляю слово благополучіе не въ его обыденномъ смыслѣ. Я подразумѣваю подъ нимъ счастье. Подумаешь, что мой другъ родился для оправданія доктринъ Тюрго, Прайса, Пристлея, Кондорсе,—для олицетворенія въ индивидуальномъ примѣрѣ того, что считалось химерой перфекціонистовъ. Въ кратковременномъ существованіи Эллисона я вижу опроверженіе догмата, по кото-

рому въ самой природѣ человѣка таится начало несовмѣстимое съ блаженствомъ. Тщательное изученіе его жизни показало мнѣ, что всѣ бѣдствія рода людского происходятъ отъ нарушенія немногихъ простыхъ законовъ человѣческой природы, что намъ доступны еще неизслѣдованные элементы довольства, что даже теперь, при современной темнотѣ и безуміи взглядовъ на великій соціальный вопросъ, отдѣльная личность можетъ быть счастлива при извѣстномъ необычайномъ стеченіи обстоятельствъ.

Мой молодой другъ придерживался такихъ же мнѣній, такъ что его неизмѣнное довольство было въ значительной степени результатомъ сознательнаго отношенія къ жизни. Ясно, что, не обладая той инстинктивной философіей, которая такъ успѣшно замѣняетъ при случаѣ опытъ, мистеръ Эллисонъ уже вслѣдствіе своихъ необычайныхъ успѣховъ въ жизни не избѣжалъ бы бездны несчастія, зіяющей передъ исключительно одаренными личностями. Но я отнюдь не собираюсь писать трактатъ о счастіи. Взгляды моего друга могутъ быть переданы въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ допускалъ только четыре основныхъ принципа или, скорѣе, условія блаженства. Главнымъ онъ считалъ (странно сказать!) простое и чисто физическое условіе: пребываніе на воздухѣ. — Здоровье, — говорилъ онъ, — достигаемое другими средствами, не заслуживаетъ этого названія. — Онъ съ увлеченіемъ говорилъ объ охотѣ и доказывалъ, что земледѣльцы единственный классъ, который по самому положенію своему счастливѣе всѣхъ остальныхъ. Вторымъ условіемъ была въ его глазахъ любовь къ женщинѣ. Третьимъ и самымъ труднымъ — презрѣніе къ честолюбію. Четвертымъ — имѣть какую-нибудь цѣль въ жизни. Онъ утверждалъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, степень счастья пропорціональна возвышенности этой цѣли.

Судьба съ замѣчательной щедростью осыпала Эллисона своими дарами. Красотою и граціей онъ превосходилъ всѣхъ смертныхъ. Умъ его былъ изъ числа тѣхъ, которымъ знанія даются сами собою безъ малѣйшихъ усилій. Семья принадлежала къ знатнѣйшимъ въ имперіи. Невѣста была прелестнѣйшая и добрѣйшая дѣвушка. Онъ обладалъ значительнымъ состояніемъ, когда же достигъ совершеннолѣтія, судьба разрѣшилась въ его пользу однимъ изъ тѣхъ сюрпризовъ, которые производятъ сенсацію въ обществѣ и почти всегда радикально измѣняютъ характеръ тѣхъ, на чью долю достались.

Оказалось, что, лѣтъ за сто до появленія на свѣтъ мистера Эллисона, умеръ въ одной захолустной провинціи нѣкто мистеръ Сибрайтъ Эллисонъ. Этотъ господинъ нажилъ значительное состояніе и, не имѣя близкихъ родственниковъ, вздумалъ оставить завѣщаніе

въ томъ смыслѣ, чтобы его капиталы оставались нетронутыми въ теченіе столѣтія. Затѣмъ они должны были достаться, со всѣми накопившимися процентами, его ближайшему по крови родственнику, носящему фамилію Эллисонъ, который окажется въ живыхъ по истеченіи ста лѣтъ. Много попытокъ было сдѣлано обойти это странное завѣщаніе; являясь ex post facto, они всѣ оказались тщетными; но вниманіе правительства было возбуждено и воля завѣщателя утверждена спеціальнымъ актомъ.

Этотъ актъ не воспрепятствовалъ юному Эллисону, по достиженіи имъ двадцати одного года, вступить во владѣніе, въ качествѣ наслѣдника своего предка Сибрайта, состояніемъ въ четыреста пятьдесятъ милліоновъ долларовъ *).

Когда въ обществѣ узнали о такомъ колоссальномъ наслѣдствѣ, было, какъ водится, высказано немало догадокъ о способѣ его употребленія. Громадность суммы смущала всѣхъ, кто думалъ объ этомъ предметѣ. Нетрудно представить себѣ тысячи вещей, на которыя можетъ быть израсходовано обыкновенное состояніе. Капиталистъ, средства котораго немногимъ превосходятъ средства его согражданъ, можетъ употребить ихъ на свѣтскія причуды своего времени, на политическія интриги, на погоню за министерскимъ стуломъ, на пріобрѣтеніе знатныхъ титуловъ, на собираніе рѣдкостей, на роль щедраго покровителя наукъ, искусствъ, литературы, на благотворительныя заведенія, украшенныя его именемъ. Но для такого неизмѣримаго богатства, какъ въ данномъ случаѣ, эти способы примѣненія, какъ и всѣ обычные способы представляли слишкомъ ограниченное поле дѣйствія. Доходы съ наслѣдства, считая только три процента, составляли четырнадцать милліоновъ пятьсотъ тысячъ долларовъ въ годъ, т. е. милліонъ сто двадцать пять тысячъ въ мѣсяцъ, или тридцать шесть тысячъ девятьсотъ восемьдесятъ шесть въ сутки, или тысячу пятьсотъ сорокъ одинъ въ часъ, или двадцать шесть долларовъ въ минуту. Такимъ образомъ публика была совершенно сбита съ толку и не знала, какое назначеніе придумать

---

*) Подобный случай дѣйствительно былъ недавно въ Англіи. Имя счастливаго наслѣдника Теллесонъ. Я прочелъ объ этомъ въ «Путешествіи» князя Пюклера Мюскау, по словамъ котораго сумма, доставшаяся въ наслѣдство, равнялась девяноста милльонамъ фунтовъ стерлинговъ. Князь справедливо замѣчаетъ, «одна мысль о такой громадной суммѣ и о предпріятіяхъ, на которыя она можетъ быть употреблена, заключаетъ въ себѣ нѣчто грандіозное». Я слѣдовалъ показанію князя, хотя сильно преувеличенному. Первый набросокъ и начало этой статьи было мною напечатано много лѣтъ тому назадъ, — гораздо раньше замѣчательнаго произведенія Сю «Juif Errant», идея котораго, быть можетъ, внушена разсказомъ Мюскау.

этимъ деньгамъ. Высказывалось даже предположеніе, что мистеръ Эллисонъ постарается отдѣлаться по меньшей мѣрѣ отъ половины своего наслѣдства, какъ черезчуръ обременительнаго, обогативъ толпы своихъ родственниковъ. Ближайшимъ изъ нихъ онъ дѣйствительно предоставилъ очень крупное состояніе, то, которымъ обладалъ до полученія наслѣдства.

Я не удивился, что онъ долго ломалъ голову надъ тѣмъ же вопросомъ, который вызвалъ столько разговоровъ среди его друзей. Не особенно изумило меня и принятое имъ рѣшеніе. Въ отношеніи личной благотворительности онъ удовлетворилъ свою совѣсть. Въ возможность какого-либо улучшенія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, общихъ условій жизни человѣческой дѣятельностью самого человѣка онъ (съ сожалѣніемъ сознаюсь въ этомъ) плохо вѣрилъ. Въ итогѣ, къ счастью или несчастью, онъ обратился къ самому себѣ.

Онъ былъ поэтъ въ обширнѣйшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Онъ понималъ истинный характеръ, возвышенныя цѣли, величіе и достоинство поэтическаго чувства. Инстинктъ подсказывалъ ему, что наиболѣе полное, быть можетъ, единственное удовлетвореніе дается этому чувству созданіемъ новыхъ формъ красоты. Воспитаніе или складъ ума придали его этическимъ воззрѣніямъ отпечатокъ такъ называемаго матеріализма; можетъ быть, эта особенность и была причиной, приведшей его къ убѣжденію, что самое благодарное, пожалуй, даже единственное законное поприще для поэтическаго творчества заключается въ созданіи новыхъ образцовъ чисто физической красоты. Такимъ образомъ онъ не сдѣлался ни музыкантомъ, ни поэтомъ, — если употреблять этотъ послѣдній терминъ въ общепринятомъ смыслѣ. Или, быть можетъ, онъ не сдѣлался ни тѣмъ, ни другимъ подъ вліяніемъ своей идеи, что презрѣніе къ честолюбію есть одно изъ основныхъ условій счастья на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если великій геній неизбѣжно честолюбивъ, то величайшій, быть можетъ, выше честолюбія? Быть можетъ, не одинъ поэтъ, превосходившій Мильтона геніальностью, добровольно остался «нѣмымъ и безвѣстнымъ». Я думаю, что міръ еще не видалъ и—если только стеченіе исключительныхъ обстоятельствъ не заставитъ геній высшаго порядка обратиться къ ненавистнымъ для него занятіямъ—никогда не увидитъ высочайшихъ образцовъ искусства, на которые способна человѣческая природа.

Эллисонъ не сдѣлался ни музыкантомъ, ни поэтомъ, хотя врядъ-ли былъ на свѣтѣ болѣе рьяный поклонникъ музыки и поэзіи. Возможно, что при другихъ обстоятельствахъ онъ занялся бы живописью. Скульптура, при всей своей поэтичности, слишкомъ

ограниченна въ средствахъ и дѣйствіяхъ, почему и не могла увлечь его.

Я перечислилъ всѣ области, въ которыхъ, по общему мнѣнію, можетъ развернуться поэтическое чувство. Но Эллисонъ находилъ, что самая богатая, самая настоящая, самая естественная, можетъ быть, даже самая обширная область остается въ непонятномъ пренебреженіи. Никому не приходило въ голову называть поэтомъ садовника; между тѣмъ, по мнѣнію моего друга, устройство сада-ландшафта представляло великолѣпнѣйшее поприще для истинной Музы. Здѣсь открывалось богатое поле для игры воображенія въ безконечной комбинаціи формъ новой красоты; такъ какъ элементы, входящіе въ эти комбинаціи—прекраснѣйшія созданія земли. Въ безчисленныхъ формахъ и краскахъ цвѣтовъ и деревьевъ онъ усматривалъ самыя непосредственныя и энергичныя усилія природы къ созданію физической красоты. Направлять и организовать эти усилія—или, точнѣе, приспособлять ихъ къ глазамъ, которые будутъ любоваться ими на землѣ — вотъ дѣло, на которое онъ рѣшилъ употребить свое состояніе,—осуществляя не только назначеніе поэта, но и возвышеныя цѣли, ради которыхъ Божество одарило человѣка поэтическимъ чувствомъ.

«Приспособлять ихъ къ глазамъ, которые будутъ любоваться ими на землѣ». Своимъ объясненіемъ этой фразы мистеръ Эллисонъ помогъ мнѣ разрѣшить одну загадку,—я разумѣю тотъ фактъ (который могутъ отрицать развѣ невѣжды), что въ природѣ не существуетъ такихъ картинъ, какія можетъ создать геніальный живописецъ. На землѣ нѣтъ такого рая, какой сіяетъ передъ нами на картинахъ Клода. Въ самыхъ восхитительныхъ естественныхъ ландшафтахъ всегда найдется какой-нибудь недостатокъ или излишество,—много недостатковъ или излишествъ. Отдѣльныя части могутъ потягаться съ величайшими произведеніями искусства, но въ расположеніи этихъ частей всегда можно найти недостатки. Словомъ, на всей обширной землѣ не найдется такого естественнаго пейзажа, въ «композиціи» котораго глазъ артиста не открылъ бы при упорномъ наблюденіи чертъ, оскорбляющихъ чувство прекраснаго. Обстоятельство совершенно непостижимое! Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мы справедливо считаемъ природу образцомъ совершенства. Въ деталяхъ мы отказываемся соперничать съ нею. Кто передастъ краски тюльпана или усовершенствуетъ форму ландыша? Утверждая, что скульптура или портретная живопись скорѣе идеализируетъ природу, чѣмъ подражаетъ ей, критика ошибается. Комбинируя извѣстныя черты человѣческой красоты, скульптура и живопись только приближаются къ красотѣ живой и одушевленной.

Упомянутый критическій принципъ вѣренъ лишь въ отношеніи ландшафта, и чувствуя, что онъ вѣренъ въ этомъ отношеніи, распространили его на всѣ области искусства въ силу свойственнаго намъ стремленія обобщать. Я сказалъ чувствуя,—потому что это чувство не аффектація или химера. Математика не доставитъ болѣе абсолютныхъ доказательствъ, чѣмъ чувство прекраснаго художнику. Онъ не только вѣритъ, но положительно знаетъ, что такія-то и такія-то, повидимому, произвольныя, комбинаціи матеріи—и только онѣ однѣ—составляютъ истинную красоту. Но его основанія еще не нашли себѣ выраженія. Чтобы изслѣдовать и выразить ихъ, требуется такой глубокій анализъ, какого еще не видалъ свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, его инстинктивныя мнѣнія подтверждаются голосомъ всѣхъ его собратій. Положимъ, что «композиція» имѣетъ недостатки; что она нуждается въ поправкѣ; представьте эту поправку на судъ любого художника—и онъ признаетъ ея необходимость. Болѣе того: каждый членъ братства художниковъ укажетъ одинаковую поправку для исправленія недостатковъ композиціи.

Повторяю, только въ группировкѣ составныхъ элементовъ ландшафта можно превзойти физическую природу, и эта-то возможность улучшенія только въ одномъ единственномъ пунктѣ всегда казалась мнѣ неразрѣшимой тайной. Я пытался объяснить ее такъ: первоначальное намѣреніе природы было устроить земную поверхность такъ, чтобы она являлась для человѣческихъ чувствъ совершенствомъ прекраснаго, возвышеннаго и живописнаго, но это первоначальное намѣреніе было искажено извѣстными геологическими переворотами—измѣненіями въ группировкѣ формъ и красокъ. Задача искусства исправить или сгладить эти измѣненія. Но при такомъ взглядѣ приходилось допустить ненормальность и безцѣльность геологическихъ переворотовъ. Эллисонъ объяснялъ ихъ, какъ предвѣстіе смерти. Онъ говорилъ:—Допустимъ, что первоначальнымъ намѣреніемъ было земное безсмертіе человѣка. Въ такомъ случаѣ первичное устройство земной поверхности приспособлено къ блаженному состоянію, еще не осуществившемуся, но предназначенному. Перевороты явились въ связи съ измѣнившимся планомъ, какъ подготовка къ новому, смертному существованію.

То, что мы считаемъ усовершенствованіемъ ландшафта, быть можетъ, дѣйствительно таково съ моральной или человѣческой точки зрѣнія. Быть можетъ, всякое измѣненіе естественнаго пейзажа испортило бы картину,—если разсматривать ее въ общемъ—въ цѣломъ—съ какого-нибудь пункта, удаленнаго отъ земной поверхности, хотя и не выходящаго за предѣлы атмосферы. Нетрудно понять, что поправка, которая усовершенствуетъ детали при близкомъ наблюденіи, можетъ испортить цѣлое или эффекты,

замѣчаемые только издали. Могутъ быть, существа, когда-то человѣческой природы, нынѣ же незримыя людямъ, для которыхъ, издали, нашъ безпорядокъ кажется порядкомъ, неживописное для насъ—живописнымъ. Это земные ангелы, и, можетъ быть, для нихъ-то, а не для насъ, для ихъ утонченныхъ чувствъ Богъ раскинулъ обширные сады-ландшафты на обоихъ полушаріяхъ.

При этомъ мой другъ привелъ цитату изъ одного писателя по садоводству, считавшагося авторитетомъ:

«Собственно говоря, есть лишь два рода ландшафтнаго садоводства: естественный и искусственный. Первый стремится выставить на видъ естественную красоту мѣстности, приспособляя ея красоты къ окружающей картинѣ; культивируя деревья въ связи съ волнистымъ или ровнымъ характеромъ страны; открывая и выставляя на показъ гармоническія сочетанія формъ и красокъ, скрытыя отъ обыкновеннаго наблюдателя, но очевидныя для опытнаго глаза. Результатъ естественнаго стиля скорѣе отсутствіе всякихъ пробѣловъ и уродливостей—преобладаніе здоровой гармоніи и порядка—чѣмъ созданіе какихъ-либо спеціальныхъ эффектовъ и чудесъ. Искусственный стиль такъ же разнообразенъ какъ вкусы. Онъ находится въ извѣстномъ отношеніи къ различнымъ архитектурнымъ стилямъ. Таковы стройныя аллеи Версаля; итальянскія террасы; старинный смѣшанный англійскій стиль, имѣющій связь съ готическими постройками и архитектурой Елизаветинскаго времени. Что бы ни говорили противъ злоупотребленій искусственнаго ландшафтнаго садоводства, но примѣсь чистаго искусства усиливаетъ естественную красоту ландшафта. Она частью радуетъ глазъ, обнаруживая порядокъ и планъ, частью дѣйствуетъ на моральное чувство. При видѣ террасы съ старой заросшей мхомъ баллюстрадой воображеніе рисуетъ прекрасные образы, мелькавшіе на ней въ былые дни. Малѣйшее приложеніе искусства свидѣтельствуетъ о человѣческихъ заботахъ и интересахъ».

— Изъ всего мною сказаннаго,—продолжалъ Эллисонъ,—вы можете видѣть, что я не отвергаю первый способъ. Естественная красота не поравняется съ той, которую вноситъ искусство. Конечно, все зависитъ отъ выбора мѣстности. То, что здѣсь сказано насчетъ открыванія и выставленія на показъ гармоническихъ сочетаній красокъ и формъ—одна изъ тѣхъ красотъ слога, которыми прикрывается неясность мысли. Эта фраза можетъ значить, что угодно, или ничего не значитъ, и во всякомъ случаѣ не даетъ никакого руководящаго принципа. Утвержденіе, что истинная цѣль естественнаго стиля—отсутствіе пробѣловъ и уродливостей, а не созданіе какихъ-либо особенныхъ эффектовъ или чудесъ, болѣе подходитъ къ трусливой пошлости толпы, чѣмъ къ пылкимъ грезамъ

геніальнаго человѣка. Эта отрицательная красота измышлена той же хромой критикой, которая превозноситъ Аддисона въ литературѣ. Дѣло въ томъ, что отрицательное достоинство, состоящее въ простомъ избѣганіи недостатковъ, обращается непосредственно къ разсудку и потому можетъ быть возведено въ правило и ограничено его рамками, тогда какъ достоинство высшее, воплощенное въ творчествѣ, воспринимается только въ своихъ результатахъ. На основаніи правилъ можно создать «Катона», но тщетно объясняютъ намъ, какъ создается Пароенонъ или «Адъ». Но когда произведеніе готово, чудо совершилось, и способность воспріятія оказывается всеобщей. Софисты отрицательной школы, насмѣхавшіеся надъ творчествомъ вслѣдствіе своей неспособности созидать, восторгаются шумнѣе всѣхъ. То самое, что въ зачаточной формѣ принципа возмущало ихъ осторожный разсудокъ, въ зрѣломъ состояніи законченнаго произведенія приводитъ ихъ въ восторгъ, пробуждая инстинктъ красоты.

«Замѣчанія автора насчетъ искусственнаго стиля болѣе правильны. Примѣсь чистаго искусства возвышаетъ красоту ландшафта. Это справедливо, какъ и указаніе на сочувствіе человѣческимъ интересамъ. Принципъ, высказанный въ этихъ словахъ, неопровержимъ, но за нимъ можетъ скрываться нѣчто большее. Въ согласіи съ этимъ принципомъ можетъ быть цѣль, неосуществимая при обыкновенныхъ средствахъ, какими располагаютъ отдѣльныя лица;—но разъ осуществленная, она придаетъ саду-ландшафту несравненно больше очарованія, чѣмъ простое чувство человѣческаго интереса. Поэтъ, обладающій громадными денежными средствами, можетъ, удерживая необходимую идею искусства или культуры, или, какъ выражается нашъ авторъ, интереса, внести въ свои планы такую грандіозность и новизну красоты, что они будутъ внушать чувство духовнаго вмѣшательства. Добившись такого результата, онъ сохранитъ всѣ выгоды интереса или плана, освободивъ свое созданіе отъ грубости или техничности обыкновеннаго искусства. Въ самомъ угрюмомъ, въ самомъ дикомъ естественномъ ландшафтѣ очевидно искусство творца, но очевидно только для размышленія и ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ непосредственной силы чувства. Предположимъ теперь, что это чувство плана Всемогущаго на одну степень смягчено—приведено въ извѣстную гармонію, или соотношеніе съ чувствомъ человѣческаго искусства, образуетъ переходное звено между тѣмъ и другимъ, напримѣръ, представимъ себѣ ландшафтъ, который, соединяя обширность съ опредѣленностью, красоту и великолѣпіе съ странностью, внушаетъ мысль о заботѣ, или культурѣ, или надзорѣ со стороны существъ высшихъ, но родственныхъ

15*

человѣку, въ такомъ случаѣ, чувство интереса сохранено, такъ какъ искусство, внесенное въ ландшафтъ, принимаетъ видъ посредствующей или вторичной природы,—природы, которая, не будучи Богомъ, ни эманаціей Бога, остается тѣмъ не менѣе природой въ смыслѣ творенія ангеловъ, парящихъ между Богомъ и человѣкомъ».

Въ осуществленіи этой мечты, съ помощью своего чудовищнаго богатства; въ постоянномъ пребываніи на вольномъ воздухѣ для надзора за исполненіемъ своихъ плановъ; въ непрестанномъ стремленіи къ цѣли, осуществлявшейся въ этихъ планахъ; въ возвышенно духовномъ характерѣ цѣли; въ презрѣніи къ честолюбію, которое дѣйствительно не могло играть роли въ его дѣятельности; въ постоянномъ удовлетвореніи, безъ возможности насыщенія, своей господствующей страсти, жажды прекраснаго; а главное, въ любви къ женщинѣ, красота и нѣжность которой облекли его существованіе пурпурной атмосферой Рая, Эллисонъ думалъ найти, и нашелъ, избавленіе отъ обычныхъ заботъ человѣчества и несравненно больше положительнаго счастья, чѣмъ сулятъ его упоительные сны на яву De Stael.

Я отчаяваюсь дать читателю ясное представленіе о чудесахъ, созданныхъ моимъ другомъ. Я желалъ бы описать ихъ, но смущаюсь трудностью и колеблюсь между деталями и общими чертами. Быть можетъ, самое лучшее будетъ соединить крайности того и другаго.

Прежде всего, конечно, мистеръ Эллисонъ занялся вопросомъ о мѣстности. Сначала его вниманіе привлекла роскошная природа острововъ Тихаго Океана. Онъ уже рѣшилъ отправиться туда, но, поразмысливъ объ этомъ ночью, отказался отъ своего намѣренія.

— Будь я мизантропомъ,—говорилъ онъ,—такая мѣстность была бы мнѣ кстати. Замкнутость и уединенность острова, трудность доступа и выѣзда были бы, въ такомъ случаѣ, лучшими изъ его прелестей; но я пока не Тимонъ. Я желаю покоя, а не гнетущаго уединенія. Я долженъ сохранить за собой возможность распоряжаться степенью и продолжительностью моего отшельничества. Нерѣдки будутъ минуты, когда мнѣ понадобится сочувствіе другихъ людей. Поищу же мѣстечко по сосѣдству съ многолюднымъ городомъ, кстати его близость будетъ полезна для осуществленія моихъ плановъ.

Разыскивая подходящую мѣстность, Эллисонъ провелъ въ путешествіяхъ нѣсколько лѣтъ, позволивъ мнѣ сопровождать его. Тысячи мѣстностей, приводившихъ меня въ восторгъ, онъ отвергъ безъ всякихъ колебаній, на основаніи тѣхъ или другихъ соображеній, которыя всегда убѣждали меня въ его правотѣ. Наконецъ, намъ попалось обширное плоскогорье, удивительнаго пло-

дородія и красоты, съ громадной панорамой, не уступавшей по обширности виду, открывающемуся съ Этны, но далеко превосходившей этотъ прославленный видъ, истинной живописностью, по нашему общему мнѣнію.

— Я увѣренъ,—сказалъ Эллисонъ, со вздохомъ глубокаго наслажденія, послѣ того, какъ цѣлый часъ точно очарованный смотрѣлъ на эту картину,—я знаю, что на моемъ мѣстѣ, девять десятыхъ самыхъ требовательныхъ людей остались бы довольны. Панорама дѣйствительно великолѣпная и мнѣ не нравится въ ней только избытокъ великолѣпія. Всѣ архитекторы, какихъ я только зналъ, считаютъ необходимымъ помѣщать зданіе на вершину холма, ради «вида». Ошибка очевидная. Величіе во всѣхъ своихъ формахъ, а особенно, въ формѣ громаднаго пространства, поражаетъ, возбуждаетъ и, вслѣдствіе этого, утомляетъ, угнетаетъ. Для случайнаго зрѣлища ничего не можетъ быть лучше, для постояннаго вида нѣтъ ничего хуже. Самая опасная сторона въ постоянномъ видѣ размѣры, самое скверное въ размѣрахъ—громадность разстоянія. Она противорѣчитъ чувству и ощущенію уединенія, которыя мы стремимся удовлетворить, «уѣзжая въ деревню». Глядя съ вершины горы, мы невольно чувствуемъ вокругъ себя міръ. Меланхоликъ избѣгаетъ далекихъ перспективъ, какъ чумы.

Только къ концу четвертаго года нашихъ странствій мы нашли мѣстность, которой Эллисонъ остался доволенъ. Не нужно говорить, гдѣ это мѣсто. Недавняя смерть моего друга открыла извѣстному разряду посѣтителей доступъ въ его имѣніе, доставила Арнгейму родъ таинственной, глухой, если не торжественной, славы, въ родѣ той, которой такъ долго пользовался Фонтгилль, но безконечно выше по степени.

Обычный способъ сообщенія съ Арнгеймомъ былъ по рѣкѣ. Посѣтитель выѣзжалъ изъ города рано утромъ. До полудня онъ ѣхалъ среди прекраснаго, мирнаго ландшафта,—широкихъ луговъ, яркая зелень которыхъ пестрѣла бѣлыми пятнами безчисленныхъ овецъ. Мало по малу идея культуры смѣнялась впечатлѣніемъ простой пастушеской жизни. Это послѣднее понемногу исчезало въ чувствѣ уединенія, которое, въ свою очередь, смѣнялось сознаніемъ одиночества. Съ приближеніемъ вечера рѣка становилась ўже, берега круче, одѣвавшая ихъ зелень богаче, роскошнѣе, темнѣе. Вода казалась все прозрачнѣе. Потокъ прихотливо извивался, такъ что его блестящая поверхность въ каждую данную минуту была видима лишь на незначительномъ разстояніи. Казалось, что судно находится въ заколдованномъ кругу съ непроницаемыми зелеными стѣнами, ультрамариновой атласной кровлей и безъ пола; киль покачивался съ удивительной точностью на килѣ призрачной лодки,

опрокинутой вверхъ дномъ, и сопровождавшей настоящую, поддерживая ее. Рѣка превратилась въ ущелье, хотя терминъ этотъ не совсѣмъ подходящій и я употребляю его только потому, что не знаю въ нашемъ языкѣ другого слова, которое могло бы лучше выразить самую поразительную, самую выдающуюся особенность этой картины. Характеръ ущелья выражался только въ высокихъ параллельныхъ берегахъ, но не въ остальныхъ чертахъ картины. Стѣны ущелья (среди которыхъ по прежнему струилась чистая вода) достигали ста и даже полутораста футовъ вышины и такъ наклонялись одна къ другой, что заслоняли свѣтъ небесный, а длинный перистый мохъ, свѣшивавшійся густыми прядями съ кустарниковъ, придавалъ всему оттѣнокъ могильной грусти. Извилины становились все чаще и круче, такъ что путешественникъ давно уже утратилъ понятіе о направленіи. Кромѣ того, онъ былъ поглощенъ особеннымъ чувствомъ необычайнаго. Идея природы еще оставалась, но характеръ ея измѣнился; волшебная симетрія, поразительное однообразіе, странная чистота сказывались на всѣхъ ея произведеніяхъ. Нигдѣ не было видно сухой вѣтки, увядшаго листка, валяющагося голыша, клочка бурой земли. Хрустальныя воды окаймлялись блестящимъ гранитомъ или чистымъ зеленымъ мхомъ, съ отчетливостью очертаній, восхищавшей и поражавшей глазъ. Проплывъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ этомъ лабиринтѣ, гдѣ сумракъ сгущался съ минуты на минуту, лодка дѣлала быстрый и неожиданный поворотъ, и передъ путникомъ открывался круглый бассейнъ, обширныхъ размѣровъ сравнительно съ шириной ущелья. Онъ имѣлъ ярдовъ двѣсти въ діаметрѣ и былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ одного пункта, находившагося какъ разъ передъ лодкой, холмами, достигавшими такой же высоты, какъ стѣны ущелья, но совершенно иного характера. Они спускались къ водѣ подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ и съ вершины до подошвы были одѣты сплошнымъ ковромъ пышныхъ цвѣтовъ; ни единаго зеленаго листка не видно было въ морѣ яркихъ благоухающихъ красокъ. Бассейнъ былъ очень глубокъ, но вода такъ прозрачна, что дно, состоявшее, повидимому, изъ массы мелкихъ круглыхъ алебастровыхъ голышей, виднѣлось совершенно ясно по временамъ, т. е., когда глазъ могъ не видѣть въ опрокинутомъ небѣ отраженіе цвѣтущихъ холмовъ. На холмахъ не было деревьевъ, ни даже кустарниковъ. Впечатлѣніе, охватывавшее наблюдателя, было впечатлѣніе богатства, тепла, красокъ, спокойствія, однообразія, мягкости, изящества, утонченности, нѣги и чуднаго совершенства культуры, наводившей на мысль о новой расѣ фей—трудолюбивой, исполненной вкуса и упорной; но когда взоръ поднимался вверхъ по склону, пестрѣвшему миріадами цвѣ-

товъ, отъ рѣзкой линіи разграниченія съ водой до вершины, терявшейся въ облакахъ, трудно было отдѣлаться отъ впечатлѣнія водопада рубиновъ, сапфировъ, опаловъ и золотыхъ ониксовъ, безмолвно катившагося съ небесъ.

Посѣтитель, вступившій такъ внезапно въ этотъ бассейнъ изъ мглы ущелья, восхищенъ и пораженъ полнымъ дискомъ заходящаго солнца, такъ какъ думалъ, что оно уже давно зашло. Но оно оказывается передъ нимъ въ концѣ безграничной панорамы, открывающейся въ другое ущелье, на противуположной сторонѣ бассейна.

Здѣсь посѣтитель оставляетъ лодку, которая везла его такъ долго и пересаживается въ легкій челнокъ слоновой кости съ ярко красными арабесками внутри и снаружи. Корма и носъ челна высоко поднимаются надъ водою, въ формѣ неправильнаго полумѣсяца. Онъ покоится на поверхности озера съ гордой граціей лебедя. На его днѣ, обитомъ горностаемъ, лежитъ весло изъ атласнаго дерева, но ни гребца, ни рулеваго не видно. Путешественника просятъ не безпокоиться—сама судьба позаботится о немъ. Большая лодка исчезаетъ и онъ остается одинъ въ челнѣ, который, повидимому, стоитъ неподвижно въ серединѣ озера. Раздумывая, куда же ему двинуться, онъ замѣчаетъ, что прекрасная лодочка начинаетъ тихонько двигаться. Она медленно поворачивается носомъ къ солнцу,—плыветъ не слышно, но съ возростающею быстротою, а легкія струйки воды, ударяясь о слоновую кость, кажется, порождаютъ божественную мелодію,—кажутся единственной причиной нѣжной и грустной музыки, происхожденіе которой изумленный путникъ тщетно старается объяснить себѣ.

Челнокъ приближается къ скалистому входу въ ущелье и глубь его становится яснѣе. Направо тянется гряда высокихъ холмовъ, одѣтыхъ дремучимъ и роскошнымъ лѣсомъ. И здѣсь сохраняется таже черта изысканной чистоты; нигдѣ не замѣтно и признаковъ обыкновенныхъ рѣчныхъ débris. Налѣво характеръ картины болѣе мягкій и искусственный. Здѣсь береговой склонъ поднимается отъ воды очень отлого, образуя широкій поясъ травы, видомъ похожій на бархатъ, а яркимъ зеленымъ цвѣтомъ на чистѣйшій изумрудъ. Ширина этого plateau отъ десяти до трехсотъ ярдовъ; онъ простирается отъ рѣки до стѣны въ пятьдесятъ футовъ высотою, которая тянется безконечными извивами, слѣдуя общему направленію рѣки и теряясь вдали на западѣ. Стѣна состоитъ изъ одной непрерывной скалы; она вытесана искусственно изъ обрывистаго берега рѣки; но никакихъ слѣдовъ работы не замѣтно. Цвѣтъ камня свидѣтельствуетъ о глубокой древности, стѣна обвита плющемъ, красной жимолостью, шиповникомъ и

ломоносомъ. Однообразіе линій вершины и основанія стѣны скрадывалось, благодаря гигантскимъ деревьямъ, разбросаннымъ группами и по одиночкѣ, какъ по plateau, такъ и за стѣною, но очень близко къ ней, такъ что вѣтви — въ особенности чернаго орѣшника — нерѣдко перебирались черезъ нее и свѣшивались въ воду. Далѣе, по ту сторону стѣны, ничего нельзя было разобрать, за непроницаемой завѣсой листвы.

Все это можно было видѣть по мѣрѣ того, какъ челнокъ приближался къ воротамъ ущелья. Характеръ послѣдняго, впрочемъ, измѣнялся съ приближеніемъ къ нему, впечатлѣніе пропасти исчезало, новый выходъ изъ бассейна открывался налѣво, въ томъ же направленіи, куда уходила стѣна, слѣдуя за изгибами рѣки. Взоръ не могъ проникнуть далеко въ этомъ направленіи, потому что рѣка и стѣна исчезали въ густой листвѣ.

Челнъ, точно движимый волшебной силой, скользилъ по извилистой рѣкѣ. Направо поднимались высокіе холмы, иногда горы, заросшія роскошной растительностью.

Подвигаясь впередъ неслышно, но съ постепенно возростающей быстротою, путникъ, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, видитъ передъ собою гигантскія ворота или двери изъ червоннаго золота, чеканной работы, съ богатой рѣзьбой, которыя, отражая лучи солнца, теперь уже спустившагося къ самому горизонту, заливаютъ яркимъ пламенемъ окрестные лѣса. Ворота вдѣланы въ высокую стѣну, которая здѣсь, повидимому, пересѣкаетъ рѣку подъ прямымъ угломъ. Черезъ нѣсколько мгновеній, однако, путникъ убѣждается, что главный потокъ поворачиваетъ легкимъ и незамѣтнымъ изгибомъ налѣво, по прежнему вдоль стѣны, а отдѣляющійся отъ него рукавъ съ тихимъ ропотомъ исчезаетъ подъ воротами. Челнъ направляется по этому рукаву къ воротамъ. Ихъ массивныя крылья медленно отворяются съ музыкальнымъ звукомъ. Челнъ скользитъ между ними и быстро спускается въ обширный амфитеатръ, окруженный пурпуровыми горами, основанія которыхъ омываются сверкающими водами рѣки. Мало по малу Рай Арнгейма открывается взорамъ. Путникъ прислушивается къ волшебной музыкѣ; вдыхаетъ напоенный сладкимъ ароматомъ воздухъ; передъ нимъ, какъ во снѣ, развертывается чудный ландшафтъ—гибкія восточныя деревья, группы кустарниковъ, оживленныхъ золотистыми и пурпурными птицами, озера, окаймленныя лиліями, луга фіалокъ, тюльпановъ, маковъ, гіацинтовъ, мальвъ, серебристая сѣть потоковъ и—возвышаясь надъ всѣмъ этимъ—масса полуготическихъ, полумавританскихъ построекъ, точно висящая въ воздухѣ, сверкая въ багровыхъ лучахъ заката безчисленными башенками, минаретами, шпицами—призрачное твореніе Сильфовъ, Фей, Геніевъ и Гномовъ.

Дача Лэндора.

Pendant къ „Помѣстью Арнгеймъ“.

Странствуя нынче лѣтомъ въ одной изъ областей штата Нью-Іоркъ, я остановился однажды вечеромъ въ недоумѣніи, куда направить путь. Мѣстность представляла замѣчательно волнистый характеръ, и тропинка, по которой я шелъ, такъ извивалась и путалась въ тщетномъ стремленіи выбраться на равнину, что я давно уже потерялъ направленіе и не зналъ, гдѣ находится деревушка В***, въ которой я разсчитывалъ ночевать. Солнце почти не *свѣтило* весь этотъ день, который тѣмъ не менѣе былъ невыносимо знойнымъ. Густой туманъ одѣвалъ всѣ предметы, еще болѣе усиливая мое недоумѣніе. Я, впрочемъ, не особенно безпокоился. Если бы мнѣ не удалось засвѣтло добраться до поселка, то, по всей вѣроятности, попалась бы по дорогѣ голландская ферма или что-нибудь въ этомъ родѣ, хотя мѣстность, отличавшаяся не столько плодородіемъ, сколько живописностью, казалась мало населенной. Во всякомъ случаѣ, ночевка въ полѣ, положивъ ранецъ подъ голову, подъ охраной вѣрнаго пса, ничуть не пугала меня. Итакъ, я шелъ себѣ потихоньку, присматриваясь къ безчисленнымъ прогалинкамъ и спрашивая себя, точно-ли это тропинка,—какъ вдругъ наткнулся на несомнѣнные слѣды экипажа. Ошибки не могло быть. Слѣды легкихъ колесъ были очевидны, и хотя высокіе кустарники по обѣимъ сторонамъ дороги почти сходились верхушками, но подъ ними могъ свободно проѣхать даже виргинскій горный фургонъ, самый громадный экипажъ, какой я знаю. Правда, дорога эта не походила ни на одну изъ дорогъ, которыя мнѣ случалось видѣть раньше. Слѣды, о которыхъ я упомянулъ, были едва замѣтны на твердой, но влажной поверхности, напоминавшей больше всего зеленый генуэзскій бархатъ. Разумѣется, это была трава, но такая, какую рѣдко встрѣтишь внѣ Англіи,—короткая, густая, ровная и яркая. Дорога была замѣчательно чиста: ни хворостинки, ни сучка. Каменья, загромождавшіе ее когда-то, были тщательно *сложены*, а не набросаны, по сторонамъ, образуя живописную кайму, заросшую полевыми цвѣтами.

Я не зналъ, что все это значитъ. Очевидные слѣды *искусства* не удивляли меня, потому что всякая дорога—произведеніе искусства; не могу сказать также, чтобы меня поражалъ *избытокъ* искусства; такъ какъ подобная дорога могла быть проложена *здѣсь*, при такихъ естественныхъ «способностяхъ» (какъ выражаются въ книгахъ о ландшафтномъ садоводствѣ) мѣстности съ самой незна-

чительной затратой труда и денегъ. Нѣтъ, не размѣры, а характеръ искусства заставилъ меня усѣсться на обросшій цвѣтами камень и битыхъ полчаса любоваться этой волшебной аллеей. Чѣмъ дольше я смотрѣлъ, тѣмъ яснѣе становилось для меня, что устройствомъ ея распоряжался истинный артистъ съ необычайно тонкимъ пониманіемъ красоты формъ. Величайшая забота была приложена, чтобы сохранить должную середину между строгимъ изяществомъ съ одной стороны и живописностью въ итальянскомъ смыслѣ слова—съ другой. Прямыхъ или непрерывныхъ линій было немного. Одинъ и тотъ же эффектъ изгибовъ или красокъ являлся дважды, но не чаще, съ каждаго пункта наблюденія. Всюду бросалось въ глаза разнообразіе въ единствѣ. Врядъ-ли бы самый требовательный глазъ нашелъ возможнымъ сдѣлать поправку въ «композиціи» этой картины.

Войдя въ эту аллею, я повернулъ направо, и теперь, поднявшись съ камня, продолжалъ путь въ томъ же направленіи. Тропинка такъ извивалась, что въ каждую данную минуту я могъ видѣть ее передъ собою шага на два, на три, не болѣе. Характеръ ея оставался неизмѣннымъ.

Внезапно легкій ропотъ волнъ коснулся моего слуха и на поворотѣ, нѣсколько болѣе крутомъ, чѣмъ прежніе, я увидѣлъ какое-то зданіе у подошвы отлогаго склона, какъ разъ передо мною. Я не могъ разсмотрѣть его ясно изъ-за тумана, одѣвавшаго долину. Солнце садилось, поднялся легкій вѣтеръ, и пока я стоялъ на вершинѣ холма, туманъ постепенно разсѣялся, расплываясь клубами, таявшими въ воздухѣ.

Мало по малу, также постепенно, какъ я описываю, долина открывалась передо мною: тамъ мелькнетъ дерево, тамъ полоска воды, тамъ верхушка трубы. Вся эта сцена производила впечатлѣніе оптической иллюзіи, напоминавшей такъ называемыя «исчезающія картины».

Мало по малу туманъ совершенно разсѣялся, а солнце тѣмъ временемъ спустилось къ горизонту и исчезло за холмами, но вновь появилось во всемъ своемъ блескѣ въ ущельи, примыкавшемъ къ долинѣ съ запада. Озаренная его пурпуровыми лучами, долина освѣтилась внезапно, точно по волшебству.

Первый coup d'oeil въ ту минуту, когда солнце появилось въ концѣ ущелья поразилъ меня, какъ бывало въ дѣтствѣ поражала заключительная сцена какого-нибудь эффектнаго спектакля или мелодрамы. Самое освѣщеніе казалось сверхъестественнымъ, потому что солнечный свѣтъ, проходя сквозь ущелье, заливалъ всю сцену пурпуромъ и золотомъ, а яркая зелень долины бросала свой отблескъ на всѣ предметы, отражаясь отъ пелены тумана, все еще

висѣвшаго надъ нею, точно не рѣшаясь разстаться съ такимъ волшебнымъ зрѣлищемъ.

Долина, на которую я смотрѣлъ изъ подъ туманнаго балдахина, имѣла въ длину не болѣе четырехъ сотъ ярдовъ, а въ ширину отъ пятидесяти до полутораста или двухсотъ.

Она съуживалась къ сѣверному концу, расширяясь къ южному, но не представляя правильной формы. Самая широкая часть находилась ярдахъ въ восьмидесяти отъ южной оконечности. Холмы, окаймлявшіе долину, не отличались высотой,—только на сѣверной сторонѣ крутой, гранитный обрывъ поднимался футовъ на девяносто; а ширина долины въ этомъ мѣстѣ не превосходила пятидесяти футовъ, но къ югу отъ этого утеса взоръ встрѣчалъ справа и слѣва все болѣе отлогіе, менѣе скалистые, менѣе высокіе склоны. Словомъ, очертанія сглаживались и смягчались по направленію къ югу,—тѣмъ не менѣе вся долина была окаймлена холмами различной высоты, прерывавшимися только въ двухъ пунктахъ. Объ одномъ я уже говорилъ. Онъ находился на западной сторонѣ долины, ближе къ сѣверному концу, тамъ, гдѣ заходящее солнце проникло въ амфитеатръ сквозь ущелье въ гранитной стѣнѣ. Эта трещина, насколько можно было судить глазомѣромъ, имѣла наибольшую ширину ярдовъ въ десять. Повидимому, она направлялась вверхъ, вверхъ, въ невѣдомыя дебри горъ и лѣсовъ. Другое отверстіе находилось на южномъ концѣ долины. Здѣсь холмы поднимались едва замѣтно, простираясь съ востока на западъ ярдовъ на полтораста. Въ серединѣ этого склона была впадина на одномъ уровнѣ съ дномъ долины. Въ отношеніи растительности, какъ и во всемъ остальномъ, формы сглаживались и смягчались по направленію къ югу. Къ сѣверу, на крутомъ утесѣ возвышались великолѣпные стволы черныхъ орѣшниковъ и каштановъ, перемѣшанныхъ съ дубами. Могучія вѣтви нависали надъ краемъ пропасти. Къ югу взоръ наблюдателя встрѣчалъ сначала тѣ же самыя деревья, но меньшихъ размѣровъ и высоты; за нимъ слѣдовали стройные вязы; тамъ сассафрасы и рожковыя деревья; за ними липы, катальпы, клены, смѣнявшіеся все болѣе и болѣе изящными и скромными породами. Весь южный склонъ былъ одѣтъ кустарниками, въ перемежку съ серебристыми ивами и тополями. На днѣ долины (такъ какъ растительность, о которой шла рѣчь до сихъ поръ, находилась только на холмахъ и склонахъ) виднѣлись три отдѣльныхъ дерева. Одно изъ нихъ—стройный изящный вязъ—стояло на стражѣ у южнаго входа въ долину. Другое—орѣшникъ,—гораздо большихъ размѣровъ и еще красивѣе, хотя оба дерева отличались рѣдкой красотой, охраняло сѣверо-западный входъ и поднималось изъ группы скалъ въ самомъ концѣ ущелья, наклоняя

свой изящный стволъ подъ угломъ почти въ сорокъ пять градусовъ, далеко въ озаренный солнцемъ амфитеатръ. Ярдахъ въ тридцати отъ него возвышалась краса долины и безспорно прекраснѣйшее дерево, какое мнѣ когда-либо случалось видѣть, кромѣ развѣ кипарисовъ Итчіатукана. Это было трехствольное тюльпанное дерево—Liriodendron tulipiferum—изъ семейства Магноліевыхъ. Три ствола его отдѣлялись отъ главнаго пня на высотѣ трехъ футовъ надъ землею и поднимались вверхъ почти параллельно, такъ что расходились не больше чѣмъ на четыре фута въ томъ мѣстѣ, гдѣ главный стволъ раздѣлялся на вѣтви, одѣтыя листвой: именно на высотѣ около восьмидесяти футовъ. Общая высота главнаго ствола равнялась ста двадцати футамъ. Трудно себѣ представить что-нибудь прекраснѣе формы или яркой блестящей зелени листьевъ тюльпаннаго дерева. Въ данномъ случаѣ ширина ихъ достигала восьми дюймовъ, но красота листьевъ совершенно затмѣвалась пышнымъ великолѣпіемъ цвѣтовъ. Представьте себѣ милліонъ громадныхъ яркихъ тюльпановъ, собранныхъ въ одинъ букетъ! Только тогда вы получите нѣкоторое понятіе о картинѣ, которую я пытаюсь описать. Прибавьте сюда стройные, величавые колонны-стволы, изъ которыхъ главный имѣлъ четыре фута въ діаметрѣ на высотѣ двадцати футовъ. Безчисленные цвѣты этого и другихъ, почти столько же прекрасныхъ, хотя безконечно менѣе величественныхъ деревьевъ наполняли воздухъ болѣе чѣмъ аравійскимъ благоуханіемъ.

Дно долины было одѣто травой такой же какъ на дорогѣ, только, если это возможно, еще болѣе нѣжной, густой, бархатной и изумительно зеленой. Не понимаю, какъ можно было добиться такой красоты.

Я говорилъ о двухъ входахъ въ долину. Изъ одного, на сѣверозападной сторонѣ, вытекала рѣчка, струившаяся съ тихимъ ропотомъ внизъ по долинѣ до группы скалъ, надъ которыми возвышалось орѣховое дерево. Здѣсь, обогнувъ дерево, она нѣсколько отклонялась къ сѣверу-востоку, оставивъ тюльпанное дерево футовъ на двадцать къ югу, и продолжала свой путь до середины между восточной и западной оконечностями долины. Въ этомъ пунктѣ, послѣ цѣлаго ряда изгибовъ она поворачивала подъ прямымъ угломъ и направлялась къ югу, прихотливо извиваясь по пути и, наконецъ, исчезая въ озерцѣ неправильной (въ общемъ округлой) формы, сверкавшемъ близь нижней оконечности долины. Наибольшая ширина этого озерца достигала ста футовъ. Вода была чище всякаго хрусталя. Дно, видимое совершенно ясно, состояло изъ блестящихъ бѣлыхъ камешковъ. Изумрудная зелень берега обрамляла отраженное въ водѣ небо; и такъ ясно было это небо,

такъ живо отражало оно предметы, находившіеся выше, что трудно было разобрать, гдѣ кончается настоящій берегъ, гдѣ начинается отраженный. Форели и другія рыбы, населявшія, почти загромождавшія озеро, походили на летучихъ рыбъ. Почти невозможно было повѣрить, что онѣ не висятъ въ воздухѣ. Легкій березовый челнокъ, покоившійся на водѣ, отражался до мельчайшихъ волоконецъ, съ точностью, которой не могло бы превзойти лучшее зеркало. Островокъ, весело улыбавшійся пестрыми цвѣтами, увѣнчанный живописнымъ маленькимъ зданіемъ въ родѣ птичника, поднимался надъ озеромъ близь сѣвернаго берега, съ которымъ былъ соединенъ посредствомъ легкаго и примитивнаго моста. Послѣдній состоялъ изъ простой и толстой доски тюльпаннаго дерева. Она имѣла футовъ сорокъ въ длину и соединяла оба берега легкой, но устойчивой аркой. Изъ южной оконечности озера рѣчка снова выходила и, пробѣжавъ ярдовъ тридцать, сбѣгала по «впадинѣ» (уже описанной) въ серединѣ южнаго склона и, обрушившись съ высоты болѣе ста футовъ, продолжала свой извилистый и незамѣтный путь къ озеру Гудсонъ.

Озеро было глубокое—мѣстами до тридцати футовъ, но рѣчка не глубже трехъ футовъ при наибольшей ширинѣ въ восемь. Ея дно и берега были такіе же, какъ у озера—и если былъ у нихъ какой-нибудь недостатокъ съ точки зрѣнія живописности, такъ это крайняя чистота.

Однообразіе зеленаго дерна смягчалось пышными кустами гортензій, душистой сирени, а чаще разныхъ породъ герани. Послѣднія росли въ горшкахъ, тщательно врытыхъ въ землю, такъ что растенія казались въ грунту. Кромѣ того, бархатъ луга оживлялся овцами, стадо которыхъ паслось въ долинѣ, въ обществѣ трехъ ручныхъ ланей и множества утокъ съ блестящимъ опереніемъ. Огромная собака, повидимому, стерегла этихъ животныхъ.

Восточный и западный холмы—въ верхней части долины, съ болѣе или менѣе крутыми склонами—поросли плющемъ, обвивавшимъ ихъ въ такомъ изобиліи, что голаго камня почти не было видно. Сѣверный утесъ точно также былъ одѣтъ роскошнѣйшимъ виноградомъ, разроставшимся у его подошвы и по склону.

Легкое возвышеніе, образовавшее южную границу этого имѣнія, было увѣнчано каменной стѣной такой высоты, чтобы предупредить возможность бѣгства лани. Нигдѣ не было видно изгороди, да въ нихъ и не оказывалось надобности: своенравная овца, которой вздумалось бы убѣжать изъ долины по ущелью, черезъ нѣсколько шаговъ встрѣтила бы преграду въ видѣ утесовъ, по которымъ струился потокъ, привлекшій мое вниманіе, когда я вступилъ въ долину. Входъ и выходъ въ это имѣніе возможенъ былъ только

въ ворота, выходившія на дорогу, немного ниже того мѣста, гдѣ я остановился, чтобы полюбоваться этой картиной.

Я говорилъ, что рѣчка извивалась очень прихотливо на всемъ своемъ протяженіи. Она направлялась въ общемъ сначала съ запада на востокъ, потомъ съ сѣвера на югъ. На поворотѣ, изогнувшись назадъ въ видѣ почти круглой петли, она образовала полуостровъ, очень близкій къ острову и занимавшій пространство приблизительно въ одну шестнадцатую акра. На этомъ полуостровѣ стоялъ домъ,—домъ, который подобно адской террасѣ Ватека «était d'une architecture inconnue dans les annales de la terre»,—я хочу этимъ сказать, что его tout ensemble поразилъ меня смѣсью оригинальности и правильности—словомъ, своей поэзіей (такъ какъ я не знаю болѣе точнаго опредѣленія поэзіи)—но отнюдь не говорю, что онъ былъ въ какомъ либо отношеніи outré.

Дѣйствительно, врядъ-ли могъ быть болѣе простой, болѣе безпритязательный коттеджъ. Его удивительный эффектъ цѣликомъ заключался въ его картинности. Глядя на этотъ домъ, я готовъ былъ думать, что какой-нибудь замѣчательный пейзажистъ построилъ его своей кистью.

Мѣсто, съ котораго я разсматривалъ долину, не было наилучшимъ пунктомъ для разсматриванія дома. Въ виду этого я опишу его такимъ, какимъ наблюдалъ позднѣе—съ каменной стѣнки, на южной оконечности амфитеатра.

Главный корпусъ зданія имѣлъ около двадцати четырехъ футовъ въ длину и шестнадцать въ ширину,—не болѣе. Высота его, отъ земли до конька крыши не превосходила восемнадцати футовъ. Къ западному концу этой постройки примыкала другая, втрое меньшихъ размѣровъ; линія ея фаса отступила на два ярда отъ линіи главнаго зданія; линія крыши, разумѣется, приходилась значительно ниже главной кровли. Подъ прямымъ угломъ къ этимъ постройкамъ, приблизительно отъ середины задняго фаса главной, отходило третье зданіе, — очень маленькое, — втрое меньше западнаго крыла. Кровли обѣихъ бóльшихъ построекъ были очень крутыя, онѣ спускались отъ конька длинной вогнутой линіей, и простирались по крайней мѣрѣ на четыре фута отъ стѣны, образуя кровлю двухъ галлерей. Эти послѣднія кровли, конечно, не нуждались въ опорѣ, но такъ какъ онѣ имѣли такой видъ, какъ будто нуждаются въ ней, то и поддерживались по угламъ тонкими и совершенно гладкими столбами. Крыша сѣвернаго крыла была простымъ продолженіемъ главной крыши. Между главнымъ строеніемъ и западнымъ крыломъ поднималась высокая четвероугольная труба изъ черныхъ и красныхъ голландскихъ кирпичей, съ выдающимся кирпичнымъ карнизомъ на верхушкѣ. Крыши выда-

вались также надъ боковыми стѣнами: въ главномъ строеніи на четыре фута съ восточной стороны, и на два съ западной. Главная дверь приходилась не въ самой серединѣ зданія, а нѣсколько ближе къ восточному концу, на западномъ помѣщались два окна. Они не достигали до пола, но были гораздо длиннѣе и уже, чѣмъ обыкновенно устраиваются окна,—съ трехугольными, но широкими стеклами. Верхняя половина двери была стеклянная, тоже съ трехугольными стеклами, которыя закрывались на ночь ставнями. Дверь западнаго крыла,—самаго простого устройства,—находилась въ боковой стѣнѣ; единственное окно помѣщалось на южной сторонѣ. Въ сѣверномъ крылѣ вовсе не было двери и только одно окно на восточной сторонѣ. Лѣстница (съ перилами) поднималась вдоль восточной глухой стѣны діагонально—входъ былъ съ юга. Подъ навѣсомъ далеко выдающейся кровли, она вела къ двери на чердакъ, освѣщавшійся однимъ окномъ и, повидимому, служившій кладовой.

Галлереи главнаго строенія и западнаго не имѣли пола, но у дверей и у каждаго изъ оконъ лежали большія, плоскія, неправильной формы гранитныя плиты, окруженныя восхитительнымъ дерномъ. Тропинки изъ такихъ же плитъ—не плотно прилаженныхъ другъ къ дружкѣ, но раздѣленныхъ полосками бархатнаго дерна, вели къ хрустальному ручью, пробивавшемуся шагахъ въ пяти отъ дома, къ дорогѣ и къ маленькимъ постройкамъ на сѣверѣ, за рѣчкой, скрывавшимся въ группахъ акацій и катальпъ.

Шагахъ въ шести отъ главной двери коттеджа возвышался фантастическій сухой стволъ грушеваго дерева, обвитый съ верхушки до корней роскошно цвѣтущими биньоніями. На вѣтвяхъ этого дерева висѣли клѣтки различныхъ размѣровъ и формъ. Въ одной изъ нихъ, цилиндрической съ кольцомъ на верху, суетился пересмѣшникъ, въ другой иволга, въ клѣткахъ поменьше заливались канарейки.

Столбы галлерей были обвиты жасминомъ и душистой жимолостью, а въ углу, образуемомъ главнымъ зданіемъ и западнымъ крыломъ, вился роскошный виноградъ. Онъ взбирался сначала на крышу пристройки, оттуда на кровлю главнаго зданія и далѣе по коньку, пуская вправо и влѣво свои цѣпкіе усы до восточнаго края, гдѣ свѣшивался надъ лѣстницей.

Домъ съ его пристройками былъ построенъ изъ старомодныхъ голландскихъ черепицъ, широкихъ и съ незакругленными углами. Особенность этого матеріала въ томъ, что постройка кажется шире внизу, чѣмъ вверху, на манеръ египетской архитектуры, и въ данномъ случаѣ этотъ чрезвычайно живописный эффектъ усиливался, благодаря безчисленнымъ горшкамъ съ пышными цвѣтами, окружавшимъ основаніе построекъ.

Черепицы были выкрашены въ тускло-сѣрую краску, представлявшую удивительно пріятный контрастъ съ яркою зеленью листьевъ тюльпаннаго дерева, осѣнявшаго домъ своими вѣтвями.

Какъ выше сказано, каменная стѣна представляла наилучшій пунктъ для разсматриванія дома; отсюда глазъ охватывалъ разомъ оба фронта съ живописной восточной стѣной и въ то же время могъ видѣть сѣверное крыло и почти половину легкаго мостика, переброшеннаго черезъ ручей по близости отъ построекъ.

Я не долго оставался на вершинѣ холма, хотя достаточно, чтобы осмотрѣть въ подробности развертывавшуюся передо мной картину. Ясно было, что я сбился съ дороги; это достаточное извиненіе для путника, чтобы отворить ворота и попытаться войти. Такъ я и поступилъ.

За воротами дорога спускалась по склону вдоль сѣверо-восточныхъ утесовъ. Она привела меня къ подножію сѣвернаго обрыва, а оттуда, черезъ мостъ, мимо восточной стѣны, къ главной двери.

Когда я свернулъ за уголъ стѣны, песъ бросился ко мнѣ молча, но съ выраженіемъ тигра. Я протянулъ ему руку въ знакъ дружбы. Я еще не видалъ собаки, которая устояла бы передъ такимъ привѣтствіемъ. Дѣйствительно, онъ не только пересталъ скалить зубы и замахалъ хвостомъ, но протянулъ мнѣ лапу, а затѣмъ обратился съ такими же любезностями къ моему Понто.

Не замѣчая нигдѣ колокольчика, я постучалъ въ полуоткрытую дверь своей палкой. Въ ту же минуту на порогѣ появилась фигура молодой женщины лѣтъ двадцати восьми, стройная или скорѣе тоненькая, выше средняго роста. Когда она приблизилась ко мнѣ съ скромной рѣшительностью, не поддающейся никакому описанію, я подумалъ: «Вотъ гдѣ я нахожу совершенство естественной въ противоположность искусственной граціи». Мое слѣдующее впечатлѣніе, несравненно болѣе сильное, чѣмъ первое, я могу назвать энтузіазмомъ. Никогда еще выраженіе романтичности, если можно такъ выразиться, или несвѣтскости, подобное тому, которое свѣтилось въ ея полуопущенныхъ глазахъ, не проникало такъ глубоко мнѣ въ душу. Не знаю почему, но это особенное выраженіе глазъ, сказывающееся иногда и въ складкѣ губъ, сильнѣе всего, можетъ быть, даже одно чаруетъ меня въ женщинѣ. Романтическое, если только читатель правильно понимаетъ смыслъ, который я придаю этому выраженію, романтическое и женственное, по моему мнѣнію, синонимы, а въ концѣ концовъ мужчина истинно любитъ въ женщинѣ именно ея женственность. Глаза Анни (я слышалъ, какъ кто-то окликнулъ ее изъ дома «Анни, милочка!») были «сѣрые неземные», волосы свѣтлокаштановые; вотъ все, что я успѣлъ замѣтить въ ту минуту.

На ея любезное приглашеніе я вошелъ въ довольно просторную прихожую. Явившись главнымъ образомъ для наблюденія, я успѣлъ замѣтить направо отъ себя окно, такое же какъ въ переднемъ фасадѣ дома, налѣво дверь въ главныя комнаты, и прямо передъ собою другую дверь, открытую, такъ что я могъ разсмотрѣть небольшую комнату, повидимому, кабинетъ, и большое окно съ выступомъ, выходившее на сѣверъ.

Войдя въ гостиную, я очутился передъ мистеромъ Лэндоромъ—такова была его фамилія, которую я узналъ впослѣдствіи. Онъ встрѣтилъ меня любезно, даже привѣтливо, но я больше интересовался обстановкой жилища, чѣмъ хозяиномъ.

Въ сѣверномъ крылѣ находилась спальня, сообщавшаяся съ гостиной. На западъ отъ двери въ спальню было окно, выходившее на ручей. На западномъ концѣ гостиной помѣщались каминъ и дверь въ западное крыло, вѣроятно, служившее кухней.

Обстановка гостиной отличалась необычайной простотой. Полъ былъ устланъ превосходнымъ толстымъ ковромъ съ зелеными узорами по бѣлому полю. На окнахъ висѣли снѣжнобѣлыя кисейныя занавѣси; онѣ опускались прямыми, правильными складками какъ разъ до пола. Стѣны были обиты изящными французскими обоями—серебристо бѣлыми, съ свѣтло-зеленой полоской зигзагами. Ихъ однообразіе нарушалось только тремя прекрасными жюльеновскими литографіями à trois crayons безъ рамокъ. Одинъ изъ этихъ рисунковъ изображалъ сцену восточной роскоши или скорѣе сладострастія; другой—необычайно живую картину карнавала; третій—греческую женскую головку: такое божественно прекрасное лицо, съ такимъ вызывающе неопредѣленнымъ выраженіемъ, какого мнѣ еще не случалось видѣть.

Мебель состояла изъ круглаго стола, нѣсколькихъ стульевъ (включая кресло—качалку) и дивана или «канапе»—деревяннаго, липоваго, окрашеннаго въ желтовато-бѣлую краску съ легкими зелеными разводами, съ соломеннымъ сидѣньемъ. Стулья и столъ были подобраны другъ къ другу, но формы ихъ, очевидно, измышлены тѣмъ же мозгомъ, который устраивалъ имѣнье,—невозможно представить себѣ что-нибудь болѣе изящное.

На столѣ помѣщались нѣсколько книгъ, широкій, квадратный, хрустальный флаконъ съ какими-то новыми духами, простая астральная лампа съ итальянскимъ абажуромъ и большая ваза съ великолѣпными цвѣтами. Цвѣты яркихъ колеровъ и нѣжнаго запаха представляли единственное украшеніе комнаты. На каминѣ возвышалась огромная ваза съ пышными гераніями. На трехугольныхъ полочкахъ по угламъ комнаты красовались такія же вазы съ различными цвѣтами. На каминной доскѣ находились

два-три букета поменьше, а пучки позднихъ фіалокъ виднѣлись на окнахъ.

Цѣль этой статьи исчерпывается подробнымъ описаніемъ дачи мистера Лэндора, какъ я ее нашелъ.

Вильямъ Вильсонъ.

Позвольте мнѣ называть себя Вильямомъ Вильсономъ. Чистая страница, лежащая передо мной, не должна быть осквернена моимъ настоящимъ именемъ. Оно уже достаточно долго было предметомъ гнѣва, ужаса, отвращенія моихъ ближнихъ. Развѣ негодующій вѣтеръ не разнесъ его безпримѣрный позоръ изъ края въ край земли? О, отверженецъ изъ отверженцевъ, или ты не умеръ навсегда для земли? для ея почестей, для ея цвѣтовъ, для ея надеждъ? и не нависла густая, мрачная, безпредѣльная туча между твоими надеждами и небомъ?

Я не сталъ бы, если бы даже могъ, излагать здѣсь и въ настоящую минуту исторію моихъ послѣднихъ лѣтъ — моихъ несказанныхъ бѣдствій и непростительнаго преступленія. Эта эпоха— послѣдніе годы моей жизни — была только завершеніемъ позора, начало и происхожденіе котораго я намѣренъ описать. Люди обыкновенно падаютъ постепенно все ниже и ниже. Отъ меня же всякая добродѣтель отлетѣла мгновенно, точно платье упало съ плечъ. Отъ обыкновенной испорченности я разомъ шагнулъ къ чудовищности Элогабала. Какое обстоятельство, какое событіе послужило толчкомъ къ этому несчастію,—объ этомъ я и хочу разсказать. Смерть приближается, ея тѣнь смягчила мою душу. Готовясь перейти въ долину тѣней, я жажду сочувствія,—чуть не сказалъ, сожалѣнія,— моихъ ближнихъ. Я бы желалъ убѣдить ихъ, что былъ до извѣстной степени рабомъ обстоятельствъ, не подлежащихъ человѣческому контролю. Я бы желалъ, чтобы они усмотрѣли въ тѣхъ деталяхъ, которыя я сейчасъ разскажу, маленькій оазисъ фатальности въ пустынѣ заблужденій. Я бы желалъ, чтобы они согласились—и они не могутъ не согласиться, что хотя, быть можетъ, существовало и раньше такое же сильное искушеніе, но никогда человѣкъ не былъ такъ искушаемъ, и никогда такъ не падалъ. Значитъ-ли это, что онъ никогда такъ не страдалъ? Да ужь не жилъ-ли я въ грезахъ? Не гибну-ли я жертвой ужаса и тайны безумнѣйшаго изъ всѣхъ видѣній въ подлунной?

Я потомокъ расы, всегда отличавшейся своимъ фантастическимъ и легко возбудимымъ темпераментомъ. Въ раннемъ дѣтствѣ я уже проявилъ наслѣдственный характеръ. Съ годами онъ обнару-

живался все сильнѣе и сильнѣе, причиняя не мало безпокойства моимъ друзьямъ и непріятности мнѣ самому. Своенравный, необузданный въ своихъ дикихъ капризахъ, я выросталъ жертвой неудержимыхъ страстей. Слабохарактерные и болѣзненные, какъ я самъ, родители почти ничего не сдѣлали, чтобы подавить въ зародышѣ мои дурные задатки. Кое-какія неумѣлыя и слабыя попытки въ этомъ направленіи привели только къ ихъ полному пораженію и моему вящшему торжеству. Съ тѣхъ поръ мое слово стало закономъ въ семьѣ, и въ возрастѣ, когда ребятъ водятъ на помочахъ, я былъ предоставленъ самому себѣ и сдѣлался господиномъ своихъ поступковъ.

Мои первыя воспоминанія о школьной жизни связаны съ большимъ, ветхимъ зданіемъ Елизаветинской архитектуры, въ туманной англійской деревушкѣ, гдѣ росло много гигантскихъ сучковатыхъ деревьевъ и всѣ дома отличались древностью. Дремотой и спокойствіемъ вѣяло отъ этого почтеннаго стариннаго городка. И теперь, забывшись въ мечтахъ, я чувствую освѣжительную прохладу его тѣнистыхъ аллей, вдыхаю ароматъ безчисленныхъ кустарниковъ, и снова вздрагиваю отъ неизъяснимо сладкаго чувства при глубокихъ глухихъ звукахъ церковнаго колокола, удары котораго такъ внезапно и уныло раздаются въ тусклой атмосферѣ.

Вспоминать о школѣ и школьной жизни—быть можетъ, единственное удовольствіе, которое я могу испытывать въ моемъ теперешнемъ положеніи. Раздавленному бѣдой—увы! слишкомъ реальной бѣдой!—мнѣ простительно искать хотя бы слабаго и мимолетнаго облегченія въ воспоминаніяхъ. Онѣ тривіальны, подчасъ смѣшны, но для меня имѣютъ особенное значеніе, такъ какъ связаны съ эпохой и мѣстомъ, когда и гдѣ я впервые познaлъ двусмысленные призывы судьбы, такъ безжалостно раздавившей меня впослѣдствіи. Обращусь же къ воспоминаніямъ.

Какъ я уже сказалъ, домъ былъ старинной и неправильной постройки. Обширная усадьба окружалась высокой и плотной стѣной изъ кирпичей, скрѣпленныхъ цементомъ изъ извести съ толченымъ стекломъ. Эта стѣна, напоминавшая острогъ, представляла границу нашихъ владѣній; за нее мы выходили только три раза въ недѣлю: въ субботу вечеромъ, когда намъ разрѣшалось подъ надзоромъ двухъ надзирателей прогуляться всѣмъ гуртомъ по сосѣднимъ полямъ; и два раза въ воскресенье, когда мы такимъ же порядкомъ являлись къ утренней и вечерней службѣ въ приходскую церковь. Директоръ школы былъ пасторомъ этой церкви. Съ какимъ глубокимъ чувствомъ изумленія и смущенія смотрѣлъ я на него изъ нашего уголка на хорахъ, когда онъ торжественной, мѣрной поступью поднимался на каѳедру! Этотъ почтенный мужъ, съ такимъ бла-

госклоннымъ взоромъ, въ такомъ пышномъ облаченіи, въ такомъ громадномъ, напудренномъ, завитомъ парикѣ, — неужели это тотъ самый господинъ, съ кислой физіономіей, въ запачканномъ платьѣ, съ ферулой въ рукахъ, который такъ свирѣпо приводилъ въ исполненіе драконовскіе законы школы. О, гигантскій парадоксъ,—слишкомъ чудовищно нелѣпый для разрѣшенія!

Въ массивной стѣнѣ чернѣли еще болѣе массивныя ворота. Они были обиты желѣзными брусьями и усажены желѣзными остріями. Что за мрачный видъ! Они открывались только три раза въ недѣлю, для вышеупомянутыхъ періодическихъ путешествій на прогулку и въ церковь; и въ скрипѣ ихъ мощныхъ петлей намъ чуялась тайна, наводившая на глубокія замѣчанія или размышленія.

Эта ограда была неправильной формы съ болѣе или менѣе обширными выступами. Три или четыре самыхъ обширныхъ служили мѣстомъ нашихъ прогулокъ и игръ. Они представляли площадку, усыпанную мелкимъ гравіемъ. Я хорошо помню, что тутъ не было ни деревьевъ, ни скамеекъ. Безъ сомнѣнія, эта площадка находилась позади дома. Къ переднему фасаду примыкалъ садикъ, усаженный буксомъ и другими кустарниками; но въ это священное мѣсто мы попадали очень рѣдко: развѣ случалось проходить черезъ него при поступленіи или окончательномъ выходѣ изъ школы, или въ Рождественскія и лѣтнія каникулы, когда, полные веселья, мы разъѣзжались къ роднымъ или знакомымъ.

Но домъ! - что за курьезное старое зданіе! для меня настоящій волшебный дворецъ! Не было конца его закоулкамъ, его непонятнымъ пристройкамъ! Трудно было рѣшить въ каждую данную минуту, въ которомъ изъ двухъ его этажей находишься. Переходя изъ комнаты въ комнату, приходилось всякій разъ спускаться или подниматься ступеньки на три, на четыре. Безчисленныя боковыя пристройки такъ изгибались и перепутывались, что наше представленіе о домѣ въ его цѣломъ немногимъ расходилось съ нашимъ представленіемъ о безконечности. Въ теченіе моего пятилѣтняго пребыванія въ школѣ я никогда не могъ рѣшить съ точностью, въ какой части зданія находится спальня, отведенная для меня и другихъ восемнадцати или двадцати школьниковъ.

Самая большая комната въ домѣ — мнѣ все кажется, что и въ цѣломъ свѣтѣ—была классная: длинная, узкая, низенькая зала съ остроконечными готическими окнами и дубовымъ потолкомъ. Въ отдаленномъ и наводящемъ ужасъ углу ея находилась квадратная загородка— sanctum нашего директора, достопочтеннаго доктора Бренсби—съ массивной дверью. Мы бы скорѣе умерли par peine forte et dure, чѣмъ рѣшились отворить ее въ отсутствіе доктора. По другимъ угламъ находились двѣ подобныя же загородки, внушав-

шія намъ гораздо меньше почтенія, но все-таки не малый страхъ. Одна изъ нихъ была каѳедра «классика», другая – «англійскаго языка и математики». По всей комнатѣ были разсѣяны, въ безпорядкѣ, скамьи и пюпитры, черные, старые, изъѣденные временемъ, заваленные растрепанными книгами, и до того изрѣзанные начальными буквами, цѣлыми фамиліями, уродливыми фигурами и тому подобными образчиками работы перочиннаго ножа, что совершенно утратили свою первоначальную форму. Большая кадка съ водой помѣщалась на одномъ концѣ комнаты, а чудовищныхъ размѣровъ колоколъ на другомъ.

Замкнутый въ стѣнахъ этой почтенной академіи—но отнюдь не изнывая отъ скуки или отвращенія — я провелъ годы третьяго люстра моей жизни. Творческій мозгъ ребенка не требуетъ внѣшняго міра или происшествія для своей работы и дѣятельности, и томительное съ виду однообразіе школы давало мнѣ болѣе сильныя ощущенія, чѣмъ роскошь въ молодости, или преступленіе въ зрѣлые годы. Но, должно быть, первыя стадіи моего умственнаго развитія представляли много особеннаго — много outré. Событія ранняго дѣтства рѣдко оставляютъ какое-нибудь опредѣленное впечатлѣніе въ зрѣломъ возрастѣ у большинства людей. Все подернуто сѣрой тѣнью — всплываютъ только слабыя, отрывочныя воспоминанія — смутныя впечатлѣнія пустыхъ радостей и фантастическихъ страданій. У меня не такъ. Должно быть, я чувствовалъ въ дѣтствѣ съ энергіей взрослаго человѣка, потому что тогдашнія впечатлѣнія врѣзались въ мою память такъ же глубоко, такъ же живо, такъ же прочно, какъ надписи на карѳагенскихъ медаляхъ.

А между тѣмъ какъ незначительны эти воспоминанія на дѣлѣ — на дѣлѣ въ обыденномъ смыслѣ этого слова! Вставанія по утрамъ,—укладываніе спать вечеромъ—уроки, зубренье,—періодическіе отпуски, экзамены,—рекреаціонный дворъ съ его играми, ссорами, дрязгами,—вотъ что въ силу какого-то давно забытаго волшебства являлось источникомъ такихъ бурныхъ чувствъ, цѣлымъ міромъ происшествій, разнообразныхъ волненій, страстнаго возбужденія. «O, le bon temps, que ce siècle de fer!»

Мой пылкій, восторженный, повелительный характеръ быстро выдѣлилъ меня въ средѣ моихъ товарищей и мало по малу, но совершенно естественно, доставилъ мнѣ перевѣсъ и вліяніе надъ всѣми школьниками, не слишкомъ превосходившими меня возрастомъ, — надъ всѣми, за однимъ исключеніемъ. Этимъ исключеніемъ оказался ученикъ, который, не будучи моимъ родственникомъ, носилъ тѣ же самыя имя и фамилію, что, впрочемъ, не представляетъ ничего страннаго; несмотря на древнее проис-

хожденіе, моя фамилія одно изъ тѣхъ распространенныхъ именъ, которыя кажется съ незапамятныхъ временъ были общимъ достояніемъ толпы. Я потому и назвалъ себя въ этомъ разсказѣ Вильямомъ Вильсономъ — вымышленное имя, немногимъ отличающееся отъ дѣйствительнаго. Мой однофамилецъ, одинъ изъ всѣхъ учениковъ, выдумалъ тягаться со мною въ наукахъ — въ играхъ и ссорахъ на рекреаціонной площадкѣ — не вѣрилъ моимъ утвержденіямъ, не подчинялся моей волѣ, словомъ, ни въ какомъ отношеніи не признавалъ моего авторитета. Если есть на землѣ деспотизмъ въ полномъ смыслѣ слова, такъ это деспотизмъ школьника надъ менѣе энергичными товарищами.

Непокорность Вильсона была для меня источникомъ величайшихъ затрудненій; тѣмъ болѣе, что, несмотря на презрѣніе, съ которымъ я относился къ нему и его претензіямъ публично, я втайнѣ чувствовалъ, что боюсь его и не могъ не видѣть въ равенствѣ, которое ему удавалось такъ легко сохранять по отношенію ко мнѣ, доказательство превосходства, — не даромъ же мнѣ приходилось напрягать всѣ свои силы только для того, чтобы не быть побѣжденнымъ. Но это превосходство—даже это равенство—замѣчалъ только я; наши товарищи, въ силу какого-то непонятнаго ослѣпленія, повидимому, даже не подозрѣвали о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ его соперничество, его упорство, и въ особенности его наглое и грубое вмѣшательство въ мои распоряженія, имѣли язвительный, но частный характеръ. Повидимому, ему было чуждо какъ честолюбіе, такъ и страстная энергія ума, заставлявшія меня соперничать съ нимъ. Въ своемъ соперничествѣ онъ какъ будто руководился капризнымъ желаніемъ язвить, ошеломлять или оскорблять меня лично; хотя по временамъ я не могъ не замѣтить, съ чувствомъ удивленія, досады и униженія какую-то совершенно неумѣстную ласковость манеръ, соединявшуюся у него съ оскорбленіями, насмѣшками или противорѣчіями. Я могъ объяснить это странное поведеніе только вульгарнымъ самодовольствомъ, принимающимъ покровительственный видъ.

Можетъ быть, эта послѣдняя черта въ характерѣ Вильсона, въ связи съ одинаковостью фамиліи и тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что мы поступили въ школу въ одинъ и тотъ же день,— заставили старшихъ учениковъ школы считать насъ братьями. Старшіе вообще не особенно интересуются дѣлами младшихъ. Но, конечно, если бъ мы были братьями, то оказались бы близнецами; такъ какъ впослѣдствіи оставивъ школу доктора Бренсби, я случайно узналъ, что мой однофамилецъ родился девятнадцатаго января 1813 года. Дѣйствительно, странное совпаденіе, такъ какъ это также день моего рожденія.

Странно, что, не смотря на постоянныя непріятности, причиняемыя мнѣ соперничествомъ Вильсона и его несносной страстью противорѣчить,—я рѣшительно не могъ возненавидѣть его. Разумѣется, между нами происходили ежедневныя стычки, въ которыхъ, уступая мнѣ пальму первенства, онъ тѣмъ или инымъ образомъ давалъ понять, что, собственно говоря, она принадлежитъ ему; но моя гордость и его достоинство не позволяли намъ заходить дальше словъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ многія родственныя черты въ нашихъ характерахъ возбуждали во мнѣ чувство, которому только наши взаимныя отношенія мѣшали превратиться въ дружбу. Трудно описать или опредѣлить мои дѣйствительныя чувства къ нему. То была измѣнчивая и разнородная смѣсь; страстное возбужденіе, однако, не ненависть; отчасти уваженіе, почтеніе, значительная примѣсь страха и несказанное любопытство. Нужно-ли говорить, что я и Вильсонъ были неразлучными товарищами.

Безъ сомнѣнія, этотъ ненормальный характеръ нашихъ отношеній придавалъ всѣмъ моимъ нападеніямъ на него (а ихъ было много: явныхъ и тайныхъ) скорѣе характеръ насмѣшливой шутки, чѣмъ серьезной и рѣшительной вражды. Но мои старанія въ этомъ смыслѣ не всегда удавались, хотя бы планъ былъ замышленъ самымъ искуснымъ образомъ; такъ какъ въ характерѣ моего однофамильца было много того несокрушимаго и холоднаго спокойствія, которое, услаждаясь солью своихъ шутокъ, лишено собственной Ахиллесовой пяты и рѣшительно не поддается насмѣшкѣ. Я нашелъ у него лишь одно слабое мѣсто, быть можетъ, зависѣвшее отъ физическаго недостатка, которое всякій противникъ, менѣе истощившій свои рессурсы, чѣмъ я, навѣрное пощадилъ бы: мой соперникъ, вслѣдствіе какого-то недостатка въ голосовыхъ органахъ, могъ говорить только весьма тихимъ шопотомъ. Я не замедлилъ воспользоваться жалкимъ преимуществомъ, которое давалъ мнѣ этотъ недостатокъ.

Вильсонъ не оставался въ долгу, и одна изъ его обычныхъ шутокъ въ особенности досаждала мнѣ. Какъ онъ догадался, что такой пустякъ будетъ раздражать меня, я никогда не могъ понять,—но, догадавшись, онъ не преминулъ воспользоваться своимъ открытіемъ. Я всегда чувствовалъ отвращеніе къ своей фамиліи и вульгарному, чтобы не сказать плебейскому, имени. Это имя рѣзало мнѣ уши, и когда, въ день моего поступленія, явился въ школу второй Вильямъ Вильсонъ, я разсердился на него за то, что онъ носитъ это имя, и еще болѣе возненавидѣлъ самое имя за то, что его носитъ посторонній, который вѣчно будетъ со мною, и котораго, какъ водится въ школахъ, вѣчно будутъ смѣшивать со мною.

Зародившееся такимъ образомъ непріятное чувство усилива-

лось съ каждымъ обстоятельствомъ, обнаруживавшимъ моральное или физическое сходство между мною и моимъ соперникомъ. Я еще не зналъ въ то время, что мы родились въ одинъ и тотъ же день; но видѣлъ, что мы одинаковаго роста и замѣчательно похожи другъ на друга фигурой и чертами лица. Меня раздражало также убѣжденіе, что мы родственники, распространившееся въ старшихъ классахъ. Словомъ, ничто такъ не могло разстроить меня (хотя я всячески скрывалъ это), какъ намекъ на какое-либо сходство въ нашемъ существованіи, наружности, складѣ ума. Впрочемъ, я не имѣлъ основанія думать, чтобы (исключая самого Вильсона и слуховъ о нашемъ родствѣ) это сходство служило когда-нибудь предметомъ разговоровъ или даже замѣчалось нашими товарищами. Что онъ замѣчалъ его, также какъ и я, было очевидно; но что онъ съумѣлъ найти въ этомъ обстоятельствѣ богатый источникъ шутокъ по моему адресу,—можно приписать только его необычайной проницательности.

Его система состояла въ передразниваніи моихъ словъ и дѣйствій,—и исполнялъ онъ это мастерски. Скопировать мою одежду было нетрудно; мою походку и манеры онъ также перенялъ очень быстро, и, несмотря на свой физическій недостатокъ, съумѣлъ поддѣлаться даже подъ мой голосъ. Разумѣется, онъ не могъ передать звукъ моего голоса, но интонацію перенялъ въ совершенствѣ; и его обычный шопотъ былъ только эхомъ моего.

Какъ жестоко терзалъ меня этотъ двойникъ (потому что его нельзя было назвать каррикатурой),—этого я и передать не въ силахъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня было то, что никто не замѣчалъ этого передразниванія и я одинъ понималъ значительныя и саркастическія усмѣшки моего однофамильца. Довольный тѣмъ, что удалось произвести на меня желаемое впечатлѣніе, онъ втихомолку подсмѣивался надъ своей выдумкой и относился съ характернымъ пренебреженіемъ къ одобренію толпы, которое заслужилъ бы успѣхъ этой остроумной выдумки, если бы ее замѣтили. Какимъ образомъ остальные ученики не подмѣтили его плановъ, не обратили вниманія на ихъ исполненіе, не приняли участія въ его насмѣшкахъ, оставалось для меня загадкой въ теченіе многихъ мучительныхъ мѣсяцевъ. Можетъ быть, причиной тому была постепенность его копированія или, что вѣрнѣе, мастерство копировщика, который, оставляя въ сторонѣ детали (а ихъ только и замѣчають дюжинные наблюдатели), схватывалъ лишь общій характеръ для моего личнаго созерцанія и досады.

Я уже не разъ упоминалъ о покровительственномъ видѣ, который онъ принималъ по отношенію ко мнѣ, и о постоянномъ вмѣшательствѣ въ мои дѣла. Это вмѣшательство часто принимало ненавистную

форму совѣта—совѣта, высказаннаго не прямо, а намекомъ, обинякомъ. Я относился къ этому съ отвращеніемъ, которое возрастало съ годами. Но теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, я долженъ отдать ему справедливость: намеки моего противника никогда не имѣли цѣлью склонить меня къ ошибкамъ и заблужденіямъ, свойственнымъ его незрѣлому возрасту и кажущейся неопытности; моральное чувство его—если не вообще таланты и житейская мудрость—было развито тоньше, чѣмъ у меня; и, можетъ быть, я былъ бы нынѣ лучшимъ и слѣдовательно болѣе счастливымъ человѣкомъ, если бы порѣже отвергалъ совѣты, высказанные этимъ значительнымъ шопотомъ, который я такъ сердечно ненавидѣлъ и такъ злобно осмѣивалъ.

Какъ бы то ни было, этотъ неизмѣнный контроль доводилъ меня до остервенѣнія и я все съ большимъ и большимъ раздраженіемъ относился къ его, какъ мнѣ казалось, невыносимому нахальству. Я говорилъ, что въ первые годы нашего знакомства мои чувства къ нему легко могли бы превратиться въ дружбу; но въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ училищѣ—хотя его приставанія въ это время значительно ослабѣли—мое отношеніе къ нему въ такой же мѣрѣ приблизилось къ ненависти. Однажды онъ, какъ мнѣ кажется, замѣтилъ это, и съ тѣхъ поръ началъ избѣгать или дѣлать видъ, что избѣгаетъ меня.

Какъ разъ около этого времени—если память не обманываетъ меня — въ одной крупной ссорѣ, когда онъ, противно своей природѣ, разгорячился до того, что сталъ говорить и дѣйствовать напрямикъ, я замѣтилъ или мнѣ почудилось въ его акцентѣ, въ его тонѣ, въ его наружности нѣчто такое, что сначала поразило меня, а потомъ глубоко заинтересовало, пробудивъ въ моей душѣ тусклыя впечатлѣнія самаго ранняго дѣтства — дикій, смутный рой воспоминаній о такомъ времени, когда и память еще не зародилась. Я лучше всего передамъ это чувство, сказавъ, что съ трудомъ могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, будто мы уже встрѣчались съ этимъ человѣкомъ—встрѣчались когда-то давно, въ безконечно далекія времена. Впечатлѣніе это, впрочемъ, исчезло также быстро, какъ явилось, и я упоминаю о немъ лишь для того, чтобы отмѣтить день нашего послѣдняго разговора съ моимъ страннымъ однофамильцемъ.

Въ этомъ громадномъ старомъ домѣ съ его безчисленными закоулками было нѣсколько большихъ комнатъ, сообщавшихся одна съ другой и служившихъ спальнями для учениковъ. Тамъ было также (какъ и должно было случиться при такой странной распланировкѣ зданія) множество маленькихъ комнатокъ и клѣтушекъ, которыя изобрѣтательная экономія доктора Бренсби тоже превра-

тила въ спальни, хотя въ этихъ чуланахъ могло помѣщаться лишь по одному человѣку. Одну изъ такихъ клѣтушекъ занималъ Вильсонъ.

Однажды ночью, въ концѣ пятаго года школьной жизни, и тотчасъ послѣ упомянутой выше ссоры, ночью, когда всѣ спали, я всталъ съ постели и съ лампой въ рукахъ пробрался по лабиринту узкихъ корридоровъ къ спальнѣ моего соперника. Я давно уже обдумывалъ одну изъ тѣхъ злобныхъ шутокъ, которыя до сихъ поръ такъ упорно не удавались мнѣ. Теперь я рѣшился привести въ исполненіе мой планъ и дать моему сопернику почувствовать всю степень моей злобы. Добравшись до его комнатки, я вошелъ безъ шума, оставивъ лампу, прикрытую колпакомъ, за дверями. Войдя, я прислушался къ его спокойному дыханію. Убѣдившись, что онъ спитъ, я вернулся въ корридоръ, взялъ лампу и снова подошелъ къ его постели. Она была закрыта занавѣсками, которыя я спокойно, не торопясь, раздвинулъ: яркій свѣтъ лампы упалъ на спящаго и мои глаза въ ту же минуту устремились на его лицо. Я глядѣлъ на него и странное, ледяное чувство охватило меня. Моя грудь поднималась, колѣни дрожали, безпредметный, но невыносимый ужасъ обуялъ мою душу. Задыхаясь, я опустилъ лампу еще ближе къ его лицу. Неужели это черты Вильяма Вильсона? Я видѣлъ, что это дѣйствительно его черты, но дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, думая, что это не онѣ. Что же поразило меня до такой степени? Я смотрѣлъ, и тысячи безсвязныхъ мыслей проносились въ моемъ мозгу. Не такимъ, конечно, не такимъ онъ являлся въ обычное время. То же имя, тѣ же черты лица, тотъ же день поступленія въ училище, и затѣмъ его нелѣпое и безсмысленное подражаніе моей походкѣ, моему голосу, моимъ привычкамъ и моимъ манерамъ. Возможно-ли допустить, чтобы то, что я теперь видѣлъ, было простымъ результатомъ этого передразниванья. Пораженный ужасомъ, съ судорожной дрожью, я погасилъ лампу и тихонько удалился изъ комнаты, — и изъ школы, съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться въ нее.

Проведя нѣсколько мѣсяцевъ дома въ лѣнивой праздности, я поступилъ въ Итонъ. Этого короткаго промежутка времени было довольно, чтобы ослабить мои воспоминанія о школѣ доктора Бренсби или, по крайней мѣрѣ, существенно измѣнить чувство, съ которымъ я вспоминалъ о ней. Истины, трагедіи, драмы больше не было. Я могъ теперь усумниться въ свидѣтельствѣ моихъ чувствъ и если вспоминалъ иногда о своемъ послѣднемъ приключеніи, то лишь для того, чтобы подивиться человѣческому легковѣрію и посмѣяться надъ живостью воображенія, переданнаго мнѣ по наслѣдству. Это скептическое настроеніе не могло быть ослаблено тѣмъ

образомъ жизни, который я велъ въ Итонѣ. Безумный разгулъ, которому я предался такъ быстро и безъ оглядки, смылъ всѣ воспоминанія прошлой жизни, потопилъ всѣ глубокія или серьезныя впечатлѣнія, оставляя только пустыя и ничтожныя.

Я не стану описывать моего жалкаго безпутства, доходившаго до прямого вызова закону, хотя мнѣ удавалось обходить бдительность итонскихъ властей. Три года прошли для меня безъ всякой пользы, укоренивъ только привычку къ пороку, да значительно прибавивъ мнѣ росту, когда однажды, послѣ цѣлой недѣли безпутнаго разгула, я пригласилъ небольшую компанію самыхъ отчаянныхъ студентовъ на тайную пирушку. Мы сходились поздно вечеромъ, такъ какъ наша гульба неизмѣнно продолжалась до утра. Вино лилось рѣкою, не было недостатка и въ другихъ, быть можетъ, болѣе опасныхъ развлеченіяхъ, такъ что востокъ уже посѣрѣлъ, когда у насъ еще стоялъ пиръ горой. Разгоряченный виномъ и картами, я собирался провозгласить крайне нечестивый тостъ, когда вниманіе мое было внезапно привлечено быстро пріотворившейся дверью и тревожнымъ голосомъ слуги. Онъ объявилъ, что какой-то человѣкъ требуетъ меня по дѣлу, повидимому, очень спѣшному.

Въ моемъ возбужденномъ состояніи это неожиданное посѣщеніе скорѣе развлекло, чѣмъ удивило меня. Пошатываясь, я вышелъ въ переднюю. Въ ней не было лампы, она освѣщалась только слабымъ свѣтомъ наступающаго утра, чуть брезжившимъ въ полукруглое окно. Переступивъ черезъ порогъ, я замѣтилъ фигуру молодого человѣка приблизительно моего роста, въ бѣломъ утреннемъ костюмѣ, сшитомъ по тогдашней модѣ, такомъ же, какой былъ въ эту минуту на мнѣ. Я не могъ разсмотрѣть черты его лица. Лишь только я вошелъ, онъ бросился ко мнѣ, нетерпѣливо схватилъ меня за руку и шепнулъ мнѣ на ухо:—Вильямъ Вильсонъ!

Я отрезвѣлъ въ то же мгновеніе.

Въ манерахъ этого незнакомца, въ дрожащемъ пальцѣ, которымъ онъ грозилъ мнѣ, было что-то, ошеломившее меня; но не этимъ я былъ такъ страшно взволнованъ. Торжественность, выразительность этого страннаго, низкаго, шипящаго голоса и, главное, характеръ, интонація этихъ немногихъ, простыхъ знакомыхъ, но произнесенныхъ шепотомъ словъ, разомъ вызвали тысячи смутныхъ воспоминаній давно минувшаго времени и поразила мою душу точно ударъ гальванической батареи. Прежде чѣмъ я успѣлъ очнуться, онъ исчезъ.

Этотъ случай оказалъ сильное, но быстро изгладившееся, дѣйствіе на мое разстроенное воображеніе. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я старался разобраться въ немъ или предавался угрю-

мымъ и туманнымъ размышленіямъ. Я не могъ не признать страннаго субъекта, который такъ упорно вмѣшивался въ мои дѣла и надоѣдалъ мнѣ своими двусмысленными совѣтами. Но кто и что такое этотъ Вильсонъ? и откуда онъ взялся? и чего ему нужно? Ни одного изъ этихъ пунктовъ я не могъ себѣ выяснить, узналъ только, что какое-то семейное несчастіе заставило его покинуть школу доктора Бренсби на другой день послѣ моего бѣгства. Впрочемъ, я скоро забылъ о немъ, поглощенный предстоявшимъ мнѣ переѣздомъ въ Оксфордъ. Вскорѣ я поступилъ туда. Неразсчетливое тщеславіе моихъ родителей снабдило меня такими средствами, что я могъ вести роскошную жизнь, уже дорогую моему сердцу—жизнь безумной расточительности въ обществѣ высокомѣрнѣйшихъ наслѣдниковъ первыхъ богачей Великобританіи.

При такихъ условіяхъ моя натура развернулась съ удвоеннымъ пыломъ и я пренебрегалъ даже элементарными требованіями приличія въ безуміи моего разгула. Но было бы нелѣпо описывать подробно мои похожденія. Довольно сказать, что я заткнулъ за поясъ самыхъ отчаянныхъ бездѣльниковъ и, какъ авторъ множества новыхъ безумствъ, значительно увеличилъ списокъ пороковъ, обычныхъ въ самомъ распущенномъ изъ европейскихъ университетовъ.

Трудно повѣрить, однако, что я уже здѣсь до того опустился, до того утратилъ достоинства джентльмена, что сталъ якшаться съ самымъ низменнымъ сортомъ профессіональныхъ игроковъ, перенялъ всѣ ихъ пріемы и пользовался ими для увеличенія моихъ доходовъ насчетъ простаковъ-товарищей. Тѣмъ не менѣе это фактъ; и самая чудовищность подобнаго поведенія, немыслимаго для мало-мальски порядочнаго человѣка, была главной, если не единственной, причиной его безнаказанности. Кто среди самыхъ безпутныхъ моихъ товарищей, кто не усумнился бы въ своихъ собственныхъ чувствахъ, прежде чѣмъ заподозрить въ подобныхъ поступкахъ веселаго, честнаго, щедраго Вильяма Вильсона—благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ коммонеровъ Оксфорда—чьи безумства (говорили его паразиты) только увлеченія юности и необузданной фантазіи, ошибки, только неподражаемое своенравіе,—а худшій изъ пороковъ только беззаботная и блестящая эксцентричность?

Два года я съ успѣхомъ подвизался на этомъ поприщѣ, когда поступилъ въ университетъ молодой аристократъ parvenu, Глендиннингъ, богатый—гласила молва—какъ Крезъ. Я скоро убѣдился, что онъ очень недалекій малый и, разумѣется, намѣтилъ его въ качествѣ подходящаго субъекта для моего искусства. Я часто приглашалъ его поиграть въ карты и, какъ водится, проигрывалъ порядочныя суммы, чтобы вѣрнѣе заманить его въ мои сѣти.

Наконецъ, подготовивъ почву, я встрѣтился съ нимъ (заранѣе рѣшивъ, что эта встрѣча будетъ окончательной и рѣшительной) въ помѣщеніи одного коммонера (мистера Престона), который хорошо зналъ насъ обоихъ, но, надо ему отдать справедливость, не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія насчетъ моего замысла. Желая обладить его получше, я искусно назвался къ мистеру Престону на вечеръ, часамъ къ восьми, къ десяти, и позаботился, чтобы карты явились случайно, по просьбѣ самого Глендиннинга. Словомъ, я не упустилъ изъ вида ни одной изъ тѣхъ низкихъ хитростей, которыя неизмѣнно пускаются въ ходъ въ подобныхъ случаяхъ, такъ что можно только удивляться, какъ еще не перевелись дураки, которые поддаются имъ.

Мы засидѣлись далеко за полночь и въ концѣ концовъ мнѣ удалось устроить такъ, что Глендиннингъ остался моимъ единственнымъ противникомъ. Игра была моя любимая: écarté. Остальная компанія, заинтересованная нашей крупной игрой, бросила карты, и столпилась вокругъ насъ. Parvenu, котораго мнѣ удалось незамѣтнымъ образомъ напоить въ началѣ вечера, тасовалъ, сдавалъ, бросалъ карты съ какимъ-то судорожнымъ волненіемъ, которое я только отчасти могъ объяснить дѣйствіемъ вина. Задолжавъ мнѣ въ самое короткое время значительную сумму, онъ залпомъ выпилъ стаканъ портвейна, и сдѣлалъ то, чего я давно ожидалъ: предложилъ удвоить нашу и безъ того огромную ставку. Я согласился съ неохотой—очень искусно разыгранной—и лишь послѣ того какъ мои отказы вызвали съ его стороны нѣсколько рѣзкихъ словъ, придававшихъ оттѣнокъ досады моему согласію. Результатъ, разумѣется, только доказалъ, какъ основательно жертва запуталась въ моихъ сѣтяхъ: не прошло часа, какъ его долгъ учетверился. Лицо его, давно уже утратившее багровую окраску, вызванную виномъ, теперь, къ моему изумленію, покрылось страшной блѣдностью. Я говорю: къ моему изумленію. Мнѣ наговорили Богъ знаетъ чего о несмѣтномъ богатствѣ Глендиннинга, и я былъ въ полной увѣренности, что его проигрышъ, хотя и весьма значительный, не можетъ сколько-нибудь серьезно разстроить его, не говоря уже о такомъ страшномъ волненіи. Въ первую минуту я готовъ былъ объяснить его состояніе дѣйствіемъ вина и, скорѣе для того, чтобы поддержать себя въ глазахъ товарищей, чѣмъ изъ какого-либо менѣе эгоистическаго мотива, собирался рѣшительно потребовать прекращенія игры. Но отрывочныя замѣчанія моихъ товарищей и отчаянное восклицаніе Глендиннинга дали мнѣ понять, что я раззорилъ моего партнера при обстоятельствахъ, которыя, сдѣлавъ его предметомъ сожалѣнія всѣхъ окружающихъ, должны были избавить его отъ всякихъ выходокъ даже со стороны врага.

Не берусь описать свое состоянiе. Жалкое состоянiе моей жертвы привело всѣхъ въ смущенiе, на нѣсколько минутъ воцарилось глубокое молчанiе, и я чувствовалъ, что мои щеки горятъ отъ гнѣвныхъ и негодующихъ взглядовъ наиболѣе порядочныхъ изъ гостей. Признаюсь даже, что тяжесть невыносимаго безпокойства на мгновенiе свалилась съ моего сердца при внезапномъ и необычайномъ перерывѣ, о которомъ сейчасъ разскажу. Большiя тяжелыя двери комнаты распахнулись такъ порывисто, что всѣ свѣчи разомъ, точно по волшебству, погасли въ комнатѣ. Мы успѣли только замѣтить, что въ комнату вошелъ какой-то незнакомецъ, приблизительно моего роста, закутанный въ шубу. Но тутъ наступила темнота и мы могли только чувствовать, что онъ стоитъ среди насъ. Прежде чѣмъ кто-нибудь изъ насъ успѣлъ опомниться отъ изумленiя, мы услышали голосъ незнакомца:

— Джентльмены,—сказалъ онъ, низкимъ, тихимъ, слишкомъ хорошо знакомымъ мнѣ шопотомъ, звукъ котораго потрясъ меня до мозга костей,—джентльмены, я не стану извиняться въ своемъ поступкѣ, потому что, поступая такимъ образомъ, я только исполняю свой долгъ. Вы, безъ сомнѣнiя, недостаточно знаете человѣка, который сегодня вечеромъ выигралъ въ écarté значительную сумму у лорда Глендиннинга. Я укажу, какимъ образомъ вы можете получить о немъ необходимыя свѣдѣнiя. Потрудитесь осмотрѣть подкладку его обшлага на лѣвомъ рукавѣ и заглянуть въ помѣстительные карманы его шитаго шлафрока.

Пока онъ говорилъ, стояла такая тишина, что муху было бы слышно. Кончивъ, онъ исчезъ такъ же внезапно, какъ появился. Могу-ли—рѣшусь-ли описать мои чувства? Нужно-ли говорить, что я испытывалъ всѣ ужасы адскихъ мукъ? Разумѣется, мнѣ некогда было размышлять. Множество рукъ схватили меня, свѣчи были тотчасъ зажжены. Начался обыскъ. За обшлагомъ оказались фигуры, важныя для écarté, въ карманахъ нѣсколько колодъ, facsimile тѣхъ, которыя употреблялись въ нашей игрѣ, съ тѣмъ единственнымъ различiемъ, что мои принадлежали къ типу, извѣстному подъ техническимъ названiемъ arrondées: онеры слегка выпуклые на концахъ, простыя карты, слегка выпуклыя на краяхъ. При такихъ колодахъ обманутый, который рѣжетъ по принятому обычаю вдоль колоды, неизмѣнно даетъ своему противнику онера, а тотъ, обрѣзая поперекъ, не даетъ партнеру ничего.

Самый бѣшеный взрывъ негодованiя подѣйствовалъ бы на меня не такъ ужасно, какъ презрительное молчанiе или саркастическое спокойствiе, которымъ сопровождалось изобличенiе моихъ плутней.

— Мистеръ Вильсонъ,—сказалъ нашъ хозяинъ, толкнувъ ногой

великолѣпную шубу.—Мистеръ Вильсонъ, это ваша собственность.—(Погода стояла холодная и, отправляясь въ гости, я надѣлъ шубу). Полагаю, что намъ не нужно болѣе (при этомъ онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на складки дорогого мѣха) искать доказательствъ вашего искусства. Довольно съ насъ. Надѣюсь, что вы сами сочтете необходимымъ оставить Оксфордъ,—и во всякомъ случаѣ оставить немедленно мою комнату.

Раздавленный, смѣшанный съ грязью, я по всей вѣроятности отвѣтилъ бы на эту ядовитую рѣчь личнымъ оскорбленіемъ, если бы все мое вниманіе въ эту минуту не было привлечено поразительнымъ фактомъ. Моя шуба была изъ рѣдкаго, дорогого мѣха, почти баснословной цѣны,—фантастическаго покроя, изобрѣтеннаго мною самимъ, такъ какъ я питалъ нелѣпое пристрастіе къ подобнаго рода франтовству. И вотъ, когда мистеръ Престонъ протянулъ мнѣ шубу, поднявъ ее съ пола у дверей, я замѣтилъ съ изумленіемъ, доходившимъ до ужаса, что моя уже виситъ на моей рукѣ (безъ сомнѣнія, я поднялъ ее машинально), а та, которую мнѣ предлагаютъ, представляетъ ея точную до мельчайшихъ подробностей копію. Я очень хорошо помнилъ, что странный человѣкъ, такъ безжалостно выдавшій меня, былъ въ шубѣ, а изъ нашей компаніи ни у кого, кромѣ меня, таковой не было. Опомнившись, я взялъ ту, которую протягивалъ мнѣ мистеръ Престонъ, накинулъ ее незамѣтно на свою, и вышелъ съ презрительной усмѣшкой, а на разсвѣтѣ бѣжалъ изъ Оксфорда на континентъ,—бѣжалъ въ агоніи ужаса и стыда.

Тщетно бѣжалъ я. Моя злая судьба преслѣдовала меня съ какой-то бѣшеной радостью, доказывавшей, что ея таинственная власть только начинала осуществляться. Не успѣлъ я оглянуться въ Парижѣ, какъ уже получилъ ясное доказательство, что этотъ Вильсонъ продолжаетъ мѣшаться въ мои дѣла. Прошли годы, а я не зналъ минуты покоя. Негодяй!—какъ некстати и съ какой адской назойливостью онъ становился между мною и моими честолюбивыми замыслами въ Римѣ! Въ Вѣнѣ—тоже, и въ Берлинѣ, и въ Москвѣ! Гдѣ только ни приходилось мнѣ проклинать его въ глубинѣ моего сердца? Отъ его неизъяснимой тираніи, я бѣжалъ, какъ отъ чумы, въ паническомъ ужасѣ, на край свѣта—но тщетно бѣжалъ я.

Снова и снова, въ тайной бесѣдѣ съ самимъ собою, я спрашивалъ:—Кто онъ?.. откуда явился?.. что ему нужно?.. Но отвѣта не было. Я анализировалъ до мельчайшихъ подробностей пріемы, способы, основныя черты этого наглаго вмѣшательства. Но и тутъ немного было матеріала для заключеній. Правда, я замѣтилъ, что въ послѣднее время онъ становился мнѣ поперекъ дороги только

въ тѣхъ случаяхъ, разрушалъ только такіе планы, мѣшалъ только такимъ дѣйствіямъ,—осуществленіе которыхъ могло бы привести къ еще худшимъ послѣдствіямъ для меня. Слабое оправданіе для власти, такъ нагло захваченной! Слабая награда за такое упорное, оскорбительное нарушеніе естественнаго права самодѣятельности!

Я не могъ не замѣтить также, что мой мучитель (продолжая до мелочей и съ изумительною точностью передразнивать мой костюмъ) ухитрялся являться съ своимъ вмѣшательствомъ такъ, что я ни разу не видѣлъ его лица. Кто бы онъ ни былъ—это во всякомъ случаѣ было съ его стороны чистое кривлянье или глупость. Не могъ же онъ предположить, что я не узнаю въ Итонскомъ гостѣ, явившемся ко мнѣ съ угрозой, въ Оксфордскомъ незнакомцѣ, погубившемъ мою честь, въ томъ, кто уничтожилъ мои честолюбивые планы въ Римѣ, мои мстительные замыслы въ Парижѣ, мою страстную любовь въ Неаполѣ, мои попытки обогащенія въ Египтѣ,—что я не узнаю въ немъ, моемъ лютомъ врагѣ и зломъ геніи, Вильяма Вильсона школьныхъ дней—моего однофамильца, товарища, соперника, ненавистнаго и страшнаго соперника въ школѣ д-ра Бренсби? Невозможно. Но поспѣшимъ перейти къ послѣдней и важнѣйшей сценѣ этой драмы.

До сихъ поръ я безпрекословно подчинялся его власти. Чувство глубокаго почтенія къ возвышенному характеру, величавой мудрости, кажущемуся всемогуществу и вездѣсущію Вильсона, въ связи съ ужасомъ, который внушали мнѣ нѣкоторыя другія черты его характера и притязаній, до того импонировали мнѣ, что убѣжденный въ своей слабости и безпомощности, я съ отвращеніемъ, съ горечью, но безпрекословно покорялся его волѣ. Но въ послѣднее время я безъ удержу предался вину, и его вліяніе въ соединеніи съ моимъ наслѣдственнымъ темпераментомъ заставляли меня все сильнѣе и сильнѣе возмущаться этимъ контролемъ. Я начиналъ роптать... медлить... сопротивляться. Было-ли это на самомъ дѣлѣ или мнѣ только казалось, что съ укрѣпленіемъ моей воли ослабѣвала воля моего мучителя? Не знаю, но надежда загорѣлась въ моемъ сердцѣ и я лелѣялъ въ мысляхъ твердое и отчаянное рѣшеніе отдѣлаться отъ этого рабства.

Во время карнавала 18.. въ Римѣ, я былъ однажды на маскарадѣ въ палаццо неаполитанскаго герцога ди-Брогліо. Я выпилъ больше чѣмъ обыкновенно, и удушливая атмосфера переполненныхъ гостями комнатъ раздражала меня свыше мѣры. Давка и толкотня еще усиливали это раздраженіе; тѣмъ болѣе, что я отыскивалъ (не стану говорить, съ какимъ недостойнымъ умысломъ) молодую, веселую красавицу, жену стараго выжившаго изъ ума ди-Брогліо. Она сама, съ слишкомъ недвусмысленной откровенностью, зара-

нѣе описала мнѣ свой костюмъ. Замѣтивъ его, наконецъ, я поспѣшилъ къ ней. Въ эту минуту чья-то рука опустилась на мое плечо и вѣчно памятный, низкій, проклятый шопотъ раздался въ моихъ ушахъ.

Внѣ себя отъ бѣшенства я обернулся и схватилъ моего гонителя за воротъ. Какъ я и ожидалъ, на немъ былъ такой же костюмъ, какъ на мнѣ: голубой бархатный испанскій плащъ, опоясанный пунцовымъ шарфомъ, на которомъ висѣла шпага. Черная шелковая маска совершенно закрывала его лицо.

— Мерзавецъ!—прошипѣлъ я, задыхаясь отъ злобы и чувствуя, что каждый слогъ, который я произношу, усиливаетъ мое бѣшенство,—мерзавецъ! предатель! гнусный негодяй! ты не будешь,—нѣтъ, ты не будешь, преслѣдовать меня до смерти! Слѣдуй за мной, или я заколю тебя на мѣстѣ!—и я бросился изъ залы въ сосѣднюю комнату, увлекая за собой моего врага.

Войдя, я съ бѣшенствомъ отшвырнулъ его отъ себя. Онъ ударился о стѣну, а я съ ругательствомъ заперъ дверь и потребовалъ, чтобы онъ обнажилъ шпагу. Онъ помедлилъ съ минуту, слегка вздохнулъ и молча приготовился къ защитѣ.

Поединокъ былъ непродолжителенъ. Воспламененный бѣшенствомъ, я чувствовалъ въ своей рукѣ энергію и силу тысячи бойцовъ. Въ одну секунду я загналъ его къ стѣнѣ и, поставивъ въ безвыходное положеніе, съ звѣрской жестокостью вонзилъ свою шпагу въ его грудь,—потомъ еще, и еще.

Въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь. Я опомнился и поспѣшилъ къ умирающему противнику. Но можетъ-ли человѣческій языкъ передать изумленіе, ужасъ, охватившіе меня при видѣ зрѣлища, внезапно представшаго передо мною. Въ то мгновеніе, когда я обернулся къ двери, странная перемѣна произошла въ комнатѣ. Огромное зеркало—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ—котораго я не замѣчалъ раньше, стояло передо мною; и между тѣмъ какъ я приближался къ нему внѣ себя отъ ужаса, мое собственное изображеніе, только съ блѣдными и окровавленными чертами, выступало мнѣ навстрѣчу неровнымъ и невѣрнымъ шагомъ.

Такъ мнѣ казалось, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Это мой противникъ, Вильсонъ, стоялъ передо мною въ послѣдней агоніи. Его маска и плащъ, лежали на полу тамъ же, гдѣ онъ бросилъ ихъ. Каждая мелочь въ его костюмѣ, каждая черта въ его выразительномъ и странномъ лицѣ, до полнаго абсолютнаго тождества были мои собственныя.

Это былъ Вильсонъ; но онъ говорилъ такимъ неслышнымъ шопотомъ, что я могъ бы вообразить, будто самъ произнесъ эти слова:

— Ты побѣдилъ и я сдаюсь! Но отнынѣ ты тоже умеръ—умеръ для Міра, для Небесъ, для Надежды! Во мнѣ ты существовалъ—и убѣдись по этому образу, твоему собственному, что моей смертью ты убилъ самого себя.

Береника.

Dicebant mihi sodales, si sepulchrum amicae visitarem, curas meas aliquantulum fore levates. Ebn Zaiat*).

Несчастіе многообразно. Земное горе является въ безчисленныхъ формахъ. Охватывая обширный горизонтъ подобно радугѣ, оно блистаетъ столь же разнообразными, столь же яркими, столь же ослѣпительными оттѣнками! Охватывая обширный горизонтъ подобно радугѣ! Какъ могъ я красоту избрать масштабомъ безобразія, символъ мира—олицетвореніемъ скорби! Но какъ въ моральной области зло является послѣдствіемъ добра, такъ изъ радости родится горе. Горе настоящаго дня—или воспоминаніе о минувшемъ блаженствѣ, или агонія, проистекающая изъ экстаза, который могъ бы быть.

Я крещенъ Эгеемъ, а о фамиліи своей умолчу. Но въ нашей мѣстности нѣтъ зданія древнѣе моего угрюмаго, сѣраго, родоваго замка. Мои предки пріобрѣли репутацію ясновидящихъ; и многія особенности въ характерѣ замка, въ фрескахъ главной залы, въ драпировкахъ спаленъ, въ рѣзныхъ украшеніяхъ оружейной, а главное, въ галлереѣ старинныхъ картинъ, въ устройствѣ библіотеки, и подборѣ книгъ—оправдывали эту репутацію.

Воспоминанія моего ранняго дѣтства связаны съ этой послѣдней комнатой и ея томами, о которыхъ я не стану распространяться. Здѣсь умерла моя мать. Здѣсь я родился. Но и говорить нечего, что я жилъ раньше, что душа уже существовала въ другой оболочкѣ. Вы отрицаете это? не стану спорить. Самъ будучи убѣжденъ, я не стараюсь убѣдить другихъ. Но есть воспоминаніе о воздушныхъ формахъ, о неземныхъ и глубокихъ глазахъ, о музыкальныхъ, но грустныхъ звукахъ; воспоминаніе неизгладимое, смутное, измѣнчивое, непостоянное и неопредѣленное, какъ тѣнь. И какъ тѣнь же оно не разстанется со мной, пока будетъ существовать свѣтъ моего разума.

Въ этой комнатѣ я родился. Удивительно-ли, что, пробудившись послѣ долгой ночи, разставшись съ сумракомъ того, что казалось небытіемъ, и вступивъ въ волшебное царство свѣтлыхъ видѣній,

*) Мнѣ говорили товарищи, что если я навѣщу могилу подруги, горе мое облегчится. Ebn Zaiat.

въ чертогъ воображенія, въ суровыя владѣнія отшельнической мысли и эрудиціи,—я оглядывался изумленными и жадными глазами, проводилъ дѣтство за книгами, а юношескіе годы въ мечтахъ? Но то удивительно, что съ годами, когда расцвѣтъ мужества засталъ меня въ замкѣ моихъ предковъ, источники моей жизни точно изсякли и полный переворотъ произошелъ въ характерѣ моего мышленія. Явленія реальнаго міра дѣйствовали на меня, какъ призраки и только какъ призраки, а дикія грезы воображенія сдѣлались не только содержаніемъ моей повседневной жизни, но и самой этой жизнью, въ ея существѣ.

* * *

Береника была моя двоюродная сестра и мы росли вмѣстѣ въ моемъ отеческомъ домѣ. Но мы не одинаково росли: я, болѣзненный и погруженный въ печаль, она живая, бойкая, полная энергіи. Ей бѣготня по холмамъ, мнѣ занятія въ монашеской кельѣ. Я, поглощенный жизнью своего сердца, душою и тѣломъ прикованный къ упорнымъ и тягостнымъ размышленіямъ; она безпечно отдавшаяся жизни, не заботясь о тѣняхъ на ея тропинкѣ, о безмолвномъ полетѣ ея крылатыхъ часовъ. Береника! я называю ея имя—Береника!—и изъ сѣрыхъ развалинъ памяти вылетаетъ при этомъ звукѣ безпорядочный рой впечатлѣній! Ахъ, ея образъ возстаетъ передо мною такъ же ясно, какъ въ былые дни ея свѣтлаго веселья. О, пышная, но фантастическая красота! О, сильфа кустарниковъ Арнгейма! О, наяда его ручьевъ! А затѣмъ,—затѣмъ все тайна и ужасъ, и сказка, которой не надлежало бы быть разсказанной. Болѣзнь, роковая болѣзнь, настигла ее какъ самумъ; и на глазахъ у меня духъ перемѣны вѣялъ надъ нею, захватывая ея умъ, ея привычки, ея манеры и разрушая, непримѣтно и ужасно, самое тождество ея личности! Увы! разрушитель явился и ушелъ! а жертва, что съ ней сталось? Я не узнавалъ ея, или не узнавалъ въ ней Беренику!

Въ длинной вереницѣ болѣзней, послѣдовавшихъ за этимъ роковымъ и первоначальнымъ недугомъ, такъ страшно измѣнившимъ физически и морально мою кузину, заслуживаетъ упоминанія одна въ высшей степени печальная и упорная: родъ эпилепсіи, нерѣдко заканчивавшейся трансомъ—очень близко напоминавшимъ подлинную смерть, за которымъ слѣдовало пробужденіе, въ большинствѣ случаевъ внезапное. Тѣмъ временемъ моя собственная болѣзнь быстрѣе развивалась и въ концѣ концовъ приняла характеръ новой и необычайной мономаніи—усиливавшейся не по днямъ, а по часамъ—и въ результатѣ пріобрѣтшей надо мной непонятную власть. Эта мономанія—если можно такъ назвать ее, состояла въ болѣзненной раздражительности тѣхъ свойствъ духа, которыя въ

метафизикѣ называются вниманіемъ. По всей вѣроятности, меня не поймутъ; но я боюсь, что мнѣ никоимъ образомъ не удастся сообщить обыкновенному читателю точное представленіе о той болѣзненной интенсивности интереса, съ которой мои мыслительныя способности (не въ смыслѣ техническомъ) предавались и поглощались созерцаніемъ самыхъ обыкновенныхъ явленій внѣшняго міра. Размышлять по цѣлымъ часамъ надъ какой-нибудь вздорной фигурой или особенностью шрифта въ книгѣ; проводить лучшую часть лѣтняго дня въ созерцаніи причудливой тѣни на обояхъ или на полу; слѣдить цѣлую ночь, не спуская глазъ, за пламенемъ лампы или искрами въ каминѣ; грезить по цѣлымъ днямъ надъ ароматомъ цвѣтка; повторять какое-нибудь самое обыкновенное слово, пока, отъ частаго повторенія, оно не перестанетъ вызывать какую бы то ни было идею въ умѣ; утрачивать всякое сознаніе движенія или физическаго существованія посредствомъ абсолютнаго тѣлеснаго покоя, продолжительнаго и упорнаго,—вотъ нѣкоторыя изъ самыхъ обыкновенныхъ и наименѣе гибельныхъ причудъ, вызванныхъ этимъ состояніемъ душевныхъ способностей, быть можетъ, не безпримѣрнымъ, но во всякомъ случаѣ недоступнымъ анализу или объясненію. Но сдѣлаю оговорку, во избѣжаніе недоразумѣній. Это ненужное, серьезнѣйшее и болѣзненное вниманіе, возбуждаемое ничтожными предметами, не слѣдуетъ смѣшивать съ способностью забываться въ размышленіяхъ, свойственной всѣмъ вообще людямъ, а въ особенности тѣмъ, кто одаренъ пылкимъ воображеніемъ. Оно не было также, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, крайнимъ проявленіемъ той же способности, но существенно и въ самой основѣ отличалось отъ нея. Мечтатель или энтузіастъ, заинтересовавшись какимъ-нибудь объектомъ, большею частью не ничтожнымъ, незамѣтно теряетъ его изъ виду въ вихрѣ размышленій и выводовъ, и въ заключеніе этого сна на яву, часто исполненнаго роскошныхъ видѣній, убѣждается, что incitamentum или первая причина его размышленій совершенно забыта и стерта. Мое же вниманіе всегда привлекалъ ничтожный объектъ, правда, принимавшій неестественные размѣры въ моихъ болѣзненныхъ грезахъ. Я не дѣлалъ никакихъ выводовъ или очень немногіе—и они упорно вращались около первоначальнаго объекта. Мои размышленія никогда не были пріятными и при окончаніи моихъ грезъ первая причина не только не исчезала, но пріобрѣтала неестественный интересъ, представлявшій главную отличительную черту моей болѣзни. Словомъ, у меня дѣйствовала главнымъ образомъ способность вниманія, а не спекулятивная, какъ у мечтателя.

Мое тогдашнее чтеніе въ то время, если не усиливало недугъ, то

во всякомъ случаѣ своей фантастичностью и непослѣдовательностью подходило къ этому недугу. Я припоминаю, въ числѣ другихъ книгъ, трактатъ благороднаго итальянца Целія Секунда Куріона: «De Amplitudine Beati Regni Dei»; великое твореніе Блаж. Августина: «О государствѣ Божіемъ», и Тертуліана «De Carne Christi», парадоксальное изрѣченіе котораго: «Mortuus est Dei filius; credibile est, quia ineptum est; et sepultus resurrexit; certum est quia impossibile est»— стоило мнѣ многихъ недѣль упорнаго, но безплоднаго размышленія.

Такимъ образомъ, мой разсудокъ, равновѣсіе котораго постоянно нарушалось самыми пустыми вещами, сталъ походить на утесъ, описанный Птоломеемъ Гефестіономъ, утесъ, который упорно противостоитъ человѣческому насилію и еще болѣе свирѣпому бѣшенству волнъ и вѣтра, и дрожитъ только отъ прикосновенія цвѣтка, называемаго златоцвѣтъ. И хотя поверхностный человѣкъ можетъ подумать, что измѣненія, порожденныя болѣзнью въ моральномъ существѣ Береники, часто служили объектомъ для той ненормальной и упорной мечтательности, природу которой я старался уяснить,—но въ дѣйствительности этого не было. Правда, въ минуты просвѣтленія, во время перерывовъ моей болѣзни, ея несчастіе мучило меня, и принимая глубоко къ сердцу гибель этой свѣтлой и прекрасной жизни, я часто и съ горечью размышлялъ надъ причинами такой странной и внезапной перемѣны. Но эти размышленія не имѣли ничего общаго съ моей болѣзнью и ничѣмъ не отличались отъ мыслей, которыя явились бы у всякаго при подобныхъ обстоятельствахъ. Сообразно своей природѣ, моя болѣзненная мечтательность останавливалась на менѣе важныхъ, но болѣе разительныхъ физическихъ измѣненіяхъ, которыми сопровождалась болѣзнь Береники.

Въ дни расцвѣта ея несравненной красоты, я, безъ сомнѣнія, не былъ влюбленъ въ нее. По странной аномаліи моей природы, мои чувства никогда не были чувствами сердца, и мои страсти всегда были головными. Въ полусвѣтѣ ранняго утра, въ причудливыхъ узорныхъ тѣняхъ лѣса, въ тиши моей библіотеки,—она рѣяла передъ моими глазами и я видѣлъ ее—не живую и дышащую Беренику, а Беренику тѣнь; не земное, плотское существо, а абстракцію этого существа; не объектъ восхищенія, а объектъ анализа; не предметъ любви, а тему запутанныхъ и безсвязныхъ размышленій. А теперь,—теперь я дрожалъ въ ея присутствіи и блѣднѣлъ при ея приближеніи; и, горько сокрушаясь объ ея отчаянномъ положеніи, вспоминалъ, что она любила меня давно и что въ несчастную минуту я предложилъ ей руку.

Приближался день нашей свадьбы, когда однажды зимою, подъ вечеръ, въ одинъ изъ тѣхъ необычайно теплыхъ, тихихъ и ту-

манныхъ дней, которые называются няньками прекрасной Альціоны *),—я сидѣлъ (и сидѣлъ, какъ мнѣ кажется, одинъ), въ библіотекѣ. Но, поднявъ глаза, я увидѣлъ передъ собой Беренику.

Мое-ли разстроенное воображеніе или туманная атмосфера, или обманчивый полусвѣтъ сумерекъ, или сѣрая одежда, ниспадавшая вокругъ ея фигуры, придавали ей такія неясныя, колеблющіяся очертанія.

Она молчала, а я... я не могъ бы выговорить слова ни за что на свѣтѣ. Ледяной холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу; чувство невыносимаго безпокойства томило меня; пожирающее любопытство заполонило мою душу; и, откинувшись на спинку стула, я нѣсколько времени сидѣлъ не шевелясь, затаивъ дыханіе и не спуская глазъ съ ея фигуры. Увы! какъ она исхудала, никакихъ слѣдовъ прежняго существа не оставалось хотя бы въ одной линіи ея очертаній. Наконецъ, мои пламенные взоры остановились на ея лицѣ.

Лобъ былъ высокій, блѣдный и необычайно ясный; прядь черныхъ волосъ свѣшивалась надъ нимъ, бросая тѣнь на впалые виски, съ безчисленными мелкими локонами, теперь ярко-желтыми и представлявшими своей фантастичностью рѣзкій контрастъ съ печальнымъ выраженіемъ лица. Глаза безъ жизни, безъ блеска, казались лишенными зрачковъ, и я невольно перевелъ взглядъ на тонкія, искривленныя губы. Онѣ раздвинулись; и зубы измѣнившейся Береники медленно выступили передо мною въ загадочной улыбкѣ. Лучше бы мнѣ никогда не видать ихъ или, увидѣвъ, умереть!

* *
*

Звукъ затворившейся двери заставилъ меня встрепенуться и, оглянувшись, я увидѣлъ, что моя кузина оставила комнату. Но безпорядочную комнату моего мозга не оставилъ, увы! и не могъ быть изгнанъ изъ нея блѣдный и зловѣщій призракъ зубовъ. Ни единое пятнышко на ихъ поверхности, ни одна тѣнь на ихъ эмали, ни одна зазубринка на ихъ краяхъ—все это запечатлѣлось въ моей памяти въ короткій промежутокъ ея улыбки. Я видѣлъ ихъ теперь даже еще отчетливѣе, чѣмъ тогда. Зубы! зубы! Они были здѣсь, и тамъ, и повсюду передо мною; длинные, узкіе, необычайно бѣлые, окаймленные линіей губъ, какъ въ ужасный моментъ ихъ появленія. Моя мономанія превратилась въ бѣшенство и я тщетно боролся съ ея страннымъ и непреодолимымъ вліяніемъ. Въ безчисленныхъ объектахъ внѣшняго міра я видѣлъ только зубы. По нимъ я бе-

---

*) „Юпитеръ посылаетъ зимою два раза по семи теплыхъ дней и люди назвали это мягкое теплое время нянькою прекрасной Альціоны“. Симонидъ.

зумно тосковалъ. Всѣ другія дѣла, всѣ другіе интересы исчезли въ этомъ вѣчномъ созерцаніи зубовъ. Они... одни они носились передъ моими духовными очами; на нихъ сосредоточилась вся моя духовная жизнь. Ихъ видѣлъ я при всевозможныхъ освѣщеніяхъ, во всевозможныхъ положеніяхъ. Я составлялъ ихъ характеристику. Я разбиралъ ихъ особенности. Я размышлялъ объ ихъ строеніи. Я думалъ объ измѣненіяхъ въ ихъ природѣ. Я содрогался, приписывая имъ въ воображеніи способность чувствовать и ощущать. О m-lle Салль говорили, que tous ses pas étaient des sentiments, а о Береникѣ я серьезно думалъ, que tous ses dents étaient des idées. Des idées! а, такъ вотъ идіотская мысль, смущавшая меня. Des idées, а, такъ вотъ почему я безумно стремился къ нимъ! Я чувствовалъ, что только обладаніе ими могло вернуть мнѣ покой, возстановить мой разсудокъ.

Такъ кончился для меня вечеръ и наступила тьма, и разсѣялась и снова забрезжилъ день, и мгла слѣдующей ночи сгущалась вокругъ, а я все еще сидѣлъ неподвижно въ моей одинокой кельѣ, все еще сидѣлъ, погруженный въ думы, и призракъ зубовъ по прежнему рѣялъ передо мною съ поразительной и отвратительной ясностью. Наконецъ, крикъ ужаса и отчаянія прервалъ мою грезу, за нимъ послѣдовалъ гулъ тревожныхъ голосовъ въ перемежку съ тихими стонами скорби или боли. Я всталъ и, отворивъ дверь, увидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ дѣвушку служанку, которая со слезами сообщила мнѣ, что Береника скончалась! Припадокъ эпилепсіи случился рано утромъ, а теперь, съ наступленіемъ ночи, гробъ уже готовъ былъ принять своего жильца и всѣ приготовленія къ погребенію сдѣланы.

* * *

Я сидѣлъ въ библіотекѣ и по прежнему сидѣлъ въ ней одинъ. Казалось, что я только что очнулся отъ смутнаго и страшнаго сна. Я зналъ, что теперь была полночь и что съ закатомъ солнца Беренику похоронили. Но о короткомъ промежуткѣ времени между этими двумя моментами я не имѣлъ яснаго представленія. А между тѣмъ въ памяти моей хранилось что-то ужасное, вдвойнѣ ужасное по своей неясности, вдвойнѣ страшное по своей двусмысленности. То была безобразная страница въ лѣтописи моего существованія, исписанная тусклыми, отвратительными и непонятными воспоминаніями? Я старался разобрать ихъ,—напрасно; въ ушахъ моихъ, точно отголосокъ прекратившагося звука, безъ умолку раздавался рѣзкій и пронзительный крикъ женщины. Я сдѣлалъ что-то, но что я сдѣлалъ? Я громко задавалъ себѣ этотъ вопросъ и эхо комнаты шопотомъ отвѣчало мнѣ:—Что я сдѣлалъ?

На столѣ передо мной горѣла лампа, а подлѣ нея лежалъ ма-

ленькій ящикъ. Въ немъ не было ничего особеннаго и я часто видалъ его раньше, такъ какъ онъ принадлежалъ нашему домашнему врачу; но какъ онъ попалъ сюда, на мой столъ и почему я дрожалъ, глядя на него. Все это оставалось для меня необъяснимымъ. Случайно мой взглядъ упалъ на развернутую книгу и остановился на подчеркнутой фразѣ. То были странныя, но простыя слова поэта Эбнъ Зайата: «Dicebant mihi sodales, si sepulchrum amicae visitarem, curas meas aliquantulum fore laevatas». Почему же, когда я прочелъ ихъ, волосы поднялись дыбомъ на моей головѣ и кровь застыла въ жилахъ?

Кто-то тихонько постучалъ въ дверь, и вошелъ слуга, блѣдный, какъ жилецъ могилы. Его взоръ помутился отъ ужаса, онъ что-то говорилъ дрожащимъ, глухимъ, тихимъ голосомъ. Что сказалъ онъ? Я слышалъ отрывочныя фразы. Онъ говорилъ о дикихъ крикахъ, возмутившихъ тишину ночи, о собравшейся дворнѣ, о поискахъ въ направленіи, откуда раздался крикъ; и голосъ его сталъ пронзительно яснымъ, когда онъ шепталъ объ оскверненной могилѣ, объ обезображенномъ тѣлѣ, еще дышащемъ, еще трепещущемъ, еще живомъ.

Онъ указывалъ на мое платье; оно было въ грязи и въ крови, Я ничего не отвѣчалъ, и онъ тихонько взялъ меня за руку: на ней были слѣды человѣческихъ ногтей. Онъ указалъ мнѣ на какой-то предметъ, стоявшій у стѣны; я взглянулъ, это былъ заступъ! Я съ крикомъ кинулся къ столу и схватилъ ящичекъ. Но я не могъ открыть его; онъ выскользнулъ изъ моихъ рукъ, упалъ, разбился на куски, и изъ него со звономъ выкатились инструменты дантиста и тридцать два маленькихъ, бѣлыхъ, точно изъ слоновой кости, предмета, разсыпавшіеся по полу.

Элеонора.

Sub conservatione formae
specificae salva anima.
Раймундъ Люллій.

Я принадлежу къ фамиліи, отличавшейся пламеннымъ воображеніемъ и пылкими страстями. Люди назвали меня сумасшедшимъ, но еще вопросъ, не представляетъ-ли сумасшествіе высшей степени разумѣнія, не возникаетъ-ли все славное и глубокое изъ разстройства мысли, изъ особенныхъ настроеній души, экзальтированной насчетъ разсудка. Тѣ, кто видитъ сны на яву, открываютъ много вещей, ускользающихъ отъ тѣхъ, кто видитъ сны только ночью. Въ своихъ тусклыхъ видѣніяхъ они заглядываютъ въ вѣчность, и содрогаются, пробудившись и замѣчая, что стояли на краю

великой тайны. Урывками они научаются мудрости, которая есть добро, и еще болѣе простому знанію, которое есть зло. Они проникаютъ, безъ руля и безъ компаса, въ безбрежный океанъ «свѣта неизрѣченнаго» и подобно путешественникамъ Нубійскаго географа «agressi sunt mare tenebrarum, quid in eo esset exploraturi».

Хорошо, пусть я буду сумасшедшій. Я согласенъ, что мое духовное существованіе представляетъ двѣ фазы; одна—состояніе безспорно здраваго разсудка, связанное съ воспоминаніями о ранней эпохѣ моей жизни; другая—состояніе тумана и сомнѣній, связанное съ настоящимъ и съ воспоминаніями о второй великой эрѣ моего бытія. Итакъ, всему, что я буду разсказывать о ранней эпохѣ, вѣрьте; а разсказу о позднѣйшемъ періодѣ довѣряйте лишь въ той мѣрѣ, насколько онъ покажется вамъ заслуживающимъ довѣрія; или вовсе не вѣрьте, или, если не вѣрить не можете, сыграйте роль Эдипа этой загадки.

Та, которую любилъ я въ юности, и о которой пишу теперь спокойно и хладнокровно, была единственная дочь единственной сестры моей покойной матери. Ее звали Элеонора. Мы всегда жили вмѣстѣ, подъ тропическимъ солнцемъ, въ долинѣ Разноцвѣтныхъ Травъ. Ни одинъ путникъ не проходилъ безъ проводника по этой долинѣ, такъ какъ она лежитъ далеко, среди гигантскихъ холмовъ, нависшихъ надъ нею со всѣхъ сторонъ и защищающихъ отъ солнечнаго свѣта ея уютные уголки. Никакой тропинки не видно кругомъ, и чтобы добраться до нашего счастливаго пріюта, надо было пробиваться сквозь листву тысячъ лѣсныхъ деревьевъ, и погубить, растоптать милліоны благоуханныхъ цвѣтовъ. Такъ и вышло, что жили мы одни,—я, моя кузина, и ея мать—и міръ для насъ замыкался въ предѣлахъ этой долины.

Изъ туманныхъ областей за горами на верхнемъ концѣ нашихъ владѣній пробиралась узкая и глубокая рѣчка, свѣтлая—только глаза Элеоноры были еще свѣтлѣе—и тихая; извиваясь прихотливыми петлями, она исчезала въ темномъ ущельѣ, между холмами еще болѣе туманными, чѣмъ тѣ, откуда она выходила. Мы называли ее «Рѣкою Молчанія», потому что въ теченіи ея было что-то успокоительное. Тихо, безъ ропота, катились ея струи, и такъ нѣжно скользили, пробираясь по долинѣ, что камешки, жемчужнымъ блескомъ которыхъ мы часто любовались, лежали не шевелясь на днѣ рѣчки, не мѣняя мѣста, застывъ на вѣки въ своемъ лучезарномъ сіяніи.

Берега рѣки и серебристыхъ ручейковъ, впадавшихъ въ нее извилистыми лентами, и промежутки между берегомъ и каменистымъ ложемъ рѣки, и вся долина до опоясывавшихъ ее горъ,—

были одѣты нѣжной зеленой травой, густой, короткой, ровной, издававшей запахъ ванили и такъ чудно украшенной желтыми лютиками, бѣлыми маргаритками, пурпурными фіалками и рубиново-красными лиліями,—что эта безпримѣрная красота говорила нашимъ сердцамъ о любви и славѣ Божіей.

Тамъ и сямъ по долинѣ возвышались, подобно призракамъ, группы фантастическихъ деревьевъ; ихъ тонкіе стволы не стояли прямо, но граціозно изгибались къ свѣту, озарявшему въ полдень центральную часть долины. Ихъ кора, нѣжная—только щеки Элеоноры были еще нѣжнѣе—и гладкая, пестрѣла яркими оттѣнками серебра и чернаго дерева, такъ что если бы не изумрудная зелень листьевъ, которые свѣшивались съ ихъ вершинъ длинными гирляндами, играя съ вѣтеркомъ,—ихъ можно бы было принять за колоссальныхъ сирійскихъ змѣй, воздающихъ почести своему владыкѣ Солнцу.

Пятнадцать лѣтъ бродили мы рука объ руку по этой долинѣ, прежде чѣмъ любовь вошла въ наши сердца. Однажды вечеромъ, въ концѣ третьяго люстра ея жизни и четвертаго моей, мы сидѣли обнявшись въ тѣни подобныхъ змѣямъ деревьевъ и смотрѣли на наше отраженіе въ водахъ рѣки Молчанія. Мы ничего не говорили въ послѣдніе часы этого чуднаго дня и даже на слѣдующій день обмѣнялись лишь немногими и робкими словами. Мы вызвали бога Эроса изъ волнъ рѣки и онъ воспламенилъ въ насъ бурную кровь нашихъ предковъ. Страсти, которыми отличался нашъ родъ въ теченіе многихъ столѣтій, явились вмѣстѣ съ грезами, повѣявъ упоительнымъ блаженствомъ на долину Разноцвѣтныхъ Травъ. Все измѣнилось въ ней. Странные блистательные, подобные звѣздамъ, цвѣты распустились на деревьяхъ, гдѣ раньше не было ни одного цвѣтка. Оттѣнки зеленаго ковра сгустились и на мѣсто бѣлыхъ маргаритокъ, исчезавшихъ одна за другою, выросли десятками рубиново-красныя лиліи. Жизнь возникала всюду, куда мы ступали, потому что стройный фламинго, дотолѣ невиданный въ нашей долинѣ, развернулъ передъ нами свои пурпурныя крылья въ толпѣ веселыхъ пестрыхъ птицъ. Золотыя и серебряныя рыбки засуетились въ рѣкѣ, изъ нѣдръ которой поднялся тихій ропотъ, и мало по малу превратился въ божественную мелодію,—нѣжнѣе Эоловой арфы, музыкальнѣе всѣхъ звуковъ,—только голосъ Элеоноры былъ еще музыкальнѣе. И огромное облако, которое мы давно замѣчали въ области Геспера, выплыло оттуда, сіяя пурпуромъ и золотомъ и, осѣняя насъ своей мирной тѣнью, опускалось все ниже и ниже, пока края его не остановились на вершинахъ холмовъ, превративъ ихъ туманы въ великолѣпіе и какъ бы навѣки заключивъ насъ въ волшебную тюрьму пышности и блеска.

Элеонора блистала красотой Серафима, но была она дѣвушка простая и невинная, какъ ея скоротечная жизнь среди цвѣтовъ. Она не таила лукаво страсти, воспламенившей ей сердце, но вмѣстѣ со мною раскрывала ея самые тайные уголки, когда мы бродили рука объ руку по долинѣ Разноцвѣтныхъ Травъ и говорили о великихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ ней.

Но однажды, въ слезахъ, она упомянула о послѣдней скорбной перемѣнѣ, которая должна постигнуть человѣчество, и съ тѣхъ поръ уже не разлучалась съ этой грустной темой, вводя ее во всѣ наши бесѣды, какъ въ пѣсняхъ Ширазскаго поэта одни и тѣ же образы повторяются снова и снова въ каждой строфѣ.

Она знала, что Смерть прикоснулась къ ея груди, что ей суждено было, подобно эфемеридѣ, явиться совершенствомъ красоты лишь для того, чтобы умереть, — но ужасъ могилы сосредоточивался для нея въ одной мысли, которую она открыла мнѣ однажды въ сумеркахъ, на берегу рѣки Молчанія. Она скорбѣла при мысли, что, похоронивъ ее въ долинѣ Разноцвѣтныхъ Травъ, я покину навсегда нашъ мирный пріютъ и подарю свою любовь, теперь всецѣло принадлежавшую ей, какой-нибудь дѣвушкѣ изъ чужого будничнаго міра. И я бросился къ ногамъ Элеоноры, и клялся ей и Небесамъ, что никогда не скую себя брачными узами съ дочерью Земли,—никогда не измѣню ея памяти — ни воспоминанію о благоговѣйномъ чувствѣ, которое она вдохнула мнѣ. И я призывалъ Владыку Вселенной въ свидѣтели моего обѣта. И проклятіе, которое я призывалъ на свою голову отъ Него и отъ нея, святой, чье жилище будетъ въ царствѣ блаженныхъ духовъ, проклятіе, которое должно было обрушиться на меня, если бы я измѣнилъ своему обѣту, карало меня такой ужасной казнью, что я не рѣшаюсь говорить о ней здѣсь. И свѣтлые глаза Элеоноры еще болѣе просвѣтлѣли при моихъ словахъ; она вздохнула какъ будто смертная тяжесть свалилась съ ея груди; она задрожала и горько заплакала, но приняла мой обѣтъ (вѣдь она была ребенокъ!) и онъ усладилъ ей часъ кончины. И спустя нѣсколько дней, спокойно разставаясь съ жизнью, она сказала мнѣ, что за все, что я сдѣлалъ для успокоенія ея души, она будетъ бодрствовать надо мною и являться мнѣ въ ночной тиши, если же этого не дано блаженнымъ духамъ, — будетъ извѣщать меня о своемъ присутствіи, вздыхать въ дуновеніи вечерняго вѣтра, или вѣять на меня ароматомъ кадильницъ ангеловъ. И съ этими словами окончилась ея непорочная жизнь, положивъ предѣлъ первой эпохѣ моего существованія.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ, истинно. Но, переступая грань на тропинкѣ Времени, поставленную смертью моей возлю-

бленной, и переходя ко второй эрѣ моего существованія, я чувствую, что тѣни сгущаются въ моемъ мозгу, и самъ сомнѣваюсь въ безусловной точности моего разсказа. Но буду продолжать. Годы влачились за годами, а я все еще жилъ въ долинѣ Разноцвѣтныхъ Травъ; но въ ней снова все перемѣнилось. Блистательные цвѣты спрятались въ стволы деревьевъ и больше не появлялись. Краски зеленаго ковра поблѣднѣли; рубиново-красныя лиліи исчезли одна за другой, а на мѣсто ихъ выросли фіалки, темныя, подобныя глазамъ, которые грустно хмурились и плакали, покрытыя росою. И жизнь исчезла съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы ступали, потому что стройный фламинго уже не развертывалъ передъ нами своихъ пурпурныхъ крыльевъ; онъ печально улетѣлъ за горы съ толпою веселыхъ пестрыхъ птицъ, явившихся вмѣстѣ съ нимъ. И золотыя и серебряныя рыбки уплыли черезъ ущелье на нижнемъ концѣ нашей долины и никогда уже не появлялись на поверхности тихой рѣчки. И мелодія, что была нѣжнѣе Эоловой арфы и музыкальнѣе всѣхъ звуковъ, кромѣ голоса Элеоноры, замерла мало по малу въ грустномъ ропотѣ, который становился все тише и тише, пока рѣчка не вернулась къ своему прежнему торжественному безмолвію; и огромное облако поднялось, оставляя на вершинахъ горъ прежній тусклый туманъ и вернулось въ область Геспера, унося съ собой всю пышность и роскошь, и лучезарный блескъ долины Разноцвѣтныхъ Травъ.

Но Элеонора не забыла своего обѣщанія, потому что я слышалъ бряцанье небесныхъ кадильницъ; и волны священныхъ ароматовъ обвѣвали долину; и въ минуты тяжкаго уединенія, когда скорбь давила мнѣ сердце, вѣтерокъ приносилъ мнѣ ея нѣжные вздохи; и часто въ ночной тиши, я слышалъ неясный шопотъ, а однажды,—о, только однажды! меня пробудило отъ сна, подобнаго смерти, прикосновеніе ея призрачныхъ губъ къ моимъ губамъ.

Но пустота моего сердца не могла быть наполнена. Я жаждалъ любви, такой же, какъ та, что раньше наполняла мое существо. Наконецъ, долина стала меня терзать воспоминаніями объ Элеонорѣ, и я навѣки оставилъ ее для суетныхъ и шумныхъ успѣховъ.

* *
*

Я очутился въ странномъ городѣ, гдѣ все стремилось изгладить изъ моей памяти сладкія грезы, которымъ я предавался такъ долго въ долинѣ Разноцвѣтныхъ Травъ. Пышность и блескъ гордаго Двора, безумный звонъ оружія, лучезарная красота женщинъ отуманили и отравили мой мозгъ. Но душа моя оставалась вѣрной своему обѣту, и присутствіе Элеоноры по прежнему обнаруживалось въ безмолвные часы ночи. Но внезапно эти явленія прекратились, и міръ для меня одѣлся мглою, и я ужасался жгучихъ мы-

слей и страшныхъ искушеній, осаждавшихъ меня; потому что изъ далекихъ, невѣдомыхъ странъ явилась къ веселому Двору короля, у котораго я служилъ, дѣвушка,—и передъ ея красотой пало мое измѣнническое сердце, къ ея ногамъ я склонился безъ колебаній, въ самомъ пылкомъ, въ самомъ низкомъ обожаніи. Что была моя любовь къ юной дѣвушкѣ долины передъ страстью и бѣшенствомъ, передъ экстазомъ обожанія, въ которомъ изливалась моя душа у ногъ воздушной Эрменгарды.—О, свѣтлый серафимъ Эрменгарда!—вотъ все, о чемъ я могъ думать.—О, небесный ангелъ Эрменгарда! когда я глядѣлъ въ ея глубокіе глаза, я мечталъ только о нихъ — и о ней.

Мы обвѣнчались; и я не страшился проклятія, которое навлекъ на свою голову, и его горечь не посѣтила меня. И однажды—но только однажды, въ ночномъ безмолвіи, ко мнѣ донеслись сквозь рѣшетку окна нѣжные вздохи, приносившіе мнѣ прощеніе; и превратились они въ знакомый, сладкій голосъ, говорившій:

— Спи съ миромъ!—потому что духъ Любви царитъ и правитъ, и отдавъ свое страстное сердце той, которую зовутъ Эрменгарда, ты освободился отъ обѣтовъ Элеонорѣ, въ силу рѣшеній, о которыхъ узнаешь въ небесахъ.

Лигейя.

> Тутъ воля, которая не умираетъ. Кто позналъ тайны воли и ея силу? Самъ Богъ великая всепроникающая воля. Человѣкъ не уступилъ бы ангеламъ, ни самой смерти, если бы не слабость его воли.
>
> Джозефъ Гленвиллъ.

Клянусь душою, я не могу припомнить, какъ, когда, ни даже гдѣ я впервые познакомился съ леди Лигейей. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и память моя ослабѣла отъ перенесенныхъ мною страданій. Или, быть можетъ, я потому не могу теперь вспомнить этого, что характеръ моей возлюбленной, ея рѣдкія познанія, ея особенная и ясная красота, упоительное краснорѣчіе ея музыкальнаго голоса, такъ упорно и незамѣтно прокрадывались въ мое сердце, что я самъ того не замѣчалъ и не сознавалъ. Но кажется мнѣ, что впервые я встрѣтилъ ее и часто потомъ встрѣчалъ въ какомъ-то большомъ, старинномъ, ветшающемъ городѣ на Рейнѣ. Она, конечно, говорила мнѣ о своей семьѣ. Древность ея происхожденія не подлежитъ сомнѣнію. Лигейя! Лигейя! Погруженный въ занятія, которыя по самой природѣ своей какъ нельзя болѣе спо-

собны умертвить всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра, я однимъ этимъ словомъ,—Лигейя—вызываю передъ моими глазами образъ той, которой уже нѣтъ. И теперь, когда я пишу, у меня вспыхиваетъ воспоминаніе о томъ, что я никогда не зналъ родового имени той, которая была моимъ другомъ и невѣстой, участницей моихъ занятій и, наконецъ, моей возлюбленной женой. Было-ли то прихотью моей Лигейи! или доказательствомъ силы моей страсти, не интересовавшейся этимъ вопросомъ? или, наконецъ, моимъ собственнымъ капризомъ, романтическимъ жертвоприношеніемъ на алтарь страстнаго обожанія? Я лишь смутно припоминаю самый фактъ, мудрено-ли, что я забылъ, какія обстоятельства породили или сопровождали его. И если правда, что духъ, называемый Романомъ,—если правда, что блѣдная, съ туманными крылами Аштофетъ языческаго Египта предсѣдательствовала на свадьбахъ, сопровождавшихся зловѣщими предзнаменованіями, то безъ всякаго сомнѣнія она предсѣдательствовала на моей.

Есть, однако, нѣчто дорогое, относительно чего моя память не ошибается. Это наружность Лигейи. Она была высокаго роста, стройна, а впослѣдствіи даже нѣсколько худощава. Тщетны были бы попытки описать ея величавую осанку, спокойную непринужденность ея манеръ, неизъяснимую легкость и эластичность ея походки. Она являлась и исчезала, какъ тѣнь. Когда она входила въ мой кабинетъ, я узнавалъ о ея появленіи только по сладкой музыкѣ ея нѣжнаго грудного голоса, или когда она касалась моего плеча своей мраморной рукой. Красотой лица никакая дѣвушка не могла поровняться съ нею. Это была лучезарная греза, порожденная опіумомъ; воздушное и возвышающее душу видѣніе, исполненное болѣе волшебной красоты, чѣмъ фантастическіе сны, рѣявшіе надъ дремлющими душами дочерей Делоса. Но черты ея лица не представляли той условной правильности, которой мы совершенно напрасно пріучились восхищаться въ классическихъ работахъ язычниковъ.—«Нѣтъ изысканной красоты,—говоритъ Бэконъ, лордъ Веруламскій, въ своихъ совершенно справедливыхъ разсужденіяхъ о различныхъ формахъ и родахъ красоты,—безъ нѣкоторой странности въ пропорціяхъ».—Но хотя я видѣлъ, что черты Лигейи не представляютъ классической правильности, хотя я сознавалъ, что ея красота дѣйствительно «изысканная», и чувствовалъ, что въ ней много «страннаго», однако, я тщетно пытался найти эту неправильность и опредѣлить свое собственное представленіе о «странномъ». Я всматривался въ контуры ея высокаго, блѣднаго лба—онъ былъ безупреченъ; какъ холодно звучитъ это слово въ примѣненіи къ такому божественному величію! Кожа, не уступающая бѣлизной чистѣйшей слоновой кости, величавая ши-

рота и безмятежность, легкіе выступы надъ висками, и волосы, черные, какъ вороново крыло, блестящіе, разсыпавшіеся густыми, роскошными завитками, къ которымъ вполнѣ подходилъ Гомеровскій эпитетъ «гіацинтовые!» Я всматривался въ тонкія очертанія ея носа,—нигдѣ, кромѣ изящныхъ еврейскихъ медальоновъ, не видалъ я такого совершенства. Та же изумительно гладкая поверхность, тотъ же едва замѣтный намекъ на орлиный профиль, тѣ же гармонически изогнутыя ноздри—признакъ свободы духа. Я смотрѣлъ на ея нѣжный ротъ. Вотъ гдѣ было истинное торжество небесной красоты, — въ великолѣпномъ изгибѣ короткой верхней губы, въ сладострастной дремотѣ нижней, въ смѣющихся ямочкахъ, въ игрѣ красокъ, которая говорила безъ словъ, въ зубахъ, отражавшихъ съ почти нестерпимымъ блескомъ каждый лучъ небесный, падавшій на нихъ, когда они открывались въ спокойной и ясной, но лучезарнѣйшей изъ улыбокъ. Я изучалъ ея подбородокъ. И здѣсь находилъ я греческую грацію, нѣжность и величавость, пышность и духовность —контуръ, который богъ Аполлонъ только во снѣ открылъ Клеомену, сыну аѳинянина. Тогда я устремлялъ взоръ въ глубину ея огромныхъ глазъ.

Античная древность не оставила намъ образца глазъ. Можетъ быть, въ глазахъ моей возлюбленной и скрывалась тайна, на которую намекаетъ лордъ Веруламскій. Должно быть они были гораздо больше обыкновенныхъ глазъ человѣческихъ. Были они также болѣе выпуклые, чѣмъ у любой газели въ долинѣ Нуръ-яхада. Но только по временамъ, въ моменты сильнаго возбужденія, эта особенность становилась рѣзко замѣтной въ Лигейѣ. Въ эти-то минуты ея красота—быть можетъ, только въ моемъ пылкомъ воображеніи — была красотою существъ, живущихъ внѣ земли, красотою сказочныхъ гурій магометанскаго рая. Блестящіе черные зрачки осѣнялись длинными агатовыми рѣсницами. Брови, слегка неправильныхъ очертаній, были такого же цвѣта. Но «странность», которую я замѣчалъ въ ея глазахъ, таилась не въ формѣ, не въ цвѣтѣ, не въ блескѣ,—она сказывалась въ выраженіи. О, слово, лишенное значенія! широковѣщательный звукъ, за которымъ прячется наше непониманіе духовной возвышенности. Выраженіе глазъ Лигейи! Какъ долго, по цѣлымъ часамъ, я размышлялъ о немъ! Сколько лѣтнихъ ночей я провелъ безъ сна, стараясь измѣрить ихъ глубину. Что же такое—болѣе глубокое, чѣмъ колодезь Демокрита, таилось въ глазахъ моей возлюбленной? Что это было? Я сгоралъ желаніемъ разъяснить эту тайну. Эти глаза! эти огромные, сіяющіе, божественные зрачки! они сдѣлались для меня близнецами созвѣздія Леды, а я для нихъ самымъ набожнымъ астрологомъ.

Среди многочисленныхъ и необъяснимыхъ психическихъ аномалій нѣтъ болѣе поразительной, чѣмъ тотъ фактъ, кажется, еще не отмѣченный школьной наукой, что, стараясь вспомнить что-нибудь давно забытое, мы часто находимся на самомъ краю воспоминанія, и все-таки не можемъ вспомнить. Такъ и я,—сколько разъ, въ моихъ упорныхъ размышленіяхъ, и я чувствовалъ, что вотъ-вотъ мнѣ откроется тайна выраженія глазъ Лигейи, вотъ-вотъ откроется, но она не открывалась, и въ концѣ концовъ снова исчезала! И (странная, о страннѣйшая изъ всѣхъ тайнъ) нерѣдко я находилъ въ обыкновеннѣйшихъ явленіяхъ аналогію съ этимъ выраженіемъ. Я хочу сказать, что послѣ того, какъ красота Лигейи проникла въ мою душу и водворилась въ ней, какъ въ алтарѣ, многія явленія матеріальнаго міра вызывали во мнѣ то же ощущеніе, которое я всегда испытывалъ при видѣ ея большихъ лучезарныхъ глазъ. И тѣмъ не менѣе я не могу опредѣлить это чувство, или анализировать, или изслѣдовать его. Повторяю, я испытывалъ его по временамъ, глядя на быстро ростущую виноградную лозу, на бабочку, мотылька, куколку, струи потока. Я чувствовалъ его въ океанѣ, въ паденіи метеора. Я чувствовалъ его во взглядахъ людей, достигшихъ глубокой старости. Также одна или двѣ звѣзды (особенно одна, шестой величины, двойная и перемѣнная, близь большой звѣзды созвѣздія Лиры) возбуждали во мнѣ то же чувство, когда я разсматривалъ ихъ въ телескопъ. Оно охватывало меня при извѣстномъ сочетаніи звуковъ струнныхъ инструментовъ или при чтеніи книгъ. Среди безчисленныхъ примѣровъ я помню одно мѣсто въ книгѣ Джозефа Глэнвилля, которое (быть можетъ, вслѣдствіе своей странности) всегда вызывало во мнѣ это чувство:—«Тутъ воля, которая не умираетъ. Кто позналъ тайны воли и ея силу? Самъ Богъ великая всепроникающая воля. Человѣкъ не уступилъ бы ангеламъ, ни самой смерти, если бы не слабость его воли».

Годы размышленій дали мнѣ возможность установить нѣкоторую отдаленную связь между этимъ замѣчаніемъ англійскаго моралиста и нѣкоторыми чертами въ характерѣ Лигейи. Возможно, что интенсивность ея мысли, дѣйствій, рѣчи была результатомъ или, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствомъ гигантской воли, которая въ теченіе нашихъ долгихъ отношеній не успѣла проявиться въ чемъ-нибудь болѣе наглядномъ. Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я зналъ, она, съ виду спокойная и вѣчно невозмутимая Лигейя, была добычей самыхъ свирѣпыхъ коршуновъ дикой страсти. И эту страсть я могъ измѣрить только по волшебному расширенію ея глазъ, пугавшихъ и восхищавшихъ меня, по небесной мелодіи, ясности, звучности, чистотѣ ея грудного голоса, по дикой энергіи

(производившей вдвойнѣ сильное впечатлѣніе вслѣдствіе контраста съ спокойствіемъ рѣчи) ея страстныхъ словъ.

Я упоминалъ о познаніяхъ Лигейи: они были громадны, такихъ я никогда не встрѣчалъ въ женщинѣ. Она въ совершенствѣ изучила классическіе языки, и я никогда не могъ замѣтить у нея пробѣловъ по части языковъ современныхъ, насколько я самъ съ ними знакомъ. Да и въ какой отрасли знаній, даже самыхъ запутанныхъ и потому наиболѣе уважаемыхъ академической ученостью, замѣчалъ я пробѣлы у Лигейи? Какъ странно, какъ поражающе дѣйствовала на меня въ послѣднее время именно эта черта въ характерѣ моей жены! Я сказалъ, что мнѣ не случалось встрѣчать женщину съ такими познаніями, но гдѣ тотъ мужчина, который съ успѣхомъ овладѣлъ всѣми обширными сферами моральныхъ, физическихъ и математическихъ знаній? Я не замѣчалъ въ то время того, что вижу теперь ясно: — что познанія Лигейи были колоссальны, изумительны, но чувствовалъ ея превосходство настолько, что подчинился съ дѣтской довѣрчивостью ея руководству въ хаосѣ метафизическихъ изслѣдованій, которыми усердно занимался въ первые годы послѣ нашей свадьбы. Съ какимъ торжествомъ, съ какимъ живымъ восторгомъ, съ какой небесной надеждой я чувствовалъ—въ то время, какъ она наклонялась надо мною при моихъ попыткахъ проникнуть въ область слишкомъ мало затронутую, слишкомъ мало изслѣдованную,—что восхитительная перспектива мало по малу открывается передо мною, что, устремившись по этому долгому, неизвѣданному пути я достигну, наконецъ, высшей мудрости, слишкомъ божественной, слишкомъ драгоцѣнной, чтобы не быть запретной!

И какъ же язвительна была моя скорбь, спустя нѣсколько лѣтъ, когда я увидѣлъ, что мои надежды вспорхнули и улетѣли прочь. Безъ Лигейи я былъ ребенкомъ, заблудившимся въ ночной темнотѣ. Только ея присутствіе, ея толкованія проливали яркій свѣтъ на многія тайны трансцендентальной науки, въ которую мы погружались. Не озаренная лучезарнымъ блескомъ ея глазъ, книжная мудрость, казавшаяся раньше ясной какъ золото, становилась тусклѣе свинца. А глаза эти все рѣже и рѣже сіяли надъ страницами, которыя я изучалъ. Лигейя была больна. Дивные глаза горѣли слишкомъ, слишкомъ яркимъ блескомъ; блѣдные пальцы пріобрѣли восковую прозрачность, напоминавшую о смерти, и голубыя жилки на высокомъ лбу подымались и опускались при малѣйшемъ волненіи. Я видѣлъ, что она должна умереть,—и отчаянно боролся въ душѣ съ свирѣпымъ Азраиломъ. И, къ моему удивленію, ея борьба была еще энергичнѣе. Ея твердая натура заставляла меня думать, что смерть явится къ ней безъ своихъ ужасовъ,—не то оказалось на

дѣлѣ. Слова безсильны передать, какъ отчаянно она боролась съ Тѣнью. Я стоналъ при видѣ этого плачевнаго зрѣлища. Я пытался утѣшать, убѣждать; но для ея безумнаго желанія жить, жить— только жить—утѣшенія и разсужденія были верхомъ нелѣпости. Но до самой послѣдней минуты — при самыхъ судорожныхъ усиліяхъ ея гордаго духа, она сохраняла безмятежно спокойный видъ. Слова ея звучали все нѣжнѣе, все тише, но я не рѣшался задумываться надъ безумнымъ значеніемъ этихъ спокойно произносимыхъ словъ. Когда я слушалъ, очарованный, эту недоступную смертнымъ мелодію, въ умѣ моемъ роились невѣдомыя смертнымъ надежды и упованія.

Въ любви ея я не могъ сомнѣваться, а любовь такой женщины не могла быть обыкновенной страстью. Но только смерть открыла мнѣ всю силу ея чувства. Въ теченіе долгихъ часовъ, взявъ меня за руку, она изливала передо мной полноту своего сердца, болѣе чѣмъ страстная привязанность котораго доходила до обоготворенія. Чѣмъ заслужилъ я блаженство слушать такія признанія? чѣмъ заслужилъ я проклятіе, отнимавшее у меня мою возлюбленную въ минуту такихъ признаній? Но я не въ силахъ распространяться объ этомъ предметѣ. Скажу только, что въ болѣе чѣмъ женской страсти Лигейи,—страсти незаслуженной, увы! дарованной недостойному—я усмотрѣлъ, наконецъ, причину ея безумнаго сожалѣнія о жизни, убѣгавшей такъ быстро. Это безумное алканіе, это бурное желаніе жизни,—только жизни,—я не въ состояніи описать, не въ силахъ выразить.

Въ глубокую полночь,—въ ночь ея кончины—она подозвала меня и велѣла прочесть стихи, сочиненные ею нѣсколько дней тому назадъ. Я повиновался. Вотъ они:

«Вотъ онъ! послѣдній праздникъ! Толпа крылатыхъ ангеловъ въ траурѣ, въ слезахъ, собралась въ театрѣ посмотрѣть игру надеждъ и страха, межъ тѣмъ какъ оркестръ исполняетъ музыку сферъ.

«Скоморохи, носящіе образъ Вышняго Бога, ворчатъ и бормочутъ, снуютъ туда и сюда; это простыя куклы, онѣ приходятъ и уходятъ по повелѣнію безформенныхъ существъ, что рѣютъ надъ сценой, разливая съ своихъ орлиныхъ крыльевъ невидимое Горе.

«Жалкая драма!—о, будь увѣренъ, она не забудется! За ея призракомъ вѣчно будетъ гнаться толпа, никогда не овладѣвая имъ, въ безвыходномъ кругу, который вѣчно возвращается на старое мѣсто; и много безумія, и еще болѣе грѣха и ужаса въ этой піесѣ.

«Но взгляни, въ толпу гаеровъ крадется что-то ползучее, что-то красное — оно извивается, корчится, корчится, грызетъ и пожираетъ гаеровъ—и серафимы рыдаютъ, видя какъ червь упивается человѣческою кровью.

«Гаснуть... гаснуть... гаснуть... огни! и надъ дрожащими фигурами падаетъ занавѣсъ, погребальный саванъ, и ангелы встаютъ блѣдные, истомленные, и говорятъ, что эта піеса трагедія «Человѣкъ», а ея герой—«Побѣдитель Червь».

— Боже!—воскликнула Лигейя, вставая и поднимая руки судорожнымъ усиліемъ,—Боже! Отецъ Небесный! неужели это будетъ длиться вѣчно? Неужели побѣдитель червь не будетъ побѣжденъ? Развѣ мы не частица Тебя? Кто—кто позналъ тайны воли и ея силу? Человѣкъ не уступилъ бы ангеламъ, ни самой смерти, если бы не слабость его воли.

И точно истощенная этимъ усиліемъ, она опустила свои бѣлыя руки и торжественно вернулась на ложе смерти. И, когда она испускала послѣдній вздохъ, онъ сливался съ тихимъ шопотомъ ея устъ. Я наклонилъ къ нимъ ухо и снова услышалъ слова Глэнвилля:—Человѣкъ не уступилъ бы ангеламъ, ни самой смерти, если бы не слабость его воли.

Она умерла, а я, раздавленный горемъ, не могъ выносить угрюмаго одиночества въ моемъ жилищѣ, въ старомъ, разрушающемся городѣ на Рейнѣ. У меня не было недостатка въ томъ, что люди называютъ богатствомъ. Лигейя принесла мнѣ больше, гораздо больше, чѣмъ обыкновенно выпадаетъ на долю смертныхъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тоскливаго и безцѣльнаго шатанія, я купилъ аббатство въ одномъ изъ самыхъ дикихъ и безлюдныхъ закоулковъ веселой Англіи. Угрюмое и холодное величіе зданія, полудикій характеръ имѣнія, мрачныя легенды, связанныя съ тѣмъ и другимъ, гармонировали съ безотраднымъ чувствомъ, загнавшимъ меня въ эту глухую, пустынную мѣстность. Оставивъ въ прежнемъ видѣ внѣшность этого ветхаго, поросшаго мхомъ и травой зданія, я съ ребяческимъ своенравіемъ, и можетъ быть въ тайной надеждѣ разсѣять свою тоску, принялся убирать его внутри съ царственной роскошью. Я еще въ дѣтствѣ питалъ страсть къ такимъ причудамъ, теперь она возродилась, точно я поглупѣлъ отъ горя. Увы, я чувствую, какіе ясные признаки начинающагося безумія можно было открыть въ этихъ пышныхъ и фантастическихъ драпировкахъ, въ торжественныхъ египетскихъ изваяніяхъ, въ причудливыхъ карнизахъ и мебели, въ нелѣпыхъ узорахъ затканныхъ золотомъ ковровъ! Я сталъ рабомъ опіума, и мои распоряженія и занятія приняли окраску моихъ грезъ. Но не стану распространяться объ этихъ безумствахъ. Буду говорить только о той комнатѣ, куда въ минуту затменія мыслей я привелъ отъ алтаря мою молодую жену,—преемницу незабвенной Лигейи,—золотокудрую и голубоглазую леди Ровену Тревеніонъ Тrименъ.

Какъ сейчасъ вижу эту свадебную комнату со всѣми ея дета-

лями, со всѣми украшеніями. Куда дѣвался разсудокъ высокомѣрныхъ родителей моей жены, когда, ослѣпленные блескомъ золота, они позволили ей, своей любимой дочери, переступить порогъ комнаты, такъ убранной. Я сказалъ, что помню до мельчайшихъ подробностей эту комнату, хотя я крайне забывчивъ на вещи гораздо болѣе глубокой важности,—а въ этой фантастической обстановкѣ не было никакого порядка, никакой системы, которая могла бы удержаться въ памяти. Комната помѣщалась въ высокой башнѣ аббатства, выстроеннаго въ видѣ замка, была пятиугольной формы и обширныхъ размѣровъ. Вся южная сторона пятиугольника была занята окномъ,—состоявшимъ изъ одного огромнаго цѣльнаго венеціанскаго стекла свинцовой окраски, такъ что лучи солнца и луны, проникая сквозь него, озаряли комнату какимъ-то зловѣщимъ, страннымъ свѣтомъ. Надъ верхнею частью этого высокаго окна вилась старая виноградная лоза, взбиравшаяся по массивнымъ стѣнамъ башни. Потолокъ изъ темнаго дуба поднимался высокимъ сводомъ и былъ украшенъ причудливой рѣзьбой, полу-готическаго, полу-друидическаго стиля. Въ центрѣ этого мрачнаго свода висѣла на золотой цѣпи съ длинными кольцами кадильница изъ того же металла, съ мавританскимъ узоромъ и многочисленными отверстіями, расположенными такъ, что разноцвѣтные огни безпрерывно выскальзывали, точно змѣи, то изъ одного, то изъ другого.

Оттоманки и золотые канделябры въ восточномъ вкусѣ помѣщались въ разныхъ углахъ комнаты; здѣсь же находилась кровать,—брачное ложе,—въ индійскомъ стилѣ, низенькая, чернаго дерева, рѣзной работы, съ балдахиномъ, напоминавшимъ погребальный покровъ. Но главная фантазія заключалась, увы! въ драпировкахъ комнаты. Высокія, гигантскія, даже непропорціональныя стѣны были сплошь одѣты плотной, тяжелой тканью, падавшей широкими складками. Изъ той же матеріи былъ коверъ, обивка кровати и оттоманокъ, балдахинъ и роскошныя занавѣси, отчасти закрывавшія окно. Матерія,—богато затканная золотомъ,—была испещрена арабесками въ видѣ агатово-черныхъ фигуръ, безпорядочно разбросанныхъ по всей ткани. Но эти фигуры казались арабесками, только когда ихъ разсматривали съ извѣстнаго пункта. Съ помощью приспособленія, нынѣ очень распространеннаго, которое можно прослѣдить до глубокой древности, онѣ были сдѣланы такъ, что постоянно мѣняли свой видъ. Для того, кто входилъ въ комнату, онѣ казались въ первую минуту просто уродливымъ узоромъ, но впечатлѣніе это скоро исчезало, и подвигаясь дальше, посѣтитель видѣлъ вокругъ себя безконечную процессію зловѣщихъ образовъ, подобныхъ тѣмъ, которые зарождались въ норманскихъ суевѣріяхъ, или въ грѣшномъ снѣ монаховъ. Этотъ фан-

тастическій эффектъ усиливался токомъ воздуха, постоянно колебавшимъ драпировки и придававшимъ всему отвратительную и безпокойную живость.

Вотъ въ какомъ помѣщеніи, въ какомъ брачномъ чертогѣ проводилъ я съ леди Тременъ счастливые первые мѣсяцы нашего брака, проводилъ безъ всякой тревоги. Я не могъ не замѣтить, что моя жена побаивалась бурныхъ порывовъ моего нервнаго характера, избѣгала меня и не питала ко мнѣ особенно нѣжной страсти, но это доставляло мнѣ скорѣе удовольствіе, чѣмъ огорченіе. Я самъ ненавидѣлъ ее адской, нечеловѣческой ненавистью. Мои воспоминанія уносились назадъ (о, съ какимъ глубокимъ раскаяніемъ), къ Лигейѣ,—къ ней, возлюбленной, священной, прекрасной, погребенной. Я забывался въ воспоминаніяхъ о ея чистотѣ, о ея мудрости, о ея возвышенности, о ея небесной природѣ, о ея страстной, обоготворяющей любви. Теперь мой духъ горѣлъ и пылалъ еще сильнѣйшимъ пламенемъ, чѣмъ ея. Въ горячкѣ грезъ, порожденныхъ опіумомъ (такъ какъ я почти постоянно находился подъ его вліяніемъ) я громко призывалъ ее въ ночной тиши, или днемъ въ уединенныхъ долинахъ, точно дикая страсть, возвышенная сила чувства, пожирающій жаръ моей тоски по усопшей, могли вернуть ее на жизненный путь, покинутый,—о, ужели навсегда покинутый ею?

Спустя мѣсяцъ послѣ нашей свадьбы, леди Ровена была поражена внезапной болѣзнью, отъ которой оправлялась очень медленно. Лихорадка не давала ей покоя по ночамъ, въ своемъ безпокойномъ полуснѣ она говорила о звукахъ и шорохѣ въ комнатѣ, что я приписывалъ ея разстроенному воображенію, или, быть можетъ, вліянію фантастической обстановки. Наконецъ, она стала выздоравливать, и въ концѣ концовъ, выздоровѣла. Въ скоромъ времени, однако, вторичный и еще болѣе сильный приступъ болѣзни заставилъ ее лечь на ложе страданій, и послѣ этого рецидива ея слабый организмъ уже никогда не могъ вполнѣ оправиться.

Съ теченіемъ времени ея припадки и ихъ неожиданное возвращеніе приняли угрожающій характеръ, какъ бы издѣваясь надъ знаніями и опытностью врачей. Съ усиленіемъ этой хронической болѣзни, утвердившейся въ ея организмѣ такъ прочно, что человѣческое искусство, повидимому, не въ силахъ было ее выжить, характеръ ея также замѣтно измѣнился, увеличилась раздражительность и нервическая пугливость. Теперь она еще чаще говорила о звукахъ, слабыхъ звукахъ и странныхъ движеніяхъ среди драпировокъ комнаты.

Однажды ночью, въ концѣ сентября, она настойчивѣе, чѣмъ обыкновенно, старалась обратить мое вниманіе на этотъ скучный

предметъ. Она только что очнулась отъ безпокойнаго сна, и я съ чувствомъ безпокойства и смутнаго страха слѣдилъ за ея исхудалымъ лицомъ. Я сидѣлъ подлѣ кровати на индійской оттоманкѣ. Она приподнялась и говорила тихимъ шопотомъ, съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія, о звукахъ, которые она теперь слышитъ, а я не слышу, о движеніяхъ, которыя она теперь видитъ, а я не могу замѣтить. Вѣтеръ шелестилъ драпировками и я старался ее убѣдить (но, признаюсь, и самъ не вполнѣ вѣрилъ этому), что эти чуть слышные вздохи и легкія измѣненія фигуръ на стѣнахъ, естественный результатъ движенія воздуха. Но смертельная блѣдность, покрывшая ея лицо, доказала безплодность моихъ усилій. Повидимому, она готова была лишиться чувствъ, а по близости не было слугъ. Вспомнивъ, гдѣ стоитъ графинъ съ легкимъ виномъ, которое прописали ей врачи, я бросился за нимъ черезъ комнату. Но когда я вступилъ въ полосу свѣта, падавшаго отъ кадильницы, два поразительныя обстоятельства привлекли мое вниманіе. Я почувствовалъ, что кто-то невидимый, но осязаемый прошелъ мимо меня, и замѣтилъ на освѣщенномъ пространствѣ золототканнаго ковра тѣнь, легкую, неопредѣленную тѣнь ангела, какъ бы тѣнь тѣни. Но, находясь подъ вліяніемъ неумѣренной дозы опіума, я не обратилъ вниманія на эти явленія и ни слова не сказалъ о нихъ Ровенѣ. Отыскавъ вино, я вернулся къ постели, и наполнивъ бокалъ, поднесъ его къ губамъ изнемогавшей леди. Впрочемъ, она уже оправилась и приняла отъ меня бокалъ, а я опустился на оттоманку, не спуская глазъ съ ея лица. Въ эту минуту я услышалъ легкіе шаги по ковру близь кровати, и секунду спустя, когда Ровена подносила бокалъ къ губамъ, я увидѣлъ или мнѣ померещилось, что въ него упали точно изъ невидимаго источника въ атмосферѣ комнаты, три или четыре крупныя капли сверкающей рубиново-красной жидкости. Я видѣлъ это, не Ровена. Она, не задумываясь, выпила вино, а я не сталъ говорить ей объ этомъ странномъ явленіи, рѣшивъ, что оно было простымъ бредомъ разстроеннаго воображенія, возбужденнаго ужасомъ больной, опіумомъ и позднимъ часомъ.

Но я не могъ не замѣтить, что вслѣдъ за паденіемъ рубиновыхъ капель состояніе моей жены стало быстро ухудшаться, такъ что на третью ночь слуги уже приготовляли къ погребенію ея трупъ, а на четвертую я сидѣлъ передъ окутаннымъ въ саванъ тѣломъ въ той же фантастической комнатѣ, которая принимала новобрачную послѣ свадьбы. Дикія, порожденныя опіумомъ, видѣнія, подобно тѣнямъ, рѣяли передо мной. Безпокойнымъ взоромъ смотрѣлъ я на саркофаги по угламъ комнаты, на измѣнчивыя фигуры драпировокъ, на разноцвѣтные огни кадильницы надъ моей головой. По-

томъ, вспомнивъ о странныхъ явленіяхъ той ночи, я опустилъ глаза на освѣщенное пространство, гдѣ замѣтилъ легкія очертанія тѣни. Теперь ея не было и, вздохнувъ съ облегченіемъ, я устремилъ взоръ на блѣдную окоченѣвшую фигуру, лежавшую на кровати. Тутъ нахлынули на меня воспоминанія о Лигейѣ и въ сердцѣ моемъ пробудилась съ неудержимою силой бурнаго потока несказанная скорбь, терзавшая меня, когда я увидѣлъ ее въ погребальномъ саванѣ. Часы летѣли, а я,—съ сердцемъ, полнымъ горькихъ воспоминаній о безконечно любимой, я все сидѣлъ, не сводя глазъ съ трупа Ровены.

Около полуночи, а можетъ быть и раньше, или позже, потому что я не слѣдилъ за временемъ, тихое, слабое, но явственно слышное рыданіе пробудило меня отъ моей задумчивости. Я чувствовалъ, что оно доносилось съ кровати,—съ ложа смерти. Я прислушался въ агоніи суевѣрнаго ужаса, но звукъ не повторился. Я напрягалъ зрѣніе, стараясь уловить хотя бы малѣйшее движеніе тѣла, но оно не шевелилось. А между тѣмъ, я не могъ ошибиться. Я слышалъ звукъ, хотя слабый, и душа моя встрепенулась отъ него. Я рѣшительно и упорно уставился на тѣло. Прошло нѣсколько минутъ, но ничего не случилось, что могло бы разъяснить эту загадку. Наконецъ, я ясно увидѣлъ, что на щекахъ трупа, и по жилкамъ на опущенныхъ рѣсницахъ, появилась легкая, слабая, чуть замѣтная краска румянца. Въ припадкѣ несказаннаго ужаса, для котораго нѣтъ достаточно сильнаго выраженія въ языкѣ человѣческомъ, я почувствовалъ, что сердце мое перестало биться и члены окаменѣли. Но чувство долга вернуло мнѣ самообладаніе. Я не могъ болѣе сомнѣваться, что мы слишкомъ поторопились,—что Ровена еще жива. Необходимо было немедленно принять какія-нибудь мѣры; но башня находилась въ части замка, удаленной отъ помѣщенія слугъ—мнѣ некого было кликнуть—пришлось бы оставить комнату на нѣсколько минутъ—а на это я не могъ рѣшиться. Я попробовалъ одинъ привести ее въ чувство. Вскорѣ, однако, признаки жизни снова исчезли; румянецъ на щекахъ и рѣсницахъ угасъ, уступивъ мѣсто мраморной блѣдности; губы еще болѣе съежились и исказились въ зловѣщемъ выраженіи смерти; кожа пріобрѣла отвратительную ледяную скользкость; и трупъ снова закоченѣлъ. Я съ ужасомъ отшатнулся отъ ложа, и снова предался страстнымъ грезамъ о Лигейѣ.

Прошелъ часъ, когда (мыслимо-ли это) я вторично услыхалъ слабый звукъ, исходившій отъ кровати. Я прислушался—внѣ себя отъ страха. Звукъ повторился,—то былъ вздохъ. Бросившись къ тѣлу, я увидѣлъ—ясно увидѣлъ,—что губы его дрожатъ. Минуту спустя, онѣ раздвинулись, обнаживъ блестящій рядъ жемчужныхъ

зубовъ. Теперь, изумленіе боролось въ груди моей съ ужасомъ, который одинъ переполнялъ ее раньше. Я чувствовалъ, что въ глазахъ у меня темнѣетъ, что мой разумъ мѣшается; и только страшнымъ усиліемъ воли я принудилъ себя взяться за дѣло, къ которому призывалъ меня долгъ. Румянецъ появился на щекахъ, на лбу, на шеѣ Ровены; теплота разлилась по всему тѣлу; я чувствовалъ даже слабое біеніе сердца. Леди была жива; и я съ удвоенной энергіей принялся приводить ее въ чувство. Я теръ и смачивалъ ей виски и руки, примѣнялъ всѣ мѣры, какія могъ подсказать мнѣ опытъ и солидное знакомство съ медицинской литературой. Все было тщетно. Внезапно румянецъ исчезъ, сердце перестало биться, губы приняли выраженіе, свойственное мертвому, и, спустя, мгновеніе, трупъ оледенѣлъ, посинѣлъ и скорчился. Я снова предался грезамъ о Лигейѣ—и снова (мудрено-ли, что я дрожу, вспоминая объ этомъ)—снова легкое рыданіе донеслось до моего слуха съ кровати. Но зачѣмъ подробно описывать ужасы этой ночи? Зачѣмъ разсказывать, какъ снова и снова, до самаго разсвѣта, повторялась эта чудовищная драма оживленія; какъ всякое пробужденіе жизни заканчивалось возвратомъ къ еще болѣе суровой и непреодолимой смерти; какъ всякій разъ агонія имѣла видъ борьбы съ какимъ-то невидимымъ врагомъ, и какъ, послѣ каждой борьбы, наружность трупа странно измѣнялась. Поспѣшимъ къ концу.

Ночь уже почти прошла, и умершая снова зашевелилась—и сильнѣе чѣмъ прежде, хотя передъ этимъ состояніе трупа казалось еще болѣе безнадежнымъ, чѣмъ раньше. Я давно уже пересталъ бороться и двигаться, и сидѣлъ неподвижно на оттоманкѣ безпомощной жертвой вихря бѣшеныхъ ощущеній, среди которыхъ чувство невыразимаго страха было, пожалуй, наименѣе ужаснымъ, наименѣе потрясающимъ. Повторяю, тѣло зашевелилось,—и сильнѣе, чѣмъ прежде. Живой румянецъ вспыхнулъ еще ярче на его лицѣ, члены оживились, и если бы не опущенныя вѣки, если бы не саванъ, придававшій тѣлу могильный видъ, я могъ бы подумать, что Ровена стряхнула, наконецъ, узы смерти. Но если я все еще сомнѣвался, то всякое сомнѣніе исчезло, когда, поднявшись съ кровати, шатаясь, нетвердыми шагами, съ закрытыми глазами и видомъ лунатика—существо, закутанное въ саванъ, вышло на середину комнаты.

Я не вздрогнулъ, не пошевелился, потому что рой неизъяснимыхъ впечатлѣній, связанныхъ съ наружностью, ростомъ, осанкой этой фигуры, парализовалъ меня, превратилъ въ камень. Я не пошевелился, я смотрѣлъ, не спуская глазъ, на привидѣніе. Безсвязныя, безпорядочныя мысли роились въ моемъ мозгу. Неужели это *живая* Ровена стоитъ передо мной? Неужели *это* Ро-

вена? златокудрая, голубоокая леди Ровена Тревеніонъ Тременъ? Почему, почему я сомнѣвался въ этомъ? Повязка свѣшивалась вокругъ рта—развѣ это не ротъ леди Тременъ? А щеки—на нихъ распустились розы, какъ въ расцвѣтѣ ея жизни—да, безъ сомнѣнія, онѣ могли быть щеками леди Тременъ. А подбородокъ съ его ямочками, какъ въ дни ея здоровья, отчего бы ему не быть ея подбородкомъ?—да, но значитъ она выросла со времени своей болѣзни? Какое невыразимое безуміе овладѣло мною при этой мысли? Однимъ прыжкомъ я очутился подлѣ нея! Она отшатнулась, погребальный покровъ свалился съ ея головы, и въ безпокойной атмосферѣ комнаты разметались длинные, пышные волосы; они были чернѣе вороновыхъ крыльевъ полночи! Тогда медленно открылись глаза той, которая стояла передо мной.—«Теперь,—воскликнулъ я громко,—теперь я не могу ошибиться, вотъ они, огромные, черные, дикіе глаза моей утраченной любви—леди, леди Лигейи».

Морэлла.

Αυτο καθ' αυτο μεθ' αυτου μονοειδες αιει ον.

Самъ, самимъ собою только, вѣчно одинъ, и единственный.
Платонъ. Sympos.

Съ чувствомъ глубокой, но странной нѣжности смотрѣлъ я на мою подругу Морэллу. Когда случай свелъ насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, душа моя, съ первой же встрѣчи нашей, загорѣлась огнемъ, котораго никогда раньше не знала; но это не былъ огонь Эроса и я съ горькимъ, мучительнымъ чувствомъ убѣдился, что не могу опредѣлить его странную сущность, его смутный пылъ. Но мы встрѣтились, и судьба связала насъ передъ алтаремъ, и я никогда не говорилъ о страсти, не думалъ о любви. Какъ бы то ни было, она избѣгала общества и, привязавшись ко мнѣ одному, доставила мнѣ счастье. Развѣ не счастье — удивляться, развѣ не счастье — мечтать?

Морэлла обладала глубокими познаніями. Дарованія ея были не зауряднаго свойства,—силы ума колоссальныя. Я чувствовалъ это и во многихъ отношеніяхъ сдѣлался ея ученикомъ. Вскорѣ, однако, можетъ быть, подъ вліяніемъ своего пресбургскаго воспитанія, она заставила меня углубиться въ мистическія произведенія, которыя считаются обыкновенно мусоромъ ранней германской литературы. По непонятной для меня причинѣ онѣ были любимымъ и постоян-

нымъ предметомъ ея занятій,—которыя съ теченіемъ времени сдѣлались и моими, просто въ силу привычки и примѣра.

Если не ошибаюсь, мой разсудокъ не игралъ при этомъ самостоятельной роли. Или я мало себя знаю,—или мои воззрѣнія вовсе не идеалистическаго характера и никакихъ слѣдовъ мистицизма нельзя замѣтить въ моихъ поступкахъ и мысляхъ. Убѣжденный въ этомъ, я отдался руководству жены, и рѣшительно вступилъ въ кругъ ея запутанныхъ занятій. И тогда—когда, вчитываясь въ запретныя страницы, я чувствовалъ, что запретный духъ загорается во мнѣ—она брала мою руку своей холодной рукой и выискивала въ пеплѣ мертвой философіи нѣсколько тихихъ странныхъ словъ, необычайный смыслъ которыхъ огненными буквами запечатлѣвался въ моемъ мозгу. И по цѣлымъ часамъ я сидѣлъ подлѣ нея, прислушиваясь къ музыкѣ ея голоса, пока, наконецъ, его мелодія не окрашивалась ужасомъ, и тѣнь ложилась на мою душу, и я дрожалъ, прислушиваясь къ его слишкомъ не земнымъ звукамъ. И такимъ-то образомъ радость превращалась въ страхъ и прекраснѣйшее становилось гнуснѣйшимъ, какъ Гинномъ сдѣлался Геенной.

Безполезно передавать точное содержаніе тѣхъ вопросовъ, которые, подъ вліяніемъ упомянутыхъ книгъ, сдѣлались со временемъ единственной темой нашихъ бесѣдъ съ Морэллой. Для людей, знакомыхъ съ тѣмъ, что можетъ быть названо теологической моралью, они и такъ понятны, а незнакомые съ нею все равно ничего не поймутъ. Дикій Пантеизмъ Фихте, измѣненная Παλιγγενεσεία пифагорейцевъ, а въ особенности доктрина Тождества, развитая Шеллингомъ — вотъ темы, больше всего увлекавшія фантазію Морэллы. Мнѣ кажется, Локкъ правильно опредѣляетъ такъ называемое индивидуальное тождество, говоря, что оно заключается въ постоянно одинаковой сущности индивидуальнаго разума. Мы называемъ личностью мыслящее существо, одаренное разумомъ и сознаніемъ, которое всегда сопровождаетъ мышленіе и дѣлаетъ насъ нами самими, отличая отъ другихъ мыслящихъ существъ и доставляя намъ индивидуальное тождество. Но principium individuationis, понятіе о тождествѣ, которое со смертью остается или исчезаетъ навѣки, всегда представляло для меня особый интересъ; не столько по связаннымъ съ этимъ понятіемъ выводамъ, сколько по страстному отношенію къ нимъ Морэллы.

Но наступило время, когда таинственность моей жены стала угнетать меня, какъ колдовство. Я не могъ выносить прикосновенія ея блѣдныхъ пальцевъ, грудныхъ звуковъ ея музыкальнаго голоса, блеска ея печальныхъ глазъ. Она знала объ этомъ, но не возмущалась; повидимому, она снисходила къ моей слабости или безумію и, улыбаясь, говорила, что таковъ рокъ. Кажется, она знала

также о причинѣ моей перемѣны,—причинѣ, неизвѣстной мнѣ самому, но ни разу не намекнула на нее. Но она была женщина и увядала съ каждымъ днемъ. Красныя пятна появились на ея щекахъ, голубыя жилы вздулись на бѣломъ лбу. Бывали минуты, когда мое сердце разрывалось отъ жалости, но стоило мнѣ взглянуть въ ея глубокіе глаза, и душа моя омрачалась, и я испытывалъ головокруженіе, какъ тотъ, кто стоитъ на краю бездонной пропасти.

Нужно-ли говорить, что я съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ смерти Морэллы. Я ожидалъ, но хрупкій духъ цѣплялся за свою бренную оболочку много дней, много недѣль, много томительныхъ мѣсяцевъ, такъ что мои измученные нервы одержали, наконецъ, верхъ надъ разсудкомъ, и я бѣсился на эту отсрочку, и полный адской злобы проклиналъ дни, часы и горькія минуты, которыя, повидимому, удлинялись, по мѣрѣ того, какъ угасала ея нѣжная жизнь,—точно тѣни умирающаго дня.

Но въ одинъ осенній вечеръ, когда вѣтры покоятся въ небесахъ, Морэлла подозвала меня къ своей постели. Сѣрый туманъ клубился надъ землей, воды сіяли теплымъ блескомъ, а роскошная октябрьская листва въ лѣсу отливала цвѣтами радуги, упавшей съ неба.

— Наступилъ день дней,—сказала она, когда я подошелъ къ ней,—день всѣхъ дней для жизни и для смерти. Чудный день для сыновъ земли и жизни,—и еще болѣе чудный для сыновъ неба и смерти!

Я поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Я умираю,—продолжала она,—но я буду жить.

— Морэлла!

— Не было дня, когда ты могъ бы любить меня,—но ту, которую ты ненавидѣлъ при жизни, ты будешь обожать по смерти.

— Морэлла!

— Говорю тебѣ, я умираю. Но во мнѣ таится залогъ привязанности—о, какой слабой!—которую ты питалъ ко мнѣ, Морэллѣ. И когда мой духъ отлетитъ,—будетъ жить ребенокъ, твой ребенокъ, и мой, Морэллы. Но дни твои будутъ днями скорби,—скорби, которая долговѣчнѣе всѣхъ ощущеній, какъ кипарисъ долговѣчнѣе всѣхъ деревьевъ. Ибо дни твоего счастья миновали; а радость не повторяется въ жизни дважды, какъ розы Пестума не расцвѣтаютъ дважды въ годъ. Ты не будешь наслаждаться жизнью,—но, забывъ о миртахъ и виноградныхъ лозахъ, будешь всюду влачить съ собою свой саванъ, какъ мусульманинъ въ Меккѣ.

— Морэлла!—воскликнулъ я,—Морэлла, какъ можешь ты знать объ этомъ?—но она отвернулась, легкая дрожь пробѣжала по ея членамъ,—и она умерла и я не слыхалъ болѣе ея голоса.

Но, какъ и предсказала Морэлла, ребенокъ, которому она въ смерти дала рожденіе,—который началъ дышать лишь только она испустила послѣднее дыханіе—ребенокъ, дочь, осталась въ живыхъ. И странно развивалась она духомъ и тѣломъ—вылитый портретъ своей матери—и я любилъ ее такой пламенной любовью, какой, казалось мнѣ, нельзя любить кого бы то ни было изъ граждaнъ земли.

Но лазурь этой чистой привязанности скоро омрачилась, и уныніе, страхъ, скорбь заволокли ее черной тучей. Я сказалъ, что ребенокъ странно развивался духомъ и тѣломъ. Да, поразителенъ былъ быстрый ростъ ея тѣла, но ужасенъ, о! ужасенъ былъ шумный рой мыслей, осаждавшихъ меня, когда я слѣдилъ за ея духовнымъ развитіемъ. Могло-ли быть иначе, когда я ежедневно открывалъ въ идеяхъ ребенка силу и зрѣлость ума взрослой женщины? когда уроки житейской опытности раздавались изъ устъ младенца? когда мудрость или страсти зрѣлаго возраста ежечасно свѣтились въ ея большихъ, задумчивыхъ глазахъ? Когда все это стало очевиднымъ для моихъ встревоженныхъ чувствъ, когда я не могъ болѣе утаить отъ самого себя, или заглушить впечатлѣній, отъ котораго меня бросало въ дрожь,—мудрено-ли, что тогда страшныя, смутныя подозрѣнія закрались мнѣ въ душу, и мысли мои съ ужасомъ обратились къ страннымъ разсказамъ и поразительнымъ теоріямъ покойной Морэллы? Я укрылъ отъ людскихъ глазъ существо, которое волею судебъ былъ вынужденъ обожать,—и въ тиши моего дома съ мучительнымъ безпокойствомъ слѣдилъ за всѣмъ, что касалось этого возлюбленнаго существа.

И по мѣрѣ того какъ уходили годы, а я день за днемъ смотрѣлъ на ея небесное, кроткое, выразительное лицо, на ея созрѣвающія формы - мнѣ день за днемъ открывались въ ней новыя и новыя черты сходства съ матерью, съ печалью и смертью. Съ каждымъ часомъ сгущались эти тѣни сходства, становясь все болѣе законченными, болѣе рѣзкими, болѣе зловѣщими. Не то меня смущало, что ея улыбка напоминала улыбку матери,—пугало меня ихъ полное т о ж д е с т в о. И пусть бы глаза ея походили на глаза Морэллы,—но ихъ взглядъ слишкомъ часто проникалъ въ глубину моей души, съ особеннымъ, страннымъ, напряженнымъ, смущающимъ выраженіемъ глазъ Морэллы. И въ контурахъ высокаго лба, и въ локонахъ шелковистыхъ кудрей, и въ блѣдныхъ пальцахъ, которые расправляли ихъ, и въ грустной музыкѣ рѣчей,—и главное,—о, главное въ выраженіяхъ и фразахъ умершей на устахъ любимой и живущей,—я находилъ пищу для пожирающаго безпокойства и ужаса, для червя, который н е х о т ѣ л ъ умирать.

Такъ прошли два люстра ея жизни,—а моя дочь все еще не

носила имени на землѣ. «Дитя мое» и «радость моя» вотъ названія, внушенныя нѣжностью отца,—а другихъ людей она не встрѣчала въ своемъ строгомъ уединеніи. Имя Морэллы умерло вмѣстѣ съ нею. Я никогда не говорилъ съ дочерью о матери: это было невозможно. Такъ, въ теченіе короткаго періода своего существованія, она не получала никакихъ впечатлѣній изъ внѣшняго міра, кромѣ тѣхъ, которыя обусловливались тѣснымъ кругомъ ея жизни. Но въ концѣ концовъ обрядъ крещенія представился моей измученной и взволнованной душѣ, какъ выходъ изъ ужасовъ моего существованія. И у купели я колебался, какое имя дать ей. И много именъ, означающихъ мудрость и красоту, именъ древнихъ и новыхъ, именъ моей родины и чуждыхъ странъ, трепетали на моихъ губахъ,—много именъ, означающихъ кротость, добро и счастье. Что же толкнуло меня потревожить память покойницы? Какой демонъ вырвалъ у меня изъ устъ звуки, при воспоминаніи о которыхъ вся моя кровь приливала къ сердцу? Какой адскій духъ говорилъ въ тайникахъ моей души, когда въ тускломъ полусвѣтѣ, въ безмолвіи ночи я шепнулъ святому человѣку имя—Морэлла? Какой болѣе чѣмъ адскій духъ исказилъ судорогой черты моего дитяти и покрылъ ихъ смертною тѣнью, когда, вздрогнувъ при этомъ едва слышномъ звукѣ, она обратила свои блестящіе глаза къ небу и, падая на черныя плиты нашего фамильнаго склепа, отвѣчала:—Я здѣсь!

Ясно, съ холодной, спокойной отчетливостью прозвучали эти слова въ моихъ ушахъ, и какъ растопленный свинецъ, шипя, проникли въ мой мозгъ. Годы—годы пройдутъ, но воспоминаніе объ этой эпохѣ—никогда! И хоть не чуждался я цвѣтовъ и виноградной лозы,—но цикута и кипарисъ осѣняли меня днемъ и ночью. И потерялъ я сознаніе времени и мѣста, и звѣзды моей судьбы скатились съ неба, и земля одѣлась тьмою, и ея образы проходили мимо меня, какъ тѣни, и среди нихъ я видѣлъ одну—Морэллу. Но она умерла; и своими руками зарылъ я ее въ могилу; и смѣялся долгимъ и горькимъ смѣхомъ, не находя слѣдовъ первой въ томъ склепѣ, гдѣ похоронилъ я вторую—Морэллу.

Метценгерштейнъ.

Pestis eram vivus — moriens tua mors ero.

Martin Luther.

Ужасъ и рокъ блуждали по землѣ во всѣ вѣка. Къ чему же указывать время, къ которому относится мой разсказъ? Ограничусь замѣчаніемъ, что въ эпоху, о которой я говорю, въ Средней Вен-

гріи существовала твердая, хотя скрываемая, вѣра въ ученіе о переселеніи душъ. О самомъ ученіи, то есть о его лживости или вѣроятности, я ничего не скажу. Утверждаю, впрочемъ, что наше недовѣріе въ значительной мѣрѣ «vient de ne pouvoir être seuls» (какъ говоритъ Ла-Брюйеръ о несчастьи)*).

Но въ этихъ венгерскихъ суевѣріяхъ были пункты, положительно граничившіе съ абсурдомъ. Они, венгерцы, расходились въ очень существенныхъ вещахъ съ своими восточными авторитетами. Напримѣръ. «Душа — говорятъ первые (я цитирую слова одного остроумнаго и интеллигентнаго парижанина)—ne demeure qu'un seul fois dans un corps sensible. Ainsi—un cheval, un chien, un homme même, n'est que la ressemblance illusoire de ces êtres».

Фамиліи Берлифитцингъ и Метценгерштейнъ враждовали изъ вѣка въ вѣкъ. Никогда еще два такихъ знаменитыхъ дома не питали другъ къ другу такой смертельной вражды. Происхожденіе этой вражды, кажется, нужно искать въ словахъ древняго пророчества: «Страшное паденіе постигнетъ высокое имя, когда, какъ всадникъ надъ лошадью, смертность Метценгерштейновъ восторжествуетъ надъ безсмертіемъ Берлифитцинговъ».

Безъ сомнѣнія, слова эти сами по себѣ почти или вовсе лишены смысла. Но и болѣе вздорныя причины приводили, и не такъ давно еще, къ столь же значительнымъ послѣдствіямъ. Къ тому же оба владѣнія, будучи смежными, издавна соперничали въ дѣлахъ управленія страной. Далѣе, близкіе сосѣди рѣдко бываютъ друзьями, а обитатели замка Берлифитцингъ могли заглянуть изъ своихъ высокихъ башенъ прямо въ окна дворца Метценгерштейнъ. А болѣе чѣмъ феодальное великолѣпіе, усматриваемое за этими окнами, отнюдь не могло укротить раздражительныя чувства менѣе древнихъ и менѣе богатыхъ Берлифитцинговъ. Что же удивительнаго, если слова пророчества, хотя и глупыя, успѣли поселить и поддерживать вражду между двумя фамиліями, уже предрасположенными къ распрямъ наслѣдственнымъ соперничествомъ. Пророчество, повидимому, сулило, если только оно сулило что-нибудь, торжество уже упомянутому болѣе могущественному дому и, конечно, возбуждало этимъ самымъ сильнѣйшее ожесточеніе въ представителяхъ болѣе слабаго и менѣе вліятельнаго.

Вильгельмъ, графъ Берлифитцингъ, несмотря на свое высокое

---

*) Мерсье въ «L'an deux mille quatre cent quarante» серьезно защищаетъ доктрину Метампсихоза, а І. Д. Израэли говоритъ, что «изъ всѣхъ системъ это самая простая и наиболѣе легко воспринимаемая разсудкомъ».

происхожденіе, былъ, въ эпоху нашего разсказа, дряхлый и слабоумный старикъ, замѣчательный только своей упорной и непомѣрной антипатіей къ семьѣ соперника, и такой страстью къ лошадямъ и охотѣ, что ни преклонный возрастъ, ни тѣлесная слабость, ни разстройство ума не могли удержать его отъ ежедневныхъ и опасныхъ охотничьихъ подвиговъ.

Фредерикъ, баронъ Метценгерштейнъ, былъ еще не старый человѣкъ. Его отецъ, министръ Г., умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Мать, леди Марія, вскорѣ послѣдовала за нимъ. Фредерику исполнилось въ это время восемнадцать лѣтъ. Въ городѣ восемнадцать лѣтъ не долгій періодъ; но въ глуши—въ такой великолѣпной глуши, какую представляло изъ себя старое помѣстье, маятникъ качается гораздо степеннѣе.

Въ силу нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ молодой баронъ тотчасъ послѣ кончины своего родителя вступилъ во владѣніе его обширными имѣніями. Такое состояніе рѣдко доставалось венгерскому магнату. Замкамъ его счета не было. Главный изъ нихъ по великолѣпію и размѣрамъ былъ «Дворецъ Метценгерштейнъ». Окружность этого имѣнія никогда не опредѣлялась точно, но главный паркъ его занималъ пространство въ пятьдесятъ миль.

Зная характеръ молодого наслѣдника, не трудно было догадаться, какъ онъ распорядится своимъ колоссальнымъ состояніемъ. Дѣйствительно, не прошло и трехъ дней, какъ его подвиги уже превзошли ожиданія его самыхъ восторженныхъ поклонниковъ. Безстыдный развратъ, гнусныя предательства, неслыханныя жестокости живо убѣдили дрожащихъ вассаловъ, что ни рабская угодливость съ ихъ стороны, ни требованія совѣсти съ его—не въ силахъ обезопасить ихъ отъ когтей маленькаго Калигулы. На четвертый день, вечеромъ, загорѣлись конюшни замка Берлифитцингъ и единодушное мнѣніе сосѣдей прибавило поджогъ къ безобразному уже списку преступленій и гнусностей барона.

Но во время суматохи, произведенной этимъ событіемъ, юный магнатъ сидѣлъ, повидимому, погруженный въ глубокія размышленія, въ обширной и угрюмой верхней залѣ фамильнаго дворца Метценгерштейнъ. Великолѣпныя хотя и поблекшія ткани, угрюмо свѣшивавшіяся по стѣнамъ, представляли безконечную вереницу туманныхъ и величавыхъ образовъ—его знаменитыхъ предковъ. Здѣсь прелаты и кардиналы въ горностаевыхъ мантіяхъ, въ кругу властителей и сувереновъ, налагающія veto на желанія земнаго короля или удерживающіе верховнымъ fiat папы мятежный скипетръ князя тьмы. Тамъ мрачныя, рослыя фигуры князей Метценгерштейнъ—попирающимъ копытами боевыхъ коней вражескіе трупы, поражали самые крѣпкіе нервы своимъ грознымъ

видомъ; а тутъ роскошныя лебединыя фигуры дамъ былого времени уносились въ вихрѣ призрачнаго танца подъ звуки воображаемой мелодіи.

Между тѣмъ, какъ баронъ прислушивался или дѣлалъ видъ, что прислушивается къ возростающему шуму въ конюшняхъ Берлифитцинга, а можетъ быть придумывалъ новую и еще болѣе смѣлую пакость, взоръ его нечаянно упалъ на изображеніе громадной лошади небывалой масти, принадлежавшей будто бы сарацину—родоначальнику дома его соперника. Сама лошадь, на переднемъ планѣ картины, стояла неподвижно, какъ статуя, а ея выбитый изъ сѣдла всадникъ погибалъ отъ меча Метценгерштейна.

Дьявольская улыбка мелькнула на губахъ Фредерика, когда онъ замѣтилъ картину, на которой безсознательно остановился его взоръ. Но онъ не отвелъ отъ нея глазъ. Какое-то непонятное для него самого безпокойство точно окутало саваномъ всѣ его душевныя способности. Онъ испытывалъ что-то странное, какой-то кошмаръ на яву. Чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе охватывали его эти чары, тѣмъ труднѣе ему было отвести взглядъ отъ околдовавшаго его ковра. Но суматоха снаружи все возростала—и онъ судорожнымъ усиліемъ оторвался отъ картины и взглянулъ на багровое зарево, виднѣвшееся изъ окна. Это, однако, удалось ему лишь на мгновеніе—въ ту же минуту взоръ его машинально вернулся къ картинѣ. Къ своему крайнему изумленію и ужасу онъ убѣдился, что голова гигантскаго коня измѣнила свое положеніе. Шея животнаго, раньше нагнувшаяся, какъ бы въ горести, надъ поверженнымъ господиномъ, теперь вытянулась по направленію къ барону. Глаза, раньше невидимые, приняли человѣческое выраженіе и налились кровью, а губы очевидно взбѣшеннаго коня раздвигались, обнаруживая рядъ безобразныхъ зубовъ.

Пораженный ужасомъ, молодой магнатъ попятился къ двери. Когда онъ распахнулъ ее, полоса багроваго свѣта ворвалась въ комнату, тѣнь барона упала на коверъ; и онъ содрогнулся, замѣтивъ, что она пришлась какъ разъ на изображеніе безпощаднаго и торжествующаго убійцы сарацина Берлифитцинга.

Чтобы избавиться отъ кошмара, баронъ вышелъ на воздухъ. У главныхъ воротъ замка онъ встрѣтилъ трехъ конюховъ. Съ большимъ трудомъ, съ явною опасностью для жизни они удерживали бѣшено рвавшагося гигантскаго коня.

— Что за лошадь?... Куда вы ее ведете? — сердито спросилъ юноша, тотчасъ замѣтивъ, что это бѣшеное животное двойникъ фантастической лошади на коврѣ.

— Эта ваша собственность, господинъ,—отвѣчалъ одинъ изъ конюховъ,—по крайней мѣрѣ, никто не заявилъ на нее правъ. Мы

поймали ее, когда она мчалась вся въ пѣнѣ, отъ горящихъ конюшенъ замка Берлифитцингъ. Предполагая, что это лошадь стараго графа, мы отвели ее въ замокъ, но тамъ сказали, что у нихъ никогда не было такой лошади. Это тѣмъ болѣе странно, что, какъ видно по слѣдамъ на ея тѣлѣ, она выбѣжала изъ огня.

— А на лбу у нея выжжены буквы В. Ф. Б.,—замѣтилъ другой конюхъ, — я думалъ, что это начальныя буквы Вильгельмъ фонъ-Берлифитцингъ; но всѣ въ замкѣ говорятъ, что имъ неизвѣстна эта лошадь.

— Въ высшей степени странно!—задумчиво произнесъ молодой баронъ, очевидно, не сознавая своихъ словъ.—Вы правду говорите—лошадь замѣчательная — чудная лошадь! хотя, какъ вы справедливо замѣтили, дикаго и неукротимаго характера; пусть же она будетъ моею, — прибавилъ онъ послѣ непродолжительной паузы, —быть можетъ, такой наѣздникъ, какъ Фредерикъ Метценгерштейнъ, справится и съ чортомъ изъ конюшенъ Берлифитцинга.

— Вы ошибаетесь, господинъ; лошадь не изъ конюшенъ графа. Если бъ это было такъ, мы бы не осмѣлились привести ее представителю вашей фамиліи.

— Правда!—отрывисто замѣтилъ баронъ, и въ эту самую минуту изъ замка выбѣжалъ пажъ, раскраснѣвшійся и въ попыхахъ. Онъ шепотомъ сообщилъ барону о внезапномъ исчезновеніи куска драпировки изъ комнаты, которую назвалъ, прибавивъ при этомъ какія-то подробности; но они разговаривали такъ тихо, что любопытство конюховъ осталось неудовлетвореннымъ.

Въ теченіе этого разговора юный Фредерикъ, повидимому, волновался подъ наплывомъ разнородныхъ чувствъ. Впрочемъ, онъ скоро оправился и съ злобной рѣшимостью приказалъ немедленно запереть комнату, о которой шла рѣчь, и принести ему ключъ.

— Слышали вы о смерти стараго охотника Берлифитцинга?—спросилъ барона одинъ изъ вассаловъ, когда, по уходѣ пажа, гигантская лошадь, которую присвоилъ магнатъ, съ удвоеннымъ бѣшенствомъ устремилась по узкой аллеѣ, соединявшей дворецъ съ конюшнями Метценгерштейновъ.

— Нѣтъ,—сказалъ баронъ, быстро обернувшись къ вассалу,—умеръ, говоришь?

— Умеръ, господинъ; для представителя вашей фамиліи такая вѣсть, я полагаю, не будетъ непріятной.

Улыбка мелькнула на лицѣ барона.—Какъ же онъ умеръ?

— Стараясь спасти своихъ любимыхъ лошадей, самъ погибъ въ огнѣ.

— Да-а-а! — протянулъ баронъ, точно пораженный внезапно какой-то странной мыслью.

— Да,—повторилъ вассалъ.

— Ужасно! — хладнокровно сказалъ баронъ и спокойно вернулся во дворецъ.

Съ этого дня странная перемѣна произошла въ поведеніи распутнаго юноши, барона Фредерика фонъ Метценгерштейнъ. Въ самомъ дѣлѣ оно обмануло всѣ ожиданія и совсѣмъ не соотвѣтствовало планамъ многихъ маменекъ, обладавшихъ дочерьми-невѣстами; а привычки и образъ жизни барона еще сильнѣе, чѣмъ прежде, расходились съ нравами сосѣдней аристократіи. Онъ не показывался за предѣлами своихъ владѣній и въ этомъ обширномъ и общежительномъ свѣтѣ оставался одинъ одинешенекъ, — если только эта странная, бѣшеная, огненной масти лошадь, на которой онъ съ тѣхъ поръ постоянно ѣздилъ, не пріобрѣла какимъ-то таинственнымъ путемъ права называться его другомъ.

Какъ бы то ни было, со стороны сосѣдей періодически получались многочисленныя приглашенія. «Не соблаговолитъ-ли, баронъ, почтить своимъ присутствіемъ нашъ праздникъ?» «Не угодно-ли барону принять участіе въ охотѣ на кабана?» — «Метценгерштейнъ не охотится», «Метценгерштейнъ не будетъ» — таковы были высокомѣрные и лаконическіе отвѣты на эти приглашенія.

Такихъ оскорбленій не могла вынести гордая аристократія. Приглашенія становились все холоднѣе, присылались рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Вдова несчастнаго графа Берлифитцинга выразила даже надежду, — что «баронъ будетъ дома, когда не захочетъ быть дома, если онъ пренебрегаетъ обществомъ себѣ равныхъ, и поѣдетъ верхомъ, когда не захочетъ ѣхать верхомъ, если онъ предпочитаетъ общество лошади». Разумѣется, это была очень глупая вспышка наслѣдственной вражды и только лишній разъ доказала, какую замѣчательную безсмыслицу можемъ мы изрекать, когда вздумаемъ выразиться по энергичнѣе.

Сострадательные люди приписывали перемѣну въ поведеніи юнаго магната естественной горести сына о безвременной кончинѣ отца, забывая его жестокое и безсовѣстное поведеніе въ теченіе короткаго періода, непосредственно слѣдовавшаго за этой потерей. Иные намекали на слишкомъ высокое мнѣніе барона о своихъ достоинствахъ. Иные, наконецъ (въ томъ числѣ и домашній врачъ барона), толковали о черной меланхоліи и наслѣдственномъ недугѣ, сопровождая свои разсужденія темными намеками болѣе двусмысленнаго свойства, которые толпа обсуждала на свой ладъ.

Въ самомъ дѣлѣ, неестественная привязанность барона къ своему новому коню, повидимому, возроставшая послѣ каждаго новаго проявленія бѣшеной и дьявольской натуры животнаго, —

приняла, наконецъ, отвратительный и противоестественный характеръ, по мнѣнію всѣхъ здравомыслящихъ людей. При свѣтѣ луны, въ мертвую полночь, въ бурю и въ ясную погоду, здоровый или больной, — Метценгерштейнъ, точно прикованный къ сѣдлу, не разлучался съ колоссальнымъ конемъ,—неукротимый пылъ котораго такъ гармонировалъ съ его духомъ.

Къ тому же нѣкоторыя обстоятельства, связанныя съ послѣдними событіями, придавали неестественный и чудовищный характеръ маніи наѣздника и силѣ коня. Пространство, проходимое однимъ прыжкомъ, было тщательно измѣрено, и, какъ оказалось, превосходило самую дикую фантазію. Далѣе баронъ не далъ коню никакого имени, хотя всѣ остальныя его лошади носили характерныя названія. Конюшня новой лошади была устроена отдѣльно отъ другихъ; при ней не было конюха и никто, кромѣ самого барона, не смѣлъ ухаживать за конемъ, ни даже входить въ конюшню. Замѣчено было также, что хотя три конюха, поймавшіе коня, когда онъ мчался изъ пылающей усадьбы Берлифитцинга, успѣли остановить его съ помощью металлической узды и аркана, но ни одинъ изъ нихъ не могъ припомнить, чтобы ему удалось, во время этой опасной борьбы, коснуться тѣла животнаго. Замѣчательная понятливость благороднаго и породистаго коня не могла, конечно, возбуждать чрезмѣрнаго удивленія, но нѣкоторыя особенности въ его характерѣ изумляли самыхъ флегматическихъ скептиковъ; бывали, говорятъ, случаи, когда толпа, собравшаяся поглазѣть на него, отступала въ ужасѣ, пораженная страннымъ загадочнымъ смысломъ его бѣшеныхъ порывовъ, — и самъ юный Метценгерштейнъ блѣднѣлъ, отворачивался, не вынося его пристальнаго, пытливаго, человѣческаго взгляда.

Впрочемъ, никто изъ дворни барона не сомнѣвался въ искренней и необычайной привязанности молодого магната къ его гордому коню; никто, кромѣ развѣ одного ничтожнаго и уродливаго пажа, безобразіе котораго бросалось въ глаза и мнѣнія котораго не могли идти въ счетъ. Онъ (если только стоитъ упоминать о его словахъ) нахально утверждалъ, будто его господинъ никогда не садится на коня безъ дрожи, правда, едва примѣтной; а когда возвращается изъ своихъ ежедневныхъ поѣздокъ, то каждый мускулъ его лица дрожитъ отъ злобнаго торжества.

Въ одну бурную ночь Метценгерштейнъ, очнувшись отъ тяжелаго сна, какъ бѣшеный выбѣжалъ изъ спальни, вскочилъ на сѣдло и умчался въ лѣсъ. Никто не обратилъ вниманія на эту выходку, такъ какъ подобныя происшествія случались и раньше, но съ тѣмъ большимъ безпокойствомъ дожидались его возвращенія, когда, нѣсколько часовъ спустя, колоссальныя и великолѣпныя постройки

дворца Метценгерштейновъ затрещали и поколебались до самаго основанія, объятыя чудовищной массой багроваго, неукротимаго пламени.

Когда пожаръ разбушевался до того, что исчезла всякая надежда отстоять хоть часть зданія,—сосѣди столпились вокругъ дворца въ безмолвномъ, почти апатическомъ удивленіи. Но вскорѣ новое и страшное зрѣлище приковало вниманіе толпы, доказавъ, насколько впечатлѣніе человѣческой агоніи сильнѣе и поразительнѣе самаго потрясающаго явленія неорганической природы. На длинной дубовой аллеѣ, простиравшейся отъ главныхъ воротъ замка къ лѣсу, показался всадникъ—безъ шляпы, растерзанный—на гигантскомъ конѣ, который мчался точно гонимый самимъ демономъ бури.

Очевидно, всадникъ не въ силахъ былъ справиться съ лошадью. Его искаженное лицо, судорожная борьба, свидѣтельствовали о нечеловѣческомъ напряженіи силъ; но только однажды отрывистый крикъ вырвался изъ его истерзанныхъ губъ, искусанныхъ въ припадкѣ ужаса. На мгновеніе топотъ копытъ звонко, рѣзко раздался сквозь ревъ пламени и завыванія вѣтра—еще мгновеніе, и, перемахнувъ однимъ прыжкомъ ровъ и ворота замка, конь взлетѣлъ по шатающейся лѣстницѣ и вмѣстѣ съ всадникомъ исчезъ въ вихрѣ хаотическаго пламени.

Буря мгновенно утихла и наступило мертвое затишье. Бѣлое пламя по прежнему окутывало дворецъ подобно савану, далеко отбрасывая зловѣщее зарево,—а клубы дыма, тяжело расплываясь надъ зданіемъ, приняли ясныя очертанія колоссальной лошади.

Убійство въ улицѣ Моргъ.

> Какую пѣсню пѣли Сирены, или какое имя носилъ Ахиллесъ, въ то время какъ скрывался среди женщинъ,—вопросы, конечно, любопытные, но совершенно не разрѣшимые.
>
> Сэръ Томасъ Броунъ.

Такъ называемыя аналитическія способности ума почти не доступны анализу. Мы знаемъ только ихъ проявленія. Мы знаемъ также, что онѣ являются источникомъ живѣйшихъ наслажденій для того, кто обладаетъ ими, въ болѣе чѣмъ обыкновенной степени. Какъ сильный физически человѣкъ радуется своей силѣ, прилагая ее къ мускульнымъ упражненіямъ, такъ аналитическій умъ торжествуетъ, предаваясь распутывающей дѣятельности. Онъ охотно берется за самыя тривіальныя занятія, если только они даютъ ему возможность приложить къ дѣлу свои способности. Онъ

радуется всякимъ загадкамъ, загвоздкамъ, іероглифамъ, обнаруживая при разъясненіи ихъ остроуміе, которое простымъ смертнымъ кажется сверхъестественнымъ. Результаты его, вытекающіе изъ методическаго и обдуманнаго изслѣдованія, кажутся плодомъ вдохновенія.

Способность къ распутыванію загадокъ, вѣроятно, усиливается изученіемъ математики, въ особенности ея высшаго отдѣла, несправедливо называемаго анализомъ, какъ бы par excellence. Но соображать не значитъ анализировать. Шахматный игрокъ, напримѣръ, соображаетъ, не прибѣгая къ анализу. Отсюда слѣдуетъ, что характеръ шахматной игры, въ смыслѣ упражненія ума, понимается совершенно превратно. Я не намѣренъ писать трактатъ на эту тему, я просто хочу высказать нѣсколько замѣчаній, скорѣе догадокъ, въ видѣ предисловія къ нижеслѣдующему разсказу. Итакъ, я утверждаю, что высшія способности мышленія болѣе связаны съ простой игрой въ шашки, чѣмъ съ затѣйливыми тонкостями шахматъ. Въ этой послѣдней игрѣ, гдѣ фигуры имѣютъ различные и причудливые ходы и представляютъ разную степень силы,—сложность принимается за глубину (ошибка довольно обыкновенная). Здѣсь требуется главнымъ образомъ вниманіе. Ослабѣй оно хоть на минуту—упущеніе сдѣлано, и вся игра разстроена или пропала. А возможность ходовъ, не только разнообразныхъ, но и въ обратномъ направленіи, усиливаетъ шансы на подобное упущеніе, такъ что въ девяти случаяхъ изъ десяти выиграетъ самый сосредоточенный, а не самый остроумный изъ игроковъ. Напротивъ, въ шашкахъ, гдѣ въ сущности только одинъ ходъ, который варьируетъ очень мало, вѣроятность прозѣвать незначительна, особеннаго вниманія не требуется, и побѣда зависитъ единственно отъ проницательности. Чтобы пояснить это конкретнымъ примѣромъ, представимъ себѣ партію въ шашки, въ которой остались только четыре дамки, и слѣдовательно разсѣянность не причемъ. Очевидно, здѣсь побѣда зависитъ (при равенствѣ игроковъ) отъ какого-нибудь особеннаго, recherche, движенія, результата сильнаго напряженія мысли. Лишенный обычныхъ рессурсовъ, аналитикъ проникаетъ въ душу противника, отождествляется съ нею и нерѣдко сразу видитъ тотъ единственный способъ (иногда до нелѣпости простой), съ помощью котораго можно вовлечь его въ ошибку или ускорить невѣрный разсчетъ.

Вистъ издавна считается игрой, требующей значительной силы соображенія; геніальнѣйшіе люди нерѣдко предавались ему съ увлеченіемъ, тогда какъ къ шахматамъ относились пренебрежительно. Безъ сомнѣнія, никакая другая игра не требуетъ такой способности къ анализу. Первый въ мірѣ шахматистъ можетъ быть только шах-

матистомъ; но умѣнье играть въ вистъ свидѣтельствуетъ о способности ко всякимъ другимъ, болѣе важнымъ предпріятіямъ, въ которыхъ умъ борется съ умомъ. Говоря умѣнье, я подразумѣваю то мастерство игры, при которомъ пользуются всѣми законными средствами, дающими перевѣсъ игроку. Они не только многочисленны, но и многообразны, и часто заключаются въ такихъ тонкихъ психологическихъ комбинаціяхъ, которыя недоступны обыкновенному пониманію. Внимательно наблюдать—значитъ ясно помнить; въ этомъ отношеніи внимательный игрокъ въ шахматы будетъ хорошо играть въ вистъ, такъ какъ правила игры (основанныя на изученіи ея механизма) понятны и общедоступны. Но искусство аналитика проявляется въ такихъ вещахъ, которыя не подчиняются правиламъ. Онъ дѣлаетъ тихомолкомъ массу наблюденій и замѣтокъ. Такъ же, быть можетъ, поступаютъ и его товарищи; но различіе въ цѣнности добытаго такимъ образомъ матеріала зависитъ не столько отъ наблюдаемаго объекта, сколько отъ качества наблюденія. Необходимо знать, что слѣдуетъ наблюдать. Нашъ игрокъ не сосредоточивается на чемъ-либо одномъ; не ограничивается непосредственнымъ объектомъ — игрою, а извлекаетъ указанія и изъ другихъ источниковъ. Онъ наблюдаетъ пріемы своего партнера, сравнивая ихъ съ пріемами противниковъ. Онъ замѣчаетъ, какъ кто держитъ и подбираетъ карты; и часто угадываетъ онеры или козыри на рукахъ сосѣда, по взглядамъ, которые тотъ бросаетъ на свои карты. Онъ слѣдитъ за игрой физіономій во время игры, и находитъ богатый матеріалъ для выводовъ въ выраженіяхъ увѣренности, удивленія, торжества или досады. По манерѣ брать взятку онъ заключаетъ, есть-ли на рукахъ другая. По манерѣ бросать карту догадывается объ умышленно неправильномъ ходѣ. Случайное или неосторожное слово; случайно упавшая или отвернувшаяся карта и выраженіе безпокойства или равнодушія, съ которымъ ее прячутъ; счетъ взятокъ и порядокъ ихъ размѣщенія; нерѣшительность, колебаніе, поспѣшность или робость — все даетъ ему точныя указанія на положеніе игры, хотя съ виду кажется, будто онъ дѣйствуетъ по вдохновенію. Послѣ двухъ—трехъ сдачъ онъ уже знаетъ карты въ каждой рукѣ и ходитъ навѣрняка, какъ будто бы карты сосѣдей были открыты.

Аналитическую способность не слѣдуетъ смѣшивать съ простой изобрѣтательностью, такъ какъ аналитикъ всегда изобрѣтателенъ, а изобрѣтательный человѣкъ часто совершенно неспособенъ къ анализу. Творческая или комбинирующая способность, въ которой проявляется обыкновенно изобрѣтательность, и для которой френологи (я думаю, ошибочно) указываютъ особый органъ, считая ее первичной способностью, такъ часто проявляется у людей, которые

въ другихъ отношеніяхъ приближаются къ идіотизму, что это обстоятельство давно уже обратило на себя вниманіе писателей и философовъ. Различіе между изобрѣтательностью и аналитической способностью гораздо больше, чѣмъ между фантастичностью и воображеніемъ, но такого же рода. Изобрѣтательные люди всегда фантазеры, а истинное воображеніе всегда свойственно аналитическимъ умамъ.

Нижеслѣдующій разсказъ послужитъ читателю какъ бы комментаріемъ къ вышеизложеннымъ соображеніямъ.

Проживая въ Парижѣ весною и лѣтомъ 18**, я познакомился съ г. Огюстомъ Дюпенъ. Это былъ молодой человѣкъ, хорошей, даже знаменитой фамиліи, но сцѣпленіе обстоятельствъ довело его до крайней нищеты, сломившей его энергію, такъ что онъ покорился судьбѣ и пересталъ добиваться положенія и богатства. Благодаря любезности кредиторовъ, у него остались кое-какія крохи наслѣдственнаго состоянія; на нихъ онъ и жилъ, удовлетворяя самымъ необходимымъ потребностямъ съ помощью строгой экономіи, и не заботясь объ излишествахъ. Единственная роскошь, которую онъ позволялъ себѣ, были книги, но въ Парижѣ это обходится недорого.

Въ первый разъ мы встрѣтились въ одной маленькой библіотекѣ на Монмартрѣ. Оказалось, что мы оба разыскивали одну и ту же весьма рѣдкую и замѣчательную книгу; это обстоятельство и сблизило насъ. Мы стали встрѣчаться все чаще и чаще. Меня крайне заинтересовала его семейная исторія, которую онъ разсказалъ мнѣ съ чисто французской откровенностью. Я поражался также его начитанностью, а главное, его причудливое, пылкое, живое воображеніе воспламеняло и меня. Въ виду цѣли моего тогдашняго пребыванія въ Парижѣ, общество такого человѣка являлось для меня безцѣнной находкой, и я откровенно сообщилъ ему объ этомъ. Въ концѣ концовъ мы рѣшили поселиться вмѣстѣ, и такъ какъ мои денежныя обстоятельства были въ нѣсколько лучшемъ состояніи, чѣмъ его, то онъ согласился, чтобы я нанялъ и меблировалъ, въ фантастическомъ стилѣ, соотвѣтствовавшемъ нашимъ характерамъ, курьезный ветхій домишко, разрушавшійся въ глухомъ уголку Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и давно оставленный жильцами изъ-за какихъ-то суевѣрій, о которыхъ мы не заботились.

Если бы посторонніе знали о нашемъ образѣ жизни въ этомъ домикѣ, мы, безъ сомнѣнія, прослыли бы сумасшедшими—хотя, быть можетъ, безвредными. Мы жили отшельниками. Посѣтители къ намъ не заглядывали. Я не сообщалъ никому изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ адресъ нашего жилища, а Дюпенъ давно уже раззнакомился со всѣми. Мы удовлетворялись собственнымъ обществомъ.

Одной изъ причудъ моего друга (ибо какъ же иначе это назвать?) было пристрастіе къ ночи, къ темнотѣ; я тоже поддался этой bizarrerie, какъ и другимъ его фантазіямъ. Печальная богиня не всегда была съ нами, но мы умѣли поддѣлать ея присутствіе. При первыхъ лучахъ разсвѣта, мы запирали массивныя ставни нашего стараго дома, и зажигали пару восковыхъ свѣчей, которыя, распространяя сильное благоуханіе, озаряли комнату блѣднымъ, зловѣщимъ свѣтомъ. При этомъ освѣщеніи мы предавались мечтамъ читали, писали, бесѣдовали, пока часы не возвѣщали намъ о наступленіи настоящей ночи. Тогда мы выходили изъ дома и гуляли по улицамъ, рука объ руку, продолжая нашу бесѣду, или бродили до поздняго часа, находя среди свѣта и тѣней многолюднаго города матеріалъ для безконечныхъ наблюденій и размышленій.

Во время этихъ прогулокъ я не могъ не замѣтить и не подивиться (хотя глубокій идеализмъ моего друга заставлялъ ожидать этого) замѣчательнымъ аналитическимъ способностямъ Дюпена. Повидимому, ему самому доставляло большое удовольствіе примѣнять ихъ къ дѣлу—а можетъ быть, и обнаруживать передъ другими—въ чемъ онъ и признавался откровенно. Онъ хвастался мнѣ, слегка подсмѣиваясь, будто для него открыты сердца почти всѣхъ людей,—и подтверждалъ это на дѣлѣ поразительными доказательствами, обнаруживавшими глубокое знаніе моего сердца. Въ такія минуты онъ былъ холоденъ и разсѣянъ, глаза его блуждали, а голосъ—сильный теноръ—становился пронзительнымъ и показался бы крикливымъ, если бы не совершенная обдуманность и ясность рѣчи. Наблюдая его въ такія минуты, я часто вспоминалъ старинную философію о раздвоеніи души, и фантазія рисовала мнѣ двухъ Дюпеновъ: созидающаго и разрушающаго.

Не вздумайте заключить изъ моихъ словъ, что я излагаю какую-нибудь тайну или сочиняю романъ. Все, что я разсказалъ объ этомъ французѣ, было только результатомъ возбужденнаго, быть можетъ, нездороваго разсудка. Но слѣдующій примѣръ можетъ дать понятіе о характерѣ его наблюденій.

Однажды ночью мы шли по длинной грязной улицѣ близь Пале-Рояля. Каждый изъ насъ былъ занятъ своими мыслями и въ теченіе по крайней мѣрѣ четверти часа мы не обмѣнялись ни словечкомъ. Вдругъ Дюпенъ прервалъ молчаніе.

— Дѣйствительно, онъ совсѣмъ карликъ, и больше бы годился для Thé âtre des Variétés. Театра Варьетэ.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ я машинально, не замѣтивъ въ эту минуту (до того я былъ поглощенъ своими размышленіями), какъ странно слова Дюпена согласовались съ моими мыслями. Но въ ту же минуту я опомнился, и изумленію моему не было границъ.

— Дюпенъ,—сказалъ я серьезнымъ тономъ,—это выше моего пониманія. Не стану и говорить, какъ я изумленъ: едва вѣрю своимъ ушамъ. Какъ могли вы догадаться, что я думаю о...—тутъ я остановился, чтобы провѣрить еще разъ, дѣйствительно-ли онъ знаетъ, о комъ я думаю.

— ...о Шантильи,—подхватилъ онъ,—что жь вы остановились! Вы говорили самому себѣ, что его незначительная фигура не подходитъ къ трагедіи.

Именно это и было предметомъ моихъ размышленій. Шантильи, quondam сапожникъ въ улицѣ Сенъ-Дени, увлекся театромъ и выступивъ въ роли Ксеркса въ трагедіи Кребильона, былъ жестоко осмѣянъ за свое исполненіе.

— Объясните мнѣ ради Бога,—сказалъ я,—методъ, если только тутъ можетъ быть какой-нибудь методъ, съ помощью котораго вы проникли въ мою душу.—Въ дѣйствительности я былъ еще сильнѣе пораженъ, чѣмъ показывалъ.

— Продавецъ фруктовъ,—отвѣчалъ мой другъ,—привелъ васъ къ заключенію, что этотъ «сапожныхъ дѣлъ мастеръ» не достаточно высокъ для Ксеркса et id genus omne.

— Продавецъ фруктовъ!.. вы удивляете меня!.. я не знаю никакого продавца фруктовъ.

— Человѣкъ, который столкнулся съ вами на углу, четверть часа тому назадъ.

Тутъ я припомнилъ, что на поворотѣ изъ улицы Ц. меня чуть не сбилъ съ ногъ торговецъ съ корзиной яблокъ на головѣ; но я не могъ понять, какое это имѣетъ отношеніе къ Шантильи.

Въ Дюпенѣ не было и тѣни шарлатанства.

— Я сейчасъ вамъ объясню,—сказалъ онъ,—и чтобы вы ясно поняли меня, прослѣжу весь ходъ вашихъ мыслей отъ настоящаго момента до той rencontre съ продавцемъ яблокъ. Вотъ главныя звенья цѣпи—Шантильи, Оріонъ, д-ръ Никольсъ, Эпикуръ, Стереотомія, груда булыжниковъ, продавецъ яблокъ.

Почти всякому случалось, хоть разъ въ жизни, изслѣдовать постепенный ходъ своихъ мыслей, приведшихъ къ извѣстному заключенію. Занятіе это часто исполнено интереса; и тотъ, кто берется за него въ первый разъ, поражается кажущимся отсутствіемъ связи и безграничнымъ разстояніемъ между исходнымъ пунктомъ и заключеніемъ. Каково же было мое изумленіе, когда я услышалъ слова француза и не могъ не согласиться, что онъ сказалъ совершенную правду. Онъ продолжалъ:

— Сколько помню, мы толковали о лошадяхъ передъ самымъ поворотомъ съ улицы Ц. То была послѣдняя тема нашего разговора. Когда мы свернули въ эту улицу, продавецъ фруктовъ, съ

большой корзиной на головѣ, бѣжавшій куда-то, толкнулъ васъ на груду булыжниковъ, сложенныхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ чинилась мостовая. Вы наступили на камень, поскользнулись, слегка ушибли ногу, пробормотали нѣсколько словъ съ сердитымъ или безпокойнымъ видомъ, повернулись и взглянули на груду камней,—затѣмъ молча пошли дальше. Я не особенно внимательно слѣдилъ за вами; но въ послѣднее время наблюденіе сдѣлалось для меня почти необходимостью.

«Вы шли опустивъ глаза, сердито поглядывая на рытвины и выбоины мостовой (стало быть, думали еще о камняхъ), пока мы не дошли до переулка Ламартина, вымощеннаго, въ видѣ опыта, тесаными камнями. Тутъ ваше лицо просвѣтлѣло и по движенію вашихъ губъ я догадался, что вы прошептали слово «стереотомія»—терминъ, который почему-то примѣняется къ этого рода мостовымъ. Я зналъ, что слово «стереотомія» должно вамъ напомнить объ атомахъ и слѣдовательно о теоріяхъ Эпикура; и такъ какъ въ нашемъ послѣднемъ разговорѣ на эту тему я сообщилъ вамъ, какъ удивительно—хотя это остается почти незамѣченнымъ—смутныя изысканія благороднаго грека подтверждаются новѣйшей небулярной космогоніей, то и могъ ожидать, что вы невольно взглянете на большое туманное пятно Оріона. Вы взглянули на него; это убѣдило меня, что я дѣйствительно угадалъ ваши мысли. Но въ насмѣшливой статьѣ о Шантильи, во вчерашнемъ номерѣ «Musée», авторъ, издѣваясь надъ сапожникомъ, перемѣнившимъ фамилію при поступленіи на сцену, цитировалъ латинскій стихъ, о которомъ мы часто говорили. Вотъ онъ:

Perdidit antiquum litera prima sonum.

«Я говорилъ вамъ, что это относится къ Оріону, называвшемуся раньше Уріономъ и связанная съ этимъ объясненіемъ игра словъ заставляла меня думать, что вы не забыли его. Въ такомъ случаѣ представленіе объ Оріонѣ должно было соединиться у васъ съ представленіемъ о Шантильи. Что такое сопоставленіе дѣйствительно мелькнуло у васъ, я замѣтилъ по вашей улыбкѣ. Вы задумались о фіаско бѣдняги сапожника. До тѣхъ поръ вы шли вашей обычной походкой, теперь выпрямились. Очевидно, вы подумали о маломъ ростѣ Шантильи. Тутъ я прервалъ нить вашихъ мыслей, замѣтивъ, что онъ, Шантильи, дѣйствительно карликъ и былъ бы больше на мѣстѣ въ Théâtre des Variétés.

Вскорѣ послѣ этого случая мы просматривали какъ-то вечеромъ «Gazette des Tribunaux», гдѣ прочли слѣдующую замѣтку:

Необыкновенное убійство.—Сегодня около трехъ часовъ утра, обитатели квартала Сенъ-Рошъ были разбужены страшными

криками, доносившимися, повидимому, изъ четвертаго этажа одного дома въ улицѣ Моргъ, единственными жильцами котораго были нѣкая madame Л'Эспанэ и ея дочь мадмуазель Камилла Л'Эспанэ. Послѣ неудачной попытки проникнуть въ домъ обычнымъ порядкомъ, дверь была выломана и человѣкъ восемь или десять вошли въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Тѣмъ временемъ крики прекратились, но когда толпа поднялась на первую площадку лѣстницы, можно было разслышать голоса ссорившихся людей, два или три, раздававшіеся изъ верхней части дома. Со второй площадки уже ничего не было слышно. Толпа разбрелась, осматривая комнаты. Въ большой комнатѣ четвертаго этажа (дверь которой пришлось сломать, такъ какъ ключъ оказался внутри) глазамъ явившихся открылось зрѣлище, поразившее всѣхъ ужасомъ и изумленіемъ.

Въ комнатѣ былъ страшный безпорядокъ, мебель изломана и разбросана. Бѣлье и тюфяки, сброшенные съ кровати, валялись на полу. На стулѣ лежала окровавленная бритва. Въ печкѣ нашли нѣсколько густыхъ длинныхъ клочьевъ сѣдыхъ человѣческихъ волосъ, тоже окровавленныхъ. На полу валялись четыре наполеондора, топазовая сережка, три большихъ серебряныхъ ложки, три поменьше изъ métal d'Alger и два мѣшка, въ которыхъ оказалось около четырехъ тысячъ франковъ золотомъ. Ящики комода и стола были выдвинуты и очевидно ограблены, хотя многія вещи остались на мѣстѣ. Маленькій, несгораемый сундукъ оказался подъ тюфякомъ (не подъ кроватью). Онъ былъ открытъ и ключъ еще находился въ замкѣ. Въ немъ оказалось только нѣсколько писемъ и неважныхъ бумагъ.

Никакихъ слѣдовъ г-жи Л'Эспанэ не было видно, но, замѣтивъ въ каминѣ необычайное количество сажи, жандармы изслѣдовали трубу и (страшно сказать!) вытащили оттуда тѣло дочери, засунутое туда внизъ головой. Оно еще не остыло, и было покрыто ссадинами; на лицѣ оказались глубокія царапины, на шеѣ черныя полосы и глубокіе слѣды ногтей, какъ будто покойная была задушена.

Обыскавъ весь домъ и не найдя ничего больше, отправились на маленькій дворикъ, позади дома, и здѣсь нашли трупъ г-жи Л'Эспанэ съ перерѣзаннымъ почти начисто горломъ, такъ что, когда тѣло подняли, голова отвалилась. Голова и тѣло были страшно обезображены, первая едва сохранила обликъ человѣческій.

Это ужасное происшествіе остается пока совершенно неразъясненнымъ. На слѣдующій день въ газетѣ явились дополнительныя свѣдѣнія:

Драма въ улицѣ Моргъ.—Нѣсколько лицъ были подверг-

нуты допросу, по поводу этого необычайнаго и страшнаго происшествія, но изъ ихъ показаній не выяснилось ничего, что бы могло бросить свѣтъ на эту загадку. Мы сообщаемъ ниже сущность показаній.

Полина Дюбуръ, прачка, объясняетъ, что она знала обѣихъ покойницъ три года, стирала на нихъ. Старая леди и ея дочь были, повидимому, въ хорошихъ отношеніяхъ—очень привязаны другъ къ другу. Платили онѣ очень аккуратно. Ничего не знаетъ объ образѣ ихъ жизни и средствахъ. Предполагаетъ, что г-жа Л'Эспанэ была ворожеей. По слухамъ, у нея водились деньги. Никогда никого не встрѣчала у нихъ. Убѣждена, что у нихъ не было прислуги. Кажется, мебель имѣлась только въ четвертомъ этажѣ.

Пьерръ Моро, содержатель табачной лавочки, доставлялъ г-жѣ Л'Эспанэ нюхательный табакъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Родился въ этомъ кварталѣ и никогда не покидалъ его. Покойница съ дочерью жили въ домѣ, гдѣ были найдены ихъ тѣла, шесть лѣтъ. Раньше его занималъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, сдававшій верхніе этажи въ наймы. Домъ принадлежалъ госпожѣ Л. Она отказала золотыхъ дѣлъ мастеру и сама поселилась въ домѣ; квартиръ не сдавала. Старуха впала въ дѣтство. Свидѣтель встрѣчался съ ея дочерью пять-шесть разъ за всѣ шесть лѣтъ. Обѣ жили очень уединенно, по слухамъ, имѣли деньги. Слышалъ отъ сосѣдей, будто г-жа Л. занимается гаданьемъ, но не вѣритъ этому. Никогда не замѣчалъ, чтобы кто-нибудь входилъ въ домъ, кромѣ г-жи Л. и ея дочери, дворника и врача.

Многія другія лица, изъ числа сосѣдей, дали такія же показанія. Никто изъ нихъ не посѣщалъ домъ. Неизвѣстно, были у г-жи Л. и ея дочери какіе-нибудь знакомые. Ставни въ переднемъ фасадѣ рѣдко открывались. Въ заднемъ были всегда заперты, во всѣхъ комнатахъ, кромѣ той, гдѣ совершилось убійство. Домъ хорошій, не очень старый.

Исидоръ Мюзе, жандармъ, объясняетъ, что его позвали въ домъ около трехъ часовъ утра. У подъѣзда собралось человѣкъ двадцать или тридцать народа, старавшихся выломать дверь. Онъ растворилъ ее не ломомъ, а штыкомъ. Это не представило особенныхъ затрудненій, такъ какъ дверь была съ двумя половинками и не заперта на задвижку ни вверху, ни внизу. Крики продолжались, пока дверь не была отворена, затѣмъ внезапно стихли. Повидимому, кричалъ (или кричали) кто-то въ жестокихъ мученіяхъ, крики были громкіе и протяжные, а не короткіе и отрывистые. Свидѣтель побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Достигнувъ первой площадки, услышалъ голоса ссорившихся, одинъ грубый, другой визгливый, очень странный голосъ. Разобралъ нѣсколько словъ, произ-

несенныхъ грубымъ голосомъ на французскомъ языкѣ. Положительно утверждаетъ, что это не былъ женскій голосъ. Слышалъ слова sacré и diable. Визгливый голосъ принадлежалъ иностранцу. Не можетъ сказать положительно, былъ-ли это женскій или мужской голосъ. Не знаетъ, на какомъ языкѣ онъ говорилъ, но думаетъ, что на испанскомъ. Состояніе комнаты и тѣлъ, этотъ свидѣтель описалъ также, какъ мы вчера.

Анри Дюваль, сосѣдъ, по ремеслу серебряникъ, объясняетъ, что онъ одинъ изъ первыхъ вошелъ въ домъ. Въ общемъ подтверждаетъ показаніе Мюзе. Войдя въ домъ, они затворили за собою дверь, чтобы удержать толпу, которая быстро собиралась, не смотря на ранній часъ. По мнѣнію этого свидѣтеля, визгливый голосъ принадлежалъ итальянцу; во всякомъ случаѣ не французу. Не можетъ сказать съ увѣренностью, былъ-ли это мужской голосъ. Возможно, что онъ принадлежалъ женщинѣ. Свидѣтель не знаетъ итальянскаго языка. Не могъ разобрать отдѣльныхъ словъ, но убѣжденъ по интонаціи, что кричавшій былъ итальянецъ. Зналъ г-жу Л. и ея дочь. Часто разговаривалъ съ обѣими. Увѣренъ, что визгливый голосъ не принадлежалъ которой-нибудь изъ нихъ.

Оденгеймеръ, содержатель ресторана.—Этотъ свидѣтель явился къ слѣдователю по собственной иниціативѣ. Не зная французскаго языка, давалъ показанія при помощи переводчика. Проходилъ мимо дома, когда раздались крики. Они продолжались нѣсколько минутъ, минутъ десять, примѣрно. Крики были громкіе, протяжные, выражали ужасъ и тоску. Вошелъ въ домъ вмѣстѣ съ другими. Подтверждаетъ прежнія показанія, за исключеніемъ одного пункта. Убѣжденъ, что визгливый голосъ принадлежалъ мужчинѣ, французу. Не могъ разобрать отдѣльныхъ словъ. Они звучали громко, отрывисто, безсвязно, съ выраженіемъ страха и гнѣва. Голосъ былъ рѣзкій, не столько визгливый, сколько рѣзкій. Нельзя назвать его визгливымъ голосомъ. Грубый голосъ произнесъ нѣсколько разъ «sacré», «diable» и однажды «mon Dieu».

Жюль Миньо, банкиръ, фирмы Миньо и Сынъ въ улицѣ Делоренъ. Это старшій Миньо. У г-жи Л'Эспанэ было небольшое состояніе. Имѣла текущій счетъ въ его конторѣ съ весны — года (восемь лѣтъ тому назадъ). Часто вкладывала маленькими суммами. Не брала денегъ ни разу до послѣднихъ дней: за три дня до смерти взяла четыре тысячи франковъ. Эта сумма была выплачена золотомъ и отнесена къ г-жѣ Л. на домъ прикащикомъ.

Адольфъ Лебонъ, прикащикъ Миньо и Сына, объясняетъ, что въ вышеозначенный день онъ проводилъ г-жу Л'Эспанэ до дома и отнесъ ей 4.000 франковъ въ двухъ мѣшкахъ. Дверь отворила мадмуазель Л. и взяла у него одинъ изъ мѣшковъ, а ея мать

взяла другой. Затѣмъ онъ раскланялся и ушелъ. Никого не замѣтилъ на улицѣ въ это время. Это переулокъ очень глухой.

Вильямъ Бирдъ, портной, объясняетъ, что онъ вошелъ въ домъ вмѣстѣ съ другими. Онъ англичанинъ. Живетъ въ Парижѣ два года. Одинъ изъ первыхъ взбѣжалъ по лѣстницѣ. Слышалъ голоса ссорящихся. Грубый голосъ несомнѣнно принадлежалъ французу. Слышалъ различныя слова, но не припомнитъ всѣхъ. Ясно слышалъ sacré и mon Dieu. Одно время раздавались звуки какъ бы драки нѣсколькихъ лицъ—топотъ, борьба. Визгливый голосъ былъ очень громокъ, громче, чѣмъ грубый. Безъ сомнѣнія, онъ не принадлежалъ англичанину. Кажется, это былъ голосъ нѣмца. Можетъ быть, онъ принадлежалъ женщинѣ. Свидѣтель не понимаетъ по нѣмецки.

Четверо изъ вышепоименованныхъ свидѣтелей, на вторичномъ допросѣ, показали, что дверь комнаты, въ которой находился трупъ мадмуазель Л., была заперта изнутри. Все было тихо, когда свидѣтели добрались до этой комнаты,—ни стоновъ, ни шума не было слышно. Когда выломали дверь, никого не оказалось. Окна въ передней и задней комнатахъ были заперты. Дверь между двумя комнатами была притворена, но не заперта на замокъ. Дверь изъ передней комнаты, выходящая въ корридоръ, была заперта на замокъ, ключъ находился на внутренней сторонѣ. Комнатка въ концѣ корридора, въ передней части дома, была открыта, дверь стояла полуотворенной. Эта комната была загромождена старыми кроватями, ящиками и т. п. Они были тщательно осмотрѣны и обысканы. Вообще домъ былъ подвергнутъ самому тщательному обыску. Всѣ трубы осмотрѣны трубочистами. Домъ четырехъэтажный съ чердакомъ (mansardes). Подъемная дверь на крышу заколочена гвоздями, повидимому, не открывалась много лѣтъ. Свидѣтели различно опредѣляютъ промежутокъ времени между тѣмъ моментомъ, когда были услышаны ссорящіеся голоса, и взломомъ двери. Одни говорятъ—три минуты, другіе—пять. Дверь была отворена безъ особенныхъ затрудненій.

Альфонцо Гарціо, гробовщикъ, живетъ въ улицѣ Моргъ. Уроженецъ Испаніи. Вошелъ въ домъ вмѣстѣ съ другими. Не входилъ наверхъ. Нервный, побоялся волненія. Слышалъ голоса ссорящихся. Грубый голосъ принадлежалъ французу. Не разобралъ отдѣльныхъ словъ. Визгливый голосъ — англичанина; увѣренъ въ этомъ. Не знаетъ англійскаго языка, но судитъ по интонаціи.

Альберто Монтани, кондитеръ, одинъ изъ первыхъ поднялся на лѣстницу. Слышалъ голоса. Грубый голосъ принадлежалъ французу. Разобралъ нѣсколько словъ. Выраженіе ихъ было жалобное. Не разобралъ словъ, произнесенныхъ визгливымъ голосомъ.

Онъ говорилъ быстро, скороговоркой. Думаетъ, что этотъ голосъ принадлежалъ русскому. Подтверждаетъ прежнія показанія. Родомъ итальянецъ. Никогда не слыхалъ русскаго языка.

Различные свидѣтели, при новомъ допросѣ, показали, что трубы во всѣхъ комнатахъ четвертаго этажа были слишкомъ узки, чтобы пролѣзть человѣку. Ихъ изслѣдовали цилиндрическими щетками, какія употребляются трубочистами. Ни одна труба не осталась неизслѣдованной. Въ домѣ нѣтъ чернаго хода, чрезъ который убійца могъ бы убѣжать, пока свидѣтели поднимались по лѣстницѣ. Тѣло мадмуазель Л'Эспанэ было такъ плотно задвинуто въ трубу, что потребовались усилія четырехъ или пяти человѣкъ, чтобы ее вытащить.

Поль Дюма, врачъ, объясняетъ, что его пригласили освидѣтельствовать тѣла на разсвѣтѣ. Оба они лежали на холстѣ, на кровати, въ той комнатѣ, гдѣ былъ найденъ трупъ мадмуазель Л. Тѣло ея было исковеркано и покрыто ссадинами. Это объясняется тѣмъ, что его засунули въ трубу. На горлѣ, подъ подбородкомъ, оказались глубокія царапины и синія полосы, — очевидно, слѣды пальцевъ. Лицо страшно посинѣло, глаза выкатились, языкъ прокушенъ. Подъ ложечкой замѣченъ огромный синякъ, происшедшій, очевидно, вслѣдствіе надавливанія колѣномъ. По мнѣнію г. Дюма, мадмуазель Л'Эспанэ задушена неизвѣстнымъ лицомъ или лицами. Тѣло матери страшно изуродовано. Всѣ кости на правой ногѣ и рукѣ болѣе или менѣе изломаны. Лѣвая tibia переломлена, также всѣ ребра на лѣвой сторонѣ. Все тѣло усѣяно синяками. Трудно рѣшить, какъ произошли всѣ эти поврежденія. Тяжелый деревянный брусъ, или полоса желѣза,—стулъ,—вообще всякое тяжелое, тупое, грузное орудіе, въ рукахъ очень сильнаго человѣка, могло привести къ такимъ результатамъ. Женщина не могла бы нанести такихъ ударовъ. Голова покойной была совершенно отдѣлена отъ тѣла и жестоко изуродована. Горло перерѣзано какимъ-нибудь острымъ инструментомъ,—вѣроятно, бритвой.

Александръ Этьенъ, хирургъ, былъ приглашенъ освидѣтельствовать тѣла одновременно съ г. Дюма. Подтверждаетъ показаніе послѣдняго.

Больше ничего сколько-нибудь важнаго не удалось выяснить, хотя были допрошены еще различныя лица. Такого таинственнаго и загадочнаго убійства еще не случалось въ Парижѣ. Полиція совершенно сбита съ толку. Нѣтъ и тѣни намека на разгадку этой тайны.

Въ вечернемъ изданіи газеты сообщалось, что въ кварталѣ Сенъ-Рошъ до сихъ поръ царитъ величайшее возбужденіе, что домъ подвергнутъ вторичному обыску и свидѣтели передопро-

шены, съ тѣмъ же результатомъ, что и раньше. Въ примѣчаніи сообщалось, однако, что Адольфъ Лебонъ арестованъ, хотя никакихъ данныхъ къ его обвиненію, кромѣ вышеизложенныхъ, нѣтъ.

Повидимому, Дюпенъ крайне заинтересовался этимъ дѣломъ; такъ, по крайней мѣрѣ, я заключилъ по его поступкамъ, хотя онъ ничего не говорилъ. Только послѣ извѣстія объ арестѣ Лебона, онъ спросилъ меня, что я думаю объ этомъ убійствѣ.

Я могъ только присоединиться къ мнѣнію всего Парижа,—что это неразрѣшимая тайна. Я, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ пути къ открытію убійцы.

— Нельзя судить объ этомъ,—возразилъ Дюпенъ,—по такому поверхностному разслѣдованію. Французская полиція, прославленная своей проницательностью, хитра и только. Въ ея дѣйствіяхъ нѣтъ метода, кромѣ методовъ, принятыхъ въ данную минуту. Она пускаетъ въ ходъ всѣ свои мѣры, но онѣ сплошь и рядомъ такъ мало соотвѣтствуютъ цѣли, что напоминаютъ г. Журдена, который требовалъ свой robe de chambre—pour mieux entendre la musique. Иногда она достигаетъ удивительныхъ размѣровъ, но только усердіемъ и дѣятельностью. Гдѣ этихъ качествъ недостаточно, тамъ всѣ ея планы лопаются. Видокъ, напримѣръ, былъ хорошій сыщикъ и настойчивый человѣкъ. Но вслѣдствіе недостатка дисциплины мысли, достигаемой образованіемъ, онъ то и дѣло заблуждался тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ретивѣе брался за изслѣдованіе. Онъ плохо видѣлъ оттого, что разсматривалъ предметъ слишкомъ близко. Онъ видѣлъ два—три пункта съ поразительной ясностью, но именно потому неизбѣжно упускалъ изъ вида цѣлое. Вотъ что значитъ быть слишкомъ глубокомысленнымъ. Истина не всегда въ колодцѣ. Я думаю даже, что въ болѣе важныхъ вещахъ она всегда на поверхности. Истина не въ долинахъ, гдѣ мы ее ищемъ, а на вершинахъ горъ, гдѣ ее нужно искать. Источники этого рода ошибокъ обнаруживаются очень типично, при созерцаніи небесныхъ тѣлъ. Если смотрѣть на звѣзду искоса—бокомъ, обращая къ ней внѣшнюю часть ретины (болѣе чувствительную къ слабымъ свѣтовымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ внутренняя)—будешь отчетливо видѣть ее, получишь ясное представленіе о ея блескѣ, который тускнѣетъ по мѣрѣ того, какъ мы обращаемъ взоръ прямо на звѣзду. Въ послѣднемъ случаѣ большее количество лучей падаетъ на поверхность глаза, но въ первомъ воспріятіе болѣе отчетливо. Сама Венера угаснетъ на небосклонѣ, если мы будемъ смотрѣть на нее слишкомъ упорно, слишкомъ пристально, слишкомъ прямо.

— Что касается этого убійства, изслѣдуемъ его прежде чѣмъ составлять о немъ мнѣніе. Это изслѣдованіе доставитъ намъ развлеченіе (признаюсь, я подумалъ, что этотъ терминъ не совсѣмъ

подходящій въ данномъ случаѣ, однако, ничего не сказалъ),— кромѣ того, Лебонъ оказалъ мнѣ однажды услугу, за которую я бы не прочь отблагодарить его. Мы сами осмотримъ домъ. Я знакомъ съ Г., префектомъ полиціи, и онъ навѣрное не откажетъ мнѣ въ письменномъ разрѣшеніи.

Разрѣшеніе было получено, и мы отправились въ улицу Моргъ. Это одинъ изъ самыхъ жалкихъ переулковъ между улицами Ришелье и Сенъ-Рошъ. Мы добрались до него только къ вечеру, такъ какъ этотъ кварталъ находится очень далеко отъ того, гдѣ мы жили. Домъ отыскали безъ труда, благодаря зѣвакамъ, которые, собравшись на противуположной сторонѣ улицы, безцѣльно глазѣли на окна. Это былъ обыкновенный парижскій домъ, съ подъѣздомъ, съ боку котораго помѣщалась сторожка съ окошечкомъ и надписью loge du concierge. Прежде чѣмъ войти въ домъ, мы прошлись по улицѣ, свернули въ переулокъ, и зашли въ тылъ зданія. Дюпенъ осмотрѣлъ сосѣдніе дома такъ же внимательно, какъ этотъ, съ непонятнымъ для меня любопытствомъ.

Затѣмъ мы вернулись къ подъѣзду, позвонили, и показавъ полицейскому разрѣшеніе, были немедленно впущены. Мы поднялись по лѣстницѣ въ комнату, гдѣ было найдено тѣло мадмуазель Л'Эспанэ и гдѣ до сихъ поръ лежали оба трупа. Комната оставалась въ прежнемъ безпорядкѣ. Я не замѣтилъ въ ней ничего новаго, о чемъ бы не было сообщено въ «Gazette des Tribunaux». Дюпенъ тщательно осмотрѣлъ все, не исключая труповъ. Затѣмъ мы прошлись по другимъ комнатамъ и осмотрѣли дворъ, въ сопровожденіи жандарма. Этомъ осмотръ продолжался до наступленія темноты; затѣмъ мы отправились домой. По дорогѣ мой спутникъ зашелъ на минутку въ редакцію одной ежедневной газеты.

Я уже говорилъ, что у моего друга бывали самыя разнообразныя причуды и что je les ménageais,—по англійски этой фразы не передашь. Теперь ему почему-то вздумалось отклонять всякій разговоръ объ убійствѣ. Только на слѣдующій день, около полудня, онъ неожиданно спросилъ меня, не замѣтилъ-ли я чего-нибудь особеннаго въ жестокости этого убійства.

Онъ съ такимъ выраженіемъ произнесъ слово «особеннаго», что я вздрогнулъ, самъ не знаю почему.

— Нѣтъ, ничего особеннаго, ничего кромѣ того, что мы прочли въ газетѣ.

— «Gazette»—возразилъ онъ,—кажется, недостаточно вникла въ исключительно ужасный характеръ этого преступленія. Но оставимъ въ сторонѣ ея банальныя мнѣнія. Я думаю, что тайна считается неразрѣшимой вслѣдствіе именно той черты, которая должна облегчить ея разрѣшеніе, разумѣю утрированный характеръ

преступленія. Полиція сбита съ толку кажущимся отсутствіемъ мотивовъ—не самого убійства, а жестокости убійцы. Ихъ смущаетъ также кажущаяся невозможность примирить два факта: свидѣтели слышали голоса ссорящихся, а между тѣмъ никого не нашли въ комнатѣ кромѣ убитой мадмуазель Л'Эспанэ, хотя преступники не могли ускользнуть незамѣченными. Дикій безпорядокъ въ комнатѣ; тѣло, засунутое внизъ головой въ трубу; страшно обезображенный трупъ старухи; все это, какъ и другія обстоятельства, которыхъ не стоитъ перечислять, сбило съ толку власти и поставило втупикъ хваленую проницательность правительственныхъ агентовъ. Они впали въ грубую, но обычную ошибку, смѣшавъ необычайное съ непонятнымъ. Но именно отклоненіе отъ обычнаго характера подобныхъ происшествій должно служить разсудку руководящей нитью для поисковъ. Въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода нужно спрашивать не «что такое случилось?», а «что такое случилось, чего никогда не случалось раньше»? Легкость, съ которою я добьюсь или добился разъясненія этой тайны, обратно пропорціональна ея кажущейся неразрѣшимости въ глазахъ полиціи.

Я уставился на своего собесѣдника въ нѣмомъ изумленіи.

— Я поджидаю теперь,—сказалъ онъ, взглянувъ на дверь нашей комнаты,—я поджидаю человѣка, который хоть и не самъ учинилъ эту бойню, но причастенъ къ ней до нѣкоторой степени. По всей вѣроятности, онъ не повиненъ въ худшей части этихъ преступленій. Я надѣюсь, что мое предположеніе справедливо, такъ какъ на немъ строю надежду на разъясненіе всей этой загадки. Онъ долженъ придти сюда, въ эту комнату. Можетъ и не явиться, конечно, но, по всей вѣроятности, явится. Если онъ придетъ, необходимо будетъ задержать его. Вотъ пистолеты, а какъ съ ними распорядиться въ случаѣ надобности, мы оба знаемъ.

Я взялъ пистолеты, врядъ-ли сознавая, что дѣлаю, и едва вѣря своимъ ушамъ, между тѣмъ, какъ Дюпенъ продолжалъ, точно разсуждая самъ съ собою. Я уже упоминалъ о его разсѣянномъ видѣ въ такія минуты. Онъ обращался ко мнѣ, но его голосъ, хотя не особенно громкій, звучалъ такъ, какъ будто бы онъ переговаривался съ кѣмъ-нибудь издали. Глаза его были устремлены на стѣну.

— Что голоса ссорящихся,—продолжалъ онъ,—не принадлежали самимъ женщинамъ, доказывается свидѣтельскими показаніями. Это уничтожаетъ возможность предположенія, будто старуха сначала умертвила дочь, а потомъ и самое себя. Я, впрочемъ, упоминаю объ этомъ предположеніи только для порядка, потому что у г-жи Л'Эспанэ не хватило бы силы засунуть тѣло дочери въ трубу, а характеръ увѣчій на ея собственномъ тѣлѣ исключаетъ возможность самоубійства. Стало быть, убійство совершено посторонними

лицами, и голоса этихъ-то лицъ были услышаны свидѣтелями. Теперь разсмотримъ показанія объ этихъ голосахъ,—не будемъ разбирать ихъ въ цѣломъ, а отмѣтимъ только ихъ особенности. Замѣтили вы въ нихъ что-нибудь особенное?

Я отвѣчалъ, что тогда какъ всѣ свидѣтели приписывали грубый голосъ французу,—мнѣнія крайне расходились относительно визгливаго голоса, или рѣзкаго, какъ характеризовалъ его одинъ изъ свидѣтелей.

— Это само показаніе,—возразилъ Дюпенъ,—а не особенность показанія. Вы, стало быть, ничего не замѣтили толкомъ. А между тѣмъ тутъ есть обстоятельство, достойное замѣчанія. Свидѣтели, какъ вы замѣтили, согласны насчетъ грубаго голоса. Но особенность показаній относительно визгливаго голоса не въ разногласіи, а въ томъ, что когда его описывали итальянецъ, англичанинъ, испанецъ, голландецъ и французъ,—каждый изъ нихъ отзывался о немъ, какъ о голосѣ иностранца. Каждый увѣренъ, что этотъ голосъ не принадлежалъ его соотечественнику. Въ этомъ всѣ сходятся—то есть въ томъ, что обладатель визгливаго голоса не принадлежитъ націи свидѣтеля. Французъ предполагаетъ, что это голосъ испанца и «что онъ разобралъ бы отдѣльныя слова, если бы зналъ испанскій языкъ». Голландецъ утверждаетъ, что голосъ принадлежалъ французу, но изъ отчета видно, что свидѣтель, «не зная французскаго языка, объяснялся при помощи переводчика».

Англичанинъ думаетъ, что это былъ голосъ нѣмца, но онъ «не понимаетъ нѣмецкаго языка». Испанецъ «увѣренъ», что голосъ принадлежалъ англичанину, но «судитъ только по интонаціи», такъ какъ «не знаетъ англійскаго языка». Итальянцу кажется, что это былъ голосъ русскаго, но онъ «никогда не слыхалъ русскаго языка». Другой французъ расходится съ первымъ и положительно утверждаетъ, что голосъ принадлежалъ итальянцу; но, «не зная совершенно этого языка», онъ, подобно испанцу, «судитъ по интонаціи». Странный въ самомъ дѣлѣ голосъ, если о немъ возможно такое показаніе; голосъ, въ интонаціи котораго представители пяти великихъ націй Европы не могли узнать ничего родственнаго! Вы скажете, что онъ могъ принадлежать азіату, африканцу. Уроженцевъ Азіи и Африки немного наберется въ Европѣ; но, не отрицая возможности такого предположенія, я укажу только на три слѣдующіе пункта. Одинъ изъ свидѣтелей называетъ голосъ «скорѣе рѣзкимъ, чѣмъ визгливымъ». Другіе говорятъ, что онъ былъ «отрывистый и неровный». Ни одинъ изъ нихъ не могъ различить слова, — звуки, похожіе на слова.

— Не знаю,—продолжалъ Дюпенъ,—какое впечатлѣніе мои слова производятъ на вашъ умъ, но, по моему мнѣнію, законный выводъ изъ этой части показанія, относительно грубаго и визгливаго голосовъ, самъ по себѣ способенъ породить подозрѣніе, которое послужитъ путеводной нитью для всѣхъ дальнѣйшихъ розысканій. Я говорю «законный выводъ», но это выраженіе не вполнѣ передаетъ мою мысль. Я собственно думаю, что выводъ можетъ быть лишь одинъ, и что подозрѣніе, о которомъ я говорю, вытекаетъ изъ него неизбѣжно, какъ его единственный результатъ. Что это за подозрѣніе — я пока не скажу. Замѣчу только, что въ моихъ глазахъ оно оказалось достаточно сильнымъ, чтобы дать опредѣленное направленіе — извѣстную тенденцію — моимъ поискамъ въ комнатѣ.

— Перенесемся мысленно въ эту комнату. Что мы прежде всего станемъ искать въ ней? Выхода, посредствомъ котораго скрылись убійцы. Излишне говорить, что мы не вѣримъ въ сверхъестественныя явленія. Г-жа Л'Эспанэ и ея дочь не были умерщвлены духами. Виновники преступленія—матеріальныя существа, и спаслись матеріальнымъ путемъ. Но какъ именно? Къ счастью, есть только одинъ способъ обсужденія этого пункта, и этотъ способъ долженъ привести насъ къ опредѣленному заключенію. Разсмотримъ одинъ за другимъ всѣ пути къ бѣгству. Ясно, что убійцы находились въ комнатѣ, гдѣ найдено тѣло мадмуазель Л'Эспанэ или въ сосѣдней комнатѣ въ то время, какъ свидѣтели поднимались по лѣстницѣ. Значитъ, нужно искать выхода изъ этихъ двухъ комнатъ. Полиція освидѣтельствовала полы, потолки, стѣны самымъ тщательнымъ образомъ. Потайной выходъ не могъ бы ускользнуть отъ ея вниманія. Но, не довѣряя ея глазамъ, я произвелъ осмотръ моими собственными. Дѣйствительно, потайныхъ выходовъ не было. Обѣ двери изъ комнатъ въ коридоръ были заперты и ключи находились въ замкахъ. Обратимся къ трубамъ. На разстояніи восьми или десяти футовъ надъ печами ширина ихъ обыкновенная, но на всемъ протяженіи трубы не пролѣзетъ и крупная кошка. Итакъ, уйти черезъ трубу абсолютно невозможно; остаются окна. Черезъ тѣ, что выходятъ на улицу, нельзя было спуститься, незамѣченнымъ, такъ какъ на улицѣ собралась толпа. Слѣдовательно, убійцы должны были уйти въ окна задней комнаты. Придя неизбѣжно къ такому заключенію, мы не должны отвергать его въ виду кажущейся невозможности. Намъ остается только доказать, что эта невозможность дѣйствительно кажущаяся.

— Въ комнатѣ два окна. Одно изъ нихъ не заставлено мебелью и видно цѣликомъ. Нижняя часть другого закрыта изголовьемъ тяжелой кровати, придвинутой къ нему вплотную. Первое оказалось

запертымъ изнутри. Никакими усиліями не удалось его поднять. Въ рамѣ съ лѣвой стороны была проверчена дыра и въ нее заколоченъ гвоздь по самую шляпку. Въ другомъ окнѣ оказался такой же гвоздь, и его также не удалось отворить. Полиція рѣшила, что этимъ путемъ убѣжать было невозможно. И потому нашла излишнимъ вытащить гвозди и отворить окна.

— Я не такъ поступилъ, именно на томъ основаніи, которое сейчасъ указалъ,—то есть потому, что невозможность должна была быть только кажущейся.

— Я разсуждалъ a posteriori. Убійцы бѣжали въ одно изъ этихъ оконъ. Сдѣлавъ это, они не могли запереть окна изнутри—соображеніе, которое своею очевидностью заставило полицію отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ въ этомъ направленіи. Но окна были заперты. Стало быть онѣ должны были затвориться сами. Это заключеніе являлось неизбѣжнымъ. Я подошелъ къ свободному окну, вытащилъ—не безъ труда—гвоздь и попытался поднять раму. Какъ я и ожидалъ, она не поддавалась моимъ усиліямъ. Очевидно, была гдѣ-нибудь скрытая пружина. Это подтвержденіе (моего заключенія) доказало мнѣ, что я стою на правильномъ пути, какъ бы ни были таинственны обстоятельства, касающіяся гвоздей Тщательно осмотрѣвъ раму, я нашелъ скрытую пружину. Я надавилъ ее и довольный своимъ открытіемъ не сталъ поднимать раму.

Теперь я помѣстилъ гвоздь на прежнее мѣсто и внимательно осмотрѣлъ его. Лицо, бѣжавшее черезъ окно, могло захлопнуть раму и пружина замкнула бы его сама собой; но оно не могло всадить обратно гвоздь. Это заключеніе было очевидно, и еще болѣе съуживало поле моихъ изслѣдованій. Убійцы должны были бѣжать въ другое окно. Предполагая, что пружины въ обѣихъ рамахъ одинаковы,—должна была оказаться разница между гвоздями, по крайней мѣрѣ, разница въ способѣ ихъ прикрѣпленія. Подойдя къ кровати, я осмотрѣлъ черезъ ея спинку второе окно. Протянувъ руку изъ-за спинки, я вскорѣ нашелъ пружину, которая, какъ я предполагалъ, оказалась такой же, какъ въ сосѣднемъ окнѣ. Затѣмъ я осмотрѣлъ гвоздь. Онъ былъ такой же крупный и такъ же заколоченъ по самую шляпку.

— Вы подумаете, это сбило меня съ толку. Но такъ думать можно, только не понимая природу индукціи. Употребляя охотничье выраженіе, я еще ни разу не «потерялъ слѣдъ». Чутье ни разу не измѣнило мнѣ. Всѣ звѣнья цѣпи были на лицо. Я прослѣдилъ тайну до ея послѣдняго этапа, и этимъ этапомъ былъ гвоздь. Какъ я уже сказалъ, онъ во всѣхъ отношеніяхъ походилъ на своего сосѣда въ другомъ окнѣ; но этотъ фактъ абсолютно ничего не зна-

чилъ, при всей своей кажущейся значительности, въ сравненіи съ тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь на этомъ пунктѣ заканчивалась разгадка тайны. «Должно быть что-нибудь не такъ въ этомъ гвоздѣ»—подумалъ я. Я взялся за него и шляпка съ кускомъ самаго гвоздя осталась въ моихъ рукахъ. Остатокъ гвоздя сидѣлъ въ дырѣ. Онъ переломился уже давно (потому что изломъ успѣлъ заржавѣть), по всей вѣроятности, отъ сильнаго удара молоткомъ, который отчасти вогналъ шляпку въ дерево рамы. Я помѣстилъ обломокъ на прежнее мѣсто,—гвоздь снова выглядѣлъ цѣлымъ, перелома не было замѣтно. Подавивъ пружину, я приподнялъ раму на нѣсколько дюймовъ, шляпка гвоздя поднялась вмѣстѣ съ нею, оставаясь на своемъ мѣстѣ. Я закрылъ окно и снова гвоздь выглядѣлъ цѣлымъ.

Теперь загадка была рѣшена. Убійца бѣжалъ въ окно, заставленное кроватью. Рама захлопнулась за нимъ (или онъ ее нарочно захлопнулъ) и замкнулась на пружину; сопротивленіе этой пружины полиція приняла за сопротивленіе гвоздя,—и сочла излишнимъ дальнѣйшее разслѣдованіе.

Затѣмъ являлся вопросъ, какимъ образомъ убійца спустился изъ окна. Этотъ пунктъ я выяснилъ себѣ, когда обошелъ вмѣстѣ съ вами домъ. На разстояніи пяти съ половиной футовъ отъ окна находится громоотводъ. Отъ этого громоотвода невозможно достать до окна, не говоря уже—войти въ комнату. Но я замѣтилъ, что ставни четвертаго этажа были особаго типа, называемаго парижскими плотниками ferrades—въ настоящее время такія ставни рѣдко дѣлаются, но онѣ очень обыкновенны въ старинныхъ домахъ въ Ліонѣ и Бордо. Онѣ имѣютъ форму двери (простой, не съ двумя половинками), но нижняя часть устроена въ видѣ рѣшетки, такъ что за нее легко схватиться рукой. Въ данномъ случаѣ ширина ставни три съ половиной фута. Когда мы смотрѣли на нихъ со двора, онѣ были полуоткрыты, т. е. находились подъ прямымъ угломъ къ стѣнѣ. По всей вѣроятности, полиція такъ же, какъ и я, осмотрѣла задній фасадъ дома; но, глядя на ставни въ профиль, не обратила вниманія на ихъ значительную ширину или во всякомъ случаѣ не придала ей значенія. Рѣшивъ, что убѣжать въ окно не было возможности, она естественно ограничилась только бѣглымъ осмотромъ. Какъ бы то ни было, я убѣдился, что если отворить ставню совершенно, прижать ее къ стѣнѣ, то между ней и громоотводомъ будетъ только два фута. Очевидно, что при необыкновенной ловкости и смѣлости можно было пробраться этимъ путемъ въ комнату. На разстояніи двухъ съ половиной футовъ (предполагая, что ставня была открыта совершенно) разбойникъ могъ крѣпко ухватиться за рѣшетку. Затѣмъ, повиснувъ на ней, упереться

ногой въ стѣну и, сильно оттолкнувшись, запереть ставню и даже, если окошко было открыто, вскочить въ комнату.

Замѣтьте, что для такого опаснаго и труднаго путешествія я считаю необходимой крайне рѣдкую степень ловкости. Я имѣю въ виду доказать вамъ, во-первыхъ, что его можно было совершить; а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, подчеркнуть необычайный, почти сверхъестественный характеръ дѣятельности того, кто его совершилъ.

— Вы скажете, безъ сомнѣнія, выражаясь языкомъ закона, что «въ интересахъ моего дѣла» я долженъ былъ бы скорѣе умалить, чѣмъ подчеркивать особенности этой дѣятельности. Такъ, можетъ быть, выходитъ съ точки зрѣнія закона, но не съ точки зрѣнія разума. Моя конечная цѣль только истина. Мое ближайшее намѣреніе—побудить васъ сопоставить этотъ необычнайый характеръ дѣятельности съ особеннымъ, визгливымъ и неровнымъ голосомъ, настолько особеннымъ, что не нашлось двухъ свидѣтелей, которые согласились бы на счетъ національности его обладателя,—причемъ никто не могъ разобрать членораздѣльныхъ звуковъ.

При этихъ словахъ смутная догадка о значеніи его словъ мелькнула въ моемъ умѣ. Казалось, я вотъ-вотъ пойму, въ чемъ дѣло,—какъ бываетъ иногда съ воспоминаніемъ; кажется, вотъ сейчасъ вспомнишь,—и никакъ не можешь вспомнить до конца.

— Вы видите,—продолжалъ мой другъ,—что я свернулъ отъ вопроса о бѣгствѣ къ вопросу о появленіи вора. Я думаю, что онъ явился и ушелъ однимъ и тѣмъ же путемъ. Теперь вернемся въ комнату. Посмотримъ, въ какомъ видѣ она оказалась. Ящики комода,—сказано въ протоколѣ,—были обысканы, хотя многія изъ вещей остались на мѣстахъ. Выводъ получается нелѣпый. Это простая догадка,—очень глупая,—не болѣе. Почемъ мы знаемъ, было-ли въ этихъ ящикахъ что-нибудь кромѣ того, что въ нихъ оказалось. Г-жа Л'Эспанэ и ея дочь жили въ одиночествѣ—ни съ кѣмъ не знались,—рѣдко выходили изъ дома,—врядъ-ли у нихъ было много платьевъ. Во всякомъ случаѣ ихъ оказалось достаточно и хорошаго качества. Если воръ взялъ какія-нибудь изъ-нихъ,—то почему не взялъ лучшія,—почему не взялъ всѣ? Да и могъ-ли онъ бросить четыре тысячи франковъ золотомъ, чтобы обременить себя бѣльемъ. Золото было оставлено. Почти вся сумма, указанная банкиромъ Миньо, оказалась въ мѣшкахъ и на полу. Я хочу, чтобъ вы выбросили изъ головы ошибочную мысль о мотивѣ преступленія,—зародившуюся въ полицейскихъ мозгахъ, благодаря той части показанія, которая говоритъ о деньгахъ, оставленныхъ на полу. Совпаденія вдесятеро болѣе замѣчательныя, чѣмъ это (выдача денегъ и убійство въ теченіе трехъ дней послѣ выдачи), слу-

чаются въ жизни ежечасно, не возбуждая ни малѣйшаго вниманія. Вообще совпаденія великій камень преткновенія на пути тѣхъ мыслителей, которые недостаточно знакомы съ теоріей вѣроятностей,—теоріей, которой самыя славныя отрасли человѣческаго изслѣдованія обязаны самыми блестящими открытіями. Въ настоящемъ случаѣ, фактъ выдачи денегъ, за три дня до преступленія, имѣлъ бы значеніе больше чѣмъ простого совпаденія, если бы деньги были унесены. Онъ подкрѣпилъ бы идею о мотивѣ. Но при данныхъ обстоятельствахъ, считая деньги мотивомъ преступленія, мы должны предположить, что оно совершено идіотомъ, забывшимъ о деньгахъ и о своемъ мотивѣ.

— Запомнивъ хорошенько три пункта, на которые я обратилъ ваше вниманіе,—особенный голосъ, необычайную ловкость убійцы и поразительное отсутствіе мотива въ такомъ звѣрскомъ преступленіи,—изслѣдуемъ самое убійство. Вотъ женщина, задушенная руками и засунутая внизъ головой въ трубу. Обыкновенные убійцы такъ не убиваютъ. Меньше всего они заботятся о трупѣ. Согласитесь, что это засовываніе трупа въ печку нѣчто до послѣдней степени *outré*,—нѣчто совершенно непримиримое съ нашими представленіями о человѣческой природѣ, хотя бы мы предположили виновниками преступленія самыхъ испорченныхъ людей. Далѣе, подумайте, какая страшная сила потребовалась для того, чтобы засунуть тѣло *вверхъ* по трубѣ, когда соединенныя усилія нѣсколькихъ человѣкъ едва могли стащить его *внизъ*!

— Обратимся теперь къ другимъ указаніямъ, свидѣтельствующимъ о почти баснословной силѣ. Въ печкѣ были густыя,—очень густыя пряди сѣдыхъ человѣческихъ волосъ. Они были вырваны съ корнями. Вы знаете, какое усиліе нужно употребить, чтобы вырвать, такимъ образомъ, двадцать или тридцать волосковъ разомъ. Вы видѣли клочья, о которыхъ я говорю. На ихъ корняхъ (отвратительное зрѣлище), остались частицы кожи,—ясное доказательство чудовищной силы, выдернувшей съ корнемъ, быть можетъ, полъ-милліона волосъ разомъ У старухи не только перерѣзано горло, но голова почти отдѣлена отъ туловища,—посредствомъ простой бритвы. Обратите также вниманіе на *звѣрскую* жестокость этихъ преступленій. Объ увѣчьяхъ на тѣлѣ г-жи Л'Эспанэ я не говорю. Г. Дюма и его достойный сотрудникъ г. Этьеннъ рѣшили, что они нанесены какимъ-нибудь тупымъ орудіемъ, безъ сомнѣнія, они правы. Этимъ тупымъ орудіемъ, очевидно, были камни мостовой, на которую выброшенъ трупъ изъ окна надъ кроватью. Соображеніе это ускользнуло отъ полицейскихъ, по той же причинѣ, въ силу которой ширина ставня осталась незамѣченной,—именно потому, что благодаря гвоздямъ въ рамахъ

они рѣшительно не могли представить себѣ, чтобы окна отворялись. Если теперь, въ дополненіе ко всѣмъ этимъ фактамъ, вы примете въ соображеніе дикій безпорядокъ комнаты, то мы должны будемъ сопоставить идеи: ловкости поразительной, силы нечеловѣческой, жестокости звѣрской, бойни безъ мотива, grotesquerie въ ужасномъ, абсолютно несвойственномъ человѣческой природѣ, и голосъ, звуки котораго оказались чуждыми для представителей многихъ націй,—голосъ, въ которомъ нельзя было разобрать ни единаго слова. Что же отсюда слѣдуетъ? Какое впечатлѣніе произвелъ я на вашъ умъ?

У меня мурашки забѣгали по тѣлу, когда Дюпенъ обратился ко мнѣ съ этимъ вопросомъ.—Это сдѣлалъ сумасшедшій,—отвѣчалъ я,—какой-нибудь бѣшеный маніакъ, убѣжавшій изъ сосѣдняго maison de santé.

— Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—возразилъ онъ,—ваша идея не лишена основанія, но голосъ сумасшедшаго, даже въ самомъ бѣшеномъ пароксизмѣ, не соотвѣтствуетъ тому особенному голосу, который слышали свидѣтели. Сумасшедшіе принадлежатъ къ той или иной націи, и ихъ языкъ, какъ бы ни были безсвязны слова, всегда членораздѣленъ. Кромѣ того, у сумасшедшаго не можетъ быть такихъ волосъ, какъ тѣ, что я держу въ своей рукѣ. Я нашелъ этотъ клочекъ въ окоченѣвшихъ пальцахъ г-жи Л'Эспанэ. Что вы о нихъ скажете?

— Дюпенъ,—отвѣчалъ я, совершенно ошеломленный,—это необычайные волосы, не человѣческіе волосы.

— Я и не говорилъ, что они человѣческіе,—возразилъ онъ,—но прежде чѣмъ порѣшимъ этотъ пунктъ, взгляните на рисунокъ, который я набросалъ на листкѣ бумаги. Это facsimile того, что описывалось въ протоколѣ обыска, какъ «черныя полосы и глубокіе слѣды ногтей» на глоткѣ m-lle Л'Эспанэ, а въ показаніи гг. Дюма и Этьенна, какъ «рядъ синихъ пятенъ, очевидно, слѣды человѣческихъ пальцевъ».

— Вы замѣчаете, — продолжалъ мой другъ, положивъ передо мною листокъ,—что, судя по этому рисунку, рука схватила горло плотно и твердо. Незамѣтно, чтобы пальцы скользили. Каждый оставался, вѣроятно, до самой смерти жертвы въ одномъ и томъ же положеніи. Теперь попытайтесь наложить ваши пальцы на нарисованные.

Я попытался, но безуспѣшно.

— Можетъ быть, мы не такъ взялись за дѣло,- сказалъ онъ.—Бумага разостлана на плоской поверхности, а человѣческое горло имѣетъ цилиндрическую форму. Вотъ чурбанъ приблизительно такой же ширины, какъ горло. Оберните его листкомъ и повторилъ опытъ.

Я сдѣлалъ это; затрудненіе оказалось еще очевиднѣе.—Это не отпечатокъ человѣческой руки,—замѣтилъ я.

— Прочтите же,—сказалъ Дюпенъ,—вотъ это мѣсто у Кювье.

Это было подробное анатомическое и общее описаніе большого бураго орангъ-утанга восточныхъ индійскихъ острововъ. Громадный ростъ, чудовищная сила и ловкость, дикая жестокость и способности къ подражанію этихъ млекопитающихъ хорошо извѣстны всѣмъ.

— Описаніе пальцевъ, — сказалъ я, прочитавъ до конца, — вполнѣ соотвѣтствуетъ рисунку. Для меня очевидно, что ни одно животное, кромѣ орангъ-утанга, описаннаго здѣсь вида, не могло произвести такихъ отпечатковъ. Этотъ клокъ бурой шерсти тоже вполнѣ сходится съ описаніемъ Кювье. Но я все-таки не могу объяснить себѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ этой страшной тайны. Кромѣ того, свидѣтели слышали два ссорившихся голоса и одинъ изъ нихъ несомнѣнно принадлежалъ французу.

— Вѣрно; и помните слова, произнесенныя этимъ голосомъ, по показанію всѣхъ почти свидѣтелей, слова «mon Dieu!» Между прочимъ, одинъ изъ свидѣтелей (кондитеръ Монтани) утверждаетъ, что эти слова были произнесены тономъ упрека или жалобы. На этихъ-то двухъ словахъ и основывается главная моя надежда на разгадку тайны. Французъ былъ свидѣтелемъ этого убійства. Возможно, даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ не принималъ никакого участія въ этихъ кровавыхъ поступкахъ. Орангъ-утангъ могъ убѣжать отъ него. Онъ могъ гнаться за нимъ до самой комнаты; но при послѣдовавшихъ затѣмъ ужасныхъ происшествіяхъ не могъ овладѣть имъ. Я не буду продолжать этихъ догадокъ, потому что онѣ основываются на размышленіяхъ, слишкомъ глубокихъ даже для моего разсудка, и потому что я не могу сдѣлать ихъ убѣдительными для другихъ. Назовемъ ихъ пока догадками. Если французъ, о которомъ я говорю, дѣйствительно неповиненъ въ этомъ звѣрскомъ убійствѣ, то объявленіе, отданное мною вчера вечеромъ для напечатанія въ газетѣ «Le monde» (посвященной морскимъ интересамъ и очень популярной среди моряковъ) заставитъ его придти къ намъ.

Онъ протянулъ мнѣ газету и я прочелъ слѣдующее:

«Пойманъ — въ Булонскомъ паркѣ, рано утромъ, (указанъ день убійства) огромный бурый орангъ-утангъ, вида, водящагося на Борнео. Собственникъ (по справкамъ французъ съ мальтійскаго корабля) можетъ получить его обратно, доказавъ свое право собственности и уплативъ небольшую сумму за поимку и сохраненіе. Обратиться въ №—, улица —, въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи, третій этажъ».

— Какъ вы могли узнать,—спросилъ я,—что это морякъ и притомъ съ мальтійскаго корабля?

— Я не знаю этого,—отвѣчалъ Дюпенъ.—Я не увѣренъ въ этомъ. Но вотъ обрывокъ ленты, которая, судя по ея формѣ и засаленному виду, служила для завязыванія волосъ въ видѣ длиннаго queue, который въ такой модѣ у матросовъ. Кромѣ того, этотъ узелъ врядъ-ли могъ быть связанъ кѣмъ-нибудь, кромѣ матроса и притомъ мальтійца. Я нашелъ эту ленту у подножія громоотвода. Она не могла принадлежать покойницамъ. Но если я даже ошибся, заключивъ по лентѣ, что французъ этотъ морякъ съ мальтійскаго корабля, то все-таки я могъ безопасно упомянуть объ этомъ въ объявленіи. Если это ошибка, то онъ подумаетъ, что я получилъ невѣрную справку, и только. Если же я правъ, то получаю большое преимущество. Зная о преступленіи, французъ, хотя бы и невинный, естественно будетъ колебаться отвѣтить-ли ему на объявленіе, то есть явиться-ли за орангъ-утангомъ. Онъ будетъ разсуждать такъ:—«Я невиненъ, я бѣденъ, мой орангъ-утангъ стоитъ дорого—при моихъ обстоятельствахъ это цѣлое состояніе — неужели я упущу его изъ-за пустыхъ опасеній? Я могу получить его. Онъ пойманъ въ Булонскомъ паркѣ — вдали отъ мѣста преступленія. Кто же догадается, что это убійство совершилъ звѣрь? Полиція на ложномъ пути—у нея нѣтъ никакого ключа къ разъясненію тайны. Если даже поймаютъ звѣря, кто докажетъ, что я зналъ о преступленіи, и съ какой стати меня обвинять, хотя бы я дѣйствительно зналъ о немъ. А главное, моя личность уже извѣстна. Въ объявленіи сказано, что я хозяинъ звѣря. Не знаю, что именно обо мнѣ извѣстно. Если я не явлюсь за такимъ дорогимъ имуществомъ, то могу самъ возбудить подозрѣніе. Это вовсе не разсчетъ. Мнѣ не слѣдуетъ привлекать вниманіе на меня самого или на звѣря. Я отвѣчу на объявленіе, получу орангъ-утанга и припрячу его, пока не забудутъ объ этомъ происшествіи.

Въ эту минуту послышались шаги на лѣстницѣ.

— Будьте на готовѣ,—сказалъ Дюпенъ,—но не пускайте въ ходъ и не показывайте пистолетовъ, пока я не дамъ знакъ.

Наружная дверь дома была открыта, такъ что посѣтитель вошелъ не звоня и поднялся по лѣстницѣ на нѣсколько ступеней. Тутъ онъ, повидимому, остановился въ нерѣшимости. Потомъ сталъ спускаться обратно. Дюпенъ кинулся было къ двери, но мы услышали, что посѣтитель снова пошелъ наверхъ. На этотъ разъ онъ шелъ смѣло, не останавливаясь и вскорѣ постучалъ въ дверь.

— Войдите,—сказалъ Дюпенъ веселымъ и привѣтливымъ голосомъ.

Незнакомецъ вошелъ. Это былъ, очевидно, морякъ, высокій, плотный, хорошо сложенный, но съ вызывающей осанкой—не осо-

бенно симпатичный. Лицо его, очень загорѣлое, было до половины закрыто бакенбардами и mustachio. Онъ держалъ въ рукѣ тяжелую палку, но другого оружія съ нимъ, кажется, не было. Онъ неловко поклонился и сказалъ «здравствуйте», съ невшательскимъ акцентомъ, не настолько сильнымъ, однако, чтобы не догадаться, что онъ парижанинъ по рожденію.

— Присядьте, другъ мой,—сказалъ Дюпенъ.—Вы, вѣроятно, явились за орангъ-утангомъ. Право, я почти завидую вамъ; превосходный, безъ сомнѣнія, очень дорогой экземпляръ. Сколько ему лѣтъ, какъ вы думаете?

Морякъ перевелъ духъ, какъ человѣкъ, избавившійся отъ невыносимой тяжести, и отвѣчалъ увѣреннымъ тономъ:

— Право, не знаю—года четыре-пять не больше. Онъ у васъ здѣсь?

— О нѣтъ, тутъ негдѣ его помѣстить. Онъ на извощичьемъ дворѣ въ улицѣ Дюбургъ, два шага отсюда. Вы можете получить его завтра утромъ. Вы, конечно, приготовили удостовѣреніе?

— Разумѣется, сударь.

— Жалко мнѣ будетъ разстаться съ нимъ,—замѣтилъ Дюпенъ.

— Я и не разсчитывалъ, что вы даромъ хлопотали для меня, сэръ,—отвѣчалъ матросъ.—Я охотно заплачу за поимку животнаго—конечно, умѣренное вознагражденіе.

— Хорошо,—отвѣчалъ мой другъ,—очень хорошо. Дайте подумать! — что съ васъ взять. Да, такъ, сейчасъ скажу вамъ. Вотъ моя награда. Вы сообщите мнѣ все, что вамъ извѣстно объ убійствѣ въ улицѣ Моргъ.

Дюпенъ произнесъ эти слова очень тихо и спокойно. Также спокойно подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ, а ключъ положилъ въ карманъ. Затѣмъ онъ досталъ изъ-за пазухи пистолетъ и не спѣша положилъ его на столъ.

Лицо матроса налилось кровью, казалось, онъ сейчасъ задохнется. Онъ вскочилъ, схватился за палку, но въ ту же минуту опустился на стулъ, весь дрожа и блѣдный какъ смерть. Онъ не говорилъ ни слова. Я отъ всей души пожалѣлъ его.

— Другъ мой,—сказалъ Дюпенъ ласковымъ тономъ,—вы напрасно волнуетесь—совершенно напрасно. Мы не злоумышляемъ противъ васъ. Даю вамъ честное слово джентльмена и француза, что мы не сдѣлаемъ вамъ ничего худого. Я отлично знаю, что вы неповинны въ звѣрскомъ преступленіи въ улицѣ Моргъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что вы до нѣкоторой степени замѣшаны въ немъ. Изъ всего мною сказаннаго вы можете видѣть, что я имѣлъ возможность разузнать обстоятельства дѣла, — изъ такихъ источниковъ, о которыхъ вамъ и не грезилось. Теперь дѣло обсто-

итъ такъ. Вы не сдѣлали ничего такого, за что бы вамъ пришлось отвѣчать. Вы даже не виновны въ воровствѣ, хотя могли бы украсть безнаказанно. Вамъ нечего скрывать. Съ другой стороны, честность обязываетъ васъ разъяснить дѣло. Невинный человѣкъ арестованъ и обвиненъ въ преступленіи, виновникъ котораго вамъ извѣстенъ.

Матросъ оправился, пока Дюпенъ говорилъ эти слова; но его вызывающій видъ совершенно исчезъ.

— Да поможетъ мнѣ Богъ,— сказалъ онъ послѣ непродолжительной паузы,—я разскажу вамъ все, что мнѣ извѣстно объ этомъ дѣлѣ, но я не жду, чтобъ вы повѣрили мнѣ хоть вполовину,—было бы нелѣпо съ моей стороны этого ожидать. А между тѣмъ я дѣйствительно невиненъ.

Вотъ сущность его разсказа. Онъ совершилъ недавно путешествіе въ Индійскій Архипелагъ. На островѣ Борнео ему и его товарищу удалось поймать орангутанга. Товарищъ умеръ и животное перешло въ его полную собственность. Съ большими затрудненіями—вслѣдствіе неукротимой свирѣпости плѣнника — его удалось перевезти домой. Матросъ помѣстилъ его въ своей квартирѣ и, чтобы избавиться отъ надоѣдливаго любопытства сосѣдей, держалъ звѣря въ чуланѣ въ ожиданіи пока заживетъ его пораненая осколкомъ дерева нога. Затѣмъ онъ имѣлъ въ виду продать звѣря.

Вернувшись домой съ какой - то пирушки ночью или скорѣе утромъ въ день убійства, матросъ засталъ звѣря въ своей спальнѣ, куда онъ успѣлъ таки выбраться изъ чулана. Съ бритвой въ рукахъ, весь въ мылѣ, онъ сидѣлъ передъ зеркаломъ и брился, подражая своему хозяину, за которымъ, безъ сомнѣнія, наблюдалъ во время этой операціи сквозь щелку. Ужаснувшись при видѣ такого опаснаго оружія въ рукахъ свирѣпаго звѣря, матросъ въ первую минуту не зналъ, что дѣлать. Впрочемъ, онъ привыкъ усмирять оранга съ помощью плети, къ которой и теперь обратился. При видѣ ея орангутангъ кинулся вонъ изъ комнаты, сбѣжалъ по лѣстницѣ и выскочилъ въ окно, которое, къ несчастью, оказалось открытымъ на улицу.

Французъ погнался за нимъ въ отчаяніи; обезьяна бѣжала, размахивая бритвой, по временамъ останавливаясь и дѣлая гримасы своему хозяину. Но, подпустивъ его почти вплотную, снова обращалась въ бѣгство. Это преслѣдованіе продолжалось довольно долго. Улицы были совершенно пусты, вслѣдствіе ранняго времени. Пробѣгая по переулку въ тылу улицы Моргъ, обезьяна замѣтила свѣтъ въ открытомъ окнѣ комнаты г-жи Л'Эспанэ. Взобравшись съ невѣроятною быстротой и ловкостью по громоотводу, она уцѣпилась за ставню, которая была открыта настежь, и вскочила прямо на

спинку кровати. Все это потребовало не болѣе минуты. Когда орангъ вскочилъ въ комнату, ставня снова распахнулась.

Матросъ обрадовался и испугался. Теперь онъ надѣялся поймать животное, такъ какъ врядъ-ли оно могло ускользнуть изъ ловушки, въ которую само забралось. Съ другой стороны, онъ боялся, какъ бы оно не надѣлало бѣды въ домѣ. Это послѣднее соображеніе заставило его продолжать преслѣдованіе. Взобраться по громоотводу нетрудно, тѣмъ болѣе для матроса, но когда онъ поднялся на высоту окна, находившагося отъ него по лѣвую руку, въ довольно далекомъ разстояніи,—пришлось остановиться. Онъ могъ только заглянуть внутрь комнаты, и сдѣлавъ это, чуть не свалился съ громоотвода отъ ужаса. Тутъ-то и раздались отчаянные крики, разбудившіе обитателей улицы Моргъ. Г-жа Л'Эспанэ и ея дочь, въ ночныхъ кофточкахъ, повидимому занимались разборкой документовъ въ желѣзномъ сундукѣ, о которомъ уже упоминалось выше. Онъ былъ открытъ и его содержимое выложено на полъ. Жертвы сидѣли спиной къ окну и должно быть не замѣтили звѣря, вскочившаго въ комнату. Звукъ захлопнувшейся ставни могъ быть приписанъ вѣтру.

Когда матросъ заглянулъ въ комнату, гигантское животное, схвативъ г-жу Л'Эспанэ за волосы (распущенные на ночь) водило по ея лицу бритвой, подражая движеніямъ цирюльника. Дочь лежала на полу въ обморокѣ. Отчаянные крики и борьба старухи (при этомъ у нея и были вырваны волосы) превратили въ бѣшенство первоначально мирныя намѣренія орангутанга. Однимъ взмахомъ своей мускулистой руки онъ почти начисто отдѣлилъ ея голову отъ тѣла. Видъ крови довелъ его до изступленія. Щелкая зубами и сверкая глазами, онъ ринулся на тѣло дѣвушки и, охвативъ ея горло своими страшными руками—задушилъ несчастную. Въ эту минуту его блуждающіе взоры упали на спинку кровати, изъ-за которой виднѣлась окаменѣвшая отъ ужаса голова матроса. Бѣшенство животнаго, безъ сомнѣнія, хорошо помнившаго плеть, мгновенно превратилось въ страхъ. Зная, что ему предстоитъ наказаніе, онъ, повидимому, хотѣлъ скрыть слѣды своего преступленія и заметался по комнатѣ въ припадкѣ нервнаго волненія, опрокидывая и швыряя все, что попадалось подъ руку. Въ заключеніе, схвативъ тѣло дочери, онъ засунулъ его въ трубу, а трупъ г-жи Л'Эспанэ выбросилъ въ окно.

Когда обезьяна приблизилась къ окну съ изуродованнымъ тѣломъ своей жертвы, матросъ въ ужасѣ отшатнулся и, скорѣе соскользнувъ, чѣмъ спустившись съ громоотвода,—опрометью кинулся домой, въ паническомъ страхѣ за послѣдствія преступленія, бросивъ орангутанга на произволъ судьбы. Звуки голосовъ, слы-

шанные свидѣтелями на лѣстницѣ, были восклицанія француза и рычанье звѣря.

Больше, кажется, нечего прибавлять. Орангутангъ, безъ сомнѣнія, бѣжалъ изъ комнаты по громоотводу, пока ломали дверь. При этомъ онъ захлопнулъ за собой ставню. Позднѣе онъ былъ пойманъ самимъ владѣльцемъ и проданъ за большую сумму въ Jardin des Plantes. Лебонъ былъ тотчасъ освобожденъ послѣ того какъ мы разъяснили обстоятельства дѣла (съ нѣкоторыми комментаріями со стороны Дюпена) въ канцеляріи префекта полиціи. Этотъ чиновникъ, хотя и питавшій расположеніе къ моему другу, былъ нѣсколько раздосадованъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла и не удержался отъ саркастическихъ замѣчаній насчетъ людей, которые любятъ соваться не въ свое дѣло.

— Пусть его,—сказалъ мнѣ Дюпенъ, не считавшій нужнымъ возражать префекту.—Пусть отведетъ душу. Я довольствуюсь тѣмъ, что разбилъ его на его собственной территоріи. Во всякомъ случаѣ, напрасно онъ удивляется тому, что не съумѣлъ разгадать тайны: нашъ пріятель префектъ слишкомъ хитроуменъ, чтобы быть глубокимъ. Въ его мудрости нѣтъ прочнаго основанія. Онъ голова безъ тѣла, какъ изображенія богини Лаверны или самое большее голова и плечи, какъ у трески. Но въ концѣ концовъ онъ добрый малый. Я въ особенности люблю его за мастерской пріемъ, съ помощью котораго ему удалось пріобрѣсть репутацію проницательности. Разумѣю его манеру «de nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas» *).

Тайна Мари Роже **).

Продолженіе „Убійства въ улицѣ Моргъ“.

> Существуетъ рядъ идеальныхъ событій, которыя совершаются параллельно съ дѣйствительными. Люди и случайности обыкновенно измѣняютъ идеальное событіе, такъ что оно проявляется не вполнѣ, а его послѣдствія тоже оказываются неполными. Такъ было съ Реформаціей; вмѣсто протестантизма явилось лютеранство.
>
> Novalis Moral Ansichten.

Немного найдется людей, даже въ числѣ самыхъ спокойныхъ

*) Руссо Nouvelle Héloïse.

**) При напечатаніи «Мари Роже» въ первый разъ можно было

мыслителей, у которыхъ бы не являлось когда-нибудь смутной, но непреодолимой вѣры въ сверхъестественное, вызванной совпаденіями до того невѣроятными, что умъ отказывался считать ихъ только совпаденіями. Отъ этого чувства, потому что смутная полувѣра, о которой я говорю, никогда не пріобрѣтаетъ силу мысли— отъ этого чувства можно отдѣлаться, только обратившись къ ученію о случаѣ или, какъ его называютъ технически, къ теоріи вѣроятностей. Теорія же эта по существу математическая; и такимъ-то образомъ аномаліи самаго точнаго въ наукѣ примѣняются къ туману и спиритуальности самаго непредставимаго въ умозрѣніи.

Необычайныя происшествія, о которыхъ я намѣренъ сообщить, представляютъ, въ отношеніи послѣдовательности времени, первичную вѣтвь ряда почти невѣроятныхъ совпаденій, вторичную или заключительную вѣтвь котораго читатели найдутъ въ недавнемъ убійствѣ Мэри Сесиліи Роджерсъ въ Нью-Іоркѣ.

Изобразивъ въ статьѣ «Убійство въ улицѣ Моргъ», напечатанной въ прошломъ году, нѣкоторыя замѣчательныя черты характера моего друга шевалье К. Огюста Дюпенъ, я не имѣлъ въ виду когда-либо возвращаться къ той же темѣ. Моя цѣль исчерпывалась изображеніемъ характера, а странное стеченіе обстоятельствъ, благодаря которому могъ проявиться особенный складъ натуры Дюпена, давало возможность осуществить эту цѣль. Я могъ привести и другіе примѣры, но они не выяснили бы никакихъ новыхъ чертъ.

обойтись безъ примѣчаній, которыми сопровождается этотъ разсказъ въ настоящемъ изданіи, но промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ со времени трагедіи, послужившей основой для разсказа, дѣлаетъ ихъ нелишними, равно какъ и нѣсколько объяснительныхъ словъ. Молодая дѣвушка Мэри Сесилія Роджерсъ была убита по близости отъ Нью-Іорка, и хотя это происшествіе надѣлало много шума, тайна преступленія осталась неразрѣшенной до времени напечатанія повѣсти (ноябрь 1842). Авторъ этой послѣдней, въ формѣ вымышленной исторіи одной парижской grisette излагаетъ до мельчайшихъ подробностей существенныя обстоятельства дѣйствительнаго убійства Мэри Роджерсъ. Такимъ образомъ всѣ аргументы, основанные на фикціи, прилагаются къ истинному событію;—и изслѣдованіе этой истины собственно и было цѣлью разсказа.

„Тайна Мари Роже“ написана вдали отъ мѣста, гдѣ совершилось кровавое преступленіе, исключительно на основаніи газетныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ отъ автора ускользнуло многое, чѣмъ онъ могъ бы воспользоваться, если бы самъ посѣтилъ мѣсто дѣйствія. Тѣмъ не менѣе, не лишнимъ будетъ замѣтить, что признанія двухъ лицъ (одно изъ нихъ г-жа Делюкъ) разсказа, сдѣланныя въ разное время, много спустя послѣ напечатанія этой исторіи, подтвердили не только общій выводъ автора, но и всѣ до единой главныя гипотетическія детали, послужившія основой вывода.

Однако, недавнія событія, въ ихъ поразительномъ сцѣпленіи, побудили меня прибавить еще нѣсколько деталей, которыя будутъ имѣть видъ вынужденнаго сознанія. Послѣ того, что мнѣ привелось услышать недавно, странно было съ моей стороны хранить молчаніе о томъ, что я слышалъ и видѣлъ много лѣтъ тому назадъ.

Распутавъ трагическую загадку, связанную съ убійствомъ г-жи Л'Эспанэ и ея дочери, шевалье пересталъ слѣдить за этимъ дѣломъ и вернулся къ своему прежнему угрюмому и мечтательному существованію. Склонный по натурѣ къ мечтамъ, я охотно поддавался его настроенію, и проживая по прежнему въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи, мы предоставили будущее на волю судебъ и мирно дремали въ настоящемъ, набрасывая дымку грезъ на окружающій міръ.

Но грезы эти иногда прерывались. Весьма понятно, что роль моего друга въ драмѣ улицы Моргъ произвела впечатлѣніе на умы парижской полиціи. Имя его сдѣлалось популярнымъ среди ея представителей. Ни префектъ, ни другіе члены полиціи не знали, какимъ простымъ рядомъ умозаключеній онъ былъ приведенъ къ разгадкѣ, понятно, что все это дѣло казалось имъ почти чудеснымъ, а аналитическія способности шевалье пріобрѣли ему славу почти ясновидящаго. Его откровенность могла бы уничтожить этотъ предразсудокъ, но безпечный характеръ заставилъ его забыть объ этомъ происшествіи, разъ оно потеряло интересъ въ его собственныхъ глазахъ.

Такимъ-то образомъ Дюпенъ очутился въ положеніи звѣзды, неотразимо притягивавшей полицейскіе глаза, и нерѣдки были случаи, когда префектура обращалась къ нему за содѣйствіемъ. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ — убійство молодой дѣвушки, по имени Мари Роже.

Это происшествіе случилось два года спустя послѣ звѣрскаго убійства въ улицѣ Моргъ. Мари, имя и фамилія которой невольно приводятъ на мысль несчастную жертву нью-іоркскаго убійства, была единственная дочь вдовы Эстеллы Роже. Отецъ умеръ, когда дѣвушка была еще младенцемъ, и со времени его смерти мать и дочь жили въ улицѣ Сентъ-Андре *), откуда переселились только за полтора года до убійства, послужившаго темой нашего разсказа. Вдова держала pension, дочь помогала ей. Такъ дѣло шло до тѣхъ поръ, пока дочери не исполнилось двадцать одинъ годъ. Въ это время ея красота привлекла вниманіе парфюмера, лавка котораго помѣщалась въ подвальномъ этажѣ Пале-Рояля, а покупатели принадлежали главнымъ образомъ къ числу отчаянныхъ авантюри-

*) Nassau Street.

стовъ, которыми кишитъ этотъ кварталъ. M-r Лебланъ *) очень хорошо понималъ, какъ выгодно будетъ для его торговли присутствіе хорошенькой Мари за прилавкомъ; а дѣвушка охотно согласилась поступить въ его лавку, хотя ея матери видимо не нравился этотъ проектъ.

Надежды торговца вполнѣ оправдались, его лавочка вскорѣ пріобрѣла извѣстность, благодаря красотѣ бойкой grisette. Она провела за прилавкомъ около года, по истеченіи котораго ея обожатели были поражены внезапнымъ исчезновеніемъ хорошенькой продавщицы. Monsieur Лебланъ не могъ объяснить ея отсутствія, а г-жа Роже была внѣ себя отъ безпокойства и страха. Газеты немедленно занялись этимъ предметомъ, и полиція намѣревалась предпринять серьезное разслѣдованіе, когда въ одинъ прекрасный день, спустя недѣлю, Мари, здравая и невредимая, но нѣсколько печальная, снова появилась за прилавкомъ.

Разумѣется, всякое разслѣдованіе, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ справокъ, было тотчасъ же прекращено. M-r Лебланъ по прежнему увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Мари и ея мать отвѣчали на разспросы, что она провела недѣлю въ деревнѣ у одного родственника. Такъ это дѣло и заглохло, и было забыто, тѣмъ болѣе, что дѣвушка, которой, очевидно, надоѣла назойливость и любопытство посѣтителей, вскорѣ распростилась съ парфюмеромъ и переселилась обратно подъ крылышко матери, въ улицу Сентъ-Андре.

Спустя пять мѣсяцевъ послѣ этого возвращенія подъ родительскій кровъ друзья Мари были встревожены ея вторичнымъ исчезновеніемъ. Прошло три дня, а о ней не было ни слуха ни духа. На четвертый ея тѣло было найдено въ Сенѣ **), близъ отмели, противъ квартала улицы Сентъ-Андре, недалеко отъ Barrière du Roule ***).

Жестокость этого убійства (такъ какъ фактъ убійства былъ очевиденъ), красота и молодость жертвы, а главное ея прежняя извѣстность, возбудили большое волненіе въ сердцахъ чувствительныхъ парижанъ. Я не могу припомнить аналогичнаго случая, который произвелъ бы такое сильное впечатлѣніе. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль только и разговоровъ было, что объ убійствѣ Мари,—даже о политикѣ на время позабыли. Префектъ изъ кожи лѣзъ, и парижская полиція напрягала всѣ свои силы.

Когда нашли тѣло, никто не сомнѣвался, что убійца вскорѣ по-

---

*) Андерсонъ.
**) Гудсонъ.
***) Weehawken.

падется въ руки сыщиковъ; только спустя недѣлю была назначена награда за поимку, да и то небольшая—въ тысячу франковъ. Тѣмъ временемъ слѣдствіе продолжалось съ энергіей, если не всегда съ разсудкомъ, и много лицъ было допрошено зря; а возбужденіе публики, подстрекаемое отсутствіемъ ключа къ этой тайнѣ, росло. На десятый день сочли нужнымъ удвоить награду, а когда прошла еще недѣля въ безплодныхъ поискахъ, и раздраженіе противъ полиціи, всегда существующее въ Парижѣ, проявилось въ нѣсколькихъ серьезныхъ émeutes, префектъ рѣшился назначить двадцать тысячъ франковъ «за указаніе убійцы» или, предполагая, что ихъ было нѣсколько, «за указаніе одного изъ убійцъ». Обѣщалось также полное помилованіе соучастнику, который выдастъ товарища; а вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ всюду расклеивалось другое, частное, отъ комитета гражданъ, назначившихъ десять тысячъ франковъ въ дополненіе къ оффиціальной наградѣ. Вся сумма, стало быть, достигала тридцати тысячъ франковъ, — награда, безъ сомнѣнія, огромная, если принять въ разсчетъ скромное положеніе дѣвушки и обычность подобныхъ злодѣйствъ въ большихъ городахъ.

Теперь никто не сомнѣвался, что тайна немедленно разъяснится. Но хотя и было произведено два-три ареста, обѣщавшіе успѣшный результатъ, однако, никакихъ результатовъ не получилось, подозрѣнія не подтвердились и арестованные были отпущены на свободу. Какъ это ни странно, но три недѣли прошли въ безуспѣшныхъ поискахъ, прежде чѣмъ слухи о событіи, такъ волновавшемъ публику, достигли до меня и Дюпена. Погруженные въ изслѣдованія, которыя поглощали все наше вниманіе, мы уже болѣе мѣсяца никуда не выходили, никого не принимали и только мелькомъ заглядывали въ политическій отдѣлъ газетъ. Первое извѣстіе объ убійствѣ мы получили отъ самого Г. Онъ явился къ намъ собственною персоной подъ вечеръ 14 іюля 18** г., и просидѣлъ у насъ до поздней ночи. Онъ былъ огорченъ неудачей своихъ поисковъ. Репутація его,—говорилъ онъ съ особеннымъ парижскимъ выраженіемъ,—виситъ на волоскѣ. Даже честь его задѣта. Взоры публики устремлены на него, и онъ готовъ на всякую жертву для разъясненія этой тайны. Онъ заключилъ свою довольно забавную рѣчь похвалами тому, что изволилъ называть тактомъ Дюпена, и сдѣлалъ послѣднему прямое и весьма щедрое предложеніе, точный характеръ котораго я не считаю себя вправѣ передавать, да оно и не имѣетъ прямого отношенія къ моей темѣ.

На комплименты мой другъ отвѣчалъ, какъ умѣлъ, но предложеніе принялъ безъ отговорокъ. Покончивъ съ этимъ, префектъ принялся излагать свои собственныя соображенія, сопровождая

ихъ длинными комментаріями къ показаніямъ свидѣтелей; эти послѣднія еще не находились въ нашихъ рукахъ. Онъ говорилъ пространно и, безъ сомнѣнія, съ большимъ знаніемъ дѣла; наконецъ, я рѣшился замѣтить, что ночь уже близка къ концу. Дюпенъ, сидя въ своемъ любимомъ креслѣ, казался воплощеніемъ почтительнаго вниманія. Онъ надѣлъ очки во время этого разговора и, заглянувъ случайно за ихъ синія стекла, я убѣдился, что онъ покоился тихимъ, но крѣпкимъ сномъ въ теченіе нестерпимыхъ семи-восьми часовъ, предшествовавшихъ уходу префекта.

Утромъ я получилъ въ префектурѣ протоколы свидѣтельскихъ показаній и добылъ въ различныхъ редакціяхъ всѣ нумера газетъ, въ которыхъ было помѣщено что-нибудь важное относительно этого грустнаго происшествія. Освобожденная отъ безусловно вздорныхъ свѣдѣній, вся эта масса данныхъ сводилась къ слѣдующему:

Мари Роже оставила квартиру своей матери въ улицѣ Сентъ-Андре, около девяти часовъ утра, въ воскресенье, двадцать второго іюня 18** г. Уходя, она сообщила г. Жаку Сентъ-Эсташу *) и только ему, о своемъ намѣреніи провести этотъ день у тетки въ улицѣ Дромъ. Улица Дромъ, небольшой и узкій, но многолюдный переулокъ по близости отъ рѣки на разстояніи двухъ миль, по кратчайшей дорогѣ, отъ pension г-жи Роже. С-тъ Эсташъ былъ признанный обожатель Мари и нанималъ комнату со столомъ у ея матери. Онъ долженъ былъ отправиться подъ вечеръ за своей возлюбленной и проводить ее домой. Но къ вечеру пошелъ сильный дождь и, предполагая, что Мари останется ночевать у тетки, какъ это случалось раньше при подобныхъ же обстоятельствахъ, онъ не счелъ нужнымъ сдержать свое обѣщаніе. Съ наступленіемъ ночи г-жа Роже (дряхлая семидесятилѣтняя старуха) выразила опасеніе, «что ей никогда больше не придется увидѣть Мари», но эти слова въ то время были оставлены безъ вниманія.

Въ понедѣльникъ узнали, что дѣвушка не являлась въ улицу Дромъ, и когда день прошелъ, а она не возвращалась, начались поиски по городу и въ окрестностяхъ. Но только на четвертый день послѣ ея исчезновенія поиски привели къ опредѣленному результату. Въ этотъ день (среда 25 іюня) нѣкій г. Бовэ **), разыскивавшій дѣвушку съ однимъ изъ своихъ пріятелей, въ окрестностяхъ Барьеръ дю-Руль на берегу Сены, противъ улицы Сентъ-Андре, услыхалъ, что рыбаки только что вытащили изъ рѣки трупъ. Увидѣвъ его, Бове, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, призналъ Мари. Его пріятель узналъ ее скорѣе.

---

*) Пэнъ.

**) Кроммелинъ.

Лицо налилось кровью, которая выступала также изо рта. Пѣны, какая бываетъ у утопленниковъ, не было. Клѣтчатка не была обезцвѣчена. На шеѣ виднѣлись синяки и слѣды пальцевъ. Руки были сложены на груди и окоченѣли. Правая рука оказалась стиснутой, лѣвая полуоткрытой. На лѣвой рукѣ замѣчены двѣ кольцеобразныхъ ссадины, повидимому, отъ веревокъ, или отъ веревки, два раза обвернутой вокругъ руки. Ссадины оказались также на правой рукѣ, на спинѣ, а въ особенности на лопаткахъ. Чтобы вытащить тѣло на берегъ, рыбаки обвязали его веревкой, но она не оставила никакихъ ссадинъ. Шея сильно вздулась. Она была обмотана шнуркомъ такъ туго, что онъ врѣзался въ тѣло и не былъ замѣтенъ снаружи; узелъ приходился подъ лѣвымъ ухомъ. Одно это уже могло причинить смерть. Медицинскій осмотръ свидѣтельствовалъ о цѣломудренномъ характерѣ покойной. По показанію медиковъ она подверглась животному насилію. Тѣло находилось въ такомъ состояніи, что друзья покойной могли признать ее безъ труда.

Одежда была изорвана и въ безпорядкѣ. Изъ платья вырвана полоса шириною въ футъ отъ нижней каемки до таліи, но не совсѣмъ оторвана. Она была три раза обвернута вокругъ таліи и завязана на спинѣ въ видѣ петли. Подъ платьемъ находилась рубашка изъ тонкой кисеи; изъ нея тоже вырванъ лоскутъ въ восемнадцать дюймовъ шириной, вырванъ осторожно, ровнымъ кускомъ. Онъ былъ обмотанъ вокругъ шеи и завязанъ узломъ. Надъ этимъ лоскутомъ и шнуркомъ обвязаны ленты шляпки, — морскимъ узломъ.

Когда тѣло было узнано, его не отправили въ Моргъ (эта формальность казалась излишней), а поспѣшили похоронить тутъ же по близости.

Г. Бовэ старался избѣжать огласки этого происшествія и прошло нѣсколько дней прежде чѣмъ публика заволновалась. Наконецъ, одна еженедѣльная газета *) взялась за эту тему; тѣло было вырыто и подверглось новому осмотру, который, впрочемъ, ничего не прибавилъ къ тому, что выяснилось раньше. Одежда была предъявлена матери и друзьямъ покойной и признана ими за ту, которая была на дѣвушкѣ, когда она уходила изъ дома.

Между тѣмъ возбужденіе росло съ часу на часъ. Нѣсколько лицъ было арестовано. Особенное подозрѣніе возбудилъ Сентъ-Эсташъ, который къ тому же сначала не могъ объяснить, гдѣ онъ провелъ тотъ день, когда Мари ушла изъ дому. Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ представилъ г. Г. удовлетворительное объясненіе.

По мѣрѣ того, какъ время шло, а тайна оставалась неразъяс-

*) Нью-Іоркскій Вѣстникъ.

ненной, тысячи слуховъ возникали въ обществѣ, а журналисты придумывали всевозможныя объясненія. Особенное вниманіе возбудила мысль, что Мари Роже еще жива—что въ Сенѣ было найдено тѣло какой-нибудь другой несчастной. Считаю не лишнимъ сообщить читателямъ нѣкоторыя изъ статей на эту тему. Статьи дословно переведены изъ «Etoile» *), газеты вообще хорошо поставленной.

«M-lle Роже оставила квартиру своей матери утромъ, въ воскресенье, двадцать второго іюня 18**, съ тѣмъ, чтобы идти къ своей теткѣ или другой родственницѣ въ улицу Дромъ. Съ этой минуты ее не видали. Никакихъ извѣстій, никакихъ свѣдѣній о ней не получено... Никто изъ знакомыхъ не видѣлъ ее въ этотъ день послѣ того, какъ она ушла отъ матери... Мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ, что Мари Роже была въ живыхъ послѣ девяти часовъ въ воскресенье, но можемъ сказать съ увѣренностью, что до девяти часовъ она была жива. Въ среду около полудня былъ найденъ трупъ женщины на отмели близь Барьеръ дю-Руль. Это составитъ—если даже мы предположимъ, что Мари Роже была брошена въ рѣку не болѣе трехъ часовъ послѣ того, какъ вышла изъ дому—всего трое сутокъ. Но было бы нелѣпо предположить, что убійство совершилось задолго до полночи. Виновники такихъ злодѣйствъ ищутъ тьмы, а не свѣта... Итакъ, если тѣло, найденное въ рѣкѣ,—тѣло Мари Роже, то оно пробыло въ водѣ не болѣе двухъ съ половиной дней, самое большее три. Опытъ показалъ, что тѣла утопленниковъ, или брошенныя въ воду тотчасъ послѣ убійства, всплываютъ только дней черезъ шесть—черезъ десять, когда разложеніе достигнетъ значительной степени! Если даже пушка выстрѣлитъ надъ тѣломъ и оно всплыветъ ранѣе пяти-шести дней, то сейчасъ же погрузится обратно. Почему же въ данномъ случаѣ произошло отступленіе отъ естественнаго хода явленій?... Если изуродованное тѣло было спрятано гдѣ-нибудь на берегу до ночи со вторника на среду, нашлись бы слѣды убійцъ. Сомнительно также, чтобъ оно всплыло такъ скоро, даже если бы было брошено въ воду черезъ два дня послѣ смерти. И наконецъ, совершенно невѣроятно, чтобы негодяи, совершившіе подобное убійство, не догадались привязать къ трупу какую-нибудь тяжесть, когда это было такъ легко сдѣлать».

Далѣе авторъ старается доказать, что тѣло находилось въ водѣ «не три дня, а добрыхъ двѣ недѣли», такъ какъ успѣло разложиться до такой степени, что Бовэ узналъ его лишь съ трудомъ.

*) «New-York Brother Ionathan», издаваемый мистеромъ Гастингсомъ Уэльдомъ.

Впрочемъ, этотъ послѣдній пунктъ оказался невѣрнымъ. Продолжаю переводъ.

«На какомъ же основаніи г. Бовэ утверждаетъ, что это былъ трупъ Мари Роже? Онъ отвернулъ рукавъ платья и нашелъ примѣты, удостовѣрившія его въ тождествѣ. Публика вообще предполагала, что эти примѣты—родимыя пятна или рубцы. Въ дѣйствительности г. Бовэ нашелъ на рукѣ волоски—то есть нѣчто совершенно неопредѣленное,—примѣту, на которой нельзя основать никакого заключенія, какъ на томъ фактѣ, что въ рукавѣ оказалась рука. Г. Бовэ не возвращался въ этотъ день домой, а къ восьми часамъ вечера увѣдомилъ г-жу Роже, что слѣдствіе по поводу ея дочери продолжается. Если преклонный возрастъ и горе г-жи Роже не позволили ей самой выйти изъ дома (что, конечно, вполнѣ допустимо), то хоть кто-нибудь изъ близкихъ явился бы на мѣсто дѣйствія, разъ предполагали, что это трупъ Мари. Никто, однако, не явился. Никто изъ обитателей дома въ улицѣ Сентъ-Андре не слыхалъ и не зналъ объ этомъ происшествіи. Г. Сентъ-Эсташъ, обожатель и женихъ Мари, проживавшій въ домѣ ея матери, узналъ о нахожденіи тѣла своей возлюбленной только на слѣдующее утро, когда г. Бовэ явился къ нему и сообщилъ о происшествіи. Странно, что подобное извѣстіе могло быть принято такъ равнодушно».

Такимъ образомъ газета старалась подчеркнуть равнодушіе друзей и родныхъ Мари, равнодушіе, совершенно неестественное въ томъ случаѣ, если бы они дѣйствительно вѣрили въ ея смерть. Намеки газеты сводились къ слѣдующему: Мари, съ вѣдома своихъ друзей, уѣхала по дѣлу, набрасывающему тѣнь на ея нравственность,—и вотъ они воспользовались находкой тѣла, напоминавшаго отчасти эту дѣвушку, чтобы пустить слухъ о ея смерти. Но «L'Etoile» черезчуръ поторопилась. Равнодушія, о которомъ она толковала, вовсе не было; напротивъ, старуха мать слегла отъ волненія, а Сентъ-Эсташъ пришелъ въ такое изступленіе отъ горя, что г. Бовэ просилъ друзей и родственниковъ присматривать за нимъ и ни за что не допускать его къ тѣлу покойной. Далѣе, хотя газета увѣряла, что погребеніе тѣла было совершено на общественный счетъ,—что семья рѣшительно отклонила предложеніе устроить частныя похороны,—что никто изъ родныхъ не присутствовалъ при погребеніи,—хотя, говорю я, «L'Etoile» приводила эти факты въ подтвержденіе своей мысли,—но всѣ они были опровергнуты. Въ слѣдующемъ номерѣ газеты была сдѣлана попытка набросить подозрѣніе на самого г. Бовэ. Авторъ статьи писалъ:

«Теперь дѣло представляется въ иномъ свѣтѣ. Мы слышали, что когда г-жа Б. была у г-жи Роже, г. Бовэ, уходя изъ дома,

просилъ ее,—въ случаѣ появленія жандарма, котораго ожидали въ домѣ, не сообщать ему ничего до возвращенія его, г. Бовэ... Повидимому, г. Бовэ считаетъ это дѣло своимъ личнымъ. Безъ г. Бовэ нельзя шагу ступить... Онъ почему-то рѣшилъ, что никто, кромѣ него, не долженъ мѣшаться въ слѣдствіе и, судя по показаніямъ родственниковъ, устранилъ ихъ довольно страннымъ образомъ. Повидимому, ему очень не хотѣлось, чтобы родные увидѣли тѣло».

Слѣдующій фактъ придавалъ извѣстный оттѣнокъ подозрѣнію, наброшенному такимъ образомъ на г. Бовэ. Одинъ изъ посѣтителей его конторы за нѣсколько дней до исчезновенія дѣвушки и, въ отсутствіи хозяина, замѣтилъ розу въ замочной скважинѣ его двери и имя «Мари» на аспидной доскѣ, висѣвшей подлѣ.

По общему мнѣнію газетъ, Мари сдѣлалась жертвой шайки негодяевъ, которые изнасиловали и убили ее. «Le Commercial» *) газета очень вліятельная, явился наиболѣе серьезнымъ представителемъ этого мнѣнія. Цитирую его статью:

«Мы убѣждены, что слѣдствіе находится на ложномъ пути, разъ оно сосредоточено въ окрестностяхъ Барьеръ дю-Руль. Особа, извѣстная тысячамъ людей въ этой мѣстности, не могла бы и трехъ шаговъ ступить, не будучи узнана кѣмъ-либо; а всякій, узнавшій ее, вспомнилъ бы объ этомъ, такъ какъ она интересовала всѣхъ. Когда она ушла изъ дома, улицы были полны народа... Невозможно, чтобы она дошла до Барьеръ дю-Руль или улицы Дромъ, не замѣченная, по крайней мѣрѣ, десяткомъ лицъ, а между тѣмъ, никто не видалъ ее внѣ дома матери, и нѣтъ никакихъ доказательствъ—исключая показанія о выраженномъ ею намѣреніи—что она уходила изъ дома. Ея платье оказалось изорваннымъ, обмотаннымъ вокругъ таліи и завязаннымъ на спинѣ въ видѣ петли, за которую, очевидно, тащили трупъ. Если бы убійство совершилось у Барьеръ дю-Руль, не было бы надобности въ такомъ приспособленіи. Правда, ея тѣло найдено около Барьеръ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что оно здѣсь же было брошено въ воду... Изъ юбки несчастной дѣвушки былъ вырванъ лоскутъ въ два фута длиною и футъ шириной, и обмотанъ вокругъ шеи, вѣроятно, для того, чтобы заглушить крики. Это было сдѣлано людьми, которые обходятся безъ носовыхъ платковъ».

За день или за два до посѣщенія префекта полиція узнала новый и весьма важный фактъ, повидимому, совершенно опровергавшій мнѣніе «Le Commercial». Два мальчугана, сыновья нѣкоей г-жи Ледюкъ, рыская по лѣсу вокругъ Барьеръ дю-Руль, за-

*) Нью-Іоркскій «Journal of Commerce».

бралисъ въ рощицу, внутри которой три или четыре большихъ камня были сложены на подобіе скамьи со спинкой и сидѣньемъ. На верхнемъ камнѣ лежала бѣлая юбка, на второмъ шелковый шарфъ. Тутъ же валялись зонтикъ, перчатки и носовой платокъ. На платкѣ было вышито имя «Мари Роже». На окружающихъ кустарникахъ нашлись обрывки платья. Трава была смята, почва притоптана,—очевидно, здѣсь происходила борьба. Между рощицей и рѣкой изгородь была сломана и на землѣ замѣчены слѣды, доказывавшіе, что тутъ волокли какую-то тяжесть.

Еженедѣльная газета «Le Soleil»*) посвятила этому открытію слѣдующую статью, въ которой отразилось общее настроеніе Парижской прессы:

«Вещи, очевидно, лежали здѣсь, по меньшей мѣрѣ, три или четыре недѣли. Всѣ покрылись плѣсенью; нѣкоторыя обросли травой. Шелковая матерія зонтика была еще крѣпка, но нитки совершенно истлѣли. Верхняя часть покрылась плѣсенью и ржавчиной и порвалась, когда зонтикъ былъ открытъ... Лоскутья, вырванные изъ одежды кустарниками, достигали трехъ дюймовъ въ длину и шести въ ширину. Одинъ изъ нихъ былъ кусокъ оборки платья, другой — обрывокъ подола. Они висѣли на изломанномъ кустѣ, на футъ отъ земли. Нѣтъ сомнѣнія, мѣсто совершенія этого гнуснаго насилія найдено».

Вслѣдъ за этимъ открытіемъ явилось новое показаніе. Госпожа Делюкъ заявила, что она держитъ гостинницу недалеко отъ берега рѣки противъ Барьеръ дю-Руль. Мѣстность по сосѣдству пустынная. По воскресеньямъ въ гостинницу собираются разные головорѣзы изъ города, переплывая рѣку на лодкахъ. Около трехъ часовъ пополудни, въ воскресенье двадцать второго іюня явилась туда дѣвушка въ сопровожденіи молодого человѣка, брюнета. Оба посидѣли нѣсколько времени въ гостинницѣ, затѣмъ ушли по направленію къ сосѣдней рощѣ. Г-жа Делюкъ вспомнила, что на дѣвушкѣ было такое же платье, какое оказалось на убитой. Въ особенности ясно помнила она шарфъ. Вскорѣ послѣ ухода молодыхъ людей явилась толпа какихъ-то сорванцовъ; они шумѣли, ѣли и пили и ушли, не расплатившись, по тому же направленію, въ которомъ скрылась парочка. Въ сумерки они вернулись въ гостинницу и поспѣшно переправились на ту сторону.

Въ тотъ же вечеръ, вскорѣ послѣ наступленія темноты, г-жа Делюкъ и ея старшій сынъ услышали женскіе крики неподалеку отъ гостинницы. Крики были отчаянные, но скоро умолкли. Г-жа Делюкъ узнала не только шарфъ, найденный въ рощицѣ, но и

*) Филадельфійская «Saturday Evening Post».

платье покойницы. Затѣмъ, кучеръ дилижанса Валенсъ*) тоже показалъ, что Мари Роже переправлялась въ то воскресенье черезъ Сену на лодкѣ, въ обществѣ какого-то смуглаго молодого человѣка. Онъ, Валенсъ, хорошо зналъ Мари и не могъ ошибиться. Вещи, найденныя въ рощицѣ, были признаны ея родными.

Сумма этихъ справокъ и свѣдѣній, собранныхъ мною въ газетахъ по просьбѣ Дюпена, увеличилась еще только однимъ фактомъ, но, повидимому, очень важнымъ. Вскорѣ послѣ открытій въ вышеупомянутой рощицѣ бездыханное или почти бездыханное тѣло Сентъ-Эстапа, жениха Мари, было найдено по сосѣдству съ предполагаемымъ мѣстомъ преступленія. Около него валялась пустая стклянка съ надписью «Лауданумъ». Отравленіе было несомнѣнно. Онъ умеръ, не произнеся ни слова. При немъ нашли письмо, въ которомъ онъ въ немногихъ словахъ выражалъ свою любовь къ Мари и намѣреніе отравиться.

— Врядъ-ли нужно говорить вамъ, — сказалъ Дюпенъ, прочитавъ собранныя мною замѣтки,—что этотъ случай гораздо запутаннѣе убійства въ улицѣ Моргъ, отъ котораго отличается въ одномъ весьма существенномъ отношеніи. Это обыкновенное, хотя и звѣрское преступленіе. Въ немъ нѣтъ ничего outré. Замѣтьте, что именно потому тайна и казалась легко разъяснимой, хотя именно это и затрудняетъ ея разъясненіе. Такъ, сначала даже не считали нужнымъ назначить вознагражденіе. Мирмидоны Г. сразу догадались, какъ и почему такое звѣрское преступленіе могло совершиться. Имъ не трудно было нарисовать въ воображеніи способъ, много способовъ убійства, и мотивъ, много мотивовъ; а такъ какъ тотъ или иной изъ этихъ многочисленныхъ способовъ и мотивовъ могъ быть осуществленъ и на дѣлѣ,—то они и рѣшили, что одинъ изъ нихъ долженъ былъ осуществиться на дѣлѣ. Но самая легкость изобрѣтенія этихъ многочисленныхъ теорій и вѣроятность каждой изъ нихъ свидѣтельствуютъ скорѣе о трудности разъясненія этой тайны. Я уже говорилъ какъ-то, что отличія даннаго происшествія отъ обычныхъ событій въ томъ же родѣ служатъ путеводною нитью для разума въ его поискахъ,—и что въ подобныхъ случаяхъ нужно спрашивать не «что такое случилось?», а «что такое случилось, чего никогда не случалось раньше?». При розыскахъ въ домѣ г-жи Л'Эспанэ **) агенты Г. были обезкуражены необычайностью происшествія, которая для хорошо направленнаго ума послужила бы вѣрнѣйшимъ предзнаменованіемъ успѣха, тогда какъ тотъ же самый умъ можетъ придти въ отчаяніе отъ ординар-

---

*) Адамъ.
**) См. „Убійство въ улицѣ Моргъ“.

наго характера всѣхъ обстоятельствъ дѣла Мари, даромъ, что чиновникамъ префекта они внушаютъ надежду на легкій тріумфъ.

Въ происшествіи съ г-жей Л'Эспанэ и ея дочерью мы уже знали несомнѣнно, едва приступивъ къ розысканіямъ, что имѣемъ дѣло съ убійствомъ. Идея самоубійства не могла имѣть мѣста. Здѣсь мы тоже съ самаго начала можемъ отбросить всякую мысль о самоубійствѣ. Тѣло, найденное подлѣ Барьеръ дю-Руль, найдено при такихъ обстоятельствахъ, которыя не оставляютъ и тѣни сомнѣнія насчетъ этого важнаго пункта. Но было высказано предположеніе, что найденное тѣло вовсе не тѣло Мари Роже, за открытіе убійцы или убійцъ которой назначена награда и къ которой исключительно относится наша сдѣлка съ префектомъ. Мы оба хорошо знаемъ этого господина. Ему не слишкомъ-то можно довѣрять. Если, начавши наши розыски по поводу мертваго тѣла, мы отыщемъ убійцу и затѣмъ убѣдимся, что это трупъ какой-нибудь другой дѣвушки, а не Мари; или если, предположивъ, что Мари жива, мы найдемъ ее, но найдемъ не въ видѣ мертваго тѣла, — вся наша работа пропадетъ даромъ,—разъ мы имѣемъ дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ господинъ Г. Итакъ, въ нашихъ личныхъ видахъ, если не въ видахъ правосудія, необходимо прежде всего убѣдиться въ тождествѣ найденнаго тѣла и исчезнувшей Мари Роже.

«На публику аргументы «L'Etoile» произвели впечатлѣніе; и сама газета убѣждена въ ихъ важности, это видно по началу одной изъ ея статей: «Сегодня многія газеты толкуютъ объ убѣдительной статьѣ въ прошломъ номерѣ «Etoile». По моему, статья болѣе убѣдительна, чѣмъ нужно для автора. Надо помнить, что, вообще говоря, задача нашихъ газетчиковъ возбуждать сенсацію, производить эффектъ, а не служить дѣлу истины. Послѣдняя цѣль преслѣдуется только въ томъ случаѣ, когда кажется, что она совпадаетъ съ первой. Статья, совпадающая съ общимъ мнѣніемъ (какъ бы оно ни было основательно), не встрѣчаетъ довѣрія въ толпѣ. Масса считаетъ глубокимъ лишь того, кто высказываетъ рѣзкое противорѣчіе господствующему мнѣнію. Въ умозаключеніяхъ, какъ и въ изящной литературѣ, наиболѣе быструю и общую оцѣнку встрѣчаетъ эпиграмма. Въ томъ и другомъ случаѣ это самый низменный родъ творчества.

«Я хочу сказать, что гипотеза, согласно которой Мари Роже еще жива, нашла благопріятный пріемъ въ публикѣ не вслѣдствіе своей правдоподобности, а потому что въ ней эпиграмма сливается съ мелодрамой. Разсмотримъ главные аргументы «Etoile».

Прежде всего авторъ старается доказать, ссылаясь на краткость промежутка времени между исчезновеніемъ Мари и нахожденіемъ тѣла, что это послѣднее не могло быть тѣломъ Мари. Поэтому

онъ прежде всего старается уменьшить, елико возможно этотъ промежутокъ и въ своемъ усердіи сразу хватаетъ черезъ край. «Было бы нелѣпо предположить,—говоритъ онъ,— чтобы убійство совершилось такъ рано, что убійцы успѣли бросить трупъ въ воду до полночи?» Спрашивается: почему? Почему нелѣпо предположить, что убійство совершилось черезъ пять минутъ послѣ ухода Мари изъ дома? Почему нелѣпо предположить, что убійство совершилось въ любую пору дня? Убійства случались во всякомъ часу. Но если бы убійство случилось въ какой угодно моментъ между девятью часами утра и двѣнадцатью безъ четверти ночи, времени, во всякомъ случаѣ, хватило бы для того, чтобы «бросить трупъ въ воду до полночи». Выводъ «L'Etoile» сводится, въ сущности, къ тому, что убійства вовсе не случилось въ воскресенье, но, если мы допустимъ этотъ выводъ, то придется допустить все, что заблагоразсудится газетѣ. Статья, начинающаяся словами «было бы нелѣпо предположить etc.», въ какой бы формѣ она ни была напечатана, явилась въ головѣ автора въ слѣдующей формѣ: «Было бы нелѣпо предположить, что убійство совершилось такъ рано, что убійцы успѣли бросить тѣло въ рѣку до полночи. Было бы нелѣпо, говорю я, предположить все это, а въ то же время предполагать (какъ я рѣшился предполагать), что тѣло «не» было брошено «до» полночи»—разсужденіе, очевидно, непослѣдовательное, но далеко не столь нелѣпое, какъ появившееся въ печати.

— Если бы,—продолжалъ Дюпенъ,—моя цѣль была только опровергнуть статью «L'Etoile», я бы на этомъ и покончилъ. Но насъ занимаетъ не «L'Etoile», а истина. Разсужденіе, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ имѣть лишь одно значеніе, которое я и выяснилъ; но для насъ важно, не ограничиваясь словами, разсмотрѣть мысль, которую эти слова стараются (неудачно) внушить. Журналистъ хотѣлъ сказать слѣдующее: въ какой бы часъ дня или ночи въ воскресенье ни случилось убійство, виновники его не рѣшились бы бросить тѣло въ воду до полуночи. Съ этимъ выводомъ я совершенно несогласенъ. Предполагается, что убійство совершено въ такомъ мѣстѣ или при такихъ обстоятельствахъ, которыя ставили виновника въ необходимость нести тѣло въ рѣку. Но убійство могло произойти на берегу рѣки или на самой рѣкѣ, такъ что, случись это въ какомъ угодно часу дня или ночи, быстрѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ способомъ избавиться отъ тѣла было выбросить его въ рѣку. Вы понимаете, что я отнюдь не высказываю какой либо гипотезы, или своего личнаго мнѣнія. Я не занимаюсь въ данномъ случаѣ фактами. Я хочу только предостеречь васъ противъ тона всей замѣтки «L'Etoile», обративъ ваше вниманіе на ея характеръ ex parte съ самаго начала.

— Отмежевавъ такимъ образомъ границу для своихъ предвзятыхъ мнѣній; рѣшивъ, что если это тѣло Мари, то оно могло пробыть въ водѣ лишь очень недолго, газета продолжаетъ:

«Опытъ показалъ, что тѣла утопленниковъ, или брошенныя въ воду тотчасъ послѣ убійства, всплываютъ только дней черезъ шесть,—черезъ десять, когда разложеніе достигнетъ значительной степени. Если даже пушка выстрѣлитъ надъ тѣломъ, и оно всплыветъ раньше пяти — шести дней, то сейчасъ же погрузится обратно».

Эти замѣчанія были приняты безъ разговоровъ всѣми газетами, кромѣ «Moniteur'а» *). Этотъ послѣдній старается опровергнуть ту часть статьи, которая относится къ «тѣламъ утопленниковъ», приводя въ примѣръ пять или шесть случаевъ, когда тѣла утонувшихъ всплывали раньше, чѣмъ указываетъ «L'Etoile». Но эта попытка «Moniteur» опровергнуть общее утвержденіе «L'Etoile» указаніемъ на частные случаи—попытка совершенно не философская, не выдерживающая критики. Если бы можно было привести не пять, а пятьдесятъ примѣровъ всплытія тѣла на второй или третій день,—эти пятьдесятъ примѣровъ все-таки оставались бы лишь исключеніемъ изъ правила, до тѣхъ поръ, пока самое правило не опровергнуто. Если принимать правило (а «Moniteur» не отрицаетъ его, указывая только на исключенія), то аргументы «L'Etoile» сохраняютъ всю свою силу, такъ какъ они имѣютъ въ виду лишь вопросъ о вѣроятности всплытія тѣла въ премежутокъ времени менѣе трехъ дней; а вѣроятность останется въ пользу «L'Etoile», пока примѣры, такъ ребячески приводимые, не накопятся въ достаточномъ количествѣ, чтобы послужить основой противоположнаго правила.

— Вы понимаете, что оспаривать этотъ аргументъ можно, только опровергая самое правило; а для этого мы должны разсмотрѣть основанія самаго правила. Человѣческое тѣло вообще не можетъ быть значительно легче или значительно тяжелѣе воды Сены; иными словами, вѣсъ человѣческаго тѣла, въ его нормальномъ состояніи, почти равенъ вѣсу вытѣсненнаго имъ объема прѣсной воды. Тѣла тучныхъ и полныхъ особъ, съ маленькими костями, легче тѣлъ худощавыхъ и ширококостыхъ; женскія тѣла вообще легче мужскихъ; а удѣльный вѣсъ рѣчной воды измѣняется до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ морского прилива. Но, оставивъ въ сторонѣ приливъ, можно сказать, что лишь очень немногія человѣческія тѣла потонутъ даже въ прѣсной водѣ сами собою. Почти всякій, кто упадетъ въ воду, поплыветъ, если только уравно-

*) Нью-Іоркскій «Commercial Advertiser».

вѣситъ удѣльный вѣсъ воды съ вѣсомъ своего тѣла, т. е. если погрузится въ воду насколько возможно, оставивъ на поверхности лишь самую ничтожную часть. Лучшее положеніе для того, кто не умѣетъ плавать—вертикальное, причемъ голова должна быть закинута назадъ и погружена въ воду, такъ что только ротъ и ноздри остаются на поверхности. Въ такой позѣ человѣкъ будетъ держаться безъ всякихъ затрудненій и усилій. Но ясно, что при этомъ тяжесть тѣла и воды почти уравновѣшены, такъ что бездѣлица можетъ дать перевѣсъ тому, или другой. Такъ, напримѣръ, рука, поднятая надъ водой, представляетъ добавочную тяжесть, достаточную для того, чтобы совершенно погрузить голову, и наоборотъ ничтожная щепка позволитъ приподнять голову и выглянуть на поверхность. Но въ судорожныхъ усиліяхъ неумѣющаго плавать руки неизмѣнно поднимаются надъ водой и голова стремится придти въ обычное вертикальное положеніе. Въ результатѣ ноздри и ротъ оказываются подъ водой, вода попадаетъ въ нихъ и проникаетъ въ легкія и въ желудокъ; тѣло становится тяжелѣе на разность между вѣсомъ этой воды и вытѣсненнаго ею воздуха. Этой прибавки вѣса вообще бываетъ достаточно, чтобы потопить тѣло; исключеніе представляютъ только индивидуумы съ тонкими костями и большимъ количествомъ жира. Такіе индивидуумы всплываютъ даже захлебнувшись.

— Тѣло, лежащее на днѣ рѣки, останется тамъ до тѣхъ поръ, пока въ силу какихъ-либо причинъ его удѣльный вѣсъ не сдѣлается меньше вѣса, вытѣсняемаго имъ объема воды. Это достигается разложеніемъ или какъ-либо иначе. Результатъ разложенія—образованіе газа, который растягиваетъ ткани и полости тѣла, придавая ему столь отвратительный для глазъ вздутый видъ. Когда это растяженіе доходитъ до того, что объемъ тѣла увеличивается безъ соотвѣтственнаго увеличенія массы или вѣса, удѣльный вѣсъ тѣла становится меньше вѣса воды и оно всплываетъ на поверхность. Но разложеніе зависитъ отъ безчисленныхъ обстоятельствъ,—оно замедляется или ускоряется дѣйствіемъ безчисленныхъ факторовъ; напримѣръ, холоднаго или теплаго времени года, минеральныхъ примѣсей или чистоты воды, ея глубины, быстроты теченія, сложенія тѣла, его болѣзненнаго или здороваго состоянія передъ смертью. Очевидно, мы не можемъ установить сколько-нибудь точно періодъ, когда тѣло всплыветъ на поверхность вслѣдствіе разложенія. При извѣстныхъ условіяхъ этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ черезъ часъ, при другихъ, никогда не будетъ достигнутъ. Есть химическія соединенія, съ помощью которыхъ животный организмъ можетъ быть навсегда предохраненъ отъ разложенія: напримѣръ, двухлористая ртуть. Но независимо отъ раз-

ложенія можетъ образоваться, и очень часто образуется—газъ въ желудкѣ, вслѣдствіе броженія растительныхъ веществъ (или въ другихъ полостяхъ тѣла отъ другихъ причинъ) въ достаточномъ количествѣ для того, чтобы тѣло поднялось на поверхность. Дѣйствіе пушечнаго выстрѣла сводится къ простому сотрясенію. Оно можетъ отдѣлить тѣло отъ мягкой грязи или песка, въ которомъ оно завязло, и такимъ образомъ позволить ему подняться на поверхность, если остальные агенты уже въ достаточной степени подготовили его къ этому; или преодолѣть упругость тѣхъ или другихъ гніющихъ тканей, вслѣдствіе чего полости тѣла растянутся отъ давленія газовъ.

— Выяснивъ такимъ образомъ суть явленія, мы можемъ провѣрить утвержденія «L'Etoile». «Опытъ показалъ, — говоритъ газета,—что тѣла утопленниковъ, или брошенныя въ воду тотчасъ послѣ убійства всплываютъ только дней черезъ шесть, черезъ десять, когда разложеніе достигнетъ значительной степени. Если даже пушка выстрѣлитъ надъ тѣломъ и оно всплыветъ раньше пяти-шести дней, то сейчасъ же погрузится обратно».

— Все это разсужденіе оказывается рядомъ нелѣпостей и непослѣдовательностей. Опытъ показалъ, что тѣла утопленниковъ не требуютъ шести—десяти дней для того, чтобы разложеніе достигло достаточной степени и тѣло могло подняться наверхъ. Какъ наука, такъ и опытъ показываютъ, что срокъ всплытія не можетъ быть точно установленъ. Если, далѣе, дѣло всплыветъ вслѣдствіе пушечнаго выстрѣла, то оно *не* «погрузится сейчасъ же обратно», пока разложеніе не дойдетъ до того, что газы начнутъ выходить изъ полостей тѣла. Но я хочу обратить ваше вниманіе на различіе между «тѣлами утопленниковъ» и «тѣлами, брошенными въ воду тотчасъ послѣ убійства». Хотя авторъ и допускаетъ это различіе, но все же включаетъ оба разряда тѣлъ въ одну категорію. Я уже говорилъ, почему тѣло захлебнувшагося человѣка становится тяжелѣе, чѣмъ вытѣсняемый имъ объемъ воды,—почему онъ не потонулъ бы вовсе, если бы въ своей судорожной борьбѣ не поднималъ рукъ надъ поверхностью и если бы вода не проникала ему въ ротъ и ноздри во время дыханія. Но судорожныхъ усилій и дыханія не можетъ быть въ тѣлѣ, «брошенномъ въ воду тотчасъ послѣ убійства». Итакъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ *тѣло вовсе не потонетъ*—таково *общее правило*, неизвѣстное газетѣ «L'Etoile». Когда разложеніе достигнетъ уже очень значительной степени—такъ что мясо отдѣлится отъ костей—тогда, но *не раньше*, тѣло исчезнетъ подъ водой.

— Что же мы скажемъ теперь объ аргументаціи, которая силится доказать, будто найденное тѣло не тѣло Мари Роже, такъ какъ это послѣднее не могло бы всплыть на поверхность въ такой

короткій срокъ. Если Мари утонула, то, какъ женщина, она могла вовсе не пойти на дно, или, опустившись на дно, всплыть черезъ сутки, а то и скорѣе. Но никто не предполагаетъ, что она утонула; а брошенное въ воду послѣ убійства тѣло могло быть найдено на поверхности въ какой угодно послѣдующій моментъ.

— Но,—говоритъ «L'Etoile», — если бы изуродованное тѣло было спрятано гдѣ-нибудь на берегу до ночи со вторника на среду, нашлись бы слѣды убійцъ». Смыслъ этой фразы затрудняешься понять сразу. Авторъ хочетъ предупредить возраженіе противъ его теоріи, именно, что тѣло пролежало на берегу два дня, подвергаясь быстрому разложенію, болѣе быстрому, чѣмъ если бы оно находилось подъ водой. Онъ предполагаетъ, что въ этомъ—и только въ этомъ—случаѣ оно могло бы всплыть на поверхность въ среду. Согласно съ этимъ, онъ спѣшитъ доказать, что оно не могло быть спрятано на берегу, потому что въ этомъ случаѣ «нашлись бы слѣды убійцъ». Полагаю, что вы сами засмѣетесь надъ такимъ sequitur. Вы не можете понять, почему болѣе долгое нахожденіе тѣла на берегу должно было умножить слѣды убійцъ. Я тоже не могу.

— И наконецъ,—продолжаетъ газета, — совершенно невѣроятно, чтобы негодяи, совершивъ подобное убійство, не догадались привязать къ трупу какую-либо тяжесть, когда это было такъ легко сдѣлать». Замѣтьте, какое потѣшное заключеніе вытекаетъ изъ этого соображенія. Никто — ни даже сама «L'Etoile» — не отрицаетъ, что убійство было совершено надъ той, чье тѣло найдено. Слѣды насильственной смерти слишкомъ очевидны. Нашъ авторъ хотѣлъ только доказать, что это не Мари Роже. Онъ желаетъ убѣдить читателей въ томъ, что Мари не была убита,— а не въ томъ, что найденное тѣло — не трупъ убитой. Но его замѣчаніе доказываетъ только этотъ послѣдній пунктъ. Вотъ тѣло, къ которому не привязано никакой тяжести. Убійцы, бросая его въ воду, привязали бы къ нему тяжесть. Слѣдовательно, оно не было брошено въ воду. Если что доказано, такъ только это. Вопросъ о тождествѣ даже не затронутъ, и «L'Etoile» только опровергаетъ то, что было сказано немного раньше:—«Мы совершенно убѣждены, что найденное тѣло—тѣло убитой женщины».

— Но это не единственный случай, когда авторъ опровергаетъ самого себя. Его очевидная цѣль, какъ я уже замѣтилъ, сократить, елико возможно, промежутокъ времени между исчезновеніемъ Мари и нахожденіемъ тѣла. Между тѣмъ онъ же выставляетъ на видъ то обстоятельство, что никто не видалъ дѣвушку съ того момента, какъ она оставила домъ матери. «Мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ,—говоритъ онъ,—что Мари Роже была въ

живыхъ послѣ девяти часовъ въ воскресенье двадцать второго іюня». Очевидно, это аргументъ, ex parte; и онъ самъ забываетъ о немъ впослѣдствіи; такъ какъ если бы кто-нибудь видѣлъ Мари въ понедѣльникъ или во вторникъ, періодъ исчезновенія оказался бы еще короче, и съ точки зрѣнія автора вѣроятность его взгляда на найденное тѣло увеличилась бы еще болѣе.

— Разберемъ теперь ту часть аргументаціи, которая относится къ признанію тѣла г-мъ Бовэ. Относительно волосковъ на рукѣ «L'Etoile» обнаруживаетъ крайнюю несообразительность. Г. Бовэ, не будучи идіотомъ, не могъ бы судить о тождествѣ тѣла только потому, что на рукѣ оказались волоски. Не можетъ быть руки безъ волосковъ. Общность выраженія «L'Etoile» просто невѣрное пониманіе словъ свидѣтеля. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду какую-нибудь особенность волосковъ. Особенность цвѣта, длины, количества, положенія.

— У нея была маленькая нога,—говоритъ газета,—но есть тысячи такихъ ногъ. Подвязка или башмакъ не могутъ служить доказательствомъ, потому что подвязки и башмаки продаются цѣлыми партіями. Тоже можно сказать о цвѣтахъ на шляпкѣ. Г. Бовэ придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что пряжка на подвязкѣ была переставлена. Это ничего не доказываетъ, такъ какъ большинство женщинъ, купивъ подвязки, примѣряютъ и въ случаѣ надобности перешиваютъ ихъ дома, а не въ магазинѣ. Трудно даже повѣрить, что авторъ разсуждаетъ серьезно. Если бы г. Бовэ, разыскивая трупъ Мари, нашелъ тѣло, сходное по общему виду и величинѣ съ исчезнувшей дѣвушкой, онъ имѣлъ бы основаніе предположить (оставляя въ сторонѣ вопросъ объ одеждѣ), что его поиски увѣнчались успѣхомъ. Если въ добавокъ къ общему сходству, онъ замѣчаетъ на рукѣ особенные волоски, какіе видѣлъ у живой Мари, его мнѣніе подтверждается и вѣроятность усиливается въ прямомъ отношеніи къ особенности или необычайности этой примѣты. Если у Мари были маленькія ноги, и у трупа оказываются такія же, вѣроятность увеличивается не въ ариѳметической только, а въ геометрической прогрессіи. Прибавьте сюда башмаки, такіе же какъ тѣ, что были на ней въ день исчезновенія, и вѣроятность почти граничитъ съ несомнѣнностью. То, что само по себѣ не могло бы быть доказательствомъ тождества, пріобрѣтаетъ силу доказательства въ связи съ другими фактами. Если еще прибавимъ сюда цвѣты на шляпкѣ, такіе же, какъ были у Мари, то больше намъ ничего и не требуется. Одного цвѣтка достаточно, а если ихъ два, три и болѣе? Каждый изъ нихъ — умноженное доказательство, не прибавленное къ другому, а умноженное на сотню, на тысячу. Если еще на тѣлѣ

оказываются подвязки такія же, какія были на покойной,—то почти нелѣпо искать новыхъ доказательствъ. Но на этихъ подвязкахъ пряжка переставлена именно такъ, какъ переставила ее Мари незадолго до своего исчезновенія. Послѣ этого сомнѣваться было бы безуміемъ или лицемѣріемъ. Разсужденія «L'Etoile» насчетъ того, что подобное перешиваніе подвязокъ вещь весьма обыкновенная, доказываютъ только упрямство газеты. Эластичность подвязки лучшее доказательство необыкновенности подобнаго перешиванія. То, что само собой приспособляется, должно лишь крайне рѣдко требовать искусственнаго приспособленія. Только случайность, въ полномъ смыслѣ слова, могла привести къ тому, что подвязки Мари потребовалось съузить. Одного этого обстоятельства было бы достаточно для установленія тождества. Но тутъ идетъ рѣчь не о томъ, что на тѣлѣ оказались подвязки пропавшей дѣвушки, или ея башмаки, или ея шляпка, или ея цвѣты на шляпкѣ, или ея нога, или ея примѣта на рукѣ, или ея ростъ и складъ,—а о томъ, что найденное тѣло соединяло всѣ и каждый изъ этихъ признаковъ. Если бы можно было доказать, что издатель «L'Etoile» при такихъ обстоятельствахъ дѣйствительно сомнѣвался, то не нужно бы и назначать для него комиссіи de lunatico inquirendo. Онъ просто нашелъ остроумнымъ повторять болтовню законниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ довольствуются повтореніемъ прямолинейныхъ судейскихъ правилъ. Замѣчу здѣсь, что очень многое изъ того, что отвергается судомъ,—лучшее доказательство для разсудка. Потому что судъ, руководясь общими принципами доказательства,—признанными и книжными принципами—неохотно пускается въ разсмотрѣніе частныхъ случаевъ. И эта приверженность къ принципу — въ связи съ упорнымъ отвращеніемъ къ исключительному случаю—вѣрный способъ достиженія maximum'а истины въ теченіи значительнаго періода времени. Такъ что въ массѣ эта практика весьма философична, но она же приводитъ къ грубымъ единичнымъ ошибкамъ *).

— Инсинуаціи насчетъ г. Бовэ недолго опровергнуть. Вы, конечно, уже раскусили натуру этого добродушнаго джентльмена. Это

---

*) «Теорія, основанная на качествахъ объема, не будетъ истолковываться согласно своимъ объектамъ и тотъ, кто относитъ явленія къ ихъ причинамъ, перестанетъ оцѣнивать ихъ согласно ихъ результатамъ. Такъ, законодательство всякой націи показываетъ, что когда законъ становится наукой и системой, онъ перестаетъ быть правосудіемъ. Ошибки, къ которымъ слѣпая преданность принципамъ классификаціи приводила законъ, станутъ очевидны, если мы обратимъ вниманіе, какъ часто законодательная власть должна вступаться и возстановлять правосудіе, имъ нарушенное». Лэндоръ.

хлопотунъ, съ романтической жилкой, но малымъ запасомъ остроумія. Такой человѣкъ въ случаѣ дѣйствительнаго волненія всегда будетъ вести себя такъ, что можетъ возбудить подозрѣніе со стороны черезчуръ тонкихъ или недоброжелательныхъ людей. Г. Бовэ (какъ видно изъ собранныхъ вами замѣтокъ) имѣлъ личное объясненіе съ издателемъ «L'Etoile» и задѣлъ его за живое, рѣшившись высказать мнѣніе, что, несмотря на всѣ гипотезы издателя, тѣло-то очевидно Мари. «Онъ настаиваетъ,—говоритъ газета,—на томъ, что тѣло Мари Роже, но не приводитъ никакихъ доказательствъ, кромѣ уже разобранныхъ нами, которыя бы могли убѣдить въ этомъ другихъ». Не возвращаясь къ тому факту, что болѣе сильнаго доказательства, «которое могло бы убѣдить другихъ», нельзя себѣ и представить, замѣтимъ, что въ подобномъ случаѣ человѣкъ легко можетъ быть убѣжденъ самъ, не имѣя никакого доказательства для убѣжденія другихъ. Нѣтъ ничего неопредѣленнѣе впечатлѣній личнаго сходства. Каждый узнаетъ своего сосѣда, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ отвѣтитъ на вопросъ, на какомъ основаніи онъ призналъ его за своего сосѣда. Такъ что издателю «L'Etoile» нечего было обижаться, хотя бы и нерезонной увѣренностью г. Бовэ.

— Подозрительныя обстоятельства, набрасывающія на него тѣнь, гораздо болѣе вяжутся съ моей гипотезой романтической суетливости, чѣмъ съ намеками автора статьи. Принявъ мое болѣе снисходительное объясненіе, мы легко поймемъ и розу въ замочной скважинѣ, и имя «Мари» на доскѣ; и «устраненіе родственниковъ» и «нежеланіе допускать ихъ къ тѣлу»; и просьбу его, чтобы г-жа Б. не объяснялась съ жандармомъ до его (Бовэ) возвращенія; и, наконецъ, его кажущееся рѣшеніе, «что никто, кромѣ него, не долженъ мѣшаться въ слѣдствіе». Для меня несомнѣнно, что Бовэ былъ обожателемъ Мари, что она съ нимъ кокетничала; и что онъ гордился ея дружбой и довѣріемъ, которыми, какъ ему казалось, пользовался въ полной мѣрѣ. Не буду распространяться объ этомъ пунктѣ; и такъ какъ слѣдствіе совершенно опровергаетъ утвержденія «L'Etoile» насчетъ апатіи родныхъ и матери—апатіи, непонятной въ томъ случаѣ, если они узнали тѣло—то мы и будемъ считать вопросъ о тождествѣ рѣшеннымъ въ нашемъ смыслѣ.

— А что вы думаете,—спросилъ я,—о мнѣніяхъ «Le Commercial»?

— Они заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ всѣ остальныя статьи по этому дѣлу. Выводы изъ посылокъ философичны и остроумны, но сами посылки, по крайней мѣрѣ, въ двухъ случаяхъ, основаны на одностороннихъ наблюденіяхъ. «Le Commercial» до-

казываетъ, что Мари была схвачена шайкой негодяевъ подлѣ дома матери. «Особа, извѣстная тысячамъ людей въ этой мѣстности,— разсуждаетъ онъ,—не могла бы и трехъ шаговъ ступить, не будучи узнанной». Это представленіе человѣка, долго жившаго въ Парижѣ—человѣка, занимающаго видное общественное положеніе— который, выходя изъ дома, посѣщаетъ большею частью одни и тѣ же учрежденія. Онъ знаетъ, что ему рѣдко случается отойти на десять шаговъ отъ своей редакціи, и не повстрѣчать кого-нибудь изъ знакомыхъ. И вотъ онъ сравниваетъ свою извѣстность съ извѣстностью дѣвушки изъ парфюмернаго магазина, не находитъ тутъ особеннаго различія, и рѣшаетъ, что она во время своей прогулки должна была также часто натыкаться на знакомыхъ, какъ онъ. Это могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если бы ея прогулки имѣли такой же неизмѣнный, методическій характеръ, какъ его, и въ такомъ же родѣ ограниченные предѣлы. Онъ выходитъ въ опредѣленные часы, прогуливается въ извѣстной части города, изобилующей лицами, которыхъ связываетъ съ нимъ общность профессіональныхъ занятій. Но прогулки Мари, надо полагать, имѣли случайный характеръ. Въ данномъ случаѣ она, по всей вѣроятности, отправилась по другой дорогѣ, чѣмъ обыкновенно. Параллель, которая, какъ я думаю, явилась въ умѣ автора статьи, могла бы имѣть основаніе лишь въ случаѣ прогулки этихъ двухъ лицъ черезъ весь городъ. Въ этомъ случаѣ, если число знакомыхъ у нихъ одинаково, шансы встрѣчи съ однимъ и тѣмъ же числомъ знакомыми также одинаковы. По моему мнѣнію, не только возможно, но и болѣе чѣмъ вѣроятно, что Мари могла, въ любое время, пройти однимъ изъ многихъ путей, соединяющихъ домъ ея матери съ домомъ тетки, не встрѣтивъ ни души знакомой. Разбирая этотъ вопросъ при надлежащемъ освѣщеніи, должно имѣть въ виду громадную непропорціональность между числомъ знакомыхъ самаго извѣстнаго лица въ Парижѣ, и всѣмъ парижскимъ населеніемъ.

— Если тѣмъ не менѣе аргументація «Le Commercial» покажется не лишенной убѣдительности, то эта послѣдняя значительно ослабѣетъ, разъ мы примемъ въ соображеніе часъ, когда Мари ушла изъ дома. — «Когда она уходила изъ дома, — говоритъ «Le Commercial»,—улицы были полны народа». Это невѣрно. Она ушла въ девять часовъ утра. Въ девять часовъ утра улицы дѣйствительно полны народа каждый день, за исключеніемъ воскресенья. По воскресеньямъ въ девять часовъ народъ дома, готовится идти въ церковь. Всякій сколько-нибудь наблюдательный человѣкъ не могъ не замѣтить, какъ пусты городскія улицы въ воскресенье между восемью и десятью часами утра. Между десятью и одиннадцатью онѣ снова наполняются, но не въ то время, о которомъ идетъ рѣчь.

— Можно указать еще одинъ пунктъ, въ которомъ проявился недостатокъ наблюдательности со стороны «Le Commercial».— «Изъ юбки несчастной дѣвушки,—говоритъ газета,—былъ вырванъ лоскутъ въ два фута длиной и футъ шириной, и обмотанъ вокругъ шеи, вѣроятно, для того, чтобы заглушить крики. Это было сдѣлано людьми, которые обходятся безъ носовыхъ платковъ. Насколько эта мысль основательна, мы увидимъ послѣ; но подъ людьми, которые обходятся безъ носовыхъ платковъ», авторъ разумѣетъ самый низменный слой негодяевъ. Между тѣмъ у этихъ именно субъектовъ не всегда найдется рубашка, но всегда сыщется носовой платокъ. Вы должны были сами замѣтить, насколько необходимымъ сдѣлался въ послѣдніе годы носовой платокъ для уличнаго мошенника

— А что вы думаете о статьѣ «Le Soleil»?—спросилъ я.

— Я сожалѣю, что авторъ не родился попугаемъ, такъ какъ въ качествѣ попугая онъ заслужилъ бы блистательную славу. Онъ только выразилъ общій итогъ уже высказанныхъ мнѣній, собравъ ихъ съ похвальнымъ прилежаніемъ изъ разныхъ органовъ печати. «Вещи, очевидно, лежали здѣсь по меньшей мѣрѣ три или четыре недѣли,—говоритъ онъ.—Нѣтъ сомнѣнія—мѣсто совершенія этого гнуснаго преступленія найдено». Факты, приводимые газетой, отнюдь не уничтожаютъ моихъ сомнѣній на этотъ счетъ, мы разберемъ ихъ впослѣдствіи, въ связи съ другими обстоятельствами дѣла.

— Теперь намъ нужно самимъ изслѣдовать нѣкоторые пункты. Вы, конечно, обратили вниманіе, какъ небрежно произведенъ осмотръ тѣла. Конечно, тождество установлено, но слѣдовало выяснить рядъ другихъ обстоятельствъ. Было-ли тѣло ограблено? Были-ли на покойной какія-нибудь драгоцѣнности въ тотъ день, когда она ушла изъ дома? и если были, оказались-ли онѣ на трупѣ? Эти важные вопросы совсѣмъ не затронуты слѣдствіемъ; да и другіе, не менѣе важные, оставлены безъ вниманія. Разсмотримъ ихъ сами. Изслѣдуемъ еще разъ обстоятельства, касающіяся Сентъ-Эсташа. У меня нѣтъ подозрѣній на его счетъ, но будемъ дѣйствовать методически. Мы провѣримъ показанія, удостовѣряющія, гдѣ онъ находился въ теченіе воскресенья. Въ подобнаго рода показаніяхъ мистификація вещь весьма обыкновенная. Если же все окажется въ порядкѣ, то мы на этомъ и покончимъ съ Сентъ-Эсташемъ. Его самоубійство, которое придало бы большую силу подозрѣніямъ въ случаѣ обнаруженія обмана въ упомянутыхъ показаніяхъ, — въ отсутствіи обмана вполнѣ объяснимо.

— Я намѣренъ теперь оставить въ сторонѣ внутренніе элементы трагедіи и сосредоточиться на внѣшнихъ обстоятельствахъ. При изслѣдованіяхъ этого рода нерѣдко дѣлаютъ ошибку, ограничиваясь непосредственнымъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія

на побочныя или несущественныя обстоятельства. Судебная практика съуживаетъ изслѣдованіе и обсужденіе предѣлами фактовъ, непосредственно относящихся къ дѣлу. Но опытъ показалъ, и истинно философское мышленіе всегда подтвердитъ это, что значительная, быть можетъ, большая, часть истины открывается изъ фактовъ, повидимому, не относящихся къ дѣлу. Подчиняясь духу, если не буквѣ, этого принципа, современная наука разрѣшила разсчитывать на непредвидѣнное. Но вы, быть можетъ, не понимаете меня. Вся исторія науки показываетъ, что побочнымъ, случайнымъ, нечаяннымъ обстоятельствамъ мы обязаны многочисленными и наиболѣе цѣнными открытіями. Это проявляется до того постоянно и неизмѣнно, что теперь во всѣхъ соображеніяхъ о будущемъ преуспѣяніи приходится отводить не только важное, но важнѣйшее мѣсто изобрѣтеніямъ, которыя возникнутъ случайно, и совершенно неожиданно. Теперь философія не позволяетъ основываться на предвидѣніи того, что должно быть. Случай допускается какъ часть фундамента. Нечаянное становится объектомъ абсолютнаго вычисленія. Мы подчиняемъ непредвидѣнное и невообразимое математическимъ формуламъ школы.

— Повторяю, это фактъ: значительнѣйшая часть истины открывается изъ побочныхъ обстоятельствъ, и согласно духу принципа, который сказывается въ этомъ фактѣ, я оставляю избитую и безплодную почву самого событія и обращаюсь къ окружающимъ обстоятельствамъ. Итакъ, пока вы займетесь дѣломъ Сентъ-Эсташа, я переберу газетныя свѣдѣнія съ болѣе общей точки зрѣнія, чѣмъ это сдѣлали вы. Пока мы опредѣлили поле изслѣдованія, но странно было бы, если бы внимательный пересмотръ газетъ не открылъ намъ какихъ-нибудь мелочныхъ пунктовъ, которые укажутъ направленіе изслѣдованія.

Согласно желанію Дюпена, я самымъ тщательнымъ образомъ провѣрилъ показанія относительно Сентъ-Эсташа. Результатомъ было полное убѣжденіе въ ихъ истинѣ и, слѣдовательно, въ его невинности. Тѣмъ временемъ другъ мой просматривалъ газетные столбцы съ мелочною и, какъ мнѣ казалось, безцѣльною тщательностью. Спустя недѣлю онъ показалъ мнѣ слѣдующія вырѣзки.

«Около трехъ съ половиною лѣтъ тому назадъ, подобная же суматоха была вызвана внезапнымъ исчезновеніемъ Мари Роже изъ parfumerie г. Леблана въ Пале-Роялѣ. Однако, спустя недѣлю она появилась за конторкой, здравая и невредимая, только болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно. Г. Лебланъ и ея мать заявили, что она попросту гостила у какого-то изъ своихъ друзей въ деревнѣ. На томъ дѣло и кончилось. Мы полагаемъ, что теперешнее исчезновеніе такого же рода, и что спустя недѣлю, можетъ быть и мѣсяцъ,

она снова окажется среди насъ».—Вечерняя газета.—Понедѣльникъ, 23 іюня [1]).

«Вчера одна вечерняя газета указала на случившееся раньше таинственное исчезновеніе m-lle Роже. Доказано, что во время своей отлучки изъ parfumerie Леблана, она находилась въ обществѣ одного молодого моряка, весьма извѣстнаго своимъ развратомъ. Предполагаютъ, что ссора заставила ее вернуться домой. Намъ извѣстна фамилія этого господина, который находится въ настоящее время въ Парижѣ, но по весьма понятнымъ причинамъ мы не считаемъ возможнымъ назвать ее». — Вѣстникъ. — Вторникъ, утромъ, 24 іюня [2]).

«Третьяго дня, въ окрестностяхъ города произошелъ случай возмутительнаго насилія. Господинъ, съ женой и дочерью, предложилъ компаніи молодыхъ людей, человѣкъ въ шесть, безцѣльно болтавшихся въ лодкѣ у берега Сены, перевезти его на другую сторону за извѣстное вознагражденіе. Достигнувъ противуположнаго берега, трое пассажировъ вышли и уже успѣли отойти на такое разстояніе, что лодка скрылась изъ виду, когда дочь хватилась своего зонтика. Вернувшись за нимъ къ лодкѣ, она была схвачена шайкой, отвезена на середину рѣки, и подверглась грубому насилію, затѣмъ высажена на берегъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ вошла въ лодку съ родителями. Негодяямъ удалось скрыться, но полиція напала на ихъ слѣдъ, и нѣкоторые изъ шайки вскорѣ будутъ арестованы».—Утренняя газета.—25 іюня [3]).

«Мы получили два-три сообщенія, цѣль которыхъ взвалить обвиненіе въ недавнемъ преступленіи на Меннэ [4]); но такъ какъ слѣдствіе не нашло никакихъ данныхъ къ его обвиненію, а аргументація нашихъ корреспондентовъ отличается скорѣе усердіемъ, чѣмъ основательностью, то мы не считаемъ нужнымъ печатать ихъ».—Утренняя Газета.—28 іюня.

«Мы получили нѣсколько весьма энергично написанныхъ сообщеній, повидимому, отъ разныхъ лицъ, которыя стараются доказать, что несчастная Марія Роже сдѣлалась жертвой шайки негодяевъ, которыми кишатъ окрестности города. Лично мы вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію. Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній будутъ напечатаны».—Вечерняя Газета.—Вторникъ, 31 іюня [5]).

---

1) Нью-Іоркскій „Express“.

2) Нью-Іоркскій „Herald“.

3) Нью-Іоркскій „Courier and Inquirer“.

4) Меннэ былъ однимъ изъ заподозрѣнныхъ и арестованныхъ, но отпущенныхъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія уликъ.

5) Нью-Іоркская «Evening Post».

«Въ понедѣльникъ одинъ изъ лодочниковъ, служащихъ въ рѣчной полиціи, замѣтилъ лодку, плывшую внизъ по Сенѣ. Парусъ оказался на днѣ лодки. Она была поймана и привязана на пристани рѣчной полиціи. На слѣдующее утро кто-то взялъ ее оттуда безъ вѣдома служащихъ. Руль остался на пристани».—Le Diligence.—Четвергъ, 26 іюня *).

Прочитавъ эти вырѣзки, я рѣшительно не могъ понять, что такое можно изъ нихъ выжать для нашего дѣла. Я ждалъ объясненій Леграна.

— Я не буду останавливаться на первой и второй замѣткѣ,—сказалъ онъ.—Я вырѣзалъ ихъ лишь для того, чтобы показать вамъ крайнюю небрежность полиціи, которая, насколько я могъ понять изъ словъ префекта, не потрудилась даже навести справки объ этомъ морякѣ. А между тѣмъ, было бы нелѣпо отрицать возможность связи между первымъ и вторымъ исчезновеніемъ. Допустимъ, что въ первый разъ побѣгъ кончился ссорой между любовниками и возвращеніемъ дѣвушки. Это даетъ возможность предположить, что вторичный побѣгъ (разъ мы знаемъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто) былъ вызванъ возобновленіемъ ухаживаній со стороны прежняго обожателя, а не новыми предложеніями со стороны другого лица,—что тутъ было возрожденіе старой amour, а не возникновеніе новой. Тотъ, кто сманивалъ Мари въ первый разъ, попытался сманить вторично,—десять шансовъ противъ одного, что побѣгъ произошелъ именно такимъ образомъ, а не вслѣдствіе подобныхъ же предложеній со стороны другого лица. Позвольте мнѣ также обратить ваше вниманіе на промежутокъ времени между первымъ и вторымъ исчезновеніемъ: онъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ отличается отъ обычнаго срока плаванія нашихъ военныхъ судовъ. Быть можетъ, низкіе замыслы любовника были прерваны плаваніемъ, а вернувшись, онъ немедленно принялся приводить ихъ въ исполненіе. Обо всемъ этомъ мы ничего не знаемъ.

— Вы скажете, пожалуй, что во второмъ случаѣ вовсе не было побѣга. Конечно, но можемъ-ли мы быть увѣрены, что онъ не замышлялся. Кромѣ Сентъ-Эсташа и, можетъ быть, Бовэ, мы не знаемъ открытыхъ, признанныхъ, честныхъ обожателей Мари. О другихъ не было слышно. Кто же этотъ тайный обожатель, о которомъ родные (по крайней мѣрѣ, большинство ихъ) ничего не знаютъ, который встрѣчаетъ Мари въ воскресенье утромъ и оказывается настолько близкимъ ея другомъ, что она остается съ нимъ до вечера въ уединенныхъ рощахъ Барьеръ дю-Руль? И что

*) Нью-Іоркскій «Standard».

означаетъ странное пророчество г-жи Роже: «Боюсь, что мнѣ не придется больше увидѣть Мари».

— Но если мы не можемъ заподозрить г-жу Роже въ соучастіи, то можемъ, по крайней мѣрѣ, предположить, что такой планъ былъ у дѣвушки. Уходя изъ дома, она сказала, что идетъ къ теткѣ, въ улицу Дромъ. Сентъ-Эсташъ долженъ былъ придти за ней. Съ перваго взгляда этотъ фактъ совершенно расходится съ моимъ предположеніемъ, но обсудимъ вопросъ. Мы знаемъ, что она встрѣтилась съ своимъ знакомымъ, и отправилась съ нимъ черезъ рѣку къ Барьеръ дю-Руль, около трехъ часовъ пополудни. Но рѣшившись сопровождать этого господина (ради какихъ бы то ни было цѣлей, извѣстныхъ или неизвѣстныхъ матери), она должна была подумать объ удивленіи и подозрѣніяхъ своего жениха Сентъ-Эсташа, когда онъ не застанетъ ее у тетки и, вернувшись въ pension, узнаетъ, что она цѣлый день не была дома. Она не могла не подумать объ этомъ. Она не могла также пренебречь этими подозрѣніями по возвращеніи домой; но они теряли всякое значеніе для нея, разъ она рѣшила не возвращаться.

— Мы можемъ представить себѣ ходъ ея мыслей такъ:—«Мнѣ нужно видѣть такое-то лицо съ цѣлью побѣга или съ другими, мнѣ одной извѣстными цѣлями, намъ необходимо выиграть время; скажу, что я намѣрена провести день у тетки, въ улицѣ Дромъ, и чтобы Сентъ-Эсташъ не приходилъ за мной до вечера, такимъ образомъ мое отсутствіе не возбудитъ ни въ комъ подозрѣнія или безпокойства и я выиграю больше времени, чѣмъ какимъ бы то ни было способомъ. Если я попрошу Сентъ-Эсташа придти за мной вечеромъ, онъ, конечно, не придетъ раньше, но если я ничего не скажу ему, меня будутъ ожидать домой къ вечеру и мое отсутствіе раньше возбудитъ безпокойство. Но такъ какъ я не намѣрена возвращаться вовсе, или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, или до тѣхъ поръ, пока не осуществятся кое-какіе секретные планы—то для меня и требуется только выиграть время.

— Вы обратили вниманіе, читая газетныя замѣтки, что общее мнѣніе приписываетъ этотъ звѣрскій поступокъ шайкѣ негодяевъ. Это общее мнѣніе заслуживаетъ вниманія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Если бы оно возникло само собою, появилось совершенно самопроизвольно, мы бы должны были считать его аналогичнымъ вдохновенію геніальной личности. Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста я бы преклонился передъ его рѣшеніемъ. Но для этого нужно быть увѣреннымъ, что мнѣніе не было внушено. Оно должно быть безусловно собственнымъ мнѣніемъ публики; а различіе въ подобныхъ случаяхъ часто весьма трудно замѣтить или доказать. Въ настоящемъ случаѣ мнѣ кажется, что это «мнѣніе

публики» насчетъ шайки подсказано побочнымъ обстоятельствомъ, о которомъ трактуетъ третья изъ моихъ вырѣзокъ. Парижъ взволнованъ находкой тѣла Мари—молодой дѣвушки, извѣстной красавицы. Тѣло найдено съ знаками насилія въ рѣкѣ. Затѣмъ узнаютъ, что въ то же время или около того времени, когда Мари была убита, подобное же насиліе учинено шайкой негодяевъ надъ другой дѣвушкой. Мудрено-ли, что извѣстіе объ этомъ новомъ преступленіи повліяло на сужденіе публики о первомъ? Это сужденіе еще не сформировалось, не получило опредѣленнаго направленія и извѣстіе о новомъ насиліи дало ему толчекъ въ этомъ отношеніи! Мари тоже найдена въ рѣкѣ, а на этой самой рѣкѣ завѣдомо совершилось насиліе. Связь между этими двумя событіями настолько осязаема, что было бы истиннымъ чудомъ, если бы публика не схватилась за нее. Въ дѣйствительности же, фактъ насилія, совершившійся извѣстнымъ образомъ, если и доказываетъ что-нибудь, такъ развѣ то, что другое насиліе, почти совпадающее съ первымъ по времени, совершилось иначе. Было бы дѣйствительно чудомъ, если бы наряду съ шайкой негодяевъ, совершившихъ почти неслыханную гнусность, нашлась другая такая же шайка, въ той же мѣстности, въ томъ же городѣ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, съ тѣми же ухватками и пріемами, совершившая такую же гнусность почти въ то же время! А между тѣмъ случайно внушенное мнѣніе публики требуетъ, чтобы мы повѣрили именно такому почти чудесному совпаденію обстоятельствъ.

— Прежде чѣмъ пойдемъ дальше, представимъ себѣ предполагаемую сцену убійства въ рощицѣ близь Барьеръ дю-Руль. Эта рощица, хотя и густая, находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ большой дорогой. Внутри ея оказались три или четыре большихъ камня, сложенные въ видѣ стула со спинкой и сидѣньемъ. На верхнемъ камнѣ лежала бѣлая юбка, на второмъ шелковый шарфъ. Зонтикъ, перчатки и платокъ валялись на землѣ. На платкѣ вышито имя «Мари Роже». На сосѣднихъ кустахъ оказались обрывки платья. Земля была истоптана, кусты изломаны,—очевидно, тутъ происходила отчаянная борьба.

— Не смотря на единодушное мнѣніе прессы, что здѣсь-то, въ рощицѣ, и совершилась сцена насилія, въ этомъ позволительно сомнѣваться. Я могу вѣрить или не вѣрить, что она произошла здѣсь, — но во всякомъ случаѣ есть сильный поводъ къ сомнѣнію. Допустимъ, что сцена происходила, какъ предполагаетъ «Le Commercial», по сосѣдству съ улицей Сентъ-Андре; въ такомъ случаѣ виновники преступленія должны были ужаснуться, видя, что общественное мнѣніе направляется на настоящій слѣдъ; въ такихъ случаяхъ у извѣстнаго рода людей является желаніе какъ-нибудь

отвести слѣды. Такимъ образомъ весьма естественно могла явиться мысль подбросить вещи покойной въ рощу близь Барьеръ дю-Руль, мѣстности уже заподозрѣнной. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, хотя «Le Soleil» думаетъ противное, что вещи пролежали въ рощѣ «три-четыре недѣли»; напротивъ, многое заставляетъ сомнѣваться, чтобы онѣ могли остаться незамѣченными въ теченіе двадцати дней, истекшихъ со времени роковаго воскресенья до того дня, когда онѣ были найдены мальчиками. «Всѣ онѣ были покрыты плѣсенью,— говоритъ «Le Soleil», повторяя мнѣніе своихъ предшественниковъ. Нѣкоторыя обросли травой. Шелковая матерія зонтика была еще крѣпка, но нитки совершенно истлѣли. Верхняя часть покрылась плѣсенью и ржавчиной, и порвалась, когда попробовали открыть зонтикъ». Что касается травы, которой «обросли нѣкоторыя вещи», то этотъ фактъ могъ быть установленъ лишь на основаніи разсказа, слѣдовательно, воспоминаній, двухъ маленькихъ мальчиковъ, которые подобрали и унесли вещи домой. Но трава, особливо въ теплую и сырую погоду (какая и стояла во время убійства), въ одинъ день выростаетъ на два, на три дюйма. Зонтикъ, оставленный на свѣжескошенномъ лугу можетъ въ недѣлю обрости такъ, что не будетъ замѣтенъ для глазъ. Что касается плѣсени, на которую такъ упорно налегаетъ издатель «Le Soleil», то неужели ему неизвѣстно, что это такое? Нужно-ли ему объяснять, что плѣсень принадлежитъ къ классу грибовъ, большинство которыхъ выростаютъ и разрушаются въ одинъ день?

Итакъ, мы съ перваго взгляда видимъ, что факты, такъ торжественно приводимые въ доказательство долгаго нахожденія вещей въ рощицѣ, рѣшительно ничего не доказываютъ. Съ другой стороны, крайне трудно предположить, чтобы эти вещи могли оставаться въ рощицѣ больше недѣли,—больше промежутка времени отъ воскресенья до воскресенья. Всякій, кто знакомъ съ окрестностями Парижа, знаетъ, какъ трудно найти въ нихъ уединеніе. Неизвѣстный, или даже рѣдко посѣщаемый уголокъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городомъ, вещь рѣшительно непредставимая. Пусть любитель природы, прикованный къ пыли и духотѣ этой великой столицы, пусть онъ даже въ будни попробуетъ утолить свою жажду уединенія въ его паркахъ и рощахъ. На каждомъ шагу очарованіе будетъ разрушаться голосами, или появленіемъ какихъ-нибудь фланеровъ, или бродягъ. Напрасно онъ будетъ искать уединенія въ самой густой чащѣ. Здѣсь-то и притонъ немытой черни, здѣсь храмы, наиболѣе оскверненные. И нашъ любитель природы, съ тоскою въ сердцѣ, вернется въ загаженный Парижъ,—потому, что тамъ эта загаженность не производитъ такого впечатлѣнія, какъ среди природы. Но если такъ бываетъ въ будни, то что же

дѣлается въ воскресенье? Освободившись отъ работы или обычныхъ занятій, толпа устремляется за городъ, не ради природы, надъ которой она смѣется, а для того, чтобы избавиться отъ стѣсненій и условностей, налагаемыхъ обществомъ. Ей нуженъ не деревенскій воздухъ и трава, а деревенская распущенность. Здѣсь, въ какомъ-нибудь кабачкѣ, или подъ деревьями, она предается необузданному и поддѣльному веселью,—порожденію свободы и водки. Итакъ, всякій безстрастный наблюдатель согласится со мною, что остаться вещамъ незамѣченными въ теченіе трехъ недѣль въ любой рощѣ по сосѣдству съ Парижемъ,—вещь близкая къ чуду.

— Но есть и другія обстоятельства, которыя заставляютъ думать, что вещи были подброшены въ рощицу для отвода глазъ. Во-первыхъ, обращу ваше вниманіе на день нахожденія вещей. Сопоставьте этотъ день съ днемъ появленія пятой изъ собранныхъ мною газетныхъ замѣтокъ. Вы убѣдитесь, что находка послѣдовала почти непосредственно за сообщеніями, присланными въ газету. Эти сообщенія, хотя и различныя, и повидимому изъ различныхъ источниковъ, стремятся къ одной цѣли,—именно, доказать, что злодѣяніе совершено шайкой негодяевъ, въ окрестностяхъ Барьеръ дю-Руль. Тутъ возникаетъ подозрѣніе,—не въ томъ, конечно, что вещи найдены мальчиками вслѣдствіе этихъ сообщеній, или возбужденнаго ими вниманія публики,—а въ томъ, что вещи не были найдены мальчиками раньше, потому что никакихъ вещей не было въ рощѣ, куда онѣ подброшены одновременно, или почти одновременно съ сообщеніями, преступниками—авторами этихъ сообщеній.

— Роща эта странная, крайне странная. Она очень густа. Въ ней оказались три камня, сложенные въ видѣ стула съ сидѣньемъ и спинкой. И эта рощица находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища г-жи Делюкъ, ребятишки которой привыкли лазить по кустарникамъ, розыскивая кору сассафраса. Да я готовъ прозакладывать тысячу противъ одного, что дня не проходило безъ того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не забрался въ рощицу посидѣть на этомъ естественномъ тронѣ. Кто не рѣшится на такой закладъ, тотъ никогда не былъ мальчикомъ, или забылъ свои мальчишескіе годы. Повторяю, крайне трудно понять, какъ могли эти вещи оставаться незамѣченными болѣе одного—двухъ дней; стало быть, есть полное основаніе подозрѣвать, вопреки догматическому невѣжеству «Le Soleil»,—что онѣ были подброшены позднѣе.

— Но я еще не указалъ сильнѣйшихъ основаній къ такому подозрѣнію. Позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на крайне искус-

ственное расположеніе вещей. На верхнемъ камнѣ лежала бѣлая юбка; на второмъ шелковый шарфъ; кругомъ были разбросаны зонтикъ, перчатки и носовой платокъ съ именемъ «Мари Роже». Именно такое размѣщеніе, какое, естественно, устроилъ бы не особенно сообразительный человѣкъ, желающій расположить вещи естественно. Но въ дѣйствительности это отнюдь не естественное расположеніе. Я бы скорѣе ожидалъ найти всѣ вещи на землѣ, истоптанныя ногами. Въ тѣсныхъ предѣлахъ этой рощицы юбка и шарфъ врядъ-ли бы могли остаться на камняхъ во время отчаянной борьбы нѣсколькихъ лицъ. «Очевидно, здѣсь происходила борьба,—сказано въ газетѣ;—земля была притоптана, кусты поломаны»,—а юбка и шарфъ лежали точно на полкѣ!—«Лоскутья одежды, длиною въ шесть, шириною въ три дюйма висѣли на кустахъ. Одинъ изъ нихъ былъ обрывокъ оборки платья. Они имѣли видъ вырванныхъ кусковъ». Тутъ «Le Soleil» нечаянно употребила крайне двусмысленную фразу. Лоскутья, дѣйствительно, «имѣютъ видъ вырванныхъ кусковъ», но вырванныхъ нарочно человѣческою рукой. Необычайно рѣдко случается, чтобы лоскутъ былъ «вырванъ» изъ такого платья сучкомъ. Сучокъ или гвоздь, зацѣпивъ такую матерію, разрываетъ ее по двумъ линіямъ, сходящимся въ вершинѣ разрыва, подъ прямымъ угломъ одна къ другой,—но врядъ-ли можно себѣ представить кусокъ, «вырванный» такимъ образомъ. Я никогда не видалъ этого,—вы тоже. Чтобы вырвать кусокъ изъ такой вещи, необходимо почти всегда приложить двѣ различныя силы, дѣйствующія въ различныхъ направленіяхъ. Если вещь представляетъ два края,—если, напр., это носовой платокъ, отъ котораго нужно оторвать лоскутъ, тогда, и только тогда, достаточно будетъ одной силы. Но въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ о платьѣ, у котораго имѣется лишь одинъ край. Вырвать кусокъ изнутри, гдѣ вовсе нѣтъ краевъ, сучки могли развѣ чудомъ; во всякомъ случаѣ одинъ сучекъ не могъ бы сдѣлать этого. Но даже тамъ, гдѣ имѣется край, необходимы два сучка, причемъ одинъ долженъ дѣйствовать по двумъ различнымъ направленіямъ, другой по одному. Это если край безъ оборки. Съ оборкой же дѣло еще усложняется. Вотъ какія многочисленныя и серьезныя препятствія не позволяютъ допустить, чтобы хоть одинъ лоскутъ былъ вырванъ «сучками»; а насъ хотятъ увѣрить, что такимъ образомъ вырваны два лоскута. «Одинъ изъ нихъ былъ кусокъ оборки платья!» Другой—«часть подола, безъ оборки»,—иными словами, онъ вырванъ изъ середины платья, гдѣ вовсе нѣтъ краевъ! Такимъ вещамъ трудно повѣрить, но всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, не стоютъ одного поразительнаго факта: что вещи были брошены убійцами, у которыхъ,

однако, хватило предусмотрительности перетащить трупъ въ рѣку. Я, впрочемъ, вовсе не думаю отрицать, что преступленіе совершилось именно въ этой рощицѣ; я вовсе не къ тому веду рѣчь. Да и не въ этомъ суть дѣла. Намъ нужно открыть виновниковъ убійства, а не мѣсто преступленія. Все, что я говорилъ, сказано съ цѣлью, во-первыхъ, доказать нелѣпость рѣшительныхъ и необдуманныхъ утвержденій «Le Soleil», а во-вторыхъ, и самое главное, привести васъ наиболѣе естественнымъ путемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію вопроса, совершено-ли убійство шайкой негодяевъ или нѣтъ.

— Мы ограничимся простымъ упоминаніемъ о возмутительныхъ деталяхъ, обнаруженныхъ медицинскимъ осмотромъ. Замѣтимъ только, что показанія врача о числѣ негодяевъ были по справедливости осмѣяны лучшими парижскими анатомами,—какъ неправильныя и рѣшительно ни на чемъ не основанныя. Не то, чтобы дѣло не могло происходить такъ, какъ онъ утверждаетъ, но для утвержденій этихъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

— Обратимся къ «слѣдамъ борьбы». О чемъ они свидѣтельствуютъ, по мнѣнію газетъ? О шайкѣ злодѣевъ. Но не свидѣтельствуютъ-ли они скорѣе объ отсутствіи шайки? Какая могла быть борьба—настолько отчаянная и продолжительная, что отъ нея остались «слѣды» по всѣмъ направленіямъ—между слабой беззащитной дѣвушкой и шайкой негодяевъ? Нѣсколько сильныхъ рукъ схватываютъ ее,—и все кончено. Жертва не въ силахъ пошевельнуться: Имѣйте въ виду, что мои аргументы направлены главнымъ образомъ противъ предположенія, будто роща служила мѣстомъ дѣйствія нѣсколькихъ злодѣевъ. Но если мы представимъ себѣ одного негодяя, то, конечно, согласимся, и только въ этомъ случаѣ согласимся, что борьба могла быть упорной и продолжительной и оставить явственные «слѣды».

— Далѣе. Я уже говорилъ, какъ невѣроятенъ самый фактъ оставленія вещей на мѣстѣ преступленія. Почти невозможно представить себѣ, чтобы эти вещественныя доказательства злодѣйства были случайно забыты преступниками. Хватило же у нихъ присутствія духа, чтобы перетащить тѣло; а болѣе наглядное доказательство, чѣмъ трупъ (черты котораго быстро исказились бы вслѣдствіе разложенія), было брошено безъ вниманія: я разумѣю платокъ съ именемъ покойной. Если это была случайная оплошность, то не оплошность шайки. Подобная оплошность возможна только со стороны отдѣльнаго лица. Разберемъ этотъ случай. Человѣкъ совершилъ убійство. Онъ одинъ передъ трупомъ своей жертвы. Онъ въ ужасѣ смотритъ на то, что неподвижно лежитъ передъ нимъ. Бѣшенство страсти остыло, душа его полна ужасомъ. У него нѣтъ товарищей, присутствіе которыхъ придало бы ему

бодрости. Онъ наединѣ съ трупомъ. Онъ дрожитъ и теряется. Надо же, однако, что-нибудь предпринять. Онъ рѣшается стащить тѣло въ рѣку, но оставляетъ другія улики; разомъ всего не захватишь, а за вещами не трудно вернуться. Но по пути къ водѣ его ужасъ ростетъ. Звуки жизни бросаютъ его въ дрожь. Не разъ, и не два ему чудятся чьи-то шаги. Даже огни въ городѣ пугаютъ его. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, частыхъ остановокъ въ агоніи смертельнаго ужаса онъ достигаетъ берега и отдѣлывается отъ своей ужасной ноши, быть можетъ, съ помощью лодки. Но теперь,—какія сокровища въ мірѣ, какія угрозы мщенія—заставятъ его вернуться тѣмъ же ужаснымъ и опаснымъ путемъ къ рощѣ, при воспоминаніи о которой кровь стынетъ у него въ жилахъ. Онъ не возвращается, махнувъ рукой на послѣдствія. Онъ не могъ бы вернуться, если бы захотѣлъ. У него одна мысль— бѣжать безъ оглядки. Онъ отворачивается навсегда отъ ужаснаго мѣста и бѣжитъ, какъ будто за нимъ гонится мщеніе.

— Другое дѣло шайка негодяевъ. Ихъ число поддерживаетъ въ нихъ присутствіе духа—если только присутствіе духа можетъ исчезнуть у профессіональнаго негодяя (такъ какъ шайка всегда состоитъ изъ профессіональныхъ негодяевъ). Число, говорю я, не дало бы имъ растеряться, поддавшись паническому страху. Оплошность одного, другого, третьяго была бы исправлена четвертымъ. Они бы не оставили ничего за собою, потому что, благодаря своей многочисленности, могли бы унести все разомъ. Имъ не было надобности возвращаться.

— Теперь обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что изъ ея платья «была выдрана полоса шириною въ футъ, отъ оборки до таліи, обмотана три раза вокругъ послѣдней, и завязана на спинѣ въ видѣ петли. Это сдѣлано, очевидно, для того, чтобы легче было тащить тѣло. Но зачѣмъ бы понадобилось такое приспособленіе для шайки? Для трехъ-четырехъ человѣкъ гораздо легче и проще было стащить тѣло за ноги и за руки. Это приспособленіе для одного человѣка. Далѣе: «между рощей и рѣкой изгородь была сломана и на почвѣ сохранились слѣды тяжести, которую по ней тащили! Но развѣ нѣсколько человѣкъ стали бы возиться съ изгородью, когда имъ ничего не стоило перекинуть черезъ нее тѣло? Развѣ стали бы нѣсколько человѣкъ тащить такъ, чтобы оставить ясные слѣды?

— Здѣсь мы должны вернуться къ замѣчанію «Le Commercial», о которомъ я уже упоминалъ. «Изъ юбки несчастной дѣвушки,— говоритъ газета,—былъ вырванъ лоскутъ и обмотанъ вокругъ шеи, вѣроятно, для того, чтобы заглушить крики. Это было сдѣлано людьми, которые обходятся безъ носовыхъ платковъ».

— Я уже говорилъ, что записной бродяга никогда не обходится безъ носового платка. Но теперь я имѣю въ виду не это обстоятельство. Что повязка, о которой идетъ рѣчь, сдѣлана не вслѣдствіе отсутствія носового платка, доказываетъ платокъ, найденный въ рощѣ. И не для того она сдѣлана, чтобы «заглушить крики»; этого можно было достигнуть болѣе удобнымъ способомъ. Въ протоколѣ сказано, что лоскутъ «былъ свободно обмотанъ вокругъ шеи и завязанъ тугимъ узломъ». Слова не особенно ясныя, но совсѣмъ не подходящія къ заявленію «Le Commercial». Повязка, въ восемнадцать дюймовъ шириной; стало быть, хотя и кружевная, но довольно крѣпкая, въ особенности, если свернуть или сложить ее по длинѣ. А она была свернута. Мой выводъ таковъ. Одинокій убійца, пронеся тѣло на извѣстное разстояніе (съ помощью полосы, вырванной изъ платья и обмотанной вокругъ таліи) убѣдился, что тяжесть ему не по силамъ. Тогда онъ рѣшилъ волочить тѣло— слѣды показываютъ, что его дѣйствительно волочили. Для этого нужно было привязать что-нибудь въ родѣ веревки къ одной изъ конечностей. Онъ рѣшилъ лучше обвязать шею, такъ чтобы голова мѣшала соскочить повязкѣ. Безъ сомнѣнія, его первая мысль была воспользоваться лоскутомъ, обмотаннымъ вокругъ таліи, но тутъ приходилось развязывать петлю, да и лоскутъ не былъ оторванъ. Поэтому онъ рѣшилъ оторвать еще лоскутъ отъ юбки. Сдѣлавъ это, онъ обмоталъ шею и волочилъ трупъ до самой рѣки. То обстоятельство, что эта «повязка», потребовавшая лишнихъ хлопотъ и времени и не особенно удобная, была употреблена, доказываетъ справедливость моего мнѣнія: т. е., что платка въ это время не было подъ рукой, что мысль о повязкѣ явилась уже на пути между рощей и рѣкой.

— Но, скажете вы—въ показаніи г-жи Делюкъ (!) упоминается именно о шайкѣ бродягъ, находившихся по сосѣдству съ рощей во время убійства или около этого времени. Это я допускаю. Я думаю даже, что по сосѣдству съ Барьеръ дю-Руль, во время убійства или около этого времени, шаталась, по меньшей мѣрѣ, дюжина такихъ шаекъ. Но лишь одна изъ нихъ, противъ которой обращается запоздалое, правда, и подозрительное показаніе г-жи Делюкъ, напившись водки и наѣвшись пироговъ этой почтенной старушки, не потрудилась уплатить за угощеніе. Et hinc illae irae?

— Но въ чемъ же собственно состоитъ показаніе г-жи Делюкъ? Шайка сорванцовъ явилась въ трактиръ, шумѣла, пила и ѣла, ничего не заплатила, ушла въ томъ же направленіи, въ которомъ скрылись молодой человѣкъ и дѣвушка, вернулась въ сумерки и поспѣшно переправилась черезъ рѣку.

— Эта «поспѣшность», вѣроятно, казалась болѣе поспѣшною, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ г-жѣ Делюкъ, тоскливо и съ горечью вспоминавшей объ истребленныхъ закускахъ и пивѣ, за которыя, быть можетъ, она еще смутно надѣялась получить деньги. Почему, въ самомъ дѣлѣ, разъ это было уже въ сумерки, почему ее такъ поразила эта поспѣшность? Нѣтъ ничего удивительнаго, что даже шайка сорванцовъ будетъ торопиться домой, когда нужно переплыть въ лодкѣ большую рѣку, когда надвигается гроза и наступаетъ ночь.

— Я говорю наступаетъ, потому что ночь еще не наступила. Были еще только сумерки, когда неприличная поспѣшность этихъ «сорванцовъ» оскорбила скромные глаза г-жи Делюкъ. Но далѣе говорится, что г-жа Делюкъ и ея старшій сынъ «слышали крики недалеко отъ гостинницы». Когда же это случилось? «Это случилось вскорѣ послѣ наступленія темноты»,— говоритъ она. Но «вскорѣ послѣ наступленія темноты», безъ сомнѣнія, темно; а въ сумерки еще свѣтло. Очевидно, шайка сорванцовъ покинула Барьеръ дю-Руль прежде чѣмъ раздались крики, услышанные г-жей Делюкъ. И хотя въ многочисленныхъ замѣткахъ объ этомъ показаніи всѣ его данныя приводились въ томъ же порядкѣ и связи, какъ я ихъ разбиралъ,—никто изъ журналистовъ или мирмидоновъ полиціи не обратилъ вниманія на эти противорѣчія.

— Я прибавлю еще лишь одинъ аргументъ противъ предположенія о тайнѣ, но этотъ одинъ, по моему мнѣнію, неопровержимъ. Имѣя въ виду назначеніе огромной награды и обѣщаніе помилованія, нельзя и думать, чтобы въ шайкѣ низкихъ негодяевъ, и вообще въ толпѣ людей, не нашелся хоть одинъ человѣкъ, который давно бы ужь выдалъ своихъ соучастниковъ. Если не награда, такъ опасеніе быть выданнымъ побудили бы къ тому. Каждый членъ шайки выдалъ бы другихъ, чтобы не выдали его самого. Если же тайна до сихъ поръ не разоблачилась, такъ значитъ, это дѣйствительно тайна. Ужасы этого мрачнаго злодѣянія извѣстны лишь одному или двумъ людямъ и Богу.

— Подведемъ теперь итогъ скуднымъ, но несомнѣннымъ результатамъ нашего долгаго анализа. Роковое преступленіе совершено подъ кровлей г-жи Делюкъ или въ рощицѣ близь Барьеръ-дю-Руль любовникомъ, или во всякомъ случаѣ близкимъ пріятелемъ покойной. Это человѣкъ смуглый, загорѣлый. Цвѣтъ лица, петля на повязкѣ и «морской» узелъ, которымъ завязаны ленты шляпки, указываютъ въ немъ моряка. Его дружба съ покойной, дѣвушкой веселаго нрава, но честной, заставляетъ думать, что это не былъ простой матросъ. Хорошо написанныя и убѣди-

тельныя сообщенія, полученныя газетой, подтверждають это заключеніе. Обстоятельства перваго побѣга, указанные «Вѣстникомъ», наводятъ на мысль, что этотъ матросъ и «морской офицеръ», сманивавшій несчастную дѣвушку,—одно и то же лицо.

— Мой выводъ подтверждается упорнымъ отсутствіемъ этого смуглаго господина. Замѣчу, что онъ долженъ быть и смуглымъ, и загорѣлымъ,—обыкновенный загаръ не врѣзался бы такъ въ память г-жи Делюкъ и Валенса, которые, однако, запомнили только эту особенность. Но почему онъ не явился? Не убитъ-ли онъ шайкой? Въ такомъ случаѣ почему же найдены только слѣды убитой дѣвушки? Мѣсто совершенія обоихъ преступленій должно быть одно и то же. И куда дѣвался его трупъ? По всей вѣроятности, убійцы распорядились бы одинаково съ обоими тѣлами. Вы скажете, быть можетъ, что этотъ человѣкъ живъ, но не является, такъ какъ боится навлечь на себя подозрѣніе въ убійствѣ. Подобное опасеніе могло бы явиться у него теперь, когда выяснилось, что его видѣли съ Мари, но не тотчасъ послѣ убійства. Первымъ побужденіемъ невиннаго человѣка было бы сообщить все, что ему извѣстно, и помочь изобличенію негодяевъ. Эта предосторожность напрашивалась сама собою. Его видѣли съ дѣвушкой. Онъ перевезъ ее черезъ рѣку въ лодкѣ. Даже идіоту понятно, что при такихъ обстоятельствахъ лучшимъ средствомъ отклонить отъ себя подозрѣніе было бы донести на убійцъ. Невозможно себѣ представить, что бы въ это роковое воскресенье онъ и не зналъ объ убійствѣ, и не участвовалъ въ немъ. Но только при такихъ обстоятельствахъ могъ онъ не донести на злодѣевъ.

— А какими путями доберемся мы до истины? Вы убѣдитесь, что пути будутъ умножаться и становиться яснѣе по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ. Изслѣдуемъ досконально обстоятельства перваго побѣга. Разузнаемъ хорошенько о «морскомъ офицерѣ», какъ онъ поживаетъ теперь и гдѣ онъ находился во время убійства. Тщательно сравнимъ различныя сообщенія, присланныя въ вечернюю газету и приписывающія преступленіе шайкѣ. Затѣмъ также тщательно сравнимъ эти сообщенія, въ отношеніи слога и почерка, съ тѣми, которыя были посланы раньше въ утреннюю газету и такъ ретиво настаивали на виновности Меннэ. Попытаемся, путемъ передопроса, выжать изъ г-жи Делюкъ, ея дѣтей и кучера Валенса болѣе подробныя свѣдѣнія о наружности и манерахъ «смуглаго молодого человѣка». Если взяться за дѣло толково, то, безъ сомнѣнія, удастся получить отъ перечисленныхъ лицъ свѣдѣнія объ этомъ пунктѣ или о другихъ, свѣдѣнія, о которыхъ они и сами забыли, такъ какъ не придаютъ имъ значенія. Постараемся также отыскать лодку, пойманную на Сенѣ

въ понедѣльникъ двадцать третьяго іюня, и уведенную съ пристани безъ вѣдома служащихъ и безъ руля. Дѣйствуя осторожно и настойчиво, мы непремѣнно разыщемъ эту лодку, такъ какъ, вопервыхъ, есть человѣкъ, который видѣлъ ее, во-вторыхъ, руль остался въ нашихъ рукахъ. Человѣкъ, у котораго спокойно на сердцѣ, не бросилъ бы безъ вниманія руль парусной лодки. Разсмотримъ поближе этотъ пунктъ.

Объявленія о найденной лодкѣ не сдѣлано. Она забрана на пристань и уведена съ пристани тихомолкомъ, безъ всякаго шума. Но какимъ образомъ ея владѣлецъ или наниматель ухитрился узнать о ней во вторникъ утромъ, безъ всякой публикаціи, если у него нѣтъ связи съ флотомъ, заставляющей его слѣдить за самыми ничтожными происшествіями въ этой области.

— Говоря объ одинокомъ убійцѣ, тащившемъ къ берегу свою ношу, я уже замѣтилъ, что у него могла быть лодка. Понятно, что Мари Роже была брошена въ рѣку съ лодки. Убійца не рѣшился бы оставить тѣло въ мелкой водѣ прибрежья. Знаки на спинѣ и плечахъ жертвы указываютъ, что она была брошена на дно лодки. Отсутствіе тяжести свидѣтельствуетъ также въ пользу этого предположенія. Если бы тѣло было брошено съ берега, убійца привязалъ бы къ нему грузъ. Отсутствіе послѣдняго можно объяснить только оплошностью со стороны преступника, который забылъ захватить его съ собой. Взявшись за тѣло, чтобы выбросить его, онъ замѣтилъ свою оплошность, но дѣлать было нечего. Всякій рискъ казался предпочтительнѣе возвращенія на этотъ проклятый берегъ. Избавившись отъ ужаснаго груза, убійца поспѣшилъ въ городъ. Здѣсь онъ присталъ къ берегу въ какомъ-нибудь глухомъ мѣстѣ. Но лодка, — надо же было позаботиться о ней. Для этого онъ слишкомъ торопился. Мало того, привязавъ лодку къ пристани, онъ все думалъ бы, что оставляетъ за собой улику. Его естественная мысль была отдѣлаться отъ всего, что имѣетъ связь съ убійствомъ. Онъ не только самъ бѣжалъ отъ пристани, но и лодку не рѣшился оставить. Конечно, онъ оттолкнулъ лодку на произволъ судьбы. Прослѣдимъ за нимъ дальше. На утро негодяй пораженъ ужасомъ, убѣдившись, что лодка поймана и привязана къ пристани въ мѣстности, которую онъ посѣщаетъ ежедневно, быть можетъ, по обязанностямъ службы. Ночью онъ уводитъ ее, не смѣя справиться о рулѣ. Спрашивается, гдѣ эта лишенная руля лодка? Постараемся прежде всего отыскать ее. Какъ только мы увидимъ ее, нашъ успѣхъ обезпеченъ. Лодка приведетъ насъ съ быстротою, которая поразитъ насъ самихъ, къ тому, кто плавалъ на ней въ полночь рокового воскресенья. Улики начнутъ появляться одна за другой и убійца будетъ пойманъ.

(Въ силу соображеній, о которыхъ умолчимъ, но которыя будутъ понятны многимъ читателямъ, мы позволили себѣ выпустить изъ рукописи, находившейся въ нашемъ распоряженіи, описаніе деталей, послѣдовавшихъ за примѣненіемъ ключа, найденнаго Дюпеномъ и, повидимому, столь ненадежнаго. Замѣтимъ только, что розыски привели къ желанному результату, и префектъ пунктуально, хотя съ крайней неохотой, исполнилъ условія своего договора съ шевалье. Статья г. Поэ оканчивается нижеслѣдующими замѣчаніями. Изд.).

Само собою разумѣется, что я разсказывалъ о случайномъ совпаденіи—не болѣе. Свой взглядъ на этотъ предметъ я высказалъ раньше. Я лично не вѣрю въ сверхъестественное. Что Богъ и природа не одно и то же—очевидно, для всякаго мыслящаго человѣка. Что Первый, создавъ послѣднюю, можетъ контролировать или измѣнять ее по своей волѣ,—также неоспоримо. Я говорю «по своей волѣ», потому что рѣчь идетъ именно о волѣ, а не о силѣ, какъ думаютъ вслѣдствіе логической ошибки. Не въ томъ дѣло, что Богъ не можетъ измѣнить законы природы, а въ томъ, что мы оскорбляемъ Его, предполагая необходимость измѣненія. Съ самаго начала законы эти созданы такимъ образомъ, что обнимаютъ всѣ случайности, которыя только могутъ быть въ природѣ. Для Бога все—Теперь.

Повторяю, я говорилъ только о случайномъ совпаденіи. Далѣе: изъ моего разсказа ясно, что между судьбой несчастной Мэри Сесиліи Роджерсъ, насколько эта судьба выяснилась, и участью Мари Роже до извѣстнаго момента въ ея исторіи, существуетъ анологія, которую умъ затрудняется объяснить. Все это ясно. Но не слѣдуетъ думать, что, продолжая грустную исторію Мари отъ указаннаго момента и прослѣдивъ тайну до ея dénouement, я желалъ распространить эту параллель или даже внушить мысль, будто мѣры, принятыя въ Парижѣ для розысканія убійцы, привели бы къ такому же результату и въ другомъ случаѣ.

Въ отношеніи послѣдняго пункта необходимо имѣть въ виду, что самое пустое различіе въ обстоятельствахъ двухъ случаевъ можетъ привести къ величайшимъ ошибкамъ въ разсчетѣ, давъ иное направленіе всей вереницѣ событій, какъ въ ариѳметикѣ, ошибка, сама по себѣ ничтожная, приводитъ, умножаясь, въ цѣломъ ряду дѣйствій, къ огромной разницѣ въ итогѣ. Что касается перваго предположенія, то сама теорія вѣроятностей, на которой я основывался, исключаетъ всякую мысль о распространеніи этой аналогіи,—исключаетъ тѣмъ рѣшительнѣе и строже, чѣмъ точнѣе и ближе аналогія до извѣстнаго пункта. Это одно изъ тѣхъ аномальныхъ положеній, которыя, повидимому, не

имѣютъ ничего общаго съ строгимъ математическимъ методомъ мышленія, и которыя, однако, только математикъ можетъ оцѣнить вполнѣ правильно. Крайне трудно убѣдить обыкновеннаго читателя въ томъ, что если, напр., игрокъ въ кости два раза подъ-рядъ поймалъ двѣнадцать очковъ, то въ третій разъ почти навѣрное не поймаетъ. Умъ не примиряется съ подобнымъ выводомъ. Ему кажется, что первые два случая, которые принадлежатъ уже безусловно прошлому, не могутъ имѣть никакого вліянія на случай, которому предстоитъ совершиться въ будущемъ. Шансы поймать двѣнадцать очковъ представляются ему такими же, какъ въ обыкновенное время. И это кажется настолько очевиднымъ, что попытки доказать противное, встрѣчаются большею частью насмѣшливой улыбкой. Я не могу разбирать эту ошибку въ предѣлахъ моей статьи; впрочемъ, для философскаго ума этотъ разборъ и не нуженъ. Довольно сказать, что она образуетъ одну изъ безконечныхъ вереницъ ошибокъ, возникающихъ на пути Разума, вслѣдствіе его склонности искать истину въ деталяхъ.

Украденное письмо.

Nil sapientiae odiosius acumine nimio.

Seneca.

Въ Парижѣ, въ темный и бурный вечеръ, осенью 18** г., я услаждалъ свою душу размышленіями и трубкой въ обществѣ моего друга С. Огюста Дюпенъ въ его крошечной библіотекѣ или каморкѣ съ книгами au troisième № 33, Rue Donot, Faubourg St. Germain. Битый часъ мы хранили глубокое молчаніе, всецѣло погруженные—такъ, по крайней мѣрѣ, показалось бы постороннему наблюдателю—въ созерцаніе струекъ дыма, отравлявшаго атмосферу комнаты. Но, я съ своей стороны, думалъ о двухъ давнишнихъ событіяхъ, служившихъ темой нашего разговора въ началѣ вечера: происшествіи въ улицѣ Моргъ и тайнѣ, связанной съ убійствомъ Мари Роже. Поэтому я былъ до нѣкоторой степени пораженъ страннымъ совпаденіемъ, когда дверь отворилась и вошелъ М-г Г**, префектъ парижской полиціи.

Мы встрѣтили его очень привѣтливо, потому что этотъ господинъ былъ почти столь же забавенъ, какъ низокъ,—и мы не видали его уже нѣсколько лѣтъ. Мы сидѣли въ темнотѣ, и Дюпенъ уже привсталъ было, желая зажечь лампу, но снова усѣлся, когда гость объявилъ, что его привело сюда желаніе посовѣтоваться съ нами, или точнѣе съ моимъ другомъ насчетъ одного происшествія, надѣлавшаго немало тревоги.

— Это, вѣроятно, потребуетъ размышленія,—сказалъ Дюпенъ, —намъ, пожалуй, удобнѣе будетъ обсуждать дѣло въ темнотѣ.

— Это тоже одна изъ вашихъ курьезныхъ привычекъ,—замѣтилъ префектъ, называвшій курьезнымъ все, что превышало мѣру его пониманія и потому жившій среди легіона «курьезовъ».

— Именно,—отвѣчалъ Дюпенъ, предлагая гостю трубку и подвигая къ нему покойное кресло.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ я.—Неужели опять убійство, надѣюсь—нѣтъ.

— О, нѣтъ, дѣло совсѣмъ иного рода. Дѣло очень простое; я думаю, мы и сами съ нимъ справимся; но Дюпену, вѣроятно, будетъ интересно узнать его подробности:—происшествіе крайне курьезное.

— Простое и курьезное,—сказалъ Дюпенъ.

— Ну, да; и вмѣстѣ съ тѣмъ ни то, ни другое. Въ томъ-то и странность, что дѣло простое, а сбиваетъ насъ съ толку.

— Можетъ быть, именно своей простотой оно и сбиваетъ васъ съ толку,—замѣтилъ мой другъ.

— Что за вздоръ вы несете,—возразилъ префектъ, разсмѣявшись.

— Можетъ быть, тайна слишкомъ ясна,—прибавилъ Дюпенъ.

— О, Господи! что за мысль!

— Слишкомъ легко разъясняется.

— Ха! ха! ха!—ха! ха! ха!—хо! хо! хо!—загрохоталъ гость,—ну, Дюпенъ, вы меня просто уморите.

— Но въ чемъ же, наконецъ, дѣло?—снова спросилъ я.

— Вотъ я вамъ разскажу,—отвѣчалъ префектъ, тяжко отдуваясь и откидываясь на спинку кресла.—Разскажу въ немногихъ словахъ, но долженъ предупредить васъ, что это дѣло требуетъ строжайшей тайны, и я, вѣроятно, потеряю мѣсто, если узнаютъ, что я сообщилъ эту тайну другимъ.

— Продолжайте,—сказалъ я.

— Или нѣтъ,—замѣтилъ Дюпенъ.

— Ну, вотъ: я получилъ извѣщеніе отъ одного высокопоставленнаго лица, что изъ королевскихъ аппартаментовъ украденъ крайне важный документъ. Лицо, укравшее его, извѣстно; тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній; видѣли, какъ оно брало документъ. Извѣстно также, что документъ до сихъ поръ остается въ его рукахъ.

— Почему это извѣстно?—спросилъ Дюпенъ.

— Это ясно по самой природѣ документа,—отвѣчалъ префектъ,—и потому, что до сихъ поръ не обнаружились послѣдствія, кото-

рыя должны обнаружиться, когда документъ не будетъ больше въ рукахъ вора, т. е. когда воръ употребитъ его для той цѣли, для которой укралъ.

— Нельзя-ли немножко яснѣе,—сказалъ я.

— Хорошо, я скажу, если такъ, что бумага дастъ своему обладателю извѣстную власть въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ эта власть имѣетъ огромную силу.—Префектъ любилъ дипломатическіе обороты рѣчи.

— Я все-таки ничего не понимаю,—замѣтилъ Дюпенъ.

— Нѣтъ? Хорошо, предъявленіе этого документа третьему лицу, котораго я не стану называть, затронетъ честь одной очень высокопоставленной особы; вотъ что дастъ владѣльцу документа власть надъ этой знатной особой, спокойствіе и честь которой, такимъ образомъ, подвергаются опасности.

— Но, — замѣтилъ я,—вѣдь эта власть зависитъ отъ того, извѣстно-ли похитителю, что обокраденная имъ особа знаетъ, кто укралъ письмо. Кто жъ бы осмѣлился...

— Воръ,—перебилъ префектъ,—министръ Д., человѣкъ, который осмѣлится на все, достойное и недостойное. Самый способъ воровства такъ же дерзокъ, какъ остроуменъ. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь (письмо, если ужь говорить откровенно), полученъ обворованной особой, когда она находилась одна въ королевскомъ будуарѣ. Во время чтенія она была захвачена въ расплохъ появленіемъ другой знатной особы,—именно той, отъ которой слѣдовало скрыть письмо. Не успѣвъ въ торопяхъ сунуть его въ ящикъ, она должна была оставить письмо на столѣ. Впрочемъ, листокъ былъ положенъ адресомъ вверхъ, а исписанной стороной внизъ, такъ что могъ остаться незамѣченнымъ. Въ эту минуту входитъ министръ Д. Его рысьи глаза мигомъ замѣчаютъ листокъ, узнаютъ почеркъ на адресѣ, видятъ смущеніе особы и угадываютъ тайну. Поговоривъ о дѣлахъ, съ своей обычной торопливой манерой, онъ достаетъ изъ кармана письмо, похожее на то, о которомъ идетъ рѣчь; развертываетъ его, дѣлаетъ видъ, что читаетъ, потомъ кладетъ на столъ рядомъ съ первымъ. Затѣмъ продолжаетъ разговоръ о государственныхъ дѣлахъ. Наконецъ, черезъ четверть часа, уходитъ, захвативъ письмо, вовсе не ему адресованное. Особа, которой принадлежало письмо, не могла остановить вора въ присутствіи третьяго лица. Министръ отретировался, оставивъ свое письмо, самаго пустого содержанія, на столѣ.

— Итакъ, — сказалъ Дюпенъ, обращаясь ко мнѣ,—условія именно таковы, какія нужны, по вашему мнѣнію, для того, чтобы власть была дѣйствительной: вору извѣстно, что потерпѣвшій знаетъ, кто воръ.

— Да,—подтвердилъ префектъ,—и вотъ уже нѣсколько мѣся-

цевъ, какъ воръ пользуется этой властью для осуществленія своихъ крайне опасныхъ политическихъ замысловъ. Обворованная особа съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждается въ необходимости вернуть письмо. Но этого нельзя сдѣлать открыто. Въ концѣ концовъ, доведенная до отчаянія, она поручила все дѣло мнѣ.

— Полагаю,—замѣтилъ Дюпенъ, скрываясь въ облакахъ дыма,—что болѣе проницательнаго агента нельзя и желать, ни даже вообразить.

— Вы льстите мнѣ, — возразилъ префектъ,—но весьма возможно, что многіе выскажутъ подобное же мнѣніе.

— Какъ вы сами замѣтили,—сказалъ я,—письмо, очевидно, въ рукахъ министра, такъ какъ именно это, а не употребленіе письма, даетъ ему власть; разъ оно пущено въ ходъ, власть исчезаетъ.

— Именно,—сказалъ префектъ,—я и дѣйствовалъ на основаніи этого убѣжденія. Прежде всего, я рѣшился обыскать домъ министра. Главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы произвести обыскъ безъ его вѣдома. Надо было во что бы то ни стало избѣжать опасности, грозившей въ случаѣ, если бы онъ узналъ о моихъ замыслахъ.

— Но,—сказалъ я, — вы совершенно au fait въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ. Парижская полиція не разъ уже продѣлывала такія штуки.

— О, да; оттого-то я и не отчаявался. Къ тому же и привычки этого господина были мнѣ на руку. Онъ сплошь и рядомъ не ночуетъ дома. Прислуги у него мало, спитъ она далеко отъ помѣщенія барина, и состоитъ главнымъ образомъ изъ неаполитанцевъ, которыхъ ничего не стоитъ напоить. Какъ вамъ извѣстно, у меня есть ключи, съ помощью которыхъ можно отворить любую дверь въ Парижѣ. И вотъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, почти каждую ночь, я самолично обыскиваю квартиру Д. Моя честь затронута; сверхъ того, говорю это подъ секретомъ, награда назначена огромная. Итакъ, я искалъ безъ устали, пока не убѣдился, что воръ еще хитрѣе, чѣмъ я. Думаю, что я изслѣдовалъ каждый уголокъ, каждую щель, въ которой могло бы быть запрятано письмо.

— Но развѣ нельзя себѣ представить—замѣтилъ я,—что письмо, хотя и находится въ рукахъ министра, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, спрятано внѣ его квартиры?

— Врядъ-ли это возможно,—сказалъ Дюпенъ.—Запутанное положеніе дѣлъ при Дворѣ, а въ особенности интриги, въ которыхъ замѣшанъ Д., требуютъ, чтобы документъ всегда находился подъ руками, чтобы его можно было пустить въ ходъ въ каждую данную минуту. Это обстоятельство столь же важно, какъ самое обладаніе документомъ.

— Возможность пустить его въ ходъ?—спросилъ я.

— Вѣрнѣе сказать—уничтожить,—отвѣчалъ Дюпенъ.

— Да,—замѣтилъ я,—въ такомъ случаѣ письмо, очевидно, въ его квартирѣ. При немъ оно не можетъ находиться,—объ этомъ и говорить нечего.

— Разумѣется,—подтвердилъ префектъ.—Мои агенты, подъ видомъ мазуриковъ, два раза нападали на него и обыскивали на моихъ глазахъ.

— Напрасно вы безпокоились, — замѣтилъ Дюпенъ,—Д. не совсѣмъ же полоумный, и, безъ сомнѣнія, ожидалъ подобныхъ нападеній.

— Не совсѣмъ полоумный,—возразилъ префектъ,—но вѣдь онъ поэтъ, стало быть, не далеко ушелъ отъ полоумнаго.

— Такъ,—сказалъ Дюпенъ, задумчиво выпуская клубъ дыма,—хотя я тоже согрѣшилъ однажды виршами.

— Не можете-ли вы,—спросилъ я,—разсказать подробнѣе объ обыскѣ?

— Видите-ли, времени у насъ было довольно, и мы искали вездѣ. Я вѣдь собаку съѣлъ въ этихъ дѣлахъ. Я обыскалъ весь домъ, комната за комнатой, посвятивъ не менѣе недѣли на каждую. Мы начинали съ осмотра мебели. Отворили всѣ ящики,—вы, я думаю, сами понимаете, что для хорошаго сыщика нѣтъ секретныхъ ящиковъ. Олухъ, а не сыщикъ, тотъ, отъ кого ускользнетъ при обыскѣ «секретный» ящикъ. Это такая простая вещь. Въ каждомъ письменномъ столѣ представляется для осмотра извѣстный объемъ—извѣстное пространство. У насъ есть на этотъ счетъ опредѣленныя правила. Пятая часть линіи не ускользнетъ отъ осмотра. Обыскавъ ящики, мы принялись за кресла. Подушки были изслѣдованы длинными тонкими иголками, съ употребленіемъ которыхъ вы знакомы. Со столовъ мы снимали доски.

— Зачѣмъ?

— Случается, что, желая спрятать вещь, снимаютъ доску со стола или другой подобной мебели, выдалбливаютъ въ ножкѣ углубленіе, прячутъ туда вещь и помѣщаютъ доску на старое мѣсто. Для той же цѣли служатъ иногда ножки кроватей.

— А развѣ нельзя узнать о пустотѣ по звуку?—спросилъ я.

— Никоимъ образомъ, если только дыра заполнена ватой. Къ тому же, намъ приходилось дѣйствовать безъ шума.

— Однако, не могли же вы снять—не могли вы разломать всѣ вещи, въ которыхъ письмо могло быть скрыто такимъ способомъ. Письмо можно свернуть въ спиральную трубочку не больше вязальной иглы и спрятать... ну, хоть въ рѣзьбѣ стула. Не могли же вы разбирать по кусочкамъ всѣ стулья.

— Разумѣется, нѣтъ; но мы сдѣлали лучше—мы осмотрѣли всѣ стулья, всю мебель, каждую палочку, каждую отдѣльную планку съ помощью сильной лупы. Малѣйшіе слѣды недавней работы не ускользнули бы отъ насъ. Частица опилокъ отъ бурава бросилась бы въ глаза, какъ яблоко. Ничтожная царапинка, трещинка въ мѣстахъ соединенія планокъ—заставила бы насъ взломать вещь.

— Полагаю, что вы осмотрѣли зеркала между рамами и стекломъ, обыскали постели, постельное бѣлье, ковры, шторы.

— Само собой; а осмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ вещи, принялись за самый домъ. Мы раздѣлили его на участки, занумеровали ихъ, чтобы не пропустить ни одного, и осмотрѣли такимъ же порядкомъ, въ лупу, каждый квадратный дюймъ этого и двухъ сосѣднихъ домовъ.

— Двухъ сосѣднихъ домовъ,—воскликнулъ я,—однако же, пришлось вамъ повозиться!

— Да, но и награда обѣщана колоссальная!

— А землю вокругъ домовъ тоже осмотрѣли?

— Она вымощена кирпичемъ. Осмотръ не представлялъ особенныхъ затрудненій. Мы изслѣдовали мохъ между кирпичами, и убѣдились, что онъ не тронутъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, осмотрѣли также бумаги и библіотеку Д.

— Конечно; мы осмотрѣли каждый портфель, каждую папку; каждую книгу перелистовали съ начала до конца, а не ограничились однимъ встряхиваніемъ, какъ дѣлаетъ иногда полиція. Измѣряли толщину переплетовъ и осматривали ихъ въ лупу самымъ тщательнымъ образомъ. Если бы что-нибудь было запрятано въ переплетѣ, мы бы не могли не замѣтить этого. Нѣкоторыя изъ книгъ, только что полученныя отъ переплетчика, были осторожно изслѣдованы тонкими иголками.

— Вы изслѣдовали полы подъ коврами?

— Безъ сомнѣнія. Мы снимали ковры и осматривали доски въ лупу.

— Обои?

— Тоже.

— Вы заглянули въ подвалы?

— Какъ же.

— Ну,—сказалъ я,—значитъ вы ошиблись; письмо не спрятано въ квартирѣ.

— Боюсь, что вы правы,—отвѣчалъ префектъ.—Что же вы мнѣ посовѣтуете, Дюпенъ?

— Возобновить обыскъ.

— Это совершенно безполезно,—возразилъ префектъ.—Я головой поручусь, что письма нѣтъ въ квартирѣ.

— Лучшаго совѣта я вамъ не могу дать,—сказалъ Дюпенъ.— У васъ, конечно, есть точное описаніе письма?

— О, да!—тутъ префектъ досталъ изъ кармана записную книжку и прочелъ подробнѣйшее описаніе внутренняго и особенно внѣшняго вида пропавшаго документа. Вскорѣ послѣ этого онъ ушелъ въ такомъ угнетенномъ состояніи духа, въ какомъ я еще никогда не видалъ этого господина.

Мѣсяцъ спустя, онъ нанесъ намъ вторичный визитъ и засталъ насъ за прежнимъ занятіемъ. Усѣвшись на кресло и закуривъ трубку, онъ началъ болтать о томъ, о семъ. Наконецъ, я спросилъ:

— Какъ же насчетъ письма, любезный Г?.. Я думаю, вы убѣдились, что накрыть этого министра не легко?

— Да, чортъ его дери! Я еще разъ произвелъ обыскъ, но какъ и ожидалъ—безъ успѣха.

— Какъ велика награда?—спросилъ Дюпенъ.

— Огромная—очень щедрая награда—точной суммы не назову; но скажу одно: я лично выдалъ бы чекъ на пятьдесятъ тысячъ франковъ тому, кто доставитъ мнѣ это письмо. Дѣло въ томъ, что необходимость вернуть письмо съ каждымъ днемъ чувствуется все сильнѣе и сильнѣе. На-дняхъ награда удвоена. Но будь она утроена, я не могу сдѣлать больше того, что сдѣлалъ.

— Ну, знаете,—протянулъ Дюпенъ, попыхивая трубкой,—я думаю... мнѣ кажется, Г... вы еще не все сдѣлали, не все испытали. Вы могли бы сдѣлать больше, думается мнѣ, а?

— Какъ?—какимъ образомъ?

— Видите-ли—пуффъ, пуффъ—вы могли бы—пуффъ, пуффъ—посовѣтоваться кое съ кѣмъ, а?—пуффъ, пуффъ, пуффъ. Помните анекдотъ объ Абернети.

— Нѣтъ; чортъ съ нимъ, съ Абернети!

— Разумѣется!—чортъ съ нимъ совсѣмъ! Но одинъ богатый скряга вздумалъ какъ-то вытянуть отъ Абернети медицинскій совѣтъ. Вступивъ съ нимъ для этого въ разговоръ, гдѣ-то на вечерѣ, онъ описалъ свою болѣзнь подъ видомъ болѣзни вымышленнаго лица.

— Вотъ какіе симптомы,—сказалъ онъ въ заключеніе,—что бы вы ему посовѣтовали, докторъ?

— Что бы я посовѣтовалъ? — отвѣчалъ Абернети. — Пригласить врача.

— Но,—сказалъ префектъ, слегка покраснѣвъ,—я готовъ заплатить за совѣтъ. Я дѣйствительно дамъ пятьдесятъ тысячъ франковъ тому, кто поможетъ мнѣ найти письмо.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Дюпенъ, отодвигая ящикъ письменнаго стола и доставая чековую книжку, — вы можете сей-

часъ же написать чекъ. Какъ только онъ будетъ готовъ, я вручу вамъ письмо.

Я остолбенѣлъ. Префектъ былъ точно громомъ пораженъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ оставался нѣмъ и недвижимъ, разинувъ ротъ, выпучивъ глаза и недовѣрчиво уставившись на моего друга; потомъ, опомнившись, схватилъ перо и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и изумленныхъ взглядовъ, написалъ чекъ и протянулъ его черезъ столъ Дюпену. Послѣдній внимательно пробѣжалъ чекъ, спряталъ его въ записную книжку, затѣмъ открылъ escritoire, досталъ письмо и подалъ префекту. Полицейскій схватилъ его внѣ себя отъ радости, развернулъ дрожащими руками, пробѣжалъ и ринувшись, какъ сумасшедшій къ дверямъ, исчезъ, не сказавъ ни единаго слова съ той минуты, какъ Дюпенъ предложилъ ему подписать чекъ.

Когда онъ ушелъ, мой другъ приступилъ къ объясненіямъ.

— Парижская полиція,—сказалъ онъ,—превосходная полиція въ своемъ родѣ. Она настойчива, изобрѣтательна, хитра и знаетъ свое дѣло до тонкости. Когда Г. описалъ мнѣ обыскъ въ домѣ министра, я ни минуты не сомнѣвался, что изслѣдованіе было произведено безукоризненно—для такого рода изслѣдованій.

— Для такого рода изслѣдованій?

— Да. Принятыя имъ мѣры были не только лучшія въ своемъ родѣ, но и исполнены въ совершенствѣ. Если бы письмо было спрятано въ районѣ ихъ изслѣдованій, эти молодцы, безъ сомнѣнія, нашли бы его.

Я засмѣялся, но онъ, повидимому, говорилъ совершенно серьезно.

— Итакъ,—продолжалъ онъ,—мѣры были хороши въ своемъ родѣ, исполненіе тоже не оставляло желать ничего лучшаго; бѣда въ томъ, что онѣ не подходили къ данному случаю и данному лицу. Существуетъ группа очень остроумныхъ пріемовъ, родъ Прокрустова ложа, къ которому префектъ прилаживаетъ всѣ свои планы. Но онъ рѣдко попадаетъ въ точку—въ этомъ его вѣчная ошибка;—онъ или слишкомъ глубокъ, или слишкомъ мелокъ для даннаго дѣла, такъ что сплошь и рядомъ его перещеголялъ бы любой школьникъ.

— Я зналъ одного восьмилѣтняго мальчика, который изумлялъ всѣхъ своимъ искусствомъ играть въ «четъ и нечетъ». Игра очень простая: одинъ изъ играющихъ зажимаетъ въ рукѣ нѣсколько шариковъ, другой долженъ угадать, четное число или нечетное. Если угадаетъ—получитъ одинъ шарикъ, если нѣтъ,—долженъ отдать шарикъ противнику. Мальчикъ, о которомъ я говорю, обыгрывалъ всѣхъ въ школѣ. Разумѣется, у него былъ извѣстный методъ игры, основанный на простой наблюдательности и оцѣнкѣ степени остро-

умія партнеровъ. Напр., играетъ съ нимъ какой-нибудь простофиля, зажимаетъ въ рукѣ шарики и спрашиваетъ: «четъ или нечетъ»? Нашъ игрокъ отвѣчаетъ «нечетъ» и проигрываетъ, но въ слѣдующій разъ выигрываетъ, разсуждая такъ: «простофиля взялъ четное число въ первый разъ, хитрости у него какъ разъ настолько, чтобы играть теперь нечетъ,—поэтому я долженъ сказать нечетъ». Онъ говоритъ нечетъ и выигрываетъ. Имѣя дѣло съ партнеромъ немного поумнѣе, онъ разсуждалъ такъ: «въ первый разъ я сказалъ нечетъ; помня это, онъ будетъ разсчитывать (какъ и первый), что въ слѣдующій разъ я скажу четъ, что, стало быть, ему слѣдуетъ играть нечетъ. Но онъ тотчасъ сообразитъ, что это слишкомъ немудреная хитрость, и рѣшится сыграть четъ. Скажу же «четъ»— говоритъ четъ и выигрываетъ. Въ чемъ же въ концѣ концовъ суть игры этого школьника, котораго товарищи называли «счастливымъ»?

— Это просто отождествленіе интеллекта разсуждающаго игрока съ интеллектомъ противника,—сказалъ я.

— Именно,—отвѣчалъ Дюпенъ,—и когда я спрашивалъ мальчика, какимъ образомъ онъ достигаетъ полнаго отождествленія, отъ котораго зависитъ его успѣхъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:—«Когда я хочу узнать, насколько мой противникъ уменъ или глупъ, добръ или золъ, и какія у него мысли, я стараюсь придать своему лицу такое же выраженіе, какъ у него и замѣчаю, какія мысли или чувства являются у меня какъ будто въ соотвѣтствіи съ этимъ выраженіемъ». Въ этомъ отвѣтѣ школьника больше истинной мудрости, чѣмъ въ кажущейся глубинѣ Ларошфуко, Лабрюйера, Макіавелли и Кампанеллы.

— А отождествленіе своего интеллекта съ чужимъ зависитъ, если я правильно понялъ васъ, отъ точности оцѣнки интеллекта противника.

— Въ своемъ практическомъ примѣненіи да,—отвѣчалъ Дюпенъ.—Префектъ и его братія ошибаются такъ часто, во-первыхъ, за отсутствіемъ отождествленія, во-вторыхъ, потому, что неточно оцѣниваютъ или вовсе не оцѣниваютъ тотъ интеллектъ, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло. Они принимаютъ въ разсчетъ только **свои** понятія о хитрости и, розыскивая что-нибудь скрытое, имѣютъ въ виду лишь тѣ способы, которые были бы примѣнены **ими самими**, если бы имъ вздумалось что-нибудь скрыть. Отчасти они правы,—ихъ изобрѣтательность вѣрное изображеніе изобрѣтательности **массы**; зато человѣкъ, изобрѣтательный на другой ладъ, проведетъ ихъ навѣрняка. Это всегда случается, если онъ выше ихъ, и нерѣдко—если онъ ниже. Они не измѣняютъ принципа своихъ розысканій и въ случаяхъ особенной важности или экстраординарной награды только усиливаютъ, доводятъ до

крайности свои обычные пріемы, не отступая отъ принципа. Вотъ, напр., случай съ г. Д.; отступили-ли они хоть на іоту отъ своего принципа? Что такое всѣ эти ощупыванія, обшариванія, зондированія, изслѣдованія посредствомъ лупы, раздѣленіе поверхности на квадратные дюймы, что это такое, какъ не доведенное до крайности приложеніе принципа или принциповъ изслѣдованія, основаннаго на томъ понятіи о человѣческой изобрѣтательности, къ которому пріучила префекта рутина его долгой практики? Вы видите, онъ увѣренъ, что всякій спрячетъ письмо—если не въ ножкѣ стула или кровати, то во всякомъ случаѣ въ какой-нибудь незамѣтной щелкѣ, скважинѣ, слѣдуя тому же направленію мысли, которое побуждаетъ просверливать дыру въ ножкѣ стола. Вы понимаете, что такіе особенные способы сохраненія примѣняются только въ обыкновенныхъ случаяхъ людьми обыкновеннаго ума, такъ какъ этотъ особенный способъ прежде всего придетъ на умъ, когда вамъ нужно спрятать вещь. Въ такомъ случаѣ ея открытіе зависитъ не отъ проницательности, а отъ простого усердія, терпѣнія и настойчивости, а въ этихъ качествахъ никогда не будетъ недостатка, если дѣло представляетъ большую важность или, что одно и тоже въ глазахъ полиціи, обѣщаетъ хорошее вознагражденіе. Теперь для васъ ясенъ смыслъ моего замѣчанія, что если бы письмо находилось въ районѣ поисковъ префекта или, иными словами, если бы воръ руководился тѣмъ же принципомъ, что и префектъ, то оно, безъ сомнѣнія, было бы найдено. Однако же, префектъ остался въ дуракахъ. Основной источникъ его ошибки въ томъ, что онъ считаетъ министра полоумнымъ, зная, что онъ поэтъ. Всѣ полоумные—поэты, это нашъ префектъ чувствуетъ,—онъ только нарушилъ правило non distributio medio, сдѣлавъ обратный выводъ: всѣ поэты полоумные.

— Но развѣ онъ поэтъ?—спросилъ я.—Ихъ вѣдь двое братьевъ и оба пріобрѣли имя въ литературѣ. Министръ, кажется, написалъ ученый трактатъ о дифференціальномъ исчисленіи. Онъ математикъ, а не поэтъ.

— Вы ошибаетесь; я знаю его хорошо; онъ и то и другое. Какъ поэтъ и математикъ онъ разсуждалъ здраво; будь онъ только математикъ, такъ не разсуждалъ бы вовсе и попался бы въ лапы префекта.

— Вы удивляете меня,—сказалъ я,—ваше мнѣніе противорѣчитъ голосу міра. Или вы ни во что не ставите вѣками установившіяся воззрѣнія. Математическій умъ издавна считается умомъ par excellence.

— Il y a à parier,—возразилъ Дюпенъ, цитируя Шамфора,—que toute idée publique, toute convention reçue est une sottise, car elle

a convenu au plus grand nombre. Правда, математики сдѣлали все возможное для распространенія ошибочнаго взгляда, о которомъ вы упомянули и который остается ошибочнымъ, хотя и прослылъ за истину. Напримѣръ, съ искусствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, они примѣнили терминъ анализъ къ алгебрѣ. Французы—виновники этого недоразумѣнія; но если терминъ имѣетъ какое-либо значеніе, если слова важны, поскольку у нихъ есть опредѣленное значеніе, то «анализъ» также относится къ «алгебрѣ», какъ, напримѣръ, латинское «ambitus» къ «амбиціи», «religio» къ «религіи» или «homines honesti» къ «порядочнымъ людямъ».

— Вы наживете ссору съ парижскими алгебраистами,—замѣтилъ я,—но продолжайте.

— Я оспариваю правильность выводовъ и, слѣдовательно, достоинства ума, воспитавшагося на какомъ угодно методѣ, кромѣ абстрактно логическаго. Я оспариваю въ особенности достоинства ума, воспитавшагося на математикѣ. Математика—наука о формѣ и количествѣ; математическія доказательства—простое приложеніе логики къ наблюденію надъ формой и количествомъ. Даже истины такъ называемой чистой алгебры только въ силу грубаго заблужденія считаются отвлеченными или общими истинами. Ошибка до того грубая, что я удивляюсь, какъ могла она сдѣлаться общепринятымъ убѣжденіемъ. Математическія аксіомы «не» всеобщія аксіомы. То, что справедливо въ примѣненіи къ отношеніямъ формы и количества, часто оказывается вздоромъ въ примѣненіи, напримѣръ, къ моральнымъ истинамъ. Въ этой послѣдней области положеніе: «сумма частей равна цѣлому» въ большинствѣ случаевъ оказывается «не» вѣрнымъ. Въ химіи эта аксіома тоже не примѣняется. Въ отношеніи мотивовъ она не оправдывается, потому что два мотива извѣстной силы, соединяясь, вовсе не производятъ дѣйствія, равнаго суммѣ этихъ двухъ силъ. И много другихъ математическихъ истинъ—истины лишь въ предѣлахъ отношеній. Но математики привыкли судить обо всемъ съ точки зрѣнія своихъ точныхъ истинъ, какъ будто онѣ имѣютъ безусловно всеобщее приложеніе; впрочемъ, и міръ считаетъ ихъ такими. Брэйантъ въ своей ученой «Миѳологіи» указываетъ аналогичный источникъ ошибокъ, говоря, что «хотя мы и не вѣримъ языческимъ баснямъ, но часто забываемся и относимся къ нимъ такъ, какъ будто бы онѣ были реальнымъ фактомъ». Математики — тоже язычники — вѣруютъ въ «языческія басни» и ссылаются на нихъ не вслѣдствіе забывчивости, а въ силу какого-то необъяснимаго помраченія мозговъ. Я еще не встрѣчалъ математика, которому можно было довѣрять внѣ области квадратныхъ корней и который не вѣровалъ бы втайнѣ, что $x^2 + px$ безусловно и при всякихъ обстоятельствахъ

равно q. Скажите, ради опыта, какому-нибудь изъ этихъ господъ, что, по вашему мнѣнію, могутъ быть случаи, когда $x^2 + px$ не вполнѣ равно q, скажите, попробуйте! Но затѣмъ бѣгите безъ оглядки, не давая ему опомниться, иначе вамъ не сдобровать.

— Я къ тому веду рѣчь,—продолжалъ Дюпенъ, пока я смѣялся надъ его послѣднимъ замѣчаніемъ,—что префекту не пришлось бы выдать мнѣ чекъ, если бы Д. былъ только математикомъ. Но я зналъ, что министръ—математикъ и поэтъ; и сообразовалъ свои мѣры съ его способностями и окружающими обстоятельствами. Я зналъ его также за придворнаго и смѣлаго интригана. Такому господину,— разсуждалъ я,—безъ сомнѣнія, извѣстны обычные пріемы полиціи. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду—послѣдствія показали, что онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду—нападенія переодѣтыхъ агентовъ. Онъ долженъ былъ предвидѣть тайный обыскъ въ квартирѣ. Его частыя отлучки, въ которыхъ префектъ усмотрѣлъ такое благопріятное условіе для своихъ поисковъ, показались мнѣ хитростью: ему просто хотѣлось поскорѣе привести полицію къ убѣжденію (она и пришла къ нему, какъ вы знаете), что письма нѣтъ въ квартирѣ. Я чувствовалъ также, что рядъ мыслей, который я изложилъ передъ вами, о неизмѣнномъ принципѣ полицейскихъ пріемовъ разслѣдованія,—я чувствовалъ, что весь этотъ рядъ мыслей долженъ былъ придти въ голову министру. Это заставило его отвергнуть съ презрѣніемъ всѣ обычные закоулки, которыми пользуются для того, чтобы спрятать вещь. У него,—думалъ я,—хватитъ ума сообразить, что самый потайной и незамѣтный уголокъ въ его квартирѣ окажется такимъ же доступнымъ, какъ любая комната для глазъ, буравовъ, зондовъ, лупъ префекта. Словомъ, я видѣлъ, что онъ долженъ придти—инстинктивно или сознательно—къ самому простому способу. Вы помните, какъ хохоталъ префектъ, когда я замѣтилъ при первомъ его посѣщеніи, что тайна сбиваетъ его съ толку, быть можетъ, именно потому, что она слишкомъ ясна.

— Да,—замѣтилъ я,—помню, какъ онъ развеселился. Я боялся, что онъ лопнетъ со смѣху.

— Матеріальный міръ, — продолжалъ Дюпенъ, — изобилуетъ аналогіями съ міромъ не матеріальнымъ, что̀ придаетъ извѣстный оттѣнокъ истины положенію реторики, будто метафора или уподобленіе можетъ усилить аргументъ также, какъ украсить описаніе. Принципъ vis inertiae, напримѣръ, повидимому, одинаковъ въ физическомъ и метафизическомъ мірѣ. Какъ въ первомъ, тяжелое тѣло труднѣе привести въ движеніе, чѣмъ легкое, и его дальнѣйшій momentum пропорціоналенъ усилію, такъ во второмъ сильный интеллектъ, болѣе гибкій, болѣе настойчивый, болѣе смѣлый въ своихъ стремленіяхъ, чѣмъ дюжинный умъ, труднѣе приводится въ

движеніе и дольше колеблется и медлитъ на первыхъ шагахъ. Далѣе, замѣчали вы когда-нибудь, какія вывѣски наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе на улицахъ?

— Никогда не обращалъ на это вниманія,—замѣтилъ я.

— Существуетъ игра въ загадки на географической картѣ,— продолжалъ Дюпенъ. — Играющій долженъ угадать какое-нибудь слово—названіе города, рѣки, области, государства—на пестрой поверхности карты. Новички стараются обыкновенно затруднить своихъ противниковъ, загадывая имена, напечатанныя самымъ мелкимъ шрифтомъ, но опытный игрокъ выбираетъ слова, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ, отъ одного края карты до другого. Эти имена, какъ и вывѣски или объявленія, напечатанныя черезчуръ крупными буквами, ускользаютъ отъ наблюденія, вслѣдствіе своей крайней очевидности. Эта физическая слѣпота вполнѣ аналогична съ духовной, въ силу которой умъ пропускаетъ безъ вниманія соображенія слишкомъ наглядныя, слишкомъ осязательныя. Но это обстоятельство далеко выше или ниже пониманія префекта. Ему и въ голову не приходило, что министръ можетъ положить письмо на виду у всѣхъ именно для того, чтобы никто его не увидѣлъ.

— Но чѣмъ болѣе я думалъ о дерзкомъ, блестящемъ и тонкомъ остроуміи Д.; о безусловной необходимости для него имѣть документъ подъ рукою во всякое время; объ обыскѣ префекта, показавшемъ, какъ нельзя яснѣе, что письмо не было спрятано въ районѣ его изслѣдованій,—тѣмъ болѣе я приходилъ къ убѣжденію, что министръ выбралъ остроумный и простой способъ спрятать письмо, не пряча его вовсе.

— Съ такими мыслями я надѣлъ однажды синіе очки и отправился къ министру. Д. оказался дома: по обыкновенію онъ зѣвалъ, потягивался, слонялся изъ угла въ уголъ, точно изнывалъ отъ скуки. Онъ, быть можетъ, самый дѣятельный человѣкъ въ мірѣ, но только когда его никто не видитъ.

— Чтобы попасть ему въ тонъ, я сталъ жаловаться на слабость зрѣнія и необходимость носить очки, изъ подъ которыхъ межъ тѣмъ осторожно осматривалъ комнату, дѣлая видъ, что интересуюсь только нашимъ разговоромъ.

— Я обратилъ особенное вниманіе на большой письменный столъ, подлѣ котораго мы сидѣли; на немъ въ безпорядкѣ валялись письма и бумаги, одинъ или два музыкальныхъ инструмента и нѣсколько книгъ. Но внимательно осмотрѣвъ его, я не замѣтилъ ничего подозрительнаго.

— Наконецъ, блуждая по комнатѣ, взглядъ мой упалъ на дрянную плетеную сумочку для визитныхъ карточекъ, привѣшен-

ную на грязной голубой лентѣ къ мѣдному гвоздю надъ каминомъ. Въ сумочкѣ, состоявшей изъ трехъ или четырехъ отдѣленій, было нѣсколько карточекъ и какое-то письмо, засаленное и скомканное. Оно было надорвано почти до половины, какъ будто его хотѣли разорвать и бросить, какъ ненужную бумажонку, но потомъ раздумали. На немъ была черная печать съ вензелемъ Д., очень ясно замѣтнымъ, и адресъ, написанный мелкимъ женскимъ почеркомъ. Письмо было адресовано самому Д., министру. Оно было кое-какъ, повидимому, даже пренебрежительно засунуто въ одно изъ верхнихъ отдѣленій сумочки.

— При первомъ взглядѣ на это письмо я рѣшилъ, что его-то мнѣ и нужно. Конечно, внѣшность его совершенно не подходила подъ описаніе префекта. Тутъ печать была большая, черная съ вензелемъ Д., тамъ маленькая, красная съ гербомъ герцоговъ С. Тутъ адресъ съ именемъ Д. былъ написанъ мелкимъ, женскимъ почеркомъ; тамъ—смѣлымъ, размашистымъ и письмо адресовано королевской особѣ. Но рѣзкость этихъ различій, грязный, засаленный видъ надорваннаго письма, совершенно не вязавшійся съ настоящими, крайне методическими, привычками Д., и точно старавшійся внушить мысль о ненужности письма, все это, равно какъ и самое положеніе письма на виду у всѣхъ, вполнѣ соотвѣтствовавшее моимъ ожиданіямъ, — все это усилило подозрѣнія человѣка, уже настроеннаго въ этомъ направленіи.

— Я затянулъ свой визитъ насколько могъ и въ теченіе всего разговора съ министромъ на тему, которая, какъ мнѣ было извѣстно, всегда интересовала и возбуждала его, не сводилъ глазъ съ письма. Благодаря этому, его внѣшній видъ и положеніе въ сумочкѣ врѣзались въ мою память; сверхъ того, мнѣ удалось сдѣлать открытіе, уничтожившее мои послѣднія сомнѣнія. Разсматривая края письма, я замѣтилъ, что они смяты больше, чѣмъ нужно. Такой видъ имѣетъ бумага, если ее сложить, потомъ расправить и выгладить и снова сложить въ обратную сторону по тѣмъ же изгибамъ. Этого открытія было совершенно достаточно. Я убѣдился, что письмо было вывернуто на изнанку, какъ перчатка, снова сложено и снова запечатано. Я простился съ министромъ и ушелъ, оставивъ на столѣ золотую табакерку.

— На другой день я явился за табакеркой и мы возобновили вчерашній разговоръ. Вдругъ на улицѣ раздался выстрѣлъ, затѣмъ отчаянные крики и гвалтъ. Д. кинулся къ окну, отворилъ его и высунулся на улицу, а я подошелъ къ сумочкѣ, схватилъ письмо и сунулъ въ карманъ, положивъ на его мѣсто facsimile (по внѣшности). Я приготовилъ его заранѣе, дома, сдѣлавъ очень удачно снимокъ вензеля Д. съ помощью хлѣбнаго мякиша.

— Суматоху на улицѣ произвелъ какой-то полоумный, выстрѣливъ изъ ружья въ толпѣ женщинъ и дѣтей. Впрочемъ, выстрѣлъ былъ сдѣланъ холостымъ зарядомъ, такъ что виновника отпустили, принявъ его за помѣшаннаго или пьянаго. Когда онъ удалился, Д. отошелъ отъ окна, а я занялъ его мѣсто. Вскорѣ затѣмъ я простился и ушелъ. Мнимый помѣшанный былъ подкупленъ мною.

— Но зачѣмъ вамъ было подмѣнять письмо? — спросилъ я. — Не лучше-ли было въ первое посѣщеніе схватить его и уйти?

— Д.—возразилъ Дюпенъ,—человѣкъ, готовый на все. Въ его домѣ найдутся люди, преданные его интересамъ. Если бы я рѣшился на такую выходку, мнѣ бы, пожалуй, не выбраться живымъ изъ его дома. Мои милые парижане не услыхали бы обо мнѣ больше. Но у меня была цѣль и помимо этихъ соображеній. Вы знаете мои политическія убѣжденія. Въ этомъ происшествіи я дѣйствовалъ какъ сторонникъ дамы, у которой украдено письмо. Вотъ уже полтора года министръ держитъ ее въ рукахъ.

Теперь же онъ въ ея рукахъ, такъ какъ, не зная объ участи письма, будетъ дѣйствовать по прежнему. Такимъ образомъ, онъ собственными руками подготовитъ свое политическое крушеніе. Паденіе его будетъ такъ же стремительно, какъ и комично. Хорошо толковать о facilis descensus Averni, но я думаю, что подниматься всегда легче, чѣмъ опускаться, какъ говорила Каталани о пѣніи. Въ данномъ случаѣ я ничуть не сожалѣю о томъ, кому предстоитъ опуститься. Это monstrum horrendum, геніальный человѣкъ безъ всякихъ принциповъ. Признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось знать, что онъ подумаетъ, когда, встрѣтивъ отпоръ со стороны «нѣкоторой особы», какъ называетъ ее префектъ, достанетъ и прочтетъ мое письмо.

— Какъ? развѣ вы что-нибудь написали ему?

— Видите-ли, положить чистый листокъ бумаги было бы обидно. Однажды Д. сыгралъ со мной штуку, въ Вѣнѣ, и я тогда же сказалъ ему, очень благодушно, что буду ее помнить. Зная, что ему любопытно будетъ узнать, кто такъ поддѣлъ его, я рѣшился оставить ключъ къ разъясненію этой тайны. Онъ знаетъ мой почеркъ—и вотъ я написалъ какъ разъ на серединѣ листка:

«—Un dessein si funeste,
S'il n'est digne d'Atrée, est digne de Thyeste».

Это изъ «Atrée», Кребильона.

КОНЕЦЪ I-ГО ТОМА.

Оглавленіе.